

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Экономические и социальные перемены

№ 4 (152)
июль — август 2019

СОЦИОЛОГИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
генеральный директор ВЦИОМ, кандидат политических наук,
профессор НИУ ВШЭ

Заместитель главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2019. — № 4 (152). — 444 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Н. В. Веселкова, М. Н. Вандышев, Е. В. Прямикова*
Пешеходное интервью: структура и жанры 4
- Ю. И. Августис, А. А. Широков*
Ситуации и методы переспрашивания в телефонных опросах:
этнометодологический анализ стандартизированного интервью 22
- Д. В. Лебедев, М. Б. Богданов*
Переход с PAPI на CAPI: опыт интервьюеров и характеристики,
влияющие на их ожидания 43

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

- О. В. Шиняева, О. В. Полетаева, О. М. Слепова*
Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик
адаптации населения 68
- Ю. Ю. Белова, И. М. Фадеева*
Репрезентация практик потребления алкоголя
в виртуальных социальных сетях 86
- В. И. Корсунова, О. В. Волченко*
Использование интернета и культурное потребление в странах Европы:
сравнительный анализ 106

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Н. Е. Тихонова, А. В. Каравай*
Этноконфессиональная напряженность в российском обществе:
опыт эмпирической апробации методики измерения 130
- И. А. Григорьева, И. Л. Сизова, А. Ю. Москвина*
Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального
закона № 442 и дальнейшие перспективы 153
- О. А. Парфенова, И. С. Петухова*
Конкуренция за заботу о пожилых:
тактики социальных сервисов в новых условиях 173
- М. С. Соломин*
Когда опасности становятся рутинной: конструктивистский подход
в исследовании профессиональных рисков (на примере работников
угольных предприятий г. Новокузнецка) 187

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: июль — август 2019..... 204

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Г. А. Николаенко

В поисках сбалансированных интернет-метрик научной активности: пример Rg Score 225

О. В. Бычкова, И. К. Евсева, Р. В. Малюшкин

Международные оценки перспектив технологии блокчейн и смарт-контрактов в научно-образовательной среде: возможности и ограничения 245

Т. В. Семенова, К. А. Вилкова

Вклад характеристик участников массовых открытых онлайн-курсов (МООК) в формирование уровня удовлетворенности обучением..... 262

Н. Г. Малошонок

«Студент» или «молодой ученый»: мнения научных руководителей о предпочтительной модели аспирантской подготовки в российских университетах..... 278

О. В. Рыбакова

Профессия «социолог»: история вопроса о профессиональном стандарте..... 304

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОЛОГИИ

П. О. Ермолаева, Ю. В. Ермолаева

Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения 323

А. Р. Курбанов, В. А. Прохода

Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) 347

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

А. А. Толстикова

О причинах и векторах международной образовательной миграции. Рец. на кн.: Brooks R., Waters J. (2011) Student Mobilities, Migration and the Internationalization of Higher Education. Palgrave MacMillan, New York. 196 p.... 371

С. В. Трофимов

Увлекательное путешествие по социологии религии. Рец. на кн.: Островская Е. А. Социология религии: введение. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2018. 320 с..... 378

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. Я. Ермолаева

Социальное конструирование в цифровой медиасреде.

По материалам секции на IX Грушинской социологической конференции 387

ПРАКТИКИ ГОВОРЯТ

Ж. Т. Тощенко

Высшее образование на перепутье: куда ведут реформы

(заметки скептика) 400

Н. В. Веселкова

Фокусированное интервью в отечественной практике:

Развернутый (личный) комментарий к статье

Олега Оберемко и Натальи Терентьевой 418

IN MEMORIAM

Б. З. Докторов

Изломанный, но не сломленный. Памяти социолога Леонтия Бызова 429

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.01

Правильная ссылка на статью:

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 4—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

For citation:

Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2019) "Go-along" interview: its structure and genres. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 4—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

Н. В. Веселкова, М. Н. Вандышев, Е. В. Прямикова ПЕШЕХОДНОЕ ИНТЕРВЬЮ: СТРУКТУРА И ЖАНРЫ

ПЕШЕХОДНОЕ ИНТЕРВЬЮ: СТРУКТУРА И ЖАНРЫ

ВЕСЕЛКОВА Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра прикладной социологии, департамент политологии и социологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

ВАНДЫШЕВ Михаил Николаевич — кандидат социологических наук, доцент, кафедра прикладной социологии, департамент политологии и социологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: m.n.vandyshev@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9344-4185>

“GO-ALONG” INTERVIEW: ITS STRUCTURE AND GENRES

Natalia V. VESELKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Chair of Applied Sociology, Department of Political Science and Sociology
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

Mikhail N. VANDYSHEV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Chair of Applied Sociology, Department of Political Science and Sociology
E-MAIL: m.n.vandyshev@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9344-4185>

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

ПРЯМИКОВА Елена Викторовна — доктор социологических наук, зав. кафедрой философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: pryamikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6783-008X>

Elena V. PRYAMIKOVA² — PhD in Social Sciences, Head of Chair of Philosophy, Sociology and Cultural Studies
E-MAIL: pryamikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6783-008X>

² Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Аннотация. На материале трех исследовательских проектов анализируется опыт применения go-along интервью в открытых и закрытых пространствах. Предлагается детализированная структура маршрутов go-along: начальная точка и следующий за ней пункт, состоявшиеся и несостоявшиеся дестинации, проходные места, конечный пункт. Четыре жанра go-along выделяются на пересечении, во-первых, города-для-других и города-для-себя, во-вторых — движения outdoor и indoor, а именно: «биографическое go-along», «экскурсия по городу», «экскурсия по музею», «антиэкскурсия по музею».

Ключевые слова: маршрут интервью, пространство, город, музей, go-along

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект 18-011-00456 А «Масштабирование социальной памяти поколений в городах «старой» и «новой» индустриальности».

Abstract. Based on three different research projects the article analyzes the use of outdoor and indoor go-along interviewing. A detailed structure of go-along routes is considered (starting point and next point, completed and failed destinations, pass-by places, end point). Four genres of go-along interviews are singled out at the intersection of, firstly, the “city-for-others” and the “city-for-myself” and, secondly, outdoor and indoor movement. These genres are biographical go-along interview, city walking tour, museum tour, and museum anti-tour.

Keywords: interview route, space, city, museum, go-along

Acknowledgments. The article is financed by Russian Foundation for Basic Research (project 18-011-00456 A “Scaling generational social memory in the cities of “old” and “new” industrialism”).

Применение мобильного интервью настолько заразительно, что после него обычные «сидячие» разговоры кажутся скучноватыми, в них явно чего-то не хватает. Мы апробировали метод go-along при изучении молодых городов и вернулись к нему в текущем проекте по социальной памяти, материалы эти двух исследований, а также проекта Д. Костиной и И. Кудрявцевой «Музей: включенное наблюдение» (МВН)¹, составляют эмпирическую базу настоящей статьи. Цель статьи состоит в том, чтобы систематизировать представления о go-along интервью и внести вклад в его методологию, во-первых, через определение различий с такими близкими методами, как «следование тенью» и «биографическая прогулка», во-вторых, через обоснование различия жанров и структурных особенностей go-along.

Статья начинается с постановки проблемы — раздела, где заявлена эвристичность содержательного вовлечения пространства и движения в процесс интервью. Далее применительно к открытым и закрытым пространствам анализируется структура маршрута (начальная точка и следующий за ней пункт, состоявшиеся и несостоявшиеся дестинации, проходные места и конечный пункт). Трактовка информантами пространства как существующего скорее для-других или скорее для-себя, а также сам его характер, outdoor или indoor, положены в основание типологии жанров go-alongs, которая представлена в следующем разделе. Наконец, последний перед заключением параграф проблематизирует соотношение рассказа и показа через обсуждение эффекта расширения пространства и времени в go-alongs и выделение основных разновидностей рассогласования.

Детальное описание go-along представляет интерес для тех, кто подбирает решения для методического дизайна исследования, направленного на выявление опыта пространства изучаемых людей, будь то опыт открытого пространства какого-то поселения, закрытого пространства музея или какого-то другого заведения. Предпринятая попытка методологического осмысления go-along адресована также практикующим интервьюерам, специалистам по методу интервью и мобильных методам.

Интервью, наблюдение и движение: постановка проблемы

В обычном смысле интервью — это рассказ информанта, в какой-то степени направляемый интервьюером. Оно происходит в одном месте, особенности которого редко используются в ходе анализа данных, если соблюдены необходимые требования. К ним относят отсутствие третьих лиц, шума, других отвлекающих факторов. Все это учитывается при планировании и организации интервью, когда принимают решение, будет ли встреча проходить на территории информантов или исследователей, конкретно когда и где и т. п.

Вместе с тем взаимодействие лицом к лицу всегда включает элементы наблюдения: интервьюер следит за невербаликой собеседника, его реакцией на окружающую обстановку, а попадая на территорию информанта, сам знакомится с окружением. Целенаправленно эта информация используется только

¹ В исследовании «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» (РГНФ 13-13-66010) интервью проводились в 2013-2014 гг. в г. Качканар, Краснотурьинск, Лесной, Заречный; в текущем проекте («Масштабирование социальной памяти поколений в городах “старой” и “новой” индустриальности») — в 2018 г. в г. Серов, Верхняя Салда, Нижняя Салда; в проекте МВН — в 2017 г. в Екатеринбургском музее изобразительных искусств (ЕМИИ) [Костина, Кудрявцева, 2018] при участии одного из авторов статьи.

в некоторых видах интервью, близких к качественному полюсу (если иметь в виду континуум качественных/количественных методов). Масса обследований — от переписи населения, предвыборных опросов и до качественных исследований — проходит по месту жительства, но только немногие проекты методологически настроены на то, чтобы содержательно использовать наблюдаемую обстановку. Так, пример анализа любительского бриколажа в квартире информанта находим у Е. Рождественской: в ходе биографического интервью она обратила внимание на то, что самодельная композиция помещена в своего рода красный угол — на фоне ковра над диваном, где обычно сидит хозяин. Обрамленный в классически золотой багет, бриколаж соединяет вырезанные фото-абрисы героя разных лет, от молодого лейтенанта до фронтовика с медалями [Рождественская, 2012: 193-194]². Исследование бытования фотографии в современном городском интерьере в работе О. Бойцовой [2013], если взять еще один пример, построенное на сочетании интервью и наблюдения (вполне привычном для антропологов, но менее востребованном социологами).

В мобильных методах не только рассказ информанта, но и пространство, и движение являются полноправными элементами исследования, так что наблюдение смыкается с интервью. М. Кузенбах, автор термина «go-along», считает данный метод чем-то средним между интервью и наблюдением [Kusenbach, 2003: 463]. Близость к наблюдению заставляет некоторых специалистов [Запорожец, 2017; Kusenbach, 2017] относить к мобильным интервью даже «следование тенью» (shadowing) — метод, согласно которому исследователь в течение какого-то времени всюду следует за информантом, словно тень. У go-along и «следования тенью» как полевой работы в движении [Czarniawska, 2007; 2014] (в другой терминологии — «социологического сталкерства» [Büscher et al., 2011: 8]) действительно много общего за счет фокуса на повседневной жизнедеятельности информанта.

Однако если go-along и смыкается с shadowing, то только в тех ситуациях, когда информант направляется по своим делам, а интервьюер присоединяется к нему и просит вести рассказ, но это довольно редкий вариант. Принципиальное различие этих двух мобильных методов состоит не в больших или меньших передвижениях, как полагают Джеймс Эванс и Фил Джонс [Evans, Jones, 2011: 850], а в том, что в shadowing: а) преобладает наблюдение [Quinlan, 2008; Hall, Freeman, 2014: 563], б) «тень» сопровождает участника в процессе его собственной, а не организованной для исследователя деятельности, в) наблюдение длится существенно дольше, чем интервью (скажем, в течение всего рабочего дня, выходных и т. п.). Go-alongs же представляют собой прогулки, организованные под запрос исследователя [Веселкова и др., 2017].

Go-along будем понимать как общее название всех интервью, проводимых на ходу. На конкретный формат влияют два обстоятельства. Во-первых, способ передвижения: пешком, на автомобиле, велосипеде и т. д., — мы остановимся только на пешеходных прогулках. Во-вторых, характер пространства — открытое (outdoor)

² Это интервью было проведено в Пскове в ходе международного проекта «Принудительный и рабский труд», координировавшегося Институтом истории и биографии Университета Хаген (Германия) при поддержке Фонда «Память и будущее». См.: Hitlers Sklaven. Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich / Hrsg. A. von Plato, A. Leh, Ch. Thonfeld. Wien; Koeln; Weimar, 2008; [Рождественская, 2010]. Благодарим Е. Ю. Рождественскую за уточнения.

или закрытое (indoor). До сих пор go-alongs широко используются прежде всего outdoor, для прогулок по городу или его части, появляются публикации о go-along в (лесо)парках и других «природных» местах. Значительно реже (пока еще) этот метод применяется внутри помещений, indoor. Так, например, Б. Крайсинджер обращался к посетителям у входа в новый торговый центр и затем сопровождал добровольцев во время передвижений по торговому залу, после чего участники заполняли анкету, а исследователь делал полевые заметки [Chrisinger, 2016: 427]. В нашем текущем исследовании социальной памяти классическая уже прогулка по городу по воле информантов порой включала посещение таких заведений, как дворцы культуры, церкви и т. п.

Отдельный пул составляют go-alongs в музее. В одном случае информантами стали сотрудники музеев изучаемых городов, проводившие для нас более или менее стандартные экскурсии, в другом — посетители ЕМИИ в рамках проекта «Музей: включенное наблюдение». Задачей МВН было выяснение восприятия музея с акцентом на эмоции: участники двигались вместе с интервьюером в режиме go-along либо индивидуально, фиксируя свои впечатления (в блокноте, на диктофоне, с помощью фото- и видеосъемки) [Костина, Кудрявцева, 2018]. И если обычно в методических публикациях go-along рассматривают как «продолжение» традиционного интервью, которое на новом витке эволюции становится мобильным, то МВН показывает go-along с другой стороны — как «продолжение» прогулки, когда посетитель идет не в одиночку, а в компании с исследователем.

Анализируя свои go-alongs 2013-2014 гг., мы обнаружили определенную структуру маршрутов, а также обратили внимание на то, что рассказ может забегать вперед, отставать или вообще отрываться от показа, образуя тем самым различного рода сочетания показа и рассказа. В настоящей статье мы проверяем продуктивность данного подхода, но уже не только в открытых, но и в закрытых пространствах.

Структура маршрута

Маршруты go-alongs обладают стабильной структурой, базовую роль в которой играют следующие элементы: начальная точка и следующий за ней пункт, состоявшиеся и несостоявшиеся дестинации, проходные места, а также конечный пункт [ср.: Веселкова и др., 2016: 53-60]³.

Начальная точка (ср. у Анны Видерхольд — «opening sites» [Wiederhold, 2015: 608]) — это место, где исследователь встречается с информантом и стартует go-along. В городе этот пункт должен быть хорошим ориентиром, желательно, чтобы он был удобно расположен для обоих участников. В анализируемых проектах определение начальной точки по возможности предоставлялось информантам, и их выбор сам по себе показателен. Например, в предварительном телефонном согласовании жительница Серова сначала предложила встретиться у входа в музей, затем перезвонила и перенесла начальную точку ко Дворцу культуры

³ А. Стрельникова и А. Ваньке ограничиваются выделением двух структурных элементов маршрута: узлов (поворотных точек, связанных с остановками в движении) и путей (отрезков движения) [Стрельникова, Ваньке, 2017: 60]. Терминология узлов и путей отсылает к структуре ментальных карт К. Линча: пути, ориентиры, границы, узлы, районы [Линч, 1982]. Разработанная для «чтения» города посредством ментальных карт, эта типология представляется полезной и для анализа материалов мобильных интервью.

металлургов (ДКМ), следуя, видимо, изменившемуся плану показа, но оба места находятся в центре города и понятны для приезжих. В проекте МВН все встречи начинались в фойе, а далее интервьюер мог уточнить: «Откуда Вы хотите начать?», либо информант сам сообщал:

«На самом деле начинаю я всегда отсюда. То есть не важно, куда, зачем я прихожу в музей — на открытие, там не знаю... я все время смотрю здесь экспозицию, то есть... Каслинский зал» (Ж24-09)⁴.

Может показаться, что из любой точки, включая начальную, возможны самые разные направления движения. На деле же мы столкнулись с обескураживающим поначалу единообразием маршрутов: оказываясь в роли «гидов», горожане вполне закономерно следовали культурно предписанной логике «экскурсий». По этой причине в начале городских прогулок нередко доминирует матрица города-для-других — объективированный, почти лишенный личных обертонов рассказ и показ. У музейных работников, которые водили нас по Серову, Верхней и Нижней Салде, подобный формат сохранялся на протяжении всей прогулки, у других информантов город-для-других переплетается с городом-для-себя. В МВН (не)совпадения маршрутов авторы визуализировали с помощью прозрачных листов с нанесенными на них траекториями прогулок, взаимоналожение которых на подсвеченный план залов выявляет, в частности, самые проходимые зоны [Костина, Кудрявцева, 2018: 278].

Нередко начальная точка выполняет не только техническую функцию ориентира, но и содержательную. Так, серовчане в качестве места встречи зачастую указывали храм или площадь, где он стоит, это беспроектный ориентир и само по себе богатое для демонстрации пространство. В силу той же «экскурсионной» логики рассказ и показ в начальной точке практически всегда совпадают: информанты поясняют, где мы находимся и чем примечательно это место.

Если начальная точка может и не быть содержательной дестинацией, то второй после нее пункт — это уже непременно запланированное для показа место. Мы выделяем его среди остальных дестинаций по причине того, что оно задает направление всего дальнейшего маршрута; конвенциональный «экскурсионный» задел здесь еще не исчерпан, поэтому показ и рассказ идут согласованно. Участник исследования из Серова, организатор поисковой деятельности, после встречи на городской площади целенаправленно повел исследователя к зданию военкомата. Тематика сохранения памяти о погибших воинах предопределила содержательную канву и маршрут этого интервью:

«Один стенд, а другой, как бы сказать, стела мемориальная, она увековечивает героев Советского Союза, одновременно мемориальная доска по чернобыльцам есть и вот эта мемориальная стела по погибшим в Афганистане и Чечне. И здесь же рядом пройдем еще до... двух школ... В одной... школа носит имя героя Советского Союза, а вторая, в которой мы вот, вот этой деятельностью по мемориальным доскам, установили еще одну доску по герою России уже» (СрМ46)⁵.

⁴ Для цитат из МВН используется шифр, где буква и две первые цифры означают пол и возраст участника, две последние цифры — порядковый номер прогулки. Например, (Ж24-09) — женщина 24 лет, прогулка 9.

⁵ Легенда шифра в цитатах из «городских» проектов: первая одна или две буквы означают город (Ср — Серов, ВС — Верхняя Салда, НС — Нижняя Салда, Л — Лесной, З — Заречный), следующая буква и цифры — пол и возраст информанта. Например, (СрМ46) — мужчина из Серова 46 лет.

Дестинации — это пункты назначения, выбранные информантами для непосредственного предъявления исследователю. Среди череды таких мест может выделяться супердестинация — главное место маршрута. Так, в Заречном горожане с гордостью показывали плотину, в Верхней Салде — парк им. Гагарина и восстановленную церковь, в Серове — мемориал на месте разрушенной церкви и Загородку — исторический район близ завода. Участники МВН не могли пройти мимо Каслинского зала с его знаменитым павильоном. Однако такими супердестинациями становятся не только известные общественные места (объекты), но и биографически значимые. Например, в Верхней Салде информант весь маршрут выстроила таким образом, чтобы показать и рассказать о школе искусств, в которой в свое время училась, а затем проработала много лет. Она настояла на том, чтобы пройти внутрь здания, несмотря на каникулы и нерабочее время, попросила вахтера пропустить и включить освещение, чтобы разглядеть размещенные на стенах фотографии сотрудников и учеников. Таким образом, не только выбор информантами определенных мест, но и детализация показа задают акценты в наблюдении, которое уже не является прерогативой интервьюера, но во многом организуется информантами.

Выбор дестинаций является результатом *локальной компетенции* информанта. Городское пространство содержит множество необъявленных, как бы **спрятанных мест**, доступ к которым возможен не для каждого. Скажем, в Верхней Салде существует частный музей оружия, которым занимается бывший воин-интернационалист. Туда приходят школьники с организованными экскурсиями, но вывески у этого музея нет. Мы попали только потому, что одна из участниц, профессиональный экскурсовод, во время путешествия по городу созвонилась с руководителем этого музея (и с интересом сама там побывала вместе с нами). Вышеупомянутую серовскую супердестинацию — мемориал на остатках взорванного в 1931 г. Спасо-Преображенского собора — также можно отнести к числу спрятанных, поскольку в городе нет специальных указателей, а место находится во дворах среди гаражей. Нам рассказали, что сталинские дома целенаправленно были построены таким образом, чтобы закрывать от глаз прохожих развалины собора. В другом случае место так и осталось недоступным, поскольку поиск надписи на стене дома барачного типа, сохранившейся со времен СССР (мы долго шли и ехали на автобусе, потому что информантка (СрЖ59) считала важным показать и тем самым зафиксировать в материалах исследования именно эту надпись), не увенчался успехом. Показ таких скрытых мест свидетельствует как об особом отношении к городу, так и о желании продемонстрировать свою осведомленность или причастность к знанию, доступному далеко не всем.

В разряд **пропущенных** попадают места, которые известны по другим интервью, литературе или сами по себе притягивают взгляд исследователя, но в конкретном интервью не достаиваются ни показа, ни рассказа. Они становятся возможными, но не состоявшимися дестинациями.

Проходными мы называем места, которые достаиваются внимания просто потому, что возникают по пути и помогают информанту заполнять паузы между дестинациями. В зависимости от логики конкретного интервью один и тот же объект может оказаться и дестинацией, и проходным, и пропущенным местом.

Что именно станет **конечной точкой**, по факту устанавливается в процессе интервью, почти независимо от того, планируется она информантом заранее или нет. Учитывая, что исследователи — приезжие, участники «городских» исследований старались вернуть нас к исходной точке или даже месту жительства, либо к начальной точке следующего интервью, попутно проговаривая ориентиры: *«раз у вас встреча в 6 часов будет там, там как раз, я думаю, закончу Александровским мостом, как раз он между библиотекой Бажова и “Метелицей”»* (ЛЖ43). Примером спонтанного определения финала может служить сюжет в начале второго часа прогулки по ЕМИИ, когда участник вроде бы двинулся на второй этаж, но тут же отказался от этой затеи: *«Я не понимаю, что там. А, кстати, и нету, нет возможности объективно узнать, что там. Даже если бы было, я бы, наверно, все равно не пошел. Хочется кофе, курить и тому подобное (смеется)»* (М35-25). Другой вариант установления конечной точки больше ориентирован на нужды информанта, когда тот оставляет исследователя в некоем значимом месте вроде церкви в Верхней Салде, а сам отправляется по своим делам.

В некоторых случаях маршруты содержат сложную внутреннюю драматургию. Так, в Серове информант сначала показывал мемориальные доски и признанные публичные места, но закончил свой показ в школьном музее, которым он занимается на протяжении многих лет. Эта супердестинация стала апофеозом интервью, в котором пересеклись личная биографическая включенность и предполагаемая общественная значимость места.

Автором маршрута выступает информант, поскольку договоренность об интервью устанавливается заранее, есть возможность «подготовиться». Жительница Лесного упоминала о знакомой, с которой она советовалась перед встречей с нами. В других случаях участник исследования может обращаться за помощью «коллективного разума» прямо во время прогулки. Один наш информант последовательно звонил своим друзьям с вопросами, что показать дальше, поскольку его собственный маршрут, включавший церковь, заброшенный полуразрушенный медицинский городок и два уникальных для города дерева (дуб и клен), быстро закончился. Потом он обращался к своей маме, ранее возглавлявшей музей, которая несколько раз перезванивала и даже пыталась по громкой телефонной связи рассказывать о местах по ходу интервью. После этого нам встретилась его знакомая, которая горячо рекомендовала посетить заводской музей. Фактически конструирование маршрута стало общим делом множества людей, так что можно говорить о коллективном авторстве.

Таким образом, детализация устройства маршрутов, их структуры, драматургии и авторства показывает не только то, как пространство читается (по К. Линчу) и производится (по А. Лефевру), но и как оно предъясняется в ходе интервью.

Жанры go-along

Далее мы хотели бы обратить внимание на два критерия классификации go-along. Это соотношение, во-первых, города-для-других и города-для-себя, во-вторых — движения outdoor и indoor.

Взаимное наложение этих дихотомий дает четыре жанра go-alongs (рис. 1). «Биографическое go-along» и «экскурсия по городу» предполагают прогулку по от-

крытой местности, с преобладанием в первом случае подчеркнуто субъективного города-для-себя (1), во втором — стремящейся к объективации «экскурсии» (2). Два других жанра реализуются в помещении, при этом музейное go-along в «экскурсионном» варианте (3) нанизано на такой же объективированный стержень, что и «экскурсия» по открытому пространству. «Антиэкскурсия по музею» (4) (термин Д. Костиной и И. Кудрявцевой в МВН), напротив, фиксирована на личности информанта. На рис. 1 кружками по краям разведены лично-ориентированные варианты: слева — в открытом пространстве, справа — в закрытом; квадратами в середине обозначены «экскурсии». Названия жанров возникли из специфики эмпирического материала, однако положенные в основу типологии критерии придают ей определенную универсальность. Соответствующие разновидности go-along могут разворачиваться не только в городе и музее, возможны любые варианты открытого и закрытого пространства. Названия тогда несколько изменятся (например, (2) экскурсия по лесопарку, (3) экскурсия по торговому центру и т. д.), но суть останется прежней.

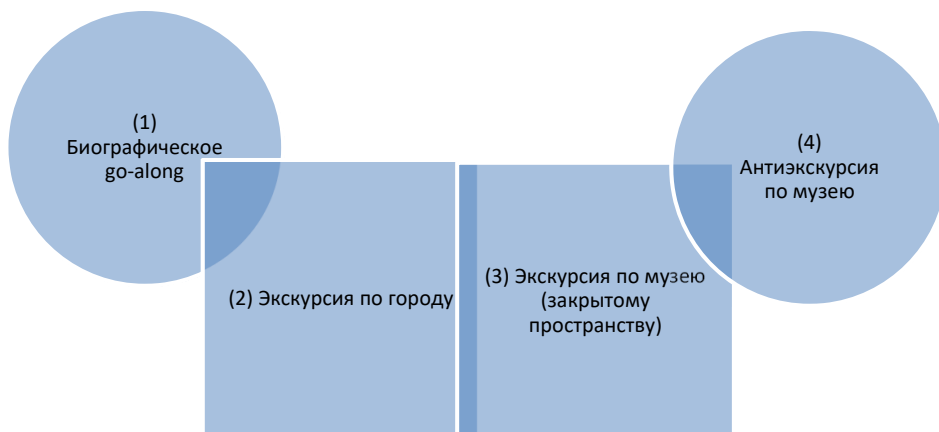

Рис. 1. Жанры go-along

Как и в любой классификации, предлагаемое деление условно. Соотношение личного и безличного подвижно, а вот открытость и закрытость пространства на первый взгляд кажется постоянной величиной, однако это не совсем так, и отклонения от типовых жанров особенно интересны. Зачин и характерные обороты интервью-экскурсии делают неразличимыми жанры экскурсии outdoor (2) и indoor (3):

«В этом году городу Серову исполнилось 124 года. Серов свое имя нынешнее получил 7 июня 1939 года. В честь летчика Анатолия Константиновича Серова, участника военных действий в Испании 1937-1938 годах. До этого наш город первоначально был назван Надеждинский завод, потом уездный город Надеждинск, с 1919-го» (СрМ46), жанр «экскурсия по городу» (2).

Если в МВН все прогулки осуществлялись в пределах здания Екатеринбургского музея, то в двух других проектах встречались и иные варианты. После профес-

сионального показа заводского музея (жанр 3) в Нижней Салде сотрудница передала нас своей коллеге для экскурсии по городу (жанр 2), но и в самом музее рассказ мог выходить за его стены. В одном городе нам так объяснили месторасположение церкви: сразу за зданием музея и заводоуправления, в другом экскурсовод вышла и по своей инициативе показала близлежащие достопримечательности.

В городских go-alongs информанты иногда предлагают зайти внутрь тех или иных объектов. В ходе прогулки по Нижней Салде нас провели в ремонтируемую Никольскую церковь, позднее — в местный ДК. Демонстрируя интерьеры ДК, наша собеседница рассказывает, как они выглядели раньше, а далее рассказ отрывается от показа, устремляясь в столицу. Согласно легенде, «на съезд профсоюзов приезжала из Салды работница Голованова», которая сообщила Н. Крупской и К. Цеткин, «что вот у нас город, там такое-то строится, у нас клуб маленький, там зайдешь, все эти пуговицы оборвутся там и т. д. ... Крупская и та администрация поспособствовали тому, чтобы, зная, что здесь будет развиваться город, чтобы сюда прислали такой проект. И вот с 29 года начали строительство» (НСЖ68).

При выходе на улицу рассказ воссоединяется с показом, их связка хорошо видна в грамматически избыточных, но ситуативно оправданных указательных местоимениях:

«Здесь снесли несколько домов по этой улице и построили здесь не только вот Дворец культуры, но дальше там был[и] школа, детский сад, больница... Вот они здесь сейчас, здания» (НСЖ68).

Идея зайти в те или иные здания возникает не только в ходе «экскурсии по городу» (жанр 2) и необязательно у людей с музейным бэкграундом, но и в биографически заряженных интервью (жанр 1), однако в последнем случае такие попытки часто сопровождаются некоторой неуверенностью информанта и не всегда заканчиваются успешно. Если в ДКМ Серова мы попали беспрепятственно, хотя информантка и сомневалась: «Стоит посмотреть, если пустят... сейчас, если нас туда пустят» (СрЖ63), то в Верхней Салде вход в ДК преградила бдительная сотрудница, в другом интервью удалось туда проникнуть лишь благодаря тому, что на вахте появилась директор, разрешившая посещение. Эти примеры показывают различия в локальной компетентности и «опыте города» наших информантов, но также свидетельствуют и о свойствах и функционировании пространства в тех или иных местах.

Все виды go-along мало похожи на традиционно понимаемое интервью, поскольку интервьюер почти не задает вопросов, рассказ и движение направляются информантом. Вдвойне необычно выглядит музейная антиэкскурсия с ее перераспределением ролей, когда посетитель ведет профессионала, а не наоборот. Предлагаемая разбивка жанров (рис. 1) и рассмотрение их вместе помогают понять тем, кто впервые пробует подобные методические практики, что это все еще интервью, в котором стимулирование, наблюдение и запись речи информанта осуществляются исследователем; а тем, кто специализируется на проведении интервью — особенности каждого жанра, познавательные возможности go-along в целом и пределы метода интервью как такового.

Дружит ли рассказ с показом?

Считается, что окружающее пространство само дает подсказки о себе. Мы не раз наблюдали ситуации, когда информанты узнавали новое или корректировали свои представления, когда приводили нас в то или иное место и сами вчитывались в таблички на памятниках. Иными словами, показ стимулирует рассказ о конкретном месте; но не только — предполагается, что go-along побуждает к выходу за пределы непосредственного «здесь и сейчас» (Кевин Линч поэтично говорит о «расширении осмысленности и богатства мира» [Линч, 1982: 16]). Вопрос в том, всегда ли подобный отрыв от конкретного окружения, в котором происходит интервью, продуктивен? Или в какой-то момент глубина воспоминаний, полет воображения и сплетение ассоциаций уносят рассказ критически далеко, выплескиваясь за границы темы исследования? Для того, чтобы разобраться в этих вопросах, остановимся сначала на эффектах расширения времени и пространства в go-along, а затем обратимся к типологии рассогласований рассказа и показа.

Расширение времени и пространства в go-along

В седентарных интервью для стимулирования воспоминаний и в целом расширения пространства/времени применяются различного рода стимульные техники. Специалисты [Crilly et al., 2006: 342] приветствуют идею методики стимульного интервью Юкки Торонена: стимульные материалы привносят то, что находится за рамками «здесь и сейчас» текущего взаимодействия между интервьюером и интервьюируемым — моменты из времени не «сейчас» и события, локализованные не «здесь» [Törrönen, 2002: 348]. В go-along, по мнению многих адептов этого метода, само пространство, логика и ритм передвижения эффективно решают задачи по «стимулированию». Стоит заметить, что последовательность мест не работает как универсальный пусковой механизм; выход за пределы «здесь и сейчас» происходит не только за счет пространственных триггеров, но и в силу внутренней логики рассказа.

Расширение пространства/времени принимает разные очертания в зависимости от жанра go-along. Различие экскурсионных и биографических интервью воспроизводит известное различие истории и памяти. Стремящиеся к объективности-безличному канону интервью-экскурсии (жанры 2 и 3) ожидаемо выдают некий устоявшийся нарратив, с помощью наблюдаемых городских мест или музейных экспонатов предлагается прикоснуться к прошлому, однако целиком к этому не сводятся.

Заведующая заводским музеем в Нижней Салде показывает ценный артефакт, который ей удалось найти (а вот коллекция фотоаппаратов одного из известных горожан канула в лету!), упоминает о взаимодействии с ветеранами и школьниками — здесь рассказ и показ идут рука об руку. Подобным образом из Серовского исторического музея мы переносимся, скажем, на берега реки Сосьвы, которая «регулярно вымывает [косточки мамонта]» (СрЖ33); референтными группами оказываются «единомышленники музея», археологи и музейщики, а местные фонды соотносятся с тем, что есть у коллег: «в Гари есть музей, его открыли в [20]12-м году, и вот самая хорошая-то коллекция у них» (СрЖ33). Благодаря ли профессионализму наших рассказчиц или под действием музейной инкапсуляции, драматических

отрывов рассказа от показа не происходит, а приведенные примеры говорят о продуктивном расширении музейного пространства.

В биографически ориентированных жанрах (1 и 4) рассказ может удаляться в прошлое, оставаясь тесно привязанным к показу. Так, например, ЕМИИ у ряда информантов связан с детским опытом: *«Ну, это воспоминания из детства одно-значно. Меня всегда немного пугали черные статуи. Когда их много, они создают некоторое впечатление, мрачное. Поэтому я обычно всегда проходила дальше»* (Ж25-17). Участники МВН вспоминали и не столь давние посещения музея, примерно за месяц до интервью, в день города: *«Тут мы быстро проходили, потому что было очень много народу, мы еще приходили с Дашей, отдельно смотрели, но все равно вот эта стена произвела впечатление, и вот эта»* (Ж24-9).

Метод go-along известен своей продуктивностью в отношении активации прошлого, а вот о будущем, об импульсах, которые идут непосредственно из этой прогулки и даже конкретных ее пунктов, говорится меньше. Вместе с тем go-along высоко генеративно как в части непосредственного будущего, так и проективного. Один из участников музейного исследования придумал, о чем сделает пару постов в Facebook тем же вечером. Рассуждая по поводу картины уральского художника Худоярова, этот информант, историк и работник другого музея, обозначил своего рода план, методологию соединения таких источников, как живопись и художественная литература:

«Вот после этого надо что делать? Читать Мамина-Сибиряка после этой картины. Он примерно живописует... ну, ситуацию, ну, лет на 20—30 позже, получается — там, 60—70-е. А как люди были, одевались, и попытаться найти общие черты. То есть, наверно, у шапки этой есть название определенное» (М35-25).

Примером рассуждения в проективном ключе может служить идея об использовании потолочных конструкций музея:

«При такой... удивительной крыше как-то обидно даже, что она не используется... можно было что-то сделать, что-то повесить. Ну, не тяжелое, не знаю, какое-то... картину — не картину, какую-то тряпочку, какое-то произведение искусства... вон там балка без света и как раз можно было бы что-то, что было бы видно условно с улицы, как раз учитывая, что тут есть такой огромный, огромная витрина в самом музее» (М34-11).

Оба фрагмента выдержаны в объективистском стиле, но та же недоиспользованная, по мнению участников, входная витрина упоминается и в интервью, которое начинается и заканчивается глубоко личностным погружением в детство:

«С одной стороны, это ощущение детства, когда ты здесь побывал впервые, а с другой стороны, навевает тоску, что все примерно так же и ничего не меняется. Хотя пространство такое огромное, светлое, по-своему уникальное тем, что находится на Плотинке, здесь такая стеклянная стена целая» (Ж25-17).

Типология рассогласований рассказа и показа

Ни лично-окрашенный, ни похожий на экскурсию рассказ никогда не бывает просто перечислением встреченных по пути объектов. Показ может быть четко артикулирован (*«вот она — художественная школа», «это проходная металлургического завода»* (СрЖ59)), но всегда вплетается в некую сюжетную канву. Рассказ имеет собственную логику, которая далеко не всегда дружит с логикой показа.

Связность повествования, возникающие и развиваемые информантом сюжетные линии то и дело отрывают рассказ от описания встречаемых по пути объектов, так что возникают рассогласования между рассказом и показом. Все варианты таких разрывов можно разделить на две группы: 1) повествование высоко биографично и рассказ отрывается от мест прогулки, 2) рассказ касается мест, но отделяется от непосредственного маршрута следования. Эти разрывы преодолеваются при остановках, когда информант подробно рассказывает о данном месте, и при посещении каких-то заведений (переход из outdoor в indoor формат). Они позволяют синхронизировать показ и рассказ, хотя это вовсе не гарантирует, что эти «точки сборки» не рассыплются в дальнейшем.

1) Разрыв рассказа и показа из-за доминанты биографизирования

Во всех четырех жанрах интервью нацелены на изучение опыта пространства, будь то открытое пространство города или закрытое — музея. При этом само понятие «опыт пространства» содержит в себе принципиальную двойственность. Она в полной мере проявляется в ходе интервью, когда смысловой центр блуждает между личным «опытом» и общим «пространством» (рис. 2). В анализируемых проектах всем участникам одинаково объясняли суть исследования, однако по мере проведения интервью выяснялось, что у кого-то превалирует отстраненный объективированный город-для-других или музей-для-других, в других наоборот — доминируют личностные обертона города или музея-для-себя. Стрелки на рис. 2 подчеркивают, что жанры go-along вырастают из преобладания матриц для-других или для-себя. (При этом элементы обеих матриц присутствуют во всех интервью, а их концентрация может меняться в течение одной и той же прогулки.)

Рис. 2. Двойственность «опыта пространства» как источник матриц для-себя и для-других

Крайней версией доминирования личного является рассказ о себе, своей жизни, никак не связанный с окружающим пространством. Так, 58-летний информант, без малого два с половиной часа добросовестно водивший по своему родному Серову, в какой-то момент переключился на совсем другой город, расположенный за 3 тыс. км, в Карелии. Там прошли его молодые годы, и ему очень хотелось поведать об этом. Подобное повествование выходило за рамки нашего исследования, поэтому интервьюеру пришлось директивно возвращать собеседника к теме — биографизирование оказалось деструктивно избыточным, не оставив города Серова ни в версии для-себя, ни для-других.

Разработанный Анной Стрельниковой метод биографической прогулки изначально фокусируется на биографии, а пространство служит ключом, призванным

пробудить воспоминания, прямо или косвенно с ним связанные [Стрельникова, 2012: 54-56]. Сначала проводится седентарное интервью, затем мобильное. Здесь перенос рассказа в другие места не является ошибкой, напротив, автор считает это «естественным свойством прогулки — расширением сюжетов повествования»⁶. Таким образом, данный метод, по крайней мере в своей начальной версии, отличается от go-along соотношением биографии и пространства: биографическая прогулка (на рис. 2 выделена пунктирным контуром) отдает приоритет биографии, тогда как go-along — пространству и движению.

В MBH также был небольшой седентарный этап в отдельном кабинете музея, а в наших go-alongs такой части нет, как не дается и никаких рекомендаций насчет мест, маршрута или времени, мы просто просим показать нам город [Веселкова и др., 2016; Веселкова и др., 2017]. Информанты выстраивают движение с учетом присутствия исследователей, хотя нередко вплетаются фрагменты привычных траекторий, которые у А. Стрельниковой называются «маршрутами памяти».

2) Разрыв рассказа и показа внутри маршрута

Ранее мы уже описывали два вида рассогласования во времени, или асинхронии, когда рассказ либо а) опережает показ, либо б) возвращается к ранее показанному [Веселкова и др., 2016: 62-65], рассмотрим их теперь вкупе с в) отвергнутыми местами.

а) Рассказ опережает показ, когда информант говорит о том, что пока вне зоны видимости, как бы согласовывая с собеседником дальнейшие действия:

«Отсюда не видно, но на флаге изображен подсолнух с Белоярской атомной станцией внутри, то есть это герб нашего города. Можно подойти поближе, конечно, сфотографировать» (Ж23).

Отрыв рассказа минимален, поскольку упреждающие реплики направлены на показ, подготавливают настройки оптики и движения, что хорошо заметно по интенсивности использования глаголов будущего времени, выражающих движение и зрительное восприятие (пойдем, посмотрим). Последовательность того, что будет *сейчас*, увязывается с пространственным упорядочиванием посредством указательных местоимений (там) и сообщением направления: *«сейчас пойдем по лестнице левой и посмотрим там постоянную экспозицию, где представлено русское искусство» (Ж29-1).*

б) Рассказ возвращается к ранее показанному дwoяко. В городских прогулках информанты обычно апеллировали к начальной точке как самой понятной, чтобы сориентировать приезжих интервьюеров на местности. Как и в случае забегания рассказа вперед, интенсивно задействуются пространственные маркеры (верхом, по той дороге, где, до площади), глаголы же идут в прошедшем времени (были, встретились).

У участников MBH такой нужды не возникало, поскольку их интервьюерами были сотрудники музея, прекрасно знакомые с его пространством. Поэтому возвращение в разговоре к чему-то уже пройденному подхватывало ранее начатую тему или, как в следующем отрывке, помогало выразить деликатные, сензитивные аспекты:

⁶ Здесь и далее применительно к методу биографической прогулки использованы материалы переписки по электронной почте с А. Стрельниковой 18—25 сентября 2018 г., благодарим Анну Владимировну за продуктивное обсуждение.

«Есть моменты, которые мне хочется рассказать, но мне может быть неловко, что мм... вот мы когда обратили внимание на столик на втором этаже в разделе камнерезного искусства... там было много всякого сора сверху, и у меня возник вопрос... ну, внутренний вопрос...» (Ж25-17).

Так или иначе, данный вариант асинхронного рассогласования свидетельствует о том, что далеко не всегда рассказ *in situ* оказывается исчерпывающим, в то время как места сохраняют свою продуктивность для интервью, даже будучи пройденными.

в) Отвергнутые места — это частично несостоявшиеся дестинации: они удостоились рассказа, но не были включены в маршрут из-за удаленности, сложности доступа или других причин. Историческое кладбище в Нижней Салде располагается неподалеку от церкви, в которую мы заходили, и очень манило, но было отвергнуто информантом: *«В ограде там сохранилась плита, но мы там дальше не пойдем, потому что там перелезть надо, там на пути дебри»* (НСЖ68). Подобная характеристика места как трудно- или вообще недоступного — результат оценивания, выражающего опыт местного жителя относительно того или иного пространства применительно к ситуации интервью, как она понимается участником.

В отличие от других видов интервью, в *go-along* принципиально важен не только рассказ, но и показ, однако, как было показано, они далеко не всегда друг с другом «дружат». Расширение времени и пространства, достигаемое за счет их рассогласования, может приобретать как продуктивные, так и, в некоторых случаях, деструктивные формы, побуждая к директивному возвращению к теме.

Заключение

Выделенные структурные элементы маршрута: начальная точка и следующий за ней пункт, дестинации, проходные и отвергнутые места, конечный пункт, — просматриваются и в открытых, и в закрытых пространствах, но в открытых они более явственны. Жанровое разнообразие *go-along* интервью, на наш взгляд, определяет эвристику метода и его способность настраиваться на конкретные исследовательские запросы.

Соотношение рассказа и показа варьирует на уровне как структуры, так и жанров *go-along*. Асинхрония — это следствие относительной независимости рассказа от сопутствующих ему мест по ходу *go-along*.

В целом наш опыт применения *go-along* приводит к следующим важным выводам. Во-первых, ситуация взаимодействия между исследователем и информантом по сравнению с традиционным стационарным интервью приобретает дополнительное измерение за счет движения и постоянно меняющегося пространства. Его элементы опосредуют диалог между исследователем и информантом, а дестинации обладают удивительным свойством связывания информанта и исследователя, вовлечения их в сходный опыт, полезный для дальнейших операций над полученными данными. Во-вторых, метод *go-along* показывает постоянные переключения регистров внимания, характерные для формирования повседневных биографических перспектив, определяя тем самым границы реальности опыта городского пространства. В-третьих, само по себе движение объединяет в целое (в единый маршрут) разнообразные дестинации, демонстрируя конструирование различных

логик городского пространства, которые могут налагаться друг на друга, сходиться и расходиться. В-четвертых, go-along реализует исследовательский интерес и одновременно активизирует его у информантов. Не только построение маршрута, но и организация наблюдения, привлечение внимания к деталям, акцент на отдельных элементах показываемого, таких как вывески, надписи на фронтоне дома или особенности музейного интерьера — все это задает дополнительные перспективы исследования.

Список литературы (References)

- Бойцова О. Ю. Любительские фото. Визуальная культура повседневности. СПб. : Европейский университет, 2013.
- Boytsova O. Yu. (2013) Amateur photos. Visual culture of everyday life. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. (In Russ.)
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург г: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 394 с.
- Veselkova N. V., Pryamikova E. V., Vandyshev M. N. (2016) Sites of Memory in Young Towns. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 394 p. (In Russ.)
- Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44—56. <https://doi.org/10.7868/s0132162517060046>.
- Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2017) On the main developments in the methodology of interviewing. *Sociological Studies*. No 6. P. 44—56. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/s0132162517060046>.
- Глазков К., Стрельникова А. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // Интер. 2015. № 10. С. 79—90.
- Glazkov K., Strelnikova A. (2015) Mobile Methods: Movement as a Part of Research Strategy. *Inter*. No. 10. P. 79—90. (In Russ.)
- Запорожец О. Н. «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. Т. 44. С. 37—72.
- Zaporozhets O. N. (2017) “Mobile Methods”: studying life in motion. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. Vol. 44. P. 37—72. (In Russ.)
- Костина Д., Кудрявцева И. Музей: включенное наблюдение. «Что-то новое и необычное»: аудитория современного искусства в крупных городах России / отв. ред. А. Ю. Прудникова, науч. ред. Л. Е. Петрова. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый : Екатеринбургская академия современного искусства, 2018. С. 270—287.
- Kostina D., Kudryavtseva I. (2018) Museum: Participant Observation. “Something New and Extraordinary”: *Contemporary Art Audience in Major Russian Cities*. Moscow; Ekaterinburg: Armchair Scientist, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art. P. 270—287. (In Russ.)

Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников ; под ред. А. В. Иконникова. М. : Стройиздат, 1982.

Lynch K. (1982) *The Image of the City*. Transl. from English by V. L. Glazychev. Moscow: Strojizdat. (In Russ.)

Рождественская Е. Биографическая работа по возвращению смысла: истории жизни остарбайтеров. У пошуках власного голосу: Усна історія, як теорія, метод та джерело: Зб. наук. ст. / за ред. Г. Грінченко, Н. Ханенко-Фріезен. Харків. 2010. С. 25—38.

Rozhdestvenskaya E. (2010) Biographical work on the return of meaning: the Ostarbeiters' life histories. Looking for your own voice: Oral history as a theory, method and source. Ed. by G. Grinchenko, N. Khanenko-Friesen. Kharkov. P. 25—38. (In Ukrainian)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 386 с.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012). Biographical method in sociology. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 386 p. (In Russ.)

Стрельникова А. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012.

Strelnikova A. (2012). *Sociology of the city: spatial practices and life trajectories*. Moscow: Trovant. (In Russ.)

Стрельникова А., Ваньке А. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интер. 2017. № 13. С. 51—72.

Strelnikova A., Vanke A. (2017) Field research of an industrial neighbourhood: the strategies of visual data collection and analysis. *Inter*. No. 13. P. 51—72. (In Russ.)

Büscher M., Urry J., Witchger K. (2011) (eds) *Mobile Methods*. New York: Routledge.

Chrisinger B. A. (2016) Mixed-Method Assessment of a New Supermarket in a Food Desert: Contributions to Everyday Life and Health. *Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine*. Vol. 93(3). P. 425—437.

Crilly N., Blackwell A. F., Clarkson P. J. (2006) Graphic elicitation: using research diagrams as interview stimuli. *Qualitative research*. Vol. 6(3). P. 341—366. <https://doi.org/10.1177/1468794106065007>.

Czarniawska B. (2007) *Shadowing and Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies*. Liber, Sweden: Copenhagen Business School Press.

Czarniawska B. (2014) Why I think shadowing is the best field technique in management and organisation studies. *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*. Vol. 9(1). P. 90—93. <https://doi.org/10.1108/qrom-02-2014-1198>.

Evans J., Jones Ph. (2011) The walking interview: Methodology, mobility and place. *Applied Geography*. Vol. 1(2). P. 849—858. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2010.09.005>.

Hall J. N., Freeman M. (2014) Shadowing in Formative Evaluation: Making Capacity Building Visible in a Professional Development School. *American Journal of Evaluation*. Vol. 35(4). P. 562—578. <https://doi.org/10.1177/1098214014537397>.

Kusenbach M. (2003) Street Phenomenology: The Go-Along as Ethnographic Research Tool. *Ethnography*. Vol. 4 (3). P. 449—479. <https://doi.org/10.1177/146613810343007>.

Kusenbach M. (2017) Go-alongs. In: *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. Ed. by U. Flick. London, etc.: Sage. P. 344—361. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n22>.

Quinlan E. (2008) Conspicuous invisibility shadowing as a data collection strategy. *Qualitative Inquiry*. Vol. 14(8). P. 1480—1499. <https://doi.org/10.1177/1077800408318318>.

Törrönen J. (2002). Semiotic theory on qualitative interviewing with stimulus texts. *Qualitative Research*. Vol. 2(3). P. 343—362. <https://doi.org/10.1177/146879410200200304>.

Wiederhold A. (2015). Conducting fieldwork at and away from home: shifting researcher positionality with mobile interviewing methods. *Qualitative Research*. Vol. 15(5). P. 600—615. <https://doi.org/10.1177/1468794114550440>.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.02

Правильная ссылка на статью:

Августис Ю. И., Широков А. А. Ситуации и методы переспрашивания в телефонных опросах: этнометодологический анализ стандартизированного интервью // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 22—42. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.02>.

For citation:

Avgustis I. I., Shirokov A. A. (2019) Situations and methods of re-asking in telephone surveys: an ethnomethodological analysis of a standardized interview. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 22—42. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.02>.

Ю. И. Августис, А. А. Широков СИТУАЦИИ И МЕТОДЫ ПЕРЕСПРАШИВАНИЯ В ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСАХ: ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАНДАРТИЗИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ

СИТУАЦИИ И МЕТОДЫ ПЕРЕСПРАШИВАНИЯ В ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСАХ: ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАНДАРТИЗИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ

SITUATIONS AND METHODS OF RE-ASKING IN TELEPHONE SURVEYS: AN ETHNOMETHODOLOGICAL ANALYSIS OF A STANDARDIZED INTERVIEW

АВГУСТИС Юлия Игоревна — PhD-студент, Университет Оулу, Оулу, Финляндия
E-MAIL: iuliia.avgustis@oulu.fi
<https://orcid.org/0000-0003-1026-7852>

Iuliia I. AVGUSTIS¹ — PhD student
E-MAIL: iuliia.avgustis@oulu.fi
<https://orcid.org/0000-0003-1026-7852>

ШИРОКОВ Александр Александрович — PhD-студент Школы коммуникации и информации Ратгерского университета, Ратгерский университет, Нью-Брансуик, США
E-MAIL: aleksandr.shirokov@rutgers.edu
<https://orcid.org/0000-0002-5374-5466>

Aleksandr A. SHIROKOV² — PhD student, School of Communication and Information
E-MAIL: aleksandr.shirokov@rutgers.edu
<https://orcid.org/0000-0002-5374-5466>

¹ University of Oulu, Oulu, Finland

² Rutgers University, New Brunswick, USA

Аннотация. Правила стандартизации, которым должен следовать интервьюер при проведении телефонного опроса, не способны охватить все возможные во взаимодействии интервьюера и респондента ситуации, поэтому интервьюеру часто приходится использовать собственные коммуникационные навыки для получения ответа от респондента. Интервьюеры, таким образом, оказываются не инструментами, задающими вопросы и выделяющими в анкете ответы респондента, а участниками коммуникации, оказывающими влияние на данные. Статья представляет собой эмпирическое исследование методов переспрашивания, которые используются интервьюерами для получения ответа в желаемой форме. Опираясь на ресурсы этнометодологии и конверсационного анализа, авторы анализируют 15 телефонных интервью, проведенных одной крупной российской опросной компанией. В статье определяется механика взаимодействия в телефонном интервью, после чего внимание исследователей фокусируется на ситуациях переспрашивания и методах, которыми оно осуществляется. Анализ показывает, какими методами интервьюер в конкретных ситуациях выполняет задачу по переводу ответа респондента на язык анкеты. Сделанные авторами выводы могут быть полезны как для специалистов в сфере телефонных опросов, так и для исследователей в области конверсационного анализа, изучающих особенности институционального и телефонного разговора.

Ключевые слова: опросы общественного мнения, телефонные интервью, этнометодология и конверсационный анализ, институциональный разговор, переспрашивания

Abstract. Standardization rules that an interviewer must follow when conducting a telephone survey are not able to cover all possible situations in the interaction between the interviewer and the respondent, so the interviewer often has to use his own communication skills to get an answer from the respondent. Interviewers, therefore, are not automations that ask questions and choose the respondent's answers in the questionnaire, but participants of communication who influence the data. The current article reports on an empirical study of the methods of re-asking which are used by interviewers to obtain a response in the desired form. Utilizing the resources of ethnomethodology and conversation analysis, the authors analyze 15 telephone interviews conducted by a large Russian survey company. The mechanics of interaction in a telephone interview are defined, after which attention is focused on the situations of re-asking and the methods by which it is carried out. The analysis shows what methods the interviewer uses in specific situations while translating the respondent's answers to the questionnaire language. The conclusions made by the authors can be useful both for specialists in the field of telephone surveys and for researchers in the field of conversation analysis who study the features of institutional and telephone conversation.

Keywords: public opinion polls, telephone interviews, ethnomethodology and conversation analysis, institutional conversation, re-asking

Введение

Опросы общественного мнения за почти столетнюю историю стали одним из основных способов изучения и репрезентации общества и его различных групп. Эпистемологические основания, на которых строятся подобные опросы, во многом были заложены еще Джорджем Гэллапом. Разрабатывая технологию опросов, Дж. Гэллап сформулировал определенный взгляд на общественное мнение, и по сей день играющий важную роль. Этот взгляд предполагает, что есть некоторый феномен под названием «общественное мнение», существующий объективно и независимо от человеческого разума (как бы иронично это ни звучало). Задача познания в этом случае — построить модель, которая будет достаточно точно репрезентировать феномен [Gallup, 1995].

Однако есть некоторый зазор между идеей предсуществования (по отношению к опросу) общественного мнения и теми формами, в которых оно нам доступно — таблицы, графики, диаграммы и т. п. Этот зазор — следствие разделения реальности и репрезентации. Чтобы его преодолеть, необходимо рассмотреть перформативное измерение опросов. Нужно допустить, что опросы (и шире — социальные науки) не просто исследуют мир и «отражают» то, как он устроен, но определенным образом перформируют мир, способствуют производству социальных феноменов, например, общественного мнения [Ло, 2012; Law, Urry, 2004]. Важно отметить, что это не делает общественное мнение чем-то эфемерным или нереальным, напротив, оно существует, но существует не автономно и само по себе, его реальность поддерживается машинерией социальных наук [Osborne, Rose, 1999].

Перед исследователем стоит практическая задача — сказать что-то об общественном мнении. Сделать это, имея перед глазами толпу людей в каком-нибудь пространстве, проблематично, но если есть массив данных в SPSS — это уже вполне возможно. Как отметил Бруно Латур, «Если бы ученые смотрели на природу, экологию, звезды, органы, то они бы ничего не увидели. [...] Ученые начинают видеть что-либо только тогда, когда перестают смотреть на природу и начинают с одержимостью рассматривать исключительно распечатки и записи на плоской поверхности. [...] „Объекты“ удаляются из лабораторий или отсутствуют в них. Кровотокающих и питающих крыс быстро убивают. Все, что из них извлекают, так это небольшой набор цифр/диаграмм. Это извлечение... — все, что имеет значение. Ничего нельзя сказать о крысах, но много чего может быть сказано о цифрах/диаграммах» [Latour, 1990: 39]. Схожие трансформации имеют место и в случае опросов: «нельзя привести людей в Бюро переписи, но можно привезти переписные листы; нельзя продемонстрировать все опросные листы, но можно показать таблицу, в которой каждый лист представлен галочкой в графе „пол“, „возраст“ и т. д.» [Латур, 2013: 361—362]. Таким образом, опрос общественного мнения представляет собой серию трансформаций, в результате которых осуществляется переход от совокупности людей к многочисленным записям, цифрам, диаграммам и т. п.

Подобная перспектива предполагает необходимость эмпирического исследования трансформаций, происходящих на разных этапах опроса. Цель этой статьи заключается в том, чтобы понять, как происходит эта трансформация во время проведения опроса. В процессе опроса интервьюер трансформирует определенную часть респондента в набор цифр в виде кодов, делающих возможными

дальнейший анализ и применение математических операций. Поскольку респондент не всегда сразу дает такой ответ, который может быть переведен в один из вариантов, предложенных в анкете, интервьюер часто переспрашивает вопрос, чтобы получить ответ в желаемой форме. Таким образом, во взаимодействии интервьюера и респондента принимаются решения, которые прямым образом отражаются на данных.

Сначала мы опишем данные и методологию, в рамках которой будем работать. Далее очертим общую коммуникационную структуру телефонного интервью как разновидности институционального разговора. После этого перейдем к анализу ситуаций переспрашивания, а в последнем разделе рассмотрим различные методы переспрашивания.

Данные и методология

Данными для анализа выступили пятнадцать записей стандартизированных телефонных интервью, проведенных одной крупной российской компанией, занимающейся опросами общественного мнения. В этих записях нас прежде всего интересуют ситуации взаимодействия, когда происходит переспрашивание. Продуктивные ресурсы для изучения этого взаимодействия может дать этнометодологический конверсационный анализ [Garfinkel, 2002; Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015], на который мы будем опираться в своем анализе.

Конверсационный анализ — это качественный метод анализа, применяемый для раскрытия и описания методов, посредством которых люди производят действия. Мы добавляем к названию метода слово «этнометодологический», чтобы отделить применяемый нами метод от более формалистской версии конверсационного анализа, получившей распространение среди лингвистов. Далее мы будем использовать выражение «конверсационный анализ», но его этнометодологические основания [Lynch, 2000] и укорененность в идеях Гарольда Гарфинкеля [Garfinkel, 2002] будут каждый раз подразумеваться.

Согласно данному подходу, разговор является взаимосвязанной целостной системой или машиной [Sacks, 2006: 339], методы работы которой можно исследовать с помощью детального описания и понимания их роли в разговоре. Эти методы (практики, техники) — это не производимые исследователем абстракции, а то, что производят и на что ориентируются сами участники разговора. Чтобы понять методы, реализуемые в определенных репликах, эти реплики нужно сравнивать не с такими же репликами в других разговорах, но с предыдущими и последующими репликами в этом конкретном разговоре.

Таким образом, чтобы анализировать методы взаимодействия, может быть достаточно одного разговора, так как в нем работает более универсальная машина, то есть методы, обнаруженные в одном разговоре, могут присутствовать и во множестве других разговоров. Для выявления метода достаточно анализа последовательности реплик в одном конкретном разговоре. Конверсационный анализ, таким образом, требует от исследователя не анализа большого количества разговоров, но пристального внимания к деталям взаимодействия в конкретных ситуациях. Тем не менее, как правило, конверсационный анализ не ограничивается анализом одного разговора; через исследование схожих ситуаций можно

показать, как выявленные методы работают в различных условиях и какие вариации метода возникают.

Телефонное интервью как институциональное взаимодействие

Интервью — это форма институционального разговора [Heritage, 1998], имеющая некоторую специфику, отсутствующую в повседневном общении. Майкл Линч выделяет три части интервью как процесса. Первая часть — формальные инструкции, регламентирующие действия участников взаимодействия, например, правила ведения интервью, сама анкета, формулировки вопросов и т. п. Вторая часть — процесс реального взаимодействия интервьюера и респондента, в ходе которого формальные инструкции «разворачиваются на практике и (ре)конфигурируются здесь-и-сейчас в процессе исполнения практических действий» [Lynch, 2002: 128]. Две эти части образуют *Lebenswelt*-пару — связь между формальными инструкциями и неформальными здесь-и-сейчас действиями. Идею о парности ввел Эрик Ливингстон в исследовании математического доказательства: «Парность — как один неделимый объект, а не две различных „части“, соединенные обстоятельствами, — это „доказательство“ в его конкретных деталях производства этого доказательства» [Lehn, 2014: 110]. В случае Э. Ливингстона пару составляет математическое доказательство и практика осуществления этого доказательства математиком. Третья часть интервью — это аналитический объект, коды или варианты ответов из анкеты. Переход от второй к третьей части составляет противоположный *Lebenswelt*-паре феномен, который М. Линч называет теоремой рендеринга. В сущности, это и есть процесс трансформации, перевода живой практики здесь-и-сейчас, речи респондента в формальные записи.

Нас прежде всего интересует вторая часть, то есть живое взаимодействие между интервьюером и респондентом. В интервью «помимо правил обыденного разговора действуют особого рода правила, связанные с тем „институтом“, к которому принадлежит исследователь, и задающие контекст разговора» [Турчик, 2013: 125]. Хотя институциональный разговор является разновидностью обыденного или повседневного разговора и наследует от него определенные черты, сама организация коммуникации в ситуации интервью обладает некоторой спецификой, которую во многом задает элемент инструкции из схемы М. Линча, точнее, дизайн анкеты [Suchman, Jordan, 1990]. Дуглас Мейнард и Нора Кейт Шеффер выделяют три стадии в процессе интервью: вопрос, ответ и подтверждение [Maynard, Schaeffer, 2002: 14]. Третья стадия зачастую опускается. После конца одной последовательности происходит переход к новой последовательности. Последовательность «вопрос-ответ» — это основной способ передачи черед в взаимодействии интервьюера и респондента.

В самом вопросе можно выделить четыре составляющие. Первый компонент — это проекция действия (*action projection component*). Он выражается во фразе, которая определяет последующее действие. Примером этого компонента могут быть следующие фразы: «теперь следующий вопрос» или «не могли бы вы мне сказать». За этой фразой следует утверждение о содержании вопроса. Х. Хауткуп-Стинстра называет этот компонент целью вопроса (*question target component*). За ним следуют спецификация вопроса (*question specification component*) и сам

вопрос (question delivery component). Подобные составные вопросы сообщают респонденту как информацию о теме, так и информацию об ожидаемом типе ответа. Именно такую последовательность Х. Хауткуп-Стинстра считает наиболее адекватной, поскольку в иных случаях респондент может начинать отвечать на вопрос до уточнения деталей [Houtkoop-Steenstra, 2002: 248]. Это происходит потому, что в повседневных разговорах после завершения вопроса возникает релевантное место перехода.

Реализация всех четырех составляющих вопроса не гарантирует получение ответа, который Х. Хауткуп-Стинстра называет адекватным [Houtkoop-Steenstra, 1996]. Адекватный ответ — это такой ответ, который можно очевидным образом соотнести с вариантом ответа в анкете. Когда это оказывается проблематичным, интервьюер осуществляет вмешательство в виде переспрашивания с целью форматирования ответа респондента, приведения его к адекватной форме. Переспрашивание, вероятно, наиболее явно маркирует необходимость трансформации, перевода определенной части респондента, интересующей исследователей, в подходящие для дальнейшего анализа формы. Сама необходимость переспрашивания говорит о некотором сопротивлении этой трансформации.

Результатом переспрашивания становится ответ, сформулированный таким образом, что интервьюер считает его адекватным вопросу, даже если содержательно ответ не изменился. Интервьюер не является лишь регистратором ответов, он постоянно принимает решения, которые напрямую сказываются на данных — стоит ли перейти к следующему вопросу или необходимо уточнить ответ респондента, переспросить. Однако тут также проявляется вся сложность его задачи, так как неоднократное переспрашивание может вызвать раздражение респондента и привести к прерыванию интервью. Удерживание респондента на линии — это задача, которая постоянно учитывается интервьюером [Турчик, 2013].

Обобщая, можно выделить следующую механику взаимодействия интервьюера и респондента:

- Телефонное интервью происходит в форме вопрос-ответной коммуникации, предполагающей неравные отношения между интервьюером и респондентом.
- После реализации пары вопрос-ответ, возникает возможность перехода к следующему вопросу анкеты. В данном случае стоит говорить не о релевантном месте передачи череда разговора¹, что характерно для повседневных взаимодействий, а о месте перехода к следующему вопросу анкеты.
- Если ответ респондента квалифицируется интервьюером как адекватный, то осуществляется переход к следующему вопросу.
- Если ответ респондента, с точки зрения интервьюера, неадекватный, то переход к следующему вопросу не происходит и осуществляется процедура переспрашивания.
- Реализуется еще одна пара вопрос-ответ по поводу того же вопроса анкеты, после чего опять возникает возможность перехода к следующему вопросу. Если на этот раз интервьюер квалифицирует ответ как адекватный, то про-

¹ Подробнее о понятии череда и очередности см. [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015].

исходит переход к следующему вопросу анкеты. Если нет — интервьюер может переспросить еще раз и т. д. Это может происходить до тех пор, пока ответ респондента не окажется адекватным или интервьюер прекратит переспрашивание в связи с другими деталями ситуации.

Отталкиваясь от этой схемы, далее рассмотрим, в каких случаях переход к следующему вопросу анкеты не осуществляется и происходит переспрашивание, а также какими способами это переспрашивание осуществляется.

Ситуации переспрашивания

В данном разделе проанализируем различные типы ситуаций, в которых происходит переспрашивание. Начнем с ситуации, когда респондент дает четкий ответ, но интервьюер понимает, что это ответ не на заданный вопрос².

Транскрипт 1

- 1 И когда ↑вас что-то интересует, то вы:
 2 по радио телевизору или в газетах и журналах
 3 можете найти всю необходимую информацию?
 4 ча- или часть информации находите
 5 или никакой нужной информации не можете найти?
 6 (0.5)
 7 Р х:: не ↑информацию ↓любую можно сейчас найти если надо ф::
 8 И >любую можете найти, да?
 9 Р нет (.) ↑конечно (.) шас информацию можно любую найти
 10 И именно: по радио >по телевизору и в газетах журналах< да?
 11 (0.6)
 12 Р ну:: там по через интерье[ту так вот]
 13 И [нет >нет нет<]
 14 интернет- интернет исклю[чаем]
 15 Р [хахаха] хахаха
 16 а (.) исключать то-
 17 И ↓ДА
 18 Р ну тогда (.) тогда это редкие случаи
 19 (0.7)
 20 И тогда получается ка:к
 21 х::часть информации или никакой [полезной] информации?
 22 Р [часть]
 23 И часть да?
 24 Р часть, часть инфор[мации только] находится
 25 И [угу угу]

В строке 7 респондент отвечает на не совсем тот вопрос, который задается интервьюером. Вопрос заключается в том, может ли респондент найти нужную

² В этом и последующих транскриптах И обозначает реплики интервьюера, Р — респондента. Записи были транскрибированы по системе Гейл Джефферсон, широко используемой в конверс-анализе [Jefferson, 2004]. Глоссарий символов транскрибирования можно найти в *Приложении 1*.

ему информацию в определенных источниках. Респондент же отвечает, что сейчас информацию можно найти любую, игнорируя часть вопроса про источники, что побуждает интервьюера к повторению сначала обстоятельств вопроса (строка 10), а затем и вариантов ответа (строка 21). Уточнение части вопроса происходит до тех пор, пока респондент не формулирует такой ответ, который есть в анкете. Этими переспрашиваниями интервьюер демонстрирует респонденту необходимость определенным образом формулировать ответ, используя предложенные варианты из анкеты.

Возможна и ситуация, когда респондент однозначно отвечает на заданный вопрос, но переспрашивание все равно происходит, поскольку ответ не соответствует ни одному из предполагаемых анкетой вариантов.

Транскрипт 2

- 1 И одни считают, что в борьбе с терро- (.) с терроризмом
 2 службам↑безопасности
 3 всегда следует оставаться в рамках закона,
 4 другие полагают, что в чрезвычайных ситуациях можно
 5 нарушать закон
 6 с каким мнением, ↑первым или вторым,
 7 вы скорее согласны?
 8 (2.3)
- 9 Р ни с тем, ни с другим
 10 (1.9)
- 11 И то ↑есть,
 12 службам безопасности всегда следует оставаться
 13 в рамках закона
 14 (0.2)
 15 или в чрезвычайных ситуациях можно нарушать закон?
 16 (1.9)
- 17 Р [ну, давайте] оставаться
 18 И [(что вам подходит)]

С точки зрения респондента, первоначальный ответ вполне адекватен и соответствует вопросу. Для интервьюера такой ответ проблематичен, так как не соотносится с ответами, предполагаемыми анкетой. Вариант «затрудняюсь ответить» менее предпочтителен, поскольку даже не проговаривается. Интервьюер переспрашивает, в результате чего респондент выбирает один из предложенных вариантов. В подобных примерах можно наблюдать работу интервьюера по сведению ответа респондента к одному из вариантов из анкеты, работу по формированию адекватного ответа.

Еще более явно эта работа прослеживается в ситуациях, когда респондент дает однозначный ответ, который можно соотнести с вариантами из анкеты, но поскольку ответ не полностью соответствует формулировкам анкеты, происходит переспрашивание. Такие случаи маркируют необходимость трансформации слов респондента в адекватную, с точки зрения интервьюера, форму, даже если содержательно ответ не меняется. Рассмотрим подобный пример:

Транскрипт 3

- 1 И как вы относитесь к тому,
2 что >жена может зарабатывать больше мужа<
3 положительно, отрицательно или безразлично?
4 (1.5)
5 Р не имеет значения
6 (0.8)
7 И безразлично?
8 (0.4)
9 Р да

Как видно из примера, респондент дает однозначный ответ, который можно соотнести с вариантами в анкете, но интервьюер все равно переспрашивает. Это может быть связано с тем, что формулировка респондента отличается от того, как ответы сформулированы в анкете. Соответственно, чтобы отметить подходящий вариант, необходима определенная интерпретативная работа, иногда проблематичная для интервьюера в связи с динамикой ситуации и задачей быстро «идти по вопросам». Интерпретация же предполагает определенную работу, необходимость «остановиться и подумать». В связи с этим интервьюер почти механически осуществляет переспрашивание, переключая тем самым на респондента работу по переводу его ответа в категории анкеты. Это может быть связано с тем, что по правилам стандартизации интервьюер не имеет права изменять формулировку вопроса. «Поскольку стандартизация требует, чтобы каждому респонденту был задан тот же вопрос, интервьюерам не следует предлагать более простой парафраз вопроса, когда респондент формально просит повторение» [Maynard, Moore, 2002: 290].

Стандартизация — это набор различных практик, приводящих к снижению влияния интервьюера на ответ респондента. Д. Мейнард и Н. Шеффер пишут, что стандартизация приводит к взаимозаменяемости интервьюеров: «если стандартизация исчерпывающая и отлично реализованная, то мы можем говорить, что интервьюер не повлиял на ответы в том смысле, что эффект от любого интервьюера будет таким же, как и эффект от любого другого интервьюера» [Maynard, Schaeffer, 2002: 6]. Взаимодействие интервьюера и респондента ограничено анкетой и стандартизировано, что сокращает влияние интервьюера на ответ респондента, но в то же время интервьюер лишается возможности прояснить некоторые неясные респонденту моменты. Стандартизация также приводит к тому, что интервьюер переспрашивает даже тогда, когда респондент дает четкий ответ, но отличающийся по формулировке от варианта, присутствующего в анкете. Интервьюер может предполагать, что то, как он соотносит ответ респондента с вариантами в анкете, покажется неочевидным при проверке [Рогозин, 2017]. Хотя, как показал пример в начале главы, переспрашивание может попросту сместить ответ респондента, изменить его в плане содержания, а не только формулировки.

В связи с этим важно обратить внимание на случаи, когда ответ респондента не соответствует формулировкам в анкете, но переспрашивание не происходит. Обобщая, можно выделить два типа таких ситуаций. Первый тип связан

со спецификой респондента и может возникать, например, когда уставший респондент с трудом отвечает на вопросы или раздражительно реагирует на само переспрашивание. В подобных случаях интервьюер может не осуществлять переспрашивание и брать работу по интерпретации на себя, но такие случаи скорее являются исключением. Второй тип обозначает ситуации, в которых ответ респондента не соответствует формулировкам анкеты, но принимается интервьюером в связи с наличием определенных выражений. Рассмотрим несколько примеров таких случаев.

Транскрипт 4

- 1 И как вы считаете,
 2 в первую очередь государство ↑должно: обеспечивать права
 3 и свободы граждан (.) или в первую очередь должно
 4 предотвращать правонарушения и обеспечивать безопасность?
 5 (2.3)
 6 И то есть пе:рвое >в первую очередь обеспечивать права и
 7 ↑свободы граждан< (.) или второе, в первую очередь
 8 предотвращать правонарушения и обеспечивать безопасность?
 9 (1.4)
 10 Р я думаю ↓первый вариант.

Транскрипт 5

- 1 И х: как вы считаете,
 2 в России соблюдаются или не: соблюдаются
 3 права человека?
 4 (2.4)
 5 Р м:::не:т

В обоих случаях, несмотря на то что ответ респондента не соответствует формулировкам ответов в анкете, переспрашивание не происходит. Порядковый номер ответа и частицы да/нет являются эквивалентами формулировок анкеты, в связи с чем при их использовании переспрашивание может и не возникать. В первом случае это, возможно, связано с тем, что интервьюер после молчания респондента повторно озвучивает варианты ответов, при этом обозначая их как первый и второй. Вследствие этого ответ «первый вариант» считается как адекватный. Однако это также может быть связано с тем, что варианты ответов закодированы, и интервьюер проговаривает их в соответствующем порядке, поэтому порядковый номер в качестве ответа не требует работы по интерпретации и считается как адекватный. Схожую роль играют частицы да/нет, но их использование уже в большей степени зависит от типа вопроса. В случае конструкций «соблюдаются — не соблюдаются», «должно — не должно» да/нет оказываются эквивалентами вариантов ответа, но, например, в предпоследнем фрагменте ответ по типу да/нет неуместен. Соответственно, порядковый номер оказывается более универсальным эквивалентом, так как все ответы кодируются. Необходимость кодирования связана с практическими задачами

перевода данных в вид, в котором к ним можно применить различные математические операции. Тем не менее в телефонных интервью можно наблюдать систематически повторяющиеся ситуации, когда респондент использует точную формулировку из анкеты или один из приведенных выше эквивалентов, но переспрашивание все равно происходит:

Транскрипт 6

- 1 И в России соблюдаются ↑не соблюдаются права человека?
 2 (2.1)
 3 Р эу: (1.1) в основном нет
 4 (0.8)
 5 И то есть скорее не соблюдаются (.) дальше
 6 Р да:

Транскрипт 7

- 1 И х: скажите пожалуйста,
 2 >вы всегда ↑одна пользуетесь этим мобильным телефоном<
 3 или им пользуются не:сколько человек,
 4 если несколько, то сколько именно?
 5 (1.6)
 6 Р м::: иногда два
 7 (0.3)
 8 И а то есть пользуетесь ↑одна или два человека?
 9 (0.5)
 10 Р да
 11 (0.8)
 12 И э: (.) два?
 13 Р два два °да°

Использование в ответе конструкций по типу «в основном», «иногда», «наверное» и т. п. влечет за собой переспрашивание. Видимо, подобные выражения добавляют ответу неуверенность, делают связь высказанного респондентом ответа и ответа в анкете проблематичной, менее очевидной, что, опять же, может вызывать необходимость интерпретации со стороны интервьюера. Он осуществляет переспрашивание, уточняя тем самым, тот ли ответ предполагает респондент.

Схожий эффект производит избыточный ответ, когда респондент обосновывает свой выбор, добавляя информацию, которая не нужна для опроса. Это создает некоторую неопределенность для интервьюера, поскольку у него нет возможности вдумчиво и внимательно выслушать ответ. Дополнительное смысловое содержание нагружает и требует большей работы по интерпретации слов респондента. Подобную ситуацию можно наблюдать в следующем примере:

Транскрипт 8

- 1 И одни считают что если закон плохой,
2 то следовать ему необязательно.
3 другие считают, что любой закон нужно соблюдать.
4 с каким мнением (.) первым или вторым вы согласны?
5 (1.1)
- 6 Р ф: а я считаю что раз законы изданы,
7 значит кто-то над ними работал,
8 и какие-то >значит как сказать
9 предусмотрены какие-то такие
10 как сказать ам: какие-то правила<,
11 я думаю, их надо выполнять.
- 12 И х: >то есть, какой вариант, первый,
13 если закон плохой, то следовать ему необязательно,
14 второй, любой закон следует соблюдать<,
15 ↑какой вариант, первый или второй?
- 16 Р я ду:маю что все-таки его надо соблюдать.
17 (0.7)
- 18 И то есть [()]
- 19 Р [а если] его не соблюдать,
20 это получается (.) анархия.
21 (0.5)
- 22 И х: то есть любой закон следует соблюдать, верно?

Если первоначальный ответ респондента несколько расплывчатый, то второй — четкий и соответствующий формулировкам, но интервьюер переспрашивает еще раз, чтобы окончательно уточнить.

Таким образом, через исследование такого феномена, как переспрашивание в телефонных интервью, можно выявить метод действия интервьюера. Этот метод заключается в поиске в ответе респондента тех выражений, которые непосредственно присутствуют в вариантах ответов анкеты. В случае их отсутствия осуществляется переспрашивание с целью приведения ответа к адекватной форме. Для интервьюера адекватный ответ — это такой ответ, который сформулирован в категориях анкеты или в их эквивалентах (порядковый номер, да/нет). Систематически переспрашивание не происходит, если респондент точно воспроизводит формулировку ответа из анкеты или использует эквиваленты в виде порядкового номера ответа или частиц да/нет (в определенных вопросах). Переспрашивание же происходит, во-первых, когда респондент отвечает не на заданный интервьюером вопрос. Во-вторых, когда ответ респондента отсутствует в анкете. В-третьих, когда по смыслу ответ респондента есть в анкете, но сама формулировка ответа отличается. В-четвертых, когда респондент в своем ответе использует конструкции по типу «в основном», «иногда», «наверное» или дает развернутый ответ. Это не полный список ситуаций переспрашивания, но во всех этих случаях проявляется практическая задача редукции, перевода слов респондента в определенные формы. Далее рассмотрим способы, которыми осуществляется этот перевод.

Методы переспрашивания

В данном разделе будут рассмотрены различные методы переспрашивания, методы перевода ответа респондента в адекватную форму. Ханнеке Хауткуп-Стинстра в отношении открытых вопросов выделяет три способа формирования адекватности: 1) интервьюер проговаривает несколько вариантов ответа; 2) интервьюер проговаривает один вариант, в некотором смысле подсказывает; 3) интервьюер самостоятельно переформулирует неадекватный, с его точки зрения, ответ респондента в адекватную форму [Houtkoop-Steenstra, 1996: 211—216]. В случае закрытых вопросов данные способы также могут иметь место, но есть важные различия, связанные со спецификой вопросов и спецификой ситуаций переспрашивания. В связи с этим методы переспрашивания необходимо рассматривать вместе с самой ситуацией переспрашивания, так как различные ситуации предполагают различные методы. Мы постараемся дифференцировать методы переспрашивания, связав их с различными деталями самой ситуации. Начнем с примера:

Транскрипт 9

- 1 И как вы: относитесь к тому: ,
2 что жена может зарабатывать больше мужа?
3 положительно (.) отрицательно (.) или безразлично?
4 Р х: : ну это как жена будет смотреть на это и на мужа
5 (0.7)
6 И а вы как [относитесь?]
7 Р [хахахаха]
8 х: я не знаю как отношусь
9 ну положительно конечно ну (если есть)
10 есть согласие с обеих сторон=
11 И =угу=
12 Р =() жена зарабатывает
13 И [угу]
14 Р [какая] разница кто зарабатывает
15 И угу (.) следующий вопрос

Часто переспрашивание необходимо в связи с тем, что респондент игнорирует детали вопроса при ответе. В таких случаях интервьюер повторяет определенную часть вопроса, чтобы сделать на ней акцент. Например, в транскрипте выше у интервьюера появляется необходимость повторить начало вопроса после неадекватного ответа респондента. Респонденты часто пытаются высказать мнение большинства или мнение другого человека после вопросов, в которых просят озвучить их собственное мнение. Происходят и обратные ситуации, когда люди высказывают свое личное мнение после вопроса о том, как, по их мнению, думает большинство. Респонденты при ответе на вопрос путают не только свое мнение с чужим, но также и должное с сущим. Интервьюер может отдельно повторить как сам вопрос или его часть, так и ответы или один из вариантов ответа, что наблюдается в следующих примерах.

Транскрипт 10

- 1 И на ваш взгляд средства массовой информации
 2 должны всегда контролироваться государством,
 3 должны контролироваться только в особых случаях,
 4 например в целях безопасности,
 5 или должны быть полностью свободными?
 6 (0.7)
- 7 Р ну:: ↑сми всегда должны быть под контролем конечно
 8 (0.5)
- 9 И первый вариант да?
- 10 Р ↓да:

Транскрипт 11

- 1 И одни считают что в борьбе с терроризмом,
 2 службам безопасности,
 3 всегда следует оставаться в рамках закона.
 4 другие полагают,
 5 что в чрезвычайных ситуациях >можно нарушать закон.
 6 с каким мнением (.) первым или вторым
 7 вы скорее согласны<?
- 8 Р м:: борьба то она б- борьбой,
 9 но я думаю ↑закон соблюдать нужно
- 10 И то есть службам безопасности
 11 всегда следует оставаться в рамках закона, верно?
- 12 Р м: я думаю так

В обоих примерах ответ респондента вполне четкий, соответствует возможному ответу в анкете, но несколько отличается формулировкой. Переспрашивая, интервьюер называет только один из вариантов ответа, но делает это несколько по-разному. В первом случае формулировка ответа почти не отличается от варианта анкеты, и интервьюер уточняет тот ли это вариант, используя эквивалент в виде порядкового номера ответа. Связь между ответом респондента и вариантом ответа в анкете здесь не проблематична, переспрашивание необходимо только для того, чтобы ее уточнить. Несколько другой метод используется во втором примере: ответ респондента однозначен и предполагается анкетой, но в нем отсутствует ряд ключевых для интервьюера слов (службы безопасности; всегда). Переспрашивая, интервьюер проговаривает только один вариант ответа, но проговаривает его полностью, то есть переформулирует ответ респондента в категориях анкеты. Связь между ответом респондента и ответом из анкеты здесь более проблематична, поэтому интервьюер переводит одно в другое. Дж. Ван дер Зувен называет перевод ответа респондента в форму ответа из анкеты настройкой ответа [Van der Zouwen, 2002: 59]. Она может сопровождаться или не сопровождаться уточняющим вопросом интервьюера о том, правильный ли вариант ответа он выбрал. Итак, переспрашивание с проговариванием только одного варианта ответа характерно для ситуаций, когда ответ респондента

однозначный, но не полностью соответствует формулировкам анкеты, задача интервьюера здесь — уточнить связь ответа респондента и варианта ответа из анкеты. Перейдем к случаям, когда в переспрашивании проговариваются все варианты ответов:

Транскрипт 12

- 1 И а как- как вы относитесь к тому,
 2 что жена может зарабатывать больше мужа
 3 положительно отрицательно или безразлично?
 4 (2.7)
- 5 Р я считаю что это н- не нормально
 6 (0.9)
- 7 И так (.) >положительно отрицательно безразлично
 8 [какой ваш вариант?<]
 9 6 [а- отрицательно]
 10 И отрицательно идём далее
 11 х:: одни считают что гомосексуализм это не нормально
 12 поэтому он должен быть запрещён
 13 х: другие полагают что гомосексуализм
 14 это частная жизнь людей
 15 в которую никто не должен вмешиваться
 16 с каким утверждением
 17 с первым или вторым вы скорее согласны?
 18 (1.3)
- 19 Р я считаю что их лечить надо
 20 (0.5)
- 21 И ↓так (.) ↑какой вариант я должна отметить?
 22 (1.7)
- 23 Р о::й ф::
 24 (0.2)
- 25 И первый го- гомосексуализм это не нормально
 26 >должен быть запрещён<
 27 второй это частная жизнь людей
 28 какой (.) вариант?
 29 (2.8)
- 30 Р я считаю что это (надо) скорее всего давайте первый

Как видно в строке 23, вопрос оказывается трудным для респондента. В данном случае интервьюер после услышанного тяжелого выдоха предполагает, что респондент не понимает вопрос или не может определиться с ответом. Вследствие этого интервьюер переформулирует вопрос, более четко обозначая варианты ответа и выделяя их порядковые номера, чтобы респондент мог выбрать номер ответа вместо проговаривания ответа целиком. Вероятно, это связано со сложностью самого вопроса, с той компетенцией, которую он предполагает. Такой метод переспрашивания упрощает восприятие вопроса и возможный способ от-

вета. Это наблюдение может иметь значение для интервьюеров, перед которыми встает задача переспрашивания без искажения изначального смысла вопроса. Переспрашивание с проговариванием всех ответов происходит также в тех случаях, когда респонденту трудно ответить в категориях анкеты:

Транскрипт 13

- 1 И как вы считаете,
2 в России соблюдаются или не соблюдаются
3 права человека?
4 (1.3)
5 Р м:: вариант отчасти есть?
6 (1.1)
7 И э::↑нет (.) соблюдаются или не соблюдаются?
8 Р >°права человека°< ну тогда:: соблюдаются
9 И соблюдаются (.) далее

В подобных случаях респонденту часто проблематично ответить на вопрос, используя предложенные варианты, в связи с чем он апеллирует к тому, что трудно дать общий ответ на подобный вопрос, так как он зависит от некоторых частных, например, людей, ситуаций. По сути, такой ответ однозначен и понятен, но напрямую не соответствует вариантам в анкете. В последнем фрагменте ответ респондента строится на предположении, что возможности реализации прав у мужчин и женщин равны, и все зависит от человека, соответственно, ответ можно свести к варианту «возможности равны». Однако в этом случае требуется интерпретативная работа, которой интервьюер постоянно стремится избежать. В связи с этим он повторяет все ответы, принуждая респондента выбрать один из допустимых вариантов. Важно отметить, что интервьюер делает упор именно на ответы, так как сам вопрос понятен респонденту, он ответил на него. Повторение как метод переспрашивания типичен для ситуаций, в которых респонденту трудно выбрать один ответ. Однако в подобных случаях возможны и другие способы переспрашивания:

Транскрипт 14

- 1 И а лично вы скорее по закону или скорее
2 по неформальным правилам >личным договоренностям< живете?
3 (2.7)
4 Р [по обстоятельствам]
5 И [()],
6 Р >девушка, невозможно так сказать.
7 И а в бо:льшинстве случаев туда или туда?
8 (0.2)
9 все равно где-то как-то

Транскрипт 15

- 1 И как вы считаете в первую очередь государство должно
 2 обеспечивать права и свободы граждан
 3 или в первую очередь должно
 4 предотвращать правонарушения и обеспечивать безопасность?
 5 (0.8)
- 6 Р х:: о::й (.) важно конечно и то и другое
 7 (0.2)
- 8 И а в первую очередь что?
- 9 Р ну- х:: ну как бы безопасность граждан
 10 [в каждом доме] в первую очередь
 11 И [безопасность?]
- 12 Р да: а во второй как бы права
 13 тоже [как бы]
- 14 И [угу]
- 15 Р тоже государство
- 16 И поняла

В первом из этих двух примеров респондент апеллирует к трудности ответа на подобный вопрос в целом, так как бывают разные ситуации. Интервьюер же, переспрашивая, наоборот, призывает сделать выбор. Во втором примере имеет место схожий метод переспрашивания, хотя сама ситуация несколько иная — вместо одного варианта респондент выбрал оба. Данный метод переспрашивания — уточнение, характерен для случаев, когда респонденту трудно выбрать один вариант ответа, и он либо вообще отказывается выбирать, либо выбирает сразу несколько вариантов. В уточнении как способе переспрашивания используются следующие формулировки: «все-таки что больше»; «нужно один, какой самый важный»; «а как Вы в целом к этому относитесь»; «а что Вам ближе все-таки» и т. п. По сути, в данном методе переспрашивания выражается позиция, что не бывает абсолютной равнозначности между вариантами ответов, всегда есть уклон во что-то одно. Это также говорит о том, что адекватный ответ почти всегда — некоторое обобщение, оценка или мнение по поводу общего положения дел, а не частных, связанных лично с респондентом (исключая вопросы, которые специально направлены именно на респондента, например, паспортная часть анкеты).

Таким образом, мы выявили пять методов переспрашивания. *Первый* — повторение части вопроса для обращения на нее внимания респондента. *Второй* — настройка ответа, когда респондент дает точный ответ, соответствующий варианту в анкете, но формулировка несколько отличается. В таких случаях интервьюер проговаривает один из вариантов ответа, уточняя, соответствует ли он тому, что высказал респондент. *Третий метод переспрашивания* — упрощение, используется в ситуациях, когда респондент не совсем понимает вопрос. Соответственно, интервьюер может несколько изменить подачу вопроса, чтобы он легче воспринимался. *Четвертый метод* — повторение, используется, когда респонденту трудно выбрать ответ. При повторении формулировка ответов также может трансформироваться. Важное отличие от предыдущего метода в том, что в нем целью переспрашивания является упрощение

понимания вопроса и ответов для респондента, в случае же повторения сам вопрос понятен респонденту, но выбор варианта ответа проблематичен. В подобных ситуациях может использоваться и *пятый метод* — *уточнение*, когда интервьюер указывает на то, что один из вариантов все равно оказывается более вероятным. Также этот метод может использоваться в ситуациях, когда респондент вместо одного варианта выбрал сразу несколько. В последних двух методах переспрашивания наиболее четко проявляется задача редукции слов респондента к адекватной форме, поскольку ответ респондента не вписывается в варианты ответа, предполагаемые анкетой, но благодаря переспрашиванию приводится к соответствующей форме.

Заключение

Опросы — это точка доступа, делающая возможным наше знание об общественном мнении и само общественное мнение как таковое. Опросная технология, предложенная Дж. Гэллапом в 1930-е годы, остается одним из основных источников данных при принятии политических и экономических решений. Однако в социальных науках не уделяется достаточно внимания тому, как опросы реально работают. Существует большое количество исследований, посвященных проблемам, связанным с результатами опроса, например, ошибкам выборки, неответам, влиянию интервьюера на ответ респондента и т. п. Основная часть подобных исследований упускает работу, осуществляемую в процессе опроса, «„упускает“ интеракционное „что“ изучаемых занятий» [Lynch, 1993: 271]. На исследование этой работы направлен конверсационный анализ, в перспективе которого написан данный текст.

В анализируемых нами ситуациях работа заключается в переводе ответа респондента на язык анкеты. В процессе телефонного интервью слова респондента переводятся в определенные формы, предусмотренные анкетой или в их эквиваленты (частицы да/нет, порядковый номер ответа), что в дальнейшем обеспечивает возможность применения различных математических операций. Перед интервьюером, таким образом, стоит задача по трансформации человека в респондента, которая достигается путем создания наблюдаемого порядка телефонного интервью. Эта связано с тем, что институциональная специфика интервью как формы разговора не всегда доступна респонденту. Не каждый человек обладает компетенцией респондента. Изучение работы по дисциплинированию респондента необходимо, если мы задаемся вопросом о том, как возникает знание об общественном мнении.

Список литературы (References)

Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2013. 414 с.

Latour B. (2013) Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. St. Petersburg: Publishing house of European University at Saint Petersburg. 414 p. (In Russ.)

Ло Дж. Оптика опроса // Социология власти. 2012. № 1. С. 218—243.

Law J. (2012) Seeing Like a Survey. *Sociology of Power*. No. 1. P. 218—243. (In Russ.)

Рогозин Д. В тени опросов, или будни полевого интервьюера. Страна Оз, 2017.
Rogozin D. (2017) In the shadow of the polls, or field interviewer weekdays. Strana Oz. (In Russ.)

Сакс Х., Щеглофф Э. А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. № 1. С. 142—202.
<https://sociologica.hse.ru/en/2015-14-1/147275640.html>.

Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (2015) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *The Russian Sociological Review*. No. 1. P. 142—202. (In Russ.) <https://sociologica.hse.ru/en/2015-14-1/147275640.html>.

Турчик А. В. Конверсационный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // Социология власти. 2013. № 1—2. С. 122—154.

Turchik A. V. (2013) Conversational Analysis of Institutional Interaction: Communicative Strategies of Participants in the «Interrupted» Telephone Interview. *Sociology of Power*. No. 1—2. P. 122—154. (In Russ.)

Gallup G. H. (1995) The role of the public opinion poll. In: *The Press and Society: A Book of Readings*. New York: Prentice-Hall. P. 20—24.

Garfinkel H. (2002) Ethnomethodology's program: working out Durkheim's aphorism. Lanham: Rowman & Littlefield. <https://doi.org/10.1086/381988>.

Heritage J. (1998) Conversation Analysis and Institutional Talk: Analyzing Distinctive Turn-Taking Systems. In: *Proceedings of the 6th International Congress of IADA*. Tübingen: Niemeyer. P. 3—17.

Houtkoop-Steenstra H. (1996) Probing Behaviour of Interviewers in the Standardised Semi-Open Research Interview. *Quality and Quantity*. No. 2. P. 205—230. <https://doi.org/10.1007/bf00153988>.

Houtkoop-Steenstra H. (2002) Questioning Turn Format and Turn-Taking Problems in Standardized Interviews. In: *Standardization and Tacit Knowledge: Interaction and Practice in the Survey Interview*. New York: John Wiley & Sons. P. 243—260. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511489457.007>.

Jefferson G. (2004) Glossary of transcript symbols with an introduction. In: *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam: John Benjamins. P. 13—31. <https://doi.org/10.1075/pbns.125.02jef>.

Latour B. (1990) Drawing Things Together. In *Representation in Scientific Practice*. Cambridge: MIT Press. P. 19—69.

Law J., Urry J. (2004) Enacting the social. *Economy and Society*. No. 3. P. 390—410.

Lehn D. f. (2014) Harold Garfinkel: The Creation and Development of Ethnomethodology. Routledge. 208 p.

Lynch M. (2000) The ethnomethodological foundations of conversation analysis. *Text — Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. No. 4. P. 517—532.

- Lynch M. (1993) *Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science*. New York: Cambridge University Press. 333 p.
- Lynch M. (2002) *The Living Text: Writing Instructions and Situated Actions in Telephone Surveys*. In *Standardization and Tacit Knowledge: Interaction and Practice in the Survey Interview*. New York: John Wiley & Sons. P. 125—150.
- Maynard D.W, Moore R. J. (2002) *Achieving Understanding in the Standardized Survey Interview: Repair Sequences*. In *Standardization and Tacit Knowledge: Interaction and Practice in the Survey Interview*. New York: John Wiley & Sons. P. 281—313.
- Maynard D. W., Schaeffer N. C. (2002) *Standardization and its discontents*. In *Standardization and Tacit Knowledge: Interaction and Practice in the Survey Interview*. New York: John Wiley & Sons. P. 3—46.
- Osborne T., Rose N. (1999) *Do the social sciences create phenomena? The example of public opinion research*. *British Journal of Sociology*. No. 3. P. 367—396. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.1999.00367.x>.
- Sacks H. (2006) *Lectures on conversation*. Gail Jefferson and Emanuel Schegloff (eds.). Blackwell Publishing. 1520 p.
- Suchman L., Jordan B. (1990) *Interactional Troubles in Face-to-Face Survey Interviews*. *Journal of the American Statistical Association*. No. 409. P. 232—253. <https://doi.org/10.2307/2289550>.
- Van der Zouwen J. (2002) *Why Study Interaction in the Survey Interview? Response from a Survey Researcher*. In: *Standardization and Tacit Knowledge: Interaction and Practice in the Survey Interview*. New York: John Wiley&Sons. P. 47—66.

Приложение 1

Глоссарий символов транскрибирования

[Момент начала накладывающихся чередов
]	Момент окончания накладывающихся чередов либо момент окончания одного из накладывающихся чередов при продолжении другого
=	Отсутствие паузы там, где она может ожидаться (например, в конце предложения)
= =	Отсутствие паузы между чередками разных говорящих (знак «=» ставится в конце одного череда и в начале следующего)
(1.2)	Пауза в целых и десятых долях секунды
(.)	Небольшая пауза (\pm одна десятая секунды)
<u>слово</u>	Интонационное выделение посредством смены высоты и/или диапазона голоса
::	«Растягивание» звука (длина ряда двоеточий соответствует длительности растягивания)
↓↑	Заметное повышение или понижение высоты голоса в последующем фрагменте
.,?	«Обычная» интонация
СЛОВО	Фрагмент, произнесенный громче окружающих его фрагментов
°слово°	Фрагмент, произнесенный тише окружающих его фрагментов
x	Вдох
ф	Выдох
-	Обрыв череда или слова
>слово<	Фрагмент, произнесенный быстрее окружающих его фрагментов
<слово>	Фрагмент, произнесенный медленнее окружающих его фрагментов
()	Фрагмент, который не удалось разобрать (расстояние между скобками соответствует примерной длине высказывания)
(слово)	Неуверенность в точности транскрибирования
((кашляет))	Комментарии транскрибера

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.03

Правильная ссылка на статью:

Лебедев Д. В., Богданов М. Б. Переход с PAPI на CAPI: опыт интервьюеров и характеристики, влияющие на их ожидания // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 43—67. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.03>.

For citation:

Lebedev D. V., Bogdanov M. B. (2019) Transition from PAPI to CAPI: interviewers' experience and factors influencing their expectations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 43—67. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.03>.

Д. В. Лебедев, М. Б. Богданов ПЕРЕХОД С PAPI НА CAPI: ОПЫТ ИНТЕРВЬЮЕРОВ И ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИХ ОЖИДАНИЯ

ПЕРЕХОД С PAPI НА CAPI: ОПЫТ ИНТЕРВЬЮЕРОВ И ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИХ ОЖИДАНИЯ

TRANSITION FROM PAPI TO CAPI: INTERVIEWERS' EXPERIENCE AND FACTORS INFLUENCING THEIR EXPECTATIONS

ЛЕБЕДЕВ Даниил Вадимович — младший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: zenon-daniil@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7246-8022>

Daniil V. LEBEDEV^{1,2} — Junior Research Fellow, Institute for Social Analysis and Forecasting; post-graduate student
E-MAIL: zenon-daniil@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7246-8022>

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), Moscow, Russia

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

БОГДАНОВ Михаил Богданович — аналитик, лаборатория культурсоциологии и антропологии образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: bogdanovmikle@mail.ru

https://orcid.org/0000-0001-6245-7178

Mikhail B. BOGDANOV² — analyst, Laboratory for Cultural Sociology and Anthropology of Education

E-MAIL: bogdanovmikle@mail.ru

https://orcid.org/0000-0001-6245-7178

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В работе представлен анализ оценки интервьюерами и супервайзерами пробного этапа перевода опроса, проводимого в рамках проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ-ВШЭ), с методики бумажной анкеты (Pen and Pencil Interview — PAPI) на методику с использованием планшета (Computer Assisted Personal Interview — CAPI). В качестве данных для анализа послужил материал 13 интервью с полевыми интервьюерами и трех интервью с супервайзерами, а также анкетирование 50 интервьюеров.

Основными преимуществами CAPI являются: значительное снижение стоимости проведения полевого этапа (особенно в долгосрочной перспективе), повышение скорости передачи и обработки данных, а также в некоторых случаях повышение качества данных (например, увеличение доли содержательных ответов на чувствительные вопросы — потребление алкоголя, доход). Тем не менее, переход к сбору данных с использованием планшетов связан также с некоторыми рисками. Среди основных недостатков CAPI можно выделить увеличение воспринимаемой длительности анкеты, потерю гибкости в процессе заполнения анкеты, психологический дискомфорт (страх), а также возрастающую ког-

Abstract. In this work, authors analyse the evaluation of pilot phase of the survey transition from the Pen and Pencil Interview method (PAPI) to Computer Assisted Personal Interview (CAPI) method using a tablet within the project "Russian Longitudinal Monitoring Survey" (RLMS-HSE) made by interviewers and supervisors. The analysis made using data gained from 13 interviews with interviewers, 3 interviews with supervisors, and a survey conducted on 50 interviewers.

The main advantages of CAPI method are: a significant reduction in the cost of the field phase (especially in the long term), increasing the speed of data transmission and processing, and in some cases improving the quality of data (for example, increasing the proportion of meaningful answers to sensitive questions about an alcohol consumption and an income).

However, the transition to a data collection using tablets also involves some risks. The main CAPI disadvantages are an increase in the perceived length of an interview; a loss of flexibility in the process of filling in the questionnaire; unease or fear, as well as an increased cognitive overload of the interviewers. Also, the use of tablets associated with such technical difficulties as long response time of a tablet, full or partial data loss, difficulties with GPS position location.

нительную нагрузку на интервьюеров. Использование планшетов также было сопряжено с такими техническими трудностями, как медленная работа устройства, полная или частичная потеря данных, невозможность определения местоположения.

Кроме того, интервьюеры отмечают изменение коммуникативной составляющей интервью при опросе с использованием планшетов, что потенциально может оказывать значительное влияние на восприятие ситуации интервьюерами и респондентами и снижать удовлетворенность участием в проекте. С помощью моделирования структурными уравнениями на данных анкетирования 50 интервьюеров, отобранных для участия в пробном этапе, было выявлено, что влияние возраста на ожидания интервьюеров относительно CAPI полностью опосредуется их уверенностью пользования техническими средствами.

Ключевые слова: CAPI, PAPI, методы сбора данных, интервьюеры, ожидания интервьюеров, методология лонгитудных обследований

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы по гранту Российского научного фонда «Разработка интерактивной методической инфраструктуры для повышения качества данных лонгитудных социологических исследований» (№ 17-78-20172).

Авторы статьи выражают благодарность за помощь в сборе данных и за ценные комментарии в процессе написания статьи И.Ф. Девятко и А.М. Мавлетовой.

Besides, interviewers noted a change in the communicative component of the interview when interviewing with tablets which may considerably change interviewers' and respondents' reaction to the interviewing process and satisfaction. Structural equation modelling on data from a survey of 50 interviewers selected to participate in the pilot phase revealed that their confidence in using technical tools completely mediates the influence of age on interviewers' expectations regarding CAPI.

Keywords: CAPI, PAPI, data collection methods, interviewers, interviewers' expectations, methodology of longitudinal surveys

Acknowledgments. This article was prepared within the project titled: "Developing an interactive methodical infrastructure for improving data quality in longitudinal sociological surveys" supported by the Russian Scientific Fund (Project Number: 17-78-20172).

The authors express their gratitude for the help in data collection and for valuable comments during the process of writing the article I. F. Devyatko and A. M. Mavletova.

Введение

На смену привычным методам проведения опросов, наиболее распространенным из которых можно считать личное интервьюирование с использованием бумажной анкеты (Paper and Pencil Personal Interview — PAPI), приходят новые методы, в которых используются различные формы компьютерных технологий (Computer-Assisted Interviewing — CAI). В перечень таких способов сбора данных помимо прочих входят также интервью на планшетах (Computer-Assisted Personal Interviewing — CAPI). Несмотря на то, что зарубежный опыт переходов от PAPI к CAPI описывался уже в 1990-х и начале 2000-х [Bateson, Hunter, 1991; Böhme, Stöhr, 2014; De Leeuw et al., 1995; Laurie, 2003; Schräpler et al., 2006; Smith, Kim, 2003], в российском исследовательском поле сложно найти детальное описание нюансов и возможных трудностей, связанных с переходами подобного рода. Более того, отсутствует также и описание отличий между данными, получаемыми в результате использования различных способов интервьюирования респондентов (CAPI, PAPI и др.), в том числе и относительно изменения качества данных.

Внедрение компьютерных технологий в процесс сбора данных зачастую обосновывается несколькими причинами: снижение длительности полевого этапа и стоимости его проведения (особенно в долгосрочной перспективе) [Baker et al., 1995], автоматизация переходов между вопросами наряду с другими возможностями, предоставляемыми компьютерными технологиями [Couper, Burt, 1994]. Кроме того, использование компьютерных технологий на полевом этапе позволяет осуществлять более эффективный контроль за сбором данных, а также дает возможность собирать дополнительную информацию об интервью и поведенческих характеристиках респондентов и интервьюеров (параданные) [Терентьев и др., 2018].

В случае анкет с большим количеством вопросов-фильтров и переходов навигация по опроснику может вызывать затруднение у интервьюеров при использовании PAPI метода сбора данных. Использование методов CAI (в том числе и CAPI) позволяет избежать ошибок на этапе проведения интервью, связанных с навигацией по анкете, поскольку подобные задачи решаются автоматически. Более того, компьютерные технологии в процессе опроса позволяют сравнивать ответы на определенные связанные вопросы, благодаря чему возможно оперативно исправлять ошибки ввода (например, указание определенного формата ответа на вопрос про возраст — только цифры, N/NN). Это позволяет снизить время на проверку данных, так как получаемые ответы проверяются автоматически в поле, а также, в случае наличия доступа к интернету, могут проверяться супервайзером непосредственно в процессе проведения поля. Более того, отсутствие отдельного этапа ввода данных позволяет снизить как материальные, так и временные затраты, необходимые для проверки и исправления ошибок ввода [Couper, Burt, 1994].

Купер и Берт в своих работах приводят данные, показывающие, что люди, обладающие низким уровнем компьютерной грамотности, могут не доверять опросам, использующим CAI методы сбора данных, из-за эффекта «большого брата» — недоверие компьютерным технологиям из-за неуверенности в том, что предоставляемые данные будут использоваться конфиденциально и будет со-

хранена анонимность [Couper, Burt, 1994]. Более того, события последних лет (скандалы с использованием персональных данных) могут приводить к недоверию компьютерным технологиям и со стороны уверенных пользователей¹. Роджер Туранжо утверждает, что само присутствие интервьюера в процессе проведения интервью методом СAPI может приводить к получению менее содержательных ответов на чувствительные вопросы от респондентов [Tourangeau, Smith, 1996; Tourangeau, Yan, 2007].

Тем не менее, с каждым годом в России снижается доля людей, не пользующихся компьютерными технологиями [Богданов, Лебедев, 2017], что, соответственно, потенциально может вести к снижению влияния эффекта «большого брата» [Paudel et al., 2013]. При этом проблема ответов на чувствительные вопросы остается и при использовании СAPI, а также в случае панельных социальных обследований, особенно учитывая заинтересованность социальных исследований в таких чувствительных темах как доходы [Al Baghal et al., 2018; Paudel et al., 2013], здоровье [Watson, Wilkins, 2012] и т. п.

В таких типах вопросов, как предоставление данных относительно доходов или прохождение по ссылке для связи опросных данных с персональным твиттер-аккаунтом, люди чаще раскрывают информацию в случае использования СAPI метода сбора данных, нежели в случае онлайн опросов. Предположительно это может быть связано с более высоким уровнем доверия со стороны респондентов к процессу сбора данных с участием интервьюеров [Baker et al., 1995; De Leeuw et al., 1995; Al Baghal et al., 2018: 50].

Переход с метода сбора данных PAPI на СAPI требует большого внимания и детальной проработки на каждом этапе. Особенно это важно в случае панельных обследований, в которых одни и те же респонденты из волны в волну опрашиваются одними и теми же интервьюерами. В этом контексте необходимо обратить внимание на исследования, сфокусированные на оценке изменений, происходящих при переходе на сбор данных методом СAPI.

В контексте осуществления перехода с PAPI на СAPI существенным вопросом становится оценка изменений качества данных на всех имеющихся уровнях их сбора. Учитывая ключевую роль интервьюеров в этом процессе, в этой работе мы сконцентрировались на изучении изменений в коммуникативной и ситуационной составляющих при переходе от PAPI к СAPI с их точки зрения. Мы считаем необходимым обратить внимание на трудности, с которыми столкнулись интервьюеры в процессе сбора данных с помощью нового метода (СAPI). Дополнительной задачей данной работы является измерение характера взаимосвязи возраста интервьюеров и их ожиданий относительно перехода на СAPI.

В начале этой работы мы систематизируем результаты имеющихся исследований относительно использования СAPI, а также влияния переходов с PAPI на СAPI на качество данных, интервьюеров и респондентов. В разделе «Методология

¹ Wong J., The Cambridge Analytica scandal changed the world — but it didn't change Facebook // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/mar/17/the-cambridge-analytica-scandal-changed-the-world-but-it-didnt-change-facebook> (дата обращения: 23.08.2019); Forrest A. Facebook data scandal: Social network fined \$5bn over 'inappropriate' sharing of users' personal information // Independent URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/facebook-data-privacy-scandal-settlement-cambridge-analytica-court-a9003106.html> (дата обращения: 23.08.2019).

исследования» будут описаны: контекст проведенного исследования, стратегия сбора и анализа данных, которые мы используем в работе. Далее будут представлены результаты анализа проведенных в рамках исследования полуструктурированных интервью (преимущества, недостатки, трудности при использовании CAPI) и собранных количественных данных (взаимосвязь возраста интервьюеров и ожиданий относительно перехода на CAPI).

Имеющийся опыт перехода на CAPI

Появление компьютерной техники в привычной «вопросно-ответной» форме коммуникации между интервьюером и респондентом может приводить к возникновению некоторых сложностей. В панельных исследованиях, в которых один интервьюер может проводить опрос в тех же самых домохозяйствах, эта проблема представляется еще более существенной. За годы проведения исследования между интервьюером и респондентом могут возникнуть доверительные отношения. Появление в этом контексте компьютерной техники может влиять как на сам процесс проведения интервью, так и на получаемые данные, а также на ощущения от участия в исследовании как респондентов, так и интервьюеров. Сама ситуация интервью может становиться более официальной [Watson, Wilkins, 2012]. Именно подобному изменению приписывают наибольшую значимость в отношении изменения качества получаемых данных [Couper, Burt, 1994], поскольку это может приводить к отказу от участия в исследовании и, соответственно, осыпанию панели (увеличению ошибки неответов) [Терентьев и др., 2018].

Важно, тем не менее, отметить, что результаты некоторых исследований наоборот показывают, что при переходе от PAPI к CAPI количество отказов от участия в исследовании не увеличивается (панель не осыпается) [Paudel et al., 2013], а в некоторых случаях это приводит к значительному уменьшению отказов от участия и от ответов на отдельные вопросы, что может быть связано с более ответственным отношением к опросу в целом [Baker et al., 1995; Watson, Wilkins, 2012].

Одним из наиболее часто высказываемых опасений относительно перехода на сбор данных методами CAI является нежелание респондентов и/или интервьюеров участвовать в интервью с использованием компьютерных технологий [De Leeuw et al., 1995; Paudel et al., 2013]. Однако в проведенных исследованиях были найдены как опровержения подобных опасений, касающихся использования CAI в процессе сбора данных [De Leeuw et al., 1995], так и их подтверждения. Так, например, в исследовании Н. Уотсон и Р. Вилкинса на примере блоков вопросов про здоровье видно, что доля неответов, наоборот, снизилась [Watson, Wilkins, 2012]. Желание отвечать или не отвечать на чувствительные вопросы может зависеть от того, насколько позиция респондента по той или иной теме может считаться социально неодобряемой. Респондент откажется отвечать или будет давать несодержательные ответы с большей вероятностью в том случае, если он желает скрыть позицию или информацию, которая, по его мнению, может считаться социально неодобряемой [Tourangeau, Yan, 2007].

Несмотря на то, что при использовании метода CAPI время на проведение левого этапа снижается, ввиду повышения скорости передачи данных напрямую из поля [Martin, 1993; Mercader et al., 2017], средняя длительность проведения

интервью может повышаться по сравнению с опросом на бумаге [Watson, Wilkins, 2012]. Тем не менее в некоторых исследованиях наблюдается сокращение среднего времени проведения интервью при использовании СAPI [Терентьев и др., 2018]. Важным уточнением здесь будет то, что время заполнения анкеты при СAPI может зависеть от характеристик интервьюеров — в данном случае особенно важен факт наличия опыта проведения интервью с использованием компьютерных технологий [Böhme, Stöhr, 2014; Paudel et al., 2013].

В целом, при переходе к СAPI сильнее всего меняется роль именно интервьюеров [Bateson, Hunter, 1991]. Прежде всего, потенциально возрастает количество задач, с которыми интервьюеру требуется справляться в процессе проведения интервью. Если в случае РAPI это поддержка коммуникации с респондентом и заполнение бумажного опросника (включая отслеживание логики анкеты, показывание карточек и т. п.), то в ситуации интервьюера с помощью СAPI в дополнение к этому требуется следить за планшетом (заряд, правильность использования, подключение к интернету, определение гео-точки), вводом текста, возникает необходимость исправления ошибок, подсказанных планшетом и т. п. [Bateson, Hunter, 1991]. Все это вкупе с уже имеющимися задачами может приводить к повышенной когнитивной нагрузке или даже «перегрузке» интервьюера [Девятко, Лебедев, 2017; Девятко, 2018].

Важность роли интервьюеров также обусловлена тем фактом, что их отношение к опросам с использованием компьютерных технологий и ожидания относительно успешности перехода к использованию такого метода влияют на то, насколько успешно пройдет переход от РAPI к СAPI.

Несмотря на многие доказательства, которые указывают на отсутствие существенного снижения качества данных при переходе на СAPI, стоит отметить, что у исследуемых интервьюеров в таких случаях часто был опыт работы с планшетами [Baker et al., 1995; De Leeuw et al., 1995]. В отличие от таких панельных исследований, как BHPS, HILDA, Australian Household Income and Labour Dynamics Panel [Богданов, Лебедев, 2018], в исследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ у интервьюеров зачастую отсутствует подобный опыт.

Желание или нежелание интервьюеров участвовать в исследовании с использованием метода СAPI может зависеть от их характеристик, ожиданий относительно успешности перехода и того, насколько респонденты будут готовы участвовать в интервью с использованием компьютерной техники [Couper, Burt, 1994].

Ожидания интервьюеров могут влиять как на субъективное восприятие успешности использования нового метода сбора данных, так и на более объективные показатели качества данных, такие как длительность интервью, общий уровень неответов, уровень неответов на конкретные разделы анкеты, на чувствительные вопросы, общее восприятие процесса интервью со стороны респондентов т. п.

Несмотря на то, что при переходе на новый метод сбора данных больше всего меняется роль именно интервьюеров, как в отечественных, так и в западных работах не так много внимания уделяется восприятию и оценке перехода самими интервьюерами.

Те немногие найденные нами работы, которые напрямую были посвящены этой теме показали, что ожидания интервьюеров относительно нового метода

сбора данных действительно влияют на успешность перехода. Например, Э. Сингер показала, что интервьюеры с более оптимистичными ожиданиями относительно склонности респондентов участвовать в опросе, а также относительно успешности перехода на телефонные опросы (Computer Assisted Telephone Interview — CATI) были более результативны — для них переход на CATI был более успешным, чем для более пессимистично настроенных интервьюеров [Shepherd et al., 1996]. М. Купер и Ж. Берт выявили, что при переходе на CAPI американские интервьюеры с изначально более позитивными установками к методу сбора данных CAPI в итоге сталкивались с меньшим количеством проблем при проведении опросов на планшете [Couper, Burt, 1994]. Тем не менее, стоит отметить, что в этом исследовании не было обнаружено влияния установок по отношению к CAPI на уровень отсутствия ответов в процессе опроса в целом и на конкретные вопросы в частности, а также на долю затруднившихся ответить в различных вопросах [Couper, Burt, 1994].

В контексте исследования российских интервьюеров необходимо упомянуть А. Ю. Мягкова, выявившего, что ожидания интервьюеров относительно уровня кооперации и поведения респондентов во время интервью имеют значительное влияние на полученные данные [Мягков, Журавлева, 2004: 22]. Причем этот эффект охватывает все полевые этапы, от общих показателей достижимости, наподобие уровня неответов, до более тонких аспектов самих интервью, таких как количество пропущенных вопросов, доля нормативных ответов и уклончивость ответов на открытые вопросы [Мягков, Журавлева, 2004: 22].

Что касается факторов, которые влияют на ожидания интервьюеров относительно CAPI, или по крайней мере с ними связаны, то регрессионное моделирование на данных по интервьюерам британского проекта «Текущие опросы населения» показало, что ожидания относительно CAPI положительно зависят от образования интервьюера и его опыта работы с компьютером и отрицательно связаны с наличием опыта работы в данном проекте [Couper, Burt, 1994: 47]. Кроме того, эффекты возраста и пола оказались статистически незначимыми. Однако, отметим, что это исследование датировано 1992-м годом, то есть проводилось не просто на заре развития компьютеризированных методов проведения опросов, но и на достаточно раннем этапе распространения компьютерных технологий в принципе.

Методология исследования

Описываемое исследование было проведено в рамках проекта по переводу Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ-ВШЭ) [Kozyreva et al., 2016] с метода личного интервьюирования с использованием бумажной анкеты (РАPI) на метод интервьюирования с использованием компьютерной техники в формате планшета (CAPI). Важно заметить, что панельный характер этого обследования предполагает, что каждый год интервьюеры возвращаются в одни и те же домохозяйства и опрашивают тех же людей. Соответственно, при оценке производимого перехода с РАPI на CAPI необходимо принимать во внимание наличие определенного уровня доверия между респондентами и интервьюерами. К тому же, используя особенность лонгитюд-

ных панельных обследований, можно проследить непосредственно изменения, происходящие в результате перехода, с точки зрения участников этого процесса (в случае нашего исследования — интервьюеров). Мы имеем возможность услышать мнения интервьюеров о том, что изменилось при опросе разными методами (CAPI и PAPI) одних и тех же респондентов.

Для участия в экспериментальном полевом этапе с планшетами, руководителями и супервайзерами проекта были отобраны 50 интервьюеров. Весь процесс перехода включал в себя проведение предварительных тренингов для интервьюеров и супервайзеров, анкетирование и интервьюирование самих интервьюеров, супервайзеров и руководителей проекта на различных этапах проведения этого проекта (до и после тренингов, после первой волны на планшетах). Результаты фактического и семантического анализа тренингов, а также результаты оценки влияния тренингов на ожидания интервьюеров относительно успешности перехода были описаны ранее вместе с более детальным описанием проекта по переводу РМЭЗ ВШЭ с PAPI на CAPI [Богданов, Лебедев, 2018].

Что касается планшетов, то использовалась следующая модель: Samsung Galaxy Tab A 16.0 SM-T355. В качестве программного обеспечения для CAPI использовалась программа Survey Solutions — бесплатное программное обеспечение, предоставляемое Всемирным банком². В этом исследовании не ставилась задача оценить эффективность и работоспособность этой программы в рамках метода CAPI для лонгитюдных обследований, однако, это может быть интересной задачей для будущих исследований.

Что касается сравнения производимого перехода с опытом зарубежных коллег, то, как правило, такие исследования, как BHPS (British Household Panel Survey — Understanding Society), HILDA, Australian Household Income and Labour Dynamics Panel при переходе на CAPI проводили тренинги не менее 3—4 дней [Watson, Wilkins, 2012; Böhme, Stöhr, 2014], тогда как в случае перехода в рамках РМЭЗ-ВШЭ тренинги проходили в группах из 5—7 человек и занимали не более трех часов [Богданов, Лебедев, 2018].

С целью оценки процесса перехода с PAPI на CAPI с точки зрения интервьюеров мы решали две ключевые задачи:

1 — Определить основные проблемы и трудности, с которыми интервьюеры столкнулись в процессе проведения интервью методом CAPI.

2 — Проанализировать связь между ожиданиями интервьюеров относительно успешности перехода на CAPI и их характеристиками (возрастом и опытом работы в качестве интервьюера).

Для решения первой задачи были проведены 16 полуструктурированных интервью с интервьюерами и супервайзерами. Вторая задача предполагала использование данных анкетирования интервьюеров, проведенного до выхода в поле и до участия в тренингах.

Полуструктурированные интервью с интервьюерами и супервайзерами были проведены в период с марта по июнь 2018 г. Анализ был основан на 16 интервью (13 у интервьюеров и 3 у супервайзера). Все интервьюеры, попавшие в выбор-

² Survey Solutions — бесплатное приложение развиваемое в департаменте Данных Всемирного Банка. Survey Solutions. URL: <https://mysurvey.solutions> (дата обращения: 23.08.2019)

ку, были из Москвы и Московской области при том, что в переходе участвовали также 10 интервьюеров из других регионов (Казань, Соликамск, Бердск, Вольск и Курган). 7 интервьюеров из Москвы и Московской области отказались от интервью по причине их недоступности или же личного нежелания. Кроме того, в выборку не вошли интервьюеры из других регионов (10) в связи с невозможностью связи путями отличными от личного интервьюирования.

Были также проинтервьюированы три супервайзера из Москвы и регионов. Из всех интервью, только один супервайзер был мужского пола (все остальные интервьюеры и супервайзеры были женского пола).

Всего было проведено 13 глубинных интервью с интервьюерами продолжительностью от 15 до 20 минут. С супервайзерами было проведено 3 интервью продолжительностью от 15 до 20 минут³.

Данные, использованные для анализа взаимосвязи возраста и опыта интервьюеров с их ожиданиями относительно перехода на СAPI, были получены с помощью личного анкетирования. Всего было проведено три этапа анкетирования: до и после тренингов, а также после полевого этапа (для самооценки успешности перехода на СAPI). В первом и втором этапе анкетирования приняли участие 50 интервьюеров, а в третьем только 30, так как не все интервьюеры участвовали в экспериментальном полевом этапе.

Оценка перехода со стороны интервьюеров и супервайзеров

В этом разделе будут представлены результаты анализа полуструктурированных интервью, в которых интервьюеры и супервайзеры оценивали различные аспекты перехода с PAPI на СAPI, производимого в рамках проекта РМЭЗ НИУ ВШЭ. Приводимые цитаты используются в качестве подкрепления и доказательства описываемого элемента перехода с PAPI на СAPI. Количество используемых цитат ограничено объемом текста.

Необходимо подчеркнуть, что в этом разделе производится описание опыта интервьюеров и супервайзеров по переходу от PAPI к СAPI. Соответственно, все указываемые преимущества и недостатки СAPI, трудности в рамках полевого этапа являются таковыми с точки зрения именно интервьюеров или супервайзеров. Ввиду того, что процесс сбора данных включает в себя несколько сторон (респонденты, интервьюеры, супервайзеры, исследователи/ пользователи конечных данных) и нередко цели различных сторон могут отличаться, что в итоге может приводить к ситуации, когда преимущества использования определенного метода сбора данных для одной стороны будет недостатком для другой и наоборот. Таким образом, мы сознательно ограничиваемся описанием перехода от PAPI к СAPI именно с точки зрения интервьюеров и супервайзеров.

Преимущества СAPI в сравнении с PAPI

Наибольшее значение интервьюеры придают разнице в весе между планшетом и бумажными анкетами, указывая на удобства и преимущества использования метода СAPI в сравнении с PAPI:

³ Гайды интервью с интервьюерами и супервайзерами приведены в приложении.

«Большое преимущество — не нужно таскать горы бумаги, мне это тяжело» (интервьюер 7, женщина, 10.04).

Важность этого преимущества подчеркивается тем, что нередко интервьюерам приходится ездить в отдаленные места для проведения интервью:

«Человек, который едет в Подмоскovie с анкетами, тому удобнее на планшете» (супервайзер 1, женщина, 30.05).

Другим преимуществом использования планшетов для опроса респондентов интервьюеры называют автоматические переходы в анкете:

«То, что автоматически отслеживаются переходы, это замечательно, половина трудностей пропадает — это плюс» (интервьюер 15, женщина, 13.03).

Кроме того, отмечается возможность предотвращения ошибок, пропусков непосредственно в самом процессе заполнения анкеты:

«Плюс, что на планшете нельзя пропустить переход или важный вопрос» (интервьюер 9, женщина, 12.04).

Недостатки CAPI в сравнении с PAPI

Недостатки использования планшетов, которые выделяют интервьюеры, в первую очередь связаны с повышением времени заполнения анкеты. Этот факт, интервьюеры зачастую объясняют медленной работой техники при переходах от одного вопроса к другому. В связи с этим интервьюеры по собственным ощущениям теряют концентрацию, что в результате повышает вероятность совершения ошибки:

«Дольше, пока дождешься перехода на другую страницу много времени пройдет. Потом начинаешь спешить и ошибки делать» (интервьюер 3, женщина, 13.03).

К тому же повышение времени проведения интервью при переходе от PAPI к CAPI, по мнению интервьюеров, связано с более медленным процессом внесения ответов на открытые вопросы в случае использования планшетов:

«Набирать на нем [планшете] очень долго...» (интервьюер 9, женщина, 12.04).

Интервьюеры также отмечают усложнение самого процесса заполнения анкеты. В том числе это касается потери гибкости в процессе заполнения анкеты, что было возможно при интервьюировании методом PAPI, а именно возможность заполнять анкету не последовательно (особенно в случае объемных разделов, касающихся работы, образования, медицины):

«Анкета очень объемная и некоторую информацию респондент забывает (стаж работы, название университета). На бумажной анкете мы можем пропустить вопрос и вернуться к нему, когда он вспомнит, а тут пропустить нельзя» (интервьюер 2, женщина, 13.03).

Кроме того, усложнение процесса заполнения анкеты отмечается и со стороны респондентов:

«Многие респонденты хотят отвечать на вопросы, прочитав их самостоятельно, с планшетом это сложнее сделать, чем с бумагой» (интервьюер 9, женщина, 12.04).

С одной стороны, это действительно является недостатком, поскольку усложняет заполнение анкеты для интервьюеров и делает участие в интервью для респондентов менее удобным. С другой стороны, в обоих случаях желания и интервьюеров, и респондентов (отвечать на вопросы непоследовательно или читать вопросы

самостоятельно) нарушают инструкции по заполнению анкеты. Соответственно, подобные «ограничения», появляющиеся в рамках использования СAPI, могут считаться скорее преимуществом с точки зрения руководителей проекта, исследователей и конечных пользователей данных.

Также в интервью прослеживался психологический дискомфорт интервьюеров, связанный с неуверенностью в обращении с техникой, которая вела к появлению страха совершения ошибки, неправильному вводу данных или их полной потере:

«У меня специфическое отношение с техникой, я боюсь, что что-нибудь не так нажму, все сотру, и все» (интервьюер 8, женщина, 10.04).

Как отмечают супервайзеры, страх работы с техникой является фактором повышения психологической нагрузки на интервьюеров при опросе методом СAPI:

«Есть кто-то, кто боится гаджетов, и для них это достаточно высокая психологическая нагрузка, потому что всегда бояться — а если он выключится, не запишется, сломается, пропадет информация, придется возвращаться еще раз и делать на бумаге» (супервайзер 1, женщина, 30.05).

Это показывает, что кроме выделяемых факторов одновременного использования ограниченных когнитивных ресурсов «внимания, памяти, зрительного и моторного контроля, активного слушания и интерпретации таким образом, чтобы минимизировать ошибки в понимании вопроса респондентом и ошибки фиксации ответа...» [Десятко, 2018: 628], стоит учитывать и психологическую нагрузку, вызванную дискомфортом работы с планшетом в связи с боязнью, неопытностью интервьюеров в работе с техникой.

Говоря о когнитивной нагрузке, заметим, что интервьюеры сами ощущают подобное наслоение разнонаправленных задач, повышающих трудность проведения интервью с использованием планшетов:

«То, что можно потерять [данные], я все время нервничаю. Мне нужно опрашивать, мне не нужно об этом думать. Представьте, вы едете на машине, и вам еще нужно педали крутить руками, помимо всего прочего, и иногда млеть, когда вспомните про руль, вот тут то же самое» (интервьюер 15, женщина, 13.03).

Трудности и ограничения при использовании СAPI

Технические трудности использования планшетов нередко становятся основными проблемами использования планшетов для сбора данных интервьюерами (проблема с сохранением данных — их полная и частичная потеря, невозможность продолжения опроса после определенных вопросов):

«Планшет зависает, бывает доходишь до середины анкеты, и он не идет ни вперед, ни назад. Потом бывает, что он скидывает [всю заполненную информацию]» (интервьюер 2, женщина, 13.03).

Важно отметить, что подобные затруднения в процессе интервью, по мнению интервьюеров, могут также приводить к снижению удовлетворенности от участия в интервью со стороны респондентов:

«Когда начинала работать с опросом, часто он зависал, не знаю почему. У меня и респондент из-за этого нервничал» (интервьюер 16, женщина, 21.03).

Технические трудности также могут быть связаны с некоторыми тяжелыми погодными условиями, в которых интервьюерам приходится добираться к респон-

дентам. Так, в мороз работа с планшетом может быть затруднительной в связи с переохлаждением техники:

«Мороз когда был, планшет разрядился и, когда я пришла и поставила заряжаться, он не сразу включился. Мы с респондентом сидели и ждали» (интервьюер 9, женщина, 12.04).

Основной технической трудностью было определение местоположения интервью, которое замеряется в начале и конце каждой анкеты:

«Иногда для определения местоположения приходилось ходить по квартире или выходить на балкон, чтобы оно определилось. Бывало, что и не находилось» (интервьюер 7, женщина, 10.04).

Важно отметить, что проблемы с замером местоположения связаны не только с характеристиками квартир/ домов, в которых производился замер местоположения (в личных обсуждениях этой проблемы супервайзеры высказывали предположение о том, что определение местоположения может быть затруднено из-за кирпичных стен домов):

«В некоторых моментах не замерялся GPS [местоположение], даже когда на улицу выходила. Практически на каждом интервью возникали проблемы с замером GPS» (интервьюер 15, женщина, 13.03).

Опыт интервьюеров подсказывает, что скорее подобная проблема связана с положением населенного пункта и близости мобильных вышек или с другими характеристиками места замера местоположения, которые еще предстоит определить.

Технические трудности могли также возникать по причине низкой компьютерной грамотности интервьюеров, неуверенности и отсутствия опыта использования планшета для проведения интервью:

«[Интервьюеры] текстовые вопросы неправильно могли заполнить — лишний ноль, запятая не в том месте или двойной щелчок [по кнопке „Далее“] и из-за этого пропуск вопроса, что могло приводить к пропуску целых блоков, и поэтому приходилось возвращаться, грубо говоря, с бумажной анкетой» (супервайзер 2, мужчина, 04.06).

Основным способом решения технических проблем для интервьюеров из Москвы и Московской области являлся звонок супервайзеру для получения консультации. По словам супервайзеров, зачастую оказываемая помощь носила скорее успокаивающий характер, нежели непосредственное техническое консультирование:

«С техническими проблемами в поле справлялись с помощью звонка в офис. Причем чаще всего это были нервы. Их нужно было успокоить, вернуться назад и заново. В основном именно из-за этого были трудности, потому что планшеты хорошие» (супервайзер 2, мужчина, 04.06).

Тем не менее, в случае необходимости непосредственного решения технических затруднений, у супервайзеров была возможность подключиться к планшету через интернет, с помощью приложения TeamViewer Quick Support⁴ и справиться с проблемой удаленно:

⁴ Программа позволяет супервайзерам получать удаленный доступ к управлению планшетом и лично проверять все необходимые настройки, а также определять причину технических неполадок и решать их из офиса в Москве. Для использования приложения обе стороны должны быть подключены к интернету. TeamViewer URL: <https://www.teamviewer.com/ru/> (дата обращения: 23.08.2019).

«Была программа, в которой все решали из Москвы — подключался к интернету и из Москвы подключались к планшету и все решали» (супервайзер 3, женщина, 28.05).

Основной организационной проблемой, которую отмечают супервайзеры, является низкий уровень разработанности процесса ручной проверки полученных данных. В связи с невозможностью просмотра данных в формате анкеты и нехваткой в некоторых случаях опыта проверки путем работы с базой данных, супервайзерам приходилось печатать анкеты, что привело к значительным затратам ресурсов (времени, чернил принтера, бумаги):

«Очень неудобно проверять анкеты с компьютера, приходилось печатать. Это неудобно, потому что вид кривой, не все супервайзеры дружат с компьютером. Грубо говоря, у нас было сто анкет по восемьдесят страниц — принтер, картридж, бумага, время...» (супервайзер 2, мужчина, 04.06).

На данный момент наблюдается ситуация, в которой супервайзеры не понимают каким образом возможно совмещение автоматической проверки данных (CAPI) с привычными способами ручной проверки:

«Не очень понятно, как мы будем проверять, при полном переходе. Мы много описок, опечаток отлавливаем глазами. А тут это непонятно, как надо будет делать» (супервайзер 1, женщина, 30.05).

Важно заметить, что проблему с проверкой данных отмечают также и интервьюеры, для которых значительно усложняется первоначальная проверка данных (до передачи анкет в офис супервайзерам):

«Когда анкеты со мною, я могу пролистать, посмотреть, а потом перезвонить и уточнить» (интервьюер 14, женщина, 13.03)

Отметим, что программное обеспечение предусматривало возможность повторного просмотра анкеты и первичной проверки данных, однако этот аспект не освещался на тренингах, поэтому большая часть интервьюеров об этой возможности не знала.

Реакция респондентов

Важным моментом для оценки успешности перехода является реакция со стороны респондентов. Прежде чем переходить к описанию непосредственного опыта интервьюеров, связанного с реакцией респондентов на использование планшетов (CAPI), стоит принимать во внимание панельный характер РМЭЗ ВШЭ и наличие между интервьюерами и респондентами доверительных отношений, сложившихся за предыдущие годы проведения исследования.

В основном респонденты принимают планшеты без каких-либо особенных реакций:

«Респондентам все равно, вообще без разницы. Про отказы от респондентов я ничего не слышала. Респонденты не боятся планшетов» (супервайзер 1, женщина, 30.05).

Тем не менее, встречаются случаи, когда респонденты отказываются от участия в опросе с использованием планшета:

«Был один респондент, который категорически отказался отвечать на вопросы с планшета, почему — не знаю» (интервьюер 2, женщина, 13.03).

Интересно заметить, что интервьюеры отмечают положительную связь между доверием респондентов интервьюерам, сложившимся за годы проведения про-

екта РМЭЗ-ВШЭ, и готовностью респондентов проходить опрос с использованием планшета:

«На нашем проекте [респондентам] без разницы, люди уже доверяют, и это гораздо проще проходит» (интервьюер 15, женщина, 13.03).

«У меня вообще со всеми хорошие отношения, так что все с пониманием» (интервьюер 16, женщина, 21.03).

Несмотря на то, что иногда встречались случаи отказа от участия в интервью с планшетом, в основном респонденты нейтрально реагируют и не выступают против интервью на планшете. При этом интервьюеры отмечают, что благосклонность респондентов во многом объясняется доверительными отношениями, сложившимися за время проведения проекта РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Изменение атмосферы интервью

Включение техники (планшета) в опрос-ответную коммуникативную ситуацию может приводить к изменению отношений в процессе заполнения анкеты и, соответственно, к изменению атмосферы происходящих взаимодействий:

«Мне кажется, опросы на бумаге сохраняют какую-то теплоту... Люди больше этому доверяют... Разрушается эта доверительная атмосфера, я ведь практически опрашиваю людей, которых давно знаю» (интервьюер 7, женщина, 10.04).

«Обычно если опрашиваю, мы сплетничаем, отвлекаемся, а тут больше напряжения, отношение меняется» (интервьюер 11, женщина, 03.05).

Подобные изменения в атмосфере, по мнению интервьюеров, могут негативно сказываться на удовлетворенности респондентов от участия в интервью, теряется «расположение» респондентов:

«Некоторым людям было некомфортно, потому что, когда на бумаге, они могли рассказывать о своей жизни, отвлекаться, а тут всегда приходилось задавать им определенные вопросы и даже вот некоторые были не очень довольны. Когда это можешь позволить, люди более располагаются, а тут многим становилось скучно» (интервьюер 7, женщина, 10.04).

При этом важность поддержания привычной коммуникативной стратегии отмечается самими интервьюерами как важный этап проведения интервью, который при этом становится намного сложнее воспроизводить в случае опроса с использованием планшетов:

«Стараюсь не говорить лишнего, хотя я уже привыкла, но все равно, я себя как-то ограничиваю, а человеку это нужно, это расслабляет, это нормально. А когда меня записывают, я не разговариваю... Для меня это психологический дискомфорт. Люди тоже, кстати. Никаких сплетен за все это время никто не рассказал, о том, что у них в жизни там происходит. Это затрудняет, потому что контакт ухудшается» (супервайзер 3, женщина, 13.03).

Интересно заметить, что меняется атмосфера не только коммуникации между интервьюером и респондентом, но и восприятие интервьюерами процесса взаимодействия с анкетой. Меняется как сам процесс работы с анкетой (навигация по анкете, ввод ответов на открытые вопросы), так и внутренние ощущения интервьюеров от этого взаимодействия. По словам интервьюеров, анкета становится «менее живой»:

«[В бумажной анкете] вернуться проще, отлистала назад, написала комментарии на полях, то есть более живая анкета получается» (супервайзер 1, женщина, 30.05).

«С планшетом сложнее не читать формулировки вопросов. Чувствуется, что больше контроля» (интервьюер 3, женщина, 13.03).

Изменение атмосферы интервью при использовании метода сбора данных СAPI делало коммуникативную ситуацию менее «живой» (меньше отступлений от анкеты, разговоров не по теме), что может приводить к снижению удовлетворенности участия в интервью со стороны респондентов. С другой стороны, нужно признать, что более формальные практики проведения интервью, вероятно, в большей степени соответствуют методу стандартизированного личного опроса, который и является основным заявляемым методом в подобного рода исследованиях, просто исходя из определения данного метода.

Основные результаты анализа полуструктурированных интервью, проведенных с интервьюерами и супервайзерами относительно оценки качества первой волны перехода с PAPI на СAPI, приведены на рисунке 1.

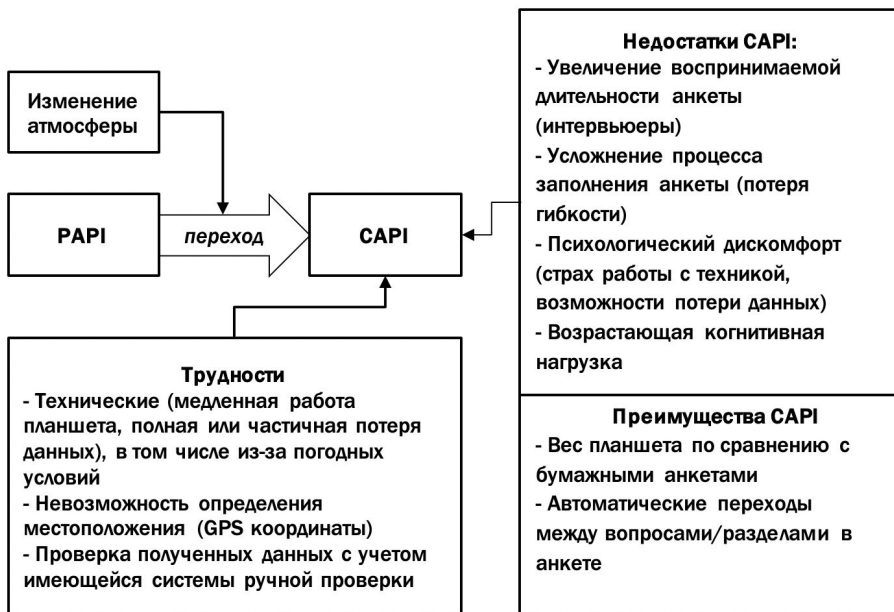

Рисунок 1. Основные результаты анализа полуструктурированных интервью с интервьюерами и супервайзерами относительно оценки качества перехода с PAPI на СAPI⁵

⁵ Важно заметить, что приведенные на рисунке недостатки являются таковыми с точки зрения интервьюеров. В некоторых случаях перечисленные недостатки могут быть потенциальным преимуществом СAPI в связи с потенциальным повышением стандартизации интервью (например, потеря гибкости анкеты)

Взаимосвязь характеристик интервьюеров и их ожиданий

Для выявления взаимосвязи различных переменных и ожиданий интервьюеров использовалось моделирование структурными уравнениями. Это обусловлено тем, что данный метод позволяет оценить модель, в которой, во-первых, есть измерительная часть для латентных переменных, а во-вторых, также присутствует структурная часть, позволяющая оценить прямые и непрямые эффекты независимых переменных на зависимую, то есть учесть эффект медиации. В качестве метода оценки параметров использовался стандартный метод максимального правдоподобия. Все статистические гипотезы тестировались на 95 % уровне доверительной вероятности. Все расчеты проводились в 14-й версии программы «Stata».

Ожидания интервьюеров, как латентный конструкт, измерялись через три вопроса о том, насколько сложнее или легче будет опрос на планшете, насколько хорошо или плохо они с этим справятся, а также как респонденты отреагируют на опрос на планшете⁶. Также в качестве латентной переменной выступал конструкт «Уверенность пользования техническими средствами связи», который измерялся через восьмибальную шкалу самооценки умения пользоваться различными техническими средствами (компьютер, планшет и смартфон)⁷. В качестве независимых переменных использовались: опыт работы интервьюером и возраст. Использование большего количества переменных (например, в качестве контрольных) было невозможно из-за небольшого объема выборки для анализа: 50 наблюдений. Фокус именно на возрасте обусловлен тем, что супервайзеры перед проведением пробного этапа на планшетах высказывали предположение, что более молодые интервьюеры лучше относятся к идее проведения проекта на планшете. Таким образом, проводилась проверка того, влияет ли возраст на ожидания интервьюеров или же этот эффект опосредуется какими-то другими переменными. Мы предполагали, что влияние возраста на ожидания частично опосредуется уверенностью пользования техническими средствами. Стоит отметить, что пол не включался в анализ, так как выборка интервьюеров чрезвычайно гомогенна по данному параметру — в выборке присутствовало только двое мужчин и 48 женщин.

Таблица 1. *Описательная статистика по некоторым характеристикам опрошенных интервьюеров*

Характеристика	Среднее	Стд. откл.	Мин.	Макс.
Возраст	56	12,4	27	78
Опыт работы интервьюером (в годах)	13	6,8	2	27
Опыт работы интервьюером в проекте РМЭЗ НИУ ВШЭ (в годах)	9	5,4	0	23

⁶ Измерены через следующие вопросы (даны сокращенные формулировки, пятибальная шкала):

«Опрос на планшете будет сложнее или легче, чем на бумаге?»

«Насколько хорошо или плохо Вы справитесь с проведением опроса на планшете?»

«Как респонденты оценят переход к проведению опроса с использованием планшета?»

⁷ Измерен через вопрос со следующими индикаторами: «Оцените, пожалуйста, по семибальной шкале, где 1 — неуверенный пользователь, 7 — очень уверенный пользователь, 0 — никогда не пользовался данным типом устройств, Ваше умение пользоваться следующими устройствами: персональный компьютер или ноутбук; планшет; мобильный телефон или смартфон».

Характеристика	Среднее	Стд. откл.	Мин.	Макс.
Уверенность пользования: ПК или ноутбук*	4,5	1,9	0	7
Уверенность пользования: планшет**	3,2	2,6	0	7
Уверенность пользования: смартфон**	5	1,8	0	7

* По шкале от 0 до 7, где 0 — Никогда не пользовался, 1 — Неуверенный пользователь, почти не умею пользоваться, 7 — Очень уверенный пользователь.

** Измерен через вопрос со следующими индикаторами: «Оцените, пожалуйста, по семибальной шкале, где 1 — неуверенный пользователей, 7 — очень уверенный пользователь, 0 — никогда не пользовался данным типом устройств, Ваше умение пользоваться следующими устройствами: персональный компьютер или ноутбук; планшет; мобильный телефон или смартфон».

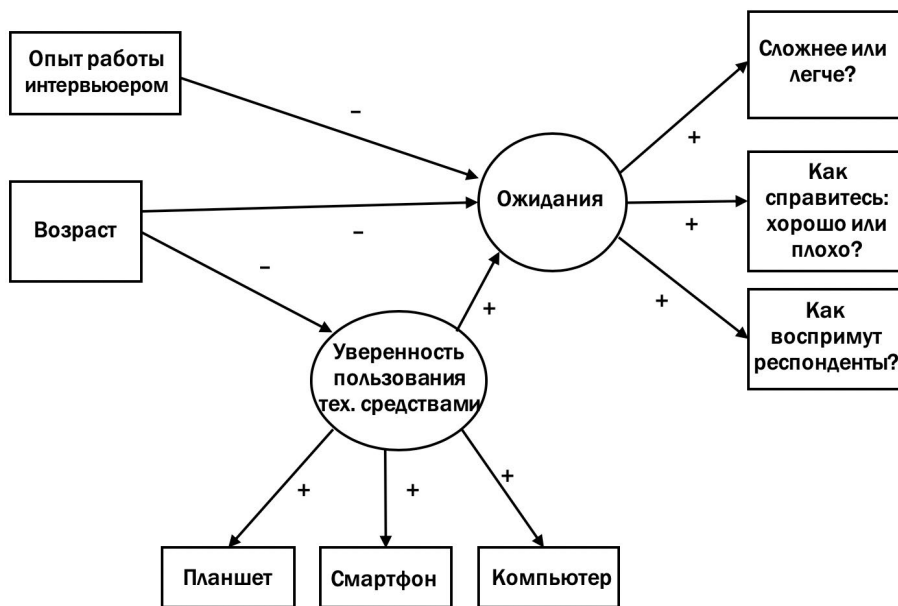

Рисунок 2. Теоретическая модель взаимосвязи характеристик интервьюеров и их ожиданий. «+» и «-» показывают предполагаемые знаки параметров модели

Исходя из статистик согласия качество полученной модели можно признать допустимым, что позволяет перейти к ее содержательной интерпретации.

Таблица 2. Статистики согласия модели

RMSEA	0.076
CFI	0.965
TLI	0.944
SRMR	0.071
Chi-square (p)	21.903 (0.188)
R-square (for the model)	64 %

Что касается измерения латентных переменных (ожиданий и уверенности пользования техническими средствами), то все факторные нагрузки являются значимыми и положительными, что отражает предполагаемую структуру данных конструкторов.

При данной спецификации модели только уверенность пользования техническими средствами оказывает статистически значимое влияние на ожидания интервьюеров. Стандартизированный эффект этой переменной равен 0,86, то есть при увеличении уверенности пользования техническими средствами на одно стандартное отклонение ожидания интервьюеров увеличиваются на 0,86 стандартного отклонения. Что касается остальных переменных, то опыт работы не оказывает значимого влияния на ожидания интервьюеров, а эффект возраста полностью опосредуется уверенностью пользования техническими средствами. Прямой эффект возраста на ожидания интервьюеров статистически незначим, а непрямо́й эффект значим и равняется $-0,05$. Уверенность пользования техническими средствами в свою очередь зависит от возраста. При увеличении возраста на 1 стандартное отклонение уверенность уменьшается на 0,77 стандартного отклонения. Эта модель объясняет 59% дисперсии уверенности пользования техническими средствами.

Таким образом, можно сказать, что уверенность пользования техническими средствами выступает медиатором между возрастом и ожиданиями интервьюеров относительно перехода на СAPI. В целом, данная модель объясняет 59% дисперсии латентной переменной «ожидания интервьюеров».

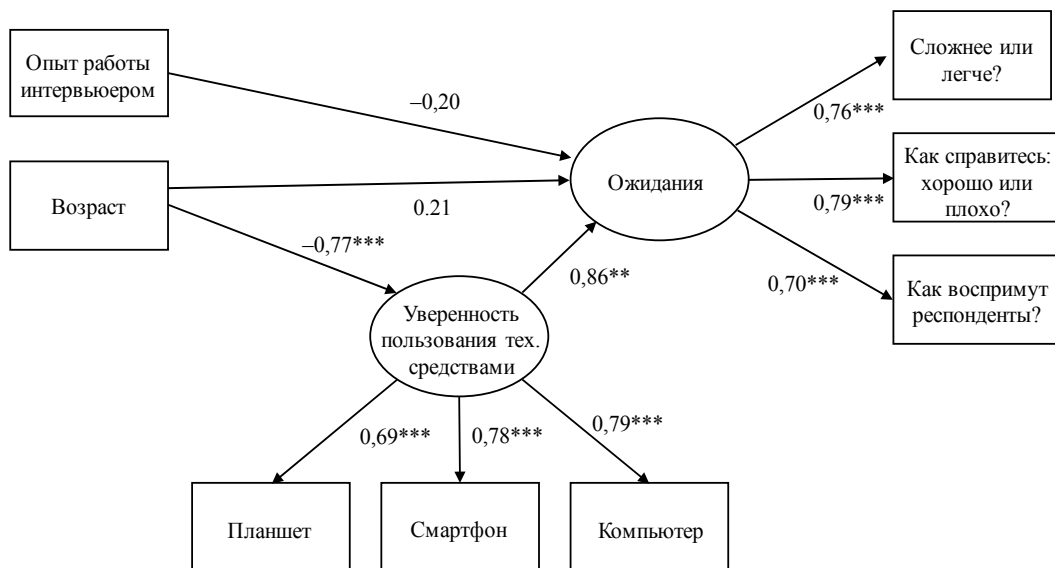

Рисунок 3. Стандартизированные коэффициенты модели взаимосвязи характеристик интервьюеров и их ожиданий

Ограничения

Основным ограничением данной работы является специфичность эмпирического объекта изучения. Во-первых, интервьюеры для участия в эксперименте были отобраны не случайным образом, что не позволяет напрямую генерализировать результаты статистического анализа на всю совокупность интервьюеров проекта РМЭЗ НИУ ВШЭ. Во-вторых, респондентов для опроса на планшете интервьюеры выбирали также не случайным образом, а, по словам многих интервьюеров, из субъективных соображений о том благосклонно ли респондент отреагирует на интервью на планшете. Вероятно, что это могло ограничить разнообразие реакций респондентов на переход к СAPI.

Заключение

Таким образом, несмотря на наличие определенных преимуществ (легкость планшета в сравнении с бумажными анкетами, автоматический характер переходов) интервьюеры относительно использования планшетов в личных интервью выделяют также определенные недостатки (увеличение времени заполнения анкеты, изменение процесса взаимодействия с анкетой, психологический дискомфорт и повышенная когнитивная нагрузка). Психологическая нагрузка интервьюеров зачастую была связана с неуверенностью при работе с техникой и боязнью различных технических проблем с анкетой/ планшетом в процессе полевого этапа.

Также наблюдались некоторые технические трудности (медленные переходы между вопросами, полная или частичная потеря данных, медленная работа планшетов в мороз и т. д.), а также трудности, связанные с проверкой данных, со стороны супервайзеров.

Респонденты, как правило, нейтрально относятся к участию в интервью с использованием планшета, в том числе это может быть вызвано доверительными отношениями, которые сложились между ними и интервьюерами за годы проведения опроса. При этом отмечается изменение атмосферы коммуникативного взаимодействия при опросе методом СAPI. Становится сложнее отвлекаться от анкеты, разговаривать на отвлеченные темы, «сплетничать». В итоге интервьюеры отмечают снижение заинтересованности респондентов в заполнении анкеты и субъективно оцениваемой интервьюерами удовлетворенности респондентов от участия в проекте. С точки зрения соблюдения «стандартизованности» опросного метода это изменение можно расценить как положительное, ведь интервьюеры меньше уходят от анкеты в процессе интервью. Однако сложно прогнозировать, как такое изменение коммуникативной составляющей интервью может отразиться на желании респондента в дальнейшем участвовать в исследовании, что особенно важно в контексте панельных исследований. Таким образом, в случае панельных исследований необходимо рассматривать переход на СAPI еще и с точки зрения проблемы удержания респондентов, а, следовательно, и осыпания панели.

Что касается факторов, влияющих на ожидания интервьюеров относительно успешности перехода на СAPI, оказалось, что эффект возраста полностью опосредуется субъективной уверенностью использования таких технических средств, как компьютер, смартфон и планшет. Это говорит о том, что отношение и ожидания относительно опросов на планшетах в первую очередь зависят от уверенности

пользования гаджетами, а не возраста. Несмотря на то, что первое во многом определяется вторым, можно сделать вывод, что прежде всего необходимо оказывать воздействие на уверенность пользования гаджетами, например, через обучение и тренинги интервьюеров.

Проведенный анализ позволяет выделить важные моменты, касающиеся успешности производимого перехода в рамках проекта РМЭЗ НИУ ВШЭ. Мы полагаем, что содержание и результаты описанного перехода от PAPI к CAPI могут быть крайне полезными в практическом смысле для академических и маркетинговых исследователей, оценивающих возможности использования метода CAPI, а также для методологов и профессионалов опросной индустрии.

Список литературы (References)

Богданов М. Б., Лебедев Д. В. «Главное не бояться!» — воздействие тренингов на ожидания интервьюеров при переходе от PAPI к CAPI // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2018. № 45. С. 103—132.
Bogdanov M. B., Lebedev D. V. (2018) «Do not worry!» — training's impact on interviewers' expectations towards the change from PAPI to CAPI. *Sociology: methodology, methods, mathematical modelling (4M)*. No. 45. P. 103—132.

Богданов М., Лебедев Д. Пользование сетью Интернет в России в 2003—2015 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2017. № 7. С. 129—145.

Bogdanov M. B., Lebedev D. V. (2017) The use of the Internet in Russia from 2003 to 2015. *Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE*. No. 7. P. 129—145.

Девятко И. Ф., Лебедев Д. В. Глазами интервьюера, глазами респондента : Контуры нового подхода к оценке когнитивной нагрузки при проведении опроса // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141).

Deviatko I. F., Lebedev D. V. (2017) Through the eyes of the interviewer, through the eyes of the respondent: outlining a new approach towards the assessment of cognitive load during the interview. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 1—19.

Девятко И. Ф. Разработка подхода к количественной мультимодальной оценке когнитивной нагрузки интервьюеров: результаты пилотного квазиэксперимента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 627—637.

Deviatko I. F. (2018) Developing an approach to multimodal quantitative assessment of interviewers' cognitive load: First results of a field quasi experiment. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 4. P. 627—637.

Мягков А. Ю., Журавлева И. В. Эффект ожиданий интервьюера в персональном интервью // Социологический журнал. 2004. № 3—4. С. 6—26.

Myagkov A., Zhuravleva I. (2004) Interviewers' expectations effect in personal interview. *Sociological journal*. No. 3—4. P. 6—26.

- Терентьев Е. А., Мавлетова А. М., Косолапов М. С. Интервьюирование с помощью компьютерных технологий в лонгитюдных обследованиях домохозяйств // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 47—64.
- Terentev E. A., Mavletova A. M., Kosolapov M. S. (2018) Computer-assisted personal interviewing for longitudinal household studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 47—64.
- Al Baghal T. et al. (2018) Understanding Society Innovation Panel Wave 10: Results from Methodological Experiments. Understanding Society Working Paper Series 2018—06. URL: <https://www.understandingsociety.ac.uk/sites/default/files/downloads/working-papers/2018-06.pdf> (accessed 7 May 2019). P. 50.
- Baker R. P., Bradburn N. M., Johnson R. A. (1995) Computer-assisted personal interviewing: an experimental evaluation of data quality and cost. *Journal of Official Statistics*. Vol. 11. No. 4. P. 413—431.
- Bateson N., Hunter P. (1991) The Use of Capi for Official British Surveys. *Bulletin of Sociological Methodology. Bulletin de Méthodologie Sociologique*. Vol. 30. No. 1. P. 16—26.
- Böhme M., Stöhr T. (2014) Household Interview Duration Analysis in CAPI Survey Management. *Field Methods*. Vol. 26. No. 4. P. 390—405.
- Couper M. P., Burt G. (1992) The Impact of Computer-Assisted Personal Interviewing (CAPI) on Interviewer Performance: The CPS Experience. *Proceedings of the Joint Statistical Meeting of the American Statistical Association, Section on Survey Research Methods*. P. 189—193.
- Couper M. P., Burt G. (1994) Interviewer Attitudes Toward Computer-Assisted Personal Interviewing (CAPI). *Social Science Computer Review*. Vol. 12. No. 1. P. 38—54.
- De Leeuw E. D., Hox J. J., Snijders G. (1995) The effect of computer-assisted interviewing on data quality. A review. *Market Research Society*. Vol. 37. No. 4. P. 1—19.
- Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M. (2016) Data resource profile: The Russia longitudinal monitoring Survey — Higher school of economics (RLMS-HSE) phase II: Monitoring the economic and health situation in Russia, 1994—2013. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 45. No. 2. P. 395—401.
- Laurie H. (2003) From PAPI to CAPI: Consequences for data quality on the British Household Panel Study. — ISER Working Paper Series. No. 2003—14.
- Martin J. (1993) PAPI to CAPI: the OPCS experience. *Essays on Blaise 1993: Proceedings of the Second International Blaise Users Conference, Office of Population Censuses and Surveys, London*. P. 96—117.
- Mercader H. F. G., Kabakyenga J., Katuruba D. T., Hobbs A. J., Brenner J. L. (2017) Female respondent acceptance of computer-assisted personal interviewing (CAPI) for maternal, newborn and child health coverage surveys in rural Uganda. *International journal of medical informatics*. Vol. 98. P. 41—46.

Paude, D., Ahmed M., Pradha, A., Dango, R.L. (2013) Successful use of tablet personal computers and wireless technologies for the 2011 Nepal Demographic and Health Survey. *Global Health: Science and Practice*. Vol. 1. No. 2. P. 277—284.

Schräpler J. P., Schupp J., Wagner G. (2006) Changing from PAPI to CAPI: A longitudinal study of mode-effects based on an experimental design.— DIW Discussion Papers. No. 593.

Shepherd J., Hill D., Bristol, J., Montalvan P. (1996) Converting an Ongoing Health Study to CAPI: Findings From the National Health and Nutrition Examination Survey III. Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. P. 159—165.

Singer E., Frankel M. R., Glassman M. B. (1983) The effect of interviewer characteristics and expectations on response. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 47. No. 1. P. 68—83.

Smith T. W., Kim S. (2003) A review of CAPI-effects on the 2002 General Social Survey. National Opinion Research Center.

Tourangeau R., Smith T. W. (1996) Asking sensitive questions: The impact of data collection mode, question format, and question context. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 60. No. 2. P. 275—304.

Tourangeau R., Yan T. (2007) Sensitive questions in surveys. *Psychological bulletin*. Vol. 133. No. 5. P 859.

Watson N., Wilkins R. (2012) Experimental change from paper-based interviewing to Computer-Assisted interviewing in the HILDA Survey.

Приложение

Гайд интервью с интервьюерами

Как Вы знаете, мы постепенно переходим на опрос с помощью планшетов. В рамках этого интервью мы хотим задать Вам некоторые вопросы относительно Вашего опыта проведения интервью с использованием планшета. Вся информация, которую Вы предоставите будет полностью анонимна и результаты будут представлены только в обезличенном виде.

Вы не против того, что наше интервью будет записываться на диктофон?

Блок 1. Опыт интервьюирования на планшете

Был ли у Вас опыт проведения опросов на планшете до проекта «Россия»?

Расскажите, пожалуйста, об этом опыте поподробнее.

Расскажите, пожалуйста, о Ваших впечатлениях о проведении проекта «Россия» на планшете. В чем для Вас заполнение анкеты проекта «Россия» на планшете отличалось от заполнения этой анкеты на бумаге? Может быть какие-то части опроса проекта «Россия» были легче или же наоборот сложнее при проведении его на планшете?

Блок 2. Сложности при проведении интервью на планшете

Возникали ли у Вас какие-либо сложности при проведении интервью на планшете? Какие именно сложности возникали? Как часто возникали различные виды сложностей (*спросить про все перечисленные сложности*)? Как вы справлялись с этими сложностями (*спросить про все перечисленные сложности*)?

Блок 3. Реакция респондентов

Как те респонденты, которых вы опрашивали на планшете реагировали на то, что опрос проводился с помощью планшета? Были ли какие-то запоминающиеся случаи, связанные с реакцией респондентов на проведение интервью с помощью планшета? По Вашему мнению, нужно или не нужно переводить опрос проект «Россия» с бумажных анкет на планшеты? Почему Вы считаете, что опрос проект «Россия» нужно/не нужно переводить на планшеты?

Блок 4. Тренинги

Как Вам кажется, чем лично Вам помогли тренинги по проведению интервью с использованием планшета? Насколько, по Вашему мнению, проведенные тренинги помогли избежать возможных технических проблем при проведении опроса с помощью планшета? Насколько тренинги помогли вам почувствовать уверенность при работе с планшетом? И уверенность при проведении интервью с использованием планшета?

Блок 5. Отношение к опросам на планшете

Как вы в целом относитесь к опросам на планшете? Лично вам нравится проводить интервью на планшете или вы предпочитаете бумажные опросы? Почему? Как вам кажется, в чём преимущества, а в чем недостатки проведения опросов

на планшете? А в чём преимущества, и в чем недостатки проведения именно проекта «Россия» на планшете?

Спасибо!

Гайд интервью с супервайзерами

Блок 1. Реакция интервьюеров

Как Вам кажется, как интервьюеры отреагировали на переход? Как по Вашему мнению в целом интервьюеры справились с опросами на планшете? В чем для Вас заключается успешность перехода с PAPI на CAPI в случае одного отдельно взятого интервьюера? Как Вам кажется, по каким критериям можно оценить успешность перехода?

Блок 2. Сложности

Какие технические и организационные сложности возникали при опросе методом CAPI? возникали сложности со стороны интервьюеров? А со стороны респондентов? Если говорить о планах на следующую волну, то, что хорошо было бы изменить, учесть?

Блок 3. Реакция респондентов

Как те респонденты, которых вы опрашивали на планшете реагировали на то, что опрос проводился с помощью планшета? Были ли какие-то запоминающиеся случаи, связанные с реакцией респондентов на проведение интервью с помощью планшета? По Вашему мнению, нужно или не нужно переводить опрос проект «Россия» с бумажных анкет на планшеты? Почему Вы считаете, что опрос проект «Россия» нужно/не нужно переводить на планшеты?

Блок 4. Тренинги

Как Вам кажется, чем лично Вам помогли тренинги по проведению интервью с использованием планшета? Насколько, по Вашему мнению, проведенные тренинги помогли избежать возможных технических проблем при проведении опроса с помощью планшета? Насколько тренинги помогли вам почувствовать уверенность при работе с планшетом? И уверенность при проведении интервью с использованием планшета? Планируете ли Вы каким-либо образом изменить тренинги (возможно, добавить дополнительные блоки)?

Блок 5. Отношение к опросам на планшете

Как вы в целом относитесь к опросам на планшете? Лично вам нравится проводить интервью на планшете или вы предпочитаете бумажные опросы? Почему? Как вам кажется, в чем преимущества, а в чем недостатки проведения опросов на планшете? А в чем преимущества, и в чем недостатки проведения именно проекта «Россия» на планшете?

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.04

Правильная ссылка на статью:

Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

For citation:

Shinyaeva O. V., Poletaeva O. V., Slepova O. M. (2019) Information and digital inequality: searching for effective population adaptation practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

О. В. Шиняева, О. В. Полетаева, О. М. Слепова ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПОИСКИ ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАКТИК АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПОИСКИ ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАКТИК АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

INFORMATION AND DIGITAL INEQUALITY: SEARCHING FOR EFFECTIVE POPULATION ADAPTATION PRACTICES

ШИНЯЕВА Ольга Викторовна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия
E-MAIL: olses@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7852-7257>

Olga V. SHINYAEVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Department of political science, sociology and public relations
E-MAIL: olses@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7852-7257>

¹ Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

ПОЛЕТАЕВА Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

E-MAIL: ovpoletaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3527-5824>

СЛЕПОВА Ольга Михайловна — аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

E-MAIL: slepova15@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8167-2970>

Olga V. POLETAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc. Sci.), Senior Lecturer, Department of political science, sociology and public relations

E-MAIL: ovpoletaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3527-5824>

Olga M. SLEPOVA¹ — Post-Graduate Student

E-MAIL: slepova15@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8167-2970>

¹ Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

Аннотация. Российское общество вступило в период динамичного внедрения цифровых технологий во все сферы жизни; в этих условиях информационно-цифровая активность из элементов профессиональной, образовательной, досуговой деятельности превратилась в критерий для определения места каждого гражданина на шкале освоения цифровых ресурсов. В данной статье анализируется поведение социальных групп с позиций адаптации к цифровым технологиям, а также с позиций состояния самой адаптивной ситуации — цифрового пространства в российских регионах, технологических и поведенческих критериев стратификации индивидов по шкале «онлайн — офлайн». Актуальность исследования адаптивных практик жителей российских регионов, их мотивации в процессе освоения конкретных цифровых технологий не вызывает сомнений в силу теоретической и практической значимости. Теоретическая часть статьи содержит классификацию адаптивных практик,

Abstract. Russian society has entered a period of rapid introduction of digital technologies into all spheres of life. In this context, professional, educative and leisure character of digital activity turned into a criterion defining each individual's place on a scale of digital resources. The article analyzes the behavior of social groups in terms of their adaptation to digital technologies as well as the digital environment in the Russian regions and technological and behavioral criteria of people's stratification on the "online-offline" scale. Studying adaptive practices of the inhabitants living in the Russian regions, their motivation to acquire certain digital skills is no doubt important as it has its theoretical and practical significance. The theoretical part of the article contains classification of adaptive practices, their analysis from the perspective of effectiveness, criteria and indicators measuring digital divide. The empirical part is grounded upon the data of cross-regional study "Information and digital inequality and ways to overcome it in the region" (2018). The

их анализ с позиций эффективности в эпоху цифровизации; критерии и индикаторы измерения информационно-цифрового неравенства массовых пользователей. Эмпирическая часть статьи основана на данных авторского межрегионального исследования «Информационно-цифровое неравенство населения и способы его преодоления» (2018 г.); выборка анкетного опроса репрезентирует население Пензенской и Ульяновской областей, проживающее в населенных пунктах разных типов (крупные, средние, малые города, сельские поселения), имеющее разные возрастные и образовательные характеристики. Сравнение «цифровой» стратификации населения по разным профилям показало, что технологическая доступность онлайн-пространства в разных типах поселений российской провинции опережает мотивационно-поведенческую доступность. Барьеры освоения цифровых ресурсов носят мотивационный, когнитивный, экономический характер; они присутствуют во всех группах населения, но чаще — среди людей старших возрастных групп; жителей сёл и поселков, работников с начальным профессиональным образованием; бедных и малообеспеченных семей. Из всех типов адаптивных практик эффективны те, которые сопряжены с высоким уровнем позитивной мотивации, цифровой активности и грамотности; ядро эффективных адаптантов составляют молодые люди, женщины, жители крупных городов, предприниматели, специалисты с высшим образованием. В статье описаны стимулы повышения информационно-цифровой активности представителей разных типов социальной адаптации.

questionnaire sample is representative of the population from Penza and Ulyanovsk oblasts living in different types of settlements (large cities, medium-sized cities, small cities, rural area), from different age groups and with different education backgrounds. The analysis of digital stratification shows that the technological access to online environment in different types of settlements of the Russian province outstrips the motivational and behavioral availability. Barriers to the use of digital resources are motivational, cognitive and economic and can be found across all age groups but most frequently among inhabitants of rural area, workers with elementary vocational education, poor and needy families. Those practices which deal with high levels of positive motivation, digital activity and literacy are the most effective among all adaptive practices. The core effective adaptants are young people, women, inhabitants of big cities, entrepreneurs, and specialists with higher education diplomas. The article describes what drives people with different types of social adaptation to enhance information and digital activity.

Ключевые слова: цифровая стратификация населения, теоретические модели адаптации, адаптивные практики, информационно-цифровое неравенство

Keywords: digital stratification of the population, theoretical models of adaptation, adaptive practices, information and digital inequality

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Грант №18-411-730009 «Информационно-цифровое неравенство и способы его преодоления в регионе».

Acknowledgments. This article is supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Grant no.18-411-730009 “Information and digital inequality and ways to overcome it in the region”.

Введение

Стремительное развитие информационных и телекоммуникационных технологий приобретает характер глобальной технологической революции, которая оказывает возрастающее влияние на политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру и другие сферы жизнедеятельности общества. Информатизация дает толчок инновационным технологиям, но в то же время усиливает процессы поляризации населения. Возникает опасность формирования «информационной элиты», «креативного класса», с одной стороны, и увеличения группы людей, оказавшихся в маргинальном положении по отношению к информационно-компьютерным технологиям и пополняющим страту «информационно бедных» — с другой.

К концу второго десятилетия XXI века россияне оказались в ситуации, когда информационно-цифровая активность и компетентность из элементов профессиональной, образовательной, досуговой деятельности превратились в критерий стратификации общества. Влияние нового критерия стратификации усиливается в условиях активной цифровизации сфер трудовой деятельности: экономическая активность перемещается в сектор услуг, труд все больше связан с производством и обработкой информации, а «ключевую роль в становлении „новой экономики“ играют цифровые технологии и компьютерные сети» [Стребков, 2016]. Разновидность нового неравенства как проблема, меняющая социальную среду, и формы адаптации к ней, актуальны для исследования и пока изучены слабо.

В данной статье рассмотрим поведение социальных групп в качественно новых условиях цифровизации всех сфер жизни, с позиций эффективности адаптивных практик, а также с позиций состояния самой адаптивной ситуации — цифрового пространства в конкретных регионах, технологических и поведенческих критериев стратификации индивидов по шкале «онлайн — офлайн». Эмпирической основой анализа выступают данные межрегионального количественного исследования «Информационно-цифровое неравенство населения и способы его преодоления» (2018 г.). Выборка многоступенчатая; репрезентирует население Пензенской и Ульяновской областей, проживающее в населенных пунктах разных типов (крупные, средние, малые города, сельские поселения), его возрастные и образовательные характеристики. Общий объем выборочной совокупности составил 1250 человек.

Теоретические модели адаптивных практик населения

Проблема эффективных практик адаптации населения к внедрению компьютерных технологий приобретает особую актуальность на фоне усиления информационно-цифрового неравенства. Социальная адаптация как особый вид практик людей представляет собой способы человеческого взаимодействия с неизбежно меняющимися объективными условиями и нормами функционирования общества. Основатель психологического направления в социологии Г. Тард акцентировал внимание на практиках межгрупповых взаимодействий в ходе адаптации, опирающихся на «конфликты, приспособление и подражание, с помощью которых индивид осваивает нормы, ценности и нововведения» [Тард, 2011]. Э. Дюркгейм подчеркивал, что практики социальной адаптации активизируются в «аномический период», когда индивиды теряют привычный образ жизни и одновременно ослабевает контроль коллективного сознания. Этому явлению он отводил первостепенную роль в поиске путей социального благополучия: основная функция адаптации — приобщение индивидов к идее «коллективного сознания, установление однородности, целостности общества» [Дюркгейм, 1994].

Классификацию адаптивных практик впервые предложил лидер чикагской социологической школы Р. Парк. В зависимости от того, как субъект относится новым условиям, пытается их изменить, либо меняет свое поведение, по мнению социолога, начинают преобладать разные практики — кооперации, конкуренции, приспособления, конфликта или ассимиляции [Парк, 2002]. Адаптация завершается подчинением, компромиссом либо аккомодацией; Р. Парк подчеркивал, что результаты «обусловлены конкуренцией, которая чаще всего связана с профессией». Т. Парсонс конкретизировал факторы успеха адаптивных практик в условиях развитого индустриального общества: 1) наличие символических механизмов регуляции поведения (язык, ценности, интересы); 2) зависимость индивидуального действия от принятых норм на рынке труда; 3) определенная независимость субъектов в выборе инструментов адаптации от среды [Парсонс, 2002]. Постиндустриальные практики социального приспособления классифицировал английский исследователь Дж. Берри, он предложил четыре типа адаптивного поведения: *интеграция* — объединение с новой культурной и технологической средой; *ассимиляция* — поглощение адаптантов новой средой; *маргинальность* — ограниченность социальных контактов, пограничное состояние; *сепаратизм* — культурная и технологическая замкнутость [Berry, 2003].

Адаптивные практики населения постсоветской России изучались отечественными социологами Л. А. Беляевой, Т. И. Заславской, Н. В. Касаткиной, Л. В. Корель, М. И. Шабановой и др. Рассматривая адаптацию как «результат приспособления человека к экономическим и организационным изменениям в ходе рыночных преобразований», Л. А. Беляева выделила специфику адаптивных практик в трансформирующейся России: они формируются как компенсаторное поведение индивидов и групп в условиях коренных изменений; их результат зависит от того, на какой стадии адаптации остановилась конкретная группа или индивид: социальный шок; мобилизация адаптивных ресурсов; ответ на вызов социальной среды [Беляева, 2001]. Л. В. Корель разработала «матрицу адаптационных моделей», направленных на реализацию разных функций в меняющихся условиях: рост приспособленно-

сти адаптирующихся субъектов к среде через совершенствование внутренней структуры; устранение несоответствий между привычными социокультурными образцами и изменившимися условиями жизни; преодоление возникшего в новых условиях у индивидов состояния социального дискомфорта, отчуждения, утраты идентичности; перевод ситуационного поведения адаптантов в разряд устойчивых социальных практик [Корель, 2005].

В первом десятилетии XXI века перед социологической общественностью встала проблема поиска новых критериев классификации адаптивных практик больших групп населения к быстро меняющимся условиям. Выигрывали те, кто смог преодолеть стадию «шока» и за счет «рационализации» поведения, мобилизации ресурсов смог заменить привычные стратегии поведения на новые. В контексте данного подхода М. И. Шабанова предложила типологию адаптивных практик, которая, на наш взгляд, эвристична в исследовании «цифрового поведения» россиян: *адаптация как развитие; адаптация как защита; адаптация как уход от проблемы* [Шабанова, 2001]. Первый тип является позитивным и обеспечивает совершенствование субъектов в новых технологических условиях; вторая модель поведения, в зависимости от событийного контекста, может иметь нейтральный характер; третий тип адаптивной практики однозначно приобретает негативный характер, особенно в условиях усиления процессов интернетизации, компьютеризации во всех социальных сферах.

Мы взяли на вооружение данную типологию адаптивного поведения и конкретизировали сам объект исследования. *Адаптивная практика* в условиях цифровизации общества — это достижение представителями больших групп населения психологического, социального, экономического комфорта жизнедеятельности за счет освоения цифровых технологий и повышения информационной активности. Адаптация к цифровым технологиям трактуется нами как повышение цифровой грамотности отдельных индивидов и социальных групп ради более эффективного функционирования, а также как состояние, которое характеризуется отношениями с другими индивидами и группами в рамках формирующейся информационно-цифровой стратификации.

Методология исследования информационно-цифрового неравенства

По сравнению с экономическим, политическим и образовательным неравенством, «информационно-цифровой критерий» социального неравенства в научной литературе появился относительно недавно; при этом цитируемость понятия и количество статей в последние десять лет резко возросли. В первоначальном представлении термин «цифровое неравенство» описывал ситуацию, когда в обществе существуют социальные группы, имеющие доступ к современным цифровым технологиям коммуникации (прежде всего к интернету), и не имеющие такого доступа [Вису, 2000]. В конце XX века важнейшим показателем неравенства стало владение персональным компьютером, в начале нового столетия усилилась значимость высокоскоростного доступа в интернет и соответствующих компетенций его использования; с начала второго десятилетия XXI века на первый план вышли возможность и характер использования на регулярной основе цифровых технологий [Волченко, 2016].

Современная интерпретация изучаемого явления не сводится к доступу или наличию интернета. Российские социологи подчеркивают важность «онлайн-жизни» для граждан, без нее они все больше включаются в цифровую депривацию — «социальный процесс, в ходе которого происходит сокращение для индивидов и групп возможностей удовлетворения их основных жизненных потребностей» [Вершинская, 2016: 432]. Доступность информационно-компьютерных технологий является не только критерием обновления социальной структуры, но и важным элементом социальной инфраструктуры, то есть частью системы жизнеобеспечения любого населенного пункта — а именно функционирования лечебных, учебных, культурно-бытовых учреждений [Шарифьянов, 2014].

Анализ зарубежных и отечественных концепций нового вида неравенства показал, что кроме технологического доступа к цифровым технологиям оно определяется грамотностью и мотивацией жителей в поиске информации онлайн. Мы расширили само явление до «информационно-цифрового», а в индекс определения уровня дифференциации включили показатели технологического доступа и готовности самих пользователей. *Информационно-цифровое неравенство* — это показатель социальных дистанций между разными стратами общества, которые фиксируются по объективным критериям (доступ к мобильным устройствам, интернету, компьютерному оборудованию) и субъективным оценкам (мотивация, компетентность, характер использования цифровых технологий). Расстояния между стратами, выраженные в количественных и качественных единицах, дают представление о глубине неравенства по двум осям — технологической и поведенческой; каждая ось имеет свои индикаторы измерения.

Для выделения страт по *технологической* оси мы использовали следующие показатели: использование стационарного и мобильного доступа к интернету, наличие интернета вещей в пользовании, доступность компьютерного оборудования. Для выделения «цифровых страт» по *мотивационно-поведенческой* оси применялись следующие показатели: интернет-активность жителей; характер обращения к цифровым технологиям для решения бытовых, досуговых, потребительских, образовательных, профессиональных проблем. Соединение индексов по технологическому и мотивационно-поведенческому критериям позволит в комплексе описать положение социальных групп на шкале различий цифровых ресурсов.

Информационно-цифровое неравенство в российской провинции и адаптивные практики населения

Результаты опроса жителей Пензенской и Ульяновской областей показали, что устройства, обеспечивающие выход в интернет, имеют около 80 % населения; но они неравномерно распределены в социальных сегментах. Наиболее распространены мобильные телефоны (смартфоны), их наличие отметили почти две трети жителей (65 %; см. табл. 1); чаще других ими пользуются представители молодежного сегмента, жители крупных городов с высшим образованием и состоятельные граждане (более 70 %).

Преобладание мобильных устройств у населения — общая тенденция, характерная для регионов России, которая предоставляет дополнительные технические

и технологические возможности интернет-услуг на основе технологий геолокации, коммуникаций ближнего поля. Исследования доступа в интернет свидетельствуют, что мобильные устройства позволяют обрабатывать большой объем информации за счет непрерывной работы и увеличения временных ресурсов [Шарифьянов, 2014]. Удельный вес пользователей интернета, применяющих преимущественно мобильный доступ, неуклонно растет: за последние пять лет он вырос в 2,5 раза.

Таблица 1. **Обеспеченность жителей устройствами доступа к интернету**
(в % от числа опрошенных; n = 1250)

Требования работодателей		Возраст			Место проживания			Образование			Экономический статус			
		В среднем	18—35	36—55	56 и старше	Крупный город	Средний, мал. город	Поселок	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее	Бедные	Малообеспеченные	Средние
Наличие в семье мобильных устройств доступа к интернету														
Стационарный компьютер	57	54	63	55	58	58	52	60	57	53	59	64	62	54
Ноутбук, нетбук	51	66	45	37	53	45	54	45	46	63	54	38	43	90
Планшет	36	43	35	30	39	34	31	39	24	47	30	30	53	69
Мобильный телефон (смартфон)	65	74	61	62	72	58	57	59	65	72	77	58	65	80
Телевизор с выходом в интернет	43	37	51	43	43	52	32	56	30	44	26	31	59	45
Интернет вещей	3	4	1	3	8	2	1	1	0	7	1	1	5	9
Нет ничего из перечисленного	5	6	4	5	4	5	7	6	5	3	11	5	3	3

Технологические различия доступа к интернету являются тем основанием, на котором в обследованных регионах выделены следующие страты цифрового неравенства: 1) «цифровые бедные» — не имеющие никаких устройств доступа к интернету (5%); 2) «цифровые базовые» — имеющие только стационарный доступ к интернету (26%); 3) «цифровые средние» — использующие разные технологии доступа к интернету (66%); 4) «цифровые продвинутые» — имеющие сеть вещей, управляемых через интернет (3%). Невысокий показатель «цифровой технологической бедности» свидетельствуют о том, что начальный этап интернетизации и компьютеризации смогла преодолеть большая часть жителей российской провинции.

Одновременно невысокий показатель «продвинутых пользователей» говорит о проблемах доступа к скоростному и мобильному интернету в населенных пунктах, а также об отсутствии материальных возможностей и мотивации использования продвинутых цифровых технологий. Подтвердились положения о том, что ключевыми факторами, влияющими на технологическое информационно-цифровое неравенство, являются возраст, место проживания, социально-экономический статус и образование жителей.

Анализ информационно-цифрового неравенства в контексте *поведенческого критерия* показал высокую интернет-активность большинства жителей: две трети жителей регионов (68 %) пользуются всемирной сетью каждый день; около трети (29 %) обращаются к интернету от нескольких раз в неделю до нескольких раз в месяц; лишь 3 % не пользуются им совсем. Активными пользователями всемирной сети являются молодые люди до 35 лет (84 % ежедневно используют интернет для решения разных проблем), жители крупных городов (78 %), среднедоходные и состоятельные семьи (82 % и 88 % соответственно), семьи с детьми школьного возраста (84 %).

Формальная активность обращения к интернету не дает исчерпывающей информации об особенностях поведения в информационно-цифровом пространстве. Используя научные публикации [Вершинская, 2016; Ермаков, 2014] и мнения экспертов, мы разделили массовые навыки населения и формы применения цифровых технологий на три уровня: 1) *базовый уровень* предполагает обмен письмами в электронной почте, общение в массовых социальных сетях; осуществление интернет-платежей за услуги, заказ билетов, продуктов, такси; покупку в интернет-магазинах, просмотр видео; 2) *средний уровень* обеспечивается навыками общения в профессиональных сетях, получения образовательной информации; поиска вакансий на рынке труда, выполнения профессиональных работ; взаимодействия с органами власти, гражданскими объединениями; виртуальных путешествий, посещений культурных объектов; 3) *продвинутый уровень* подразумевает участие в вебинарах, интернет-семинарах; настройку набора новостных источников, облачное хранение данных; получение дистанционного образования; ведение собственного видеоблога, сайта; управление технологиями «умного дома».

Цифровые услуги базового уровня присутствуют в жизни всех социальных сегментов: жители не только крупных, но и средних, малых городов осваивают платежи через интернет за жилищно-коммунальные и другие услуги, осуществляют покупки в интернет-магазинах; жители поселков общаются в социальных сетях. В среднем около 40 % жителей провинциальных регионов владеют большей частью цифровых навыков базового уровня: самые распространенные — общение в социальных сетях (59 %); навыки аутсайдеры — заказ продуктов и лекарств (14 %). Высокая активность использования базовых цифровых услуг характерна для специалистов разных отраслей со специальным образованием, предпринимателей, семей с невысокими доходами.

Средний уровень освоения информационно-цифрового пространства гражданами связан не столько с потребительскими услугами, сколько с развивающими программами: получение образовательной информации (48 %), поиск вакансий на рынке труда (22 %), дистанционное выполнение профессиональной деятель-

ности (17 %), виртуальные путешествия и посещения культурных мероприятий (15 %). Совокупный индекс освоения большей части этих услуг составил 27: четверть населения кроме базовых технологий владеет более сложными цифровыми навыками. Самый высокий совокупный индекс освоения услуг среднего уровня демонстрируют молодые люди от 18 до 35 лет, среднедоходные семьи.

Закрывают перечень видов информационно-цифровой деятельности услуги *продвинутого уровня*. Они не только удовлетворяют потребительские и развивающие интересы, но и меняют качество жизни пользователей: помогают настраивать новостные источники и хранить свои данные (22 %—26 %), дистанционно получать образование и участвовать в вебинарах (27 %), использовать услуги «умного дома» (10 %; см. табл. 2). Более уверенно себя чувствуют в данной группе услуг учащаяся молодежь, семьи со средним и высоким уровнем доходов. Совокупный индекс освоения большинства технологий продвинутого уровня равен 15, что в два-три раза ниже, чем в первых двух группах.

Результаты освоения виртуального пространства жителями разных населенных пунктов Пензенской и Ульяновской областей свидетельствуют о наличии серьезных барьеров в поведении массовых пользователей, которые воспроизводят информационно-цифровое неравенство. Эти барьеры носят мотивационный, когнитивный и экономический характер; они присутствуют во всех группах населения, но чаще других — среди людей старших возрастных групп; жителей сёл и поселков, работников с начальным профессиональным образованием; бедных и малообеспеченных семей.

Таблица 2. **Продвинутый уровень информационно-цифровой активности населения**
(в % от числа опрошенных; n = 1250)

Требования работодателей	В среднем	Возраст			Место проживания			Образование			Экономический статус			
		18—35	36—55	56 и старше	Крупный город	Средний, мал. город	Поселок	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее	Бедные	Мало-обеспеченные	Средние	Состоятельные
Дистанционное образование	19	21	14	20	17	20	20	30	9	17	19	8	29	32
Услуги «умного дома»	10	4	22	5	11	12	5	2	15	13	2	6	19	23
Роботы-помощники в доме	7	10	3	6	12	3	2	4	8	7	1	7	15	22
Участие в вебинарах, семинарах	27	33	24	15	27	22	23	26	16	34	4	36	26	27
Настройка новостных источников	26	23	29	26	23	35	17	26	24	28	31	23	33	13
Облако данных	22	31	21	13	24	21	19	23	24	21	24	25	13	13
Ведение видеоблога, сайта	5	3	4	8	4	6	4	6	3	5	5	3	6	12

Сравнение «цифровой» стратификации населения по разным профилям показало, что поведенческий критерий дает менее благоприятную картину: каждый пятый житель регионов (18 %) соответствует категории «цифровая бедность», то есть не пользуется услугами даже первой необходимости. Эти граждане быстро станут социально исключенными, если не будут вовлечены в новые технологии благодаря специальным программам.

В целом освоение интернета и информационно-компьютерных технологий в России характеризуется позитивной динамикой: исследования в регионах 2015 г. свидетельствовали о том, что 40 % российского населения не использовали цифровые ресурсы и по шкале «онлайн — офлайн» находились на уровне «цифровой бедности» [Вершинская, 2016]. Удельный вес представителей нижней страты информационно-цифрового неравенства сокращается благодаря очевидным изменениям в жизни регионов, населенных пунктов, учреждений и каждого отдельного гражданина: современные информационно-коммуникативные, досуговые интересы населения удовлетворяются преимущественно с помощью интернета, в нашем опросе на этот источник указали 77 % респондентов (см. рис. 1), а среди молодежи, жителей городов, предпринимателей — 85 %-90 %.

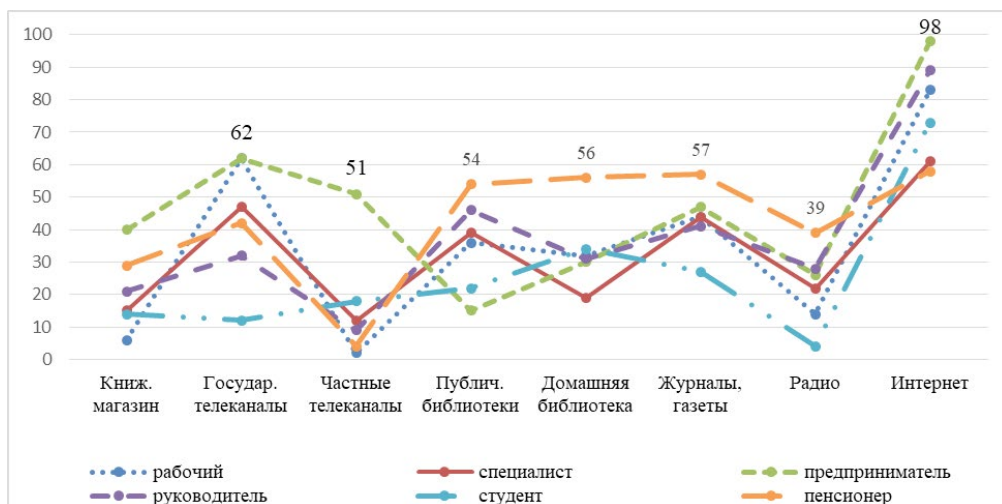

Рисунок 1. Интернет как источник реализации информационно-коммуникативных потребностей жителей с разным должностным статусом (в %, $n = 1250$)

Изменение отношения к цифровым ресурсам связано не только с объективной интернетизацией, но и с той моделью поведения, которой граждане придерживаются в рамках социальной адаптации («адаптивной практикой»). В преодолении информационно-цифрового неравенства еще более, чем любого другого, выигрывают те группы, которые в ходе адаптации могут преодолеть стадию «шока» и начать осваивать новые навыки. Типология адаптивных практик, которую мы охарактеризовали выше, в ходе исследования была конкретизирована: 1) «адаптация как развитие» — *предприимчивый тип*: проявляю инициативу во всех сферах,

чтобы быть успешнее; 2) «адаптация как защита» — *консервативный тип*: защищаю и стараюсь сохранить достигнутое; 3) «адаптация как уход от проблем» — *пассивный тип*: ничего не предпринимаю, не могу изменить ситуацию в лучшую сторону. Соотнесение этих типов с формами информационно-цифровой активности позволило выделить следующие характеристики.

Жители обследованных регионов в целом придерживаются *позитивной мотивации* относительно информационных и компьютерных навыков: считают, что они могут помочь в получении новой работы, повышении самооценки и адаптации к меняющимся условиям жизни. Чаще других в этом убеждены молодые люди, жители крупных городов, представители бедных и малообеспеченных семей. Самый высокий уровень позитивной мотивации разделяют представители предпринимчивого типа (75%), самый низкий — те, кто придерживается пассивных практик (52%) (см. рис. 2).

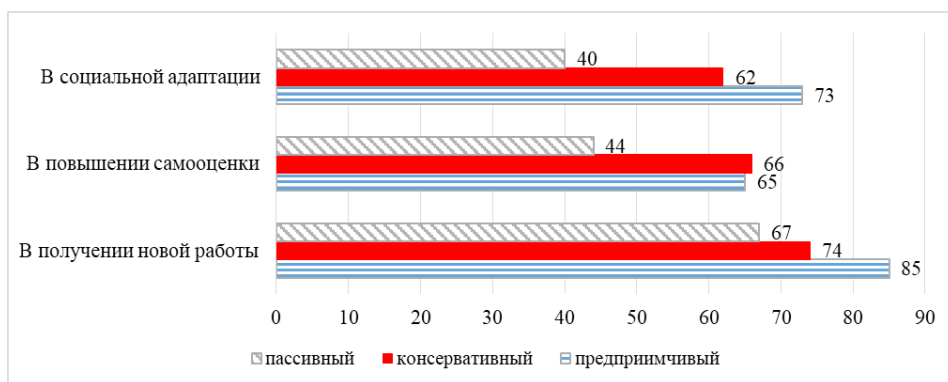

Рисунок 2. Мотивация освоения информационно-коммуникационных технологий как средства социально-профессиональной мобильности в разных типах адаптивного поведения (в %, $n = 1250$)

Использование интернет-технологий в современных условиях выступает своеобразным индикатором социальной адаптивности и активности граждан: чем мобильнее человек, тем чаще ему требуется мобильный выход в виртуальное пространство. Чем ниже социальная адаптивность к новым жизненным условиям и пассивнее адаптивное поведение, тем ниже интернет-активность. Внимания заслуживает следующий факт, выявленный в ходе исследования: представители пассивного типа, которые ничего не предпринимают и не меняют сложившуюся ситуацию, не проявляют высокой активности и в онлайн-пространстве: каждый второй из них (47%) пользуется интернетом и цифровыми технологиями крайне редко, либо не пользуется вовсе; среди «консервативных» и «предпринимчивых» граждан таких значительно меньше (20% и 14% соответственно; см. рис. 3).

Кроме мотивации и информационно-цифровой активности представители разных типов адаптивного поведения отличаются *компьютерной грамотностью*. Американские ученые К. Ланкшер и М. Кнобел рассматривают интернет-грамотность, компьютерную грамотность и информационную грамотность как виды цифровой грамотности [Lankshear, Knobel, 2008]. Европейские исследователи

А. Авирам и Й. Эшет-Алкалай предлагают учитывать конкретные составляющие компьютерной грамотности: фотовизуальную, репродуктивную, информационную, социально-эмоциональную и интернет-грамотность [Aviram, Eshet-Alkalai, 2006]. На саммите G20 в 2017 г. выделена потребность повышения цифровой грамотности населения и в качестве ее компонентов предложены следующие показатели: информационный, компьютерный, коммуникационный, технологический [Chetty, Liu, 2018]. Такое внимание к компьютерным (цифровым) компетенциям больших социальных групп свидетельствует о значимости этого качества для жизни в современном обществе, а также о сложностях его формирования. Отличие компьютерной грамотности от других составляющих человеческого капитала состоит в том, что традиционная модель передачи знаний от старшего поколения младшему в отношении компьютерной грамотности не работает. Результаты нашего исследования показали, что доля пользователей с низким уровнем компьютерной подготовки различается не только в возрастных сегментах, но и среди представителей разных типов адаптации: удельный вес лиц с низким и начальным уровнем цифровой компетентности в типологической группе «предприимчивых» составляет пятую часть (20%), в группе «консерваторов» — треть (32%), среди «пассивных» — почти половину (48%).

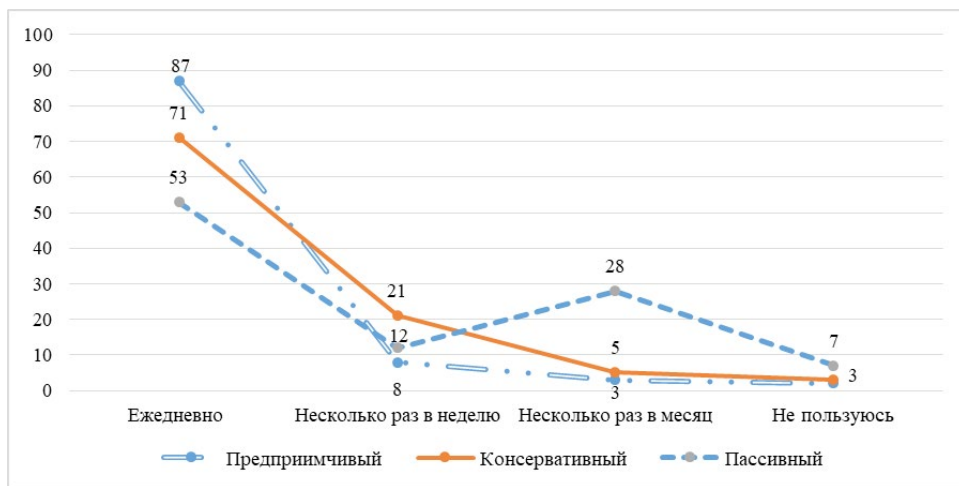

Рисунок 3. Уровень интернет-активности представителей разных типов социальной адаптации (в %; $n = 1250$)

Выявленная нами устойчивая корреляция «предприимчивых» адаптантов с высоким уровнем позитивной мотивации, цифровой активности и грамотности подтверждает выводы других исследований в России: навыки в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) являются входным билетом в более успешную жизнь и на более привлекательные рабочие места [Бедность и бедные в России, 2014]. Научный оптимизм снижает тот факт, что доля эффективного типа, для которого адаптация — это развитие, относительно невелика. По результатам

опроса, она составляет шестую часть взрослых жителей провинциальных регионов (16%-17%). Самый распространенный тип адаптивного поведения — «консервативный»; больше половины взрослых жителей обследованных регионов придерживаются позиции «адаптация — это защита достигнутого» (55%-56%). Самый неэффективный тип адаптации к быстро меняющимся социальным условиям — «пассивная практика», она характерна для четверти населения (27%-28%), а в некоторых социально-демографических сегментах доля таких «адаптантов» доходит 40%-50%.

Преодоление информационно-цифрового неравенства требует увеличения доли граждан, активных по отношению к компьютерным технологиям и к жизни в целом. Этому могут способствовать знания о социально-демографических, профессиональных, социально-экономических характеристиках разных типологических групп, а также о стимулах повышения интереса их представителей к цифровым технологиям.

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что в целом среди жителей обследованных регионов наиболее популярны следующие стимулы повышения цифровой активности: необходимость освоения новых гаджетов (41%), требования в профессиональной сфере (40%), новые возможности интернета для общения (39%), воздействие ближнего окружения (33%), развитие электр. услуг в регионе, населенном пункте (14%), возможности для культурного развития и образования (24%), возможности для реализации потреб. в покупках (19%), Другое (2%), Ничто не стимулирует (7%).

Рисунок 4. Стимулы интереса к цифровым технологиям (в %, n=1250)

Различия в стимулировании интереса к ИКТ представителей разных типологических групп связаны с особенностями их состава, которые выявлены на основе специальных таблиц сопряженности.

Предприимчивый тип адаптивного поведения. В составе преобладают молодые люди от 18 до 35 лет, женщины, жители крупных городов и областных центров (65%); предприниматели и специалисты с высшим образованием социально-гуманитарного, информационно-технологического, естественно-научного профилей (62%); представители среднедоходных и состоятельных (выше среднего) групп

населения. Ведущими стимулами повышения уровня цифровых компетенций для представителей данного типа являются: желание осваивать новые цифровые устройства в разных сферах жизни (62%), использование новых форм и каналов интернета для личного и профессионального общения (60%), необходимость использования цифровых технологий в трудовой деятельности (58%).

Консервативный тип адаптивного поведения. В демографическом составе равномерно представлены граждане молодой, средней и старшей возрастных групп, а также жители разных городских и сельских поселений; преобладают работники с начальным и средним профессиональным образованием (71%); семьи, состоящие из родителей и детей дошкольного, школьного возрастов (43%); представители малообеспеченных и базовых (ниже среднего) групп. Основными стимулами, которые могут повысить интерес и уровень цифровой активности для данного типа, являются: активное внедрение гаджетов в быту (64%), получение дистанционных образовательных услуг (55%), влияние ближайшего окружения (54%).

Пассивный тип адаптивного поведения. В составе представлены граждане всех возрастов, с некоторым преобладанием старшей возрастной группы (от 56 лет — 42%), жители малых городов и сельских поселений (67%); преобладают работники с начальным и средним профессиональным образованием (78%); семьи, состоящие из пенсионеров и взрослых людей старшего трудоспособного возраста (55%); представители бедных и малообеспеченных страт (56%). Доминантных стимулов, которые могут повысить интерес и уровень цифровой активности данного типа, не выявлено; нужны адресные целевые программы для конкретных сегментов.

Заключение

Обобщение первичных данных оригинального социологического исследования и сравнение их с вторичной научной информацией позволили подтвердить выдвинутые ранее положения: владение ИКТ-ресурсами определяет новые стили и качество жизни в информационном обществе, одновременно выступает критерием динамично углубляющегося информационно-цифрового неравенства; наличие и освоение этих ресурсов неравномерно осуществляется в разных территориях проживания, возрастных и социокультурных группах; стратификация пользователей в информационно-цифровой сфере связана с разной доступностью цифровых устройств и готовностью самих пользователей.

Кроме того, нам удалось выделить ряд положений, представляющих новизну в изучении информационно-цифрового неравенства и адаптивных практик населения, направленных на его преодоление. Во-первых, расстояния между стратами, выраженные в количественных и качественных единицах, дают представление о глубине цифрового неравенства по двум осям — технологической и поведенческой. Сравнение «цифровой» стратификации населения по разным профилям показало, что технологическая доступность «онлайн-пространства» в разных типах поселений российской провинции сегодня опережает мотивационно-поведенческую доступность.

Во-вторых, изменение отношения населения к цифровым ресурсам на данном этапе связано не столько с объективной интернетизацией, сколько с той моделью поведения, которой граждане придерживаются в рамках социальной

адаптации. Самый высокий уровень позитивной мотивации разделяют представители предприимчивого типа («адаптация как развитие»); самый низкий — те, кто придерживается пассивных практик («адаптация как уход от проблемы»). В свою очередь, характер использования интернет-технологий выступает своеобразным индикатором социальной адаптивности граждан: чем мобильнее человек, тем чаще ему требуется мобильный выход в виртуальное пространство.

В-третьих, выявлена устойчивая корреляция «предприимчивых» граждан с высоким уровнем позитивной мотивации, цифровой активности и грамотности. Но доля эффективного типа, для которого адаптация — это развитие, относительно невелика; самый распространенный тип адаптивного поведения и освоения цифровых ресурсов — «консервативный», представители которого придерживаются оборонительной позиции. Преодоление информационно-цифрового неравенства требует увеличения доли активных граждан по отношению к компьютерным технологиям и к жизни в целом. Перспективы изучения темы связаны с проверкой социально-демографических, профессиональных, социально-экономических характеристик разных типологических групп, стимулов повышения интереса их представителей к цифровым технологиям на более широком эмпирическом материале — исследовании в регионах с разным уровнем социально-экономического развития.

Список литературы (References)

- Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2014. 304 с.
Poverty and Poor people in Modern Russia (2014) Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir Publ. 304 p. (In Russ.)
- Беляева Л. А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 44—53.
Belyaeva L. A. (2001) Strategies for Survival, Adaptation, and Success. *Sociological Studies*. No. 6. P. 44—53. (In Russ.)
- Вершинская О. Н. Цифровая депривация // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Москва, 2016. С. 431—435
Vershinskaya O. N. (2016) Digital deprivation. In: Russia: trends and development prospects. Yearbook. Moscow. P. 431—435. (In Russ.)
- Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163—182.
Volchenko O. V. (2016) Dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 163—182. (In Russ.)
- Дюркгейм Э. Самоубийство : Социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.
Durkheim E. (1994) Suicide: A Sociological Study. E. Durkheim. Moscow: Thought. 399 p. (In Russ.)

- Ермаков М. А. Социальная структура информационного общества: синтетическая модель // Социум и власть. 2014. № 4. С. 18—24.
Ermakov M. A. (2014) The social structure of information society: synthetic model. *Society and Power*. No.4. P. 18—24. (In Russ.)
- Касаткина Н. В. Особенности адаптации этнических групп в современной Литве // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 46—54.
Kasatkina N. V. (2004) Features of adaptation of ethnic groups in modern Lithuania. *Sociological Studies*. No. 5. P. 46—54. (In Russ.)
- Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 424 с.
Korel L. V. (2005) *Sociology of adaptation, problems of theory and methodology*. Novosibirsk: Nauka. 424 p. (In Russ.)
- Парк Р. Аккомодация // Теоретическая социология: Антология. Т. 1. М. : Университет. 2002. С. 406—414.
Park R. (2002) Accommodation. In: *Theoretical Sociology: Anthology*. Vol. 1. Moscow: University. P. 406—414. (In Russ.)
- Парсонс Т. О социальных системах. М. : Академический Проспект, 2002. 830 с.
Parsons. T. (2002) *The social system*. Moscow: Akademicheskii Prospekt. 830 p. (In Russ.)
- Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89—106.
Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2016) Self-employment in the remote work market: diffusion of innovative labor practice. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 89—106. (In Russ.)
- Тард Г. Законы подражания. М. : Академический проект, 2011. 189 с.
Tard G. (2011) *Laws of imitation*. Moscow: Academic project. 189 p. (In Russ.)
- Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78—104.
Shabanova M. A. (2001) Mass adaptation strategies and perspectives of institutional transformations. M. A. Shabanova. *Universe of Russia*. No. 3. P. 78—104. (In Russ.)
- Шарифьянов Т. Ф., Гайнанов Д. А., Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 22. С. 2—18.
Sharif'ianov T.F., Gainanov D.A. (2014) The digital divide evolution and the tools to neutralize its effects. *Regional Economics: Theory and Practice*. No. 22. P. 2—18. (In Russ.)
- Aviram A. Eshet-Alkalai Y. (2006) *Towards a Theory of Digital Literacy: Three Scenarios for the Next Steps*. 134 p.
- Berry J. W. (2003) *Acculturation as varieties of adaptation*. Boston: McGraw-Hill. 279 p.

Bucy E. P. (2000) Social Access to the Internet. *The Harvard International Journal of Press. Politics*. Vol. 5. No. 1. P. 50—63.

Chetty K., Liu Q., Gcora N., Josie J., Wenwei L., Fang Ch. (2018) Bridging the digital divide: measuring digital literacy. *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*. 12 (2018-23): 1—20. <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23>.

Lankshear C., Knobel M. (Ed) (2008) Digital literacies: concept, policies and practices. 68 p.

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.05

Правильная ссылка на статью:

Белова Ю. Ю., Фадеева И. М. Репрезентация практик потребления алкоголя в виртуальных социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 86—105. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.05>.

For citation:

Belova Yu. Yu., Fadeeva I. M. (2019) Representation of alcohol consumption practices in virtual social networks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 86—105. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.05>.

Ю. Ю. Белова, И. М. Фадеева РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАКТИК ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАКТИК ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

REPRESENTATION OF ALCOHOL CONSUMPTION PRACTICES IN VIRTUAL SOCIAL NETWORKS

БЕЛОВА Юлия Юрьевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: juliya01@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2866-328X>

Yulia Yu. BELOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow, Laboratory for Economic and Social Studies

E-MAIL: juliya01@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2866-328X>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ФАДЕЕВА Ирина Михайловна — доктор социологических наук, директор, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия; профессор кафедры социологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия
E-MAIL: fadeeva5@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4501-5770>

Irina M. FADEEVA^{2,3} — Dr. Sci. (Soc.), Director; Professor, Chair of Sociology
E-MAIL: fadeeva5@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4501-5770>

Аннотация. Виртуальные социальные сети мгновенно реагируют на происходящие в обществе процессы, в них отражаются актуальные практики поведения людей, в том числе по отношению к употреблению алкоголя. Обсуждение процесса алкоголепотребления в социальных сетях характеризуется экспрессивной коммуникацией, особенно в комментариях интернет-пользователей.

Цель исследования состоит в выявлении смысловой структуры репрезентации повседневного потребления алкоголя в дискурсе виртуальных социальных сетей. С помощью качественного анализа комментариев пользователей социальных сетей определены ведущие смысловые модели репрезентации, отражающие доминирующие практики повседневного потребления алкоголя. В ходе исследования проанализировано 10 195 комментариев, опубликованных 9 000 российскими пользователями популярных социальных сетей: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Google+, Instagram, — за период с 16 марта по 16 апреля 2018 г. Для отбора комментариев использовалась информационно-аналитическая система «Медialogия».

По результатам исследования сделан вывод о наличии множественности

Abstract. Virtual social networks immediately react to what is happening in the society. They reflect individuals' behavior practices including those concerning the alcohol consumption. Discussion of alcohol consumption in social media is characterized by expressive communication especially in online user comments.

The objective of the study is to reveal the semantic structure of alcohol consumption representation in social media online discourse. Using qualitative analysis of online user comments, dominant semantic representation models are defined. The study provides an analysis of 10,195 comments published by 9,000 Russian users on the most popular social media websites (Vkontakte, Odnoklassniki, Facebook, Google+, Instagram) during the period from March 16 through April 16 2018. The Medialogia analytical system was used to select the comments.

The findings suggest that the representation of everyday alcohol consumption has multiple semantic models in social media. Basic alcohol discourse practices, alcohol consumption socio-cultural features and the markers of its social normativity are singled out.

The study argues that alcohol consumption discourse in social media represents

смысловых моделей репрезентации повседневного потребления алкоголя, отраженных в пространстве социальных сетей. Они позволили выделить основные алкогольные дискурс-практики и социокультурные черты потребления алкоголя, маркеры его общественной нормативности.

Исследование показало, что обсуждение потребления алкоголя в социальных сетях репрезентирует следующие социокультурные смыслы: социальная нормативность, доступность, обыденность, стереотипизированность, стандартизация, сакральность, социокультурная укорененность. Многообразие проалкогольного контента в социальных сетях свидетельствует о высокой значимости этого феномена в социальном пространстве и представлениях людей, указывает на наличие социокультурных характеристик современной интернет-коммуникации, в рамках которой формируются свой метаязык и соответствующие смыслы, требующие изучения на междисциплинарном уровне.

Ключевые слова: алкоголь, пьянство, алкоголизм, виртуальные социальные сети, репрезентация, интернет-коммуникация, смыслы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (проект МК-6274.2018.6).

Авторы признательны руководителю отдела маркетинга компании «Медиа-логия» М. Мачерет за важные консультации и комментарии по методике работы с сервисом.

the following socio-cultural meanings: social normativity, accessibility, daily routine, orientation towards stereotypes, standardization, sacrality, and social and cultural rootedness. The variety of pro-alcohol content in social media proves high significance of this phenomenon in public perceptions and points to a number of socio-cultural characteristics of modern online communication which creates a metalanguage and certain meanings yet to be explored through a multidisciplinary approach.

Keywords: alcohol, hard-drinking, alcoholism, virtual social networks, representation, online communication, meanings

Acknowledgments. The study is financed by the grant of the President of the Russian Federation to support young Russian candidates of sciences (project МК-6274.2018.6).

The authors would like to express gratitude to M. Macheret, head of Media-Logia Marketing Department, for the important advice and comments on the methodology.

Введение

Современные исследователи обращают внимание на то, что переосмысление таких категорий, как анонимность, публичность, присутствие, реальность, локальность в противоположность глобальности [Колозариди и др., 2018], происходит в связи с развитием опосредованных интернет-коммуникаций. Виртуальные социальные сети обеспечивают интерактивность коммуникации, разворачивают невидимое на первый взгляд пространство субъективных мнений, которое ежедневно обновляется. Перед человеком открываются широкие возможности самовыражения и социальной идентификации, хотя в некотором смысле нарушается приватность его личной жизни. Некогда интимные темы выходят на публичную арену, а их обсуждение нормативизируется. Так, несмотря на свою сензитивность, в пространстве социальных сетей свободно представлена тема потребления алкоголя. Однако дискурс, репрезентирующий множественность его смыслов, практически не исследован.

Изучению социально-культурных аспектов репрезентации практик потребления алкоголя в виртуальных социальных сетях уделяют внимание преимущественно зарубежные исследователи. Так, Р. Браун и М. Грегг, основываясь на анализе статусов и фотографий, размещенных в социальных сетях (связанных с предвкушением потребления спиртного, алкогольным опьянением, прошедшим алкогольным досугом и т. п.), пришли к выводу, что обмен подобными впечатлениями является частью обыденной коммуникации и не подразумевает раскаяния за собственное поведение [Brown, Gregg, 2012]. Согласно результатам исследований Б. Ридут, Р. Гриффитс и др., некоторые группы молодежи считают социально желательным компонентом виртуальной идентичности представление о себе как об интенсивно пьющих людях [Griffiths, Casswell, 2010; Ridout et al., 2012]. Авторы показывают, что онлайн-культура, связанная с обменом информацией об опыте потребления алкоголя, закрепляет нормативность его потребления в реальности. В свою очередь, Дж. Миллер и соавторы определили потенциальную роль социальных сетей в моделировании алкогольного поведения среди женщин [Miller et al., 2014], а К. Иган и М. Морено сделали вывод, что ссылки на алкоголь в профилях пользователей социальных сетей могут влиять на социальные нормы и увеличивать употребление алкоголя среди мужчин [Egan, Moreno, 2011]. Это одновременно указывает на другой аспект исследований репрезентации в социальных сетях темы алкоголепотребления, который связан с оценкой рисков формирования интереса к алкоголю в результате коммуникативных действий пользователей.

Положительный контекст представленности темы алкоголя в визуальных и текстовых статусах пользователей обсуждается в рамках моделей ожидаемого поведения и теорий медиаэффектов [Beullens, Schepers, 2013]. На аналогичный эффект от проалкогольных изображений в социальных сетях и его негативное влияние на увеличение потребления алкоголя среди подростков и молодых людей указывают Г. Шах и соавторы [Shah et al., 2015].

Влияние контента об алкоголе на увеличение норм его употребления среди студентов оценивают А. К. Фурнье и др. [Fournier et al., 2013]. Как отмечают С. К. Бойл и др., наблюдение за положительно подкрепляемыми сообщениями об алкоголе формирует риски одобрения студентами интенсивного алкоголепотребления [Boyle

et al., 2018]. Среди рисков, связанных с восприятием контента социальных сетей об алкоголе, Э. К. Эревик и др. называют высокую вероятность ответного размещения подобного контента [Erevik et al., 2017].

Некоторые авторы считают, что риски, связанные с обменом опытом потребления алкоголя в пространстве социальных сетей, требуют профилактических мер [Moewaka et al., 2015; Glassman, 2012 etc.]. П. Кавазос-Рех и др. на основе контент-анализа твитов об алкоголепотреблении молодежью заключают, что большинство из них отражают позитивное отношение к употреблению алкоголя, и это должно быть поводом для распространения антиалкогольных сообщений через социальные сети [Cavazos-Rehg et al., 2015]. Такие исследователи, как Дж. Д'Анджело, Е. С. Вестгейт, Ф. Гаусенс, Д. М. Литт, М. А. Морено, Г. К. Хуанг и др., заявляют, что анализ ссылок и постов о вреде алкоголя в социальных сетях имеет прогностическую функцию в отношении поведения, связанного со здоровьем, служит целям профилактики [D'Angelo et al., 2014; Westgate et al., 2014, 2016; Geusens et al., 2016; Litt et al., 2018; Moreno et al., 2014; Huang et al., 2014 etc.] и должен использоваться для диагностики девиантных форм потребления алкоголя [Moreno et al., 2012].

Как показывает анализ источников, зарубежные исследования на тему репрезентации повседневного алкоголепотребления в социальных сетях в большинстве случаев выполнены в отношении студентов, направлены на выявление их рискованного поведения и дальнейшего его предупреждения [Moreno et al., 2012; 2014 etc.]. Значительное число работ при этом посвящено изучению влияния маркетинга алкоголя в социальных сетях на поведение людей [Alhabash et al., 2016; Hoffman et al., 2014; Gupta et al., 2018; Niland et al., 2016; Litt et al., 2011; Boyle et al., 2016 etc.]. Чаще всего такие исследования связаны с анализом рисков пассивного просмотра контента об алкоголе пользователями социальных сетей, а также поиском учеными механизмов их минимизации.

Теме данного исследования близки немногочисленные работы, в которых представлены смысловые контексты репрезентации в социальных сетях образов потребления алкоголя. Например, в исследовании Э. М. Кон и др. с помощью частотного анализа проведено тематическое моделирование мнений о потреблении алкоголя в контексте отказа от курения с выделением трех тем: тяга к алкоголю и искушение, сходство никотиновой и алкогольной зависимостей, алкоголь для торжеств [Cohn et al., 2019].

В отечественной социологии тема репрезентации в интернет-пространстве практик повседневного потребления алкоголя до сих пор специально не затрагивалась. Внимание уделяется лишь специфической практике алкоголепотребления с помощью инструментов опосредованной интернет-коммуникации (на примере Skype) [Дмитриева, 2018]. Автор справедливо отмечает, что Skype, в отличие от социальных сетей, не предназначен для самопрезентации, а выступает инструментом связи, посредством которого воспроизводится ситуация совместного употребления интернет-пользователями алкоголя на расстоянии [Дмитриева, 2018].

Дизайн исследования

В статье выявляются социокультурные смысловые модели репрезентации алкоголя на уровне общепринятости, рутинизации и депроблематизации. Основная

задача исследования — анализ комментариев о повседневном потреблении алкоголя пользователями виртуальных социальных сетей.

Исследование производилось с помощью качественного анализа комментариев пользователей социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Google+, Instagram на тему потребления алкоголя. Проанализировано 10 195 комментариев, опубликованных 9 000 пользователями за период с 16 марта по 16 апреля 2018 г.

Предварительный отбор словоформ для исследования производился с помощью электронных сервисов «Яндекс.Wordstat»¹, «Сеть словесных ассоциаций»², «Медиалогия»³, которые отражают наиболее популярные слова и словосочетания поисковых запросов, а также группируют слова по психологическому восприятию, смыслу и значению. С помощью сервиса «Яндекс.Wordstat» были выделены наиболее популярные запросы, отражающие процесс повседневного потребления алкоголя. Установлено, что интернет-пользователи при формулировании поисковых запросов связывают повседневные практики алкоголепотребления со словом «выпить», обозначая совершенные однажды или планируемые к совершению действия кратковременного характера («выпивала», «выпил», «где выпить», «сели за руль, выпив алкоголь», «хочется выпить алкоголь», «можно выпить вина», «выпью за любовь», «выпить водки», «выпить вина», «выпить пива» и т. д.), тогда как словом «пить» обозначаются действия регулярного характера, протяженный во времени процесс потребления алкоголя («пил алкоголь», «пить алкоголь», «пьет алкоголь» и т. д.), а также его девиантные формы («пьющие», «день пил», «пьющие дети» и т. д.).

При сравнении частоты упоминаемости слова «выпить» (в связке со словом «алкоголь») с другими словами аналогичного значения выяснилось, что это слово употреблялось чаще всего⁴ (см. табл. 1).

Таблица 1. Упоминание в социальных сетях слов и словосочетаний, имеющих отношение к потреблению алкоголя (за период с 16.03.2018 по 16.04.2018 гг.)

Название объекта	Количество сообщений
Выпить & алкоголь	5 683
Бухнуть	420
Пропустить стаканчик	191
Нажраться & алкоголь	60
Накатить & алкоголь	54
Залить за воротник	54
Трахнуть по маленькой	53
Наклюкаться	11
Пообщаться с зеленым змием	3
Выкушать водочки	1

¹ Сервис подбора слов «Яндекс.Wordstat» [Электронный ресурс]. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 15.03.2018).

² Сеть словесных ассоциаций [Электронный ресурс]. URL: <https://wordassociations.net> (дата обращения: 15.03.2018).

³ Информационно-аналитическая система «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://mlg.ru> (дата обращения: 15.03.2018).

⁴ Там же.

Для отбора комментариев использовалась наиболее распространенная словоформа, связанная с обозначением общепринятых актов повседневного потребления алкоголя. В этом контексте авторы не ставили задачу обращаться к жаргонизмам («бухнуть» и др.), которые употребляются ограниченной частью пользователей и транслируют формы потребления алкоголя как девиантные или близкие к ним.

Также при отборе комментариев намеренно исключалось использование слов, обозначающих конкретные виды алкогольной продукции, поскольку это могло сузить охват комментариев, дистанцироваться от темы общепринятых практик. Например, П. Кавазос-Рех и соавторы при отборе молодежных твитов для контент-анализа не использовали слово «вино», поскольку это увеличило бы количество рассуждений о пользе алкоголя, а также качественно изменило бы контекст обсуждений (например, вино для молодежи не играет такой роли, как пиво) [Cavazos-Rehg et al., 2015].

Для отбора комментариев посредством информационно-аналитической системы «Медialogия» применялся единый контекстный поиск, основанный на исключении часто встречающихся побочных слов в связке со словом «выпить» (ассоциации со словом «выпить» предварительно подбирались через ресурс «Сеть словесных ассоциаций»), по формуле: <выпить andnot чашечку | выпить andnot чашку | выпить andnot кофе | выпить andnot лимонад | выпить andnot чай | выпить andnot литр | выпить andnot вода | выпить andnot молоко | выпить andnot сок | выпить andnot бульон | выпить andnot какао | выпить andnot отвар | выпить andnot квас | выпить andnot таблетка | выпить andnot аспирин>. Использование логического оператора «andnot» позволило исключить словосочетания, не связанные с темой исследования.

По количеству тематических комментариев определено пять виртуальных социальных сетей: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Google+, Instagram (см. рис. 1).

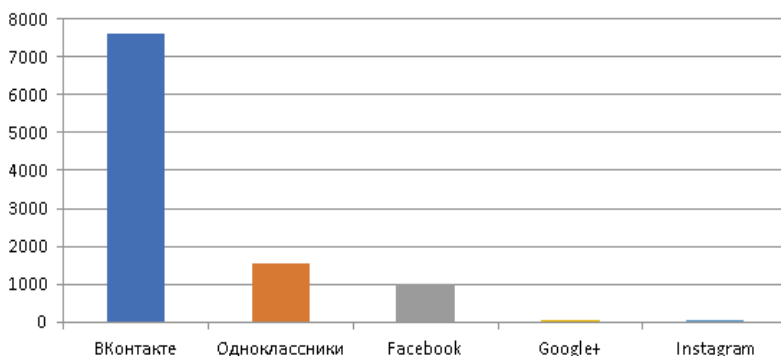

Рисунок 1. Виртуальные социальные сети по доминированию комментариев на заданную тему за период с 16 марта по 16 апреля 2018 г.

Социальная сеть «ВКонтакте» лидирует по количеству комментариев по нескольким причинам. Она отличается, во-первых, большим размером аудитории (см. табл. 2), во-вторых, значительным числом пользователей молодого возраста, которые в большей степени вовлечены в обсуждение повседневных тем.

Таблица 2. Характеристика аудитории социальных сетей, выбранных для анализа сообщений

Виртуальные социальные сети	Аудитория	Сообщения	Вовлеченность
ВКонтакте	658 362 061	7 617	1 516
Одноклассники	233 203 625	1 566	0
Facebook	36 869 978	994	920
Google+	224 368	12	2
Instagram	2 253 542	6	0

Кроме того, учитывался контекст сообщений пользователей, а также связанные с ними другие комментарии, которые создавали пространство обсуждения темы. Качественное исследование отобранного материала производилось с помощью категориального анализа, логика которого разворачивалась от частного к общему: однотипные высказывания пользователей виртуальных социальных сетей объединялись в классы, затем устанавливались связи между свойствами комментариев, на основе которых классифицированные группы объединялись в кластеры. В результате кластеризации сопоставлялись характеристики высказываний, что позволило выявить доминирующие смысловые модели репрезентации рассматриваемой темы в социальных сетях, обозначить трендовый проалкогольный контент повседневных практик и маркеры общественной нормативности потребления алкоголя.

Результаты

На основе анализа комментариев пользователей виртуальных социальных сетей выделены следующие смысловые модели репрезентации повседневного потребления алкоголя.

Модель репрезентации доступности алкоголя показывает широкие возможности его приобретения и потребления населением («Обычно при заезде 2 бутылки полагается», «Мне бы конечно рядом с домом. Хочу выпить, но не хочу ехать на автомобиле»). Доступность алкоголя как маркер его повседневного потребления отражается в соответствующем дискурсе через сообщения о месте и времени его приобретения, стоимости алкогольных изделий, об отсутствии барьеров для употребления. В комментариях пользователей четко просматривается отсутствие физических ограничений («Кто не против выпить, девочки?», «Кто за то, чтоб выпить бутылочку вина в Бутово парк?», «Алко, кальян — все с меня. Чисто выпить отдохнуть, я один», «Есть вариант покататься по городу или посидеть на квартире выпить», «Предлагаю всем собраться, покурить и выпить»). Одновременно социальные сети за счет расширения коммуникативного пространства обеспечивают большую доступность и разнообразие практик потребления алкоголя, так как выступают ресурсом поиска в социальных сетях компании для проведения досуга с алкоголем

(случайных партнеров, использование алкоголя как источника рискованного, экстремального поведения и др.) («Покататься по городу. Нас трое парней от 19 до 23 и посидеть на квартире выпить»).

Таким образом, виртуальные социальные сети выступают не только коммуникативной площадкой, онлайн-сервисом опосредованной коммуникации, но и одновременно способом стимулирования практик повседневного потребления алкоголя. Близкий вывод к данному содержится и в исследовании О. А. Дмитриевой [Дмитриева, 2018]. Согласно терминологии Р. Гриффитс и С. Касуэлл, пользователи создают интоксигенные социальные идентичности и интоксигенные цифровые пространства [Griffiths, Casswell, 2010], которые реальны по своим последствиям.

Из сообщений пользователей следует, что существуют границы дозволенности потребления алкоголя различными социальными группами, что формирует **модель репрезентации допустимости его потребления**. Например, пользователей тревожит вопрос, насколько приемлемо употреблять спиртное педагогам, представителям органов правопорядка, спортсменам, медицинским работникам и т. п. («Че уж, и пива не выпить вне работы преподам?», «Есть и выше поставленные граждане, которые могут выпить, и что они теперь отбросы общества? В органах люди тоже могут позволить себе выпить, потому что это жизнь, мы не роботы», «Чего удивляться, если медсестры там, в большинстве своём, любят выпить на рабочем месте и даже после жалоб врачу отделения продолжают работать»).

Модель репрезентации обыденности потребления алкоголя реализуется через обращение к нему в аспекте повседневного взаимодействия («Кто не против выпить, девочки? Я сама девочка, просто как-то грустненько стало», «А выпить охота было. И сидели, пили во дворе», «VK был открыт, а я присел за комп кружечку пива выпить»). Данная модель также представлена восприятием алкоголя как атрибута повседневного досуга («Выпить, погулять там, познакомиться с кем то», «Как только становится теплее, у определённых людей просыпается желание под музыку, из машины, присесть на корточки и развести костёр, выпить пивасика с мяском»), как атрибута общения («Расслабиться с подругами, поохотать, выпить немножко», «В хорошей компании люблю выпить, но в меру», «Замечательный собеседник, можно выпить, потусить»).

Обыденность отражается также в практиках семейного алкоголепотребления («Для меня время сна детей — это то время, когда я могу включить телек, выпить бокал вина... и расслабиться», «Пиво с мужем решили выпить. Креветки, фисташки ммммм. Дети спят», «Почему вместе не выпить? Я тоже люблю со своим за фильмом вечером пива выпить с вяленой рыбкой и т. п.»). П. Кавазос-Рех и соавторы отмечают, что в молодежной среде популярность общения в Twitter на алкогольную тему возрастает в праздничные дни и в периоды каникул [Cavazos-Rehg et al., 2015]. М. А. Морено и др. зарегистрировали увеличение количества сообщений об алкоголе в социальных сетях среди студентов в период празднования Хеллоуина [Moreno, 2014a]. Вероятно, то же характерно и для комментариев русскоязычных пользователей социальных сетей. Однако проведенное нами исследование, ограниченное конкретными временными рамками, не позволяет это проверить. Тем не менее приведенные комментарии отражают устойчивость рутинизированных практик потребления алкоголя.

Модель репрезентации оправдания потребления алкоголя характеризует представления пользователей об алкоголе как «проверенном средстве» и реализуется с помощью эксплуатации ряда аргументов: аргумента к субъективному опыту («Тоже могла выпить стаканчик. Все хорошо, все живы и здоровы»); к опыту других («Дядя. 81 год. Всю жизнь пил. Еще живет»); аргумента к авторитету («Как говорил мой дед: «Пей, ума не пропивай», «Черчилль почти каждый день пил виски и состоялся куда лучше вас»); аргумента к большинству («Я и все мои знакомые попробовали алкоголь где-то в таком возрасте. Все здоровы, дети здоровы», «Если надо выпить, в меру — выпью. Матом тоже могу поругаться. Я такая же, как и все»); аргумента к науке («Меньше 50-ти пить — здоровью вредить: это кремлевские ученые давно доказали»); аргумента к невежеству («О полезности вина знает, наверное, каждый»); аргумента к публике («Не слушай никого, хочется выпить — пей!!! А то, смотрю, здесь столько трезвенников собралось»); аргумента к состраданию («Она что, каждый день бухает с утра до ночи? Если человеку плохо, не может выпить бутылку пива, допустим?»); аргумента к потребностям («Бывает, иногда душа горит выпить водку и пивком запить»); аргумента к традиции («И не забудь выпить за Победу») и к жизненным событиям («За такое можно выпить, рад за него»).

Наиболее активно оправдывается выпивка по случаю празднования знаменательных событий и праздников, по случаю окончания трудового дня («Сама природа шепчет на охоте выпить рюмку», «А вот выпить рюмочку, посидеть, вспомнить может даже и всплкнуть на кладбище», «Да хоть и пива, что он после работы как придет домой не имеет права выпить?»), «Не, я понимаю, хочется после рабочей смены как-то расслабиться, выпить»). Встречаются оправдания, связанные со здоровьем («Но ведь не может же быть так, что все пили разное (коньяк, виски, вино), а голова у всех болит! Так только из-за бури [магнитной] может быть. Кстати, никто не знает, завтра бурю не обещали?»). В приведенном примере для преодоления когнитивного диссонанса девушка прибегает к внешней атрибуции.

Оправдательные комментарии амбивалентны: они строятся на атрибуции завышения ценности полученного и занижения ценности того, что не получено, убеждая актора в правильности сделанного выбора в пользу алкоголя («Если так сложилось, что мы решили выпить с подругой, и это сейчас самый экологичный способ выплеснуть какой-то негатив, то и Бог с ним, с тем, что я вообще-то не пью»). Нередко в оправдательных комментариях присутствуют аллюзии, устоявшиеся выражения, что придает им субъективную весомость, достоверность и авторитетность («Как говорится, поработали добросовестно — и выпить не совестно!», «Суббота выпить охота» и т. д.).

Следует отметить, что распространенность тех или иных оправдательных аргументов потребления алкоголя воспроизводит соответствующие смыслы. Так, пользователи социальных сетей активно эксплуатируют аргумент ритуальности, традиционности, который формирует **модель репрезентации сакральности потребления алкоголя**. Модель репрезентируется через комментарии пользователей, обращающихся к различным смыслам сакрального. Примечательно, что нередко такие спекуляции связаны одновременно с отсылкой к традиции («Святое дело выпить по вечерам», «Выходной же, грех не выпить», «А то, что люди себе позволяют выпить — не тяжкий грех, да и за победу как не выпить на 9 мая»,

«А в день рождения грех не выпить!», «А поминальную рюмку выпить не грех», «Не плохо пасху отметили, грех не выпить, святой ведь праздник», «Я не святая, могу иногда выпить, но немного и не часто», «Ну для души водки выпить тоже можно»).

Несмотря на то, что сакральность отличается от обыденности, эти явления в жизни нередко пересекаются. Сакральность связана с культом, ритуалом (алкогольный свадебный ритуал — распитие шампанского после регистрации брака, на похоронах — поминание усопших алкоголем и т. п.); обыденность, в свою очередь, отражает привычность, повторяемость, которая напрямую не связана с ритуалом. Однако в силу традиционности общественного сознания россиян в процессе алкоголепотребления нередко происходит ритуализация обычных вещей, придание обыденности некоторого сакрального смысла.

Потребление алкоголя у пользователей социальных сетей часто ассоциируется с приподнятым настроением, слово «выпить» употребляется в одном ряду со словами, выражающими творческие (хореографические, песенные) таланты, что отражается в **модели репрезентации алкоголя как атрибута радости и веселья** («И петь, и плясать, и выпить», «Чтобы выпить, повеселиться и потанцевать», «С нашими хоть выпить можно и душевненько попеть», «Мне даже поговорить не с кем. Не говоря, выйти потанцевать, выпить, расслабиться»).

Перечисленные выше модели так или иначе связаны с **репрезентацией традиционности алкоголепотребления**, которая конструируется пользователями социальных сетей через апелляцию к важности соблюдения алкогольных традиций («гулянки не устраивали на кладбище никогда. А две стопочки — традиция»). В ответ формируются суждения, выражающиеся в осмеивании алкогольных традиций как предрассудков («а у нас все по традициям — 12 мостов нужно проехать, выйти, выпить, закусить на каждом»). Подобные комментарии, с одной стороны, указывают на традицию, с другой — ироничное отношение пользователей, показывая абсурдность ее соблюдения. Комментарии о традициях и стереотипах потребления алкоголя могут выражать и прямые насмешки, относящиеся к разряду метаиронии, например: «Да без базара, можно выпить, закусить, покурить, пообщаться, пофотографировать и ветер не дует — зачёт по всем статьям». Вместе с тем через ироничные суждения пользователи высказывают мнение о приверженности некоторых соотечественников к алкоголю («Что это за традиции и традиции ли это вообще? У нас же любой повод пожрать и выпить сразу традицией становится», «Ну у нас как в России... любой праздник — это повод выпить. И когда пьешь, уже точно речь идет не о традициях. Повод нажраться в сопли», «Это не традиция, а распущенность. Лишь бы выпить»).

Модель репрезентации субъективного опыта алкоголепотребления и его противопоставления пьянству связана с идентификацией себя с группой «культурно пьющих» людей, принадлежность к которой оценивается положительно и противопоставляется группе алкогелезависимых людей («А то приходит их куча по выходным, да все пить и веселиться хотят! А честным людям и выпить-то заказать негде! Не порядок!», «Но я ведь любитель выпить, но не алкаш же. Вы же сами видели, делал ремонт всего», «Есть, кто иногда в этой же компании перебирает, но никто их алкашами при этом не зовёт», «А выпить в компании и бухать в чёрную голову это разные вещи», «Причём пить, это не значит надираться как свинья. Пить

значит — выпить немного с друзьями», «Понимаю выпить можно, но... ужираться, чтобы потом уходить в запои, у таких потом башка съезжает, что попало делают», «Ну я же не набухаться зову, а просто немножко выпить хорошего бренди для того чтобы общаться и знакомиться легче было, иногда это помогает, так-то я не алкаш далеко», «алкашей и прочих уродов ненавижу, алкоголь полезен в меру»).

Анализ комментариев показывает, что самопрезентация нормативных потребителей алкоголя происходит не только через укрепление своего имиджа, представление себя другим как «правильного», работоспособного, не потерявшего самообладания человека, но и через негативную категоризацию, клеймение интенсивно пьющих людей, их представление как «чужих» («их куча», «алкаш», «бухать в черную голову», «ужираться», «башка съезжает», «уходить в запои», «что попало делают»). Алкоголезависимые люди нередко характеризуются посредством аналогизации («надираться как свинья»). Чрезмерное потребление алкоголя не приветствуется, поскольку не является нормой, поэтому требуется четкое разграничение между нормативным и девиантным потреблением алкоголя. Хотя П. Кавазос-Рех и др. относят твиты о неприязни к пьяницам к типу антиалкогольных [Cavazos-Rehg et al., 2015], проведенный анализ показывает, что обличение тяжелого пьянства в комментариях пользователей социальных сетей «работает» скорее на укрепление позиций нормативного потребления алкоголя, а не на отказ от него.

Репрезентация повседневного потребления алкоголя у части пользователей отражает **модель ценности «дармовой» выпивки** («Хоть выпить на халяву, цветы за наш счёт», «На что только люди не идут, лишь бы на халяву выпить», «Ну мужики все любят выпить на дармовщинку!», «А девушек желающих выпить и покушать на халяву всегда хватало», «Да там и выпить на халяву ещё можно», «Ну да, наших людей всегда манит халява... пожрать или выпить шампанского на халяву», «Хотелось выпить на халяву», «В принципе можно, на халяву выпить», «Выпить на халяву пивас», «Халявщики! Хотят на дармовщину выпить», «За то выпить и закусить можно будет на халяву»). Обилие комментариев о «дармовой» выпивке отражает устойчивость фразеологизма «выпить на дармовщинку», что характеризует специфику сложившейся языковой культуры вокруг темы потребления алкоголя и образно выражено крылатой фразой: «за чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники»).

Модель репрезентации девальвации практик «непития» обесценивает образ жизни трезвенников, предполагая, что «пьют даже непьющие» («Не пью, ну максимум, могу пол бокала хорошего вина выпить и то, растяну на все застолье», «Вот уже скоро 10 лет как не пью, максимум два-три в год по особым случаям»). Таким образом, потребители алкоголя считают себя трезвенниками, если выпивают редко (однако все же выпивают).

Модель репрезентации восприятия потребления алкоголя как лично-го выбора основана, во-первых, на негативном восприятии пользователями антиалкогольных установок общества («А кто что пьет — его выбор», «Мне без разницы на эти картинки и проблемы этих людей. Это их выбор, хотя бы бичами — пожалуйста, ваше право. А раз в месяц выпить бокал пива, а лучше хорошего красного вина проблем не вижу. Все зависит от человека»); во-вторых, на отрицании внешних сил, побудивших человека потреблять алкоголь («Не знаю,

что куда надо внедрить, чтобы человек решил выпить. Это его ответственность и выбор. У нас у всех есть друзья алкоголики и по крайней мере, моим, ничего никуда не внедряли, пьют, сволочи, по слабости духа»; в-третьих, на отстаивании личного права на потребление алкоголя («Я буду воевать, как вы говорите, за право выпить с подругами/друзьями в баре и прийти домой после 11, которое у меня всеми способами отбирают»).

Модель репрезентации гендерного преимущества в потреблении алкоголя в массовом сознании отражает правило: «мужчина имеет право, а женщина разрешает» («Тех, кого мама не отпустит после 12 выпить, не беспокоить», «Может и с друзьями напиться чего покрепче... Никогда не ругаюсь, просто иногда намекаю, что может не надо, всегда понимает», «Я как бы его не ругаю, он дома при мне, а не где-то с «ш» зависает», «Иногда высказываю, иногда с пониманием отношусь что он так расслабляется», «Да задолбали видимо вы своего мужика, он наверное хочет выпить, расслабиться без мозгоклюйства», «Женщины жалуясь друг другу на то что мужья бухают, могут выпить не по одной бутылке водки»).

Модель репрезентации нормативности потребления алкоголя отражает представления о допустимых формах алкоголепотребления и поведении, соответствующем воспринимаемым социальным нормам («normative alcohol consumption», «normative drinking», «normative drinking practices») [Martens et al., 2006; O'Brien et al., 2010; Bullers 2012].

В представленном исследовании модель выражается через такие маркеры качественного характера, как:

— не мешать другим («Я так думаю, что в меру можно все. И выпить иногда, и покурить, если тебе хочется, но не в ущерб другим»);

— работать («Так почему бы вечером не выпить вина, если при этом ты ходишь на работу, выполняешь ее качественно, поддерживаешь общение с людьми... Кому от этого плохо?»);

— воспитывать детей («И, кстати, могу и без мужа выпить бокал вина. И ни разу мне слова не сказал, так как видит в доме все нормально, еда есть, дети отправлены, встречи со школы. Накормлены, уроки сделаны»);

— не терять самообладания («Не до поросычьего визга»).

Нормативность потребления алкоголя выражается через такие комментарии, как «Ну я на выходных люблю выпить баночку пивка или вина. Матом ругаюсь и что? Это показатель чего-то? Вовсе нет».

Следует отметить, что нормативным потребителям нередко свойственны крайние формы алкоголепотребления, а также ненормативные практики: «До Вашего отъезда мы должны встретиться и крепко выпить, вот прям нажраться в г...о. Обмыть диплом нашего медвежонка».

Количественные характеристики нормативности потребления алкоголя реализуются через перечисление частоты и объема выпитого. Оно позволяет зафиксировать, что градиент восприятия меры меняется в довольно широких пределах — от бокала вина по праздникам до бокала вина перед сном:

— бокал вина по праздникам, крепкий алкоголь несколько раз в год, два-три раза в год («По праздникам бокал красного вина», «Я лично за год 2-3 раза могу немного выпить это нормально», «Муж может выпить крепкий алкоголь раза 3 в год»);

- один раз в три-четыре месяца (*«Может раз в три-четыре месяца выпить баночку пива»*);
- два-три раза в месяц (*«Раза два-три за месяц могу выпить пива с мужем или кумой. С мужем максимум кружку 0,3. С кумой по 1,5 литра»*);
- один раз в месяц (*«Пиво раз в месяц или реже», «1 раз в месяц может бутылку выпить», «Раз в месяц может баночку 0,5 литра выпьет»*);
- еженедельно или четыре раза в месяц (*«Муж может пиво выпить раза 4 по 0,5 за месяц. А то и меньше»*);
- две рюмки крепкого алкоголя один раз в две недели за ужином;
- один раз в две-три недели (*«Раз в две-три недели... он же не набирается в «г»*);
- один раз в неделю (*«Пьёт раз в неделю на выходных», «Где-то раз в неделю-две, не считала, редко, мой не любит это дело», «1 раз в неделю, никогда не ругаюсь»*);
- по выходным, два раза в неделю (*«Но по выходным, вечером выпить немного!!! (заметьте в этот раз это слово), это вполне нормально», «один-два раза в неделю на выходных выпивает одну бутылку 0,5»*);
- нестабильно (*«У меня может дня три по «полторашке» выпивать, когда «трешку» выпить может, а может и месяц не пить, а может и с друзьями напиться чего покрепче»*);
- иногда после работы (*«Муж иногда после работы может выпить рюмашку — другую»*);
- ежедневно (*«Пиво почти каждый день, после работы. Не ругаюсь, нормально к этому отношусь. Сама люблю пиво и вино. До беременности нормой было выпивать пару бокалов вина за ужином»*);
- алкоголь перед сном (*«Бокал вина перед сном», «Уж лучше перед сном рюмочку хорошего коньячку выпить или кружечку пива»*).

Модель репрезентации нормативности потребления алкоголя актуализирует миф о приверженности россиян к алкоголю, но не сводится к нему. Комментарии пользователей в рамках представленных выше моделей указывают на рутинизацию и опривычивание, гендерную обусловленность обращения к алкоголю в ситуациях повседневности, отстаивание личного права и выбора. Пользователи нередко демонстрируют формы алкоголепотребления, граничащие с интенсивным пьянством, которые при массовом проявлении способны привести к распространению феноменов «интоксигенной социальной идентичности».

Следует отметить, что в русскоязычном сегменте социальных сетей представлен и антиалкогольный (трезвеннический) дискурс, однако он не подвергался анализу, поскольку является антитезой практикам повседневного алкоголепотребления.

Выводы

В комментариях пользователей социальных сетей повседневное потребление алкоголя репрезентируется через модели доступности алкоголя, его нормативности, допустимости, обыденности, мифа о приверженности россиян к алкоголю, сакральности и традиционности его потребления, восприятия алкоголя как атрибута радости и веселья, оправдания его ценности, приверженности части населения к «дармовой» выпивке, девальвации (обесценивания) практик «непития», восприятия потребления алкоголя как личного выбора, отстаивания права

на такой выбор, гендерного преимущества в потреблении алкоголя, меры его потребления и др. Особенности репрезентации в виртуальных социальных сетях повседневного алкоголепотребления состоят в указании на множественность таких практик — от привычных до нестандартных, нередко на оппозицию потребления алкоголя и пьянства.

Дискурсивные практики конструирования и репрезентации повседневного потребления алкоголя в социальных сетях отражают такие социокультурные черты его потребления, как обыденность, стереотипизированность, стандартизация, сакральность, социокультурная укорененность, социальная нормативность и др. Это позволяет сделать вывод, что потребление алкоголя как социальная практика воспринимается населением как атрибут повседневной жизни, отдыха, свободы выбора, а иногда и независимости. Важно отметить, что, несмотря на восприятие потребления алкоголя как общепринятого, обозначение меры потребления алкоголя выглядит субъективно, что в целом соответствует выводам зарубежных авторов о том, что представления о приемлемом количестве потребляемого алкоголя наиболее сильно связаны с личным опытом и опытом референтных групп, чем с представлениями, закрепленными на институциональном уровне [Borsari et al., 2001]. Широкая палитра точек зрения по этому поводу указывает на отсутствие единого мнения о социально приемлемых нормах такого потребления. Важно отметить, что при анализе учитывались только те комментарии, которые транслировались в контексте общепринятого потребления алкоголя, вписывающегося в повседневность.

Посредством репрезентации субъективного опыта пользователи социальных сетей часто конструируют привлекательный образ потребления алкоголя, поэтому он может вызывать риски, связанные с приобщением к потреблению алкоголя новых групп (особенно молодежи), моделировать рискованное поведение реципиентов [Boyle et al., 2018; Cavazos-Rehg et al., 2015; Moewaka et al., 2015; Moreno et al., 2012; Westgate et al., 2016]. Важный вывод, который удалось сделать по результатам контент-анализа, состоит в том, что практики повседневного потребления алкоголя в современном обществе имеют социально-культурную обусловленность и высокую нормативность.

Заключение

Судя по зарубежным и отечественным публикациям, поднимаемая в статье проблема, во-первых, практически не изучалась в аспекте смысловых социально-культурных контекстов репрезентации повседневного потребления алкоголя в интернет-дискурсе. Во-вторых, она слабо представлена с позиций использования методологии качественного анализа коммуникации пользователей виртуальных социальных сетей. В-третьих, имеющиеся исследования ограничены, как правило, одной социально-демографической группой (школьники, студенты, мужчины, женщины). В-четвертых, нередко авторы отбирают для исследования относительно небольшой массив сообщений, постов или фотографий, что существенно ограничивает их выводы. В-пятых, авторы чаще всего сосредотачиваются не на самом дискурсе, а на предполагаемых реакциях на него в виде прогноза девиантного поведения, что не позволяет определить контексты, в которых актуализируются

практики потребления алкоголя. В-шестых, результатом исследований в большинстве случаев является вывод о необходимости предотвращения пагубного влияния социальных сетей на поведение пользователей с точки зрения распространения в интернете алкогольного опыта. В связи с этим исследование дискурса виртуальных социальных сетей с позиций контекстного анализа социокультурной репрезентации потребления алкоголя определенно обладает новизной.

Вместе с тем проведенное исследование имеет и ряд ограничений. Поскольку содержание комментариев в большой степени зависит от социокультурного контекста общения, а также связано с процессами конструирования собственной идентичности в виртуальном пространстве преимущественно неанонимными акторами, нельзя однозначно утверждать, что они всегда отражают подлинные мнения участников коммуникативного процесса. Вероятно, те или иные высказывания пользователей социальных сетей могут носить конформистский (особенно у молодежи) или демонстративный характер (часто наблюдаемый у пользователей, находящихся под влиянием алкоголя), а также воспроизводиться с целью формирования тех или иных впечатлений о себе (самопрезентация посредством виртуальных социальных сетей).

Очевидно, специфика репрезентации алкокультуры в интернет-пространстве имеет двойственный характер. С одной стороны, виртуальные социальные сети пропагандируют, с другой — наоборот, девальвируют ценность алкоголя в глазах аудитории (особенно в той ее части, которая понимает язык современной интернет-коммуникации). Для интеллектуальной части молодежи пить алкоголь становится немодным, однако напрямую такие пользователи не высказываются, поэтому часто иронизируют на указанную тему. В то же время требует специального исследования антиалкогольный дискурс — антитеза алкогольному. Следует отметить и особую специфику интернет-коммуникации на площадках различных виртуальных социальных сетей (например, в Instagram так называемая алкокультура чаще воспроизводится через визуальные составляющие — stories, фото, видео, эмодзи, где текст вторичен⁵. Однако это требует выбора иных смысловых единиц и методов для их анализа.

В любом случае обозначенная тема перспективна и требует дальнейшего исследования, в том числе на материале русскоязычного контента виртуальных социальных сетей.

Список литературы (References)

- Дмитриева О. А. «Русские придумали пить по скайпу». Зачем? Употребление алкоголя в компьютерно-опосредованной коммуникации // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 318—333. <http://www.doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.16>.
- Dmitrieva O. A. (2018) «Russians invented Skype drinking» What for? Alcohol drinking in computer mediated situations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 318—333. <http://www.doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.16>.

⁵ Авторы выражают благодарность кандидату социологических наук Р.А. Дукину за обозначение некоторых перспектив дальнейшего исследования темы.

Дубровская Т. В., Рева Е. К., Кожемякин Е. А. Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации: коллективная монография. М. : Флинта : Наука, 2017. 248 с. Dubrovskaya T. V., Reva E. K., Kozhemyakin E. A. (2017) Political, legal and media discourse in the aspect of constructing international relations of the Russian Federation: a collective monograph. 248 p.

Колозариди П. В., Макушева М. О. Интернет как проблемное поле социальных наук (вступительная статья приглашенных редакторов) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 1—11. <http://www.doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.01>.

Kolozaridi P. V., Makusheva M. O. (2018) The Internet as a problematic field of study in social sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 1—11. <http://www.doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.01>.

Alhabash S., McAlister A. R., Kim W. et al. (2016) Saw It on Facebook, Drank It at the Bar! Effects of Exposure to Facebook Alcohol Ads on Alcohol-Related Behaviors. *Journal of Interactive Advertising*. Vol. 16 No. 1. P. 44—58. <http://www.doi.org/10.1080/15252019.2016.1160330>.

Beullens K., Schepers A. (2013). Display of alcohol use on Facebook: a content analysis. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 16. No. 7. P. 497—503. <http://www.doi.org/10.1089/cyber.2013.0044>.

Borsari B., Carey K. B. (2001). Peer influences on college drinking: A review of the research. *Journal of substance abuse*. Vol. 13. No. 4. P. 391—424.

Boyle S. C., Labrie J. W., Froidevaux N. M., Witkovic Y. D. (2016) Different digital paths to the keg? How exposure to peers' alcohol-related social media content influences drinking among male and female first-year college students. *Addictive Behaviors*. Vol. 57. P. 21—29. <http://www.doi.org/10.1016/j.addbeh.2016.01.011>.

Boyle S. C., Smith D. J., Earle A. M., LaBrie J. W. (2018) What «likes» have got to do with it: Exposure to peers' alcohol-related posts and perceptions of injunctive drinking norms. *Journal of American College Health*. Vol. 66. No. 4. P. 252—258. <http://www.doi.org/10.1080/07448481.2018.1431895>.

Brown R., Gregg M. (2012) The pedagogy of regret: Facebook, binge drinking and young women. *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies*. Vol. 26. No. 3. P. 357—369. <http://www.doi.org/10.1080/10304312.2012.665834>.

Bullers S. (2012). An exploratory study of gender and changes in alcohol consumption: A qualitative approach. *Sociation Today*. Vol. 10. No. 1. URL: <http://www.ncsociology.org/sociationtoday/v101/alcohol.htm> (accessed 25.07.2019).

Cavazos-Rehg P., Krauss M., Sowles S., Bierut L. (2015) «Hey Everyone, I'm Drunk» An Evaluation of Drinking-Related Twitter Chatter. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 76. No. 4. P. 635—639.

- Cohn A. M., Amato M. S., Zhao K., Wang X., Cha S., Pearson J. L., Papandonatos G. D., Graham A. L. (2019) Discussions of Alcohol Use in an Online Social Network for Smoking Cessation: Analysis of Topics, Sentiment, and Social Network Centrality. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. Vol. 43. P. 108—114. <http://www.doi.org/10.1111/acer.13906>.
- D'Angelo J., Kerr B., Moreno M. A. (2014) Facebook Displays as Predictors of Binge Drinking: From the Virtual to the Visceral. *Bulletin of Science. Technology & Society*. Vol. 34. No. 5—6. P. 159—169. <http://www.doi.org/10.1177/0270467615584044>.
- Egan K. G., Moreno M. A. (2011) Alcohol references on undergraduate males' Facebook profiles. *American Journal of Men's Health*. Vol. 5. No. 5. P. 413—420. <http://www.doi.org/10.1177/1557988310394341>.
- Erevik E. K., Torsheim T., Andreassen C.S, Vedaa Ø., Palesen S. (2017) Disclosure and Exposure of Alcohol on Social Media and Later Alcohol Use: A Large-Scale Longitudinal Study. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. P. 1934. <http://www.doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01934>.
- Fournier A. K., Hal E., Ricke P., Storey B. (2013) Alcohol and the social network: online social networking sites and college students' perceived drinking norms. *Psychology of Popular Media Culture*. Vol. 2. No. 2. P. 86—95. <http://www.doi.org/10.1037/a0032097>.
- Geusens F., Beullens K. (2016) Strategic Self-Presentation or Authentic Communication? Predicting adolescents' alcohol references on social media. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 78. No. 1. P. 124—133. <http://www.doi.org/10.15288/jsad.2017.78.124>.
- Glassman T. (2012) Implications for college students posting pictures of themselves drinking alcohol on Facebook. *Journal of Alcohol & Drug Education*. Vol. 56. No. 1. P. 38—58.
- Griffiths R., Casswell S. (2010) Intoxicogenic digital spaces? Youth, social networking sites and alcohol marketing. *Drug & Alcohol Review*. Vol. 29. No. 5. P. 525—530.
- Gupta H., Pettigrew S., Lam T., Tait R. J. (2018) How alcohol marketing engages users with alcohol brand content on Facebook: an Indian and Australian perspective. *Critical Public Health*. Vol. 28. No. 4. P. 402—411. <http://www.doi.org/10.1080/09581596.2017.1318203>.
- Hoffman E. W., Pinkleton B. E., Austin E. W., Reyes-Velázquez W. (2014). Exploring college students' use of general and alcohol-related social media and their associations with alcohol-related behaviors. *Journal of American College Health*. Vol. 62. No. 5. P. 328—335. <http://www.doi.org/10.1080/07448481.2014.902837>.
- Huang G. C., Unger J. B., Soto D., Fujimoto K., Pentz M. A., Jordan-Marsh M., Valente T. W. (2014) Peer Influences: The Impact of Online and Offline Friendship Networks on Adolescent Smoking and Alcohol Use. *Journal of Adolescent Health*. Vol. 54. No. 5. P. 508—514. <http://www.doi.org/10.1016/j.jadohealth.2013.07.001>.

Litt D. M., Lewis M., Spiro E. S., Aulck L., Waldron K. A., Head-Corliss M. K., Swanson A. (2018) #drunktwitter: Examining the relations between alcohol-related Twitter content and alcohol willingness and use among underage young adults. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 193. P. 75—82. <http://www.doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2018.08.021>.

Litt D. M., Stock M. L. (2011) Adolescent alcohol-related risk cognitions: the roles of social norms and social networking sites. *Psychology of Addictive Behaviors*. Vol. 25. No. 4. P. 708—713. <http://www.doi.org/10.1037/a0024226>.

Martens M. P., Dams-O'Connor K., Duffy-Paiement C., Gibson J. T. (2006). Perceived alcohol use among friends and alcohol consumption among college athletes. *Psychology of addictive behaviors*. Vol. 20. No. 2. P. 178.

Miller J., Prichard I., Hutchinson A., Wilson C. (2014) The relationship between exposure to alcohol-related content on Facebook and predictors of alcohol consumption among female emerging adults. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 17. No. 12. P. 735—741. <http://www.doi.org/10.1089/cyber.2014.0337>.

Moewaka B. H., McCreanor T., Goodwin I., Lyons A., Griffin C., Hutton F. (2015) Alcohol and social media: drinking and drunkenness while online. *Critical Public Health*. Vol. 26. No. 1. P. 62—76. <http://www.doi.org/10.1080/09581596.2015.1058921>.

Moreno M. A., Christakis D. A., Egan K. G., Brockman L. N., Becker T. (2012) Associations between displayed alcohol references on Facebook and problem drinking among college students. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*. Vol. 166. No. 2. P. 157—163. <http://www.doi.org/10.1001/archpediatrics.2011.180>.

Moreno M. A., D'Angelo J., Kacvinsky L. E., Kerr B., Zhang C., & Eickhoff J. (2014) Emergence and predictors of alcohol reference displays on Facebook during the first year of college. *Computers in Human Behavior*. Vol. 30. P. 87—94. <http://www.doi.org/10.1016/j.chb.2013.07.060>.

Moreno M. A., Whitehill J. M. (2014) Influence of Social Media on Alcohol Use in Adolescents and Young Adults. *Alcohol Research: Current Reviews*. Vol. 36. No. 1. P. 91—100.

Moreno M. A., Cox E. D., Young H. N., Haaland W. (2015) Underage College Students' Alcohol Displays on Facebook and Real-Time Alcohol Behaviors. *Journal of Adolescent Health*. Vol. 56. No. 6. P. 646—651. <http://www.doi.org/10.1016/j.jadohealth.2015.02.020>.

Niland P., McCreanor T., Lyons A. C., Griffin C. (2016) Alcohol marketing on social media: young adults engage with alcohol marketing on facebook. *Addiction Research & Theory*. Vol. 25. No. 4. P. 273—284. <http://www.doi.org/10.1080/16066359.2016.1245293>.

O'Brien K. S., Kolt G. S., Webber A., Hunter J. A. (2010). Alcohol consumption in sport: The influence of sporting idols, friends and normative drinking practices. *Drug and Alcohol Review*. Vol. 29. No. 6. P. 676—683.

Ridout B., Campbell A., Ellis L. (2012) Off your Face(book): alcohol in online social identity construction and its relation to problem drinking in university students. *Drug & Alcohol Review*. Vol. 31. No. 1. P. 20—26. <http://www.doi.org/10.1111/j.1465-3362.2010.00277.x>.

Shah G. H., Alfonso M. L., Jolani N. (2015) Social Media and Alcohol Use: Adverse Impact of Facebook and Twitter on College Students. *Implications of Social Media Use in Personal and Professional Settings*. Hershey, PA: IGI Global. P. 25—44. <http://dx.doi.org/10.4018/978-1-4666-7401-1.ch002>.

Westgate E. C., Holliday J. (2016) Identity, influence, and intervention: the roles of social media in alcohol use. *Current Opinion in Psychology*. Vol. 9. P. 27—32. <http://www.doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.10.014>.

Westgate E. C., Neighbors C., Heppner H. et al. (2014) «I Will Take a Shot for Every ‘Like’ I Get on This Status»: Posting Alcohol-Related Facebook Content Is Linked to Drinking Outcomes. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 75. No. 3. P. 390—398.

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.06

Правильная ссылка на статью:

Корсунова В. И., Волченко О. В. Использование интернета и культурное потребление в странах Европы: сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 106—129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.06>.

For citation:

Korsunova V. I., Volchenko O. V. (2019) Internet use and cultural consumption in Europe: comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 106—129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.06>.

В. И. Корсунова, О. В. Волченко
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА И КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА И КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

INTERNET USE AND CULTURAL CONSUMPTION IN EUROPE: COMPARATIVE ANALYSIS

КОРСУНОВА Виолетта Игоревна — младший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: vikorsunova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

Violetta I. KORSUNOVA¹ — Junior Researcher, Laboratory for Comparative Social Research

E-MAIL: vikorsunova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

¹ National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

ВОЛЧЕНКО Олеся Викторовна — младший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ovolchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2595-8069>

Olesya V. VOLCHENKO¹ — Junior Researcher, Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: ovolchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2595-8069>

¹ National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Аннотация. В работе анализируется связь между онлайн- и офлайн-практиками культурного потребления в странах Европы. Существует множество исследований, рассматривающих связи между использованием интернета и офлайн-жизнью пользователей, однако их результаты разнятся: с одной стороны, интернет воспринимается как «заместитель», вытесняющий традиционные формы социальных взаимодействий; с другой стороны, в ряде работ показывается, что, напротив, интернет положительно связан с социальной активностью, разнообразием форм досуга и является одной из составляющих нового культурного капитала. Вместе с тем в существующей литературе недостаточно изучена связь между онлайн-практиками досуга и соответствующими традиционными практиками досуга. В данной статье на примере культурных практик посещения кинотеатров, концертов и оперы рассматривается эффект использования интернета в культурных целях. В частности, проанализирована связь между использованием интернета для скачивания/просмотра фильмов, а также скачивания/прослушивания музыки и соответствующих офлайн-практик. На данных Евробарометра 79.2 (2012-2013 гг.) установлена положительная связь между офлайн-практиками и соответствующими практиками онлайн. В то же время данная связь оказывается

Abstract. This paper analyzes the relationship between online and offline practices of cultural consumption in Europe. Much research has been done to explore the relationship between the Internet use and users' offline activities. However, the results differ dramatically. On the one hand, Internet is reported as a substitution for traditional forms of social interactions. On the other hand, a number of papers report that the Internet has positive effects on social activity and leisure and appears as part of emerging cultural capital. Along with that, the relationship between online leisure practices and the corresponding offline practices is poorly studied. In this paper, the authors investigate the impacts of the Internet use for cultural purposes using the examples of cultural practices (cinema, concert and opera attendance). In particular, the relationship between downloading/watching films online and downloading/listening to music online and the corresponding offline practices is analyzed. Using the Eurobarometer 79.2 data the authors reveal that there is a positive relationship between offline practices and the corresponding online practices. At the same time, other characteristics such as age, size of settlement and a country's level of economic development can also shape this relationship.

зависимой от иных характеристик, таких как возраст, размер населенного пункта и уровень развития страны.

Ключевые слова: интернет, культурный капитал, кино, концерты, опера, онлайн-практики, сравнительный анализ, страны Европы

Благодарность. Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Keywords: internet, cultural capital, cinema, concerts, opera, online-practices, comparative analysis, European countries, cultural consumption

Acknowledgments. The article is based on the results of a study supported by the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE) and funded by the Russian Academic Excellence Project '5-100'.

Введение

Развитие и распространение интернета преобразили множество практик, что отразилось на структуре и репертуаре стиля жизни индивидов. Можно отдельно отметить изменения бюджета времени: множество действий, которые ранее требовали непосредственного физического присутствия, перенеслись в онлайн-пространство. Так, распространенными и общепринятыми становятся интернет-магазины, социальные сети, онлайн-образование. Сфера досуга с развитием цифровых технологий также преобразилась. Интернет преобразовывает существующие и формирует новые формы досуга, что оказывает влияние на данную сферу жизни. Практики общения, культурного потребления, покупок и т. д. переносятся в новое пространство, которое делает досуг более свободным и доступным [Spracklen, 2015]. Помимо этого, использование интернета связано с общим уровнем досуговой активности. Так, частота использования интернета положительно связана с количеством досуговых практик среди старших возрастных групп [Näsi et al., 2012]. Кроме того, более частое использование интернета пожилыми людьми также повышает уровень их удовлетворенности досугом [Neo et al., 2011]. В случае молодежи онлайн-практики тоже имеют свою специфику: происходит смешение процессов досуга и обучения [Cilesiz, 2009; Загидуллина, 2016].

Отдельно стоит отметить, что интернет также делает доступными различные формы культурных продуктов, что сказывается на структуре культурной активности. Многие культурные практики, требовавшие определенных публичных сервисов (например, посещение музеев или театральных постановок), оказываются доступными через интернет; кроме того, данные практики не привязаны к месту и времени, что делает досуг более контролируемым процессом [Lopez-Sintasetal,

2017]. Помимо этого, интернет преобразовал систему культурного производства, что также сказывается на практиках досуга в целом и культурном потреблении в частности. Некоторые формы культурных практик перешли из разряда офлайн в онлайн — например, прослушивание музыки и просмотр фильмов. Продвижение собственных работ, системы рекомендаций, возможность онлайн-прослушивания и покупки изменили представление о данной практике и ее месте в повседневной жизни [Prior, 2014].

В то же время существует несколько точек зрения относительно эффектов интернета на социальную сферу. С одной стороны, идея «кибероптимизма» [Zheng, 2007; Shirky, 2011], заключающаяся в предположении, что интернет оказывает положительное влияние на социум, дает основание полагать, что интернет позволяет снизить уровень неравенства за счет большего доступа к различным ресурсам. Исходя из этого, также можно ожидать, что символическое неравенство, связанное с различиями в стилях жизни разных социальных групп, будет снижаться, так как доступ к соответствующим интернет-ресурсам позволит компенсировать недостатки экономических временных или инфраструктурных ресурсов. С другой стороны, существует множество подтверждений того, что необходимо учитывать специфику использования интернета, так как различия в целях его использования являются отдельной формой социального неравенства [Norris, 2001; Hargittai, 2003; Van Deursen, Helsper, 2015].

Говоря непосредственно о связи интернет-практик с соответствующими офлайн-практиками, можно выделить несколько возможных вариантов. Во-первых, в соответствии с концепцией замещения времени [Putnam, 1995], интернет-практики могут вытеснять другие формы социальной активности. Во-вторых, в противовес концепции Р. Патнэма существует предположение, что интернет-активность может быть предпосылкой к офлайн-активности [Krueger, 2002]. В-третьих, интернет также рассматривается в качестве дополнения к существующим практикам [Mokhtarian et al., 2006; Condie, Livingston, 2007]. В то же время связь традиционных культурных практик и культурного потребления в интернете не рассматривалась с данной точки зрения. В целом дематериализация культурного потребления и перенос культурных практик в интернет — тема отдельной дискуссии в социальных науках [Hesmondalgh, 2009; Lehdonvirta et al., 2009]. Тем не менее, несмотря на распространение цифровых технологий и онлайн-потребления культуры, традиционные формы культурного потребления также остаются значимыми [Magaudda, 2011].

В данной работе рассматривается связь между практиками использования интернета и включенностью в культурные практики в странах Европы. В качестве базы данных используются результаты опросов Евробарометра 79.2 (2012-2013 гг.), проведенных в 30 странах Европы. В исследовании сопоставляются соответствующие практики онлайн-досуга и традиционные практики. Основная цель работы — рассмотреть, каким образом связаны офлайн-практики культурного потребления с соответствующими им онлайн-практиками. В частности, анализируются связи скачивания/прослушивания музыки онлайн и практика посещения концертов и оперы, а также связи скачивания/просмотра фильмов онлайн с посещением кинотеатров. Кроме того, в работе изучается связь онлайн- и офлайн-практик в зависимости от социальной группы и уровня развития страны.

Интернет и досуг

С момента появления интернета его положение в структуре социальной жизни стало рассматриваться социальными исследователями как одна из важных тем. Вопрос о том, как связаны использование интернета и повседневные практики, затрагивался во множестве исследований. Была сформирована концепция замещения времени (“time displacement”), в соответствии с которой использование интернета начинает занимать большее количество времени, что приводит к уменьшению времени на другие виды активности [Putnam, 1995]. Исходя из этого, интернет оказывает негативное влияние на социальный капитал, разнообразии практик досуга, потребления медиа [Kraut et al., 1998; Nie, Hillygus, 2002; Franzen, 2003]. С другой стороны, результаты ряда исследований показывают, что интернет, напротив, создает больше возможностей для деятельности в офлайне. Так, использование интернета вносит коррективы в бюджет времени, позволяя сократить количество времени, затрачиваемого на одни практики, и использовать освободившиеся ресурсы для других. П. Моктэриан и ее коллеги выделили четыре возможных механизма влияния интернета на повседневные практики. Во-первых, офлайн-практики могут заменяться аналогичными практиками в интернете. Во-вторых, интернет предлагает множество новых практик, которые могут вытеснять традиционные практики. В-третьих, замена некоторых офлайн-практик на онлайн-практики позволяет сохранить время на другие практики. В-четвертых, интернет-практики могут формировать необходимые условия для аналогичных офлайн-практик и тем самым увеличивать включенность в последние [Mokhtarian et al., 2006: 270—279].

Говоря непосредственно о досуговых практиках, Л. Ха и Л. Фэнг рассмотрели связь использования интернета и традиционных медиаканалов. Результаты их исследования показали, что время, затраченное на традиционные практики медиапотребления, такие как просмотр ТВ, прослушивание радио и чтение газет, уменьшается при использовании интернета. При этом эффект проявляется со временем: чем дольше человек использует интернет, тем меньше он начинает пользоваться другими медиа. Подобное влияние объясняется восприятием интернета как превосходящего другие формы медиапотребления [Ha, Fang, 2012]. В то же время С. Китамура указывает также на важность способа использования интернета. Как показывают результаты его исследования, использование интернета через мобильные устройства положительно связано с использованием традиционных медиаканалов. Использование интернета через компьютер не оказывает эффекта на использование большинства медиа. Единственным исключением оказалось радио: использование интернета через компьютер негативно сказывается на данном типе медиапотребления [Kitamura, 2013].

Кроме того, Н. Най и его коллеги показывают, что использование интернета негативно связано с социальными контактами: чем больше времени человек проводит в интернете, тем меньше он включен в общение с другими людьми. Однако данный эффект зависит от времени и места. Использование интернета дома негативно сказывается на времени, проведенном с семьей и друзьями. В то же время использование интернета на работе уменьшает количество контактов с коллегами, но не сказывается на общении с друзьями и родственниками.

Кроме того, использование интернета в рабочие дни имеет менее выраженный негативный эффект, чем использование интернета в выходные [Nie et al., 2002]. И. Степаникова и соавторы исследовали связь использования интернета и ощущения одиночества и удовлетворенность уровнем жизни. Результаты их работы показали, что использование интернета негативно связано с оценкой удовлетворенности жизнью, а также положительно связано с ощущением одиночества. Данный эффект оказался значимым как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе [Stepanikova et al., 2010]. Дж. Проновост также обнаружил негативную связь между использованием интернета и социальными контактами. В то же время данное исследование показывает, что в долгосрочной перспективе интернет-пользователи приспосабливаются к изменению в структуре бюджета времени, поэтому эффект от использования интернета перестает быть значимым [Pronovost, 2002]. Использование интернета также непосредственно влияет на культурные практики. Например, отсутствие возможности использовать интернет в музее не оказывает влияние на количество проведенного в музее времени, однако негативно связано со временем, потраченным на просмотр выставленных работ [Moscardo, Hughes, 2016].

А. Делбоск и П. Моктэриан рассмотрели связь между использованием социальных сетей для общения с друзьями и частотой личных встреч. В результате было показано, что среди молодежи связь между интернет-практиками общения и количеством личных встреч положительна, в то время как в старших возрастных группах подобной связи нет [Delbosc, Mokhtarian, 2018]. Т. Пенар и Н. Пуссэн исследовали связь между социальным капиталом и использованием интернета для поддержания имеющихся социальных связей и установления новых. Как выяснилось, наличие обширного социального капитала положительно связано с частотой контактов в интернете: чем выше доверие, чем больше социальных контактов и социальных групп, в которые включен респондент, тем больше времени он тратит на общение в интернете. В то же время те, у кого социальный капитал на низком уровне, реже используют интернет как для общения со знакомыми, так и для установления новых контактов [Penard, Poussing, 2010]. А. ван Стен и ее соавторы рассмотрели включенность в практики посещения оперы, театров и музеев в различных возрастных когортах. Они пришли к выводу, что, несмотря на снижение уровня включенности в подобные активности среди младших возрастных когорт, наличие доступа к интернету положительно связано с уровнем вовлеченности в данные практики [VanSteen et al., 2015].

В целом изучение онлайн-практик культурного потребления можно рассматривать как отдельную сферу социологических исследований. Множество работ посвящено культурному потреблению в интернет-пространстве; в подобных исследованиях анализируются структура [Molteni, Ordanini, 2003; Bennet, 2012] и содержание практик [Brown, Sellen, 2006, Krause et al., 2015], а также их связь с социальной позицией [North et al., 2008]. Отдельно можно рассмотреть преобразование структуры культурного капитала, связанной с появлением онлайн-практик. Так, М. Саваж и коллеги пишут о появлении «нового» («emerging») культурного капитала, обладатели которого ориентированы на разнообразные стили и формы культурных продуктов, а также на новые практики их потребления; отличает этот

тип капитала использование социальных сетей и онлайн-сервисов для доступа к культурным продуктам [Savage et al., 2013].

Различия, а зачастую и противоречия в результатах исследований говорят о необходимости сравнительного анализа связи использования интернета и офлайн-практик. В данной работе подобная связь рассматривается на примере связи частоты традиционных культурных практик и соответствующих интернет-практик. С одной стороны, культурные интернет-практики могут занимать время, ранее использовавшееся для офлайн-практик. С другой стороны, подобное замещение офлайн-практик на соответствующие онлайн-практики происходит без изменения общей частоты культурного потребления, однако вносит изменения в структуру стиля жизни. Таким образом, учитывая теорию замещения времени, можно ожидать, что онлайн-практики культурного потребления будут отрицательно связаны с частотой традиционных культурных практик. Кроме того, исходя из концепции нового культурного капитала, можно ожидать, что культурные онлайн-практики будут положительно связаны с традиционными культурными практиками. Результаты предыдущих исследований дают возможность предполагать, что связь между интернет-практиками и офлайн-активностью будет отличаться в зависимости от социальной группы.

Детерминанты культурного потребления

Традиционно среди факторов, определяющих культурные предпочтения и практики, выделяют классовую, или статусную позицию индивида. П. Бурдьё пишет о связи класса и предпочтений легитимной культуры — практик, связанных с признанными произведениями искусства [Bourdieu, 1984]. Наличие связи между социальной позицией и культурными предпочтениями подтверждается множеством исследований. Р. Петерсон и Р. Керн указывают на положительную связь между классовой позицией и разнообразием музыкальных предпочтений [Peterson, Kern, 1996]. Т. Чен и Дж. Голдторп отмечают важность статусной позиции, так как культурное потребление представляет собой область символического неравенства, для которой важнее уровень престижности и культурной компетенции, чем непосредственно материальные ресурсы [Chan, Goldthorpe, 2004; Chan, Goldthorpe, 2007]. М. Уиликенс и Й. Ливенс показывают, что классовая позиция в большей степени влияет на включенность в легитимные культурные практики, по сравнению с популярными [Willekens, Lievens, 2014]. Противопоставление легитимных и популярных культурных практик основывается на идеях П. Бурдьё, который рассматривал в качестве «высоких» практик те, которые связаны признанными произведениями искусства (отсюда альтернативное название данного феномена — «легитимные» практики), например, походы в театр или оперу. Подобные практики требуют определенной культурной компетенции и больших экономических затрат. В качестве «массовых», или «популярных» практик обозначались общедоступные практики, вроде похода в кино или просмотра ТВ [Bourdieu 1984]. С. Дэнэкиндт и Х. Розе демонстрируют, что класс оказывает влияние не только на практики и предпочтения, но и на суждения о культуре и искусстве в целом [Daenekindt, Roose, 2017]. О. Салливан и Т. Катц-Герро показывают, что социальный статус влияет не только на репертуар предпочтений и практик, но и на интенсивность

культурного потребления: обладатели высшего социального статуса тратят больше времени на культурное потребление; при этом они также включены в большее число практик [Sullivan, Katz-Gerro, 2006].

В ряде работ критикуется зацикленность на классовых и статусных различиях и демонстрируется значимое влияние других социально-демографических характеристик на культурное потребление и его структуру. Если говорить о наиболее устойчивом эффекте, обнаруженном в исследованиях по данной тематике, можно выделить гендерные различия: женщины в большей степени включены в легитимные практики [Bihagen, Katz-Gerro, 2000], имеют более разнообразный репертуар культурных практик [Katz-Gerro, 2017], а также иначе оценивают культурные продукты и судят о них [Rössel, 2011]. Обоснования подобного результата часто связаны с различиями в паттернах социализации: гуманитарная сфера, равно как и сфера потребления в целом, рассматривается как женская, что приводит в дальнейшем к гендерным различиям в сфере культурного потребления [Kracspan, 1996; Grazia, Furlough, 1996; Dumias, 2002].

Помимо гендерных различий в исследованиях также отмечается влияние образования. Образование положительно связано с ориентацией на инновации, что также расширяет репертуары потребления, в том числе культурного [Абрамов, Зудина, 2010]. Образование также отражается в системе символического неравенства и определяет разницу в структуре предпочтений [Katz-Gerro, 1999; Lamont, Molnar, 2002]. Данный эффект связан с более высокими жизненными шансами, получаемыми при повышении уровня образования [Chan, Goldthorpe, 2007]. Кроме того, помимо общего повышения социальной позиции, образовательные институты способствуют формированию определенных диспозиций за счет создания соответствующих условий и закрепления идентичности, отражаемой в стиле жизни [Becker, 1972]. В частности, эффект среды выражается в степени вовлеченности в культурные практики [Benzecry, 2012].

К важным социально-демографическим характеристикам относится и возраст. Так, представители разных возрастных групп по-разному оценивают те или иные культурные практики и продукты [Roose, 2015]. Для молодежи характерно большее разнообразие культурных практик [Соколов и др., 2017]. При этом в структуре предпочтений молодежи нет разделения на легитимные и популярные практики [Соколов и др., 2016]. Старшие возрастные группы меньше ориентированы на развлекательные и публичные культурные практики, такие как посещение концертов и кино [Рощина, 2007; Корсунова, 2017]. Кроме того, подобные различия формируют отдельную культурную оппозицию: среди молодежи символические границы выражаются через знания и включенность в новые формы культурного потребления (в том числе с помощью интернета), что противопоставляется традиционному разделению на «высокое» и «массовое», которого придерживаются представители старших возрастных групп [LeGrand, 2018].

Также значим вопрос различия культурных практик: некоторые популярные практики, такие как посещение концертов, становятся частью легитимного репертуара, в то время как некоторые легитимные практики, такие как посещение музеев, становятся популярными. При этом посещение оперы и балета остается исключительно легитимной практикой [DiMaggio, Mukhtar, 2004]. Кроме того,

значимы различия в типе культуры (изобразительное искусство или исполнительские искусства) [Graham, 2005], а также качество культурных сервисов [Seaman, 2006].

Различия в контекстах стран

Включенность в культурные практики зависит и от внешних факторов. В первую очередь стоит отметить различия в доступе к публичным практикам в зависимости от размера города: в более крупных населенных пунктах больше возможности для публичного досуга и выше качество предоставляемых услуг, что ведет к большему разнообразию досуговой активности населения. Кроме того, в Европе различается преобладание городов разных размеров: в странах Западной Европы преобладают крупные города, в то время как для Восточной и Центральной Европы в большей степени характерны небольшие населенные пункты [LeGalés, 2002]. Здесь также необходимо рассмотреть изменения в численности городов: города в Центральной и Восточной Европе имеют тенденцию к уменьшению. В Западной и Северной Европе, наоборот, становятся более крупными [Turok, Mykhnenko, 2007, Haase et al., 2016].

Страны Европы также различаются и по уровню доступа к интернету. В 2012 г. в Южной и Восточной Европе более двух третей домохозяйств не имело доступа к сети интернет, в Западной и Северной Европе показатели доступа к интернету значительно выше [Seybert, 2012]. Более детальные исследования показывают положительную связь между уровнем доступа к интернету и уровнем экономического развития [Hilbert, 2016]. Кроме того, в более развитых странах наблюдается большая включенность в пользование интернетом, при этом интернет используется для большего числа целей [Cruz-Jesus et al., 2012].

Уровень экономического развития связан и с культурной активностью. Чем выше уровень экономического развития, тем выше включенность в культурные практики. Помимо более высокого уровня культурной активности населения, для более развитых стран характерна меньшая выраженность классовых различий в поле культурного потребления [Van Nek, Kraaykamp, 2013; Gerhards et al., 2013].

Важную роль в вовлеченности в культурные практики также играет культурная политика. Идея снижения выраженности социального неравенства через популяризацию культурных практик была использована во множестве политических стратегий в европейских странах [Hesmondhalgh, Pratt, 2005]. Так, в Западной Европе (в частности, во Франции и Великобритании) основной задачей ставилась популяризация кино и в меньшей степени — других публичных практик культурного потребления [Hesmondhalgh, Pratt, 2005, Vander Ploeg, 2006]. В странах Северной Европы проводилась политика повышения уровня культурного капитала населения и развития интереса к культурным практикам [Vander Ploeg, 2006; Duelund, 2008]. Результаты подобных действий, а также общий уровень развития страны, могут приводить к различиям в уровне культурной активности.

Исходя из этого, можно ожидать, что в более развитых странах связь между культурной активностью онлайн и культурными практиками офлайн будет менее выраженной. С одной стороны, в этих странах культурные практики в целом более распространены и меньше связаны с другими характеристиками. С другой сторо-

ны, в этих странах также отмечается более высокий доступ к интернету и большее разнообразие целей использования интернета.

Данные и метод

В качестве основного источника данных выступает база Евробарометр 79.2 (2012 г.), содержащая репрезентативные данные о включенности населения 30 стран¹ Европы в различные культурные практики. Использование подобных данных обусловливается наличием информации о включенности в культурные практики, а также о различных формах использования интернета. Помимо этого, данные источники содержат информацию о различных социально-демографических признаках населения, что позволит учесть эффект других характеристик респондентов. Стоит отметить, что в данной работе мы исключаем из анализа респондентов, указавших, что у них нет доступа к интернету, для того чтобы сравнить разные формы использования интернета.

Чтобы лучше проанализировать связь практик использования интернета и включенности в культурные практики, мы рассматриваем связь между использованием интернета для определенных культурных практик и частотой соответствующих культурных практик офлайн. К данным практикам относится посещение кинотеатров, оперы и концертов в течение прошедших 12 месяцев. Каждая из представленных переменных измерена порядковой шкалой от 1 до 4, где 1 — «ни разу не был(а)», 2 — «был(а) один-два раза», 3 — «был(а) три-пять раз», 4 — «был(а) более пяти раз». Выбранные практики имеют ряд особенностей. Во-первых, они публичные, то есть для них необходима определенная инфраструктура. Во-вторых, эти практики различаются с точки зрения символической ценности: опера традиционно относится к легитимным практикам, в то время как посещение кино — к репертуару популярных практик; при этом посещение концертов нельзя однозначно отнести к одному из репертуаров. В-третьих, в данных практиках можно выделить возрастные различия: ряд исследований [Рощина, 2007; Roose, 2015; LeGrand 2018] свидетельствует, что посещение оперы меньше распространено среди молодежи, в то время как посещение концертов и кино — среди старших возрастных групп.

В качестве измерения интернет-практик использовались следующие показатели: скачивание фильмов через интернет, просмотр фильмов онлайн, скачивание музыки через интернет, а также прослушивание музыки онлайн. Эти вопросы были заданы только респондентам, сообщившим, что они используют интернет в культурных целях. Переменные о частоте использования интернета для потребления кино и музыки являются бинарными (0 — «не использовал», 1 — «использовал»). Мы объединили четыре переменные в две: использование интернета для потребления музыки (скачивание и прослушивание музыки) и использование интернета для потребления кино (скачивание и просмотр онлайн). Новые переменные имеют три категории: 0 — если респондент отметил, что не использует интернет ни в одном из случаев, 1 — если использует хотя бы в одном, 2 — если респондент в целом не использует интернет в культурных целях (вопросы о конкретных культурных

¹ Подробная информация об опросе доступна по адресу: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/sdesc2.asp?no=5688&d b=e&doi=10.4232/1.11790>.

практиках не задавались). Таким образом, в данной работе мы сравниваем тех, кто использует интернет для потребления кино и музыки, с теми, кто использует интернет для других культурных практик, и с теми, кто не занимается культурным потреблением онлайн.

Помимо основных переменных, также стоит учитывать социальное положение респондентов, в частности, их классовую позицию. В данной работе классовая позиция определяется через экономический и культурный капиталы [Bourdieu, 1984]. Экономический капитал операционализируется через обладание различными материальными объектами, показывающими уровень благосостояния (наличие телефонов, мультимедиа-устройств, электронных устройств, недвижимости). Культурный капитал рассматривается в двух состояниях: институционализированном и инкорпорированном. В базах содержатся данные об образовании респондентов, что делает возможным определение институционализованного культурного капитала. Кроме того, данные позволяют определить инкорпорированный культурный капитал респондентов с помощью вопросов о включенности в различные креативные виды деятельности, вроде пения, игры на музыкальных инструментах, танцев и т. д. Для проверки возможности объединения данных показателей в соответствующие индексы был использован конфирматорный факторный анализ. Результаты показали, что в случае с измерением экономического капитала в один индекс можно объединить наличие ТВ, DVD, CD и компьютера ($CFI > 0.95$, $TLI > 0.9$, $RMSEA < 0.08$, $SRMR < 0.05$; см. [Brown, 2006: 86—88]). Включение наличия недвижимости в данный индекс ведет к значительному снижению качества модели, поэтому этот показатель был включен в регрессионную модель в качестве отдельной переменной. Таким образом, экономический капитал респондента измеряется с помощью индекса наличия мультимедиа и наличия недвижимости. Если говорить об инкорпорированном культурном капитале, то приемлемое качество модели наблюдается при объединении показателей: играл на музыкальном инструменте, исполнял роль, танцевал, писал, фотографировал/снял видео, занимался рукоделием, креативным программированием.

В качестве контрольных переменных были использованы следующие характеристики: размер населенного пункта, пол, есть ли у респондента проблемы с оплатой счетов, а также возраст.

В качестве переменной уровня стран был использован индекс человеческого развития с учетом неравенства в распределении здоровья, образования и дохода, рассчитываемый Программой развития ООН. Данный показатель выбран в качестве меры развития стран, так как он учитывает не только уровень экономического благосостояния, но также индикаторы социального благосостояния, такие как продолжительность жизни, образование и уровень неравенства.

В качестве метода анализа используется многоуровневая порядковая логистическая регрессия, так как данный метод позволяет учесть разный уровень включенности в культурные практики в представленных странах, а также делает возможным рассмотрение межстрановых различий в эффектах независимых переменных. Данный метод позволяет оценить вероятность более высоких категорий зависимой переменной по сравнению с более низкими, исходя из значений независимых переменных.

Результаты

Описательные статистики для всех используемых переменных представлены в таблице 1. Можно отметить, что в целом исследуемые культурные практики различаются в своей популярности. Посещение кинотеатров более популярно (60 % населения хотя бы раз за последний год посещали кино), в то время как посещение оперы наименее распространено (в данную практику были включены менее трети опрошенных). Что касается основных независимых переменных, то среди пользователей интернета в целом потребление музыки онлайн является более распространенной практикой, чем скачивание или просмотр фильмов.

Таблица 1. *Описательные статистики используемых переменных*

№	Переменная	Значения переменной	Частота	%
1	Частота посещения оперы	Ни разу за последние 12 месяцев	14837	77
		1—2 раза	3189	17
		3—5 раз	714	4
		Больше 5 раз	435	2
		Нет ответа	90	<1
2	Частота посещения кино	Ни разу за последние 12 месяцев	7639	40
		1—2 раза	5224	27
		3—5 раз	3549	18
		Больше 5 раз	2801	15
		Нет ответа	52	<1
3	Частота посещения концертов	Ни разу за последние 12 месяцев	9906	51
		1—2 раза	6145	32
		3—5 раз	2046	11
		Больше 5 раз	1111	6
		Нет ответа	57	<1
4	Использование интернета для скачивания/просмотра фильмов	Нет	8871	46
		Да	5705	30
		Нет ответа (не используют интернет для культурных целей)	4689	24
5	Использование интернета для скачивания/прослушивания музыки	Нет	6383	33
		Да	8193	43
		Нет ответа (не используют интернет для культурных целей)	4689	24
6	Размер населенного пункта	Сельская местность	6067	31
		Маленький/средний город	7461	39
		Крупный город	5722	30
		Нет ответа	15	<1
7	Наличие недвижимости	Нет	5097	26
		Да	14168	74
8	Проблемы с оплатой счетов	Да	7654	40
		Нет	11227	58
		Нет ответа	384	2
9	Пол	Мужчина	9067	47
		Женщина	10198	53
12	Возраст, в котором завершил(а) образование	<i>размах: 8—43</i> <i>среднее: 20.18, ст. откл.:16.25</i> Нет ответа — 2451		

№	Переменная	Значения переменной	Частота	%
13	Возраст	размах: 15—93 среднее: 42.88, ст. откл.: 0.82		
10	Инкорпорированный культурный капитал (значения фактора)	размах: -0.5—6.5 среднее: 0.16, ст. откл.: 1.11		
11	Наличие мультимедиа (значения фактора)	размах: -2.5—0.9 среднее: 0.37, ст. откл.: 0.77		
12	Индекс человеческого развития с учетом неравенства в распределении здоровья, образования и дохода	размах: 0.675—0.851 среднее: 0.782 ст. откл.: 0.054		

Также необходимо рассмотреть связь между культурными практиками онлайн и офлайн. На рисунке 1 представлены распределения частоты посещения кино, концертов и оперы среди тех, кто использует и не использует интернет для потребления музыки и кино, а также тех, кто не использует интернет для культурного потребления в целом. Как можно заметить, среди тех, кто ни разу не посещал концерты, на 13 % меньше тех, кто использует интернет для музыкального потребления, и почти в два раза больше тех, кто не использует интернет для культурного потребления в целом. При этом среди тех, кто посещал концерты более пяти раз, доля использовавших интернет для потребления музыки в два раза выше. В случае с практикой посещения кинотеатров также можно наблюдать схожие различия между использующими и не использующими интернет для потребления кино.

Если говорить о практике посещения оперы, то здесь различия между использующими и не использующими интернет для музыкального потребления менее выражены и не превышают 2 %. В данном случае можно отметить, что 91 % тех, кто не использует интернет для культурного потребления, также ни разу не посещали оперу (в то время как для тех, кто использует интернет в культурных целях, данный показатель составляет 72 %—74 %).

Рисунок 1. Посещение концертов, оперы и кино среди использующих и не использующих интернет для потребления музыки и кино (в % от числа респондентов в группах различных по практикам использования интернета в культурных целях)

Перейдем непосредственно к рассмотрению результатов регрессионного анализа. Если говорить о формальных критериях определения вариации, то стоит отметить, что во всех трех случаях коэффициент внутригрупповой корреляции (Intra class correlation coefficient, ICC) имеет достаточную величину. Он составляет 8,52% в случае с посещением кино, 7,8% в случае с посещением концертов, а также 6% в случае с посещением оперы. Данные показатели свидетельствуют о наличии многоуровневой структуры в данных и показывают целесообразность использования многоуровневого моделирования. С содержательной точки зрения данные результаты говорят о том, что уровень включенности в культурные практики различается между исследуемыми странами и может также объясняться их характеристиками.

В таблице 2 представлены результаты многоуровневой порядковой логической регрессии. В первой модели в качестве зависимой переменной выступает частота посещения оперы, а в качестве основного предиктора — использование интернета для скачивания или прослушивания музыки. Как можно отметить, скачивание или прослушивание музыки онлайн не связано с частотой посещения оперы. Однако результаты также показывают, что респонденты, включенные в какие-либо культурные онлайн-практики, имеют больше шансов на более частое посещение оперы. Таким образом, в случае с практикой посещения оперы различия можно наблюдать между использующими и не использующими интернет в культурных целях.

Таблица 2. Использование интернета в культурных целях и включенность в культурные практики (многоуровневая порядковая логистическая регрессия)

	Опера	Концерты	Кино
Культурные практики онлайн (опорная категория: нет):			
Музыка онлайн (да)	0.10 (0.06)	0.39*** (0.05)	
Музыка онлайн (нет ответа)	-0.85*** (0.07)	-0.61*** (0.05)	
Фильмы онлайн (да)			0.35*** (0.05)
Фильмы онлайн (нет ответа)			-0.66*** (0.05)
Контрольные переменные:			
Возраст окончания образования	0.07*** (0.00)	0.06*** (0.00)	0.06*** (0.00)
Инкорпорированный культурный капитал	0.30*** (0.02)	0.27*** (0.02)	0.14*** (0.02)
Наличие мультимедиа	0.12*** (0.03)	0.12*** (0.02)	0.22*** (0.02)
Недвижимость (есть)	0.13* (0.05)	0.10* (0.04)	0.08* (0.04)
Маленький/средний город	0.20*** (0.05)	0.16*** (0.04)	0.24*** (0.04)
Крупный город	0.48***	0.27***	0.63***

	Опера	Концерты	Кино
	(0.05)	(0.04)	(0.04)
Пол (ж)	0.51***	0.01	0.01
	(0.04)	(0.03)	(0.03)
Возраст (стандартиз.)	0.29***	-0.02	-0.58***
	(0.02)	(0.02)	(0.02)
Проблемы с оплатой счетов (нет)	0.35***	0.36***	0.30***
	(0.05)	(0.04)	(0.03)
Индекс развития человеческого потенциала	-1.30	0.06	3.39
	(1.27)	(1.26)	(1.78)
Пороги констант:			
Ни разу 1—2 раза	2.25*	1.55	3.64**
	(1.00)	(0.99)	(1.39)
1—2 раза 3—5 раз	3.89***	3.30***	5.02***
	(1.00)	(0.99)	(1.40)
3—5 раз Более 5 раз	4.92***	4.54***	6.24***
	(1.00)	(0.99)	(1.40)
Лог. Правдоподобие	-10486.49	-16776.43	-19330.36
AIC	21014.99	33594.87	38702.72
BIC	21176.96	33756.87	38864.73
Псевдо R ² МакФаддена	0.215	0.201	0.221
Количество наблюдений	16530	16554	16560
Количество стран	30	30	30
Дисперсия: страна: константа	0.11	0.16	0.23
Дисперсия: страна: Музыка онлайн (да)	0.04	0.03	
Дисперсия: страна: Музыка онлайн (нет ответа)	0.02	0.02	
Дисперсия: страна: Фильмы онлайн (да)			0.02
Дисперсия: страна: Фильмы онлайн (нет ответа)			0.02

Примечание: *** $p < 0.001$, ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$

Скачивание или прослушивание музыки в интернете значимо связано с частотой посещения концертов (модель 2). Данная связь положительная: при использовании интернета для потребления музыки повышаются шансы более частого посещения концертов. При этом, как и в случае с практикой посещения оперы, респонденты, не использующие интернет для культурных целей, имеют меньше шансов на частое посещение концертов. Схожий эффект можно наблюдать и в случае с частотой посещения кино (модель 3): использование интернета для скачивания или просмотра фильмов повышает вероятность посещения кино. Также те, кто не включен в культурные онлайн-практики, имеют меньшую вероятность посещения кинотеатров.

Стоит рассмотреть эффект индекса развития человеческого потенциала на включенность в культурные практики. Из результатов следует, что частота посещения оперы, концертов и кино не зависит от уровня развития страны. Данный вывод расходится с результатами предыдущих исследований, показывающими положительный эффект экономического и социального развития на включен-

ность в культурные практики [Van Hek, Kraaykamp, 2013; Gerhards et. al., 2013]. Подобные различия можно объяснить различиями в методологии исследований: в предыдущих работах эффект контекста страны рассматривался в отношении индекса культурных практик, в то время как в данном исследовании анализировалось влияние уровня развития страны на конкретные практики.

Если говорить о контрольных переменных, то здесь можно отметить ряд ожидаемых результатов. Так, более поздний возраст окончания образования положительно связан с частотой всех трех практик, что соотносится с результатами предыдущих работ [Chan, Goldthorpe, 2007; Benzecry, 2012]. Инкорпорированный культурный капитал также увеличивает шансы на более частое посещение кинотеатров, оперы и концертов, при этом данный эффект почти в два раза сильнее для оперы и концертов по сравнению с кино. Наличие мультимедиа также положительно связано со всеми тремя практиками, однако данная связь оказывается гораздо более выраженной в случае с практикой посещения кино. Также стоит отметить, что наличие недвижимости не оказывает значимого влияния на частоту исследуемых практик. Несмотря на это, можно сделать вывод, что классовая позиция индивида положительно связана с частотой посещения оперы, концертов и кино, хотя выраженность эффектов отдельных измерений класса различается в зависимости от практики. Данный результат соответствует более ранним исследованиям [Chan, Goldthorpe, 2004; Chan, Goldthorpe, 2007; Daenekindt, Roose, 2017].

Что касается эффекта размера города, то здесь также наблюдается положительная связь. В средних и крупных городах, по сравнению с сельскими поселениями, большая частота посещения оперы, концертов и кино более вероятна. Данный эффект менее выражен при анализе практики посещения концертов. Эффекты других социально-демографических характеристик различаются. Так, пол значительно влияет на посещение оперы: женщины оказываются включенными в данную практику чаще, чем мужчины. При этом не удалось выявить гендерных различий в вероятности посещения концертов и кинотеатров, что также соотносится с предыдущими работами [Bihagen, Katz-Gerro, 2000; Willekens, Lievens, 2014]. Возраст, в свою очередь, не оказывает влияния на вероятность посещения концертов, при этом с возрастом возрастает вероятность более частого посещения оперы и понижаются шансы на частое посещение кинотеатров. Проблемы с оплатой счетов также значимо влияют на включенность в исследуемые практики: при отсутствии таких шансов на более активное культурное потребление повышаются.

Помимо этого, были рассмотрены эффекты взаимодействия между онлайн практиками и социально-демографическими характеристиками респондентов, а также уровнем развития страны. В таблице 3 представлены результаты моделирования. Исходя из результатов, большинство эффектов взаимодействия оказываются незначимыми: это означает, что связь между использованием интернета в культурных целях и офлайн-практиками одинакова во всех социальных группах, за исключением нескольких. В случае с практикой посещения кино можно наблюдать значимый отрицательный эффект взаимодействия между ИРЧП и практиками просмотра фильмов онлайн. Это означает, что в более развитых странах разница между использующими и не использующими интернет для потребления кино в частоте походов в кино незначима.

Таблица 3. Эффекты взаимодействия между культурными практиками онлайн и социально-экономическими характеристиками (многоуровневая порядковая логистическая регрессия)

	Кино		Опера		Концерты	
	b	ст. ош.	b	ст. ош.	b	ст. ош.
ИКК: фильмы/музыка онлайн	-0.04	(0.03)	-0.03	(0.04)	0.02	(0.03)
ИКК: нет ответа	0.08	(0.05)	0.01	(0.07)	0.01	(0.06)
Образование: фильмы/музыка онлайн	-0.01	(0.01)	-0.01	(0.01)	-0.00	(0.01)
Образование: нет ответа	0.00	(0.01)	0.00	(0.01)	0.01	(0.01)
МО: фильмы/музыка онлайн	-0.03	(0.05)	0.03	(0.06)	0.05	(0.05)
МО: нет ответа	0.04	(0.06)	-0.05	(0.08)	-0.02	(0.06)
Маленький/средний город: фильмы/музыка онлайн	0.09	(0.09)	0.04	(0.11)	-0.00	(0.08)
Маленький/средний город: нет ответа	0.09	(0.1)	-0.02	(0.15)	0.22**	(0.10)
Большой город: фильмы/музыка онлайн	0.04	(0.09)	0.03	(0.11)	0.01	(0.09)
Большой город: нет ответа	-0.07	(0.1)	-0.16	(0.16)	0.07	(0.11)
Пол (ж): фильмы/музыка онлайн	-0.08	(0.07)	-0.01	(0.09)	-0.06	(0.07)
Пол (ж): нет ответа	-0.13	(0.08)	-0.06	(0.13)	0.00	(0.09)
Возраст: фильмы/музыка онлайн	-0.04	(0.04)	-0.02	(0.05)	-0.06	(0.04)
Возраст: нет ответа	-0.07	(0.04)	0.16**	(0.07)	-0.05	(0.05)
ИРЧП: фильмы/музыка онлайн	-2.25***	(0.77)	-0.59	(1.12)	-0.49	(0.89)
ИРЧП: нет ответа	0.9	(0.9)	0.32	(1.34)	-0.69	(0.95)

Примечание: * : 0.1, ** : 0.05, *** : 0.001. Для каждого эффекта взаимодействия была построена отдельная модель, включающая в себя также контрольные переменные.

Если говорить о практике посещения оперы, то здесь можно отметить значимый положительный эффект взаимодействия между возрастом и использованием интернета для культурных целей. Данный эффект говорит о том, что более низкая вероятность включенности в практику посещения оперы среди тех, кто не использует интернет для культурных целей, с возрастом становится менее выраженной. Данный вывод вписывается в идею о возрастных различиях в восприятии практик и включенности в них. Традиционная практика посещения оперы в большей степени распространена среди старших возрастных групп, которые также меньше включены в использование новых практик.

В свою очередь, для практики посещения концертов удалось обнаружить значимый положительный эффект взаимодействия между размером города и онлайн-практиками. В городах среднего размера разница между теми, кто использует и не использует интернет для культурных целей, становится меньше.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что культурные онлайн-практики положительно связаны с культурными офлайн-практиками. Данная

связь неоднородна: во-первых, в случае с посещением оперы имеет значение в целом включенность в культурное потребление онлайн, а в случае посещения кино и концертов можно наблюдать разницу между различными типами онлайн-практик. Во-вторых, связь между онлайн- и офлайн-практиками зависит от других характеристик. Данные результаты подтверждают концепцию нового культурного капитала [Savage et al., 2013]: включенность в культурные онлайн-практики положительно связана с культурными практиками офлайн. Не удалось обнаружить эффекта замещения независимо от группы респондентов или уровня развития страны. Кроме того, зависимость связи между онлайн-практиками и посещением оперы от возраста также указывает на формирование нового культурного капитала, в большей степени распространенного среди молодежи.

Выводы

Целью данной работы было рассмотрение связи между соответствующими друг другу офлайн- и онлайн-практиками культурного потребления. На примере практик посещения оперы, концертов и кино, а также потребления музыки и кино с помощью интернета, были проанализированы отношения между активностью офлайн и онлайн, а также их зависимость от социальных характеристик респондентов и уровня развития страны.

Теоретические подходы, описывающие взаимодействие между офлайн- и онлайн-практиками, давали возможность предположить как положительную, так и отрицательную связь между данными типами активности. С одной стороны, можно было ожидать замещения традиционных практик соответствующими онлайн-практиками. С другой стороны, интернет-активность может рассматриваться как дополнение к существующему репертуару практик, что предполагает положительную связь между культурными практиками онлайн и офлайн. Помимо этого, связь между практиками может варьировать в разных группах населения, а также зависеть от внешних характеристик, таких как уровень развития страны.

Результаты данного исследования демонстрируют положительную связь между культурными практиками офлайн и онлайн, что поддерживает идею нового культурного капитала. В то же время были обнаружены и различия в связи в зависимости от других параметров. Несмотря на то, что связь интернет-активности и офлайн-практик не зависит от образования, класса, экономических ресурсов и пола, тем не менее, в некоторых случаях она зависит от возраста, размера населенного пункта и уровня развития страны. Так, в случае с практикой посещения кино разница между группами, использующими интернет для культурных целей, становится незначимой в более развитых странах Европы. Помимо этого, возраст снижает выраженность различий между группами интернет-пользователей для практики посещения оперы. Схожий эффект оказывает и размер населенного пункта в случае с практикой посещения концертов.

Результаты данного исследования ставят вопрос о дальнейшем изучении меж-страновых различий в связи офлайн- и онлайн-активности. Кроме того, результаты говорят о необходимости более детального изучения общих детерминант культурной активности офлайн и онлайн.

Список литературы (References)

- Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 134—142.
- Abramov R. N., Zudina A. A. (2010) Social Innovators: Leisure Practices and Cultural Consumption. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 6. P. 134—142. (In Russ.)
- Загидуллина М. В. Подростки: чтение и Интернет в повседневной жизни // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 115—123.
- Zagidullina M. V. (2016) Teenagers: reading and the Internet in everyday life. *Sociological Studies*. No. 5. P. 115—123. (In Russ.)
- Корсунова В. И. Публичные досуговые практики в России: статусные различия и структурные особенности // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 194—213. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.11>.
- Korsunova V. I. (2017) Public Leisure Practices in Russia: Status Distinctions and Structural Features. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 194—213. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.11>.
- Рощина Я. М. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 4. С. 23—42. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2007-4-23-42>.
- Roshchina Y. M. (2007) The Differences of Russian Lifestyles in Leisure time. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 8. No. 4. P. 23—42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2007-4-23-42>.
- Соколов М. М., Сафонова М. А., Чернецкая Г. А. Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 152—179.
- Sokolov M. M., Safonova M. A. Chernetskaya G. A. (2017) Cultural Capital, Artistic Tastes and Status Boundaries Among Russian University Students. *Universe of Russia*. Vol. 26. No. 1. P. 152—179 (In Russ.)
- Соколов М. М., Соколова Н. А., Сафонова М. А. Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3. С. 116—135.
- Sokolov M. M., Sokolova N. A., Safonova M. A. (2016) Status Cultures, Biographic Cycles, and Generational Changes in Literary Tastes of Library Users in Saint-Petersburg. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19. No. 3. P. 116—135. (In Russ.)
- Becker H. S. (1972) A school is a lousy place to learn anything in. *American Behavioral Scientist*. Vol. 16. No. 1. P. 85—105. <https://doi.org/10.1177/000276427201600109>.

- Bennett L. (2012) Patterns of listening through social media: online fan engagement with the live music experience. *Social Semiotics*. Vol. 22. No. 5. P. 545—557. <https://doi.org/10.1080/10350330.2012.731897>.
- Benzecry C.E. (2012) Opera thugs and passionate fandom. *Contexts*. Vol. 11. No. 3. P. 39—45. <https://doi.org/10.1177/1536504212456181>.
- Bihagen E., Katz-Gerro T. (2000) Culture consumption in Sweden: The stability of gender differences. *Poetics*. Vol. 27. No. 5—6. P. 327—349. [https://doi.org/10.1016/s0304-422x\(00\)00004-8](https://doi.org/10.1016/s0304-422x(00)00004-8).
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard university press.
- Brown B., Sellen A. (2006) Sharing and listening to music. *Consuming music together: social and collaborative aspects of music consumption technologies* (eds O'Hara K., Brown B.). Dordrecht: Springer. P. 37—56. https://doi.org/10.1007/1-4020-4097-0_3.
- Brown T.A. (2006) *Confirmatory factor analysis for applied research*. NY: Guilford Press.
- Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2004) Is there a status order in contemporary British society? Evidence from the occupational structure of friendship. *European Sociological Review*. Vol. 20. No. 5. P. 383—401. <https://doi.org/10.1093/esr/jch033>.
- Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2007). Class and status: The conceptual distinction and its empirical relevance. *American sociological review*. Vol. 72. No. 4. P. 512—532. <https://doi.org/10.1177/000312240707200402>.
- Cilesiz S. (2009) Educational computer use in leisure contexts: A phenomenological study of adolescents' experiences at Internet cafes. *American Educational Research Journal*. Vol. 46. No. 1. P. 232—274. <https://doi.org/10.3102/0002831208323938>.
- Condie R., Livingston K. (2007) Blending online learning with traditional approaches: changing practices. *British Journal of Educational Technology*. Vol. 38. No. 2. P. 337—348. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2006.00630.x>.
- Cruz-Jesus F., Oliveira T., Bacao F. (2012) Digital divide across the European Union. *Information & Management*. Vol. 49. No. 6. P. 278—291. <https://doi.org/10.1016/j.im.2012.09.003>.
- Daenekindt S., Roose H. (2017) Ways of preferring: Distinction through the 'what' and the 'how' of cultural consumption. *Journal of Consumer Culture*. Vol. 17. No. 1. P. 25—45. <https://doi.org/10.1177/1469540514553715>.
- De Grazia V., Furlough E. (1996) *The sex of things: Gender and consumption in historical perspective*. University of California Press.
- Delbosc A., Mokhtarian P. (2018) Face to Facebook: The relationship between social media and social travel. *Transport Policy*. Vol. 68. P. 20—27. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2018.04.005>.

- DiMaggio P., Mukhtar T. (2004) Arts participation as cultural capital in the United States, 1982—2002: Signs of decline? *Poetics*. Vol. 32. No. 2. P. 169—194. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2004.02.005>.
- Duelund P. (2008) Nordic cultural policies: A critical view. *International journal of cultural policy*. Vol. 14. No. 1. P. 7—24. <https://doi.org/10.1080/10286630701856468>.
- Dumais S. A. (2002) Cultural capital, gender, and school success: The role of habitus. *Sociology of education*. Vol. 75. No. 1. P. 44—68. <https://doi.org/10.2307/3090253>.
- Franzen A. (2003) Social capital and the Internet: Evidence from Swiss panel data. *Kyklos*. Vol. 56. No. 3. P. 341—360. <https://doi.org/10.1046/j.0023-5962.2003.00224.x>.
- Gerhards J., Hans S., Mutz M. (2013) Social Class and Cultural Consumption: The Impact of Modernisation in a Comparative European Perspective. *Comparative Sociology*. Vol. 12. No. 2. P. 160—183. <https://doi.org/10.1163/15691330-12341258>.
- Graham G. (2005) *Philosophy of the arts: An introduction to aesthetics*, Routledge.
- Ha L., Fang L. (2012) Internet experience and time displacement of traditional news media use: An application of the theory of the niche. *Telematics and Informatics*. Vol. 29. No. 2. P. 177—186. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2011.06.001>.
- Haase A., Bernt M., Großmann K., Mykhnenko V., Rink D. (2016) Varieties of shrinkage in European cities. *European Urban and Regional Studies*. Vol. 23. No. 1. P. 86—102. <https://doi.org/10.1177/0969776413481985>.
- Hargittai E. (2002) Second-level digital divide: Differences in people's online skills. *First Monday*. Vol. 7. No. 4. <https://doi.org/10.5210/fm.v7i4.942>.
- Heo J., Kim J., Won Y.S. (2011) Exploring the relationship between internet use and leisure satisfaction among older adults. *Activities, Adaptation & Aging*. Vol. 35. No. 1. P. 43—54. <https://doi.org/10.1080/01924788.2010.545975>.
- Hesmondhalgh D. (2009) The digitalisation of music. *Creativity, innovation and the cultural economy* (eds Pratt A. C., Jeffcutt P). London: Routledge. P. 57—73.
- Hesmondhalgh D., Pratt A. (2005) Cultural industries and cultural policy. *International journal of cultural policy*. Vol. 11. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1080/10286630500067598>.
- Hilbert M. (2016) The bad news is that the digital access divide is here to stay: domestically installed bandwidths among 172 countries for 1986—2014. *Telecommunications Policy*. Vol. 40. No. 6. P. 567—581. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2016.01.006>.
- Katz-Gerro T. (1999) Cultural consumption and social stratification: leisure activities, musical tastes, and social location. *Sociological perspectives*. Vol. 42. No. 4. P. 627—646. <https://doi.org/10.2307/1389577>.
- Katz-Gerro T. (2017) Consumption of culture and lifestyles. *Routledge Handbook on Consumption*. P. 409—419. <https://doi.org/10.4324/9781315675015-41>.

- Kitamura S. (2013) The relationship between use of the internet and traditional information sources: an empirical study in Japan. *SAGE Open*. Vol. 3. No. 2. P. 1—9. <https://doi.org/10.1177/2158244013489690>.
- Kracman K. (1996) The effect of school-based arts instruction on attendance at museums and the performing arts. *Poetics*. Vol. 24. No. 2. P. 203—218. [https://doi.org/10.1016/s0304-422x\(96\)00009-5](https://doi.org/10.1016/s0304-422x(96)00009-5).
- Krause A., North A., Hewitt L. (2015) Music-listening in everyday life: Devices and choice. *Psychology of music*. Vol. 43. No. 2. P. 155—170. <https://doi.org/10.1177/0305735613496860>.
- Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukophadhyay T., Scherlis W. (1998) Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American psychologist*. Vol. 53. No. 9. P. 1017—1031. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.53.9.1017>.
- Krueger B. S. (2002) Assessing the potential of Internet political participation in the United States: A resource approach. *American politics research*. Vol. 30. No. 5. P. 476—498. <https://doi.org/10.1177/1532673x02030005002>.
- Lamont M., Molnár V. (2002) The study of boundaries in the social sciences. *Annual review of sociology*. Vol. 28. No. 1. P. 167—195.
- Le Galès P. (2002) *European Cities: Social Conflicts and Governance: Social Conflicts and Governance*, Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.7202/006590ar>.
- Le Grand E. (2018) Representing the middle-class 'hipster': Emerging modes of distinction, generational oppositions and gentrification. *European Journal of Cultural Studies*. DOI: <https://doi.org/10.1177/1367549418772168>.
- Lehdonvirta V., Wilska T. A., Johnson M. (2009) Virtual consumerism: case habbo hotel. *Information, communication & Society*. Vol. 12. No. 7. P. 1059—1079. <https://doi.org/10.1080/13691180802587813>.
- López-Sintas J., Rojas-DeFrancisco L., García-Álvarez E. (2017) Home-based digital leisure: Doing the same leisure activities, but digital. *Cogent Social Sciences*. Vol. 3. No. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.1080/23311886.2017.1309741>.
- Magaudda P. (2011) When materiality 'bites back': Digital music consumption practices in the age of dematerialization. *Journal of Consumer Culture*. Vol. 11. No. 1. P. 15—36. <https://doi.org/10.1177/1469540510390499>.
- Mokhtarian P. L., Salomon I., Handy S. L. (2006) The impacts of ICT on leisure activities and travel: a conceptual exploration. *Transportation*. Vol. 33. No. 3. P. 263—289. <https://doi.org/10.1007/s11116-005-2305-6>.
- Molteni L., Ordanini A. (2003) Consumption patterns, digital technology and music downloading. *Long Range Planning*. Vol. 36. No. 4. P. 389—406. [https://doi.org/10.1016/s0024-6301\(03\)00073-6](https://doi.org/10.1016/s0024-6301(03)00073-6).

- Moscardo G., Hughes K. (2016) Museums Unplugged: Exploring the Impact of Removing Access to Mobile Communication Devices on Chinese Students' Museum Experiences. *Journal of Leisure Research*. Vol. 48. No. 5. P. 395—412. <https://doi.org/10.18666/jlr-2016-v48-i5-7085>.
- Näsi M., Räsänen P., Sarpila O. (2012) ICT activity in later life: Internet use and leisure activities amongst senior citizens in Finland. *European Journal of Ageing*. Vol. 9. No. 2. P. 169—176. <https://doi.org/10.1007/s10433-011-0210-8>.
- Nie N. H., Hillygus D. S. (2002) The impact of Internet use on sociability: Time-diary findings. *It & Society*. Vol. 1. No. 1. P. 1—20.
- Norris P. (2001) *Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139164887>.
- North S., Snyder I., Bulfin S. (2008) Digital tastes: Social class and young people's technology use. *Information, communication & Society*. Vol. 11. No. 7. P. 895—911. <https://doi.org/10.1080/13691180802109006>.
- Pénard T., Poussing N. (2010) Internet use and social capital: The strength of virtual ties. *Journal of Economic Issues*. Vol. 44. No. 3. P. 569—595. <https://doi.org/10.2753/jei0021-3624440301>.
- Peterson R. A., Kern R. M. (1996) Changing highbrow taste: From snob to omnivore. *American sociological review*. Vol. 61. No. 5. P. 900—907. <https://doi.org/10.2307/2096460>.
- Prior N. (2014) The plural iPod: A study of technology in action. *Poetics*. Vol. 42. P. 22—39. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2013.11.001>.
- Pronovost G. (2002) The Internet and time displacement: A Canadian perspective. *IT & society*. Vol. 1. No. 1. P. 44—53.
- Putnam R. D. (1995) Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social capital in America. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664—683. <https://doi.org/10.2307/420517>.
- Roose H. (2015) Signs of 'emerging' cultural capital? Analysing symbolic struggles using class specific analysis. *Sociology*. Vol. 49. No. 3. P. 556—573. <https://doi.org/10.1177/0038038514544492>.
- Rössel J. (2011) Cultural capital and the variety of modes of cultural consumption in the opera audience. *The sociological quarterly*. Vol. 52. No. 1. P. 83—103. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2010.01192.x>.
- Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Miles A. (2013) A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*. Vol. 47. No. 2. P. 219—250. <https://doi.org/10.1177/0038038513481128>.

Seaman B. A. (2006) Empirical studies of demand for the performing arts. *Handbook of the economics of art and culture*. Vol. 1. P. 415—472. [https://doi.org/10.1016/s1574-0676\(06\)01014-3](https://doi.org/10.1016/s1574-0676(06)01014-3).

Seybert H. (2012) Internet use in households and by individuals in 2012. *Industry, trade and services*. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3433488/5585460/KS-SF-12-050-EN.PDF/39000dab-e2b7-49b2-bc4b-6aad0bf01279> (accessed 10.08.2019).

Shirky C. (2011) The political power of social media: Technology, the public sphere, and political change. *Foreign affairs*. Vol. 90. No. 1. P. 28—41.

Spracklen K. (2015) Digital leisure, the internet and popular culture: Communities and identities in a digital age. Springer.

Stepanikova I., Nie N. H., He X. (2010) Time on the Internet at home, loneliness, and life satisfaction: Evidence from panel time-diary data. *Computers in Human Behavior*. Vol. 26. No. 3. P. 329—338. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.11.002>.

Sullivan O., Katz-Gerro T. (2006) The omnivore thesis revisited: Voracious cultural consumers. *European sociological review*. Vol. 23. No. 2. P. 123—137. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl024>.

Turok I., Mykhnenko V. (2007) The trajectories of European cities, 1960—2005. *Cities*. Vol. 24. No. 3. P. 165—182. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2007.01.007>.

Van der Ploeg F. (2006) The making of cultural policy: A European perspective. *Handbook of the Economics of Art and Culture*. No. 1. P. 1183—1221. [https://doi.org/10.1016/s1574-0676\(06\)01034-9](https://doi.org/10.1016/s1574-0676(06)01034-9).

Van Deursen A. J. A. M., Helsper E. J. (2015) The third-level digital divide: Who benefits most from being online? In: *Communication and information technologies annual*. P. 29—52. <https://doi.org/10.1108/s2050-206020150000010002>.

Van Hek M., Kraaykamp G. (2013) Cultural consumption across countries: A multi-level analysis of social inequality in highbrow culture in Europe. *Poetics*. Vol. 41. No. 4. P. 323—341. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2013.05.001>.

Van Steen A., Vlegels J., Lievens J. (2015) On intergenerational differences in highbrow cultural participation. Is the Internet at home an explanatory factor in understanding lower highbrow participation among younger cohorts? *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 6. P. 595—607. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2014.967268>.

Willekens M., Lievens J. (2014) Family (and) culture: The effect of cultural capital within the family on the cultural participation of adolescents. *Poetics*. Vol. 42. P. 98—113. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2013.11.003>.

Zheng Y. (2007) *Technological empowerment: The Internet, state, and society in China*. Stanford University Press.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.07

Правильная ссылка на статью:

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Этноконфессиональная напряженность в российском обществе: опыт эмпирической апробации методики измерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 130—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.07>.

For citation:

Tikhonova N. E., Karavay A. V. (2019) Ethno-confessional tension in Russian society: an empirical test of a measurement method. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 130—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.07>.

Н. Е. Тихонова, А. В. Каравай
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ АПРОБАЦИИ
МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ АПРОБАЦИИ МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ

ETHNO-CONFESSIONAL TENSION IN RUSSIAN SOCIETY: AN EMPIRICAL TEST OF A MEASUREMENT METHOD

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: netichonova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5826-4418>

Natalia E. TIKHONOVA^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Principal Researcher; Professor-Researcher
E-MAIL: netichonova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5826-4418>

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: karavayav@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-3122-4819

Аннотация. В основе описываемой в статье методики лежит Индекс потенциала этноконфессиональной напряженности, который апробировался на массивах данных Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015—2018 гг. Методика представляет собой упрощенную и адаптированную для массовых опросов версию разработанной И. М. Кузнецовым и О. Е. Хухлаевым методики анализа межнациональной напряженности. Показано, что при минимуме вопросов об этноконфессиональной напряженности в инструментарии данная методика позволяет достаточно точно замерять степень выраженности этой напряженности, выявлять ее очаги, определять ее факторы и т. д. Продемонстрировано, что отдельные элементы Индекса дают важную дополнительную информацию о степени выраженности дифференциации общества на «мы» и «они» по критерию этнонациональной принадлежности и готовности представителей определенного сообщества к насилию. В сочетании с данными по отдельным показателям, входящим в Индекс, это позволяет на восьми двоичных переменных получать большой

Anastasia V. KARAVAY^{1,3} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher; Senior Researcher
E-MAIL: karavayav@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-3122-4819

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract. The method described in the paper is based on the index of ethno-confessional tension tested in the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2015–2018. This method is a simplified version of a tool developed by I.M. Kuznetsov and O.E. Khukhlaev to analyze ethno-confessional tensions. Having a minimum number of questions related to ethno-confessional tensions, this method provides an accurate measurement of the levels of tension, helps detect its hotspots and determine the factors. The study shows that certain elements of the index give additional information about the degree of “us-them” differentiation based on ethno-national belonging and community’s readiness for violence. This, in combination with individual indicators included in the index, allows obtaining large amounts of data for the analysis using 8 binary variables. The index values are directly linked to the events which happen in interethnic respondents’ communities. The authors explain that interethnic tensions have both objective and subjective foundations. The former involve population density and its mono or multinational character. Objective

материал для анализа. Зафиксирована связь значений Индекса с событиями, происходящими в межнациональной сфере по месту жительства респондентов, и показано, что межнациональная напряженность имеет под собой как объективные, так и субъективные основания. К числу первых относятся плотность населения в том или ином регионе или населенном пункте, а также моно- или многонациональный характер населения. Из объективных факторов микроуровня для выраженности соответствующих негативных умонастроений наиболее значимы неблагоприятный опыт трудовой деятельности человека, прежде всего — опыт недавней безработицы, а из факторов субъективного характера — болезненное переживание им своего материального положения, завышенные амбиции, ощущение несправедливости своего нынешнего места в обществе и суженный спектр интересов в повседневной жизни. Отсутствие длительного горизонта планирования на фоне относительно неблагоприятного положения жизни усиливает общую тревожность характеризующихся этими особенностями россиян и их потребность найти психологическую защиту в такой аскриптивной идентичности, как этнонациональная принадлежность.

Ключевые слова: межнациональная напряженность, этнонациональные конфликты, методики измерения межнациональной напряженности, индексы в социологии

factors intensifying negative moods at micro level mainly refer to unfavorable labor experience (especially recent unemployment). Subjective factors are related to hurtful emotions embracing material well-being, soaring ambitions, a feeling of unfair social situation and a narrow range of interests in everyday life. The lack of long-term planning horizon amidst relative ill-being typical of Russians reinforces their general anxiety and their need to get psychological comfort in an ascriptive identity (ethno-national belonging).

Keywords: ethnic tensions, ethno-national conflicts, methods of measuring ethnic tensions, indices in sociology

Введение

В число наиболее важных практических задач, стоящих перед российскими социологами, входят исследование и прогнозирование динамики социального самочувствия россиян и социальной, в том числе этнонациональной, напряженности в обществе. С одной стороны, эти показатели отражают эффективность государственной политики в соответствующей области. С другой стороны, они являются индикаторами готовности к протестным настроениям среди отдельных социальных групп. Не случайно социологические службы ведут мониторинг такого рода показателей на регулярной основе¹. При этом для глубоких аналитических исследований, отражающих не только сиюминутный «срез», но и более полную картину настроений в обществе, обычно используются сложные многокомпонентные индексы², требующие большого набора различных статистических и социологических данных.

В основе тех индексов, которые относятся к анализу этнонациональной напряженности, лежат различные теоретические подходы к самому понятию этноса. Подходы эти в мировой науке достаточно многообразны. Не ставя перед собой задачу дать их сколько-нибудь полный обзор, отметим основные. Подчеркнем сразу, что во всех этих подходах ключевую роль играет понятие идентичности с определенной группой, хотя основания для выделения этой группы понимаются в них по-разному. Так, для широко распространенного примордиалистского подхода к этносу характерно понимание этнической принадлежности человека как объективной данности, имеющей свою основу в биологических и социальных различиях между людьми. Конфликт между этносами потенциально запрограммирован в рамках этого подхода уже самим сосуществованием на одной территории различающихся теми или иными объективными признаками народов. Примером наиболее сложных форм этого подхода является разработанная в рамках данного направления сотрудниками бывшего Института этнографии АН СССР во главе с Ю. В. Бромлеем дуалистическая теория этносов. В рамках этой теории этнос трактуется, с одной стороны, как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других сообществ. С другой стороны, в этой теории подчеркивается роль социально-экономической деятельности в функционировании этноса³. Таким образом, в основу этноса закладывается целый ряд признаков, связанных как с объективными его характеристиками, так и с особенностями самосознания его представителей. Другой разновидностью примордиализма выступает социально-биологическая теория (Pierre L. van den Berghe и др.), связывающая этничность с биологическими особенностями человека. Существование этнических общностей в рамках этой теории объясняется генетической предрасположенностью

¹ См. например, Индексы социального самочувствия // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 19.06.2018); Протестные настроения // ФОМ. URL: http://fom.ru/obshchestvo/11090#tab_01 (дата обращения 19.06.2018).

² Например, индексы политической стабильности, поляризованности общества, этнической мозаичности, конфликтности и пр.

³ См. подробнее [Бромлей, 2009].

человека к родственному отбору, а конфликты между этническими общностями заданы, согласно социально-биологической теории, борьбой за ресурсы между группами, основанными на родстве.

Примордиалистскому подходу к этносам противостоят конструктивистский и инструменталистский подходы. Согласно теории конструктивизма, этносы формируются в ходе деятельности людей и являются ее продуктами (конструктами). И хотя среди этнических маркеров могут быть при этом не только такие социальные признаки, как язык, религия и т. п., но и биологические, прежде всего физический облик человека, этнос существует, согласно конструктивистскому подходу, не столько объективно, сколько субъективно, поскольку конструируется общественным сознанием. На значимость субъективного восприятия этничности указывал и один из ведущих российских специалистов в области этнонациональных отношений В. А. Тишков [Тишков, 2001]. Соответственно, связанные с конфликтами в этнонациональной области проблемы должны изучаться в рамках анализа специфики функционирования идентичностей с теми или иными группами и противопоставления «мы — они» как определенных социальных конструктов.

Инструментализм рассматривает этничность прежде всего как инструмент в борьбе за власть и привилегии, а не результат конструирования своих идентичностей в формировании определенной модели социальной реальности или объективную характеристику человека. Понятно, что в этом случае этнонациональная напряженность должна рассматриваться скорее как потенциал для действий по защите интересов своей группы в условиях дефицита ресурсов. Таким образом, инструментализм рассматривает этнос вне зависимости от того, на чем основана идентичность с группой — объективных основаниях или конструируемых признаках, трактуя ее как «спящий» феномен общественного сознания, актуализирующийся лишь по факту ущемления интересов человека. Особенно характерен такой подход для так называемого экономического инструментализма, который прямо объясняет межэтническую напряженность и конфликты через экономическое неравенство членов различных этнических групп.

Дисциплинарная «привязка» исследований этноса вообще и этнонациональной напряженности в частности также неоднозначна. Многие из проводившихся в этой области исследований относятся к социальной психологии. При этом проблематика межгрупповых отношений, к которым относится и проблема социальной напряженности между группами, в том числе этнонациональными, рассматривается социальными психологами обычно через призму концепции социальной идентичности. Этот же теоретический подход чаще всего характерен и для работающих в этой области социологов, в частности представителей этносоциологии, одним из наиболее известных основоположников которой является Л. М. Дробижева⁴. Предметом этносоциологии как особой области социологической науки выступает изучение социальных аспектов жизни этнических групп, и прежде всего — их идентичностей, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения и т. д. Как видим, хотя в центре внимания этносоциологии находится группа, а не личность, как у социальных психологов, однако и в этом

⁴ См. подробнее [Социальная и культурная дистанции..., 1998; Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999; Дробижева, 2013].

случае именно идентичность с соответствующей этнической группой имеет ключевое значение.

Методологические и методические основания анализа этнонациональной напряженности

При общем внимании к вопросу идентичности как центральному при изучении этнонациональной проблематики методически между ее анализом социальными психологами и социологами существуют значимые различия. Первые ориентированы в основном на эксперименты со сравнительно небольшими группами или даже анализ когнитивных процессов в этой области у отдельно взятого человека. Вторые же работают преимущественно с данными больших количественных опросов, репрезентирующих население страны или отдельного региона. Конечно, среди социологов тоже можно встретить ученых, использующих методы, ориентированные на малые группы (например, проведение фокус-групп) или отдельного человека (глубинные интервью). Однако и в этом случае для социологов главной целью является понимание особенностей формирования определенных установок в межнациональных отношениях в конкретном социуме и взаимоотношения групп с разными этническими идентичностями, а не изучение когнитивных и некогнитивных психических процессов, влияющих на формирование тех или иных межэтнических установок. Поскольку же оценка ситуации с этнонациональной напряженностью в обществе в целом или в конкретном регионе страны требует от социологов применения количественных методов анализа, то они и являются доминирующими в социологических исследованиях социальной напряженности вообще и этнонациональной напряженности, в частности.

Методически для работающих с данной проблематикой специалистов это означает необходимость построения индексов, способных измерить напряженность в отдельных этнонациональных группах и между ними. Наиболее простые по построению индексы этого типа основываются на каком-то одном вопросе. Такой подход сравнительно прост для реализации, поскольку позволяет оперативно измерить динамику соответствующих показателей, особенно в ответ на какие-либо конкретные социально-политические или социально-экономические события, и активно используется в социологии для весьма широкого спектра проблем, связанных с социальной напряженностью в целом. Наиболее часто встречаемая методика расчетов такого рода индексов основана на выявлении преобладания позитивных ответов на какой-либо вопрос над негативными, то есть на простом вычислении разности между количеством тех, кто ответил положительно на поставленный вопрос, и тех, кто ответил на него отрицательно. Этот подход, широко применяемый специалистами «Левада-Центра», ВЦИОМ и других центров, не лишен недостатков и критикуется, в частности, из-за того, что в таких расчетах не учитывается многофакторный и сложносоставной характер этнонациональных конфликтов и протестов. К тому же из расчетов «выпадают» респонденты, ответившие на вопрос нейтрально или затруднившиеся с ответом⁵, а значит, пропадает информация по части выборочной совокупности.

⁵ См. более подробно о различных методиках расчета индексов [Балацкий, 2005].

Более сложные версии предлагаются обычно при анализе социального самочувствия населения в рамках изучения каких-то фундаментальных, теоретических проблем, например, влияния ценностей или динамики материального положения населения на уровень социальной напряженности или удовлетворенность жизнью [Влияние..., 2016; Латова, 2016; Латова, 2017; Латова..., 2015; Тихонова, 2015]. Из используемых за рубежом для анализа ситуации в этой сфере индексов следует назвать индекс этнолингвистической фрагментированности Тейлора и Хадсона⁶, индекс разнообразия Гринберга⁷ и пр. Эта группа индексов позволяет оценить уровень фрагментированности общества по таким основаниям, как этничность, религия, язык общения, а также степень распространенности в тех или иных сообществах националистических и ксенофобских настроений. Используются для анализа этнонациональной напряженности учеными разных стран, в том числе и России, и другие индексы, позволяющие оценить, например, дистанцию между отдельными группами, в том числе этническими (индекс этнической мозаичности Эккеля⁸, индекс поляризованности⁹, метаиндекс конфликтности Эстебана-Рея¹⁰ и пр.). Расчет этих индексов чаще всего основан на статистических данных — количестве конкретных групп (этнических, языковых и т. п.) в обществе, их доле в общей численности населения и т. д. Это обуславливает и их недостатки, главным из которых, с нашей точки зрения, является то, что они не позволяют ни выявить детерминанты этнонациональной напряженности, ни провести прикладной анализ тех социально-демографических групп, в которых она концентрируется.

Для этих целей лучше всего подходит методика измерения потенциала межнациональных конфликтов, разработанная известными специалистами в области межнациональных отношений и социальной психологии на базе материалов Центра изучения национальных конфликтов Института социологии ФНИСЦ РАН И. М. Кузнецовым и О. Е. Хухлаевым [Кузнецов, Хухлаев, 2013]. В основе их методики лежит не оценка фрагментированности общества в целом, а выявление распространенности среди населения националистических взглядов и опасных поведенческих паттернов. Их методика мониторинга рисков межнациональной конфликтности включает в себя четыре блока вопросов, на основе ответов респондентов на которые строятся следующие шкалы:

1. Шкала этнонациональных установок (предпочтений). Этнонациональные установки определяются в данной шкале как оценочное отношение респондента к феномену национальности, отражающее его общие установки по поводу национальности и межнациональных отношений. Шесть вопросов, входящих в расчет показателей этой шкалы, измеряют: 1) уровень негативного отношения к иным национальным группам; 2) уровень позитивного отношения к собственной национальной группе; 3) баланс отношений к собственной и иным национальным группам.

⁶ См. подробнее [Taylor, Hudson, 1972].

⁷ См. подробнее [Greenberg, 1956].

⁸ См. подробнее [Эккель, 1976].

⁹ См. подробнее [Reynal-Querol, 2002].

¹⁰ См. подробнее [Esteban, Ray, 1994].

2. Шкала уровня допустимости насилия в решении межэтнических вопросов. Как следует уже из ее названия, лежащий в основе данной шкалы блок вопросов направлен на выявление допустимости насилия в решении межэтнических проблем. Показатели данной шкалы характеризуют, по мнению авторов, распространенность молчаливого или даже прямого общественного одобрения и оправдания насильственных действий при решении межэтнических споров.
3. Шкала уровня склонности индивидов к нарушению общепринятых правил и юридических норм соблюдения общественного порядка, высокий уровень склонности к нарушению общепринятых правил и юридических норм. Показатели данной шкалы являются, по мнению авторов данной методики, количественным выражением степени «незаконопослушности» и статистически достоверно диагностируют большую вероятность участия в экстремистской деятельности.
4. Шкала восприятия мигрантов. Блок вопросов для ее расчета состоит из трех частей, позволяющих определить: 1) уровень позитивного отношения к мигрантам; 2) уровень негативного отношения к мигрантам; 3) баланс позитивного и негативного отношения к мигрантам. Показатели данной шкалы, по мнению И. М. Кузнецова и О. Е. Хухлаева, фиксируют готовность принять мигрантов в качестве полноправных (с точки зрения обычного, не юридического права) членов своей микросреды, воспринять их как часть «мы».

Таким образом, отвлекаясь от вопросов о понимании респондентами того, что лежит в основе этнических различий и как они делят по этим признакам «своих» и «чужих», данная методика ставит перед собой задачу выявить роль для респондентов этнических идентичностей и определить их отношение к своей этнической принадлежности, к «другим» (тем, кто «не-мы» — в данном случае мигрантам), а также к допустимости выходящего за рамки закона насилия в борьбе за свои права. В этой практикоориентированности, на наш взгляд, заключается одно из важных преимуществ данной методики для большинства работающих с вопросами этнонациональной напряженности в ходе массовых опросов. Вторым ее важным плюсом выступает учет при ее разработке подходов, характерных как для этносоциологии, так и для социальной психологии.

Однако для обычных полевых исследований, не фокусирующихся только на проблематике межнациональных отношений, методика И. М. Кузнецова и О. Е. Хухлаева мало применима в силу большого (около 20) числа вопросов, используемых для расчетов строящихся в рамках нее субиндексов. Это признавали и сами авторы методики, один из которых (И. М. Кузнецов) опубликовал в 2017 г. статью о возможности применения в таких опросах урезанного ее варианта, основанного только на Шкале межнациональных установок. Как негативизм в отношении к иным национальным группам, так и позитивность отношения к собственной национальной группе и наличие осознанных установок на идентичность с ней замерялись в новой версии методики с помощью шести вопросов, три из которых свидетельствовали о негативном отношении к инациональным группам, а другие три — о позитивном отношении к собственной национальной группе.

С помощью дополнительных процедур ответы на эти вопросы перекодировались в специальный индекс, использование которого, по словам И. М. Кузнецова, позволяло обеспечить «снижение влияния эффекта социальной желательности в ответах респондентов, поскольку результаты формируются на основе не одного мнения, а их совокупности, что респонденту контролировать гораздо сложнее» [Кузнецов, 2017: 60].

Такой сокращенный вариант методики, конечно, гораздо более удобен для массовых исследований, чем ее полная версия. Однако, с другой стороны, выявления только лишь уровня позитивных установок по отношению к своей национальности или негативных — по отношению к другим этносам для прогноза развития межнациональной напряженности на тех или иных территориях или в отдельных социальных группах недостаточно. На наш взгляд, готовность индивидов к применению насилия в межэтнических вопросах также требует замера и отслеживания ее динамики.

В силу этих причин мы поставили перед собой задачу разработать на основе методики И. М. Кузнецова и О. Е. Хухлаева для анализа уровня этноконфессиональной напряженности в рамках исследований, где соответствующие сюжеты являются лишь одной из задач большого и разнообразного предметного поля, упрощенного и адаптированного для неспециалистов в данной области ее варианта. При этом было важно скомпоновать такой набор агрегированных показателей, который, с одной стороны, достаточно полно отображал бы уровень этнонациональной напряженности в обществе и потенциальную опасность экстремистских проявлений в этой области, а с другой стороны, предполагал бы минимум необходимых для этого вопросов. Поскольку само наполнение шкал и обоснование выбранных для этого индикаторов достаточно подробно описано в работах И. М. Кузнецова и О. Е. Хухлаева, мы в описании полученных нами результатов сосредоточимся не на теоретическом обосновании этих индикаторов, а на том, какую информацию можно получить с их помощью и насколько эта информация надежна, то есть на их эвристическом потенциале.

Эмпирической базой нашей работы стали несколько волн Мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». Его двухступенчатая квотная выборка репрезентировала население страны по территориально-экономическим районам согласно районированию ФСГС РФ, а внутри регионов проживания — по полу, возрасту и типам поселений. Опросы проводились дважды в год с интервалом в полгода — весной (март или апрель) и осенью (октябрь). В основном при подготовке данной статьи использовались данные 8 волн Мониторинга, проходившей в апреле 2018 г. ($N = 4000$).

Общая характеристика Индекса потенциала этнонациональной напряженности в России

Основу предлагаемой нами методики составил Индекс потенциала этнонациональной напряженности, рассчитывавшийся на основе двух сокращенных версий шкал из методики И. М. Кузнецова и О. Е. Хухлаева. Первая из них — Шкала

этнонациональных¹¹ установок — включала в себя два показателя: *негативное отношение к иным национальным группам* и *сфокусированность на своей национальности*. Первый из них операционализировался с помощью двух, а второй — трех индикаторов. Вторая шкала, а именно Шкала допустимости насилия в решении межнациональных проблем, также включала в себя два показателя, операционализировавшихся в общей сложности с помощью трех индикаторов. Таким образом, всего для расчета Индекса потенциала этнонациональной напряженности нами были использованы восемь вопросов (переменных двоичного характера), каждый из которых был достаточно простым для респондентов при интервьюировании. Показатели и логика присвоения баллов в рамках данной шкалы представлены в табл. 1 и 2. Сразу подчеркнем, что в силу сравнительно высокой чувствительности вопросов из сферы межнациональных отношений затруднившихся с ответом мы не убрали из рассмотрения, а присваивали им по соответствующим вопросам нулевые баллы, поскольку в первую очередь нас интересовали те, кто характеризуется четко выраженной негативной позицией в межнациональных отношениях. По этой же причине нулевые баллы присваивались тем ответам респондентов, которые свидетельствовали об отсутствии негативного отношения к иным национальным группам или сфокусированности на собственной национальности.

Как видно из табл. 1, при расчете обоих показателей, на основе которых строилась Шкала этнонациональных установок, более высокие значения полученного по ней субиндекса соответствовали большей выраженности сфокусированности на своей национальности и негативизма по отношению к другим народам. Расчеты значений этой Шкалы показали, что для россиян в целом нехарактерно негативное отношение к другим национальностям, хотя из этого правила есть и достаточно много исключений (рис. 1). В гораздо большей степени выражена у россиян сфокусированность на своей национальности. В целом же в правой части распределения по данной Шкале, характеризующей численность населения, готового к острому противостоянию «мы — они» (7-10 баллов), оказался в 2018 г. лишь каждый десятый россиянин. При этом в левой ее части, для которой характерны толерантность к представителям других этносов и достаточно слабая значимость этнонациональных идентичностей, сконцентрировалось свыше 40 % населения. Основная же часть россиян (около половины) оказались в середине распределения (4-6 баллов). Однако при интерпретации этих данных следует учитывать, что группа со средними значениями по данной Шкале по многим особенностям взглядов тяготеет скорее к тем, кто имеет по ней высокие, а не низкие значения (см. табл. 2). Если говорить о локализации соответствующих взглядов, то сильнее всего ощущается противостояние «мы — они» на основе национальной принадлежности среди жителей Москвы, а среди представителей разных профессиональных групп — у предпринимателей и самозанятых.

¹¹ Мы используем термин «этнонациональный», а не «этнический» или «национальный», поскольку вынуждены учитывать особенности ответов респондентов в ходе проводившихся опросов. В самих вопросах анкеты использовался термин «национальность», но по сути под национальностью понималась этническая принадлежность, спрашивать о которой у респондентов было бессмысленно в силу незнания многими из них данного термина. Таким образом, использование термина «этнонациональный» обусловлено прагматическими соображениями и не имеет отношения к теоретическим дискуссиям о различиях между нацией, национальностью и этносом.

Таблица 1. Показатели Шкалы этнонациональных установок

Показатели	Операционализация соответствующих показателей	Баллы
Негативное отношение к иным национальным группам	1. А Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?	Да, испытываю — 2 балла Иногда испытываю — 1 балл Не испытываю — 0 баллов
	2. Одобрели бы Вы или не одобрили принудительное выселение представителей каких-то национальностей из Вашего города (села)?	Да, одобрил бы — 2 балла Скорее одобрил бы — 1 балл Скорее нет — 0 баллов Нет — 0 баллов Затруднились ответить — 0 баллов
Сфокусированность на своей национальности	1. Кем Вы себя чувствуете в большей мере?	Скорее человеком своей национальности — 2 балла И человеком своей национальности, и россиянином в равной мере — 1 балл Скорее россиянином — 0 баллов Ни тем, ни другим — 0 баллов
	2. Я никогда не забываю о своей национальности	Полностью согласен — 2 балла Скорее согласен — 1 балл Скорее не согласен — 0 баллов Не согласен — 0 баллов
	3. В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности	Полностью согласен — 2 балла Скорее согласен — 1 балл Скорее не согласен — 0 баллов Не согласен — 0 баллов

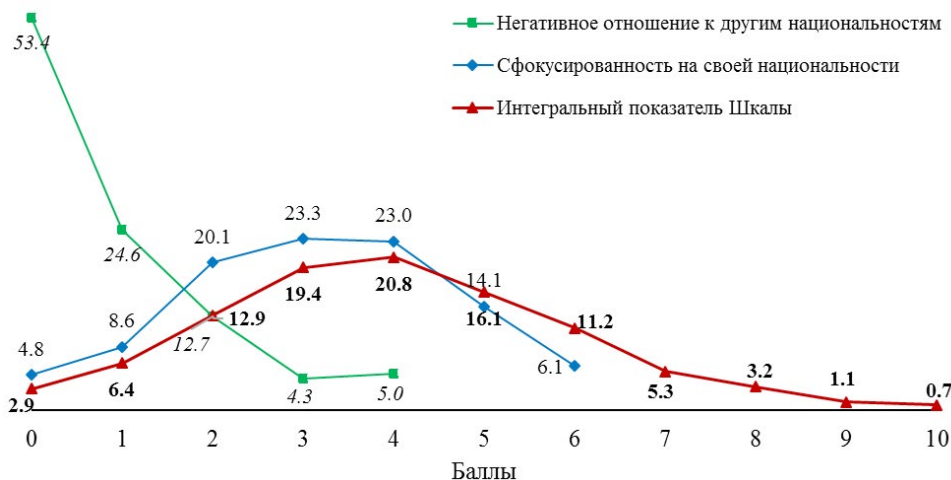

Рис. 1. Распределение значений показателей Шкалы этнонациональных установок, 2018, %

Показатели Шкалы этнонациональных установок целесообразно интерпретировать как отражение значимости национальной принадлежности (как своей, так и чужой) в идентификационном пространстве человека. Это подтверждают как

статистический, так и содержательный анализ ответов респондентов на многие вопросы. Если говорить о статистической проверке, то коэффициент Спирмена составлял для связи значений Шкалы этнонациональных установок и, например, утверждения, что респонденты редко задумываются о своей национальности, 0,323 и т. д. Если же говорить о содержательной проверке, то, как видно из табл. 2, сюжеты, связанные с ролью этнонациональной принадлежности, играют в жизни россиян с высокими показателями по Шкале этнонациональных установок гораздо большую роль, чем для остального населения. Однако даже люди с низкими значениями по Шкале этнонациональных установок в большинстве своем (65,3%) все же соглашались с тем, что человеку нужно ощущать себя частью своей национальности. Группа же со средними их значениями вообще примыкает по доминирующим в ней настроениям к группе с высокими значениями показателей данной Шкалы (см. табл. 2). Это говорит о достаточно большом потенциале быстрого ухудшения межнациональных отношений в стране или отдельных локальных сообществах при неблагоприятных внешних условиях.

Таблица 2. Связь показателей Шкалы этнонациональных установок и некоторых аспектов ощущения своей принадлежности к определенной национальности, 2018, %*

Суждения	Низкие показатели Шкалы (0—3 балла) N = 1664	Средние показатели Шкалы (4—6 баллов) N = 1926	Высокие показатели Шкалы (7—10 баллов) N = 410
<i>Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности</i>			
Полностью согласен	17,8 +++	11,8 ---	10,2 ---
Скорее согласен	39,7 +++	23,1 ---	17,6 ---
Скорее не согласен	31,3	34,3 +++	30,0
Не согласен	11,2 ---	30,9 +++	42,2 +++
<i>Люди моей национальности многое потеряли за последние 15-20 лет</i>			
Полностью согласен	10,6 ---	21,1 +++	31,5 +++
Скорее согласен	33,3	34,3	35,4
Скорее не согласен	35,8 +++	27,1 ---	---
Не согласен	20,4 +++	17,5	11,5 ---

* Фоном здесь и далее выделены доминирующие позиции, в данном случае — согласие или несогласие. Условные обозначения: «+++» и «---» (характер знака отражает прямую и обратную связь между переменными) в этой таблице и далее означают, что мы отвергаем нулевую гипотезу о том, что связи нет, при уровне значимости $\alpha < 0,001$. Использовался тест Хи-квадрат, измеряющий наличие статистически значимой связи между номинальными признаками, поэтому стоит подчеркнуть, что эти данные говорят не о силе связи, а о том, насколько надежен полученный результат.

Итак, Шкала этнонациональных установок позволяет зафиксировать этнонациональную идентичность в идентификационной системе индивида. При этом в ин-

терпретации ее значений при анализе потенциала межнациональной напряженности нужно учитывать, что важны не только высокие, но и средние ее показатели, поскольку актуализация этнонациональной идентичности большинства россиян может произойти при способствующих этому внешних условиях (быстрый рост доли инонациональных мигрантов, ухудшение ситуации на рынке труда с ростом конкуренции за рабочие места, определенный новостной фон и т. п.) очень быстро.

Иной смысл имеет Шкала допустимости насилия в решении межнациональных проблем, хотя большая готовность к любым средствам для защиты своего народа, в том числе и насильственным, также отражается на ней большим числом баллов (см. табл. 3).

Таблица 3. Показатели Шкалы допустимости насилия в решении межнациональных проблем

Показатели	Операционализация соответствующих показателей	Баллы
Допустимость насилия в межэтнических конфликтах	1. Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	Полностью согласен — 2 балла Скорее согласен — 1 балл Скорее не согласен — 0 баллов Не согласен — 0 баллов
	2. Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо	Не согласен — 2 балла Скорее не согласен — 1 балл Скорее согласен — 0 баллов Полностью согласен — 0 баллов
Допустимость любых средств защиты своего народа	1. Все средства хороши для защиты интересов моего народа	Полностью согласен — 2 балла Скорее согласен — 1 балл Скорее не согласен — 0 баллов Не согласен — 0 баллов

Распределение значений показателей, полученных в рамках расчета Шкалы допустимости насилия в решении межнациональных проблем, представлено на рис. 2. Как видим, для россиян в целом не характерны экстремистско-националистические взгляды и большинство из них сейчас не допускают насильственного решения межэтнических конфликтов. В то же время около 20 % населения в жесткой или смягченной форме все же допускают насилие в межэтнических конфликтах. Однако локализация сторонников такой позиции иная, чем в случае с этнонациональными установками. Заметно чаще, чем в среднем по стране, их можно встретить в «малой России» (райцентры и поселки городского типа), среди лиц без высшего образования, средне- и, особенно, неквалифицированных рабочих, где доля готовых к насилию в межнациональных конфликтах доходит почти до трети, а также в низкодоходных слоях населения. Это связано с тем, что в этих группах вообще выше толерантность к насилию как способу решения возникающих проблем. При этом роль этнической идентичности для них скорее средняя, чем высокая. Таким образом,

пока что в России высокой ролью этнонациональной идентичности в их жизни характеризуются одни, а высокой готовностью к применению в межнациональных конфликтах насилия — другие группы населения, что во многом пока смягчает ситуацию в данной сфере.

Рис. 2. Распределения значений показателей Шкалы допустимости насилия в решении межнациональных проблем, 2018, %

Важно отметить также, что среди россиян довольно устойчиво негативное отношение к силовому решению межэтнических конфликтов (рис. 3). Так, за период с марта 2015 г. по апрель 2018 г. колебания доли тех, кто имел не больше 1 балла по Шкале допустимости насилия в межэтнических конфликтах, составляли менее 6%. Устойчивы по их численности были и другие группы, выделенные на основе значений данной Шкалы, в том числе группы с максимальными значениями по ней, включающие либо склонных к применению насилия в решении межнациональных конфликтов, либо готовых такое насилие оправдывать и поддерживать.

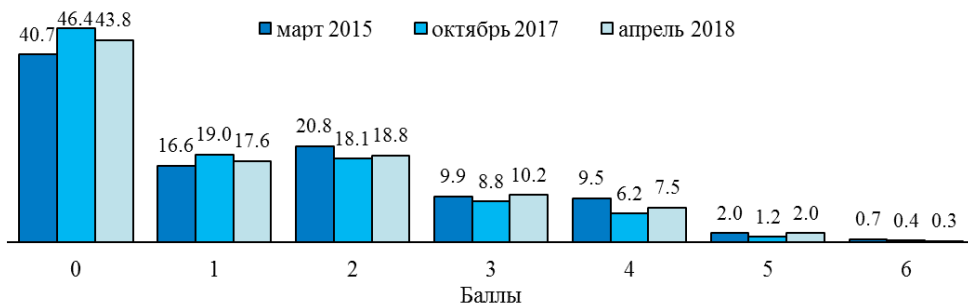

Рис. 3. Динамика распределения значений по Шкале допустимости насилия в межэтнических конфликтах, 2018, %

Суммирование значений двух рассмотренных Шкал и ряд последующих простейших линейных преобразований¹² для перевода исходных значений в интервал от 0 до 100 баллов позволили нам рассчитать интегральный Индекс потенциала этнонациональной напряженности (ИПЭН). Большая (от 0 до 100 баллов) шкала делений этого Индекса была избрана нами сознательно, поскольку обеспечивала возможность отлавливать даже небольшие изменения настроений россиян в области межнациональных отношений. Среднее значение этого Индекса весной 2018 г. составляло 31,6 балла, медианное — 27,8 балла, модальное — 22,2 балла, что в целом можно рассматривать как относительно невысокие значения. Однако если сравнивать эти показатели с характерными для осени 2017 г., то модальное значение увеличилось к маю 2018 г. на 5,5 балла (с 16,7 балла). Это говорит о том, что определенные негативные изменения в данной области происходят, хотя и не носят пока критического характера.

Далее для выделения на основе показателей Индекса этнонациональной напряженности групп с низким, средним и высоким потенциалом этнонациональной напряженности были использованы статистические¹³ и содержательные процедуры. Они показали, что пороги между соответствующими группами должны проходить на уровне 27 и 42 баллов, что примерно соответствовало для весны 2018 г. медиане и полутора медианам. Первая группа в апреле 2018 г. составила 42,3%, вторая — 34,9% и третья — 22,8%. Таким образом, для большинства россиян характерны низкий или средний уровни потенциала этнонациональной напряженности. Однако группа с высоким ее потенциалом для такой многонациональной страны, как Россия, уже сейчас опасно велика, а с учетом возможностей ее расширения в случае любого ухудшения ситуации за счет группы со средними показателями Индекса может стать критически большой.

Проверка эвристического потенциала построенного Индекса с помощью анализа связи его показателей с реально имеющими место на тех или иных территориях этнонациональными конфликтами показала, что его значения значимо (коэффициент Спирмена 0,266) коррелируют с частотой реального возникновения межэтнических конфликтов по месту проживания респондентов. Среди россиян с высоким уровнем этнонациональной напряженности весной 2018 г. только около 40% утверждали, что в их населенном пункте не бывает столкновений на почве национальной неприязни, в то время как в группе со средним потенциалом этнонациональной напряженности таких насчитывалось более половины, а в группе с низкими значениями ИПЭН — даже почти три четверти (см. табл. 4). Верно и обратное: там, где случаются столкновения на национальной почве, значения ИПЭН заметно выше. Так, у жителей тех населенных пунктов, где эти столкновения встречаются часто, среднее значение ИПЭН составляло 47,71 балла, где они бывают редко — 35,85 балла, а где их вообще не бывает — 28,19 баллов.

¹² Для корректного суммирования с помощью линейного нормирования мы привели все субшкалы в один числовой интервал от 0 до 1, а интегральный показатель был переведен в диапазон от 0 до 100 баллов.

¹³ Использовался метод двухэтапного кластерного анализа. Среднее силуэтной меры связности 0,7, качество модели хорошее. После 42 баллов по ИПЭН из классификации полностью исчезали относящиеся не к верхнему кластеру респонденты, что можно рассматривать как свидетельство безусловного отклонения значений более чем в 42 балла от нормы.

Конечно, отчасти эти различия (как и показатель в 40 % имеющих высокие баллы ИПЭН при отсутствии по месту их жительства межнациональных конфликтов) могут быть вызваны теми эффектами конструирования социальной реальности под влиянием соответствующих установок, о которых мы писали в начале статьи. Однако как масштабы различий между группами с разными показателями Индекса, так и территориальная локализация его высоких значений в тех регионах, сложность ситуации в области межнациональных отношений в которых уже хорошо известна, говорят о наличии объективной основы для таких различий. Кроме того, косвенно этот результат является еще одним свидетельством достаточной корректности установленных нами границ для выделения низких значений Индекса и вывода о том, что безусловно благополучные умонастроения в этнонациональной сфере характеризуют только группу с низкими значениями Индекса.

Таблица 4. Частота возникновения столкновений на почве национальной неприязни в их населенных пунктах по оценкам представителей групп с разными значениями ИПЭН, 2018, %

Столкновения случаются:	Потенциал этноконфессиональной напряженности			По массиву в целом
	Низкий N = 1519	Средний N = 1817	Высокий N = 630	
Часто	1,8 ---	2,3 ---	9,0 +++	3,1
Редко	25,5 ---	41,9 +++	49,4 +++	37,0
Не бывает	72,7 +++	55,8 ---	41,6 ---	59,9

Показатели, связанные с межэтническими установками индивидов, всегда требуют анализа через призму региональной и поселенческой дифференциации населения страны. В этой связи, даже учитывая тот факт, что использованные массивы данных не репрезентировали население субъектов Российской Федерации, мы все-таки провели проверку наличия такой дифференциации. Эвристические возможности ИПЭН оказались достаточны, чтобы выявить некоторые проблемные с точки зрения этнонациональной напряженности территориальные образования. И первое, что хотелось бы отметить в связи с локализацией очагов этой напряженности, — это значимую корреляцию между значениями полученного Индекса и плотностью населения¹⁴ в регионе: чем последняя выше, тем больше вероятность встретить в регионе людей с высоким потенциалом этнонациональной напряженности. Верно и обратное: наиболее высокие показатели плотности населения по месту проживания (689,2 человек на квадратный километр) характеризуют группу с высокими значениями ИПЭН. При этом в группе со средни-

¹⁴ Рассчитывалась по данным Росстата: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения 24.07.2018 г.) и данным Росреестра: Распределение земель Российской Федерации по категориям в разрезе субъектов Российской Федерации на 01.01.2018. URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-monitoring-zemel/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 24.07.2018 г.).

ми значениями ИПЭН средняя плотность населения составляла 521,1 человека на квадратный километр, а в группе с низкими его значениями — 419,1 человек на квадратный километр. Медианные показатели составляли, соответственно, 41,9; 39,6 и 35,1 человек на квадратный километр. Неудивительно в этом контексте, что максимальные значения ИПЭН фиксируются в поселенческом разрезе в Москве и Санкт-Петербурге: среди их жителей почти треть (30,9%) попали в группу с высоким потенциалом этнонациональной напряженности. В других типах городов этот показатель составлял от пятой части до четверти населения.

В сельской местности доля группы с высокими значениями ИПЭН была минимальна (19,9%). В то же время именно в сельской местности наблюдалась максимальная дифференциация значений ИПЭН по регионам. Больше всего (из 29 регионов, входивших в выборку использованной базы данных) сельских жителей с высокими значениями ИПЭН было в Саратовской и Ульяновской областях, а также в Татарстане — во всех этих субъектах Федерации доля данной группы в населении намного превышала треть. При этом в регионах с практически мононациональным населением в сельской местности (Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Архангельская область) группа с высокими значениями ИПЭН в селах практически отсутствовала. Впрочем, еще раз оговоримся, что наша выборка не была репрезентативной по регионам и, тем более, по их сельским поселениям. Поэтому при несомненности общих выводов о роли плотности населения и моноэтничности сёл для более низких показателей ИПЭН приводимые данные по отдельным регионам достаточно условны.

Отметим также, что, если говорить не только о сельской местности, но и о регионах в целом, то, помимо уже упоминавшихся крупнейших российских мегаполисов, наиболее высоким потенциалом этнонациональной напряженности весной 2018 г. характеризовались Московская, Саратовская и Нижегородская области. В этих же регионах были максимальные, если не считать Москву и Санкт-Петербург, значения показателя плотности населения из имевшихся в выборке — медиана по Московской области составляла 33,3 (среднее 36,4 человека на квадратный километр), по Саратовской области эти показатели составляли 33,3 и 37,5, а по Нижегородской — 36,1 и 39,1. Высокие значения у этого показателя были и в уже упоминавшейся Ульяновской области (34,7 и 35,3), но в ней основные проблемы в межэтнической сфере не были равномерно распределены по всей территории, а концентрировались преимущественно в сельской местности. Примерно та же картина характерна и для Татарстана (с его показателями плотности населения 34,7 и 35,1 человек на квадратный километр), а также некоторых других регионов. В то же время в регионах с низкими значениями плотности населения — например, в Архангельской и Новгородской областях, Республике Калмыкия, — группа с высокими значениями ИПЭН составляла лишь 2%-6% их населения.

Это говорит о том, что, хотя использованный нами массив данных, как уже упоминалось, не был репрезентативен на региональном уровне, но даже при этом условии полученные результаты можно рассматривать как достаточно надежные. Во-первых, потому что в соответствии с постулатами экономического инструментализма вполне логично, что плотность населения при характерной для всех россий-

ских регионов нехватке ресурсов в случае полиэтничности населения заведомо ведет к росту межнациональной напряженности. А во-вторых, потому что среди регионов с высокими показателями ИПЭН оказались в основном те же регионы, которые были выделены в качестве территорий концентрации этнонациональной напряженности и в масштабном исследовании Центра изучения национальных конфликтов Института социологии ФНИСЦ РАН в 2013-2014 гг., методология которого отличалась от выбранной нами¹⁵. Совпадение во многом наших результатов с результатами полученного по результатам этого исследования Рейтинга межэтнической напряженности в регионах России говорит не только о достаточной надежности использованной нами методики, но и о том, что в большинстве случаев напряженность в межнациональной сфере накапливается годами и носит устойчивый характер — ведь наши данные относились не просто к другому времени (исследования разделяло четыре года), но отчасти и к другой эпохе, поскольку одно исследование проводилось до кризиса 2014-2016 гг., сильно повлиявшего на все российское общество, а второе — уже после него.

Оценивая эвристические возможности Индекса потенциала этнонациональной напряженности, мы проверили и от чего зависит принадлежность к той или иной группе, выделенной на основе его значений. Для этого нами были использованы алгоритмы CHAID (Chi-square automatic interaction detection), обычно применяемые для эффективного поиска взаимосвязи между большим числом переменных, а также для построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В данном случае мы использовали первую функцию, что позволило выделить из нескольких сотен анализировавшихся переменных массива наиболее статистически значимые особенности жизни и установок представителей рассматривавшихся групп¹⁶, которые были затем проверены в ходе содержательного анализа.

Как оказалось, основные факторы, определяющие принадлежность к той или иной группе по ИПЭН, распадаются на несколько типов. Один из них включает факторы, которые социологи традиционно учитывают в своем анализе. Из них наиболее значимыми оказались пол (вероятность встретить людей с высокими значениями Индекса среди мужчин была почти в 1,5 раза выше, чем среди женщин) и опыт недавней безработицы, повышавший шансы на попадание в эту группу почти вдвое. Имела значение и принадлежность к низко- и неквалифицированным рабочим, работникам торговли, а также предпринимателям и самозанятым, то есть к группам, которые чаще сталкиваются с конкуренцией со стороны инонациональных мигрантов за рабочие места или определенные сегменты различных рынков. Все остальные традиционные основания анализа

¹⁵ Это исследование включало в себя два блока. Во-первых, это был мониторинг открытых источников на предмет выявления зон локализации потенциала межэтнических конфликтов. А во-вторых, в него входил опрос 81 эксперта регионального и федерального уровня (ученых, представителей общественных советов по соответствующей тематике, общественных деятелей, журналистов, сотрудников правоохранительных служб, представителей национально-культурных объединений и пр.). Результатом обработки полученных данных стал Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. См. более подробно: Гроздьга гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 — весна 2014 года. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html> (дата обращения: 10.06.2019).

¹⁶ В алгоритме CHAID значимость предикторов с целевой переменной оценивается не через абсолютное значение статистики Хи-квадрат, а через значение p-value (см. подробнее: [Жучкова, Ротмистров, 2019]). В нашем исследовании для содержательного анализа отбирались факторы, значение p-value которых не превышало 0,001.

(возраст, образование, уровень доходов и т. п.) оказались для потенциала этнонациональной напряженности малозначимы. Второй тип факторов, повышающих вероятность оказаться в группе людей с высоким потенциалом этнонациональной напряженности, был связан с относительным субъективным неблагополучием человека и объединял такие особенности представителей этой группы, как болезненно переживаемое плохое материальное положение в сочетании с большими амбициями и ощущением несправедливости своего нынешнего места в обществе. Третья группа этих факторов оказалась связана с социально-психологическими особенностями россиян с высокими значениями ИПЭН. Круг их интересов имеет гораздо менее разносторонний характер, чем у групп с низкими и даже средними его значениями — они реже читают, реже приобретают новые знания, реже общаются с друзьями и т. д. Отсутствие длительного горизонта планирования (56,3% вообще не планируют свою жизнь, и еще 30,2% планируют ее не больше, чем на год) на фоне относительного неблагополучия жизни усиливают их общую тревожность. В итоге среди них заметно больше доля тех, кого беспокоят возможность межэтнических конфликтов, распространение религиозного экстремизма, возможность новой революции в России и другие страхи. При этом в возможность власти успешно ответить на стоящие перед ней в современном мире вызовы россияне с высоким потенциалом этноконфессиональной напряженности верят меньше, чем остальное население страны. Естественно, что при этих особенностях они, с одной стороны, стараются найти психологическую защиту в такой аскриптивной идентичности, как этнонациональная принадлежность, а с другой — в большей степени готовы «свалить вину» за собственное относительное неблагополучие в условиях обострения борьбы за ресурсы (в том числе и рабочие места) на своей территории на «инородцев».

Это говорит о том, что в настоящий момент наиболее перспективным для анализа этнонациональной напряженности в России в рамках этносоциологии является экономический инструментализм, рассматривающий неблагоприятные экономические позиции индивидов как ключевой фактор обострения в их сознании межэтнического противостояния. Большое значение имеют в этом отношении также некоторые социально-психологические особенности личности, в частности суженность ее идентификационного пространства, в результате которых идентичность с определенным этносом начинает играть для человека особую роль и ведет к повышению значимости этнонациональной идентичности в той картине мира, которую конструирует индивид.

Выводы

Одной из важных задач значительной части массовых опросов является получение информации о социальной напряженности в стране, в том числе межнациональной. Однако в большинстве случаев это не центральная задача, а лишь одна из реализуемых в ходе исследования. Более того, люди, проводящие такие исследования, не являются специалистами в сфере межнациональных отношений. Для такого рода ситуаций нужен простой и включающий минимальный набор вопросов инструмент анализа. Описанная в данной статье методика — упрощенная и адаптированная для массовых опросов версия методики, разработанной

признанными специалистами в области межнациональных отношений и социальной психологии И. М. Кузнецовым и О. Е. Хухлаевым, является именно таким инструментом. Кроме того, каждый из вопросов, входящих в расчет лежащего в ее основе Индекса, а также обе Шкалы, на основе которых рассчитывается этот Индекс, рассматриваемые отдельно, дают исследователям дополнительную информацию. Так, Шкала этнонациональных установок демонстрирует степень выраженности дифференциации общества на «мы — они» по критерию этнонациональной принадлежности и актуализированность соответствующей идентичности, а Шкала допустимости насилия в решении межнациональных проблем позволяет получить информацию о готовности представителей определенного сообщества к насилию как таковому. В итоге предложенная методика позволяет при минимуме вопросов на тему межнациональных отношений в исследовании достаточно точно замерять степень этнонациональной напряженности, выявлять ее очаги, определять факторы, способствующие повышению или снижению ее уровня и т. д.

Проверка эвристических возможностей Индекса показала, что его показатели тесно связаны с реальными событиями, происходящими в соответствующей сфере по месту жительства респондентов. Кроме того, с помощью разработанного Индекса этнонациональной напряженности оказалось возможным выявить факторы, влияющие на уровень этой напряженности. Эти факторы имеют под собой как объективные, так и субъективные основания. К числу первых относится плотность населения в регионе или населенном пункте, а также моно- или многонациональный характер населения. Если же говорить о факторах микроуровня, то для выраженности соответствующих негативных умонастроений значим неблагоприятный опыт трудовой деятельности человека, и прежде всего опыт недавней безработицы. Учитывая, что высокий потенциал этнонациональной напряженности присущ в первую очередь предпринимателям, самозанятым, а также низко- и неквалифицированным рабочим и работникам торговли, которые чаще сталкиваются с конкуренцией со стороны инонациональных мигрантов, понятно, что здесь сказывается опыт их борьбы за ресурсы, в числе которых рабочие места или определенные сегменты тех или иных рынков. Если же говорить о факторах субъективного характера, то для россиян с высоким потенциалом этнонациональной напряженности (численность которых составляет примерно пятую часть взрослого населения) в большей степени, чем для остального населения страны, характерны болезненное переживание своего материального положения, завышенные амбиции, ощущение несправедливости собственного места в обществе, суженный спектр интересов в повседневной жизни и относительно меньшее число групп, с которыми они себя идентифицируют. Отсутствие длительного горизонта планирования на фоне относительного неблагополучия их жизни усиливает их общую тревожность и потребность найти психологическую защиту в такой аскриптивной идентичности, как этнонациональная принадлежность. С другой стороны, они в большей степени готовы «свалить вину» за собственное неблагополучие в условиях обострения борьбы за ресурсы на представителей других национальностей.

Это означает, что в случае ухудшения положения соответствующих социальных типажей, присутствующих сейчас во всех слоях и группах общества, можно ожидать дальнейшего роста межнациональной напряженности, особенно в регионах

с их большей концентрацией. Наиболее опасен будет по своим последствиям этот рост напряженности в регионах с высокой плотностью населения, а также многонациональным составом жителей.

Список литературы (References)

Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М. : Аспект Пресс, 1999.

Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L. M., Susokolov A. A. (1999) Ethnoscology. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Балацкий Е. В. Методы диагностики социального самочувствия населения // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2005. № 3 (75). С. 47—53.

Balatskii E. V. (2005) Methods of diagnostics of the social feeling of the population. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 47—53. (In Russ.)

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. 3-е изд. М. : Либроком, 2009.

Bromley Yu.V. (2009) Essays on the theory of ethnos. Moscow: Librokom. (In Russ.)

Влияние кризиса на удовлетворенность россиян своей жизнью и их социально-психологическое самочувствие // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М. : Весь Мир, 2016. С. 41—65. The impact of the crisis on Russians' satisfaction with their lives and their socio-psychological feeling (2016) In: *Gorshkov M. K. (ed.) Tikhonova N. E. (ed.) Russian society and the challenges of the time*. Book three. Moscow: Ves' Mir. P. 41—65. (In Russ.)

Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М. : Новый хронограф, 2013.

Drobizheva L. M. (2013) Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. 20 years' experience. Moscow: Novyi chronograph. (In Russ.)

Жучкова С. В., Ротмистров А. Н. Поиск многомерной связи категориальных признаков: сравнение CHAID, логлинейного анализа и множественного анализа соответствий // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 32—53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.02>. Zhuchkova S. V., Rotmistrov A. N. (2019) In search of multivariate associations: comparison of CHAID, loglinear analysis, and multiple correspondence analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 32—53. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.02>.

Кузнецов И. М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58—80

Kuznetsov I. (2017) The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations. *Universe of Russia*. Vol. 26. No. 1. P. 58—80. (In Russ.)

Кузнецов И. М., Хухлаев О. Е. Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // Социальная психология и общество. 2013. № 1. С. 104—113.

Kuznetsov I. M., Khukhlaev O. E. (2013) Social Psychological Monitoring of Interethnic Conflicts Methodology and Practice. *Social Psychology and Society*. No. 1. P. 104—113. (In Russ.)

Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>.
Latova N. V. (2016) Russian satisfaction with life during the crisis: 2015 as a year of bifurcation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 16—37. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>.

Латова Н. В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997—2017) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 65—78. <https://doi.org/10.7868/s0132162517120078>.

Latova N. V. (2017) Dynamics and factors of life satisfaction of Russians (1997—2017). *Sociological Studies*. No 12. P. 65—78. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/s0132162517120078>.

Латова Н. В. Особенности кризисного социально-психологического состояния общества: от 1998-го к 2015-му // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Издательство Весь Мир, 2015. С. 12—30.

Latova N. V. (2015) Features of the crisis socio-psychological state of society: from 1998 to 2015. In: Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (ed.) *Russian society and the challenges of the time*. Book 2. Moscow: Ves' Mir. P. 12—30. (In Russ.)

Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / отв. ред. Л. М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 1998.

Drobizheva L. M. (ed.) (1998) Social and cultural distance: the Experience of multinational Russia. Moscow: Institute of sociology RAS. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19—33.

Tikhonova N. E. (2015) Russians' life satisfaction: dynamics and factors. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 19—33. (In Russ.)

Тишков В. А. Этнос или этничность? // Этнология и политика. М.: Наука. 2001. С. 229—233.

Tishkov V. A. (2001) Ethnic group or ethnicity? *Ethnology and politics*. Moscow: Science. P. 229—233. (In Russ.)

Эккель В. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33—39.

Ekkel' V. M. (1976) Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR. *Soviet Ethnography*. No. 2. P. 33—39.

Esteban J. M., Ray D. (1994) On the measurement of polarization. *Econometrica*. Vol. 62. No. 4. P. 819—851.

Greenberg J. H. (1956) The Measurement of Linguistic Diversity. *Language*. Vol. 32. No. 1. P. 109—115.

Reynal-Querol M. (2002) Ethnicity, Political Systems and Civil War. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 46. No. 1. P. 29—55. <https://doi.org/10.1177/0022002702046001003>.

Taylor C. L., Hudson M. C. (1972) *The World Handbook of Political and Social Indicators*. 2nd ed. New Haven, CT: Yale University Press. 443 p.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.08

Правильная ссылка на статью:

Григорьева И. А., Сизова И. Л., Москвина А. Ю. Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 153—172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.08>.

For citation:

Grigoryeva I. A., Sizova I. L., Moskvinina A. Yu. (2019) Social services for the elderly: implementation of the Federal Law No. 442 and future prospects. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 153—172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.08>.

И. А. Григорьева, И. Л. Сизова, А. Ю. Москвина СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ПОЖИЛЫХ: РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 442 И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ПОЖИЛЫХ: РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 442 И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

SOCIAL SERVICES FOR THE ELDERLY: IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL LAW NO. 442 AND FUTURE PROSPECTS

ГРИГОРЬЕВА Ирина Андреевна — доктор социологических наук, профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: soc28@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8348-2954>

*Irina A. GRIGORYEVA*¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Faculty of Sociology
E-MAIL: soc28@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8348-2954>

СИЗОВА Ирина Леонидовна — доктор социологических наук, профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: Sizoval@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5656-0670>

*Irina L. SIZOVA*¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Faculty of Sociology
E-MAIL: Sizoval@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5656-0670>

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

МОСКВИНА Анастасия Юрьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социального предпринимательства и социальных инноваций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aymoskvina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8252-2085>

Anastasia Yu. MOSKVINA² — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Center for Social Entrepreneurship and Social Innovation
E-MAIL: aymoskvina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8252-2085>

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье обсуждаются современное состояние и перспективы развития социального обслуживания пожилых в России после вступления в действие в 2015 г. Федерального закона № 442 от 22 декабря 2013 г. Основное внимание уделено противоречивому характеру реформирования и его последствиям. Децентрализация управления и передача полномочий по реализации ФЗ-442 в регионы связаны с разным пониманием задач, поставленных государством перед стейкхолдерами. В результате реформирования меняется логика социального обслуживания населения: клиенты становятся потребителями и покупателями, государственные социальные службы теряют монополию и вынужденно взаимодействуют с остальными поставщиками социальных услуг в конкурентной рыночной среде. Из-за высокой степени самостоятельности регионов в толковании положений федерального закона оценить степень изменений и улучшение качества социального обслуживания трудно. Авторы анализируют итоги эмпирического качественного исследования процесса реформирования социального обслуживания в одном из центральных регионов России (Нижегород). На основе анализа транскриптов полустандартизированных интервью с участниками

Abstract. The article discusses the present condition and future prospects of the development of social servicing in Russia after the coming into force of the Federal Law No. 442 (dated December 22, 2013). The focus of the study is an ambiguous character of the reform and the related consequences. Administrative decentralization and delegation of power to regions according to this law is driven by the tasks set by the government for the stakeholders. The reforms are designed to change the logic of the provision of social services: clients, mainly female clients, would become customers, and former monopolists, state social services, would become one of the providers of social services which should interact with each other on a competitive basis. However due to high independence of regions in interpretation of the law provisions it is rather difficult to assess the degree of changes and quality improvements in social servicing. The authors provide an analysis of empirical qualitative survey conducted in a central region in Russia (Nizhny Novgorod). Using the data of semi-standardized interviews with the stakeholders involving in the implementation of the Federal Law no. 442 the authors discuss the key topics unveiling the specifics of the ongoing changes and explain the future prospects.

реализации ФЗ-442 выделены и обсуждены наиболее значимые темы, демонстрирующие специфику и особенности происходящих изменений, а также ближайшие перспективы в его развитии.

Результаты исследования показывают ограничение как свободы выбора клиентов, так и формирования из них активных потребителей социальных услуг, погоню за массовостью услуг и количеством потребителей, повышение нормативов обслуживания, сопротивление необходимости конкуренции и желание сохранить сложившееся положение вещей. Авторы заключают, что адресность помощи и взаимность как важнейшие современные принципы социальной работы в России не реализуются. Необходимо активизировать ресурсы клиентов, сформировать систему взаимодействия государства, коммерческого и общественного секторов для обновления социального обслуживания пожилых.

Ключевые слова: ФЗ № 442, реформы, социальное обслуживание пожилых, потребитель, государственно-частное партнерство, перспективы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

The findings of the study reveal restrictions concerning clients' freedom of choice and an attempt to turn the clients into active users of social services. Other restrictions include pursuit of massive involvement and high numbers of clients, increase of costs of services, refusal to participate in competition and strive to maintain the status-quo. The authors conclude that the fundamental principles of social services such as targeting of provision of services and reciprocity will not be implemented in Russia. In order to reform social support services for the elderly it is essential to employ the resources of clients and to build a system of interactions between the state, private and public sectors.

Keywords: Federal Law N 442, reforms, social services for elderly, consumer, public-private partnership, prospects

Acknowledgments. The study was performed at St. Petersburg State University (Russia) and supported by the Russian Science Foundation grant 19-18-00246.

Переосмысление места и роли пожилых людей в обществе привело к пониманию необходимости решения актуальных проблем этой социально-возрастной группы. Но весь период деятельности современной российской власти она производила противоречивые импульсы, а стратегические цели социального развития

так и не были сформулированы. Можно согласиться с Л. В. Константиновой в том, что «стратегическая парадигма развития социальной сферы... трансформировалась в парадигму оптимизации, которая стала центральным вектором социальных реформ, приобретающих все в более очевидной степени структурный характер» [Константинова, 2017]. Социальное обслуживание пожилых получило институциональное закрепление с принятием двух законов о социальном обслуживании в 1995 г. В этих законах были сформулированы основные направления социальной политики в отношении разных категорий граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. «Трудная жизненная ситуация — ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может преодолеть самостоятельно»¹.

Положение пожилых граждан в этом контексте в первую очередь связывалось с неспособностью к самообслуживанию. Акцент на других потребностях и проблемах именно пожилых людей не делался, хотя можно видеть, что многие из них (безработица как исключенность из сферы профессиональной занятости, одиночество, малообеспеченность etc.) могут ухудшать положение пожилого человека. При этом способность/неспособность к самообслуживанию так и не нашла отражения в системе индикаторов оценки для необходимого обслуживания, осталась обобщенной характеристикой всей совокупности пожилых. По отношению к людям 55-60 лет признание неспособности выглядит дискриминационно. Даже обслуживание людей 80+ нуждается в оценке степени их утраты способности к самообслуживанию. Также неправомерно способность к самообслуживанию приравнивать к способности к самообеспечению через установление возраста права на обслуживание, одинакового с пенсионным.

На этом фоне начавшееся реформирование социального обслуживания выглядит противоречиво и непоследовательно, как советская и постсоветская социальная политика в целом [Григорьева, 2017; Gazing, 2011; Тарасенко, 2015: 163].

Ближайшие перспективы в развитии социального обслуживания пожилых в стране связаны с принятием в 2013 г. Федерального закона № 442, вступившего в силу 1 января 2015 г.² Если до 2015 г. социальные сервисы в России расширялись, увеличивалось их многообразие, что было вызвано попытками охватить и профилировать все мыслимые социальные риски (правда, с существенной поправкой на региональные возможности), то теперь поставлены новые задачи, которые должны трансформировать социальное обслуживание пожилых. К ним относятся следующие важнейшие задачи:

- создание условий для предоставления услуг населению коммерческими и общественными организациями;

¹ Федеральный Закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». № 195 –ФЗ от 10.12.1995; Федеральный Закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» N 122-ФЗ от 02.08.1995.

² Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». № 442-ФЗ от 28.12.2013.

- отказ от монополии государственных услуг в пользу этих форм или аутсорсинга;
- изменение номинации «клиент» на номинацию «потребитель» и соответствующее изменение характера предложения услуг;
- переход на платное или частично платное обслуживание для пожилых, чьи доходы превышают полтора прожиточных минимума.

Первые две задачи можно истолковать как рекомендации по частичному разгосударствлению социального обслуживания (пока рекомендовано закупать 10 % услуг, в дальнейшем — больше) и отказу от государственной монополии в производстве и финансировании услуг [Климова, 2017]. Очевидно, что отказаться от государственного финансирования могут только коммерческие организации, хотя многие из них, в связи с низкой платежеспособностью потребителей, успешно используют механизм государственно-частного партнерства (ГЧП). Особенно это характерно для коммерческих стационарных учреждений для пожилых. ГЧП делает их услуги приемлемыми по стоимости, наряду с более высоким качеством обслуживания, чем в государственных домах-интернатах. А для общественных организаций возможен путь грантовой поддержки или государственных субсидий. Для этого в законодательстве появилось понятие социально ориентированных НКО³ [Ivashinenko, Varyzgina 2017], которые рассматриваются как приоритетные адресаты государственных субсидий и президентских грантов НКО.

Основные черты и противоречия реформирования системы социального обслуживания с 2015 г.

ФЗ-442 вернулся к адресности и оплате социальных услуг, в первую очередь надомных и досуговых. Нужно отметить, что за время, прошедшее с принятия Закона «О внесении изменений и дополнений...»⁴, который вошел в историю как «Закон о монетизации льгот», население привыкло к платным сервисам и не отреагировало протестами на введение платных услуг, как это случилось в 2005 г. [Григорьева, 2006]. Данный факт зафиксирован в наших исследованиях социального обслуживания населения после принятия и начала реализации ФЗ-442 в нескольких субъектах РФ. Единственная возможность сопротивления нововведениям проявляется в отказе от многих услуг или отказе от обслуживания пожилыми и инвалидами с низкой степенью платежеспособности — при наличии соседской поддержки или помощи родственников.

Исчерпывающе проанализировать изменения социального обслуживания за прошедшие четыре года мешает то, что каждый из 85 субъектов РФ был обязан принять и принял собственный закон и подзаконные акты во исполнение ФЗ-442. В российской «глубинке» это вынуждает социальных работников оказывать больше услуг, чем они показывают в отчетности, совмещать роли профессионалов и волонтеров. Такое переплетение «холодной» и «теплой» заботы возможно в основном в провинции, где мало рабочих мест, особенно для женщин, поэтому там

³ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» № 40-ФЗ от 05.04.2010 г.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации» № 122-ФЗ от 22.08.2004.

взаимодействия потребителей и социальных работников выглядят человечнее и разнообразнее. В больших городах, например, в Санкт-Петербурге, «более эффективное» обслуживание в региональном законе подразумевает просто повышение нормативов. Теперь вместо восьми обслуживаемых на дому пожилых социальный работник на одну ставку должен обслужить 11 человек. Это вызвало волну увольнений, поскольку привлекательность занятости в социальном обслуживании на дому была тесно связана с большим количеством времени, которое «оставалось» благодаря тому, что прежние нормативы были невысоки. Естественно, это время социальный работник уделял своей семье. При этом обоснованная оценка нуждаемости в обслуживании на основе замеров способности к самообслуживанию, принятая в западных странах, так и не внедрена. Обслуживание не стало более гибким и ориентированным на нужды потребителя.

Важно подчеркнуть, что декларированная ФЗ-442 необходимость восприятия клиентов социальных служб как покупателей и потребителей меняет логику социального обслуживания. С одной стороны, номинация «клиент» подчеркивала зависимый от государственной помощи статус получателя, его пассивную роль в этом процессе. Сами клиенты видели в социальной работе только обязанности по отношению к ним, тогда как вопрос ответственности за свое положение и за получаемую помощь даже не ставился. С другой стороны, развитие рынка услуг заставляет поставщиков навязывать определенные услуги [Куприянова, 2009]. Пока компенсируется оказание, как правило, дешевых услуг, даже если они не нравятся пожилым. Но раз клиент в новом законе получил название «получатель социальных услуг», то он должен постепенно обретать свободу в их выборе, быть подготовленным, грамотным, инициативным, знать, кто и какие услуги предоставляет, уметь и мочь выбирать между государственными и негосударственными поставщиками, оценивать их качество.

В каждом регионе установлен свой набор подзаконных актов для исполнения Федерального закона, который носит рамочный характер. Перечни услуг и индивидуальные планы обслуживания / индивидуальные планы предоставления социальных услуг (ИПО/ИПСУ) могут заметно различаться, поэтому обсуждать степень их рациональности и улучшения качества обслуживания в целом для России затруднительно. Льготы в разных субъектах РФ сохранены для разных категорий получателей. Где-то они остались у ветеранов, где-то — у инвалидов, но чаще основную льготную категорию составляют «малообеспеченные», кто бы не входил в их число. Пока очевидна лишь погоня за массовостью услуг или количеством потребителей, а не за соответствием услуг действительным потребностям и нуждам. Клиентов не учат важнейшим приемам ухода за собой, необходимым для сохранения способности к самообслуживанию, впрочем, для этого, как правило, не хватает квалификации социальных работников.

Уход за собой для многих пожилых не осознается как «инвестиция, которая всегда себя окупит»⁵. Поэтому многие пожилые, даже женщины, перестают следить за собой, регулярно мыться, одеваться аккуратно и со вкусом. Социальные работники избегают оказывать «содействие в принятии ванны» — по нормативам на эту

⁵ Майборода Н. «Уход за собой — это инвестиция, которая всегда себя окупит» // Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/emc/349297-uhod-za-soboy-eto-investiciya-kotoraya-vsegda-sebya-okupit> (дата обращения: 20.08.2019).

услугу отводится 30 минут. Неохотно оказывается и помощь в уборке квартиры. Чтение и беседы вообще были убраны из услуг, рекомендованных для включения в индивидуальные планы предоставления социальных услуг [Парфенова, 2017].

Следуя логике либерализации, государство снижает затраты на социальное обслуживание, что создает дополнительные проблемы с рациональным адресованием. Даже в нашем, по мировым меркам минимальном социальном государстве образуются разные группы «зайцев», то есть тех, кто пользуется услугами, но ничего не делает для возмещения этого общественного блага. Такая ситуация может быть вынужденной в силу проблем с занятостью, особенно в провинции, где прекарные жизненные условия характерны не только для мигрантов, но в первую очередь для групп молодежи, молодых одиноких женщин с детьми, людей предпенсионного возраста и др. Драматизм ситуации адресования в обслуживании пожилых повышает еще и то, что в ряде регионов право на бесплатное обслуживание сохранилось только у людей, которые большую часть жизни провели в «местах не столь отдаленных» и пенсию не заработали. Они получают как доплату до прожиточного минимума, так и бесплатные услуги. А ведь пожилые привыкли считать, что льготы, то есть бесплатность, даются за заслуги, подчеркивают почетный статус получателя. Принятое последние годы адресование только на основе низкой пенсии создает у многих пожилых когнитивный диссонанс.

В прикладной части статьи мы проиллюстрируем сделанные заключения и покажем опыт реформирования системы социального обслуживания пожилых в одном из крупных промышленных регионов России.

Реализация реформ в регионах России (на примере Нижегородской области)

Методология и методика исследования

В эмпирическом исследовании изучался типичный центр социального обслуживания населения в областном центре. Такие центры предоставляют весь комплекс социальных услуг, например, надомное обслуживание, дневное пребывание, срочную социальную помощь, медико-социальное обслуживание, социальную реабилитацию. В Нижнем Новгороде в течение мая 2017 г. была проведена серия полустандартизированных интервью с участниками процесса реализации ФЗ-442. Опрошены руководители центров социального обслуживания: директор областного комплексного центра социального обслуживания населения (1); директор районного центра социального обслуживания населения (2); заведующий отделением надомного обслуживания одного из районных центров (3).

С социальной, демографической и профессиональной точки зрения опрошенных руководителей можно охарактеризовать следующим образом: мужчины и женщины, в возрасте от 50 до 60 лет, имеющие высшее образование (не в области социальной работы), значительное время работающие в данной сфере и долгое время занимающие руководящие позиции. С другой стороны, были проведены интервью с тремя получательницами социальных услуг. Все респондентки в момент опроса были в возрасте от 66 до 76 лет. Они посещали группы дневного пребывания в центрах социального обслуживания, выглядели (и сами характеризовали себя) относительно здоровыми и благополучными женщинами.

Целью исследования было выявление особенностей и специфики реализации ФЗ-442 в регионах. Материалы интервью фиксировались на цифровые носители, транскрибировались и анализировались содержательно.

Результаты интервью

Содержательный анализ транскриптов интервью и результатов невключенного наблюдения позволили поделить итоги на ряд тематических блоков, которые были озаглавлены с учетом одной наиболее значимой особенности, вокруг которой сформировался блок мнений и суждений респондентов. Все существенные темы для выявления новых перспектив реализации социального обслуживания в России представлены ниже. Структурно эти темы сформированы таким образом, что, во-первых, авторы характеризуют и интерпретируют различные действия по реализации ФЗ-442 в центрах социального обслуживания населения (ЦСОН), которые сложились к моменту проведения интервью. Во-вторых, для иллюстрации и подтверждения авторских выводов цитируются особенно релевантные темам транскрибированные высказывания респондентов.

Тема 1. Ограниченный выбор

Вначале следует указать, что ФЗ-442 в регионах в целом реализуется. Об этом свидетельствует, например, предоставление клиентам выбора, в каком центре они могут получить требуемую услугу. Выбор заключается только в перераспределении клиентов между государственными службами, как в случае Нижнего Новгорода, между районными и городским ЦСОН, но также дана возможность получить услугу не по месту прописки, а по месту реального проживания. Последнее довольно существенно улучшает доступ к услугам для пожилых, которые часто живут не там, где прописаны.

Для предоставления услуг выбирается НКО только в том случае, если подобных нет в госучреждениях. Кроме того, часто сами ЦСОН контролируют предоставление такой услуги НКО, например, оказывая давление на «своего» клиента или «помогая» ему заключить договор со сторонней организацией. Такая свобода выбора крайне условна еще и потому, что ЦСОН налаживают контакты с теми НКО, с которыми у них нет общего конкурентного поля.

В Реестре поставщиков социальных услуг Нижегородской области состоит 33 поставщика, работающих в Нижнем Новгороде. Из них семь — НКО и пять — ООО/ИП, остальные — бюджетные или казенные учреждения (Реестр 2017). В двух из восьми районов города все поставщики представлены только госучреждениями, поэтому говорить о большом выборе для потребителей услуг и конкуренции поставщиков государственных и негосударственных пока еще рано: «442 закон, он сегодня, ну, будем говорить, дал большие, что ли, такие возможности потребителям услуг. Они сегодня имеют право выбора, то есть раньше мы в нашем районе брали только наших... пожилой человек сегодня не привязан к нам» (руководитель районного ЦСОН).

Кроме того, выбор клиентов заканчивается вместе с началом работы комиссии по составлению индивидуальной программы получателю услуг. Именно эта комиссия, а не сам клиент, решает, какие услуги необходимы клиенту.

«...442 закон определил нуждаемость... Нуждается клиент или нет, определяет комиссия... разработана определенная шкала критериев, по которым определяется нуждаемость. Ну, есть некоторые сегодня спорные моменты, но это разговор другого плана...» (зав. отделением надомного обслуживания районного ЦСОН).

Тема 2. Активизация государственных учреждений социального обслуживания населения

Федеральный закон № 442 заставил активизироваться не столько самих клиентов, сколько государственные учреждения. Для сохранения государственного финансирования они должны активнее привлекать клиентов, заманивать, как-то следить за качеством услуг, за поступающими жалобами и т. д.: «...Если мы не выполнили государственное задание, оно может быть урезано на следующий год. Подушевое финансирование...» (руководитель районного ЦСОН).

«...Мы можем найти таких клиентов, почему бы и нет. Обыденная пословица, человек ищет, где лучше... Если человек нашел, клиент нашел что-то лучшее, ну, конечно, как говорится, на доброе здоровье [речь наиграно апатична]. Но мы из этого должны сами сделать определенные выводы или какие-то уроки» (руководитель районного ЦСОН).

Тема 3. Ухудшение условий труда работников и кадры в центрах социального обслуживания населения

В ЦСОН отмечают рост трудовой нагрузки на линейных социальных работников. Кроме того, законодательство отменило условия для обеспечения их нормальной деятельности, например, возможность без очередей оплачивать счета клиентов, а также не предусмотрело защиту для них в случае агрессии со стороны клиента, хотя на социальное обслуживание теперь принимаются люди даже с серьезными психическими заболеваниями.

«...Уже начинаются психические отклонения, оно всегда было, а в старости... Деменцию, ее хотя бы можно как-то немножко оправдать... А когда просто из хулиганских побуждений? На голову мочу выльет сверху... Наступает внезапная агрессия — как правило, они не понимают, не осознают. Они дерутся, они обзывают, обижают, намеренно это делают... Мы сидельцев бывших берем, вот был у нас один такой. Терроризировал всех. Он вышел из тюрьмы. Инвалид первой группы по зрению... Там все министерство “на ушах” стояло. Он всех костерил, обзывал... Явная шизофрения, явная... Министерство приказало его бесплатно обслуживать... Чтобы он никого не донимал... А он все равно всех доставал...» (зав. отделением надомного обслуживания районного ЦСОН).

Приспосабливаясь к новым и худшим условиям труда, социальные работники и центры налаживают связи с определенными ведомствами, например, имеют «свои» дни при оплате газа, электричества. Такое неформальное взаимодействие складывается на условиях взаимного интереса, поскольку именно экономия рабочего времени давала прежде лучшие возможности для выполнения семейных обязанностей.

«...Когда просчитывается нагрузка, то очень много вот таких моментов... наших работников без очереди нигде не пускают. Ни в магазинах, ни на почте... В предыдущем

законе⁶ было написано, что мы имеем право на льготы в общественных организациях, в бытовых, в питании... Сейчас это убрали. У нас есть только право внеочередное в медицинских учреждениях. Но там же сидят такие же наши потенциальные клиенты... Если попробовать пойти без очереди, то там убьют. Ключками машут...» (руководитель районного ЦСОН).

«...Придет такой, что и двадцать миллионов раз надо объяснять, он все равно ничего не поймет и будет скандалить и всех заведет. Они ничего не выяснят и будут ходить каждый день... Есть некоторые врачи, которые знают, что это социальный работник, ну, это уже личные договоренности, взаимные симпатии...» (руководитель областного ЦСОН).

В данном случае особенно важно, какие кадры заняты в учреждениях. Минимально социальные работники должны обладать опытом, иметь нужные связи, имеет значение и возраст работников. Это становится проблемой для ЦСОН: меняется клиент, меняются условия деятельности. Речь пока не идет о профильном образовании, это бывшие учителя, инженеры, врачи, как правило, это еще и «возрастные» работники. Проблема возраста работника часто имеет значение в системе надомного обслуживания. Такие работники должны быть определенным образом восприняты клиентами. В представлении клиентов идеальный социальный работник — это женщина, и лучше, если немолодая. Для социальных служб это тоже лучший вариант, но по другим основаниям: работа считается тяжелой, нервной, эмоциональной. Руководители считают, что это неподходящая работа для молодежи: как показывает практика, молодые не задерживаются: «средний возраст... такой... даже и не 40 лет. Наверное, за 40 лет» (зав. отделением надомного обслуживания районного ЦСОН).

Тема 4. Формирование конкурентного поля для предоставления услуг

Руководители госучреждений стремятся защитить свою сферу деятельности, аргументов для этого приводится много. Часто в интервью поднималась тема профессионализма в государственных учреждениях — в противовес НКО. Указывалось, что в некоммерческих организациях могут предлагаться клиентам далеко не все социальные услуги. Кроме того, директора выступают против разрушения выстроенной годами системы.

По мнению директоров, задача НКО заключается в предоставлении коммерческих услуг (например, проживание в стационарных заведениях) лицам, имеющим деньги, а не обычным гражданам. Суть деятельности НКО должна свестись к помощи госучреждениям, когда, например, бюрократический механизм не дает возможности быстро отреагировать на возникновение проблемы. НКО как социальные учреждения должны «закрывать» государственные проблемы. С другой стороны, директора говорят, что НКО ведут себя как коммерческие организации, их главная задача — заработать. Поэтому они будут оказывать только «выгодные» для них самих услуги. Услуги же, цена которых оговорена и не подлежит изменению, то есть «невыгодные» услуги, останутся на плечах госучреждений.

В данном случае важно понимать, что НКО, в отличие от государственных учреждений, не имеют постоянного финансирования даже в виде госзаданий, у них нет

⁶ Федеральный Закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» N122-ФЗ от 02.08.1995.

такой инфраструктуры, которая априори есть у госучреждений: помещений без арендной платы, оборудования, постоянной зарплаты сотрудников. НКО ищут финансирование на свою деятельность из грантовых источников, пожертвований, а также оплаты услуг, поэтому они не могут взять на себя «невыгодные» услуги. Приведенное мнение руководителей ЦСОН показывает непонимание ими сути и механизмов деятельности НКО, а также страх перед изменившимися условиями и возможной конкуренцией.

При этом в «Дорожной карте повышения эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Нижегородской области на 2012-2018 гг.» есть указание на уже созданные государственно-общественные партнерства на базе НКО в сфере работы с детьми-инвалидами (НКО «Верас», «Радуга» и другие)⁷.

По нашему мнению, НКО могут и привыкли предоставлять более качественные услуги, чем заложено в описании услуг по ФЗ-442 и в тарифах на их возмещение. Профессионализм и экспертиза у сотрудников НКО, которые еще до введения ФЗ-442 уже оказывали услуги своим целевым группам (за счет грантов, субсидий, пожертвований и других источников средств), зачастую выше, чем в государственных учреждениях, ввиду их узкой специализации и тесных связей с клиентами. Эти НКО сталкиваются с проблемой, как для своих клиентов, привыкших к определенному уровню и качеству услуг, «довозместить» те расходы, которые не покрываются тарифами по ФЗ-442.

С другой стороны, НКО часто проигрывают в конкуренции с госучреждениями ввиду отсутствия необходимых помещений, оборудования и трудовой защищенности своих сотрудников, которые есть у госучреждений. В сравнении с коммерческими организациями — поставщиками социальных услуг, НКО находятся в неравной позиции с точки зрения наличия оборотных средств (которые необходимы, так как по ФЗ-442 компенсация негосударственным поставщикам производится раз в квартал, в некоторых регионах, например, в Ленинградской области, удалось убедить органы власти изменить этот период до ежемесячной компенсации), доступа к кредитам (НКО не могут получить кредит в банке) и так далее. Получение компенсации расходов на оказание социальных услуг по ФЗ-442 в корне имеет иной механизм и логику, чем гранты, субсидии или пожертвования. Это выход на рынок, требующий мышления категориями бизнеса, игры по правилам бизнеса, что, в свою очередь, вынуждает НКО рационализировать свою миссию [Kravchenko, Moskvina, 2018].

Таким образом, при наличии профессионализма, опыта оказания социальных услуг и экспертного опыта НКО трудно конкурировать с госучреждениями и коммерческими организациями на этом рынке по ФЗ-442 (который выдвигает жесткие требования по тарифам, условиям возмещения и другим параметрам) ввиду неравных стартовых условий и доступа к оборотным, инфраструктурным и денежным средствам. Закон не изменил ситуацию, зафиксированную исследователями в 2015 г.: в российских регионах государственный сектор и НКО взаимодействуют,

⁷ Дорожная карта повышения эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Нижегородской области на 2012-2018 гг. URL: <http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/dorozhnaya-karta.pdf> (дата обращения: 06.08.2019).

однако регионы, как правило, не рассматривают сектор НКО как равного партнера в предоставлении услуг [Krasnopolskaya, Skokova, 2015].

НКО и госучреждения объединяет (в отличие от коммерческих организаций (ООО) и ИП — негосударственных поставщиков услуг) нехватка рыночного, «бизнес-подхода» при выходе на рынок социальных услуг (отсюда и страхи руководителей госучреждений): необходимость выделения и формулировки услуги, расчет услуги, расчет окупаемости услуги при тех или иных объемах предоставления услуг и их соответствия мощностям организации. По ФЗ-442 поставщики обязаны принять всех получателей услуг, которые выберут их, а НКО могут не иметь необходимых мощностей и количества сотрудников для предоставления социальных услуг⁸.

Можно согласиться с Сергеем Захаровым, зам. ген. директора ООО «Забота и опека», что «ни один из трех секторов экономики не обладает возможностями самостоятельного создания эффективной и сбалансированной системы социального обслуживания»⁹, и потому необходимы усилия по поиску возможностей объединения всех трех секторов на принципах партнерства.

В большей степени существует заинтересованность в развитии волонтерского движения, милосердия. Об этом говорят с воодушевлением. ЦСОН привлекают к своей деятельности волонтеров, ими выступают как студенты, так и лица пожилого возраста (например, открытие Университета старшего возраста).

«Как сотрудник социальной сферы, могу сказать только одно, что не все услуги исполнения 442 можно передать в некоммерческие организации».

«...Я против НКО, которые берут на себя обслуживание на дому».

«Я Вам честно скажу, вот я бы лучше работала с волонтерами...»

«...Кто придет со стороны, я не знаю. И как оказываться будет эта услуга, я тоже сказать не могу. Потому что, честно говорю, приходят разные люди. И здесь остаются только те, кто действительно альтруисты по натуре».

«Зачем менять то, что хорошо? Это значит, можно развалить все, а вдруг мы получим плохо?»

«...Они считают, что они вот важны и нужны. Ну, пусть будут. Что же я, против? Нет. Я совершенно не против. Они нам не конкуренты. Они никогда не смогут, вот, при их форме деятельности, никогда не смогут достигнуть нашего уровня. Никогда!» (все цитаты из интервью с директорами ЦСОН).

С последним тезисом в интервью напрямую связана тема образа самого клиента. Такой образ предполагает, что клиенты — это граждане, которые бедны, не всегда дееспособны, которых нужно опекать и т. д. О необходимости повы-

⁸ По материалам обсуждения на семинарах по теме «Расширение доступа негосударственным поставщикам к рынку социальных услуг», проведенных в ЦРНО, Санкт-Петербург, при участии Центра «ГРАНИ», г. Пермь (одного из независимых ресурсных центров НКО, специализирующегося на социальных услугах). Семинары с 2015 по 2018 гг. проходили один-два раза в год с участием НКО — поставщиков социальных услуг, а также желающих войти в Реестр. Принимали участие в семинарах и представители органов власти, курирующих реализацию ФЗ-442 в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. См., например, новости Общественной палаты Ленинградской области <http://www.palatalo.ru/news?id=885> (дата обращения: 06.08.2019), пост-релиз НКО — участника сессии <http://sodeystvie.cml.ru/novosti/dostup-socialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizacij-k-rynku-socialnyh-uslug.html>, страницу в Facebook проекта центра «ГРАНИ» <http://grany-center.org/razvitie-so-nko/konstruktor-dlya-novoy-deyatelnosti-rc>.

⁹ Реализация инфраструктурного проекта в области социального обслуживания пожилых в стационарной форме. Практический опыт. Информационно-аналитическая записка. ООО «Забота и опека», МООИП «Забота-Хэсэд Авраам». СПб. 04.11.2018.

шать платежеспособность получателей услуг говорят и другие исследователи [Московская, 2018].

Вероятно, данная позиция в отношении НКО в регионах может быть объяснена тем, что, в отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, где есть серьезные профессиональные НКО, которые вполне известны и поддерживаются органами власти («Хэсэд Авраам», «Врачи детям», «Партнерство каждому ребенку», «Перспективы» и др.), у региональных НКО не было и нет доступа к финансированию для развития на профессиональной основе, для обеспечения постоянной заработной платы сотрудников. Однако даже в Нижнем Новгороде есть серьезные профессиональные организации, зарекомендовавшие себя в социальной сфере и известные на федеральном уровне, например, «Верас», «Служение» и другие¹⁰.

Поэтому данную цитату можно трактовать как страх перед новыми условиями деятельности и выходом на рынок, одновременно — недостаточное знание и понимание лучших практик деятельности НКО. Такие практики собираются Центром «ГРАНИ» по всем регионам России и могут быть использованы для адаптации и внедрения в регионах¹¹.

Тема 5. Философия помощи

В основном обслуживаются лица пенсионного возраста, чаще всего — одинокие (не только в формальном смысле). По мнению директоров, это связано с тем, что семейные люди или имеющие поблизости родственников не заинтересованы в социальных услугах. Многие даже не знают про существующие возможности.

Директора охотно рассуждают о формировании условий для продления жизни, о занятии пожилыми активной жизненной позиции. Но в основном эта «активная» позиция пока что заключается только в том, что пожилых привлекают к образовательным и досуговым мероприятиям, формируют из них активных потребителей. Часто позиция руководителей по отношению к пожилым — это жалость, понимание того, что государство незаслуженно что-то отбирает у этих людей, или сами клиенты являются не совсем нормальными, адекватными людьми.

«...У каждого есть право своего выбора. Кто-то хочет жить на помойке, а кто-то хочет жить в чистоте и уюте. А потом, есть люди, у которых это все годами, и что-то изменить и поменять... Государство не в праве этого делать. Оно может это сделать, если человеку самому это необходимо. Если он сам обращается за помощью... Вот тогда государство может пойти навстречу... Но внедряться в его среду, в его социальную сферу — это нельзя».

«...Производственная пуповина, она оборвалась. Четыре стены. Здесь они у нас находят определенную отдушину, психологическую разгрузку...»

«...Развивать коммерческие услуги, наверное, не совсем правильно. Потому что все-таки... государство тоже должно за что-то нести свою ответственность...»

«...Все эти утраченные моменты своего собственного самообеспечения, многих это выбивает из колеи... А многие просто ложатся — не от того, что они устали, заболели или что. Они устали жить, и они лежат».

¹⁰ Сайты организаций: <https://veras-nn.ru>; <http://www.sluzhenye.org/>.

¹¹ База лучших практик оказания социальных услуг НКО в регионах. URL: <http://grany-center.org/services/baza-uspeshnyh-praktik> (дата обращения: 06.08.2019).

И вот, единственная радость в жизни — придет социальный работник. Вот при нем можно поохать, поахать, родственникам неинтересно, кто будет слушать? Молодые родственники не понимают, он не ноет, он, может быть, и ноет, чтобы какое-то внимание привлечь повышенное к себе, или хотя бы вообще какое-либо... И тут социальный работник — вообще “свет в окошке”... Ой, пришел, радость, счастье».

«Удовлетворение потребностей — это прежде всего... Потому что это продление жизнедеятельности в той среде, где они привыкли. Ну а мы им идем в помощь, чтобы какие-то элементарные вещи сделать: подмести, мусор выбросить, помыть, памперсы переменить, продукты питания принести, сварить, накормить... Опять же — поговорили, это самое основное. Документы — это все нужно, это важно. Но документы — они бездушные, а клиенты наши хотят еще, чтобы с ними поговорили, это же забота...» (все цитаты из интервью с директорами ЦСОН).

Социальные работники не требуют от клиентов ответных действий, изменений в жизни получателя. Они радуются, когда что-то (само по себе) меняется в лучшую сторону, но их выученная позиция — оставить все как есть, просто поддерживать существование клиентов. К тому же часто можно услышать установку, что поддержка — эта «святая» обязанность государства.

«ОДП — это “детский садик для пожилых”» (директор областного ЦСОН).

«...Когда иногда приходишь с проверкой, смотришь, там может быть оборвано, может быть в таком ужасном состоянии, грязном, непонятном, что даже страшно взять в руки. Но мы не сможем это изменить, потому что это их жизнь, мы не вправе в нее внедряться, что-то менять, что-то ломать».

«...Наш клиент не очень обеспеченный человек, не обладает толстым кошельком...»

«Но так получилось, что в нашем государстве у них немножко забрали их льготы, ввели прожиточный минимум...»

«...А тот слой, который мы обслуживаем, пенсионеры, инвалиды, то есть они должны быть все-таки... [глубокий вздох — И.] защищенными» (цитаты из интервью с руководителями районных ЦСОН).

Директора и работники фиксируют факт, что за прошедшие годы клиент социальной работы существенно изменился. С одной стороны, очень много разбирающихся в ситуации людей, относительно здоровых, требовательных. С другой стороны, появляется много клиентов, которым нельзя помочь профессиональными средствами социальной работы, лучше все оставить как есть и обеспечивать что-то, просто поддерживать жизнь.

«Они уже не выходят из дома, не ориентируются ни в ценах, ни в чем. Но хочется все подешевле и получше. Но так же не бывает... А они уже утратили эту способность, эту гибкость, они уже не понимают...»

«...Наши клиенты, они стареют, им хочется медицинского обслуживания такого бесплатного, которое было в Советском Союзе. А его нет. Они искренне недоумевают, а почему какие-то процедуры платные, почему платно, когда мне надо бесплатно, у них много потрясений от всего...»

«...Клиенты в последнее время, они все чаще и чаще тяжелее, за которыми бы нужно больше ухаживать...» (из интервью с директорами ЦСОН).

«...Пошли около 70 лет, они почти все уже такие, лежащие. Уже плохо соображающие и плохо ходящие. Всего 70 лет и все. Они уже на пределе... Они ощущают себя то ли

брошенными, и в этом плане более беззащитны и хуже теряются оттого... от понимания вот такой вот жизни» (зав. отделением надомного обслуживания ЦСОН).

Тема 6. Современный клиент

Интересно было узнать, что думают сами клиенты социального обслуживания. С точки зрения руководителей, клиенты хотят получить недополученное от государства, считают, что государство к ним относится плохо. Многие уважают и испытывают признательность к социальным работникам, но при этом достаточно требовательны.

«Вообще, по нашим меркам я не так давно здесь работаю. Около 14 лет. Клиент сменился. Ушел пласт определенных людей, к сожалению, хороших людей, добрых, порядочных. Их мировоззрение было одним, пришли люди другие немножко. Это чуть-чуть другая психология, мышление, образовательный уровень... Знания законодательной базы, они подкованы юридически. И сегодня продвинутых клиентов у нас довольно много. С нами они уже не общаются, а, скажем, в бумажном формате — пишут электронные письма, просят ответить в такой же форме...»

«...Ругают государство. Что государство к ним относится плохо, что вот “что они там опять придумали”» (директор районного ЦСОН).

«...Переживания два раза в год все равно бывают, когда проходят перерасчеты. И самое главное пережить вот эти два момента. Вот их пережили, подсчитали, если в меньшую сторону — они довольны и счастливы. Но когда она идет немножко в большую сторону, там начинается недовольство» (директор областного ЦСОН).

«Наши получатели нам говорят: “мы так счастливы, что вы есть”» (зав. отделением надомного обслуживания).

«...Знаете, если кому-то что-то не нравится, они скрывать не будут...» (директор районного ЦСОН).

Сами получатели услуг это в целом подтверждают. Современные клиенты, как правило, пользуются развлекательными услугами. Их основная проблема — занять свое время, особенно они хотят общения. Это одиноко проживающие или одинокие женщины, но они активны, относительно здоровы. Есть ресурс, который некуда деть. В большой степени они ориентированы на себя, на свою жизнь. Для них идеал — это здоровая старость, то есть удовлетворение своих потребностей, но не помощь другим [Дмитриева, 2018]. Никто не говорит о желании найти работу или участвовать в волонтерском движении, в решении местных проблем, всегда речь идет о себе и своем времяпрепровождении. Многие ходят «по кругу», раз за разом возвращаясь в центры социального обслуживания за теми же услугами. Есть и другие клиенты, но о них позже, в другом контексте.

Тема 7. Материально-техническое обеспечение системы социального обслуживания населения

Еще одной ключевой темой разговора в интервью стало состояние инфраструктуры и материально-технической базы учреждений социального обслуживания. В целом все отмечают ее существенное развитие, интервьюеры зафиксировали прекрасные условия в одном из центров. Учреждения владеют зданиями, содержат свои столовые и т. д. Некоторые имеют собственные средства на стимулирование

работников и на развитие базы. В общем, не бедствуют, имеют внебюджетные средства. Такие средства формируются из прибыли за предоставление дополнительных платных услуг.

«...Мы все-таки постарались довольно более-менее комфортно обустроиться, хотя, если говорить, есть сегодня уже типовые проекты учреждений нашего типа».

«...Идут на счет нашего учреждения. Это и получается внебюджетный фонд. Уставом у нас рекомендовано, что, например, 50% идет на развитие центра, на покупку бумаги, на тетрадки социальным работникам, на ручки, на клей, на сумки...»

«У нас тоже есть дополнительные платные услуги, они у нас существовали, и сейчас они у нас сохранились и востребованы... А окно помочь — это дополнительная платная услуга» (цитаты из интервью с директорами ЦСОН).

В интервью также выявилось, что большинство клиентов социальных учреждений пользуются льготами (как труженики тыла, ветераны труда и т. д.). Льготный режим сохраняется в Нижнем Новгороде и при предоставлении социальных услуг. Это объясняется тем, что без подобных льгот услуги вообще не будут востребованы клиентами. И здесь снова встает вопрос о степени нуждаемости в конкретных услугах в связи с утратой способности к самообслуживанию. Очевидно, государство как основной субъект социальной политики оказывается одним из главных акторов конструирования социальных иерархий [Harris, 2011], поскольку льготы воспринимаются как их индикатор. Власти субъектов РФ (в данном случае Нижнего Новгорода) пытаются сохранить привычные, справедливые (в восприятии пожилых) рамки.

В региональном законе, однако, закрепились определенная несправедливость в отношении инвалидов, которые мало работали. Они не получили от государства льгот на социальное обслуживание и обязаны полностью оплачивать уход, в отличие от других категорий.

Заключение

Обновления условий социального обслуживания чрезвычайно важны, поскольку речь идет о развитии социального, человеческого капитала. Внедрение принципа самоответственности¹² и усиление адресности помощи предполагают, что отношения между помогающими инстанциями и клиентами социальной работы становятся взаимными: принятие помощи означает ответные действия, среди которых наиболее важны желание потребителя/клиента сохранить возможную самостоятельность и способность к самообслуживанию. Однако для нас такие взаимоотношения — это все еще далекое будущее. Патернализм сохраняется, медленно идет компенсаторный рост негосударственного сектора социальных услуг. В России пенсионеры обладают огромными временными ресурсами, но эту энергию необходимо деликатно направить в нужное русло [Григорьева, Сизова, 2018].

Практика реализации ФЗ-442 «О социальном обслуживании...» в разных регионах с 2015 г. показала, что негосударственные участники рынка социальных услуг до сих пор недостаточно широко представлены на рынке социальных

¹² Принцип, при котором предполагается, что, получая помощь (от государства), субъект (клиент) будет стремиться решить стоящую перед ним проблему, задачу (например, нехватки общения) и обеспечит тем самым в последующее время себе самостоятельное существование. [Сизова, 2002: 208].

услуг. НКО в большинстве своем не могут конкурировать с государственными учреждениями — поставщиками социальных услуг. Так получается по объективным (недостаточность инфраструктурной базы для оказания услуг по сравнению с госучреждениями, а также оборотных средств, необходимых для оказания услуг до момента компенсации расходов государством и т. д.) и субъективным причинам (неготовность большинства НКО к деятельности по правилам рынка — формулированию и обсчету окупаемости услуги, конкуренции за потребителя, иногда нежелание отказываться от привычно оказываемых более комплексных услуг, более высокого качества, чем предусмотрено тарифами и компенсацией по ФЗ-442 и др.). Коммерческие компании также пока скудно представлены в реестрах негосударственных поставщиков социальных услуг, хотя обладают и опытом в работы в рыночных условиях, и инвестиционными возможностями.

Необходимо широко вовлекать в публичные обсуждения все заинтересованные стороны: и НКО, и коммерческие компании — поставщиков социальных услуг, и госучреждения, и органы власти, отвечающие в регионе за реализацию ФЗ-442, а также самих потребителей (или их представителей). Частично такие обсуждения уже ведутся. Например, ресурсный центр НКО «ГРАНИ», г. Пермь¹³, с 2015 г. регулярно проводит методическую и аналитическую работу по расширению доступа СО НКО на рынок социальных услуг. В рамках проектов, осуществляемых на гранты Минэкономразвития РФ, Фонда Президентских грантов и др., он готовит аналитические материалы (в том числе для Нижегородской области¹⁴) проводит в разных регионах обучение для НКО, собирает базу лучших практик, организует дискуссии и круглые столы с участием НКО — поставщиков социальных услуг и органов власти о барьерах и потенциале НКО на рынке социальных услуг.

Однако потребители или их представители пока мало участвуют в таких дискуссиях. Необходима целенаправленная работа по включению в широкое обсуждение барьеров входа и реализации социальных услуг негосударственными поставщиками всех заинтересованных сторон реализации ФЗ-442.

В социальном обслуживании нельзя игнорировать проблему усиления поколенческой дифференциации, которое может приводить к эскалации конструируемых политическими решениями конфликтов между поколениями. В ситуации старения возникают определенные предпосылки для смещения конфликта поколений от конфликта «молодых и пожилых» в сторону конфликта интересов пожилых женщин третьего поколения (ухаживающих за стариками/caregivers) со старыми людьми — получателями длительного ухода (longterm care), о чем давно пишут российские и европейские исследователи [Zdravomislova, Tkach, 2016; Sidorenko 2014].

Такой сценарий тем более возможен в условиях разгосударствления обслуживания и роста нагрузки на семью. Поэтому согласимся с известным английским социологом К. Виктор в том, что «необходимо уделять особое внимание общим интересам различных возрастных групп, вместо того чтобы считать пожилых принци-

¹³ Материалы и проекты Центра «ГРАНИ»: <http://grany-center.org/materialy/proekty>; Методические рекомендации по вхождению НКО в реестр поставщиков социальных услуг: <http://grany-center.org/content/metodicheskie-rekomendacii-po-vhozhdeniyu-nko-v-reestr-postavshchikov-socialnyh-uslug>; Рекомендации по доступу СО НКО к бюджетному финансированию <http://grany-center.org/content/rekomendacii> и другие методические материалы: <http://grany-center.org/razrabotki-i-metodiki/nashi-razrabotki> (дата обращения: 06.02.2019).

¹⁴ Там же.

пиально отличающимися от нас. Основной задачей стареющего общества должна быть замена понятий независимости и зависимости социальной рамкой, которая уделяет особое внимание взаимозависимости поколений» [Victor, 2013: 218-219].

В целом начавшаяся пенсионная реформа, новые формы занятости, предиктивная забота о здоровье и реабилитационная медицина сделают более определенным ответ, много пожилых в России или нет, и какие виды помощи им действительно необходимо развивать. Активное долголетие предполагает не только усилия по улучшению здоровья или качества жизни, но и заинтересованное участие самих пожилых в построении своих жизней и в развитии сообществ, то есть социальной сплоченности. Важно также, чтобы СМИ сменили тональность обсуждения проблем пожилых с жалостливой на более уважительную и реалистичную, поскольку влияние массмедиа на население (и даже на сами государственные структуры) очень велико.

Список литературы (References)

Григорьева И. А., Сизова И. Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 109—135. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135>.

Grigoryeva I. A., Sizova I. L. (2018) Aging Trajectories of Women in Modern Russia. *Universe of Russia*. Vol. 27. No. 2. P. 109—135. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135>.

Григорьева И. А. 100 лет социальной политики в России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 497—515. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514>.

Grigoryeva I. A. (2017) 100 years of social policy in Russia. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 497—515. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514>.

Григорьева И. А. Социальная политика и пожилое население в современной России: вызовы и возможности // Мир России. 2006. № 1. С. 29—49.

Grigoryeva I. A. (2006) Social Policy And The Elderly Population In Contemporary Russia: Challenges And Opportunities. *Universe of Russia*. No. 1. P. 29—49. (In Russ.)

Дмитриева А. Социальное включение пожилых: продление занятости или «продвинутый» досуг? // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 37—50. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-37-50>.

Dmitrieva A. (2018) Achieving the Social Inclusion of Elderly People: A Continuation of Employment or 'Advanced' Leisure? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 37—50. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-37-50> (In Russ.)

Климова С. Г. Смыслы и практики разгосударствления социальных услуг // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 48—56.

Klimova S. G. (2017) Meanings and practices of degovernmentalization of social services. *Sociological Studies*. No. 2. P. 48—56. (In Russ.)

Константинова Л. В. Социальная политика как фактор конструирования неравенства: новая модель патернализма // *Власть*. 2017. Т. 25. № 2. С. 16—22.

Konstantinova (2017) Social Policy as a factor in the construction of inequality: a new model of paternalism. *Power*. Vol. 25. No. 2. P. 16—22. (In Russ.)

Куприянова Т. А. Проблемы социального обслуживания граждан пожилого возраста // *Вестник СПбГУ*. 2009. Серия 12. Т. 2. № 1. С. 115—123.

Kupriyanova T. A. (2009) Problems of social services for elderly citizens. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12*. Vol. 2. No. 1. P. 115—123. (In Russ.)

Московская А. А. Стимулы и барьеры привлечения негосударственных поставщиков к оказанию социальных услуг в России: российский и международный опыт // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2018. № 3. С. 88—116.

Moskovskaya A. A. (2018) Incentives and Barriers to Engaging Non-State Providers in the Provision of Public Social Services: Russian and Foreign Experience. *Public administration issues*. No. 3. P. 88—116. (In Russ.)

Парфенова О. Социальные сервисы для пожилых: формальные и неформальные правила и практики // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. Т. 15. № 4. С. 573—588. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-573-588>.

Parfenova O. (2017) Social Services for the Elderly: Formal and Informal Rules and Practices. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 573—588. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-573-588> (In Russ.)

Саралиева З., Петрова И. Пожилые в российской негосударственной социальной работе // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. Т. 16. № 1. С. 95—108. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-95-108>.

Saraliev Z., Petrova I. (2018) The Elderly in the Modern Russian System of Social Work. *The Journal of Social Policy Studies*. 16(1). P. 95—108. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-95-108>.

Сизова И. Л. Современные направления модификации социальной политики в странах Западной Европы // *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2002. № 1(2). С. 201—210.

Sizova I. L. (2002) Modern goals of changes in social policy in Western Europe. *Bulletin of Nizhny Novgorod state University. N. And. Lobachevsky. Social Sciences*. No. 1(2). P. 201—210. (In Russ.)

Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 376—396.

Sizova I. L., Husyainov T. M. (2017) Labor and employment in the digital economy: The problems of the Russian labor market. *Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology Series*. Vol. 10. No. 4. P. 376—396. (In Russ.)

Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб.: Норма. 2015. 224 с.

Tarasenko A. (2015) Non-profit sector in the countries of the European Union and Russia in the context of the transformation of the welfare state. St. Petersburg: Norma. 224 p. (In Russ.)

Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post–socialist Countries (2011) Ed. by Maija Jäppinen, Meri Kulmala and Aino Saarinen. Cambridge Scholars Publishing.

Harris J. G. (2011) Serving the Elderly: Informal Care Networks and Formal Social Services in St. Petersburg. In: Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post–socialist Countries. Ed. by Maija Jäppinen, Meri Kulmala and Aino Saarinen. Cambridge Scholars Publishing. P. 78—104.

Ivashinenko N., Varyzgina A. (2017) Socially Oriented NGOs and Local Communities in a Russian Region: Ways to Build Up Their Relationship. *Laboratorium. Journal of Social Researches*. Vol. 3. P. 82—103. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2017-9-3-82-103>.

Krasnopolskaya I., Skokova Y., Pape U. (2015) Government-nonprofit relations in Russia's regions: An exploratory analysis. *Voluntas*. Vol. 26. No. 6. P. 2238—2266. <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9654-3>.

Kravchenko Z., Moskvin A. (2018) Entrepreneurial NPOs in Russia: Rationalizing the Mission. *Voluntas*. Vol. 29. No. 5. P. 962—975. <https://doi.org/10.1007/s11266-018-0016-9>.

Sidorenko A. (2014) Social Policy in the CIS+ Countries: the Area of Ageing, Draft paper prepared for the UNRISD Conference «New Directions in Social Policy: Alternatives from and for the Global South», 7—8 April, 2014, Geneva, Switzerland. URL: [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/692F0A34431A3D78C1257D08003FBD40/\\$file/Sidorenko.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/692F0A34431A3D78C1257D08003FBD40/$file/Sidorenko.pdf) (accessed 20.08.2019).

Zdravomislova E., Tkach O. (2016) Cultural patterns of class inequality in the realm of paid domestic work in Russia. *Laboratorium. Journal of Social Researches*. Vol. 8. No. 3. P. 68—99.

Victor C. R. (2010) Ageing, health and care. Bristol: The Policy Press. 224 p.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.09

Правильная ссылка на статью:

Парфенова О. А., Петухова И. С. Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 173—186. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>.

For citation:

Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2019) Competition for the care for the elderly: strategies of social services in the new environment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 173—186. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>.

О. А. Парфенова, И. С. Петухова КОНКУРЕНЦИЯ ЗА ЗАБОТУ О ПОЖИЛЫХ: ТАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

КОНКУРЕНЦИЯ ЗА ЗАБОТУ О ПОЖИЛЫХ: ТАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

COMPETITION FOR THE CARE FOR THE ELDERLY: STRATEGIES OF SOCIAL SERVICES IN THE NEW ENVIRONMENT

ПАРФЕНОВА Оксана Анатольевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: oparfenova@socinst.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

*Oksana A. PARFENOVA*¹ — Cand. Sci. (Soc. Sci.), Senior Researcher
E-MAIL: oparfenova@socinst.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

ПЕТУХОВА Ирина Сергеевна — старший преподаватель, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
E-MAIL: irochka_kem@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

*Irina S. PETUKHOVA*² — Senior Lecturer
E-MAIL: irochka_kem@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

² Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Аннотация. Сфера заботы о пожилых становится конкурентной: у привычных монополистов — государственных социальных сервисов — появились конкуренты, такие как НКО, бизнес-организации, неформальные/частные контракты, приемные семьи для пожилых. На фоне этого повышение стоимости обслуживания, отмена льгот и жесткие ограничения в наборах и количестве услуг приводят к снижению привлекательности обслуживания в государственных сервисах, столь привычных для пожилых и их семей. Возникает вопрос: как борются за пожилых клиентов государственные сервисы? На примере исследования государственных центров социального обслуживания населения (КЦСОНов/ЦСОНов) в пяти российских городах/регионах мы выделяем три тактики, которые используются ими для рекрутирования/удержания клиентов и повышения привлекательности предоставляемых услуг. Тактики по привлечению и удержанию клиентов строятся на поиске компромиссов с клиентами и их семьями в части оказания услуг; развитии платных и новых услуг, интересных не только самим пожилым, но и их семьям; на взаимодействии с волонтерами, бизнесом и другими учреждениями (здравоохранения, культуры, образовательными). Региональные различия проявляются в разнообразии провайдеров, доступе к обслуживанию и стоимости наборов услуг.

Ключевые слова: старение, социальное обслуживание, забота, трансформация социального обслуживания, НКО

Abstract. The sphere of the care for the elderly is getting more and more competitive: the old monopolists — state-run social services — have new competitors: NGOs, business entities, non-formal/private contracts, foster families for the elderly. Amidst rising costs of service, the cancellation of benefits and tough limits on the services lead to decreased attractiveness of state-run services the elderly persons and their familiar are so comfortable with. The question rises as to how the state-run services compete for their clients. Using a case study of the state-run social service centers for the elderly (CSS) operating in five Russian cities/regions the authors single out three key strategies they use to recruit/retain the clients and to increase the attractiveness of their services. These strategies rely heavily on finding compromises with the clients and their families, developing paid services their clients would be interested in, interacting with volunteers, businesses and other companies (health care, culture, education). Regional differences are defined by the variety of service providers, access to the services and their costs.

Keywords: aging, social services, care, social service transformation, NGOs

Россия, как и многие развитые страны, — стареющее общество. Доля пожилых (60 лет и старше) составляет 20% и по прогнозам к 2050 г. увеличится до 30%¹. При этом индекс здоровья пожилых людей в России самый низкий в сравнении с другими параметрами в структуре оценки качества жизни пожилого человека. По уровню здоровья наша страна занимает 86 место в рейтинге качества жизни пожилых². Социальное обслуживание является одним из ключевых направлений социальной политики в отношении пожилых граждан. Трансформации, произошедшие в системе социального обслуживания пожилых граждан после вступления в силу в 2015 г. нового 442 ФЗ³ о социальном обслуживании, породили новые вопросы и проблемы для исследователей и специалистов, работающих в данной сфере. Современные социологические исследования рассматривают происходящие в сфере социального обслуживания трансформации как часть процесса либерализации социальной политики. На практике либерализация выражается в практически полной отмене льгот и переходе обслуживания на платный режим, включении НКО и бизнес-организаций в поле социального обслуживания, увеличении нагрузки на социальных работников и т. п. [Парфенова, 2018]. Изменения также затронули правила предоставления социальных услуг: клиент может получать обслуживание не по месту регистрации, а по месту пребывания, введена индивидуальная программа предоставления социальных услуг (ИППСУ), которая представляет собой перечень возможных услуг. ИППСУ регионы формируют самостоятельно — в частности, в Санкт-Петербурге она базируется на актуальном техническом регламенте предоставления социальных услуг⁴.

Наряду с этим у государственных социальных сервисов появились конкуренты: возникают и развиваются альтернативные формы заботы о пожилых — НКО, бизнес-организации, неформальные/частные контракты, приемные семьи для пожилых. НКО и бизнес-организации, особенно работающие в системе государственно-частного партнерства и в крупных городах предлагающие вполне конкурентные цены за социальное обслуживание, могут составить реальную конкуренцию государственным социальным сервисам и зачастую воспринимаются последними как прямые конкуренты [Парфенова, Петухова, 2018]. Исследователи из разных регионов фиксируют более высокие показатели уровня качества жизни российских пожилых, проживающих в семьях по сравнению с одинокими пожилыми в стационарных учреждениях. По их мнению, это должно способствовать развитию системы приемных семей для пожилых [Бутуева, 2015; Голубева, 2016]. Изучение предпочтений пожилых в выборе провайдеров заботы/ухода демонстрируют приоритет семейной заботы над государственными сервисами: 48% пожилых считают, что заботиться о них и помогать им должны семья и дети, и только 17%

¹ Global Age Watch Index 2015. URL: <http://www.globalagewatch.org/> (дата обращения: 15.08.2019).

² AgeWatch report card. Russian Federation. URL: <https://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/country-ageing-data/?country=Russian+Federation> (дата обращения: 15.08.2019).

³ Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

⁴ Распоряжение Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга от 14.04.2017 «Об утверждении отраслевых технологических регламентов оказания государственных услуг в сфере социальной защиты населения, предоставляемых в полустационарной форме социального обслуживания». URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/05/05/R%20KSP%20181-%D1%80%2014.04.2017.pdf> (дата обращения: 17.08.2019).

выбрали государственные сервисы, а 32% — смешанный вариант, когда заботу делят между собой несколько провайдеров [Григорьева, 2016]. Повышению привлекательности государственных сервисов мешают и эйджистские стереотипы, из-за которых пожилые зачастую воспринимаются как пассивные и беспомощные объекты заботы [Горелик и др., 2014; Григорьева, Келасьев, 2017].

На фоне этого данные официальной статистики демонстрируют продолжающуюся тенденцию снижения количества центров социального обслуживания, отделений и числа социальных работников. При этом количество клиентов увеличивается, что приводит к возрастающей нагрузке на социальных работников. Табл. 1 наглядно отражает перечисленные тенденции.

Таблица 1. Центры и отделения социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов в Российской Федерации

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Центры социального обслуживания</i>							
Число центров	2185	2196	2200	1985	1988	1895	1882
Число отделений	11 395	11 311	11 230	10 324	9 784	8 780	8 609
Численность социальных работников, фактически работающих, человек	172 526	171 185	169 475	159 432	154 118	141 517	135 983
Численность граждан пожилого возраста и инвалидов, зарегистрированных для надомного обслуживания, человек	1 120 801	1 101 881	1 102 549	1 099 755	1 158 398	1 142 153	1 138 934
Нагрузка на одного социального работника, человек	6,5	6,4	6,5	6,9	7,5	8,1	8,4

Источник: Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 17.08.2019).

Наши исследования современного состояния системы социального обслуживания подтверждают эту тенденцию, которая на практике выражается в сокращении ставок медсестер, перекладывании их функций на социальных работников и малодоступности социально-медицинских форм обслуживания в сельской местности. Параллельно с этим государственное социальное обслуживание становится платным практически для всех категорий пожилых, за исключением малообеспеченных и ветеранов ВОВ. Это создает напряженность в ситуации выбора формы заботы о пожилым человеком, когда возникает подобная необходимость. Пожилые клиенты начинают экономить и отказываться от ряда услуг, или семья решает, что им самим выгоднее осуществлять уход, либо за те же деньги они могут получать услуги в НКО в городской местности и услуги знакомых/соседей — в сельской [Парфенова, Петухова, 2018]. Государственные сервисы, будучи ограниченными различными нормативными актами и тарифами, вынуждены изобретать тактики по рекрутированию и удержанию клиентов. Эти тактики все еще остаются за пре-

делами исследовательского внимания. Научная новизна нашего исследования состоит в изучении новых тенденций и практик в поле социального обслуживания пожилых, обусловленных меняющимся законодательством.

Теоретическая рамка и методология исследования

Политика современного социального государства может рассматриваться в трех основных сферах — занятость, социальная забота и благосостояние. В рамках этого подхода важно понимание того, как эти сферы структурированы государством и его институтами, а также того, как граждане организуют заботу об уязвимых членах общества (стариках, детях, инвалидах etc.) [Чернова, 2011]. Существуют различные подходы к пониманию заботы. В рамках нашего исследования остановимся на заботе как институциональной категории. В этой интерпретации забота связана с политикой в сфере социальной защиты. Право на предоставление и получение заботы рассматривается современными исследователями как основное социальное право граждан [Kremer, 2005]. Современное государство благосостояния принимает обязательства по заботе об уязвимых членах общества и выполняет функции, которые в прежние исторические периоды были прерогативой семьи [Esping-Andersen, 1990]. Даже когда речь идет о «неформальной заботе» в домашнем пространстве (уход за стариками, воспитание детей) фокус исследовательского интереса сосредоточен на режиме заботы, свойственном конкретному обществу [Lewis, 1997, цит. по: Бороздина, 2015]. В этом контексте понятие заботы можно соотносить с понятием социального обслуживания. Такая институциональная забота является образцом «современной холодной заботы» или «современной теплой», когда практики заботы осуществляют институты самостоятельно или разделяя их с семьей [Hochschild, 2003]. Государственные социальные сервисы являются крупнейшими провайдерами социальной заботы, их деятельность жестко регламентируется формальными правилами, и пространства для маневров остается немного [Парфенова, 2018]. В связи с этим уместно рассматривать действия сервисов в категориях тактик, которые проявляются на неподконтрольной территории, организованной по закону внешней силы (в данном случае — государства) [Certeau, 1984].

В контексте вышесказанного вопрос, который интересует нас в рамках данной статьи и на который дает ответ наше исследование, звучит следующим образом: какие тактики используют государственные социальные сервисы в конкуренции за заботу о пожилых, и как они реализуются на практике?

Эмпирическими материалами для анализа послужили данные исследования, проведенного в 2017-2018 гг. в пяти городах/регионах: Санкт-Петербург, Нижний Новгород и область, Великий Новгород и область, республика Карелия, Томск и область. Исследование представляет собой множественное кейс-стади [Yin, 2004]. В качестве эмпирических объектов были выбраны государственные центры социального обслуживания населения (КЦСОНЫ/ЦСОНЫ и/или их аналоги). В выборке присутствуют разные типы поселений, что позволяет сконструировать целостное представление о современном состоянии социального обслуживания в России. Санкт-Петербург — город федерального значения, Нижний Новгород — город-миллионник, Великий Новгород, Петрозаводск и Томск — города с населением от 300 до 570 тысяч жителей. В Новгородской и Нижегородской областях

попали в выборку районные центры. Отдельный интерес представляет сельское поселение (республика Карелия в нашей выборке), поскольку в нем отсутствует характерная для города инфраструктура. В Санкт-Петербурге интервью взяты в пяти районах, включая как центральные, так и спальные.

Данные исследования включают в себя 14 полуструктурированных интервью с экспертами (руководителями КЦСОНов/подразделений); материалы веб-сайтов учреждений социального обслуживания; нормативно-правовые акты различного уровня; статистические и демографические данные. Гайд для интервью состоял из нескольких ключевых тематических блоков: структура социального сервиса и порядок предоставления социальных услуг (включая стоимость обслуживания etc.); нормативно-правовая база (в том числе оценка 442 ФЗ); аутсорсинг, сотрудничество с волонтерами и сторонними организациями; межведомственное взаимодействие; социальные работники и их профессиональный профиль; НКО как альтернатива КЦСОНам. Интервью проанализированы с помощью метода тематического анализа [Braun, Clarke, 2006]. В результате помимо намеченных заранее в гайде для интервью тематических блоков были выделены новые тематические направления, например, так называемые новые практики в работе учреждений; конфликтные ситуации с клиентами etc. Для информантов — работников государственных сервисов (особенно в Санкт-Петербурге) сензитивными оказались вопросы, касающиеся участия НКО в поле социального обслуживания. Мы столкнулись с двумя типами реакций — часть информантов всячески старались «замолчать» и сменить тему на более «безопасную», а часть открыто и эмоционально заявляли, что НКО — их прямые конкуренты, которых «само же государство и поддерживает», ставя под угрозу «родные» КЦСОНы.

Результаты

Результаты исследования демонстрируют, что далеко не везде государственные социальные сервисы испытывают на себе конкуренцию с альтернативными провайдерами заботы. НКО/бизнес-организации представлены только в крупных городах (в нашей выборке это Санкт-Петербург). В менее населенных городах и сельской местности зачастую государственное социальное обслуживание является монополистом в сфере заботы о пожилых, конкурируя, пожалуй, лишь с неформальными контрактами (соседка/мигрантка в роли сиделки или помощницы) и семьей как основным провайдером заботы. Тем не менее «борьба за клиента» со стороны социальных сервисов отчетливо видна. В ходе анализа мы выделили несколько основных тактик, которые используют государственные социальные сервисы для рекрутинга и удержания пожилых клиентов и повышения своей привлекательности для пожилых и их родственников. Эти тактики затрагивают как домашнее обслуживание, так и досуговые отделения. За ними кроются разные типы проблем и разные цели. Задача одних — удержать имеющихся клиентов, других — привлечь новых. Рассмотрим их подробнее.

Тактика 1: «Лавировать, чтобы удержать»

Эта тактика порождается проблемой ограниченности и жесткости ИППСУ. ИППСУ представляет собой жесткий набор возможных услуг с лимитированным

количеством и временем на их оказание. На практике репертуар потребностей пожилого человека шире и ему нередко требуется большее количество услуг, чем это прописано в ИППСУ, или социальный работник не успевает уложиться во временные интервалы. В этом случае начинается «лабиринт»: в отчетах одни услуги подменяются другими, социальный работник идет на уступки и оказывает услуги, не предусмотренные в ИППСУ и, соответственно, никак не учитывающиеся (например, заштопать что-то или вымыть окна). По мнению некоторых руководителей социальных сервисов, порой соцработники выступают как волонтеры, оказывая услуги, которых нет в ИППСУ, либо клиент их не выбирал.

«Бывает, конечно, что человек пришел, она говорит: “Мне надо помыться”. Понятно, соцработник поможет помыть ту же голову, а у нее не выбрана гигиена. Понятно, что делать. Бывает. Занимаемся волонтерством» (интервью 6, Санкт-Петербург, 2017).

Иногда тактика лавирования включает в себя обращения в НКО. «Если мы видим, что нашему клиенту помимо нас нужна дополнительная помощь, мы помогаем, заключается между нашим клиентом и этой организацией такой же договор в точности, и помимо нас оказывается та или иная услуга. Но она оказывается сторонней организацией, то есть независимо от нас, но у нас есть, наверное, какое-то наше право видеть эту услугу, тоже ее оценивать и знать, как она нашему клиенту оказывается. Мы работаем с Хэсэдом, у нас есть очень много наших клиентов, к котором ходят сотрудники Хэсэда» (интервью 1, Нижний Новгород, 2017). Таким образом, чтобы клиент не «ушел» полностью на обслуживание в НКО, государственный сервис предлагает «разделить» заботу о нем.

В одном из регионов встретилась практика «бронирования» услуг стационарного отделения социального обслуживания. Ее цель состоит в том, чтобы семьи пожилых, собирающиеся, например, в отпуск или еще куда-то, имели возможность «забронировать» на это время стационар для своего пожилого родственника. «Поэтому они, как правило, в очередь записываются не так, чтоб вот “мы сегодня хотим”, а вот “мы летом хотим”. И мы эту очередь, удовлетворяем эту потребность. Это заранее просто — люди, да, записываются на определенный такой момент... И люди уже заранее планируют, когда... Что за какой-то момент времени они не смогут осуществлять уход, то им надо вот в этот период, чтобы человек был пристроен» (интервью 13, Петрозаводск, 2018). Такая практика с одной стороны позволяет избежать возникновения очередей на социальное обслуживание, с другой — удобна семьям, планирующим «пристроить» своего пожилого родственника на какое-то время, и тем самым делает социальный сервис привлекательным для них.

Тактика 2: «Новые практики» — здоровье, досуг и «присмотр»

Эта тактика рассчитана как для досуговых и стационарных отделений, так и для домашнего обслуживания. Ее целью является не только удержание старых клиентов, но и привлечение новых. К новым практикам можно отнести развитие платных полустационарных форм социально-медицинского обслуживания и «детских садов для пожилых» и расширение спектра их услуг. В данном случае социальный сервис выступает как провайдер, помогающий «разгрузить» семью, взяв на себя временно заботу о пожилым. Важное место в этой тактике занимают медицинские/оздоровительные услуги (как правило, платные). Например, КЦСОН Томской области

имеет медицинскую лицензию, в связи с чем наделен правом оказывать медицинские услуги и проводить оздоровительные мероприятия. Среди клиентов и их семей достаточно популярна программа с примечательным названием «Детский сад для пожилых». В течение 21 дня клиенты проживают в центре, получая весь спектр социальных и медицинских услуг, что позволяет «разгрузить» семьи. Популярна и замещающая стационар платная программа «Санаторий на дому». Она включает горячие обеды, лечебный массаж, работу психолога, портативные физиопроцедуры с выездом медицинской сестры. Программа популярна среди семей пожилых, но центру тяжело ее осуществлять, поскольку специалисты сильно загружены в рамках других программ. На базе центра работает спортивно-оздоровительная программа «В здоровом теле — здоровый дух», в нее входят лечебная физкультура и скандинавская ходьба. Пожилые активно включаются в эту программу и готовы платить небольшие деньги за оздоровительные мероприятия. Занятия в тренажерном зале — тоже популярное направление. Проводит их инструктор по лечебной физкультуре, из программ: лечебная гимнастика, фитбол, гимнастика в зале.

Для клиентов досуговых отделений репертуар новых практик довольно широк: начиная с популярной финской ходьбы и курсов компьютерной грамотности и заканчивая различными лекциями и мероприятиями/экскурсиями. Однако здесь стоит сразу оговориться, что это все доступно городским клиентам социальных сервисов.

Информанты, которые имеют дело с обслуживанием пожилых в селах и поселках, отмечают, что для развития дополнительных услуг в учреждении не хватает квалифицированных кадров и материальных ресурсов (интервью 9, Новгородская область, 2017).

К новым практикам и услугам можно отнести «социальное такси», «тревожную кнопку», «прокат средств реабилитации», службу сиделок, мобильные бригады для выезда к пожилым в сельские поселения и т. п. Эти услуги представлены практически во всех обследованных нами регионах. Некоторые социальные центры помещают рекламу таких телефонов на своих сайтах (например, Томский КЦСОН: <http://kcsom.tom.ru/>).

Все эти практики и услуги, с одной стороны, возникают в ответ на потребности клиентов. А с другой — призваны сделать сервисы более привлекательными для клиентов и их семей.

К новым практикам можно отнести также обучение/повышение квалификации социальных работников. В Санкт-Петербурге нам не удалось обнаружить подобных примеров (за исключением курсов первой помощи на базе «Красного Креста»), но в регионах они нашлись. Информант из Нижнего Новгорода сообщил, что требования к образованию социальных работников повысились (раньше на эту позицию шли работать люди с самым разным бэкграундом и образованием, а теперь подготовке/повышению квалификации стали уделять большее внимание). *«Мы для своих социальных работников, у нас организована школа ухода за маломобильными гражданами, где мы их обучаем различным видам медицинской помощи и всему подобному. Вот школа социального работника — там тоже, независимо от образования, ни от чего. То есть различные курсы у нас постоянно проводятся для социальных работников»* (интервью 3, Нижний Новгород, 2017).

В Петрозаводске информанты также сообщили о курсах для социальных работников: *«Вообще, у нас социальный работник, естественно, проходит курсы оказания доврачебной помощи, у нас производственная учеба для социальных работников проводится, потом — как оказываются услуги; чтобы услуги качественно оказывались, соответствовали тем стандартам, которые установлены законодательством»* (интервью 13, Петрозаводск, 2018).

Этих высказываний недостаточно для того, чтобы оценить содержательность и адекватность курсов, однако в данном случае значим тот факт, что представители социальных сервисов артикулируют значимость и важность подобного рода подготовки. Можно предположить, что происходит определенная смена парадигмы в понимании заботы: она должна оказываться квалифицированно, а непосредственные агенты заботы — соцработники — должны иметь вполне определенные компетенции.

Тактика 3: «Привлечение волонтеров и спонсоров, сотрудничество с другими организациями»

В качестве отдельной мы выделили эту тактику, поскольку она встретилась во всех регионах, ее целью зачастую является расширение репертуара и увеличение количества услуг социальных сервисов. Так, для развития инфраструктуры и новых направлений деятельности социальные сервисы активно привлекают спонсорские средства. *«Мы имеем на спонсорские деньги оборудованную площадку на территории с тренажерами для инвалидов. Еще одну дополнительную получим, тоже на спонсорские деньги»* (интервью 14, Томск, 2018).

Иногда волонтеры привлекаются для того, чтобы облегчить работу социальных работников, у которых количество клиентов на ставку в последние годы выросло почти вдвое.

Во всех регионах, где проводилось исследование, распространены практики «сезонного» волонтерства, к которым привлекаются представители волонтерских организаций и студенты. Они моют окна, делают уборку в квартире, приносят дрова, помогают возделывать огороды и пр. КЦСОны иногда прицельно формируют заявки на конкретные виды работ. *«Мы формируем заявку на необходимую помощь. Чаще всего она нам нужна особенно зимой. Вы сами понимаете — Сибирь, снег, дорожки расчистить, крыши»* (интервью 14, Томск, 2018).

В рамках досуговой и образовательной деятельности социальные сервисы также привлекают волонтеров и сотрудничают с учреждениями культуры и образовательными организациями. *«Дело в том, что всю досуговую деятельность мы осуществляем за счет волонтеров. У меня нет каких-то средств для того, чтобы здесь этой деятельностью заниматься, оплачивая ее»* (интервью 14, Томск, 2018). В Нижнем Новгороде Университет старшего возраста, включающий в себя шесть факультетов, полностью держится на преподавателях-волонтерах.

Распространенная практика — сотрудничество с церковными организациями. Также за счет внебюджетных средств приобретаются подарки для пожилых на памятные даты. В полустационарном отделении проводятся экскурсии, паломнические поездки, выезды в театр и на выставки. По словам наших информантов, клиенты, обслуживаемые на дому, крайне редко изъявляют желание в них участвовать (интервью 9, Новгородская область, 2017).

Томская область иллюстрирует опыт в части взаимодействия с медицинскими организациями по социально-медицинскому обслуживанию паллиативных больных. Социально-медицинское взаимодействие позволяет осуществлять более гибкое и клиентоориентированное обслуживание. «И мы вот именно сейчас в этой части работаем с медицинскими организациями в рамках соглашения о взаимодействии в паллиативной помощи. Мы выявляем и ежемесячно подаем списки людей, которые у нас находятся на обслуживании, либо не находятся, но мы выявили такого человека как длительно болеющего, обмениваемся информацией с медицинским учреждением, и оно подтверждает либо не подтверждает. Это никаким образом, скажем, в нашей работе не отражается, так как мы оказываем свою часть — социальную, а медицинскую часть по паллиативному больному — это, соответственно, должна оказывать медицина» (интервью 14, Томск, 2018).

Стоит отметить, что отделения социально-медицинского обслуживания подверглись наиболее заметному сокращению. В табл. 2 видно, что число отделений и штат социальных работников сократились за прошедшие несколько лет втрое, количество обслуживаемых клиентов также заметно уменьшилось.

Таблица 2. Специализированные отделения социально-медицинского обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов в Российской Федерации

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Число отделений	1619	1542	1436	1276	844	632	588
Численность социальных работников, фактически работающих, человек	16 784	16 147	14 855	13 321	13 321	6645	6220
Численность обслуживаемых граждан пожилого возраста и инвалидов:							
Всего, человек	89 773	85 385	80 960	71 334	57 709	39 558	38 640
Нагрузка на одного социального работника, человек	5,6	5,5	5,6	5,5	6,6	6,1	6,3

Источник: Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 17.08.2019).

Эти данные также порождают вопросы о том, кто подхватил «эстафету» по обслуживанию маломобильных пожилых людей. Можно предположить, что большинство из них вынуждены были перейти на обслуживание «обычного» отделения, и этим объясняется рост численности клиентов в табл. 1.

Заключение и дискуссия

Резюмируя, можно сказать, что сфера заботы о пожилых становится конкурентной. Этот процесс был запущен в результате принятия 442 ФЗ. Государственные социальные сервисы оказались в сложных условиях: государство стремится сократить свои финансовые обязательства в части социального обслуживания, делая его платным и вовлекая новых провайдеров (НКО/бизнес-организации). Параллельно с этим сокращается количество государственных сервисов/специализированных отделений и социальных работников, что приводит к увеличению

нагрузки на них. И хотя государственные сервисы во многих населенных пунктах остаются монополистами, а количество обслуженных клиентов не уменьшается, как демонстрирует официальная статистика, тем не менее новые условия толкают их к тому, чтобы конкурировать за клиента, особенно в крупных городах. Конкуренция происходит в довольно жестких условиях: с одной стороны, рост нагрузки и бюрократических требований, с другой — жесткая ограниченность репертуара предоставляемых услуг и снижение финансирования.

По материалам проведенного исследования мы выделили три тактики для привлечения/удержания клиентов, которые используют государственные сервисы. Условно мы их обозначили: *«Лавировать, чтобы удержать»*, *«Новые практики»: здоровье, досуг и «присмотр»*, *«Привлечение волонтеров и спонсоров, сотрудничество с другими организациями»*. Тактики строятся на поиске компромиссов с клиентами в части оказания услуг; развитии платных и новых услуг; взаимодействии с волонтерами, бизнесом и другими учреждениями (здравоохранение, культура, образование). Нередко результатом «гонки за клиентом» становится повышение нагрузки на социальных работников — непосредственных агентов заботы. Частично это иллюстрируется цитатой из интервью: *«Ну, то есть все, все это ложится на плечи тех же самых работников. И вся наша новизна, все наши новые технологии и т.д., соответственно, все это без привлечения каких-то дополнительных средств, все за счет возможностей учреждения»* (интервью 14, Томск, 2018). Ресурсы социальных сервисов зависят от типа населенного пункта и инфраструктуры. Региональные различия проявляется в разнообразии провайдеров, доступе к обслуживанию и стоимости наборов услуг. В качестве «бонуса» регионы получили возможность самостоятельно трактовать некоторые положения нового 442 ФЗ и формировать собственную политику и тарифы, в том числе в части обслуживания пожилых, а также самостоятельно распоряжаться прибылью от платных услуг. Например, какие-то регионы (в нашей выборке Нижний Новгород и Томск) сохранили льготные категории клиентов, что, возможно, позволило клиентам получать более широкий пакет услуг, которые не могут/не готовы платить полную стоимость. Прибыль от платных услуг расходуется, например, на премии социальным работникам и развитие новых услуг (преимущественно досуговых).

На наш взгляд, более гибкие и ориентированные на индивидуальные потребности клиента форматы обслуживания могли бы повысить привлекательность государственных сервисов. Кроме того, сценарий не конкуренции, а сотрудничества может быть гораздо более продуктивным и перспективным. Это отчасти подтверждается и полученными эмпирическими данными (пример сотрудничества КЦСОНа с Хэсэдом и волонтерскими организациями/инициативами). Это согласуется и с положительными оценками исследователей работы волонтерских объединений в части преодоления социальной изоляции одиноких пожилых людей и передачи полномочий по обслуживанию общественным организациям [Данилова, Голубева, 2009].

Параллельно с вовлечением НКО и бизнес-организаций в поле социального обслуживания власти декларируют создание долговременной системы ухода за пожилыми в качестве ключевого направления, которое поможет разгрузить взрослых родственников, вынужденно покидающих рынок труда для того, чтобы

заботиться о пожилым члене семьи⁵. Параллельно с этим Минтруд РФ разработал проект о внесении изменений в Рекомендации по определению индивидуальной потребности в социальных услугах получателей социальных услуг, принятые в 2014 г. Изменения предполагают более «тонкую» настройку системы социального обслуживания с учетом потребностей клиента и акцентом на надомном и полустационарном обслуживании⁶. Резюмируя, можно сказать, что дальнейшие трансформации форм социальной поддержки крайне важны для значительной части населения нашей страны — не только для самих пожилых граждан, но и их родственников. В контексте этого государственным социальным сервисам отведена важная роль. Именно они обладают самой развитой инфраструктурой, обслуживают большое количество пожилых и, по сути, являются самой массовой формой социальной поддержки пожилых (на 2018 г. клиентами КЦСОНов были более 1 млн пожилых граждан⁷). Немаловажно и то, что они вызывают доверие у пожилых людей. Трансформация обслуживания в более гибкие формы и сотрудничество с волонтерами/НКО и бизнесом могли бы существенно улучшить ландшафт государственного социального обслуживания. Для этого требуется не только смена парадигмы в восприятии старости и пожилых клиентов и инициатива на местах, но и соответствующие изменения в нормативных актах, зачатки которых мы можем сегодня наблюдать (создание системы долговременного ухода и «тонкая» настройка социального обслуживания).

Список литературы (References)

Бутуева З. А. Развитие семейных форм социального обслуживания людей старшего возраста // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2015. № 5. С. 96—100.

Butuyeva Z. A. (2015) Development of family forms of social services for older people in terms of social reforms. *Bulletin of the Buryat State University*. No. 5. P. 96—101. (In Russ.)

Бороздина Е. А. Забота и социальное гражданство // Социологические исследования. № 10. 2015. С. 84—93.

Borozdina E. A. (2015) Care and social citizenship. *Sociological Studies*. No. 10. P. 96—100. (In Russ.)

Горелик С. Г., Колпина Л. В., Реутов Е. В. Социологический анализ геронтологического эйджизма в учреждениях здравоохранения и социальной защиты Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация 2014. Т. 27. № 18. С. 159—165.

⁵ Пожилым везде у нас учет. Минтруд сосчитает нуждающихся в уходе и стандартизует для них соцслужбы // Коммерсант. 16.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3549696?from=doc_vrez (дата обращения: 17.08.2019).

⁶ «О внесении изменений в Рекомендации по определению индивидуальной потребности в социальных услугах получателей социальных услуг, утвержденные приказом Минтруда России от 30 июля 2014 г. № 500н «Об утверждении рекомендаций по определению индивидуальной потребности в социальных услугах получателей социальных услуг». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=88132> (дата обращения: 17.08.2019).

⁷ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 17.08.2019).

Gorelik S. G., Kolpina L. V., Reutov E. V. (2014) The sociological analysis of gerontological ageism in health institution and social protection of the Belgorod region. *Scientific statements of Belgorod State University. Series: Medicine. Pharmacy*. No. 18 (198). P. 159—165. (In Russ.)

Григорьева И. А. Кто поможет пожилым: волонтеры, семья или социальная служба? // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей ред. проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 28—32.

Grigoreva I. A. (2016) Who can help the elderly: volunteers, family or a social service? In: *Helping professions: scientific rationale and innovative technologies*. N. Novgorod: NISOC. P. 28—32. (In Russ.)

Григорьева И. А., Келасьев В. Н. Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. № 2. С. 243—247.

Grigoryeva I. A., Kelasev V. N. (2017) Archaic Stereotypies and Modern Approaches for Understanding of Aging. *Advances in Gerontology*. Vol. 30. No. 2. P. 243—247. (In Russ.)

Голубева Е. Ю. Системный анализ факторов, влияющих на качество жизни пожилого населения при использовании разных форм социального обслуживания // Успехи геронтологии. 2016. Т. 29. № 2. С. 347—352.

Golubeva E. Yu. (2016) Systemic analysis of factors affecting the quality of life of elderly people using different forms of social services. *Advances in Gerontology*. Vol. 29. No. 2. P. 347—352. (In Russ.)

Данилова Р. И., Голубева Е. Ю. Модель взаимодействия государственных и негосударственных структур в системе социального обслуживания/ухода за пожилыми людьми в России // Клиническая геронтология. 2009. Т. 15. № 12. С. 3—8.

Danilova R. I., Golubeva Ye. Yu. (2009) Model of interaction between governmental and non-governmental organizations in the system of social services\care for elderly people in Russia. *Clinical Gerontology*. Vol. 15. No. 12. P. 3—8. (In Russ.)

Парфенова О. А., И. С. Петухова. Трансформация социального обслуживания пожилых граждан в российских регионах в условиях стареющего общества и меняющегося // Старения больше не будет / И. А. Григорьева, И. Л. Сизова, Л. А. Видясова, А. В. Дмитриева, О. А. Парфенова, И. С. Петухова. СПб.: Астерион. 2018. С. 58—101.
Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2018) Transformation of social services for senior citizens in the Russian regions in the conditions of an aging society and changing legislation. In: *Aging will be no more*. I. Grigoryeva, I. Sizova, L. Vidasova, A. Dmitrieva, O. Parfenova, I. Perukhova. St. Petersburg: Asterion. P. 58—101. (In Russ.)

Парфенова О. А. Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 2. С. 165—186. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.6>.

Parfenova O. (2018) Transformation of social services for the elderly in the regional context of modern Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 21. No. 2. P. 165—186. (In Russ.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.6>.

Чернова Ж. В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295—318.

Chernova J. (2011) Who, whom and under what conditions should care? Gender Analysis of Care Regimes and Family Policies. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 3. P. 295—318. (In Russ.)

Braun V., Clarke V. (2006) Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 77—101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>.

Certeau M. (1984) *The practice of everyday life*. Berkeley.

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.

Hochschild A. (2003) *The Commercialization of the Intimate Life: Notes from Home and Work*. Berkeley: University of California Press.

Kremer M. (2005) *How Welfare States Care. Culture, Gender and Citizenship in Europe*. PhD thesis. Utrecht University.

Lewis J. (1997) Gender and Welfare Regimes: Further Thoughts. *Social Politics*. Vol. 4. No. 2. P. 160—177.

Yin R. K. (2004) *The case study anthology*. Sage.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.10

Правильная ссылка на статью:

Соломин М. С. Когда опасности становятся рутинной: конструктивистский подход в исследовании профессиональных рисков (на примере работников угольных предприятий г. Новокузнецка) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 187—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.10>.

For citation:

Solomin M. S. (2019) Danger becoming routine: a constructivist approach to the study of occupational risk (a case of coal mine workers in Novokuznetsk). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 187—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.10>.

М. С. Соломин

КОГДА ОПАСНОСТИ СТАНОВЯТСЯ РУТИНОЙ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ Г. НОВОКУЗНЕЦКА)

КОГДА ОПАСНОСТИ СТАНОВЯТСЯ РУТИНОЙ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ Г. НОВОКУЗНЕЦКА)

DANGER BECOMING ROUTINE: A CONSTRUCTIVIST APPROACH TO THE STUDY OF OCCUPATIONAL RISK (A CASE OF COAL MINE WORKERS IN NOVOKUZNETSK)

СОЛОМИН Максим Сергеевич — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: msolomin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8649-9425>

Maxim S. SOLOMIN¹ — Post-graduate student, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: msolomin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8649-9425>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена развитию конструктивистского подхода к изучению профессионального риска. Автор предлагает концептуальную схему анализа, которая основывается на теоретических предпосылках социологии риска, таких как неизбежность риска, его воспроизводимость в ходе интеракций, социальная обусловленность. Ядром этой схемы является положение, согласно которому профессиональный риск неразрывно связан с субъектом, принимающим решение. Отдельное внимание уделяется влиянию «жизненного мира» профессии на формирование представлений субъекта о рисках.

Автор показывает возможный вклад конструктивистского подхода в решение такой социологической проблемы, как расхождение реального поведения работников с нормативно закрепленными предписаниями техники безопасности.

Эмпирическую базу исследования составляют 12 полуструктурированных интервью с работниками угольных предприятий г. Новокузнецка. Было выявлено, что действия работников обусловлены представлениями о допустимых издержках и возможных выгодах. Эти представления, формируясь в условиях, когда профессиональная среда представляет собой набор рутинизированных опасностей, в определенных обстоятельствах смещаются в сторону возможной выгоды. В результате те формы поведения, которые с позиции реалистского подхода к анализу риска считаются нарушением формальных норм безопасности, могут быть устойчивыми действиями, направленными на получение выгоды, необязательно материальной.

Abstract. The article is devoted to the development of constructivist approach to studying the occupational risk. The author proposes a scheme of conceptual analysis based on theoretical prerequisites of sociology of risk, namely risk inevitability, risk reproduction during interactions, and social causation. The core idea of the scheme states that professional risk is closely tied to the subject making decisions. A special attention is paid to the impact of the “life world” on subject’s perceptions of risks.

The author shows how constructivist approach helps explain such sociological dilemma as divergence between workers’ actual behavior and labor safety regulations.

The empirical basis of the study is 12 semi-structured interviews with the workers of Novokuznetsk coal-mining enterprises. The study reveals that workers’ behavior is defined by their perceptions of acceptable costs and possible benefits. These perceptions, being formed in an environment full of daily hazards, gravitate towards possible benefit under certain circumstances. As a result, those behavior forms which are regarded as violations of safety regulations in terms of realistic approach towards risk analysis, can be routine activities aimed at gaining profit, not necessarily a material one.

Ключевые слова: профессиональный риск, реализм, конструктивизм, рутинизация опасностей, безопасность

Keywords: occupational risk, realism, constructivism, routinization of hazards, safety

Постановка исследовательской задачи

Многообразие социологических подходов к изучению риска можно разделить на две большие группы в зависимости от эпистемологических оснований: реалистские и конструктивистские [Lupton, 1999]¹. Используя данную классификацию, ранее мы предложили два соответствующих подхода к изучению профессионального риска [Соломин, 2019]. Реалистский подход определяет профессиональный риск как вероятность реальной угрозы и возможного ущерба работникам вследствие воздействия на них вредных производственных факторов различного генеза, которая может быть измерена независимо от социально-культурного контекста. Исследования, базирующиеся на этой предпосылке, ориентированы на создание универсального эталона риска, с помощью которого можно было бы сравнивать различные виды ущерба, выводя из этого приемлемый риск, понимаемый как допустимый уровень вероятности наступления нежелательного события. Подобная ориентация находит свою популярность не только в различных исследованиях [там же], но и в политических решениях. Например, в России развитие методологии обеспечения безопасности в промышленности началось с концепции абсолютной безопасности, цель которой заключалась в выработке мер, предупреждающих возникновение любых потенциально опасных ситуаций. Подобная цель оказалась недостижимой, и Россия к 2002 г. на законодательном уровне перешла к использованию показателя приемлемого риска, понимаемого как отсутствие недопустимого риска, связанного с причинением ущерба имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде и т. д. [Вишняков, Радаев, 2008].

Популярность реалистского подхода можно объяснить его стремлением перевести понятие риска в измеряемые величины (вероятность наступления события, тяжесть последствий), что, безусловно, полезно с точки зрения сбора статистических данных (частота смертельных исходов, причины травматизма на производственных объектах и др.). Однако, несмотря на достаточно широкое применение данного подхода, он имеет некоторые существенные ограничения. Реалистский подход оставляет связь риска с решением за скобками, что приводит к соответствующим недостаткам: игнорируется вопрос о том, что именно индивид признает рискованным, какие действия и исходя из каких представлений о результате он принимает в отношении тех или иных опасностей. Игнорируется также и парадоксальность рисков [Бехманн, 2010]: в отечественной литературе можно встретить термин «субъектно-объектная природа риска» [Зубков, 2003], что близко идее «парадоксальности», указывающей на стирание границ между субъектом и объектом риска. Человек выступает одновременно и субъектом, и объектом

¹ Под эпистемологическими основаниями понимаются те или иные представления о природе риска, то есть о его сущности и возможностях его изучения. Д. Лаптон предлагает говорить о континууме возможных эпистемологических позиций, на одном полюсе которого располагаются «реалистские», а на другом — «радикально конструктивистские» подходы к анализу риска. В целях своей работы мы несколько упрощаем эту классификацию, выделяя только реалистский и конструктивистский подходы.

риска: если он принимает решение о каком-либо действии, то возрастает неопределенность в плане следствий этого выбора, а если же человек отказывается от решения, то появляется неопределенность в плане потери возможных выгод. Иными словами, различие наличия или отсутствия риска исчезает. Если говорить о парадоксальности профессиональных рисков, это означает, с одной стороны, влияние профессиональной среды на действия субъекта, с другой — действия субъекта влияют на состояние среды, а также на результат последствий тех или иных ситуаций.

С этими «упущениями» можно работать в русле конструктивистского подхода. Согласно конструктивистской позиции, риск есть социокультурный продукт, результат отбора некоторых событий (как правило, речь идет о реальных угрозах и опасностях), маркированных как риски. Предполагается, что если риск рассматривать в качестве социального феномена, возникающего из решений и целенаправленного поведения субъектов в условиях ограниченного знания о внешних угрозах, то в принципе можно достичь пусть и ограниченного, но объективного знания о риске [Иванов, 2015]. Стоит отметить, что сама идея социальной обусловленности риска восходит к культурно-символической теории М. Дуглас [Douglas, Wildavsky, 1982]. Здесь индивид конструирует свое восприятие риска в процессе интеракций. При этом риск связывается уже не с опасностью, но с решением [Луман, 1994], а значит, подразумевает под собой субъекта действия и его представления об ожидаемом исходе в терминах возможных выгод и издержек. В подобном ключе профессиональный риск представляет собой уже не вероятность угрозы и возможного ущерба работникам вследствие воздействия на них вредных производственных факторов различного генеза (как это свойственно реалистскому взгляду на природу риска), а совокупность возможных решений (действий) субъекта, обусловленных, с одной стороны, рамками «жизненного мира» профессии (знания, навыки, опыт, нормы), с другой — представлениями субъекта о возможных издержках/выгодах, получаемых в ходе осуществления профессиональной деятельности [Соломин, 2019]. Такая дефиниция учитывает не только объективную сторону профессиональных рисков (наличие опасности), но и их субъективные основания, а именно тот факт, что риск связан с субъектом, принимающим решение. Данная статья преследует цель реконструировать логику конструктивистского подхода к анализу профессионального риска на примере рабочих угольных предприятий.

Эмпирическая база исследования

В качестве метода сбора данных² выбрано полуструктурированное интервью [Семенова, 1998]. Адекватность выбора данного метода обосновывается следующими соображениями. Во-первых, поскольку мы изучаем, как конструируются представления о риске у представителей профессий, в которых опасность воспринимается как нечто перманентно присущее виду деятельности как таковому, наша методология может считаться интерпретативной: нам важно было понять, что признается рискованным и какие действия применяются в отношении рисков.

² Данные были собраны в рамках работы над магистерской диссертацией, защищенной в 2016 г. в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Во-вторых, представления о риске такой профессиональной группы, как шахтеры, мало изучены, что указывает на необходимость сбора качественных данных.

Опираясь на работу И. Штейнберга и соавторов, мы использовали выборку критических случаев. Критическим случаем считается тот фрагмент транскрипта интервью, где отражена информация о действиях, которые классифицируются как нарушение с позиции нормативного контроля [Штейнберг и др., 2009]. Обсуждение именно таких случаев, с нашей точки зрения, позволяет «вскрыть» составляющие элементы представлений о рисках. Для анализа полученных данных был применен индуктивный анализ, предполагающий выделение нескольких сюжетов в рамках интервью с целью проведения их последующих обобщений [там же]. Гайд интервью можно условно разделить на следующие блоки (сюжеты):

1. Знание техники безопасности. Техника безопасности рассматривалась нами как формально закрепленный вариант поведения рабочего, который сводит к минимуму вероятность возникновения нежелательных ситуаций. Примеры вопросов: «Расскажите о правилах передвижения в шахте», «Какие средства индивидуальной защиты должны всегда быть в инвентаре у шахтера?».
2. Блок, посвященный оценке норм техники безопасности как основного способа минимизации нежелательных ситуаций. Для выявления этой оценки мы просили информантов, во-первых, из предложенного перечня опасных ситуаций³ выделить те, с которыми они сталкивались, а во-вторых, высказать точку зрения о том, всегда ли нормы техники безопасности гарантируют защиту от этих ситуаций.
3. Блок вопросов, направленных на выявление того, что респондент считает рискованным в своей работе и как происходит ранжирование рисков. Пример вопроса: «Предположим, что все угрозы в шахте можно условно разделить на три группы: природные, технические и “человеческие”. Какую из групп Вы считаете первостепенной? Почему?».
4. О поведении респондентов в тех или иных ситуациях риска, включая выявление целевых мотивов, например: «Что бы Вы предпочли: идти пешком или доехать на вагонетке, предназначенной для перевозки материалов? Почему? Каковы могут быть последствия?». Данный блок необходим для прояснения реального, привычного для респондента поведения.

Респондентами выступили инженерно-технические работники (ИТР), основная функция которых состоит в контроле производственных процессов непосредственно в шахте, а также рабочие горных специальностей, таких как горный рабочий (ГРП), подземный электрослесарь и др. Первоначально предполагалось рассматривать данные категории респондентов автономно друг от друга. Однако в ходе некоторого знакомства со спецификой их профессий было принято решение объединить данные категории в одну группу, так как ИТР и рабочие иных горных специальностей непосредственно находятся в производственной среде, в равной степени взаимодействуют друг с другом и имеют дело с опасностями, связанными с их профессиональной деятельностью. Они могут выступать субъектами принятия

³ Перечень был предоставлен нам одной из угольных компаний г. Новокузнецка. Он насчитывает более 60 опасных ситуаций.

решений непосредственно при реализации трудового процесса. Это позволяет принять допущение, что рабочие угольных предприятий, независимо от конкретного содержания их специальности, представляют собой некоторую однородность в аспекте организации обращения с рисками. Данные о респондентах приведены в таблице 1.

Таблица 1. *Перечень информантов*

Имя	Возраст	Стаж работы/должность
Сергей	48 лет	Подземный электрослесарь, стаж работы: более 20 лет.
Валерий	27 лет	Проходчик 4 разряда, стаж работы: 1 год 3 месяца.
Юрий	50 лет	Отводчик, стаж работы: 25 лет
Валерий	56 лет	Горнорабочий очистного забоя (ГРОЗ), стаж работы: 32 года
Максим	39 лет	Горномонтажник подземный, стаж 10 лет
Николай	31 год	Горнорабочий очистного забоя (ГРОЗ), стаж работы: 8 лет
Алексей	27 лет	Электрослесарь подземный, стаж работы: 6 лет
Сергей	31 год	Помощник начальника участка, стаж работы: 10 лет
Александр	29 лет	Горномонтажник подземный, стаж работы: 6 лет
Владимир	41 год	Машинист горных выемочных машин, стаж работы: 19 лет
Иван	25 лет	Электрослесарь подземный, стаж работы: 5,5 лет
Андрей	29 лет	Электрослесарь подземный, 4го разряда, стаж 5 лет

Всего было собрано 12 интервью. Проводились они в домашней обстановке. Достоинство такого формата проведения интервью в том, что вероятность получить искренние ответы повышается за счет отсутствия «посторонних» факторов давления на респондента. Запись ответов велась на диктофон.

Профессиональный риск: структурные элементы

Предложенная нами концептуализация профессионального риска осуществляется прежде всего с позиции действующего субъекта, то есть перспективы, отстаиваемой представителями конструктивистского подхода.

Рассмотрим структурные элементы профессионального риска, изображенные на рис. 1.

Рисунок 1. Структурные элементы профессионального риска

Термин «жизненный мир профессии» отсылает нас к феноменологическому подходу. Трактовка профессии как деятельности, характеризующейся внутренним единством, знаниями, технологиями, но при этом относительно закрытой для внешнего мира, восходит к работам Ч. Э. Хьюза. Автор не пытается ответить на вопрос, каковы характеристики профессионала (нивелируя различие между профессией и занятием, что является особенностью англосаксонской традиции⁴), но анализирует сферу непосредственных социальных взаимодействий [Хьюз, 2008], что ближе к нашей работе.

Данная схема базируется на теоретических основаниях, общепризнанных в социологии риска, которые в своей основе имеют конструктивистскую природу⁵. Во-первых, представления субъекта о возможном результате действия («выгодно — ущербно») есть не что иное, как допустимый порог риска [Луман, 1994], конструирование и восприятие которого детерминировано социально-культурным контекстом. Данное понятие отражает функциональную связь между поведением индивида и возложением ответственности за неблагоприятные результаты его действий. В этом смысле риск является некоторым регулятивным понятием, с которым индивид соотносит собственные решения [Дуглас, 1994].

Во-вторых, мы признаем принципиальную неустранимость риска из социальной жизни. Риски воспроизводятся благодаря «машине» под названием «принятие

⁴ Подробный обзор подходов к исследованию профессий см. [Абрамов, 2014].

⁵ Более подробно о ключевых подходах социологии риска см. [Яницкий, 2003].

решений» [Бек, 2000]. Здесь важно помнить, что если риски объективны, то содержание рискованного поведения субъективно [Зубков, 2003]. Конечным элементом структуры профессионального риска, предложенной на схеме, является действие. Поэтому понятие профессионального риска мы связываем с концепцией социального действия Т. Парсонса. Он рассматривает действие «как единицу с точки зрения определенной системы координат» и выделяет ряд фактов, конституирующих единичный акт: актер, цель деятельности, социальная ситуация и нормативная система [Парсонс, 2000]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что структура социального действия рабочего угольного предприятия состоит из двух элементов: с одной стороны, он сам, наделяющий субъективными смыслами и интенциями свои действия, с другой — профессиональная среда и нормы, ограничивающие выбор целей и средств.

Угольное предприятие — это среда с повышенной степенью риска. Ее особенность в том, что взаимодействие индивидов протекает в условиях интерактивной комплексности системы, а это означает жесткую взаимозависимость ее частей, когда прямая связь между инцидентами, приведшими к аварии, может отсутствовать [Perrow, 1994]. Опираясь на работы отечественных социологов, мы полагаем, что рискованное действие лишь косвенно связано с нежелательными последствиями, скорее это лишь один из вариантов исхода рискованной ситуации, возможный благодаря наличию объективных источников опасности, которые делают риск неизбежным и не зависящим от сознания субъекта [Зубков, 2003]. Однако поскольку риск связан прежде всего с решением, то исходной категорией выступает активность субъекта, его действие, которое направлено на определенную цель, то есть на «будущее положение вещей» [Гаврилов, 2007]. Исходя из этого, представления о риске необходимо связывать не только с вероятностью возможного ущерба, но и с шансами достижения возможной выгоды. В таком случае существует не только вариативность последствий, но и вариативность действий субъекта.

Тем не менее, несмотря на то что шахта — это среда с повышенной степенью риска, большинство действий для работника носят рутинный характер. Работники не отрицают, что их работа связана с опасностями, но считают ее частью своей повседневной жизни:

«Для меня это привычная среда» (Александр).

«После раза десятого, как спустился в шахту, стало нормально все, а до этого как-то боязно было» (Сергей).

Рутинизация действий обуславливает дуальность структуры: с одной стороны, их рутинный характер сохраняет целостность личности, с другой — именно благодаря воспроизводству повседневных действий поддерживается функционирование социальных институтов вообще [Гидденс, 2005]. Мы считаем, что это справедливо и для функционирования профессий. Именно в этом и состоит влияние жизненного мира профессии на представления индивида о возможных результатах принятых решений: в начале своей трудовой деятельности работник действует из соображений безопасности, и «сумма» его возможных решений в тех или иных ситуациях детерминирована техникой безопасности, которая усваивается еще в процессе профессиональной подготовки, затем один-два раза в год работники

сдают экзамены на знание техники безопасности. С накоплением опыта меняется восприятие среды, а следовательно, и представления о возможных издержках и выгодах, что приводит к возрастанию вариативности действий. Рабочее пространство воспринимается одновременно и как повседневное, и как пространство, где безопасность представляет специфический набор минимизированных опасностей, которые не могут быть заранее до конца познаны. Ясно только то, что полностью исключить вероятность возникновения нежелательных событий невозможно. Когда мы предоставили респондентам перечень возможных опасных ситуаций и попросили их отметить те, с которыми они сталкивались за последний месяц, многие респонденты иронично заметили, что *«проще указать те, с которыми не сталкивался»*. Иными словами, мы основываемся на вполне простом допущении, что работник соблюдает нормы техники безопасности или нарушает их, исходя из собственных представлений о риске как некоторой измерительной величине, расположенной на шкале «безопасность — опасность». При этом само понятие риска не является для респондентов строго определенным.

Ранее мы писали, что наша концептуальная схема конструктивистского подхода базируется, с одной стороны, на том, что риск представляет собой социальный конструкт, с другой — на принципиальной неустранимости риска из «ткани социальной жизни». Справедливым будет указать, что для внешнего наблюдателя (коим зачастую является сам исследователь) справедливо утверждение У. Бека, что риск — это результат взаимодействия общества с продуктами модернизации [Бек, 2000]. Вероятно, поэтому многие исследования безопасного поведения на угольных предприятиях «растворяются» в ограничениях реалистского подхода. Показательно исследование А. Хопкинса, посвященное причинам аварии на австралийской шахте «Гретли». Первоначально причиной аварии считался риск природного характера, а именно тот факт, что работы велись на недостаточном расстоянии от старых выработок. Безусловно, такие риски, как самопроизвольное обрушение кровли или повышение газа метана, всегда гипотетически возможны. Однако впоследствии комиссия по расследованию пришла к выводу, что предотвращение аварии было в пределах возможности и компетенции руководителей предприятий и основной причиной произошедшего стало пренебрежение руководства, которое не сумело провести необходимые мероприятия для предотвращения бедствия. Причина пренебрежения — «погоня» за прибылью [Hopkins, 1984]. Проблема таких исследований состоит в том, что в практическом плане гипотетические обобщения уровня «дисфункция X приводит к ситуации У» обречены на неминуемое подтверждение. Любая вариация ответов на вопрос о причинах расхождения реального поведения с формальными правилами безопасности, будь то «стремление работников выполнить план» или «несостоятельность культуры безопасности» [Reason, 1998]⁶, так или иначе, находят свое подтверждение как в количественных, так и в качественных исследованиях. Поясним: при подобном

⁶ Д. Ризон определял культуру безопасности как организованное поведение в различных ситуациях рабочего процесса, в основе которой лежат определенные ценности, нормы, опыт и процессы коммуникации. Автор выделял организации с эффективной и неэффективной культурой безопасности. Неэффективная культура безопасности — это культура, неспособная минимизировать риски. Профессиональный риск в данной теоретической перспективе представляет собой оценку вероятности происхождения нежелательных ситуаций, что соответствует реалистскому взгляду на природу риска.

ракурсе рабочий рассматривается как источник опасности, но не как субъект принятия решений. Очевидным выводом становится то, что исключить такую «опасность», как человек, просто невозможно — так же как и просчитать частоту тех или иных проявлений индивида. Административное контролирование происходит уже постфактум, то есть после инцидента, аварии или катастрофы, когда поиск первичного источника риска уже не имеет первостепенного значения. Подобный стиль «управления» рисками попадает в «структурный дрейф» [Луман, 1994], суть которого сводится к тому, что социальные системы, имеющие дело с техникой, используют опыт, привычки, аргументы прошлого, пока не произойдет нечто неожиданное. После этого начнутся поиски виновных, изменятся предписания, но не структурные связи, которые приведут к повторению случившегося. Логика анализа риска также останется прежней: за рабочим «не признают» субъектности. Между тем сами рабочие угольных предприятий могут считать иначе. Приведем в качестве примера суждение респондента:

«Мужики сами знают, что делать и как. Ты дай ему наряд и не лезь! Ты скажи: вот это сделай, а как он будет это делать, он сам знает. Не надо указывать ему, ты потом приди и посмотри, что он сделал и как» (Максим).

Вопрос расхождения поведения с закрепленными нормами поведения («техникой безопасности») является социологической проблемой, которая, с точки зрения автора, не может быть достаточно изучена в логике реалистского подхода в виду того, что в ней смещаются понятия «риск» и «опасность» и игнорируются субъективные детерминанты профессионального риска. Завершив обзор структурных элементов понятия «профессиональный риск», мы продемонстрируем возможный вклад конструктивистского подхода в анализ вышеуказанной проблемы.

Проблема следования правилам

Все респонденты знакомы с техникой безопасности. В противном случае, по выражению одного из информантов: «Кто бы его в шахту пустил?». Наша задача состояла не в проверке «правильности» или «неправильности» знаний респондентов, а в выявлении общих (характерных для всех должностей) повседневных практик использования этих правил. Если исходить из того, что человек рассказывает более подробно о том, с чем сталкивается чаще всего, то «ярче» всего знания и оценка норм техники безопасности проявились при обсуждении вопроса об использовании средств индивидуальной защиты («СИЗы»⁷) и правил передвижения по шахтовым выработкам.

«Самоспасатель должен всегда на тебе находиться. Конечно, нет, конечно, ты его повесил метров на пять, раньше было так, повесили мы его и в лаву ушли метров на 300, шарохаемся там, а спасатель висит черт знает где. Потом за это наказывают. За любое нарушение, которое ты совершил, тебя наказывают» (Максим).

«Взять, к примеру, очки СИЗ — да, средства индивидуальной защиты. Постоянно очки забиваются пылью. Очки ненадежны чем — они очень царапаются и очень легко их поцарапать. То есть очки брать на каждую смену — тебе их никто не будет там выписывать, давать их. В основном очки берегут, это для того, если пошел инспектор. В очках вообще

⁷ «СИЗы» — так шахтеры называют средства индивидуальной защиты. Обычно в них входят очки, самоспасатель, рукавицы, респираторы.

в принципе неудобно работать. Опять же, об удобстве никто не говорит — в очках же можно травмироваться — опять же, если одел очки, которые там зацарапаны уже или грязные. А грязные они отчего — потому что постоянно пыль. И она оседает на очки, это постоянно их протирать, это... ну, человек сам себе усложняет работу — так же, как и лепесток⁸... Если большая концентрация пыли, то он, конечно, оденет лепесток. А так в основном лепестки не надевают, так же, как и беруши. Беруши я вообще в принципе не видел, чтобы кто-то одевал. Одевают, если кто-то решил поспать, чтобы никто его не беспокоил» (Александр).

То же самое, но о правилах передвижения: с одной стороны, правила езды по выработкам подчинены закреплённым нормам:

«Ну, вообще оборудованные ленты⁹, они оборудованы светом, везде высота есть, чтобы ты мог спокойно ехать и головой не удариться ни обо что, оборудована сходными площадками и посадочными. И перед тем, как ты пришел, к примеру, первый день работать, на нашу “Юбилейную” шахту, тебе вот если по ТБ руководствоваться, как положено все, тебе должны провести инструктаж. То есть мастер непосредственно, плюс два человека должно быть, один спереди тебя садится на ленту, едет. Ты садишься за ним следом, и за тобой садится человек, который уже опытный рабочий. Первый раз они тебя везут, садят на выключенную ленту, садишься на нее, везут тебя. И когда ты подъезжаешь к сходной, тебе ее останавливают. А по идее ты же на ходу там запрываешься и прыгаешь с нее. И вот после нескольких раз, сначала на выключенной ленте тебя прокатят разок, потом уже на включенной попробуют. И потом, когда уже посмотрят, тогда уже будешь иметь право на ней ездить. Вообще — вот ты первый день пришел в шахту, ты не имеешь права на ней ездить, на ленте. Тебе должны провести инструктаж, потом в книжечке ты должен расписаться, в журнале» (Иван).

С другой стороны, эти правила нарушаются. Если апеллировать к полученным данным, нарушаются регулярно. При этом суждения некоторых респондентов говорят о коллективности подобного поведения:

«Идешь когда в шахту вниз — ты идешь по лентам, смотришь — то есть на эту ленту. И у тебя глаз уже наметанный, ты опытный ездок по лентам, и вот так смотришь, да, вот здесь я уже домой по ней поеду. Ты смотришь, чтобы всю дорогу она была свободна. Видишь, чтобы цепочка висела, чтобы тебе слезть потом с ленты. И вот мы когда еще ездили раньше на лентах, на “Ерунаковской” еще, мы ездили, дальше сходных проезжали и там на прогончик слезили. И каждый день, когда я на работу шел, то я всегда смотрел, не повесили там что-то, где я ездил, потому что в шахте все очень быстро. Сегодня, к примеру, едешь, у тебя лента свободная, все чисто, а завтра там вентилятор поставили, в том месте, где ты вчера ехал. То есть каждый день, когда идешь на работу, вот так смотришь. Если ты не помотришь, забыл или отвлекся, то в конце смены с мужиками так: «Что? Едем? Едем». То есть так у нас, конечно, вслепую не ездили» (Иван).

Несоблюдение этих мер несет за собой вполне определенную угрозу:

«Вот месяца два-три назад было. Пацану 22 года. У нас на “Осинниковской”, ой, на “Есаульской”. Пацан ехал на доставке, тоже ехал, сидел на вагоне этом, лебедкой

⁸ «Лепесток» — респиратор.

⁹ «Лента» — ленточный конвейер, предназначенный для транспортировки материалов в шахту.

вагон вытаскиваем на тросу. Он что-то спрыгнул неудачно, поскользнулся, упал, и нога прям на рельсы... Сейчас все, без одной ноги, на всю жизнь» (Андрей).

Можно было бы предположить, что несоблюдение правил езды по лентам является социальной нормой, противоречащей норме юридической [Эльстер, 2011]. Однако возможны и другие формы поведения:

«Ну, назад ходят по лентам. Я раз прошел назад по лентам, но потом я решил, что просто легче идти рядом с лентой вперед, чем идти назад по ленте» (Алексей).

То, что правила могут нарушаться — не новое знание. Так же, как и то, что правило, имея обобщенный вид, не может быть сообщено с максимально достаточными основаниями, иначе говоря, правила не подразумевают полного описания всех ситуаций, при которых мы должны следовать этому правилу [Витгенштейн, 1994]. Парадокс в том, что попытки уточнения условий следования правилу не приводят к устойчивому положительному результату: в Австралии в институте Квинсленда был разработан перечень опасных ситуаций, насчитывающий около десяти тысяч подобных ситуаций, однако нарушения не прекратились [Hopkins, 1984]. В начале статьи мы уже упоминали, как развивалась методология обеспечения безопасности в нашей стране. Однако с точки зрения конструктивистского подхода к анализу профессионального риска никакого парадокса здесь нет. С конструктивистской точки зрения любые формальные правила могут быть рассмотрены как «схема рациональности», цель которых — организовать реальность вокруг нас, сделав ее измеримой, коллективной и капитальной [Ewald, 1991]. Техника безопасности на угольных шахтах — это схема рациональности, которая носит формальный и обязательный характер. Однако она не единственно возможная. Более того, несмотря на то, что эти правила вырабатываются экспертами [Вишняков, Радаев, 2008], они не являются доминирующими «указателями» действий (иначе, возможно, вообще не возникло бы дискурса о «человеческом факторе»). Именно тот факт, что «обыденные стратегии» минимизации риска могут заменять стратегии, выработанные экспертами, отказывается принять реалистский подход [Zinn, 2004]. Существует мнение, что с помощью «неотвратимости» наказания можно искоренить нарушения [Павлов, 2010]. Между тем наши данные показывают, что усиление контроля создает вероятность опасности для работников, поскольку требует от них выработки действий, направленных на избежание контроля. Проиллюстрируем на примере с использованием самоспасателя:

«Сталкивался. Я развернулся, пошел в обратную сторону, он мне кричит. Привод работает, я сделал вид, что не слышу. За угол завернул, куртку снял приметную. И быстрее за спасателем. Мужиков останавливают — спрашивают, где спасатель. Они говорят: „Вот он! Сейчас-сейчас...“ и убегают» (Валерий).

Нетрудно догадаться, что в попытке избежать контроля работник создает для себя потенциально опасные ситуации, которых мог бы избежать. Здесь важно отметить, что никто из работников не отрицает целесообразности техники безопасности. Однако, как показано на рис. 2, ею руководствуются в определенных случаях.

Данная схема показывает, что работники угольных предприятий руководствуются техникой безопасности в двух случаях: если возникают угрозы природного характера (например, если датчики фиксируют опасную концентрацию метана), и если ситуация не является обыденной, то есть выходит за рамки опыта работника:

«Нас послали работать, а проходчики сбились, очень старая выработка была, еще при коммунистах сделанная. Они сбились и пошли рядом, а там все хрустит и валится. Там прям хруст такой стоит. Я отказался работать, мастер позвонил начальнику и сказал, что мы отказываемся работать, потому что здесь непонятно что, все ломается, хрустит. Мы отказались. Это наше право полностью. Потому что данное место не отвечает технике безопасности» (Максим).

Рисунок 2. Типы решений в зависимости от ситуации

Если же рабочие попадают в ситуацию, когда, с их точки зрения, возможен «опытный расчет последствий», то соблюдение техники безопасности оценивается как нецелесообразное, потому что ведет не только к замедлению рабочего процесса и, как следствие, к возможности невыполнения производственной задачи, что понимается как невыгода, но и не гарантирует безопасности. Стоит отметить, что «выгода» для работника — это не всегда материальное вознаграждение. Суждения, которые мы приводили на протяжении статьи, говорят о том, что под выгодой может пониматься экономия и времени, и собственных сил.

Таким образом, мы считаем, что восприятие риска рабочими угольных предприятий ситуативно: если ситуация повседневная (пусть и сопряженная с угро-

зами), опасности, с которыми работник сталкивается чаще всего, становятся рутинными. Шахтер, находясь в ситуации выбора способа адаптации к угрозам, субъективно «не покидает» свой «защитный кокон», если использовать термин Э. Гидденса, несмотря на то что ни одна из альтернатив не гарантирует абсолютной безопасности [Гидденс, 1994]. Происходит «опривычивание» действий, которые с точки зрения нормативной системы признаются нарушениями, но привычны для самого рабочего, его представления о риске смещаются в сторону вероятности получения выгоды. Почему подобные действия считаются нарушениями? С нашей точки зрения, причина подобного взгляда коренится в том, что технология обеспечения безопасности до сих пор стремится достичь «нулевого» риска, тогда как для работников угольных предприятий наличие рисков привычно.

Заключение

В статье развивается конструктивистский подход к изучению профессионального риска. Мы предложили концептуальную схему анализа данного феномена, которая основывается на теоретических предпосылках социологии риска, таких как неизбежность риска, его воспроизводимость в ходе интеракций, социальная обусловленность. Нам удалось показать, что риск неразрывно связан с субъектом, принимающим решение. Отдельное внимание было уделено влиянию «жизненного мира» профессии на формирование представлений субъекта об издержках и выгодах. Далее, отталкиваясь от ограничений реалистского подхода к анализу риска, на примере рабочих угольных предприятий г. Новокузнецка продемонстрирован возможный вклад конструктивистского подхода в решение такой социологической проблемы, как расхождение реального поведения работников с формальными предписаниями техники безопасности. Рабочие определяют себя как субъектов риска, то есть как субъектов, принимающего решение. То, какое действие совершит работник (нормативное или нет), обусловлено представлениями о допустимых издержках и возможных выгодах. Эти представления, формируясь в условиях, когда профессиональная среда представляет собой набор рутинизированных опасностей, в определенных обстоятельствах смещаются в сторону возможной выгоды. Это приводит к неоднозначности в определении границ порога допустимого риска. Такая ситуация вступает в противоречия с принятыми нормами, что, в свою очередь, только расширяет возможности возникновения угроз, источником которых станет сам работник.

Коснемся возможных перспектив дальнейших исследований в рамках конструктивистского подхода. Во-первых, целесообразно исследовать взаимосвязь восприятия работниками угольных предприятий своей профессии с социокультурным контекстом. В частности, известен стереотип (и он был отмечен респондентами) о том, что «один миллион тонн добытого угля равен одной человеческой жизни». Мы предполагаем, что существуют и другие глубоко укорененные стереотипы, формирующие то или иное отношение к профессиональным опасностям. Во-вторых, было бы интересно сравнить полученные выводы со статистическими данными причин различных несчастных случаев. Гипотетически мы предполагаем, что «рутинные» опасности следует искать в наиболее частотном выраженных неблагоприятных исходах. Подобная статистика собирается угольными компаниями, которые неохотно делятся такой информацией. В-третьих, перспективным представляется анализ

самих предписаний техники безопасности. Несмотря на то, что методология обеспечения безопасности на производственных объектах, как было показано в статье, претерпевала изменения, понятие риска в ней осталось прежним. Фактически риск в логике экспертов, разрабатывающих эти правила, представляет собой синоним понятия «опасность», которая никак не зависит от активности субъектов. Результаты данного исследования еще раз доказывают обратное.

Список литературы (References)

Абрамов Р.Н. Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий // Социологический ежегодник. 2014. С. 83—104.

Abramov R. N. (2014) Classification of research areas in the study of occupations and professions. *Sociological Yearbook*. P. 83—104. (In Russ.)

Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 54—66.

Abramov R.N (2005) Professional complex in the social structure of society. *Sociological Studies*. No. 1. P. 54—66. (In Russ.)

Абрамов Р.Н. Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий // Социологический ежегодник. 2014. С. 83—104.

Abramov R.N (2014) Classification of research areas in the study of occupations and professions. *Sociological Yearbook*. P. 83—104. (In Russ.)

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция. 2000.

Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a new modernity*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)

Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010.

Bechmann G. (2010) *Modern society: risk society, information society, knowledge society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : Гнозис, 1994.

Wittgenstein L. (1994) *Philosophical Studies*. Moscow: Gnosis. (In Russ.)

Вишняков Я. Д., Радаев Н. Н. Общая теория рисков. М. : Академия, 2008.

Vishnyakov Ya.D., Radaev N. N. (2008) *The general theory of risks*. Moscow: Academy. (In Russ.)

Гаврилов К. А. Социологический подход к анализу риска // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 40—58.

Gavrilov K. A. (2007) The Sociological Approach to Risk Analysis. *Sociological Journal*. No. 3. P. 40—58. (In Russ.)

Гидденс Э. Судьба, Риск и безопасность // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 107—134.

Giddens A. (1994) Fate, Risk and Security. *THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems*. No. 5. P. 107—134. (In Russ.)

Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М. : Академический проект, 2005.

Giddens A. (2005) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Academic project. (In Russ.)

Дуглас М. Риск как судебный механизм // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1994. № 5. С. 242—276.

Douglas M. (1994) Risk as a Forensic Resource. *THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems*. No. 5. P. 242—276. (In Russ.)

Зубков В. И. Социологическая теория риска. М. : Издательство РУДН, 2003.

Zubkov V. I. (2003) *Sociological Theory of Risk*. Moscow: PFUR Publishing House. (In Russ.)

Иванов А. В. Эпистемологические проблемы теории риска в контексте формирования научно-исследовательских программ социальной рискологии // *Наука и современность*. 2015. № 37—2. С. 70—76.

Ivanov A. V. (2015) Epistemological problems of risk theory in the context of the formation of research programs of social risk. *Science and modernity*. No. 37—2. P. 70—76. (In Russ.)

Луман Н. Понятие риска // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1994. № 5. С. 135—160.

Luhmann N. (1994) The concept of risk. *THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems*. No. 5. P. 135—160. (In Russ.)

Павлов А. Ф. О коренных причинах аварий на угольных шахтах // *Вестник Научного центра по безопасности работ в угольной промышленности*. 2010. № 2. С. 107—111.

Pavlov A. F. (2010) On the root causes of accidents in coal mines. *Bulletin of the Scientific Center for the Safety of Works in the Coal Industry*. No. 2. P. 107—111. (In Russ.)

Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000.

Parsons T. (2000) *On the structure of social action*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

Semenova V. V. (1998) *Qualitative methods: an introduction to humanistic sociology*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

Соломин М. С. Профессиональный риск: от реализма к конструктивизму // *Социологические исследования*. 2019. № 5. С. 45—54. URL: http://socis.isras.ru/index.php?page_id=453&id=7654&jid=&jj= (дата обращения: 09.08.2019).

Solomin M. S. (2019) Professional risk: from realism to constructivism. *Sociological Studies*. No. 5. P. 45—54. (In Russ.) URL: http://socis.isras.ru/en/index.php?page_id=453&id=7654&jid=&jj= (accessed: 09.08.2019).

- Хьюз Э. Ч. Ошибки на работе // Журнал исследований социальной политики. 2008. Том 6. № 3. С. 385—396.
- Hughes E. Ch. (2008) Errors at work. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 6. No. 3. P. 385—396. (In Russ.)
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб. : Алетейя, 2009.
- Shteinberg I., Shanin T., Kovalyov E., Levinson A. (2009) Qualitative methods. Field sociological researches. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. М. : Высшая школа экономики, 2011.
- Elster J. (2011) Explaining social behavior: more nuts and bolts for the social sciences. Moscow: National research university higher school of economics. (In Russ.)
- Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3—35.
- Yanitsky O. N. (2003) Sociology of risk: key ideas. *Universe of Russia*. No. 1. P. 3—35. (In Russ.)
- Douglas M., Wildavsky A. (1982) Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press.
- Ewald F. (1991) Insurance and risk. In: The Foucault effect. Studies in governmentality. Chicago: The University of Chicago Press. P. 197—211.
- Hopkins A., Parnell N. (1984) Why coal mine safety regulations in Australia are not enforced? *International Journal of the Sociology of Law*. No. 12. P. 179—194.
- Lupton D. (et al.) (1999) Risk and sociocultural theory: New directions and perspectives. Cambridge University Press.
- Perrow C. (1994) Normal accidents: living with high risk technologies. Princeton university press.
- Reason J. (1998) Achieving a safe culture: theory and practice. *Work & Stress*. No. 3. P. 293—306. <https://doi.org/10.1080/02678379808256868>.
- Zinn J. O. (2004) Literature Review: Sociology and Risk. Working Paper 1 (SCARR WP1). URL: <http://www.kent.ac.uk/scarr/papers/Sociology Literature Review WP1.04 Zinn.pdf> (accessed: 09.08.2019).

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): июль — август 2019 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 204—224.

For citation:

Public opinion poll (VCIOM): July — August 2019. (2019) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 204—224.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ИЮЛЬ — АВГУСТ 2019

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ЯДЕРНАЯ ВОЙНА: РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА ИЛИ МИФ?205

ФЛАГ, ГИМН, ГЕРБ: НЕЗНАНИЕ НЕДОПУСТИМО208

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ОТНОШЕНИЕ К БРАКАМ И РАЗВОДАМ: МОНИТОРИНГ210

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ ИЛИ ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ? ...213

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ: ДАЕМ РОСТ РОЖДАЕМОСТИ?216

ОБРАЗ ЖИЗНИ

МОБИЛЬНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ В ШКОЛАХ: ЗАПРЕТИТЬ ИЛИ ОСТАВИТЬ219

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПАСПОРТА: ВОПРОС ДОВЕРИЯ 221

ПОЛИТИКА

ЯДЕРНАЯ ВОЙНА: РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА ИЛИ МИФ?.....205

ФЛАГ, ГИМН, ГЕРБ: НЕЗНАНИЕ НЕДОПУСТИМО208

ЯДЕРНАЯ ВОЙНА: РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА ИЛИ МИФ?

3 июля 2019 г.

72% россиян знают реальные случаи применения атомной бомбы в военных конфликтах. Более половины опрошенных (52%) в разной степени опасаются наступления ядерной войны, 46% не беспокоятся по этому поводу. Опасаются угроз ядерной войны чаще женщины и пожилые люди, реже — мужчины и те, кому меньше 45 лет. 79% наших сограждан уверены, что вне зависимости от наличия бомбоубежищ и всевозможных запасов в случае наступления ядерной войны почти никто в ней не выживет.

Рисунок 1. Припомните, пожалуйста, атомная бомба хотя бы раз применялась в реальных военных конфликтах или не применялась никогда? (закрытый вопрос, один ответ, %)

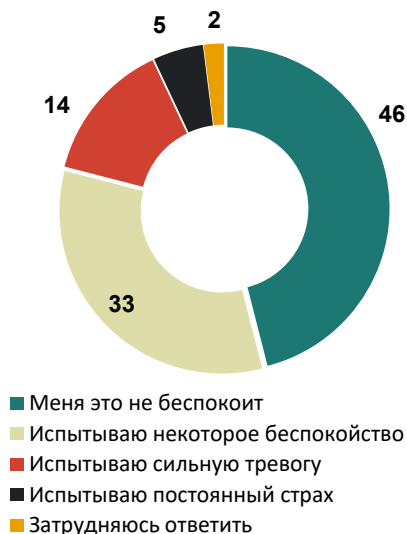

Рисунок 2. Скажите, пожалуйста, в какой степени Вы лично опасаетесь наступления ядерной войны? (закрытый вопрос, один ответ, %)

Рисунок 3. Некоторые люди думают, что если будет достаточно бомбоубежищ, еды, воды и прочих необходимых запасов, то люди в бомбоубежищах смогут выжить в мировой ядерной войне. Другие считают, что даже в бомбоубежищах с запасом еды и прочего почти никто не выживет в мировой ядерной войне. С какой из этих точек зрения Вы в большей степени согласны? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

* Запрещенная в России террористическая организация.

Рисунок 4. Скажите, пожалуйста, какие из стран, организаций, по Вашему мнению, представляют для России угрозу, связанную с использованием атомного оружия? (открытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы, названные не менее чем 1% респондентов)

ФЛАГ, ГИМН, ГЕРБ: НЕЗНАНИЕ НЕДОПУСТИМО

20 августа 2019 г.

Средняя доля россиян, испытывающих гордость, восхищение или симпатию при виде государственной символики России, на протяжении последних десяти лет составляет не менее 80%. 87% наших сограждан знают цвета российского флага, 50% правильно назвали порядок их расположения. 73% россиян знают, что на гербе нашей страны изображен двуглавый орел. 17% в точности воспроизвели первую строку государственного гимна РФ. Чаще всего знают цвета флага, изображение герба и первую строку гимна представители молодежных групп от 18 до 24 лет и от 25 до 34 лет. Более половины наших соотечественников уверены, что незнание государственной символики недопустимо ни при каких условиях (53%).

Рисунок 5. Какие чувства Вы испытываете, когда видите/слышите государственную символику России? Государственный флаг (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

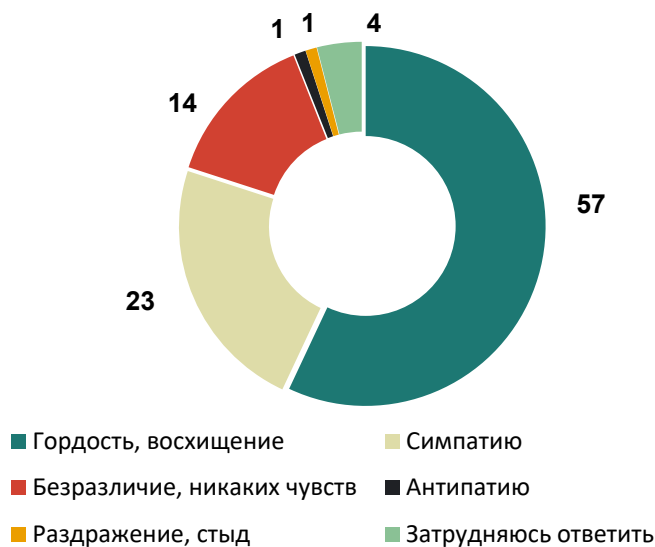

Рисунок 6. Какие чувства Вы испытываете, когда видите/слышите государственную символику России? Государственный герб (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

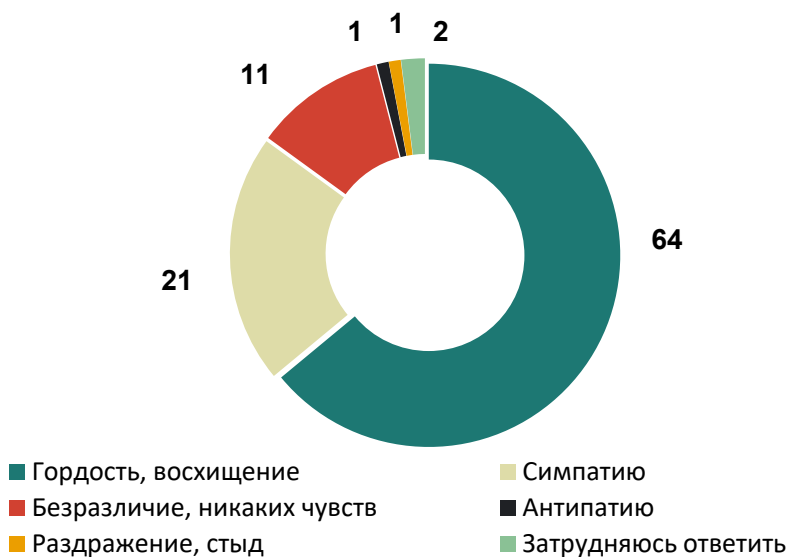

Рисунок 7. Какие чувства Вы испытываете, когда видите/слышите государственную символику России? Государственный гимн (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ОТНОШЕНИЕ К БРАКАМ И РАЗВОДАМ: МОНИТОРИНГ210

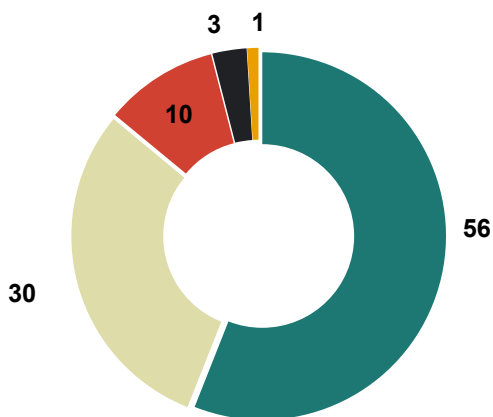
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ ИЛИ ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ? ...213

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ: ДАЕМ РОСТ РОЖДАЕМОСТИ?216

ОТНОШЕНИЕ К БРАКАМ И РАЗВОДАМ: МОНИТОРИНГ

4 июля 2019 г.

Большинство россиян сегодня, как и два года назад, убеждены в необходимости заключения брака (78%). Оптимальный возраст вступления в брак для женщин за последние два года увеличился с 23 до 24 лет. Для мужчин этот показатель не изменился и составляет 27 лет. Топ-3 причин, побуждающих людей к разводу, не изменился за последние шесть лет: бедность, измены, эгоизм и отсутствие взаимопонимания.

- Все зависит от конкретного случая
- Можно разводиться только тогда, когда семья уже фактически распалась
- Нельзя разводиться ни в коем случае, надо сохранить брак любой ценой
- Можно разводиться в любом случае, хуже от этого не будет
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 1. С каким из приведенных мнений Вы бы согласились?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 2. Поговорим о разводах.
 Что, по Вашему мнению, чаще всего вынуждает людей к разводам?
 (открытый вопрос, любое число ответов, %, представлены ответы, выбранные более 1% респондентов)

Рисунок 3. Как Вы считаете, кому лучше оставлять детей после развода: матери или отцу?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ ИЛИ ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ?

9 июля 2019 г.

Образование, по мнению россиян, является социальным лифтом, обеспечивающим успешную карьеру и достижение жизненных целей, но убежденность в этом с каждым годом снижается. Уровень образования и материальное благополучие, согласно мнению россиян, не имеют прямой взаимосвязи — за последние 28 лет это мнение стало устойчивым. В последние три года среди большинства россиян утвердилось мнение о снижении доступности высшего образования.

Рисунок 4. В настоящее время многие люди стремятся получить высшее образование. Как Вы думаете, зачем? (закрытый вопрос, до двух ответов, % от всех опрошенных)

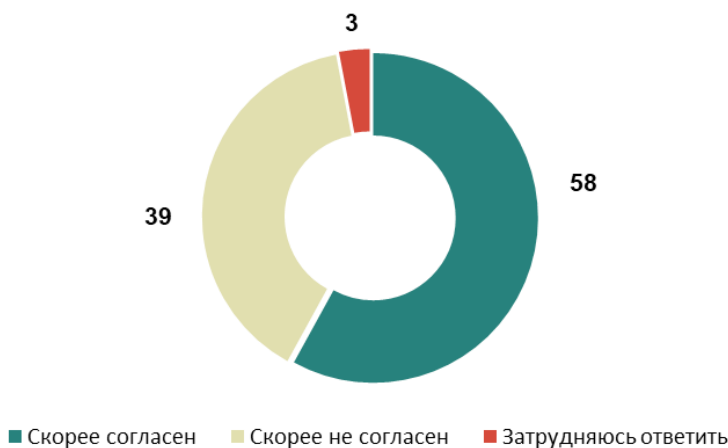

Рисунок 5. Согласны ли Вы или нет с тем, что высшее образование обеспечивает человеку успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

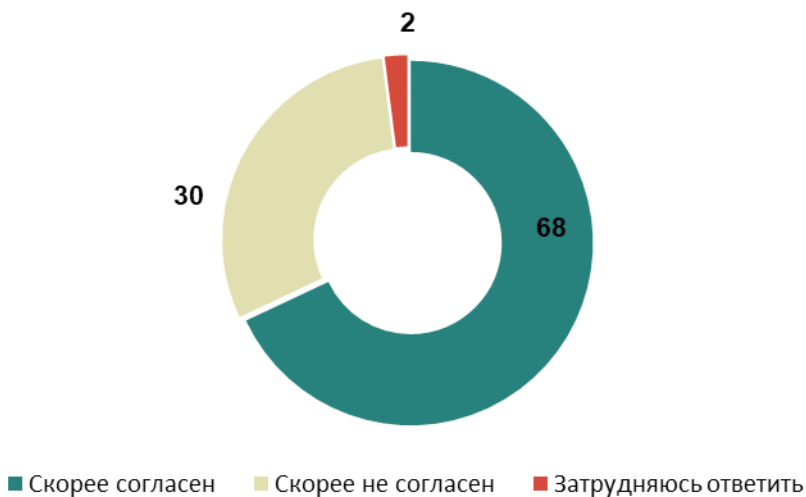

Рисунок 6. Согласны ли Вы или нет с тем, что значимость высшего образования часто преувеличивают, в наше время и без него можно сделать удачную карьеру и устроить свою жизнь?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

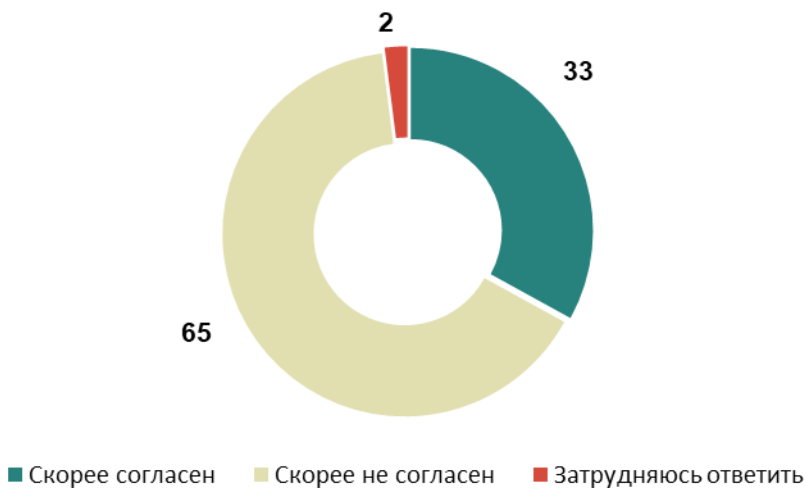

Рисунок 7. Согласны ли Вы или нет с тем, что без высшего образования человек обречен на низкооплачиваемую и непрестижную работу?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

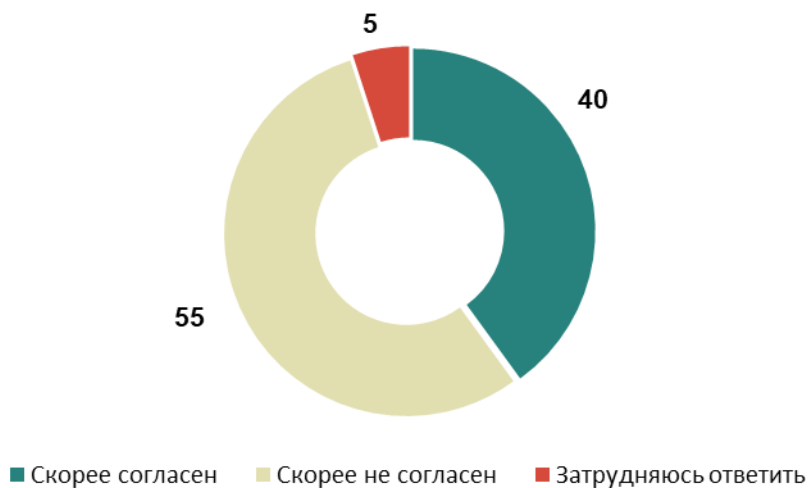

Рисунок 8. Согласны ли Вы или нет с тем, что на получение высшего образования никаких денег не жалко? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

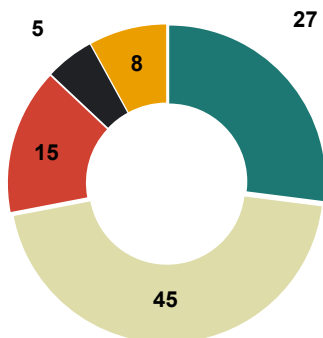
МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ: ДАЕМ РОСТ РОЖДАЕМОСТИ?

2 июля 2019 г.

Самые известные россиянам меры поддержки семей с детьми: возможность вычета 450 тыс. рублей из ипотечного кредита (79%), последовательное снижение ставок по ипотеке (74%), увеличение пособия по уходу за ребенком (66%). Топ популярных мер, которыми планируют воспользоваться граждане, допускающие возможность появления ребенка в семье: льготы по уплате налогов на недвижимость для многодетных семей (70%), возможность для семей с детьми не только покупать готовое жилье, но и строить свой дом (67%), пособие по уходу за ребенком для семей с доходом ниже двух прожиточных минимумов на человека (67%).

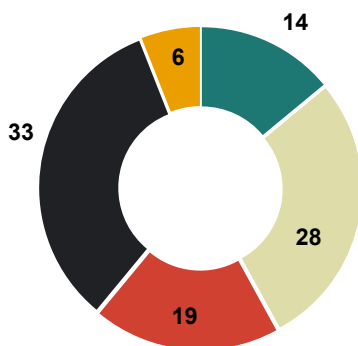
Таблица 1. В этом году Владимир Путин озвучил ряд инициатив в сфере социально-демографической политики. О каких из них Вы знаете, слышали, а о каких — слышите впервые? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Хорошо знаю	Что-то слышал, но без подробностей	Слышу впервые	Затрудняюсь ответить
Увеличение количества семей, которые получают пособие по уходу за ребенком: его будут получать семьи, доход которых не превышает два прожиточных минимума на человека (ранее — полтора)	18	48	32	2
Снижение налога на недвижимость для многодетных семей: дополнительное освобождение от налога по 5/7 квадратных метров в квартире/доме на каждого ребенка	12	40	47	1
Последовательное снижение ставок по ипотеке до 9 процентов, а затем — до 8 процентов и ниже, а также установление льгот по ипотеке для семей с детьми на весь срок действия ипотечного кредита	18	56	26	0
Поддержка семей, где рождается третий и последующий ребенок: погашение за такую семью 450 тысяч рублей из ее ипотечного кредита	26	53	21	0
Поддержка индивидуального жилищного строительства: предоставление семьям возможности не только покупать готовое жилье, но и строить свой дом	12	48	39	1

- Эти меры важны и будут реально способствовать росту рождаемости
- Это правильные меры, но они вряд ли будут достаточны для существенного роста рождаемости
- Эти меры неэффективны, они вряд ли дадут какие-либо результаты
- Эти меры принесут больше вреда, чем пользы
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 9. Как Вы считаете, в целом меры, предложенные Владимиром Путиным, будут способствовать росту рождаемости, не дадут никаких результатов, либо принесут больше вреда, чем пользы?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Да, безусловно
- Да, возможно
- Скорее всего, нет
- Точно нет
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 10. Вы бы лично пошли на рождение первого ребенка/еще одного ребенка в случае реализации мер, предложенных президентом?
(закрытый вопрос, один ответ, % от женщин в возрасте до 54 лет и мужчин в возрасте до 59 лет (включительно))

Таблица 2. Когда предложенные меры будут реализованы, как Вы считаете, Вы (Ваша семья) воспользуетесь перечисленными программами поддержки семей с детьми или не воспользуетесь?
 (закрытый вопрос, один ответ, % от женщин в возрасте до 54 лет и мужчин в возрасте до 59 лет, которые допускают возможность родить ребенка в случае реализации мер, предложенных президентом)

	Скорее воспользуюсь (воспользуемся)	Скорее не воспользуюсь (не воспользуемся)	Затрудняюсь ответить
Пособие по уходу за ребенком для семей, доход которых не превышает два прожиточных минимума на человека	67	30	3
Льготы по уплате налогов на недвижимость для многодетных семей: дополнительное освобождение от налога по 5/7 квадратных метров в квартире/доме на каждого ребенка	70	28	2
Сниженные ставки по ипотеке, льготы по ипотеке для семей с детьми на весь срок действия ипотечного кредита	62	34	4
Дополнительная мера поддержки семей, где рождается третий и последующий ребенок: погашение за такую семью 450 тысяч рублей из ее ипотечного кредита	64	34	2
Дополнительные меры поддержки индивидуального жилищного строительства: возможность для семей с детьми не только покупать готовое жилье, но и строить свой дом на своей земле	67	30	3

ОБРАЗ ЖИЗНИ

МОБИЛЬНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ В ШКОЛАХ: ЗАПРЕТИТЬ ИЛИ ОСТАВИТЬ.....219

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПАСПОРТА: ВОПРОС ДОВЕРИЯ 221

МОБИЛЬНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ В ШКОЛАХ: ЗАПРЕТИТЬ ИЛИ ОСТАВИТЬ

7 июля 2019 г.

Большинство россиян спустя год по-прежнему считают, что запрет использования гаджетов в школьных классах позитивно скажется на учебном процессе (62% против 69% в 2018 г.). Абсолютный запрет гаджетов на всей территории школы не поддерживают 55% опрошенных.

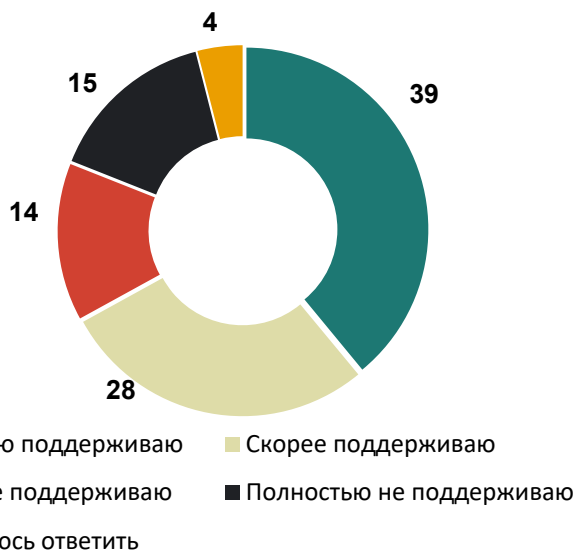

Рисунок 1. Обсуждается идея запретить школьникам в школьных классах пользоваться мобильными телефонами, смартфонами и другими неучебными электронными устройствами. Как Вы относитесь к этой идее? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

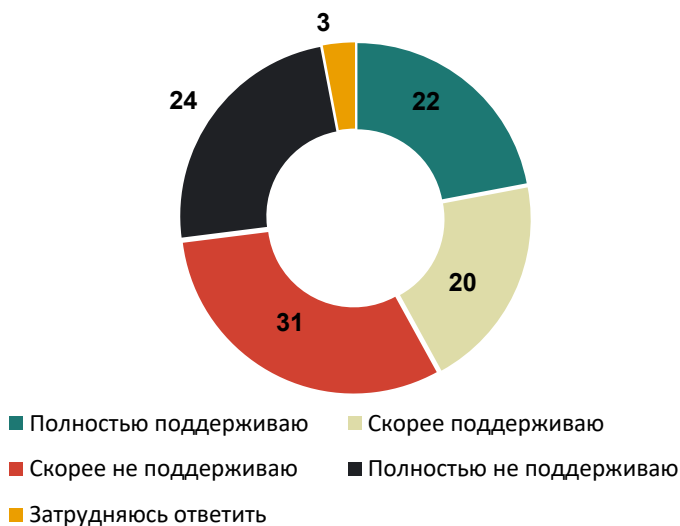

Рисунок 2. Также обсуждается идея запретить школьникам пользоваться мобильными телефонами, смартфонами и другими неучебными электронными устройствами на всей территории школы, как на уроках, так и на переменах. Как Вы относитесь к этой идее? (закрытый вопрос, один ответ, %)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПАСПОРТА: ВОПРОС ДОВЕРИЯ*25 июля 2019 г.*

85% россиян слышали о предложении ввести электронные паспорта для граждан России. 59% опрошенных не хотели бы оформлять электронный паспорт vs 31% россиян хотели бы. Достоинства электронного паспорта, по мнению россиян: содержит больше информации, долговечный, не страшно потерять, компактный и практичный. Недостатки электронного паспорта: защита информации, сбои в системе и базе данных. доступность данных для третьих лиц, проще потерять, а также не все и не везде смогут ими пользоваться.

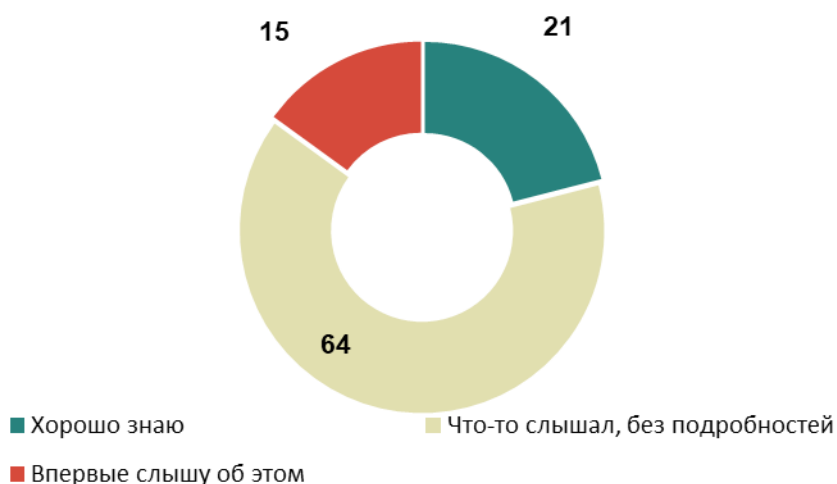

Рисунок 3. Вы знаете, слышали или впервые слышите сейчас о предложении для граждан России получать электронные паспорта вместо обычных бумажных?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 4. Вы бы хотели или не хотели оформить для себя электронный паспорт?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

Рисунок 5. Если бы Вам сейчас предложили выбор — получить электронный паспорт (вместо бумажного) или оставить себе бумажный паспорт, отказавшись от электронного, что бы Вы выбрали? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 6. На Ваш взгляд, чем электронный паспорт лучше бумажного, какие у него достоинства? (открытый вопрос, до трех ответов, %)

Рисунок 7. А чем электронный паспорт хуже бумажного, какие у него недостатки?
(открытый вопрос, до трех ответов, %)

Таблица 1. Скажите, следующие функции электронного паспорта лично для Вас являются полезными или бесполезными? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Полезная функция	Бесполезная функция	Затрудняюсь ответить
Хранение нескольких документов (паспорт, полис, ИНН, водительские права, трудовая книжка и другое)	69	22	9
Подпись и отправка документов в государственный орган/ учреждение без его посещения	68	23	9
Нотариальное заверение электронных документов на карте	53	29	18
Заключение договоров с организациями в электронном виде	52	33	15
Открытие ИП, ООО	47	34	19
Функция банковской карты: оплата услуг, получение зарплаты/ пенсии/ пособий и др. начислений	71	22	7
Голосование на выборах	62	31	7

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.11

Правильная ссылка на статью:

Николаенко Г. А. В поисках сбалансированных интернет-метрик научной активности: пример Rg Score // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 225—244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.11>.

For citation:

Nikolaenko G. A. (2019) In Search of Balanced Internet Metrics of Scientific Activities: An Example of RG Score. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 225—244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.11>.

Г. А. Николаенко

В ПОИСКАХ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕТРИК НАУЧНОЙ АКТИВНОСТИ: ПРИМЕР RG SCORE

В ПОИСКАХ СБАЛАНСИРОВАННЫХ
ИНТЕРНЕТ-МЕТРИК НАУЧНОЙ АКТИВ-
НОСТИ: ПРИМЕР RG SCORE

IN SEARCH OF BALANCED INTERNET
METRICS OF SCIENTIFIC ACTIVITIES: AN
EXAMPLE OF RG SCORE

НИКОЛАЕНКО Георгий Александрович — аспирант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; научный сотрудник, Сектор истории эволюционной теории и экологии, Санкт-Петербургский филиал института Истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: Eastrise.spb@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9399-4021>

Georgii A. NIKOLAENKO^{1,2} — Post-graduate student, Faculty of Sociology; Researcher, Department for the History of Evolutionary Theory and Environmental Sciences

E-MAIL: Eastrise.spb@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9399-4021>

¹ St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Saint Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology RAS, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Основной целью реформирования государственной системы науки в России является повышение эффективности, что требует пересмотра калькулируемых индикаторов научной деятельности. Процесс осложняется трансформацией научной коммуникации, преимущественно детерминированной развитием коммуникационных технологий, благодаря которым видоизменяются не только средства, но и формы научного взаимодействия. В подобных условиях классические библиометрические показатели не могут выступать в качестве исчерпывающих метрик, так как возникает необходимость учета научной деятельности во всей полноте, а не только на интертекстуальном уровне. Необходимые метрики могут быть разработаны с учетом процесса цифровизации науки. На данный момент «невидимый колледж» становится осязаемым благодаря развитию ряда научных интернет-площадок, предоставляющих возможность работать не только с огромными массивами данных, но и с собственными индексами. В статье рассматривается один из таких показателей — Rg Score, призванный измерить активность пользователей самой крупной на данный момент академической социальной сети — ResearchGate. Архитектура этого интернет-сервиса предоставляет возможность изучения и, отчасти, моделирования показателей нового типа, учитывающих не только публикационную, но и коммуникативную активность исследователей. Конечно, данный показатель пока не может быть использован в рамках управленческой деятельности, однако подобный тип альтметрик видится нам вполне перспективным.

Abstract. The key objective of reforming the academic system in Russia is to increase its effectiveness, which requires revising the indicators of scientific activity. Transformation of scientific communication primarily defined by the development of communication technologies changing the forms of scientific interaction makes the process more complicated. In this context, conventional bibliometric indicators are not sufficient as they only allow to measure research impact intertextually but not in its entirety. Today an “invisible college” becomes visible due to a number of online academic platforms providing opportunities to work with massive data arrays and various indices. The article analyzes Rg Score — an indicator measuring the user activity in the largest academic social network Research Gate. The architecture of this online service enables studying and, partially, modeling alternative indicators. These indicators track not only research publications but also interactions of scholars. Rg score cannot be used in administrative activity; however this type of altmetrics looks quite promising.

Ключевые слова: ResearchGate, Rg Score, Web 2.0, индикаторы, альтметрики, вебметрики, реформа, неолиберализм, социальная сеть, научная коммуникация

Keywords: ResearchGate, Rg Score, Web 2, indicators, altmetrics, web metrics, reform, neoliberalism, social network, scientific communication

Международный союз математиков в 2008 г. распространил доклад «Citation Statistics», в котором показал, что статистика цитирований дает ограниченную и неполную оценку качества проведенного исследования и что необходимо очень осторожно и корректно использовать эту статистику¹.

Повсеместное внедрение принципов New Public Management (NPM) в сфере управления научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями, детерминированное назревшей необходимостью реструктурирования государственного финансирования из-за затянувшегося системного кризиса науки и образования, привело к кардинальной трансформации методов управления. В социологической традиции принцип политики менеджериализма достаточно точно описан в рамках уже ставшей классической концепции макдональдизации общества, предложенной Джорджем Ритцером [Ритцер, 2011]. В связи с этим, допуская некоторые упрощения, мы можем выделить четыре системообразующих принципа политики NPM:

- эффективность;
- предсказуемость;
- калькулируемость;
- контроль.

Простой перенос механизмов коммерческих предприятий в сферу науки и образования «в чистом виде» технически невозможен и требует существенной трансформации и взаимной адаптации. В рамках данной статьи нам хотелось бы заострить внимание на количественных показателях, призванных в рамках политики NPM обеспечить реализацию на практике двух важнейших принципов: калькулируемости и эффективности, — ведь результат трудовой деятельности чаще всего оценивается через интерпретацию исчисляемых показателей.

Калькулируемость как необходимость

Для увеличения объема финансирования науки и образования из расчета на каждого отдельного сотрудника существует как минимум три механизма: выделение большей суммы из федерального и/или местного бюджета, оптимизация расходов и сокращение численности сотрудников. Ситуация, сложившаяся к моменту начала реформирования отрасли в условиях глубокого экономического

¹ Доклад был написан по заказу Международного союза математиков (InternationalMathematicalUnion) в сотрудничестве с Международным советом по промышленной и прикладной математике (International Council on Industrial and Applied Mathematics) и Институтом математической статистики (Institute of Mathematical Statistics). URL: <https://www.mathunion.org/fileadmin/IMU/Report/CitationStatistics.pdf> (дата обращения: 07.08.2019).

кризиса, поставила правительство Российской Федерации перед необходимостью использования в том числе и явно непопулярных мер.

К числу наиболее резонансных решений можно отнести Постановление Правительства РФ № 89 «О мерах государственной поддержки образовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы» и Федеральный закон РФ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Данные акты существенно изменили положение ранее значительно менее бюрократизированной и подверженной «количественному измерению», чем большинство других областей жизни, научной деятельности [Кулешова, Подвойский, 2018: 174]. Фактическая невозможность и неэффективность продолжения финансирования науки и образования в ранее принятых объемах детерминировали внедрение новых принципов государственного управления, среди которых конкурсное финансирование, постоянный мониторинг и оценка деятельности, составление рейтингов организаций, оплата труда согласно достигнутым индикаторам, а также внедрение принципиально новых систем отчетности, использование системы внешнего аудита.

В отличие от коммерческих предприятий, где эффективность той или иной деятельности определяется с помощью расчета маржинальной прибыли, научная деятельность предполагает значительно более широкий спектр целей и функций. При этом далеко не все результаты научной работы имеют коммерческое (или даже любое практическое) применение. Более того, априори непроблемный вопрос о калькулируемости различных показателей в бизнесе в приложении к науке и образованию становится одним из наиболее болезненных.

При отсутствии каких-либо очевидных альтернатив основными для оценки научной деятельности были выбраны библиометрические показатели. Однако их достаточно сложно назвать идеальными и точно отражающими реальную эффективность как каждого конкретного сотрудника, так и учреждения в целом. Тем не менее реструктурирование науки и образования невозможно без использования исчисляемых показателей, но есть ли какие-либо калькулируемые альтернативы и/или дополнения для библиометрии? Для ответа на этот вопрос необходимо определить, какие конкретно виды научной деятельности анализируются библиометрическими показателями, а какие остаются в тени.

Как работает библиометрия в России и в мире

Библиометрия — научное направление, использующее статистический анализ количественных показателей публикационной активности с целью выработки качественной оценки эффективности исследовательской деятельности. Как самостоятельная отрасль библиометрия сформировалась в 60-е годы XX века, тем самым расширив область статистической библиографии. Сам термин «библиометрия» был введен в 1969 г. британским исследователем Аланом Причардом [Pritchard, 1969: 348—349], хотя принцип подобных индикаторов появился значительно раньше.

² Федеральный закон РФ. О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102167990&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 22.04.2018).

Библиометрические методы можно условно разделить на две группы [Маршакова-Шайкевич, 2013: 211]. Первая — «простая библиометрия» — подразумевает замеры динамики отдельных изучаемых объектов (публикаций, авторов, ключевых слов), то есть рутинный подсчет первичных переменных. Вторая группа — «структурная библиометрия» — анализирует связи между объектами, причем работа в этом поле подразумевает более сложные статистические операции, в том числе корреляционный и регрессионный анализ, кластеризацию и т. д.

В соответствии с методами простой библиометрии исследователи пытались делать выводы о значимости той или иной темы на основе общего количества публикаций, посвященных выбранной проблематике. Аналогично проводилось измерение публикационной продуктивности ученых. «Простая библиометрия» работала исключительно с количественными данными и не претендовала на переход в поле качественных исследований, ограничиваясь подсчетом основных переменных и их простейшим сопоставлением между различными акторами научного взаимодействия. При этом методология «простой библиометрии» не может обеспечить интерпретацию полученных результатов, так как не объясняет, например, причины зафиксированного роста публикационной активности исследователей в рамках какой-либо темы. Он может быть детерминирован множеством факторов: государственной политикой, научным прорывом, модой и т. д., но выявить первопричину на основе только имеющихся библиометрических данных невозможно.

Введение и распространение наукометрических показателей в 1960-х гг. — логичное продолжение развития механизмов регулирования государственного финансирования. Более того, на ограничение исследовательского статус-кво повлиял так называемый информационный взрыв, вызванный бурным ростом научно-исследовательской деятельности после Второй мировой войны, когда наука требовала все больших вложений, а ослабленная войнами экономика, наоборот, нуждалась в снижении непроизводительной нагрузки.

Важнейшим фактором развития библиометрии стало создание глобальных баз данных — SCI (Science Citation Index) ³, SSCI (Social Sciences Citation Index) ⁴, A&HCI (Arts & Humanities Citation Index) ⁵ и т. д. Реферативные базы существенно расширили исследовательские горизонты, дав возможность проанализировать с помощью методов социометрии социальные связи между учеными на различных уровнях и выявить структуру международной научной коллаборации во всей ее сложности. Именно базы данных позволили применить более тонкие библиометрические инструменты (импакт-фактор, индекс Хирша и т. д.) и с их помощью перейти к **качественной** оценке исследовательской деятельности.

Последовавшие глобальные политико-экономические трансформации определили сдвиг в самой механике государственного управления, что в итоге повлияло

³ SCI. Science Citation Index. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://mjl.clarivate.com/cgi-bin/jrnlst/jloptions.cgi?PC=K> (дата обращения: 20.07.2019).

⁴ SSCI. Social Sciences Citation Index. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://mjl.clarivate.com/cgi-bin/jrnlst/jloptions.cgi?PC=SS> (дата обращения: 20.07.2019).

⁵ A&HCI. Arts & Humanities Citation Index. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://mjl.clarivate.com/cgi-bin/jrnlst/jlsubcatg.cgi?PC=H> (дата обращения: 20.07.2019).

и на сферу науки и образования. На сегодняшний день количество публикаций, число цитирований, а также ряд вспомогательных индексов приняты большинством стран в качестве критериев эффективности научной деятельности.

То есть определение научной эффективности, по сути, сведено к измерению количества и интенсивности взаимодействия текстов, представленных в признанных на международном уровне библиографических и реферативных базах. Возможно, в этом случае достигается необходимая, как было выше подчеркнуто, калькулируемость, а следовательно, и комплексный контроль с помощью сторонних экспертов. Но в данном контексте не учитывается то, что результативность научной деятельности не тождественна публикационной активности исследователя или учреждения. Более того, при анализе публикаций в периодических изданиях теряется целый комплекс специфических особенностей каждой отдельной научной дисциплины и даже темы. Нельзя, например, сравнивать в одном ряду публикационную активность ученых-филологов и физиков. Очевидно, что различные показатели имеют разный вес в зависимости от множества факторов: не всегда низкая цитируемость подразумевает невостребованность опубликованного текста, так как публикация может иметь узкую региональную специфику, что не исключает ее значения в региональном масштабе. То же можно сказать и об узких специальностях, в рамках которых высокая цитируемость невозможна [Орлов, 2013].

Стоит отметить и то, что русскоязычные тексты ограничены рамками русскоязычной научной среды. Следовательно, ученые и чиновники неизбежно оказываются перед сложным выбором между формированием «национальной науки» (относительно замкнутого научно-исследовательского цикла в рамках отдельно взятого государства) и повышением показателей за счет более глубокой интеграции в международный научный дискурс, где доминирует английский язык [Юревич, Цапенко, 2012]. Несмотря на то, что в истории советской науки можно найти немало примеров эффективной коллаборации между советскими учеными и их зарубежными коллегами, вплоть до начала перестройки государственная политика в научной сфере опиралась на модель «национальной науки». Сочетание этой модели с очевидными последствиями периода «железного занавеса» в значительной степени замедлило процесс интеграции отечественной науки в поле международной научно-исследовательской коллаборации, что выражается, например, в сравнительно небольшом количестве российских текстов в международных базах Scopus и Web of Science (WoS). При этом показатели российских текстов в рамках международной научной коммуникации, будут еще скромнее, так как в вышеупомянутых библиографических и реферативных базах учитываются и русскоязычные тексты, влияние которых на международный дискурс справедливо вызывает сомнения. Тем не менее российская наука все же планомерно интегрируется в международный дискурс. В период с 1980—2014 гг. число отечественных публикаций, выполненных в международном соавторстве, выросло в десять раз — с 3% до 30%⁶. В силу множества специфических факторов мы еще значительно

⁶ См.: Российский инновационный индекс / под ред. Л. М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2011. 84 с.; Индикаторы науки 2016: статистический сборник / Н. В. Горюдинова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. М. : НИУ ВШЭ, 2016. С. 286.

уступаем таким странам, как Германия, Франция, Япония, а отставание от англоязычных стран очевидно.

Таким образом, при изучении механизмов библиометрических показателей (особенно на основе данных WoS, Scopus и других международных баз) необходимо учитывать, что достаточно длительный период перехода отечественной науки в сферу транснациональной англоязычной коллаборации еще не завершен, а международные связи до сих пор находятся на относительно ранней стадии формирования. Можно сказать, что именно одновременное существование нескольких моделей организации науки — в частности, национальной и транснациональной — детерминирует двойственность библиометрических показателей, а в некоторых случаях и неравенство, так как англоязычные авторы очевидно находятся в лучших условиях при публикации, так как написать работу на родном языке намного проще, это не требует поиска компромиссов между доступностью для отечественного читателя и интегрированностью в международный дискурс, как это происходит в русскоязычной среде.

Данные проблемы наукометрии в ее настоящем состоянии были неоднократно рассмотрены отечественными исследователями [Орлов, 2013; Полянин, 2014; Мотрошилова, 2011]. Большинство признают недостаточную эффективность существующих методик и продолжают поиск адекватной системы оценки.

Преимущества и недостатки библиометрии

Основным преимуществом библиометрических методов изучения науки является возможность «перевода» специфического научного результата на более нейтральный и пригодный для дальнейшего анализа язык цифр. Калькулируемость индикаторов решает сразу три первоочередные задачи, которые стоят перед менеджерами от науки:

- возможность работать практически с любой научной дисциплиной и при этом использовать универсальные статистические механизмы анализа (что не совсем корректно, ведь публикационная культура различается в рамках разных научных дисциплин);
- результаты по отдельным научным дисциплинам можно суммировать, что позволяет проводить мониторинг целых отраслей науки;
- анализ дает возможность изучать не только динамику научного производства, но и ее структуру, что может быть использовано для достижения более высоких показателей эффективности в будущем.

Несмотря на очевидные преимущества, они обладают и рядом серьезных недостатков. Так, ни одна из действующих баз данных не охватывает все научные издания. А существующие научные издания не охватывают все достижения науки.

Например, одной из проблем библиометрии является недостаточная включенность прикладных исследований. Их результаты, порой представляющие значительную методологическую ценность, часто не публикуются в научных изданиях, в результате проходя «ниже радаров» наукометрических методов, и не учитываются в отчетной статистике. Таким образом, организации, ориентированные на прикладные исследования, могут получить неадекватные оценки собственной эффективности в связи с тем, что заметность (visibility) результатов их работы с точки зрения наукометрии явно недостаточна.

Выпадающие из рассмотрения в условиях стандартных наукометрических методов журналы и другие издания не являются очевидно незначимыми. Можно было бы сказать, что современная глобальная наукометрия фокусируется в первую очередь на научной заметности, которая обеспечивается за счет публикации в ведущих международных журналах, таким образом, принятие в учет только этих изданий будет достаточным. Однако бесспорно и то, что сложная структура научного взаимодействия подвержена не только глобальным, но и глокальным тенденциям (в терминологии Роланда Робертсона), благодаря чему региональные коммуникативные узлы не утрачивают своей значимости, а в некоторых случаях могут быть даже более важными. Но именно издания, связанные с этими узлами, чаще всего оказываются за границами наиболее распространенных в области оценки баз данных.

Говоря о базах данных, нельзя не отметить, что бесспорно необходимые фильтры, позволяющие избежать включения «мусорных журналов», могут затруднить интеграцию изданий, обладающих определенной спецификой, не соответствующих стандартным требованиям. Иными словами, в вопросах интеграции в международные базы данных преимуществом обладают «западные», существующие несколько лет англоязычные журналы, выстроенные по образцу ведущих академических изданий США и Старого Света. То есть здесь снова встает проблема языка и специализации. Исследователи из развивающихся стран, работающие на родном языке, могут быть вообще не представлены на международной научной арене, но это все равно (с позиции теории глокализации) не позволяет говорить об их несостоятельности.

К сожалению, многие исследователи вынуждены констатировать, что из-за погони за калькулируемостью, универсальностью и беспристрастностью страдает оценка качества публикуемого материала [Кулешова, Подвойский, 2018: 182—188]. Поставленные в условия необходимости отчетности по численным показателям ученые вынуждены жертвовать качеством в пользу количества не только в области продуцирования текстов, но и в области их оценки, что демонстрирует огромное количество «мусорных журналов».

Рассматривая общую политику научных изданий, можно выделить множество факторов, оказывающих негативное влияние на практики публикации результатов научной деятельности, но в качестве основных определяются четыре: языковой барьер, политико-идеологическая составляющая, парадигмальная монополия и «эффект Матфея». Благодаря этим факторам преимущество при публикации получает признанный опытный исследователь, работающий в рамках, как правило, англоязычной традиции, аффилированный с институцией из политически дружественной страны. При этом, несмотря на активную деятельность международного научного сообщества в направлении либерализации и равноправия, все же не теряют свою значимость и классические детерминанты неравенства — социально-демографические характеристики исследователя, к числу которых можно отнести возраст, пол, расу, национальность, семейный и материальный статус и т. д.

«Эффект Матфея» (Matthew effect), несомненно, заслуживает отдельного внимания. Эффект репутационной аккумуляции был описан Робертом Мертоном в рамках концепции «накопленных преимуществ» [Merton, 1988]. В научной ком-

муникации, которая подвержена существенной структурной дифференциации входящих в нее акторов, имеет место неравенство в доступе к исследовательским ресурсам, обусловленное в первую очередь социальным и материальным капиталами исследователя. Эти «накопленные преимущества» становятся детерминантой более известного концепта Роберта Мертона — «эффекта Матфея» — феномена неравномерного распределения преимуществ в науке в зависимости от известности и возраста исследователя, что, конечно, отражается и в вопросах доступа к престижным изданиям и не может не влиять на структуру цитирования публикаций. Стоит отметить, что подобный тип неравенства в науке изучался и до публикации работ Роберта Мертона, например, в исследованиях Харриет Цукерман [Zuckerman, 1977] и Уоррена Хагстрема [Hagstrom, 1965]. Известность, по сути, обуславливает некоторую вариацию Хоторнского эффекта (Hawthorne effect), при котором искажающим фактором становится общественное признание исследователя, априори снижающее интенсивность потенциальной критики и, как следствие, позволяющее продвигать заведомо слабые концепции, признание которых было бы невозможным вне «флера» авторитета автора. Очевидно, что эффект Матфея исключает саму возможность равных стартовых условий для исследователей, что только укрепляет неравенство. Дальнейшее развитие данной концептуальной схемы выявило влияние эффекта Матфея не только на индивидуальном уровне, но и на институциональном и даже государственном [Батыгин, 2001]. Это позволяет некоторым исследователям конвертировать статус института (и выше) в свой собственный и даже, как показывает российский проект мегагрантов, возможна обратная ситуация, когда один влиятельный исследователь определяет статус целого института.

Несмотря на все ограничения и искажающие эффекты, библиометрия активно используется в рамках управления научно-исследовательскими и образовательными организациями, обеспечивая, в соответствии с принципами макдональдизации (политики менеджериализма, NPM), некоторый набор количественных показателей как индикаторов эффективности исследовательской деятельности. При этом эффективность приравнивается к интеграции как можно большего количества публикаций в ядро интенсивной научной коммуникации, фиксируемой основными наукометрическими базами — WoS и Scopus. Стоит отметить, что на данном этапе библиометрия не использует, например, возможности экспертизы, ограничиваясь только рядом количественных показателей, значения которых интерпретируются в качественном ключе.

Альтернативные показатели

Экспансия Web 2.0, детерминирующая молниеносное развитие и внедрение социальных цифровых технологий практически во все сферы жизни, не могла не выступить в качестве трансформирующего фактора и в сфере науки. За последнюю четверть века научная коммуникация претерпела множество структурных изменений, оказавшись в условиях новой научной революции — на этот раз цифровой. При этом интернет повлиял не на науку в отдельности, а на механизмы социального взаимодействия в целом. Данные тенденции и трансформации очень тонко зафиксированы в книге «Networked» Барри Веллмана и Ли Рейни, где, в част-

ности, описывается так называемая тройственная революция — всеобъемлющий процесс дигитализации социального, выраженный в «интернет-революции», «мобильной революции» и «революции социальных сетей» [Wellman, Rainie, 2012].

Подобные процессы имеют множество последствий, но необходимо выделить основные: размывание границ между формальной и неформальной научной коммуникацией, трансформацию понятия «публикация» и открытый доступ (Open Access). Становится очевидно, что трансформация научной коммуникации обуславливает необходимость пересмотра и модернизации основных наукометрических индикаторов, подавляющее большинство которых используется с «доцифровой эры».

Новые показатели носят обобщающее название «altmetrics». Альтернативные метрики для работы в этом направлении сконцентрированы вокруг «webometrics» — индикаторов, отражающих особенности научной интернет-коммуникации [Priem et al., 2010; Vaughan, Shaw, 2003; Moed, Halevi, 2014; Moed, 2005]. «В настоящих условиях основная проблема заключается в построении системы идентификации научного и социального воздействия научного контента на основе различных моделей научной коммуникации (бумажной, электронной, гибридной). При этом необходимо объединить различные существующие подходы к оценке результатов научной деятельности: экспертная оценка (отзывы, рецензии, мнения экспертов, рецензентов, научных редакторов и др.), наукометрические (библиометрические) показатели (количество публикаций, их цитируемость, импакт-фактор журнала, h-индекс автора и др.) и сетевые подходы (вебометрики)» [Галявиева, 2013: 28].

Альтметрики рассматриваются как дополнение к классическим показателям, основной целью которого является отражение влияния научной коммуникации, происходящей вне традиционных каналов, преимущественно в интернете. Использование данных из интернета, по мнению сторонников пересмотра основных показателей, позволит не только сместить центр внимания на новую коммуникационную арену, но и за счет калькулируемости и автоматизации оперативно получать данные (в динамике), характеризующие влияние исследователя. При этом дифференциация информационных потоков и возможность отслеживания социальных связей ученого без привязки к соавторству и цитированию (как это было ранее) открывают перед исследователями широчайший горизонт как для ретроспективного анализа развития науки и изучения ее нынешнего состояния, так и для выявления возможных в будущем коллабораций, школ и даже направлений.

Более того, интернет-показатели реагируют и на изменение самой сути научного продукта — «публикации» — реинтерпретируя ее и как сообщение в блоге, и как публикацию некоего файла, и даже как инфографику. Так можно фиксировать расширение целевой аудитории. В отличие от читателей специализированной научной литературы, аудитория сети практически не ограничена, что позволяет анализировать и смежные процессы, например, работу в области pop-science и т.д.

Использование интернет-индикаторов видится нам практически безальтернативным вектором развития наукометрии, однако и здесь есть определенные проблемы. В качестве примера можно рассмотреть академическую социальную сеть ResearchGate и ее систему ранжирования.

Репутационные платформы: кейс ResearchGate

Цифровизация научной коммуникации была бы невозможна без разработки и интеграции специализированных интернет-сервисов, в том числе ориентированных на обеспечение научной коммуникации посредством технологий, выстроенных в соответствии с архитектурой Web 2.0. В рамках Internet Studies такие площадки объединены под названием Academic Social Network Sites (ASNS), в большинстве случаев под ним подразумеваются, за исключением нишевых продуктов, четыре наиболее популярные академические сети — ResearchGate, Academia.edu, Mendeley и Google Scholar Citations. Стоит отметить, что выделение этих сервисов является скорее компромиссным и отчасти устаревшим, так как при ближайшем рассмотрении их структурно-функциональных характеристик становится очевидно, что в полной мере определению «социальная сеть» (в том случае, если взять за эталон Facebook) соответствуют лишь ResearchGate и, в значительно меньшей степени, Academia.edu. В свою очередь, Mendeley и Google Scholar Citations представляют собой решения для менеджмента списков публикаций и в принципе не ориентированы на решение непосредственно коммуникативных задач. Тем не менее их «полуавтоматический» функционал позволяет судить об интернет-практиках исследователей, благодаря чему эти сервисы все же включаются в перечень ASNS.

ResearchGate — специализированный академический интернет-ресурс, существующий с 2008 г. [Theiwall, Kousha, 2015], работающий по принципу некоммерческой социальной сети. В данный момент штат компании составляет около 300 человек (штаб-квартира находится в Берлине), а количество пользователей продолжает расти практически в геометрической прогрессии [Van Noorden, 2014; Bosman, Kramer, 2016; Gruz et al., 2012] и уже преодолело отметку в 15 млн аккаунтов, среди которых можно найти, например, 68 лауреатов Нобелевской премии. К числу впечатляющих статистических показателей сервиса можно отнести пройденный рубеж в 100 млн опубликованных текстов, широкий географический охват (на сайте зарегистрированы исследователи из 193 стран) и скорость роста сети (только в 2016 г. число зарегистрированных пользователей увеличилось на 4 млн).

Кейс ResearchGate видится нам наиболее перспективным в контексте нашего исследования по нескольким причинам. Во-первых, по версии рейтингового сервиса SimilarWeb⁷, социальная сеть ResearchGate является наиболее популярным академическим ресурсом в мире. Во-вторых, несмотря на то, что площадка существует уже одиннадцать лет, она продолжает активно развиваться и расширяться, что подтверждается данными сервиса Alexa⁸. В-третьих, ResearchGate предоставляет широкий набор инструментов, дающий не только возможность публикации и распространения текстов, но и множество сценариев коммуникации с другими пользователями, что в итоге обеспечивает те формы научной интернет-коммуникации, реализация которых технически невозможна на конкурирующих площадках. В-четвертых, ResearchGate — некоммерческий проект, работающий в соответствии с принципами открытой науки, благодаря чему сервис не накладывает какие-либо финансовые обязательства на пользователя.

⁷ Researchgate.net // SimilarWeb. URL: <https://www.similarweb.com/website/researchgate.net> (дата обращения: 07.08.2019).

⁸ Researchgate.net // Alexa. URL: <https://www.alexa.com/siteinfo/researchgate.net> (дата обращения: 07.08.2019).

Популярность сети ResearchGate объясняется тем, что данная площадка может выступать в качестве комплексного решения для академического взаимодействия, структура которого позволяет провести широкий анализ интернет-коммуникации исследователей. Специализация сайта и регистрационные фильтры формируют гомогенный академический ландшафт, так как в рамках сети общаются исключительно представители науки, образования и наукоемкого бизнеса, поэтому необходимость фильтрации полученных данных практически сводится на нет, что выгодно отличает ASNS от обычных социальных сетей (GSNS).

Ряд исследований демонстрируют различия в дисциплинарном ландшафте основных ASNS — наиболее значимыми можно назвать работы Хосе Ортеги [Ortega, 2015] из испанского Высшего совета по научным исследованиям (CSIC), а также Майкла Телуола и Кейвана Коуши из Вулвергемптонского университета [Thelwall, Kousha, 2016]. В подобном контексте актуальным становится вопрос о невозможности изучения научной интернет-коммуникации вне ее дисциплинарной специфики, тем не менее результаты лонгитюдного исследования Х. Ортеги [Ortega, 2017] обнаруживают тенденцию к дисциплинарной гомогенизации ASNS, благодаря чему мы можем говорить о формировании общих, мультидисциплинарных площадок. Тем не менее пока специфика сохраняется, вследствие чего ResearchGate имеет неравномерное распределение пользователей по научным дисциплинам. По официальным данным⁹, на 2017 год 15 % аккаунтов представляли направление «Медицина», по 14 % — «Биологию» и «Инженерное дело», 7 % — «Химию», 6 % — «Компьютерные технологии», 4 % — «Физику». Остальные специалисты имели меньшие доли и суммарно составили 40 % от общего числа аккаунтов. К сожалению, статистика ResearchGate закрыта, вследствие чего мы вынуждены использовать данные из пресс-релиза двухлетней давности, однако результаты исследования Хосе Ортеги дают нам право предположить, что за прошедшие два года, доля представителей социальных и гуманитарных наук в некоторой степени возросла и в целом структура сети стремится к более равномерному распределению.

ResearchGate предоставляет своим пользователям достаточно широкий набор инструментов, обеспечивающий возможность переписки, группового общения, а также публикации текстов и академических материалов. Так обеспечивается главная цель проекта — соединить между собой исследователей со всего мира и обеспечить свободный трансфер знаний в глобальном масштабе. Однако структура этой площадки может быть рассмотрена и с другой, менее очевидной стороны.

Так, в рамках комплексного исследования форм научной репутации, проводившегося под эгидой Европейской комиссии, исследователи Дэвид Николас, Дэвид Кларк и Эти Герман из CIBER Research Ltd (Ньюбери, Великобритания) предложили выделить сразу десять репутационных механизмов в структуре ResearchGate [Nicholas, 2016]. Подобный подход к рассмотрению структурно-функциональных особенностей сети, несомненно, выделяет исследование Д. Николаса и соавторов из числа аналогичных работ, так как в структуре ResearchGate реализуется механизм репутационного ранжирования на основе собственного комплексного

⁹ Company fact sheet. URL: <https://www.researchgate.net/press> (дата обращения: 07.08.2019).

показателя Rg Score, вследствие чего в большинстве случаев понимание репутации в RG сводится лишь к нему.

Rg Score имеет ряд существенных ограничений. Основная проблема, с которой сталкиваются исследователи при использовании Rg Score, заключается в том, что этот показатель — «черный ящик» [Kraker, Lex, 2015], так как алгоритм его расчета не публикуется. Не ясно, что именно послужило причиной — желание разработчиков полностью контролировать процесс подсчета и распространения столь важной информации или же противодействие возможным попыткам манипуляции с целью искусственного повышения репутации. Тем не менее это обстоятельство ставит под сомнение возможность дальнейшего использования Rg Score вне сети.

Вторым, но не менее важным ограничением является перманентная трансформация сети, из-а которой и сам алгоритм расчета Rg Score, и количественные показатели, учитываемые при его расчете, могут быть изменены администрацией ресурса в любой момент. Таким образом, исследования, посвященные поиску корреляции между интегрированным показателем академической социальной сети и классическими индикаторами, практически не имеют смысла, так как устаревают еще в процессе публикации.

В данном контексте необходимо отметить, что вопрос о должной степени корреляции между новыми и старыми индикаторами представляется нам дискуссионным, так как высокая степень корреляции поставит под вопрос как новизну новых показателей, так и преодоление ограничений классической библиометрии. В свою очередь, отсутствие корреляции, скорее всего, не позволит внедрить новые индикаторы в связи с их контroversией по отношению к сложившейся системе и «оторванностью» от исторически сложившихся практик. Становится очевидным, что для успешного внедрения новые индикаторы должны умеренно коррелировать с классическими библиометрическими показателями, расширяя и модернизируя их с помощью учета активности научной коммуникации исследователя.

Rg Score — изолированный показатель, характеризующий активность исследователя только в пределах сети ResearchGate, и, несмотря на то что эта платформа обладает несколькими механизмами интеграции с другими академическими сервисами, все же этого пока недостаточно для ее рассмотрения как зонтичной площадки, аккумулирующей в себе данные о всех формах профессиональной деятельности исследователя в интернете. В рамках разработки универсального показателя научной деятельности подобная изоляция различных видов интернет-взаимодействия недопустима, так как помимо ASNS есть еще множество крайне востребованных академических веб-сервисов, учет использования которых не менее необходим [Martin-Martin, 2016].

Таким образом, при принятии управленческих решений на сегодняшний день использование только Rg Score не представляется возможным. Множество исследований, в том числе проведенных в рамках Испанского национального научно-исследовательского совета [Ortega, 2015] и Университета Бергена [Mikki et al., 2015], демонстрируют отчасти противоречивые результаты относительно корреляции между традиционными библиометрическими показателями и Rg Score, что может быть детерминировано, по большей части, недостатком полным учетом опубликованных текстов, временным лагом основных систем индексирования,

а также рядом специфических недостатков, свойственных автоматической системе учета Rg [Peters, Kraker et al., 2015].

Немаловажным недостатком является и возникновение так называемой прозрачной репутации (репутационные аномалии [Nicholas et al., 2016]). Интегрированный показатель, объединяющий в себе несколько количественных показателей, может быть изменен за счет различных видов активностей. Таким образом, в рамках Rg Score высоких показателей может добиться как исследователь с высокой публикационной активностью и значимыми библиометрическими показателями, так и активный пользователь сети, компенсирующий недостаточную публикационную активность за счет коммуникационной активности в рамках ResearchGate [Hicks, 2015]. Полученные результаты, во-первых, противоречат Лейденскому манифесту, а во-вторых, указывают на необходимость введения механизмов балансировки показателя, чтобы избежать подобных манипуляций и, как следствие, возникновения репутационных аномалий (стоит оговориться, что администрация ResearchGate активно работает в этом направлении).

Тем не менее все вышеперечисленные факторы не сводят значимость Rg Score на нет. Возвращаясь к исследованиям Дэвида Николаса и соавторов, посвященным новым механизмам формирования репутации в науке, мы можем избежать прямого отождествления Rg Score и репутации в рамках ResearchGate и перейти с формального уровня изучения структуры и функций сети на реальный, очевидно в некоторой степени отличающийся.

Расширенное понимание репутации исследователя в случае с кейсом ResearchGate позволяет выйти за границы наукометрического подхода и рассмотреть не столько механизмы, сколько источники самой репутации. Таким образом на передний план выходит один из наиболее важных трансформационных процессов современной науки — противодействие аналоговых и цифровых стейкхолдеров и, одновременно, столкновение моделей коммерческой и открытой науки.

В данном контексте идеологические основания деятельности сети ResearchGate позволяют отнести ее к числу флагманов движения открытой науки, что также подтверждается множеством конфликтов между администрацией сети и крупнейшими издательскими домами — основными бенефициарами существующей модели научного взаимодействия. При этом для изменения структуры научной коммуникации и, как следствие, научного рынка ResearchGate использует преимущества цифровых методов в их приложении к свободному обмену информацией, тем самым практически сводя на нет подавляющее большинство журнальных фильтров, ограничений и непозволительно большой для современной науки временной лаг публикаций.

Очевидно, что противопоставление моделей научной коммуникации не могло затронуть и репутационные механизмы, тем более что сложившийся процесс можно назвать практически революционным (что и сделали Барри Веллман и Ли Рейни в своей концепции тройственной революции). Таким образом, на данный момент как минимум 15 млн исследователей по всему миру, используя социальную сеть ResearchGate, ориентируются на весь спектр количественных показателей этой площадки при поиске релевантных текстов, соавторов и т. д. При этом охват платформы постоянно расширяется, увеличивая присутствие если не «пиратской»,

то уж точно «партизанской» платформы на академическом рынке, тем самым подчеркивая негативное влияние коммерциализации на научную коммуникацию.

Экономически обусловленные процессы трансформации научной коммуникации, нацеленные на перераспределение посреднических функций, крайне маловероятно завершатся в ближайшее время, что позволяет нам говорить о продолжающемся переходном периоде. Этот период, как нам видится, в основном характеризуется сосуществованием коммерческой и открытой науки, аналоговых и цифровых информационных полей, а также множественными источниками репутации. Следовательно, пока «старый мир не разрушен до основания», наиболее перспективным средством измерения научной коммуникации может выступать синтетический индикатор, учитывающий не только классические библиометрические статистики, но и активность исследователя вне классического публикационного поля. К сожалению, Rg Score не может играть такую роль, что, однако, не опровергает перспективности заложенных в него принципов, особенно в ситуации, когда «незримая коллегия» уже десятилетие как осязаема, а недостаточность понимания науки исключительно как публикации текстов осознана. Было бы крайне опрометчивым игнорировать неадекватность существующих наукометрических инструментов цифровым коммуникативным трансформациям современности.

Заключение

В рамках реализуемой на данный момент неолиберальной стратегии экономического развития ответом на необходимость реструктурирования устаревшей системы государственного финансирования науки и образования стала реализация модели NPM. Однако перенос механизмов коммерческих предприятий в систему государственных образовательных и научных учреждений невозможен вследствие множества факторов, в том числе и из-за невозможности полноценного планирования научной (как и любой креативной деятельности), а также сложной структуры результатов научного труда. Таким образом, на передний план выходит вопрос о выделении критериев эффективности научной деятельности. Поиск калькулируемых показателей осложняется и тем, что структура научной коммуникации существенно видоизменилась вследствие ряда социальных процессов: так называемой тройственной революции и возникновения новой модели социального взаимодействия — сетевого индивидуализма.

К сожалению, классические библиометрические показатели не подходят на роль универсальных показателей эффективности научной деятельности. Во-первых, Россия находится в несколько двойственном положении на пересечении двух моделей науки — национальной и транснациональной. Наличие как минимум двух «научных» языков — русского и английского, детерминирует два лишь отчасти взаимосвязанных вектора научной деятельности — локальный и международный. При этом стоит учесть, что русскоязычные авторы априори обладают более слабой стартовой позицией в сравнении с зарубежными коллегами — существенная часть которых является носителями языка, обладающими аффилиацией учреждений «первого мира», со значительно большим спектром доступных изданий, входящих в перечни основных индексов и баз данных. Более

того, публикации, написанные на иностранном языке, в значительной степени выпадают из ландшафта отечественной науки, действующей преимущественно в рамках русскоязычного дискурса. Во-вторых, библиометрические показатели подвержены множеству искажающих факторов, к числу которых, например, можно отнести «Эффект Матфея» — неравную конкуренцию исследователей и, как следствие, риск монополизации (в том числе посредством коррупционных механизмов) основного источника показателей — научных изданий. В-третьих, библиометрические показатели в случае их принятия в качестве единственного механизма мониторинга научной деятельности редуцируют понятие научного труда до производства текстов. Подобная «текстуальная» модель управления наукой полностью выводит за скобки прочие виды научной деятельности (в особенности ее прикладную часть), что делает невозможным мониторинг науки во всей ее комплексности подобными методами.

В условиях цифровой научной революции, детерминированной экспансией Web 2.0, требуются абсолютно новые индикаторы, способные учитывать современную научную коммуникацию смешанного типа, включающую в себя как формальные, так и неформальные элементы. На данный момент имеется острая необходимость выявления и изучения новых каналов и форм научной коммуникации, большая часть которых так или иначе реализуется в интернете. Подобные альтметрики разрабатываются и тестируются на нескольких интернет-площадках и, потенциально, одним из основных показателей нового типа в перспективе может стать и Rg Score вследствие структурных особенностей сервиса ResearchGate. Фактически именно ResearchGate благодаря своей массовости, междисциплинарности и широте функциональных возможностей (и, как следствие, охвату множества форм коммуникации и взаимодействия), а также интеграции с другими базами и сервисами, может стать если не колыбелью показателей нового типа, то, как минимум, перспективной экспериментальной площадкой для их выработки и обкатки.

Список литературы (References)

Батыгин Г. С. «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов в науке: аналитический обзор // Этика науки. Вестник. Вып. 18. Тюмень : НИИ прикладной этики, 2001. С. 161—185.

Batygin G. S. (2001) «Matphew Effect»: cumulative advantage and distribution of statuses in science: an analytical review. *Ethics of Science. Vedomosti*. Issue 18. Tyumen: Research Institute of Applied Ethics. Pp. 161—185. (In Russ.)

Галаявиева М. С. Altmetrics и библиотеки: тенденции, возможности и проблемы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 4(1). 2013. С. 27—32.

Galyavieva M. S. (2013) Altmetrics and libraries: trends, possibilities and problems. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. P. 27—32. (In Russ.)

Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169—210.

Kuleshova A. V., Podvoyskiy D. G. (2018) Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 169—210. (In Russ.)

Маршакова-Шайкевич И. В. Роль библиометрии в оценке исследовательской активности науки // Управление большими системами. 2013. Вып. 44. С. 210—247.
Marshakova-Shaikevic I. (2013) Bibliometrics — what and how we can evaluate in science. *Large-scale systems control*. Vol. 44. P. 210—247. (In Russ.)

Москалева О. В. Можно ли оценивать труд ученых по библиометрическим показателям // Управление большими системами. 2013. Спец. вып. 44: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой. С. 308—331.

Moskaleva O. (2013) Is it possible to evaluate researcher's work using bibliometric indicators? *Large-scale systems control*. No. 44. P. 308—331. (In Russ.)

Мотрошилова Н. В. Недоброкачественные сегменты наукометрии // Вестник РАН. 2011. № 2. С. 134—146.

Motroshilova N. V. (2011) Poor-quality segments of sciencemetry. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. No. 2. P. 134—146. (In Russ.)

Николаенко Г. А., Фёдорова А. А. Российские университеты в мировых рейтингах: успехи, провалы, перспективы // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 96—112.

Nikolaenko G. A., Fedorova A. A. (2017) Russian Universities in the World Rankings: Successes, Failures and Prospects. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 8. No. 1. P. 96—112. (In Russ.)

Орлов А. И. Наукометрия и управление научной деятельностью // Управление большими системами. 2013. Спец. вып. 44: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой. С. 538—568.

Orlov A. (2013) Scientometrics and research management. *Large-scale systems control*. No. 44. P. 538—568. (In Russ.)

Полянин А. Д. Недостатки индексов цитируемости и Хирша и использование других наукометрических показателей // Математическое моделирование и численные методы. 2014. № 1. С. 131—144.

Polyanin A. D. (2014) Disadvantages of citation index and Hirsch and using other scientometrics. *Mathematical Modeling and Computational Methods*. No. 1. P. 131—144. (In Russ.)

Ритцер Д. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. Лазарева. М. : Праксис, 2011. 592 с.

Ritzer G. (2008) *The McDonaldization of Society*. Moscow: Praxis. 592 p. (In Russ.)

Фурсов К., Рощина Я., Балмуш О. Факторы результативности научной деятельности: микроуровневый анализ // Форсайт. 2016. Т. 10. № 2. С. 44—56.

Fursov K., Roshchina Ya., Balmush O. Determinants of Research Productivity: An Individual-level Lens. *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 44—56. (In Russ.)

Юревич А. В., Цапенко И. П. Фетишизм статистики: количественная оценка вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Социология науки и технологий. 2012. № 3. С. 7—23.

Yurevich A. V., Tsapenko I. P. (2012) The Fetishism of the Statistics: a Quantitative Assessment of the Contribution of Russian Social Sciences and Humanities to World Science. *Sociology of Science and Technology*. No.3. p. 7—23. (In Russ.)

Gruzd A., Staves K., Wilk A. (2012) Connected scholars: Examining the role of social media in research practices of faculty using the UTAUT model. *Computers in Human Behavior*. No. 28 (6). P. 2340—2350. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.07.004>.

Hicks et al. (2015) A Critical Look at the ResearchGate Score as a Measure of Scientific Reputation. URL: https://www.researchgate.net/publication/277393116_A_Critical_Look_at_the_ResearchGate_Score_as_a_Measure_of_Scientific_Reputation (accessed: 05.05.2018).

Hulme W. E. (1923) *Statistical Bibliography in Relation to the Growth of Modern Civilization*. London. URL: <https://ia800203.us.archive.org/0/items/statisticalbibli00hulmuoft/statisticalbibli00hulmuoft.pdf> (accessed: 05.05.2018).

Jordan K. (2015) Exploring the ResearchGate score as an academic metric: Reflections and implications for practice. In: *Quantifying and Analysing Scholarly Communication on the Web*, Oxford. URL: http://oro.open.ac.uk/43538/1/ASCW15_jordan_response_kraker-lex.pdf (accessed: 05.05.2018).

Kraker P., Lex E. A (2015) Critical Look at the ResearchGate Score as a Measure of Scientific Reputation. *Scientometrics*. Vol. 112. No. 1. P. 443—460.

Kraker P., Lex E. (Oxford, UK, June 28 — July 1, 2015) A critical look at the ResearchGate score as a measure of scientific reputation. Proceedings of the Quantifying and Analysing Scholarly Communication on the Web workshop (ASCW'15), Web Science conference 2015. URL: http://ascw.know-center.tugraz.at/wp-content/uploads/2016/02/ASCW15_kraker-lex-a-critical-look-at-the-researchgate-score_v1-1.pdf (accessed: 21.11.2018).

Kramer B., Bosman J. (2016) Innovations in Scholarly Communication — Global Survey on Research Tool Usage. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4934514/> (accessed: 05.05.2018).

Martín-Martín A. et al (2016) The Role of Ego in Academic Profile Services: Comparing Google Scholar, ResearchGate, Mendeley, and ResearcherID. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.31235/osf.io/nk7my>.

Mas-Bleda A., Thelwall M., Kousha K., Aguillo I. (2014) Do highly cited researchers successfully use the social web? *Scientometrics*. Vol. 101. No. 1. P. 337—356. <https://doi.org/10.1007/s11192-014-1345-0>.

Merton R. K. (1988) The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. *ISIS*. Vol. 79. P. 606—623. <https://doi.org/10.1086/354848>.

Mikki S., Zygmuntowska M., Gjesdal O.L., Al Ruwehy H.A. (2015) Digital Presence of Norwegian Scholars on Academic Network Sites — Where and Who Are They? *PLoS ONE*. Vol. 10. No. 11. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0142709>.

Min-Chun Yu. et al. (2016) ResearchGate: An effective altmetric indicator for active researchers? *Computers in Human Behavior*. Vol. 55. Part B. P. 1001—1006. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.11.007>.

Moed H. (2005) *Citation Analysis in Research Evaluation*. Dordrecht: Springer. 333 p.

Moed H., Halevi G. A (2014) bibliometric Approach to Tracking International Scientific Migration. *Scientometrics*. Vol. 101. No. 3. P. 1987—2001. <https://doi.org/10.1007/s11192-014-1307-6>.

Nicholas D., Clark D., Herman E.(2016) Research Gate: Reputation uncovered. *Learned Publishing*. Vol. 29. No. 3. P. 173—182. <https://doi.org/10.1002/leap.1035>.

Ortega J.L. (2015) Disciplinary differences in the use of academic social networking sites. *Online Information Review*. No. 39(4). P. 520—536. <https://doi.org/10.1108/oir-03-2015-0093>.

Ortega J.L. (2017) Toward a homogenization of academic social sites: a longitudinal study of profiles in Academia.edu, Google Scholar Citations and ResearchGate. *Online Information Review*. No. 41(6). P. 812—825. <https://doi.org/10.1108/oir-01-2016-0012>.

Peters I., Kraker P., Lex E., Gumpenberger C., Gorraiz J. (2015) Research Data Explored: Citations versus Altmetrics. *Proceedings of the International Society for Informetrics and Scientometrics — ISSI*. <https://doi.org/10.1007/s11192-016-1887-4>.

Priem J., Taraborelli, D., Groth, P., Neylon, C. (2010) Altmetrics: A manifesto. URL: https://www.researchgate.net/publication/260282747_Altmetrics_A_Manifesto (accessed: 05.05.2019).

Pritchard A. (1969) Statistical Bibliography or Bibliometrics? *Journal of Documentation*. 25(4) Dec. P. 348—349.

Storch H. F. (1795) *Statistische Übersicht der Statthalterschaften des Russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen in Tabellen*. Riga: Hartknoch, 131 p.

Thelwall M., Kousha K. (2016) ResearchGate articles: Age, discipline, audience size, and impact. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 68. No. 2. P. 468—479. <https://doi.org/10.1002/asi.23675>.

Thelwall M., Kousha K. (2015) ResearchGate: Disseminating, communicating and measuring scholarship? *Journal of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 66. No. 5. P. 876—889.

Van Noorden R. (2014) Online collaboration: Scientists and the social network. *Nature*. No. 512(7513). P. 126—129. <https://doi.org/10.1038/512126a>.

Vaughan L., Shaw D. (2003) Bibliographic and Web citations: What is the difference? *The Journal of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 54. No. 14. P. 1313—1322. <https://doi.org/10.1002/asi.10338>.

Wellman B., Rainie L. (2012) *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge; L.: MIT Press. 376 p.

Zuckerman H. (1977) *Scientific elite: Nobel Laureates in the United States*. New York: Free Press. 362 p. <https://doi.org/10.1086/ahr/83.3.690>.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.12

Правильная ссылка на статью:

Бычкова О. В., Евсеева И. К., Малюшкин Р. В. Международные оценки перспектив технологии блокчейн и смарт-контрактов в научно-образовательной среде: возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 245—261. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.12>.

For citation:

Bychkova O. V., Evseeva I. K., Malushkin R. V. (2019) Blockchain for science and education: expert views. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 245—261. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.12>.

О. В. Бычкова, И. К. Евсеева, Р. В. Малюшкин
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН
И СМАРТ-КОНТРАКТОВ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН И СМАРТ-КОНТРАКТОВ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

BLOCKCHAIN FOR SCIENCE AND EDUCATION: EXPERT VIEWS

Бычкова Ольга Викторовна — PhD, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: obychkova@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6882-2997>

Olga V. BYCHKOVA¹ — PhD (Public Policy), Cand. Sci. (Soc.), Head of Center for Science and Technology Studies (STS Center)
E-MAIL: obychkova@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6882-2997>

¹ European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

ЕВСЕЕВА Ирина Константиновна — младший научный сотрудник Центра исследований науки и технологий, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: irin.evseeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6811-7331>

МАЛЮШКИН Роман Вячеславович — младший научный сотрудник Центра исследований науки и технологий, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: malyushkinr@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1659-925X>

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и перспективы использования технологии блокчейн и смарт-контрактов в науке и образовании. Тема вызывает споры среди специалистов: одни убеждают в эффективности предлагаемых решений, тогда как другие указывают на отрицательные последствия и препятствия к введению новой технологии. Авторы анализируют предварительные экспертные точки зрения на варианты использования блокчейна и смарт-контрактов в научно-образовательной деятельности. Исследование основано на материалах экспертных интервью со специалистами из Австрии, Великобритании, Ирландии, Нидерландов и США, имеющими опыт в сфере применения указанных технологий к научным, образовательным и социальным проектам. В заключении обсуждаются возможные барьеры на пути внедрения блокчейна и смарт-контрактов в России.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракты, наука, исследование науки и технологий

Irina K. EVSEEVA¹ — Junior Researcher, Center for Science and Technology Studies (STS Center)
E-MAIL: irin.evseeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6811-7331>

Roman V. MALUSHKIN¹ — Junior Researcher, Center for Science and Technology Studies (STS Center)
E-MAIL: malyushkinr@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1659-925X>

¹ European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article reviews how the blockchain and smart contracts can be applied to science and education. This is a topic of debate among experts: some of them believe in their effectiveness, while others point to negative effects and barriers to introducing these new technologies. The authors analyze preliminary expert opinions on the ways how to use blockchain and smart contracts in education and science. The study is based on the interviews with experts from Austria, Great Britain, Ireland, the Netherlands and the U.S.A. who are experienced in applying these technologies in education, science and social projects. In conclusion, the authors discuss possible barriers to launch blockchain and smart contract in Russia.

Keywords: blockchain, smart contracts, science, education, science and technology studies

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Сетевые договоры (смарт-контракты) как способ регулирования и организации научной деятельности» (№ 18-29-16184). Авторы выражают благодарность Лилии Земнуховой и Николаю Руденко (ЕУСПб) за участие в сборе эмпирических данных, на которых основана статья.

Acknowledgments. The article is financed by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the project “Network contracts (smart contracts) as a way of regulation and organization of scientific activity” (no. 18-29-16184). The authors express their gratitude to Lilia Zemnukhova and Nikolai Rudenko (EUSP) for their participation in gathering empirical data.

Введение

Информационные технологии сохраняют высокий темп инновационного развития. С распространением инноваций создаются новые формы организации процессов взаимодействия людей, социальных групп, институтов. Количество генерируемой информации также растет, и возникают вопросы, связанные с ее хранением, доступностью и верифицируемостью. Научно-образовательная сфера — один из примеров, где сложность коммуникационных процессов и объемы обрабатываемой информации постоянно требуют современных решений [Устюжанина, Евсюков, 2018]. Эта потребность продиктована общим технологическим развитием и, как следствие, необходимостью трансформации сферы. Актуальная повестка таких обсуждений включает использование эффективных инструментов доставки, хранения и распространения информации, ее обработки и анализа. В последнее десятилетие в качестве возможного решения подобных проблем предлагается использовать технологию блокчейн, основанную на применении распределенного реестра [Кирилова и др., 2018]. Популярность блокчейна растет благодаря открывающимся возможностям работы с данными в разных областях общественной и экономической жизни, включая финансовую сферу, страхование, госуправление, выборы и др.

В данной статье рассматривается одна из технологий блокчейна — смарт-контракты. Каковы перспективы использования технологии блокчейн и смарт-контрактов в науке и образовании? Тема вызывает споры среди специалистов: одни убеждают в эффективности предлагаемого решения, а другие указывают на отрицательные возможности использования и препятствия к использованию новой технологии [см. обзор: Космарский, 2019]. В представленной статье не ставится задача показать, как работают на практике смарт-контракты в науке и образовании, поскольку подобные проекты только начинают запускаться. Мы предлагаем рассмотреть экспертные точки зрения на вопрос о вариантах использования блокчейна и смарт-контрактов в науке и образовании. Исследование основано на анализе данных полуструктурированных экспертных интервью со специалистами из Австрии, Великобритании, Ирландии, Нидерландов и США, имеющими опыт в сфере применения указанных тех-

нологий к научным, образовательным и социальным проектам (подробнее см. Приложение 1).

В начале статьи будет предложено определение блокчейна и смарт-контрактов, а также описаны возможности, которые предоставляют данные технологии для решения социальных проблем. Затем обратимся к материалам интервью и рассмотрим позиции экспертов относительно вариантов применения технологий блокчейна и смарт-контрактов для научно-образовательной сферы. Также укажем на основные проблемы на пути использования данных технологий. В заключении будут проанализированы возможности, которые предоставляет блокчейн для организации научно-образовательных процессов.

Блокчейн и его обещания

Технологии блокчейна и принципы, по которым они работают, в последнее десятилетие обсуждаются в профессиональных, общественных и научных дискуссиях [Reijersetal, 2016: 136-137; Wright, de Filippi, 2015; McAfee, Brynjolfsson, 2017; Swan, 2015; Tapscott, Tapscott, 2016]. Многие знакомы с одной из самых известных систем, построенных по типу блокчейна, — криптовалютами, такими как биткойн. Но, как утверждают сторонники технологии, она применима не только к финансовой сфере и новым способам перевода денег [Beck et al., 2018]. Блокчейн обещает решить проблемы неопределенности и мошенничества в социальных взаимодействиях и предлагает новое видение социального и политического порядка в современном обществе, пересматривая способы управления людьми и поддержания различных форм соглашений в разных отраслях общественной жизни.

Технология блокчейн представляет собой распределенный набор зашифрованных блоков с данными, образующими единую и неделимую цепь внутри системы. Метод распределенного хранения заключается в отсутствии центрального ядра. Данные размещаются на всех узлах сети и хранятся у каждого участника системы. Блокчейн — это набор открытых записей о транзакциях (или своеобразная бухгалтерская книга), поддерживаемый, как правило, вычислительной деятельностью майнеров¹ — людей, подтверждающих валидность операции, например, денежной транзакции или соглашения о передаче прав собственности. Такую книгу часто называют публичным регистром (*public ledger*). Отличительные черты регистра — его публичный характер (что означает открытость и возможность проверки отслеживания любых транзакций с самого их начала) и децентрализованный характер (в сетях существует множество разрозненных, не связанных в реальной жизни пользователей). Как поясняют основатели блокчейна, это приводит к тому, что все пользователи могут контролировать валидность любого соглашения с их участием.

Блокчейн представляет собой не просто техническое решение для хранения результатов соглашений, но и предлагает новую концепцию управления для цифрового общества будущего. Объектами, которые движутся внутри сообществ майнеров, могут быть деньги (как в случае биткойна), а также тексты или контракты. Например, соглашения о правах собственности в интернете вещей, договоры страхования и децентрализованные сообщества (называемые в сообществе

¹ Отметим, что блокчейн может работать без майнинга и майнеров. См.: <https://medium.com/@credits/is-a-blockchain-without-mining-possible-9db40edec8b0>; <https://www.quora.com/Can-you-create-a-blockchain-without-miners>.

блокчейна «децентрализованными автономными организациями» (*decentralized autonomous organizations, DAO*), которые иницируют, формулируют и обеспечивают соблюдение своих собственных правил [Wright, de Filippi, 2015].

Блокчейн нацелен на техническое решение разных проблем социально-экономических отношений, одна из основных — доверие и его поддержка в человеческих взаимодействиях [Shermin, 2017]. Как указывает мифический основатель технологии биткойн, это «система... основанная на криптографическом доказательстве, способном заменить социальное доверие» [Nakamoto 2008: 1]. Недостаток доверия в современном обществе обсуждается многими социальными и политическими теоретиками [Beck et al., 2018; Coleman, 1994]. В общество, полное мошенничества и коррупции, основатели блокчейна обещают вернуть доверие. Во-первых, новая технология технически подкрепляет уверенность в распространении информации и ее безопасности без необходимости привлекать к передаче данных третье лицо, посредника или хранителя. Во-вторых, она создает «единственный источник доверия» [Beck et al., 2018: 4] в общей системе взаимодействий, при этом сохраняя недоверие к отдельным компонентам технологии и ее участникам. Система «полностью децентрализована, работает без центрального сервера или доверенных сторон, потому что все основано на криптодоказательстве, а не на доверии» [Nakamoto, 2009]. В 2008 г. основатель биткойна, чья личность неизвестна до сих пор, утверждал, что создал «новую систему электронных денег, которая полностью равноправна и коллегиальна, без участия третьей стороны» [Nakamoto, 2008].

Прибегая к историческим аналогиям, исследователи блокчейна приводят пример проблемы компьютерных наук, которая широко обсуждалась в начале 1980-х гг., — *задача византийских генералов*. Она предполагает поиск решения для придуманной ситуации социального взаимодействия, в которой участники должны выработать единую стратегию действия, выигрышную для них. Отдельные участники могут быть оппортунистами и предателями и передавать ложные факты². Задача генералов была сформулирована для решения реальных случаев интеракций во время развития интернета, когда не было возможности координировать участников по сети без единого центра взаимодействия. Как и ожидалось, в подобных случаях всегда существует угроза оппортунистического поведения со стороны злонамеренных агентов, которые поставят под угрозу все взаимодействие. Предлагалась отсылка к историческому случаю с византийской армией, которая осаждала город в надежде на его завоевание. Три дивизии этой армии возглавляли независимые генералы, которым нужно было определиться с общей стратегией атаки. Физическое расстояние между генералами позволяло им общаться друг с другом только с помощью гонцов, каждый из которых мог оказаться предателем. Так же как и любой из самих генералов. Такой предатель мог помешать генералам создать общий план — либо обманом заставляя их атаковать слишком рано, либо скрывая информацию и вводя их в заблуждение. В конце концов, предательство

² Задача генералов имеет определенное сходство с широко известной в социальных науках проблемой сотрудничества — дилеммой узника. Однако по сравнению с этой дилеммой общение между участниками взаимодействия в задаче генералов не запрещено. Кроме того, в ней коммуникация нарушается не только из-за человеческих недостатков, но также из-за расстояния. Для решения проблемы пространства привлекаются либо другие люди, либо технологии.

могло быть раскрыто, но слишком поздно для генералов [Akkoynluetal, 1975; Wright, de Filippi, 2015: 5-6].

В современном мире отсутствие доверия к бесконечным потокам информации и людям, распространяющим эту информацию, является одной из ключевых проблем социального и политического порядка³. Основатели блокчейна предлагают свою версию общественного устройства, свободного от коррупции и оппортунизма, где люди смогут доверять друг другу, а также многочисленным артефактам, которые опосредуют их взаимодействия. Пока же такие посредники, как и гонцы из «задачи византийских генералов», легко могут предать. Люди или записи в равной степени могут изменять, модифицировать и даже удалять доказательства и отдельные пункты соглашений. Технологии блокчейна обещают решить эту проблему, используя прозрачность, проверку и вычислительные мощности в качестве подручных средств. Как показывается на примере биткойна, «для непосвященных биткойн решает задачу византийских генералов, заставляя каждого “генерала” работать над математической проблемой, которая, как известно, занимает определенное количество времени; когда они решают проблему, передают свое решение другим генералам, которые включают этот ответ в новую проблему. “Консенсус” неразрывно связан с “математической проблемой”, так что генералы всегда будут “доверять” цепочке решений; а для злоумышленника будет при этом невозможно подделать длинную цепочку таких решений»⁴.

Исследователи блокчейна отмечают, что центральной категорией в разных версиях блокчейна является децентрализация полномочий по принятию решений [Beutzel, 2018: 27]. Соглашения записываются в общий пул данных только один раз, поэтому каждый участник может проверить их валидность децентрализованным способом. Сообщества и группы разных размеров могут заключать соглашения без центрального, иерархического и потенциально коррумпированного человеческого посредника. Если обратиться к словарю социальных исследований науки и технологий (*STS, science and technology studies*), блокчейн и самореализуемые умные контракты, построенные на этой технологии, выполняют обсуждаемую в этих исследованиях функцию делегирования — замену ненадежных людей технологическими инструментами, которые лишены обычных человеческих недостатков [Latour, 1988]. С позиции делегирования технологии блокчейна позволяют создавать, передавать и хранить записи любого предназначения — личные, исторические, юридические или денежные. Если человеку требуется свидетельство его деятельности в этом мире, которое нельзя изменить или удалить (например, в ситуации с авторскими правами, юридическими контрактами или выбора при голосовании), блокчейн позволяет создать, записать и оградить от разрушения подобную информацию.

Сторонники блокчейна уверены, что подобное делегирование принесет понятное регулирование в жизнь современного общества — для разных сфер челове-

³ В социальной теории проблема отсутствия доверия представляется как дилемма узника, проблема принципала-агента отношений, морального риска и др. Блокчейн и смарт-контракты обещают решить эту проблему, снизить операционные издержки и уровень бюрократии и предлагают новый способ соединения интересов и сообществ более децентрализованно и без мошенничества со стороны отдельных участников.

⁴ Hacker news, Bitcoin and the Byzantine Generals Problem. 16.12.2013. <https://news.ycombinator.com/item?id=6911785> (дата обращения: 19.06.2019).

ческой деятельности как на институциональном уровне, так и в повседневности. «Соединяя цифровую валюту, смарт-контракты и распределенное хранение данных, блокчейн открывает нам путь к совершенно новым организационным формам (включая децентрализованные автономные организации), которые будут использовать компьютерный код для определения своей модели управления» [Wright, de Filippi, 2015: 8]. Блокчейн обещает свободу от контроля любым третьим лицом (включая государство и банки) и передачу контроля от централизованных структур к децентрализованным единицам. Эта технология предлагает переформировать политическую организацию и запустить новые формы демократического принятия решений и более широкого участия сообществ [Reijersetal, 2016]. Она также способствует сокращению роли одного из важнейших действующих лиц в области правового регулирования и правоприменения сегодня — фигуры посредника: чиновника, бухгалтера, адвоката, судьи или нотариуса. Разработчики технологии блокчейн, например, обещают организовать такую процедуру голосования, при которой не потребуются бумаги и кабинки, а избиратели смогут быть уверены, что их голоса подсчитаны и не подделаны⁵.

Сегодня делаются попытки разработок на основе блокчейна различных технологических решений для разных сфер социальных взаимодействий. Одним из примеров является составление смарт-контрактов, направленных на решение ряда задач в научно-образовательной деятельности, например, ведение журнала успеваемости. Как утверждают эксперты, продвигающие идею использования блокчейна и смарт-контрактов в науке и образовании, в современных условиях развития этих сфер при усложняющихся системах метрик, возрастающей трудоемкости верификации данных, ограничении доступности научной информации неизменно возникает потребность решать проблемы при помощи цифровых технологий. Новаторы блокчейна и, в частности, смарт-контрактов, настаивают на том, что предлагаемые ими подходы могут решить указанные проблемы для различных стейкхолдеров в научно-образовательной сфере.

Далее рассмотрим позиции международных экспертов относительно возможности использования технологии блокчейн и смарт-контрактов в науке и образовании. Будут проанализированы проблемы децентрализации регуляторных полномочий и технологические барьеры автоматизации процессов на основе блокчейн-платформы. При обсуждении мы обратим внимание на следующие вопросы:

- выявление проблем науки, которые может решить блокчейн;
- соотнесение проблем науки и инфраструктурных возможностей блокчейна через примеры, полученные от информантов;
- описание условий, при которых блокчейн станет инфраструктурным решением проблем науки.

Дальнейший анализ будет построен на материалах экспертных интервью, собранных зимой 2019 г. командой Центра STS Европейского университета в Санкт-Петербурге. Интервью проводились с так называемыми технологическими евангелистами технологии (экспертами, профессионально занимающимися пропагандой распространения блокчейна и основанных на этих технологиях

⁵ Chris Malmo, Bitcoin Could Revolutionize Voting, VICE (Mar. 31, 2014). URL: http://www.vice.com/en_ca/read/bitcoin-could-revolutionize-voting (дата обращения: 20.04.2019).

приложений), успешными стартаперами блокчейн-проектов и академическими исследователями. Список информантов представлен в конце статьи.

Блокчейн в науке и образовании

Один из «евангелистов новой технологии», участник экспертного сообщества “Blockchain for science” формулирует общее понимание организации технологии в сфере науки: *«Блокчейн — это, конечно, технология, которая не отличается [от интернет-технологии. — Прим. авт.]. Но я думаю, что термин “блокчейн в науке” означает более направленные полезные действия, определяемые как вся концепция. Это в основном новая организация сотрудников онлайн. Так, если вас больше не устраивает классическое доверие, у вас может быть независимость действий, у вас есть данные, которые распространяются на всех, а не только на людей одной службы»* (интервью 1, евангелист, Германия). Таким образом, применение технологии блокчейн со стороны пользователей представляет собой цифровую организацию работы или хранение информации. Другими словами, это та же работа в сети, но все действия записываются в распределенном реестре и становятся прозрачными. Изменяется подход, при котором есть заранее установленное участие пользователя в договоре (смарт-контракте), а значит, возможность контролировать все операции.

Смарт-контракты построены на основе блокчейна и существуют неразрывно от него. По словам исследователя, блокчейн-революция прежде всего будет строиться вокруг процесса повсеместного контроля информации. Однако на развитие технологии влияет множество культурных аспектов и изменений — и это фактор, который нельзя игнорировать.

В собранном корпусе интервью наши информанты выделили несколько проблем научно-образовательной деятельности, которые, по их мнению, наиболее эффективно могут быть решены применением технологий блокчейна и смарт-контрактов. Указываются следующие перспективные варианты использования смарт-контрактов в научно-образовательной сфере:

1. Финансирование научно-исследовательской работы, распределение грантовых средств и отслеживание выполнения условий контракта. Предполагается, что эти процессы смогут стать автоматизированными благодаря смарт-контрактам, а его участники гарантированно своевременно выполняют условия проектов.
2. Сбор, валидация, хранение и быстрый поиск данных (первичных эмпирических, научных публикаций и пр.). Благодаря смарт-контрактам, научные результаты будут доступны для всех, пользоваться ими можно будет из любой точки мира и сразу после того, как ученые их произвели.
3. Научная коллаборация, проблема авторства и соавторства. Как обещают сторонники новой технологии, в блокчейн-цепочке авторство любого научного результата будет неоспоримо. А любую коллаборационную деятельность можно регулировать контрактом с учетом доли участия каждого.
4. Система рецензирования научных работ.
5. Валидация документов об образовании. Подтверждение сертификатов в учебных заведениях — важная проблема, которая может быть решена

внедрением блокчейна. С его помощью работодатель сможет подтвердить подлинность сертификата, посмотреть историю обучения и быть уверенным в квалификации сотрудника.

Российские социальные исследователи только начинают обсуждать данные варианты и их валидность использования для российской науки и высшего образования [Космарский, 2019]. Задача нашей статьи — представить позиции международных экспертов о возможностях и потенциале использования блокчейна и смарт-контрактов в указанных сферах.

Одно из первых потенциальных направлений использования блокчейна и смарт-контрактов, на которое указывали эксперты, — *система распределения грантов* на реализацию научно-исследовательских проектов. Гранты предполагают сложный договор, по которому требуется выполнить ряд обязательных условий со стороны грантодателя, представить промежуточные и итоговые научные результаты. По факту выполнения этих условий деньги переводятся грантополучателю. Бывают случаи, когда в системе происходят сбои. Например, когда какое-то условие не выполнено, а деньги уже переведены и их приходится возвращать. Или деньги не переводятся, хотя условия выполнены. В случае регулирования этой системы смарт-контрактом все условия будут обозначены при вступлении акторов в сделку, и система будет работать автоматически. В таком случае указанные выше коллизии будут предотвращены.

Однако учесть все условия при составлении контракта — проблема, на которую обращали внимание отдельные эксперты из нашей выборки. *«Вы можете наблюдать очень большую степень независимости в том числе в экономических вопросах исследовательских групп, профессорско-преподавательского состава и прочих. И для многих людей, которые работают с высокой степенью независимости, есть заинтересованность в том, чтобы укрепить главенствующую олигополистическую систему метрик и систему оценки исследований. <...> В то же время мы можем наблюдать законность единственной системы. Потому что мы хотим быть уверены в направлении денег, которого мы ожидаем, и которые повлияют на общество в целом и на экономику. И это представляет интерес, потому что у нас есть техническая возможность для большого количества независимых игроков»* (интервью 2, технологический евангелист, Германия). Как указывает эксперт в приведенной цитате, когда смарт-контракты регулируют область, где одновременно существует высокая степень и свободы, и ответственности, правила этого регулирования должны отражать интересы всего сообщества, а не отдельных акторов. Это также относится и к проблеме экосистемы: эффективное регулирование системы грантов смарт-контрактами требует, чтобы в ней принимали участие как можно большее количество участников, а в идеале — все представители конкретного сообщества.

Второе направление — блокчейн позволяет *собирать и хранить информацию на всех этапах исследования*, что имеет особое значение для первичных, «сырых» эмпирических данных. Как указывали эксперты, безусловный позитивный эффект от внедрения блокчейна и смарт-контрактов в систему науки — это доступ к подобным данным. Исследователям не придется долго ждать результатов их обработки, их можно будет использовать сразу для дальнейшего анализа и доработки в других исследованиях. При этом материалы будут защищены правами

собственности, поскольку авторство останется за исследователем, первым записавшим в блокчейн свои данные, которые в дальнейшем нельзя подделать или заменить. Другая проблема с данными заключается в том, что сегодня отсутствует единая система хранения информации, поэтому найти результаты исследования пятилетней давности практически невозможно. Особенно если они не использовались в опубликованной научной статье или отчете.

Стартаперы, развивающие это направление в блокчейне, предполагают, что хранение данных будет прозрачным и упорядоченным, а поиск — простым. Главное преимущество заключается в том, что промежуточные результаты будут доступны всем сразу, при этом сохраняясь в определенном месте. Сегодня также появляются стартапы, которые занимаются решением проблемы прозрачности эмпирических данных, используемых в статьях. Данные решения направлены на возможность быстрой и легкой проверки полученных результатов (интервью 3, предприниматель, Великобритания).

Кроме эмпирических данных, возможно сделать доступными и сами научные публикации. Главная идея — сделать научные результаты доступными как можно большему числу исследователей. Однако не все исследователи работают в ведущих университетах и имеют доступ к литературе и подписки на научные журналы. Особенно это касается научно-исследовательских работников в развивающихся странах мира. Сегодня проблема открытости и доступности данных различного формата решается сторонниками блокчейна. Например, в Вене организован стартап, создающий блокчейн-платформу для хранения научной литературы, с тем чтобы доступ к ней получали все, а деньги за использование — автор, а не крупные издательские корпорации (интервью 4, исследователь, Австрия).

Третье направление — *поддержка научной коллаборации и определение авторства в коллективной работе*. Как указывали эксперты, использование смарт-контрактов в ходе научно-исследовательской работы — это способ сделать ее прозрачнее. Благодаря методам блокчейна существует возможность непрерывной фиксации всех действий, производимых в сети. В качестве примера такой сетью может быть сообщество проектных исследователей, которые записывают результаты этапов своих процессов в специально разработанные интерфейсы. Неделимая блокчейн-цепочка надежно защищена от внесения правок и не позволит ученому подкорректировать ранее выложенные данные.

Сторонники блокчейна утверждают, что применение новой технологии в этом контексте позволит сформировать условия вовлеченности каждого из участников проекта, а также защитить их авторские права. При необходимости проектные исследователи могут верифицировать активность своих коллег на любом этапе работы. *«Например, три исследователя формируют некий набор данных. Задача одного из них — разработать методику сбора, второго — собрать данные, а третьего — проверить целостность и валидность собранной информации. Так, каждый из трех исследователей полностью вовлечен в рабочий процесс, и применение смарт-контрактов в этом случае содержит условия и положения работы с данными по их хранению и передаче. Также смарт-контракты обеспечивают авторство: все трое — создатели этого набора»* (интервью 5, предприниматель, США). Представляя собой журнал учета, блокчейн гарантирует прозрачность и безопасность при

проведении работ, а также позволяет ученым составить более точную картину проводимого исследования и зафиксировать вклад каждого из участников в финальный результат.

Кроме того, технологии блокчейна позволяют учитывать и другие активности исследователей, которые необходимы для реализации любого научно-исследовательского проекта, но при этом часто остаются недооцененными и не получают поощрения. Например, неформальная работа с аспирантами и молодыми исследователями, проведение ридинг-групп для младших научных сотрудников, участие в обсуждениях результатов исследований коллег и пр. Блокчейн может быть использован как база коллаборационных платформ, позволяющих оценить работу каждого участника команды по разным критериям, а не только по публикациям в научных изданиях.

Еще одно направление связано с процедурой анонимного рецензирования. Многие научные сотрудники в ходе своей деятельности сталкиваются с необходимостью проведения рецензирования работ других специалистов. В общем случае рецензент пишет личный и независимый отзыв на оцениваемое им произведение — статью, монографию, книгу. Несмотря на это, существуют недостатки, связанные с объективностью такого подхода: возможность взаимного рецензирования — умышленная договоренность двух специалистов о подготовке рецензий на взаимовыгодных условиях; ошибочная трактовка суждений друг друга из-за различного уровня профессиональной подготовки; недобросовестность рецензента. Кроме того, оценка работы занимает время рецензента и, как правило, не входит в показатели его работы. Блокчейн предлагает свои решения для открытости проведения рецензирования в науке. Данная технология потенциально способна решить вопрос с качеством работы рецензентов и предложить оплату его труда. Как указывают эксперты, блокчейн не позволит трансформировать всю систему научного рецензирования, но на его базе можно создать механизм, позволяющий установить прямую связь между рецензией и ее автором. Рецензирование по блокчейну позволит равномерно распределить нагрузку на научных сотрудников, а результаты их работы представить в открытом доступе. Система накопления токенов в этом случае будет выступать формой заработка для рецензентов (интервью 1, евангелист, Германия).

Последнее из направлений, которое упоминали эксперты в наших интервью, относится к образовательной сфере — *валидация документов об образовании*. Например, технологии блокчейна уже внедряются в Университете Никосии — крупнейшем частном университете Кипра, в котором все академические сертификаты выдаются сегодня с использованием системы блокчейн. Это позволяет отслеживать подлинность дипломов и предотвращать обман в резюме, покупку диплома и исключить необходимость проверок. Идея внедрения технологии возникла в 2014 г., когда в университете стал читаться курс по обучению блокчейн-технологиям и цифровым валютам. Университет запустил тестовые программы, которые, в частности, позволяли оплатить обучение криптовалютами и получить блокчейн-сертификат об образовании. Сегодня эти программы успешно прошли стадию тестирования и работают на постоянной основе. Первые студенты получили свои сертификаты в 2017 г. Как отмечают эксперты, важным аспектом успешной

работы подобного применения технологии блокчейн является необходимость ее использования сетью университетов: один университет на платформу блокчейн не будет работать так же эффективно, как ассоциация или сообщество (интервью 4, исследователь, Австрия).

По мере развития технологии блокчейн и различных ее приложений возникает всесторонний интерес как частного, так и государственного секторов. Это, в свою очередь, инициирует различные исследования, направленные на изучение не только возможностей, но и барьеров на пути технологий распределенного реестра и приложений на их основе. В экспертных интервью, собранных авторами, специалисты указали на две основные проблемы — отсутствие источника регулирования и переложение реальных организационных процессов на алгоритмы блокчейна. Рассмотрим их подробнее.

Барьеры на пути использования технологии блокчейн

Проблема № 1. Децентрализация и отсутствие единого регулятора

Одним из основных элементов новой технологии является создание и распространение нового типа организационной структуры — децентрализованных автономных организаций и сообществ (DAO), деятельность которых основана на правилах, прописанных в смарт-контрактах при полном отсутствии стороны-регулятора. Любая сеть участников блокчейна по умолчанию полностью децентрализована, поэтому на ее управление невозможно повлиять извне, вносить корректировки и задавать стандарты работы. В таком контексте вопрос регулирования — один из барьеров на пути внедрения блокчейна во многие сферы общественной и экономической жизни общества, включая научно-исследовательскую сферу.

Среди признаков централизованного механизма выделяют возможность устанавливать общеобязательные нормы. В децентрализованных системах, построенных на основе технологии блокчейн, в качестве такой нормы используется «консенсус» — особая форма подтверждения транзакций участниками на основе специальных единиц учета (токенов) или вычислительной мощности узлов сети. Работоспособность системы в этом случае распространяется только на ее акторов и не может быть использована для внешних операций. Например, обмен исследовательскими данными, осуществляемый в рамках одной сети, не нуждается в дополнительном контроле и может быть верифицирован собственными алгоритмами [Янковский, 2017].

Однако если в децентрализованной автономной организации возникает необходимость внешнего взаимодействия, то встает вопрос регулирования. Так, пользователи одной блокчейн-платформы не в состоянии обмениваться данными с другой, поскольку правила работы в этих системах не предусматривают подобного сотрудничества. Если предположить, что условие исполнения смарт-контракта зависит от внешнего агента (например, государства), то можно судить об утрате автономности. Любой внешний фактор не поддается управлению внутри блокчейна, а значит не может быть верифицирован. Кроме того, предъявляются требования к его типу, формату, свойствам, протоколу передачи и пр., что приводит к мысли о применении механизма регулирования, а следовательно, и централизации.

Что противоречит одной из основных идей, которой основатели технологии блокчейн объясняют ее существование, — автономности сообщества и независимости от централизованной иерархии. Как объясняют эксперты из нашей выборки, децентрализованная система имеет ряд практических ограничений и может быть использована с большими оговорками: «В данный момент никакого взаимодействия нет. Представители университетов сами не могут договориться, какие данные и каким образом необходимо хранить» (интервью 6, предприниматель, Ирландия).

Вернемся к примеру использования блокчейна для проверки подлинности диплома об образовании. Способов реализации такой идеи может быть несколько. От самых простых — подтверждение самого факта наличия высшего образования, до структурно сложных и полных — наличие диплома за подписью нескольких профессоров, в том числе результатов всех зачетов и экзаменов, истории посещения и прочей студенческой активности. Представим, что каждый университет самостоятельно внедряет собственную систему подтверждения образования и реализует свой проверочный инструмент. Такой сценарий приведет к массовому распространению платформ верификации, которые сами по себе уже накладывают централизацию на деятельность работодателей и социальных служб.

Более гибким способом реализации этой идеи может служить внедрение общей платформы с открытым доступом для университетов, работодателей, служб занятости и других учреждений. В этом случае нет необходимости в создании самостоятельных средств проверки. Все участники сети имеют равный доступ к ее содержанию. Конечно, такой подход невозможен без стороны-регулятора, которая обеспечивала бы общеобязательные нормы использования информации и взаимодействия между участниками внутри системы. Кроме того, возникает проблема объема данных. Поскольку распределенный реестр хранится у каждого участника системы, а с каждым годом количество выпускников увеличивается — существует риск информационного переполнения физических носителей. Тем не менее и данный вопрос может быть решен стороной-регулятором на основе распределения прав доступа. Так, например, определенный университет будет хранить данные о своих выпускниках, а служба занятости — только о тех, кто является безработным в настоящее время.

Проблема № 2. Блокчейн и его воздействие на организационную структуру

Смарт-контракты — это способ организации процессов, призванный решить определенные проблемы за счет лежащих в его основе принципов. Это также касается и академической сферы, поскольку использование смарт-контрактов в науке и образовании предполагает, что необходимо учесть все многообразие жизненных ситуаций и отразить их в этом способе организации социальной структуры.

Основная проблема переложения любых организационных процессов, построенных на технологии блокчейн, — это необходимость подробного и точного описания этого процесса. Написать программу, основанную на блокчейн, — вполне посильная задача на данном этапе развития технологии. Однако сама технология не улучшит процесс только по факту ее существования. Как замечали эксперты в наших интервью, она лишь опишет и инфраструктурно поддержит существую-

щие процессы и взаимодействия (интервью 7, исследователь, Нидерланды). Исследователи отмечают также, что смарт-контракты в целом склонны игнорировать тот факт, что в реальности контракты не просто фиксируют условия соглашений. Они — социальный ресурс, который используется для управления взаимодействием между людьми [Levy, 2017].

Приведем пример с научными грантами. Если в ситуации с финансированием НИР и НИОКР выплату задерживают по той причине, что на счете грантодателя нет необходимых средств, смарт-контракт может по-разному описать эту возможную ситуацию: разрешить участвовать лишь с необходимой суммой на счете; заморозить необходимую сумму при заключении контракта; заблокировать недобросовестных грантодателей и т. д. И все это многообразие вариантов развития ситуации необходимо предусмотреть в контракте. Кроме этого, когда вся ситуация будет описана и переложена на смарт-контракт, действия грантодателя и грантополучателя могут измениться под влиянием новой технологии (интервью 4, исследователь, Австрия).

Все легко переводится на блокчейн-платформу, если элементы процесса правильно идентифицированы. Другими словами, процесс сложного взаимодействия должен быть так условно поделен на подзадачи, чтобы ими было возможно управлять в блокчейн-платформе и они бесперебойно работали на достижение конечной цели. При этом новая система, с одной стороны, закрепляет существующие процессы и практики, а с другой — постепенно меняет логику работы организации. Происходит это потому, что процесс неизбежно подстраивается под новую форму управления — блокчейн. Поэтому для академической сферы необходимо определить, где именно применять блокчейн. Эксперты из нашей выборки не дают однозначного ответа, но уточняют, что новая технология должна применяться для решения конкретной проблемы в конкретном сообществе. Например, в сфере образования при выдаче дипломов технология может стать удачным инструментом, а при приеме на работу профессорско-преподавательского состава в использовании блокчейна нет необходимости, поскольку она, напротив, затруднит действие [интервью 4, предприниматель, Австрия].

Смарт-контракт — это программа, в которую заложены обязательные для выполнения условия. Однако в организации часто происходят процессы, не описанные в этих условиях, а плохой организационный процесс невозможно улучшить блокчейном. Например, в Швеции база данных о собственности хранится в блокчейне, и это эффективно работает. Было много попыток перенять эту модель в развивающихся странах, но они не привели к успеху из-за недостаточной детализации, неверных данных, нехватки кадров, коррупции при работе с ключами (интервью 4, исследователь, Австрия).

Подведем итог. Как показывают материалы экспертных интервью, блокчейн и, в частности, смарт-контракты как способ организации могут решить ряд проблем: подтверждение сертификатов, прозрачность данных, авторство и вклад каждого из участников в коллаборационную деятельность. Однако эксперты также предупреждают, что блокчейн и его приложения — это лишь инструмент, который организует существующие процессы. Необходимо понимать, насколько действительно требуется переносить эти процессы на алгоритм и коды блокчейна,

а в каких случаях в этом нет необходимости. Важными барьерами на данном этапе видятся децентрализация и описание реальных организационных процессов и коммуникаций.

Заключение

Для корректной организации системы науки посредством блокчейн-платформы необходимо создать экосистему, включающую в себя как можно больше участников, а желательно — охватить всех вовлеченных в процесс, поскольку только масштабное участие позволяет в полной мере реализовать потенциал новой технологии. Основная идея блокчейна — функционирование единой экосистемы. На отдельных кейсах технология также может быть успешной, но идеологически в ней не будет смысла, тогда как в больших системах применение блокчейна становится необходимостью. Но этот принцип оказывается трудноосуществимым при условии реализации основного идеологического основания новой технологии — децентрализации блокчейна.

Смарт-контракт — это программа, в компьютерный код которой записываются условия соглашений, при этом многие дополнительные процессы, происходящие в рамках подобного взаимодействия, часто выпадают из условий контракта. В блокчейне не удастся изменить данные, им невозможно улучшить плохой бизнес-процесс. Важно, что смарт-контракт — это инструмент, отражающий социальную реальность. Соответственно, он не решит организационных вопросов, а лишь поддержит их инфраструктурно. Поэтому важный шаг на пути реализации блокчейн-платформы как основной организационной структуры сферы науки — выявление проблем, для решения которых необходимо применить именно цифровые алгоритмы. Кроме того, требуется сделать блокчейн технологией, понятной участникам разных сообществ, что даст им мотивацию к его внедрению и возможность перестроить организационные процессы. С самого начала продвижения блокчейна и смарт-контрактов требуется определить основные практики научно-образовательной деятельности, при этом делая процесс определения открытым и понятным для заинтересованных участников. Блокчейн появился как инструмент для финансовой сферы (криптовалют, финансовых рынков, продаж и пр.), его использование для научной и образовательной деятельности требует продуманной адаптации и широкого участия научного сообщества.

Список литературы (References)

Кирилова Д., Маслов Н., Астахова Т. Перспективы внедрения технологии блокчейн в современную систему образования // *International Journal of Open Information Technologies*. 2018. № 8. С. 31—36.

Kirilova D., Maslov N., Astakhova T. (2018). Prospects for the introduction of blockchain technology in the modern education system. *International Journal of Open Information Technologies*. No. 8. P. 31—36. (In Russ.)

Космарский А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы // Мониторинг общественного мнения :

- Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 388—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.16>.
- Kosmarski A. (2019) Blockchain for science: revolutionary opportunities, implementation prospects, potential issues. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 388—409. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.16>.
- Устюжанина Е., Евсюков С. Цифровизация образовательной среды: Возможности и угрозы // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2018. № 1. С. 3—12. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2018-1-3-12>.
- Ustyuzhanina E., Evsukov S. (2018) Digitalization of the educational environment: Opportunities and threats. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. No. 1. P. 3—12. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2018-1-3-12>.
- Янковский Р. Государство и криптовалюты: проблемы регулирования. МГУ, 2017. Yankovsky R. (2017) *The State and cryptocurrencies: Problems of regulation*. Moscow State University.
- Akkoyunlu E., Ekanadham K., Huber R. (1975) Some constraints and tradeoffs in the design of network communications. URL: http://hydra.infosys.tuwien.ac.at/teaching/courses/AdvancedDistributedSystems/download/1975_Akkoyunlu,%20Ekanadham,%20Huber_Some%20constraints%20and%20tradeoffs%20in%20the%20design%20of%20network%20communications.pdfPortal.acm.org (accessed: 18.06.2019).
- Beck R., Muller-Bloch C., King J. L. (2018) Governance in the Blockchain economy: A framework and research agenda. *Journal of the Association for Information Systems*. Vol. 19. No. 10. Article 1. URL: <https://aisel.aisnet.org/jais/vol19/iss10/1> (accessed: 18.07.2019).
- Beutel T. (2018) Decentralising power, competence and incentives — a case study on emerging visions in the Blockchain space. Master's dissertation. University of Edinburgh Business School. URL: <https://www.researchgate.net/publication/327427029> (accessed: 18.07.2019).
- McAfee A., Brynjolfsson E. (2017) *Machine, platform, crowd: Harnessing our digital future*. New York, London: W. W. Norton & Company.
- Coleman J. S. (1994) *Foundations of social theory*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Latour B. (1988) Mixing humans and nonhumans together: The Sociology of a door-closer. *Social Problems*. Vol. 35. No. 3. P. 298—310.
- Levy K. (2017) Book-Smart, Not Street-Smart: Blockchain-Based Smart Contracts and The Social Workings of Law. *Engaging Science, Technology, and Society*. Vol. 3. P. 1—15. <https://doi.org/10.17351/ests2017.107>.

Nakamoto S. (2008) Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system (White Paper). URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (accessed: 18.07.2019).

Nakamoto S. (2009) Bitcoin open source implementation of P2P currency, P2P FOUNDATION (Feb. 11, 2009). URL: <http://p2pfoundation.ning.com/forum/topics/bitcoin-open-source> (accessed: 19.08.2019).

Reijers W., O’Brolcháin F., Haynes P. (2016) Governance in Blockchain technologies and social contract theories. *Ledger*. Vol. 1. P. 134—151. <https://doi.org/10.5195/ledger.2016.62>.

Shermin V. (2017) Disrupting governance with blockchains and smart contracts. *Strategic Change*. 2017. Vol. 26. No. 5. P. 499—509.

Swan M. (2015) *Blockchain: Blueprint for a new economy*. Beijing, Sebastopol CA: O’Reilly.

Tapscott D., Tapscott A. (2016) *Blockchain revolution: How the technology behind Bitcoin is changing money, business and the world*. London: Portfolio Penguin.

Wright A., de Filippi P. (2015) Decentralized Blockchain technology and the rise of Lex Cryptographia. *Social Science Research Network*. No. 2580664. P. 5—8. URL: <http://papers.ssrn.com/abstract=2580664> (accessed: 18.07.2019).

Приложение 1. Список интервью

Интервью 1 — исследователь, сооснователь “Blockchain for science”. Берлин, Германия. Дата проведения интервью: 08.03.2019.

Интервью 2 — евангелист, сооснователь “Blockchain for science”. Ганновер, Германия. Дата проведения интервью: 28.03.2018.

Интервью 3 — предприниматель. Тонбридж, Великобритания. Дата проведения интервью: 03.03.2019.

Интервью 4 — исследователь. Институт криптоэкономики, Венский университет, Австрия. Дата проведения интервью: 27.02.2019.

Интервью 5 — предприниматель, сооснователь компании, использующей технологии блокчейн. Кембридж, США. Дата проведения интервью: 28.02.2019.

Интервью 6 — евангелист, президент компании, использующей технологии блокчейн. Дублин, Ирландия. Дата проведения интервью: 25.03.2019.

Интервью 7 — исследователь. Blockchain & Society Policy Research Lab, Университет Амстердама, Нидерланды. Дата проведения интервью: 11.03.2019.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.13

Правильная ссылка на статью:

Семенова Т. В., Вилкова К. А. Вклад характеристик участников массовых открытых онлайн-курсов (МООК) в формирование уровня удовлетворенности обучением // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 262—277. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.13>.

For citation:

Semenova T. V., Vilkova K. A. (2019) Relationship between the MOOC participants' characteristics and their satisfaction with the courses. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 262—277. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.13>.

Т. В. Семенова, К. А. Вилкова

ВКЛАД ХАРАКТЕРИСТИК УЧАСТНИКОВ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН-КУРСОВ (МООК) В ФОРМИРОВАНИЕ УРОВНЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ОБУЧЕНИЕМ

ВКЛАД ХАРАКТЕРИСТИК УЧАСТНИКОВ
МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН-КУРСОВ
(МООК) В ФОРМИРОВАНИЕ УРОВНЯ
УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ОБУЧЕНИЕМ

СЕМЕНОВА Татьяна Вадимовна — магистр социологии, научный сотрудник, Центр социологии высшего образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: tsemenova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1792-7470>

RELATIONSHIP BETWEEN THE MOOC
PARTICIPANTS' CHARACTERISTICS
AND THEIR SATISFACTION WITH THE
COURSES

Tatiana V. SEMENOVA¹ — MSc in Sociology, Research Fellow, Centre of Sociology of Higher Education, Institute of Education

E-MAIL: tsemenova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1792-7470>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ВИЛКОВА Ксения Александровна — магистр психологии, аспирант, стажер-исследователь, Центр социологии высшего образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: kvilkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2161-0409>

Ksenia A. VILKOVA¹ — MSc in Psychology, PhD student, Intern Researcher, Centre of Sociology of Higher Education, Institute of Education
E-MAIL: kvilkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2161-0409>

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. С каждым годом все больше образовательных организаций создают собственные массовые открытые онлайн-курсы (МООК). Интерес пользователей интернета к материалам ведущих учебных заведений, доступным широкой аудитории, также растет. Для того чтобы слушатели могли ориентироваться среди разнообразия курсов, стали появляться рейтинги МООК, в основе которых лежит оценка удовлетворенности обучением. Однако уровень удовлетворенности связан не только с содержанием самого курса, но и с индивидуальными характеристиками слушателей. Поэтому возникает вопрос о возможности использования рейтингов для сравнения курсов между собой, поскольку их оценивают разные группы участников. Особенно эта проблема актуальна для МООК, совокупность слушателей которых представляет собой гетерогенную группу. Для определения вклада характеристик участников курсов в формирование уровня удовлетворенности в исследовании использованы данные опросов участников 13 МООК НИУ ВШЭ на Национальной платформе «Открытое образование», проведенных до старта курсов и после их окончания. На основе регрессионного анализа показано, что ряд индивидуальных характеристик участников МООК значимо связан с уровнем удовлетворенности контентом курса при контроле его

Abstract. Year-by-year more and more educational institutions offer various massive open online courses (MOOC). Simultaneously, the interest of online users in the offer keeps rising. To orient the users in the variety of courses ratings of MOOCs are developed based on participant satisfaction levels. However, the satisfaction level is not only influenced by the course content but also by the participants' individual characteristics. As the courses are assessed by different groups of participants, the question arises as to how these ratings should be used to compare the courses. The problem is especially true for the MOOCs where participants represent a heterogeneous group. To study the relationship between the participants' characteristics and their satisfaction with the courses the authors use the data of the surveys involving participants who took part in 13 MOOCs proposed by the National Research University Higher School of Economics on the National Open Education Platform. The surveys were conducted before and after the courses. Using the regression analysis the authors show that a number of individual characteristics are strongly linked to the level of satisfaction with the course content if its options are controlled. Important predictors are extrinsic motivation to take a certain course to get acquainted with its format and the level of knowledge before and after the course.

параметров. Значимыми предикторами стали внешний мотив прохождения курса для знакомства с его форматом и уровень знаний до прохождения курса и после его освоения. Участники с высоким изначальным уровнем знаний оценивают курс ниже по сравнению со слушателями, владеющими невысоким уровнем знаний по тематике курса. Таким образом, использование рейтингов для сравнения MOOC между собой не совсем корректно, поскольку курсы оценивают разные группы участников. В этом случае возможно создание рейтингов, которые отражают оценку, поставленную «продвинутыми» слушателями и «новичками».

Ключевые слова: массовые открытые онлайн-курсы, MOOC, уровень удовлетворенности обучением, рейтинги, индивидуальные характеристики

Those participants who have higher initial level of knowledge are more likely to give poor assessments for the course compared to those participants who are less familiar with the topic. Thus, using the ratings to compare the MOOCs with each other would be wrong as the courses are assessed by different groups of participants. It is more advisable to draw up separate ratings which would reflect the assessments given by “advanced trainees” and “freshmen”.

Keywords: Massive Open Online Courses, MOOC, satisfaction with courses, ratings, individual characteristics

Введение

Обучение в формате массовых открытых онлайн-курсов (MOOC) с каждым годом привлекает все больше пользователей интернета. К концу 2018 г. совокупное число слушателей MOOC в мире достигло 101 млн¹. Растет и количество доступных онлайн-курсов: более 900 образовательных организаций создали и запустили более 11 тыс. MOOC². Увеличение числа курсов неизбежно ведет к появлению MOOC, посвященных одной и той же тематике или дисциплине. Так, курсы по бизнесу и информационным технологиям занимают более 40 % рынка³. В результате создается ситуация, в которой сложно сделать выбор в пользу того или иного MOOC.

Для того чтобы слушатели могли ориентироваться среди разнообразия курсов, стали появляться различные рейтинги по оценке MOOC. Они представлены как на самих платформах-провайдерах MOOC, так и на сайтах-агрегаторах курсов. Например, у каждого MOOC на Coursera есть рейтинг, сформированный на основе оценок участников, оставленных по окончании обучения. Оценки участников используются на платформе и для формирования списка лучших курсов⁴.

¹ Shah D. By The Numbers: MOOCs in 2018 // Class Central. 2018. URL: <https://www.class-central.com/report/mooc-stats-2018/> (accessed: 29.12.2018).

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Самые популярные курсы [Электронный ресурс] // Coursera. 2018. URL: https://www.coursera.org/featured/top_rated_courses (дата обращения: 29.12.2018).

Аналогичный алгоритм применяется агрегатором онлайн-курсов Class Central. Пользователям данного сайта предлагается написать отзыв о пройденном MOOK⁵, на основе которого создается рейтинг, выступающий в качестве способа определения лучших MOOK по версии пользователей⁶.

В основе формирования рейтинга лежит оценка опыта обучения, который получили слушатели MOOK. При этом как было показано в работе [Wilson, Lizzio, Ramsden, 1997], участник оценивает полученный опыт обучения исходя из того, насколько ему понравился курс (т. е. на основе уровня удовлетворенности пройденным курсом). Поэтому чем выше уровень удовлетворенности обучением, тем выше оценка, которую ставит учащийся качеству курса, и тем выше рейтинг курса.

Несмотря на прозрачность процедуры формирования рейтингов, возникает вопрос о возможности сопоставления MOOK на основе представленных оценок. Отдельные исследования показывают, что удовлетворенность онлайн-обучением определяется не только содержанием самого курса [Adamopoulos, 2013; Arbaugh, 2000; Arbaugh, Duray, 2002; Palmer, Holt, 2009; Swan, 2001], но и индивидуальными характеристиками учащихся [Andersen, 2013; Beqiri, Chase, Bishka, 2009; Zakariah, Hashim, Musa, 2016; Macon, 2011]. Поэтому возникает вопрос, насколько корректно использовать рейтинг для сравнения MOOK между собой, если их оценивают разные группы слушателей? Эта проблема крайне актуальна для MOOK, так как совокупность их слушателей представляет собой гетерогенную группу, участники которой различаются по социально-демографическим характеристикам [Chuang, Ho, 2016], опыту онлайн-обучения [Semenova, Rudakova, 2016], целям записи на курс [Zheng et al., 2016]. Также аудитория MOOK дифференцируется в зависимости от тематики курса. Например, курсы по компьютерным наукам чаще привлекают более молодых и менее образованных пользователей [Chuang, Ho, 2016].

В нашем исследовании на основе опросов слушателей 13 MOOK НИУ ВШЭ, прошедших в весеннем семестре 2017 г. на Национальной платформе «Открытое образование», определим, какой вклад вносят индивидуальные характеристики участников в формирование уровня удовлетворенности MOOK, и таким образом оценим, насколько оправданно использование рейтинга для сравнения курсов.

Теоретическая рамка

В образовании удовлетворенность принято рассматривать через восприятие студентом своего опыта обучения и ценности полученного образования [Astin, 1993; DeLaus, 2016]. Для оценки уровня удовлетворенности в дистанционных и онлайн-курсах применяется теория независимого обучения М. Мура [Moore, 1989]. Он определяет удовлетворенность через три типа взаимодействия: (1) студент — контент; (2) студент — преподаватель и (3) студент — студент. Уровень удовлетворенности обучением формируется из опыта общения с преподавателем и одногруппниками, а также из оценки содержания курса.

⁵ Have You Taken a Course? Learners Want to Know Your Review [Электронный ресурс] // Class Central. 2018. URL: <https://www.class-central.com/write-a-review/> (дата обращения: 29.12.2018).

⁶ Shah D. Class Central's Top 50 MOOCs of All Time (2018 edition) [Электронный ресурс] // Class Central. 2018. URL: <https://www.class-central.com/report/top-50-moocs-2018-edition/> (дата обращения: 29.12.2018).

При использовании данной теоретической рамки в MOOK значимым для оценки уровня удовлетворенности остается только один тип взаимодействия — «студент — контент» [Gameel, 2017]. Это можно объяснить низкой частотой общения преподавателей и ассистентов курса со слушателями, а также низкой активностью участников на форумах MOOK [Baker et al., 2018; Qui et al., 2016; Breslow et al., 2013].

Исследования показывают, что уровень удовлетворенности пройденным курсом значимо связан с двумя показателями: параметрами курса и характеристиками его участников (рис. 1). Например, студенты более удовлетворены своим опытом онлайн-обучения при условии, что изучаемый курс имеет понятную структуру [Palmer, Holt, 2009; Swan, 2001] и гибкую программу [Arbaugh, 2000; Arbaugh, Duray, 2002], а также относится к тематическим направлениям по бизнесу, менеджменту, компьютерным и естественным наукам [Adamopoulos, 2013].

Кроме того, участники мужского пола [Beqiri, Chase, Bishka, 2009] и слушатели онлайн-курсов старшего возраста [Andersen, 2013] более удовлетворены обучением. При этом уровень образования имеет противоположный эффект: чем выше курс обучения студента, тем ниже его уровень удовлетворенности [Macon, 2011]. Помимо этого, наличие опыта онлайн-обучения [Arbaugh, Duray, 2002; Zakariah, Hashim, Musa, 2016] и знаний по теме курса [Beqiri, Chase, Bishka, 2009] у студентов дистанционного формата значимо связаны с более высоким уровнем удовлетворенности.

Рисунок 1. Факторы, связанные с удовлетворенностью обучением

Стоит отметить, что большинство исследований по оценке уровня удовлетворенности были проведены в рамках дистанционных курсов. В свою очередь, формат MOOK отличается от дистанционного по многим параметрам, связанным с доступностью материалов курса, масштабностью и гетерогенностью аудитории [Allen, Seaman, 2015]. Таким образом, неясно, какова связь индивидуальных характеристик слушателей и уровня удовлетворенности в среде MOOK.

В нашем исследовании мы определим вклад индивидуальных характеристик слушателей MOOK в оценку удовлетворенности обучением при контроле параметров курсов. В качестве показателя удовлетворенности мы используем уровень удовлетворенности контентом MOOK, так как он является определяющим при оценке опыта обучения в данном формате [Gameel, 2017]. В качестве индивидуальных характеристик слушателей выступают социально-демографические показатели, академическая мотивация и уровень знаний по курсу. Кроме того, в модель будут введены субъективные параметры курса, отражающие восприятие участником уровня сложности курса, и объективные параметры курса, связанные с его тематической направленностью и продолжительностью.

База данных и выборка исследования

В качестве исследовательской базы используются данные, собранные по участникам 13 онлайн-курсов НИУ «Высшая школа экономики», запущенных на Национальной платформе «Открытое образование» (НПОО) в весеннем семестре 2017 г. База данных состоит из нескольких массивов информации:

(1) опросные данные по участникам MOOK, собранные в рамках преопроса, проведенного онлайн до старта курса⁷. Анкета включала в себя вопросы по социально-демографическим характеристикам, мотиву регистрации на курс, планам по его прохождению, опыту онлайн-обучения, уровню знаний по тематике курса;

(2) опросные данные по участникам MOOK, собранные в рамках постопроса, проведенного онлайн после завершения курса⁸; в анкету были включены вопросы про воспринимаемую сложность освоения курса, количество времени, затраченного на него, уровень знаний после прохождения курса, уровень удовлетворенности контентом, взаимодействие с авторами/ассистентами курса и с другими слушателями, возможные изменения, которые необходимо внести в курс для его улучшения;

(3) объективные параметры MOOK с официальных страниц курсов, отражающие их продолжительность, выраженную в неделях, и тематику.

В исследовательскую базу попали только те слушатели, которые приняли участие в обеих волнах опроса и дали содержательные ответы на вопросы, заложенные для измерения показателей из теоретической рамки исследования. Итоговая выборка включала в себя 440 респондентов. Большинство попавших в выборку слушателей — женщины (78%), с высшим образованием (89%), работающие на полную или неполную ставку без совмещения с обучением (74%). Средний возраст участников составил 36 лет ($SD = 11.2$). У половины слушателей был нулевой или начальный уровень знаний по тематике курса (55%), а также отсутствовал опыт онлайн-обучения (54%).

Большинство участников зарегистрировались на курс исходя из интереса к предмету и любознательности (87%), меньшинство — ради использования материалов курса для подготовки к учебным занятиям (16%) и стремления к взаимо-

⁷ Ссылка на анкету была направлена на электронную почту участникам, зарегистрировавшимся на курсы НИУ ВШЭ на НПОО зимой 2017 г. В опросе приняли участие 5064 слушателя.

⁸ Ссылка на онлайн-анкету также была направлена всем участникам онлайн-курсов, прошедших в весеннем семестре 2017 г. Во второй волне опроса приняли участие 1407 слушателей.

действию с другими слушателями, заинтересованными в теме курса (2%). Кроме того, мотив использования материалов курса для текущей работы был значим при его выборе для 41% участников, а мотив знакомства с форматом MOOK — для 28% слушателей.

Большинство участников перед началом обучения на MOOK не планировали покупать сертификат по курсу (68%), но ставили цель посмотреть все видеолекции (95%) и выполнить все задания (82%).

Больше половины участников проходило MOOK, которые относились к гуманитарным наукам (63%): курсы «Культурология», «Философия», «Введение в историю искусств», «Введение в корпусную лингвистику». Каждый пятый был слушателем курсов экономической и управленческой тематики: «Управление проектами», «Финансовые рынки и институты», «Экономика», «Теория организаций», «Организационное поведение», «Анализ инвестиционных проектов и программ», «Эконометрика». Меньшая часть участников проходила курсы из области социальных наук (18%): «Маркетинг» и «Социальная психология».

Для 68% участников курс был оптимальным по уровню сложности. Кроме того, для большинства (71%) MOOK был оптимальным и по еженедельной нагрузке. При этом 75% участников отметили, что они внесли бы от одного до трех изменений в содержание и структуру курса для его улучшения.

В основном на освоение курса участники тратили от одного до двух часов (32%) и от трех до четырех часов в неделю (40%). Около половины слушателей оценили свой уровень знаний по итогам прохождения курса как средний (49%). При этом положительную динамику в уровне подготовки отметили 48% участников. По итогам прохождения MOOK большинство респондентов (70%) получило 76-100 баллов.

Методология и модель исследования

Для измерения уровня удовлетворенности контентом курса использовались четыре показателя, отражающие удовлетворенность следующими аспектами MOOK: (1) широта охвата тем в ходе курса, (2) глубина содержания курса, (3) видеолекции и (4) задания по курсу. Участник оценивал каждый аспект курса по пятибалльной шкале Ликерта (от «полностью неудовлетворен» до «полностью удовлетворен»). На основе данных показателей был сформирован индекс уровня удовлетворенности контентом как среднее значение. В силу того, что сформированный индекс не имеет нормального распределения, на втором шаге он был переведен в порядковую шкалу от 1 до 4. Как видно из рисунка 2, большинство участников MOOK высоко оценили качество его контента: 63% были полностью удовлетворены контентом пройденного курса и 31% были скорее удовлетворены. Только 6% участников низко оценили качество контента MOOK (они были скорее или полностью неудовлетворены его содержанием).

В качестве независимой переменной выступают индивидуальные характеристики участников MOOK, включающие в себя социально-демографические характеристики (пол и возраст), мотив прохождения курса, опыт онлайн-обучения и уровень знаний по курсу до и после его прохождения, а также субъективные параметры MOOK, отражающие уровень воспринимаемой сложности курса и требуемой нагрузки для его освоения.

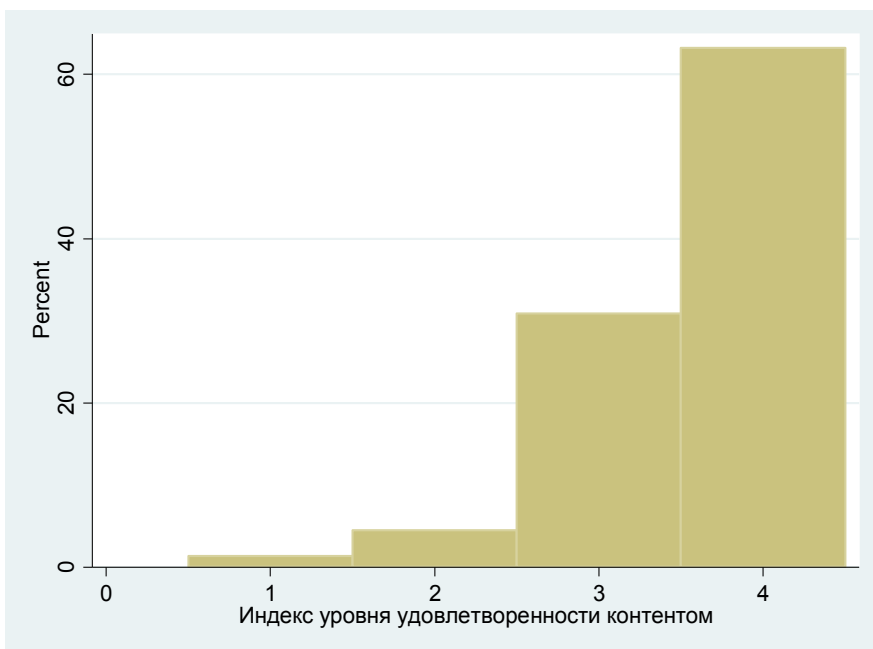

Рисунок 2. Индекс уровня удовлетворенности контентом MOOK

Для создания фактора мотива прохождения MOOK была использована методология, предложенная в работе [Sheldon et al., 2017], в соответствии с которой вначале используется кластерный анализ для определения структуры мотивов, а затем метод главных компонент, который позволяет сформировать выделенные на первом этапе факторы-мотивы. Иерархический кластерный анализ показал, что в структуре данных выделяются пять групп мотивов: (1) внутренний мотив, означающий прохождение MOOK ради интереса к предмету и любознательности, (2) внешний мотив использования MOOK для своего обучения в вузе, (3) внешний мотив использования MOOK для текущей работы и возможной смены рабочего места, (4) внешний мотив знакомства с форматом MOOK и (5) социальный мотив (для знакомства с другими участниками и сообучение). На втором этапе на основе метода главных компонент (PCA — Principal Component Analysis) были сформированы по отдельности выделенные пять факторов мотивов участия в MOOK с использованием указанного в таблице 1 набора показателей. В результате PCA каждый фактор-мотив участия в MOOK описывает от 63 % до 76 % дисперсии.

Для определения вклада индивидуальных характеристик участников MOOK в формирование уровня удовлетворенности контентом курса были использованы две вложенные модели. В первой модели вводятся два объективных параметра курса (тематическая направленность и продолжительность, выраженная в количестве недель) в качестве контрольных переменных для фиксации вклада неизменных характеристик курса в формирование уровня удовлетворенности его контентом. Во вторую модель добавляются индивидуальные характеристики

участников (пол, возраст, опыт онлайн-обучения, уровень знаний по курсу до и после его прохождения, мотив участия в курсе) и воспринимаемые параметры курса (уровень воспринимаемой сложности курса, уровень воспринимаемой нагрузки, требуемой для его прохождения, и количество изменений, которые стоило бы внести в содержание курса для его улучшения).

Таблица 1. Набор показателей, соответствующих мотивам прохождения МООК, выделенным иерархическим кластерным анализом

1 мотив	2 мотив	3 мотив	4 мотив	5 мотив
Любознательность, интерес к предмету	Польза для обучения в вузе/ подготовки к обучению в вузе	Помощь в текущей работе	Стремление попробовать формат онлайн-обучения	Общение с другими участниками, заинтересованными в данной теме
Расширение кругозора	Обязательная часть учебного плана в университете	Помощь в смене сферы деятельности или нахождения новой работы	Интерес к преподаванию предмета курса	За компанию, по примеру/ вместе с друзьями/ коллегами
	Включение курса в учебный план в университете как факультатив			

В качестве метода анализа использовалась порядковая логистическая регрессия, которая позволяет оценивать связь факторов с зависимой переменной, имеющей порядковую шкалу.

Результаты

Представим результаты порядковой логистической регрессии для описания вклада характеристик участников МООК в формирование уровня удовлетворенности контентом (см. табл. в *Приложении*). В первой модели, в которую включены только контрольные переменные, фиксирующие объективные параметры МООК, значимым предиктором уровня удовлетворенности выступает тематическая направленность курса. Участники гуманитарных и социальных курсов имеют более высокие шансы быть удовлетворенными контентом МООК по сравнению со слушателями экономических курсов. Во второй модели при добавлении индивидуальных характеристик участников МООК и воспринимаемых параметров курса сохраняется статистически значимая связь между тематической направленностью курса и уровнем удовлетворенности контентом. Социально-демографические характеристики (пол и возраст участника) не вносят статистически значимого вклада в формирование уровня удовлетворенности курсом. Кроме того, мотивационные показатели, отражающие мотивы участия в курсе, не оказывают значимого эффекта на уровень удовлетворенности МООК за исключением внешнего мотива знакомства с форматом курса. В том случае, если участник при регистрации на МООК преследует мотив знакомства с данным форматом и стилем препода-

вания курса, это статистически значимо увеличивает шансы на формирование высокого уровня удовлетворенности контентом курса.

Помимо внешнего мотива, вклад в формирование уровня удовлетворенности курсом вносят уровень знаний, который был у участника по предмету курса до его прохождения, и уровень знаний, полученных после его освоения. С одной стороны, слушатели с высоким изначальным уровнем знаний имеют меньше шансов на высокий уровень удовлетворенности контентом. С другой стороны, чем выше уровень знаний по курсу после его прохождения, тем выше уровень удовлетворенности контентом.

Субъективные параметры курса, связанные с воспринимаемой сложностью его прохождения, не показали статистически значимую связь с уровнем удовлетворенности. Однако такая связь зафиксирована для количества изменений, которые участник предложил бы внести в MOOK для его улучшения. Так, чем больше изменений слушатель предлагает внести в курс, тем ниже уровень удовлетворенности его контентом.

Таким образом, индивидуальные характеристики участников MOOK показали статистически значимую связь с уровнем удовлетворенности контентом курса при контролировании его параметров. Значимыми предикторами стали внешний мотив прохождения курса для знакомства с его форматом, а также уровень знаний до прохождения курса и после его освоения.

Дискуссия

Появление большого количества MOOK приводит к усложнению выбора курса. Для упрощения выбора на платформах возникает система рейтингов, которая может использоваться при сортировке MOOK и их сравнения. Однако насколько оправданно сопоставлять онлайн-курсы на основе их рейтингов, если MOOK проходят и оценивают участники, преследующие разные цели? Слушатели MOOK могут по-разному оценивать курсы исходя из уровня удовлетворенности, что сказывается на формировании рейтинга курса.

В исследовании мы показали, что уровень удовлетворенности MOOK значимо связан с индивидуальными характеристиками участников при контролировании параметров курса. Таким образом, оценка, выставляемая онлайн-курсу, значимо связана с тем, какие участники проходили MOOK и какие участники оставили свою оценку. Например, если на курс зарегистрировался слушатель с высоким уровнем знаний, то выше вероятность, что он оценит курс ниже по сравнению с участником, обладающим невысоким уровнем изначальных знаний. Полученный вывод противоположен результату работы [Beqiri, Chase, Bishka, 2009], в которой было выявлено, что дистанционный курс больше нравится студентам с высоким уровнем знаний. При этом наше исследование показало, что если участник ощущает динамику роста своих знаний по итогам прохождения курса, то это положительно сказывается на его общей удовлетворенности.

Отрицательную связь между уровнем изначальных знаний по тематике курса и уровнем удовлетворенности можно объяснить возможным расхождением между ожиданиями участников от курса и реальным его содержанием. С одной стороны, большинство слушателей, попавших в выборку, имеют высшее образование, и у 45 % средние или выше среднего знания по курсу, на который они записались.

С другой стороны, большая часть курсов, размещенных на НПОО, ориентирована прежде всего на студентов университетов, которые могли бы проходить онлайн-курсы в рамках своего учебного плана. Кроме того, многие онлайн-курсы имеют вводный характер и направлены на то, чтобы познакомить участников с дисциплиной. Предположительно, участники выборочной совокупности при регистрации на курс ожидали, что они смогут не только обновить свои знания по курсу, но и получить новые. Однако вводный характер MOOK на НПОО не позволяет этого достичь. Возможно, повысить уровень удовлетворенности курсом позволит персонализированное обучение: адаптация содержания курсов к потребностям участников и подбор материалов, соответствующих их способностям и интересам.

Исследование показало, что рейтинги не совсем корректно использовать для сравнения MOOK между собой в силу того, что курсы проходят и оценивают разные участники с разным набором характеристик. Возможно, систему рейтингов можно использовать в том случае, если оценка каждого участника будет учитываться с разным весом при формировании общего рейтинга. Кроме того, у каждого курса могут быть два рейтинга, показывающие, во-первых, оценку, которую дают «продвинутые» слушатели (слушатели с высоким уровнем изначальных знаний), и, во-вторых, оценку, которую ставят «новички» (участники с низким уровнем изначальных знаний).

Ограничения

Данное исследование имеет ряд ограничений, связанных с опросным методом, который использовался для сбора данных. Во-первых, источником смещения может выступать эффект самоотбора, возникновение которого обусловлено использованием неслучайного типа выборки [Bethlehem, 2010]. При организации опросов приглашение направляется всем слушателям, записавшимся на курс. Участники самостоятельно принимают решение об участии в опросе, поэтому доля респондентов, которые проходят анкетирование перед началом обучения, как правило, не превышает 10% [Christensen et al., 2013; Wang, Baker, 2015; Watted, Barak, 2018]. Отклик в опросах по окончании курса еще ниже — от 1% до 5% слушателей [Belanger, Thorton, 2013; Maloshonok, Terentev, 2016]. В результате участники, ответившие на вопросы анкеты, могут отличаться по своим характеристикам от слушателей, не принявших участие в опросе [Cooper, 2000]. Поэтому респонденты опросов в MOOK могут не репрезентировать генеральную совокупность слушателей — например, в анкетировании могли принять участие заинтересованные в исследовании слушатели [Tourangeau et al., 2009].

Вторым источником смещения можно назвать ошибку выжившего: респондентами второго опроса в большей степени стали слушатели, прошедшие MOOK до конца. Доля респондентов, получивших сертификаты по итогам обучения на MOOK, достигает 20%, что в значительной степени превышает среднее число успешных слушателей MOOK, показанное в предшествующих исследованиях [Healy, 2017; Onah, Sinclair, Boyatt, 2014; Reich, 2014]. Поэтому в нашей работе в большей степени был измерен уровень удовлетворенности тех участников, которые оказались успешными при прохождении MOOK [Kizilces, 2014]. В целом исследования показывают, что респонденты опросов, как правило, имеют более высокие академические достижения [Dey, 1997; Porter, Whitcomb, 2005].

Список литературы

- Adamopoulos P. (2013) What makes a great MOOC? An interdisciplinary analysis of student retention in online courses. *Proceedings of the 34th International Conference on Information Systems*. URL: <http://pages.stern.nyu.edu/~padamopo/What%20makes%20a%20great%20MOOC.pdf> (accessed: 29.12.2018).
- Allen I. E., Seaman J. (2015) Grade Level: Tracking Online Education in the United States. Babson Survey Research Group.
- Andersen J. C. (2013) Learner satisfaction in online learning: An analysis of the perceived impact of learner-social media and learner-instructor interaction. *Electronic Theses and Dissertations*. Paper 1115.
- Arbaugh J. B. (2000) Virtual classroom characteristics and student satisfaction with internet-based MBA courses. *Journal of management education*. Vol. 24. No. 1. P. 32—54. <https://doi.org/10.1177/105256290002400104>.
- Arbaugh J. B. Duray, R. (2002) Technological and structural characteristics, student learning and satisfaction with web-based courses: An exploratory study of two on-line MBA programs. *Management learning*. Vol. 33. No. 3. P. 331—347. <https://doi.org/10.1177/1350507602333003>.
- Astin A. (1993) What matters in college? Four critical years revisited. San Francisco: Jossey-Bass.
- Baker R., Evans B., Dee T. (2016) A randomized experiment testing the efficacy of a scheduling nudge in a Massive Open Online Course (MOOC). *AERA Open*. <https://doi.org/10.1177/2332858416674007>.
- Belanger Y., Thornton J. Bioelectricity: A quantitative approach Duke University's first MOOC. (2013) URL: https://dukespace.lib.duke.edu/dspace/bitstream/handle/10161/6216/Duke_Bioelectricity_MOOC_Fall2012.pdf (accessed: 29.12.2018).
- Beqiri M. S., Chase N. M., Bishka A. (2009) Online course delivery: An empirical investigation of factors affecting student satisfaction. *Journal of Education for Business*. Vol. 85. No. 2. P. 95—100. <https://doi.org/10.1080/08832320903258527>.
- Bethlehem J. (2010) Selection bias in web surveys. *International Statistical Review*. Vol. 78. No. 2. P. 161—188. <https://doi.org/10.1111/j.1751-5823.2010.00112.x>.
- Breslow L., Pritchard D. E., DeBoer J., Stump G. S., Ho A. D., Seaton D. T. (2013) Studying learning in the worldwide classroom research into edX's first MOOC. *Research & Practice in Assessment*. Vol. 8. P. 13—25.
- Christensen G., Steinmetz A., Alcorn B., Bennett A., Woods D., Emanuel E. J. (2013) The MOOC phenomenon: Who takes massive open online courses and why? <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2350964>.
- Chuang I., Ho A. (2016) HarvardX and MITx: Four years of open online courses — fall 2012-summer 2016. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2889436>.

- Couper M. P. (2000) Review: Web surveys: A review of issues and approaches. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 64. No.4. P. 464—494.
- DeLaus S.C. (2016) The influence of synchronous technology and interaction on satisfaction and retention for online students (Doctoral dissertation).
- Dey E. L. (1997) Working with low survey response rates: The efficacy of weighting adjustments. *Research in higher education*. Vol. 38. No. 2. P. 215—227. <https://doi.org/10.1023/A:1024985704202>.
- Gameel B. G. (2017) Learner satisfaction with massive open online courses. *American Journal of Distance Education*. Vol. 31. No. 2. P. 98—111. <https://doi.org/10.1080/08923647.2017.1300462>.
- Healy P.A. (2017) Georgetown's First Six MOOCs: Completion, Intention, and Gender Achievement Gaps. *Undergraduate Economic Review*. Vol. 14. No. 1. P. 1—37.
- Kizilcec R. F. (2014) Reducing non-response bias with survey reweighting: Applications for online learning researchers. *Proceedings of the first ACM conference on Learning@ scale conference*. P. 143—144.
- Macon D. K. (2011) Student satisfaction with online courses versus traditional courses: A meta-analysis. *Dissertation Abstracts International*. Vol. 72. No. 5.
- Maloshonok N., Terentev E. (2016) The impact of visual design and response formats on data quality in a web survey of MOOC students. *Computers in Human Behavior*. Vol. 62. P. 506—515. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.04.025>.
- Moore M. (1989) Editorial: Three types of interaction. *American Journal of Distance Education*. Vol. 3. No. 2. P. 1—7. <https://doi.org/10.1080/08923648909526659>.
- Onah D. F., Sinclair J., Boyatt R. (2014) Dropout rates of massive open online courses: behavioural patterns. *EDULEARN 14 proceedings*. P. 5825—5834.
- Palmer S. R., Holt D. M. (2009) Examining student satisfaction with wholly online learning. *Journal of computer assisted learning*. Vol. 25 No. 2. P. 101—113. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2729.2008.00294.x>.
- Porter S. R., Whitcomb M. E. (2005). Non-response in student surveys: The role of demographics, engagement and personality. *Research in higher education*. Vol. 46. No. 2. P. 127—152. <https://doi.org/10.1007/s11162-004-1597-2>.
- Qiu J., Tang J., Liu T. X., Gong J., Zhang C., Zhang Q., Xue Y. (2016) Modeling and predicting learning behavior in MOOCs. *Proceedings of the Ninth ACM International Conference on Web Search and Data Mining*. P. 93—102.
- Reich J. (2014) MOOC completion and retention in the context of student intent. *EDUCAUSE Review Online*. URL: <https://er.educause.edu/articles/2014/12/mooc-completion-and-retention-in-the-context-of-student-intent> (дата обращения: 29.12.2018).

- Semenova T. V. Rudakova L. M. (2016) Barriers to taking massive open online courses (MOOCs). *Russian Education & Society*. Vol. 58. No. 3. P. 228—245. <https://doi.org/10.1080/10609393.2016.1242992>.
- Sheldon K. M., Osin E. N., Gordeeva T. O., Suchkov D. D., Sychev O. A. (2017) Evaluating the dimensionality of self-determination theory's relative autonomy continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 43. No. 9. P. 1215—1238. <https://doi.org/10.1177/0146167217711915>.
- Swan K. (2001) Virtual interaction: Design factors affecting student satisfaction and perceived learning in asynchronous online courses. *Distance Education*. Vol. 22. No. 2. P. 306—331. <https://doi.org/10.1080/0158791010220208>.
- Wang Y. Baker R. (2015) Content or platform: Why do students complete MOOCs. *MERLOT Journal of Online Learning and Teaching*. Vol. 11. No. 1. P. 17—30.
- Watted A., Barak M. (2018) Motivating factors of MOOC completers: Comparing between university-affiliated students and general participants. *The Internet and Higher Education*. Vol. 37. P. 11—20. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2017.12.001>.
- Wilson K. L., Lizzio A., Ramsden P. (1997) The development, validation and application of the Course Experience Questionnaire. *Studies in higher education*. Vol. 22. No. 1. P. 33—53. <https://doi.org/10.1080/03075079712331381121>.
- Zakariah Z., Hashim R. A., Musa N. (2016) Motivation, experience and satisfaction among adult learners with fully online web-based courses. *Pan-Commonwealth Forum 8 (PCF8)*.
- Zheng S., Rosson M. B., Shih P. C., Carroll J. M. (2015) Understanding student motivation, behaviors and perceptions in MOOCs. *Proceedings of the 18th ACM conference on computer supported cooperative work & social computing*. P. 1882—1895.

Приложение

Результат порядковой регрессии для уровня удовлетворенности контентом MOOK

	1 Модель R-псевдо = 1.5% Отношение правдоподобия = -369.38	2 Модель R-псевдо = 10.3% Отношение правдоподобия = -336.19
Показатели	Отношение шансов	
Контрольные переменные (объективные характеристики MOOK)		
Курсы гуманитарных наук (база — курсы экономических наук)	2.14***	2.97***
	(0.536)	(0.966)
Курсы социальных наук (база — курсы экономических наук)	2.00**	2.14**
	(0.658)	(0.782)
Продолжительность курса	0.84*	0.83*
	(0.079)	(0.084)
Социально-демографические характеристики		
Пол (база — мужской пол)		1.45
		(0.367)
Возраст		0.99
		(0.010)
Мотив выбора MOOK		
Внутренний мотив регистрации на курс		0.87
		(0.128)
Внешний мотив использования курса для своего обучения		0.97
		(0.123)
Социальный мотив регистрации на курс		1.16
		(0.149)
Внешний мотив использования курса для работы		0.92
		(0.115)
Внешний мотив знакомства с форматом MOOK		1.32**
		(0.170)
Опыт и уровень знаний по курсу до и после его прохождения		
Опыт онлайн-обучения (база — нет опыта онлайн-обучения)		1.10
		(0.236)
Уровень знаний по тематике курса		0.73***
		(0.086)

	1 Модель R-псевдо = 1.5% Отношение правдоподобия = -369.38	2 Модель R-псевдо = 10.3% Отношение правдоподобия = -336.19
Показатели	Отношение шансов	
Уровень знаний по тематике курса после его прохождения		1.86*** (0.310)
Субъективные характеристики МООК		
Уровень воспринимаемой сложности		1.11
		(0.206)
Уровень воспринимаемой нагрузки		1.19
		(0.240)
Количество изменений, которые необходимы для улучшения курса		0.62***
		(0.057)
Константа 1	0.03***	0.03***
	(0.012)	(0.033)
Константа 2	0.12***	0.16**
	(0.033)	(0.143)
Константа 3	1.15	1.95
	(0.266)	(1.707)

Примечание. Стандартные ошибки представлены в скобках.

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.14

Правильная ссылка на статью:

Малошонок Н. Г. «Студент» или «молодой ученый»: мнения научных руководителей о предпочтительной модели аспирантской подготовки в российских университетах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 278—303. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.14>.

For citation:

Maloshonok N. G. (2019) “Student” or “young researcher”: opinions of academic supervisors on a desired model of Russian postgraduate training. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 278—303. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.14>.

Н. Г. Малошонок
«СТУДЕНТ» ИЛИ «МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ»: МНЕНИЯ НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ О ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ АСПИРАНТСКОЙ ПОДГОТОВКИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

«СТУДЕНТ» ИЛИ «МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ»: МНЕНИЯ НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ О ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ АСПИРАНТСКОЙ ПОДГОТОВКИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

“STUDENT” OR “YOUNG RESEARCHER”: OPINIONS OF ACADEMIC SUPERVISORS ON A DESIRED MODEL OF RUSSIAN POSTGRADUATE TRAINING

МАЛОШОНОК Наталья Геннадьевна — кандидат социологических наук, директор центра, старший научный сотрудник, Центр социологии высшего образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nmaloshonok@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4523-7477>

Natalia G. MALOSHONOK¹ — Cand. Sci. (Soc. Sci.), Director of Centre, Senior Researcher, Centre for Sociology
E-MAIL: nmaloshonok@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4523-7477>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Вступивший в силу в 2013 г. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» присвоил российской аспирантуре статус третьей ступени образования, обозначив начало ее перехода к модели структурированных аспирантских программ. Несмотря на то, что данный переход отражает глобальные тренды в области подготовки аспирантов, общественно-политическая дискуссия разворачивается вокруг необходимости возврата к старой модели подготовки научно-педагогических кадров. Таким образом, аспирантура находится в ситуации выбора: продолжать ли развитие в соответствии со статусом ступени образования или возвращаться к советской модели. Статья посвящена изучению мнений научных руководителей аспирантов о предпочтительной модели аспирантуры в современном российском вузе. Обсуждаются две модели аспирантских программ, модель «наставничества», соответствующая российской аспирантуре до 2012 г., и модель структурированных программ, отличие которых проявляется в трех основных характеристиках: (1) объем учебной нагрузки; (2) отслеживание прогресса аспиранта; (3) формируемые навыки. Исследование имеет смешанный дизайн, для сбора данных использовались полуструктурированные интервью и онлайн-опрос. Научных руководителей спрашивали о том, как должна выглядеть идеальная аспирантура в соответствии с перечисленными четырьмя характеристиками. Проведены 24 полуструктурированных интервью и опрос 166 человек — научных руководителей в двух российских университетах. Результаты исследования выявили неоднородность мнений научных руководи-

Abstract. The Federal Law “On Education in the Russian Federation” which came into force in 2013 made postgraduate studies the third cycle studies. This marked the beginning of the transition to structured postgraduate programs. Despite the fact that this transition mirrors global trends, returning to the old Soviet model is currently widely discussed. The article explores the opinions of academic supervisors on a model that would best suit Russian contemporary higher education. Two postgraduate education models are under discussion: a “apprenticeship model” which corresponds to the pre-2012 Russian postgraduate education and a model of “structured programs” which differ in terms of three main characteristics: (1) academic workload; (2) tracking postgraduate student progress; (3) skills acquired. The study is based on a mixed design: semi-structured interviews and online survey were used to collect data. Academic supervisors were asked about an ideal postgraduate system based on the four listed characteristics. A total of 24 semi-structured interviews were conducted, and 166 academic supervisors from two Russian universities were surveyed. Results reveal heterogeneity in opinions. Most of respondents either consider that an ideal postgraduate education would combine both the features of the “apprenticeship model” and the features of the “structured programs” model or fail to be clear about what kind of model would best suit Russian postgraduate education. Such findings may be related to “anomy” in today’s Russian postgraduate training. This anomy results from unfinished transition period and uncertain strategic priorities of the Russian postgraduate education.

телей о предпочтительной для России модели аспирантуры. Большинство респондентов склоняются к тому, что идеальная аспирантура может сочетать в себе черты модели «наставничества» и структурированных программ, либо затрудняется дать ответ относительно того, какая модель окажется лучше для российской аспирантуры. Результаты исследования могут быть объяснены наблюдающейся «аномией» в сфере аспирантской подготовки, обусловленной незавершенностью переходного периода и неопределенностью стратегических приоритетов российской аспирантуры.

Ключевые слова: российская аспирантура, структурированные аспирантские программы, предпочтительная модель аспирантуры, подготовка научно-педагогических работников, смешанный дизайн исследования

Keywords: Russian postgraduate education, structured postgraduate programs, desirable postgraduate education model, academic staff training, mixed research design

Введение

Российская аспирантура находится в кризисном состоянии в силу недофинансированности и неопределенности стратегии ее развития [Терентьев и др., 2018; Maloshonok, Terentev, 2019]. Принятый в 2012 г. и вступивший в силу в 2013 г. новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепил за аспирантурой статус третьей ступени высшего образования, а также привел к нормативному увеличению количества образовательной нагрузки аспирантов и возможности получить диплом об окончании аспирантуры. Стоит отметить, что только сейчас многие аспирантские программы заканчивают переход к новой модели аспирантуры и начинают выпускать первых выпускников, прошедших подготовку на аспирантских программах нового типа. Поэтому результаты реформы пока сложно оценить в полной мере.

Несмотря на это, время от времени в научных журналах и СМИ чиновники и представители вузов и Российской академии наук выступают за возврат к старой модели¹. Стоит отметить, что предложения, появляющиеся в журналах и СМИ об отказе от аспирантуры как третьей ступени образования, не опираются на ре-

¹ См. например: [Иванов, Маринина, 2013; Шестак, Шестак, 2015]; Президент РАН: нам не нужна фабрика подготовки аспирантов // Интерфакс. 14.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/interview/646078> (дата обращения: 20.07.2019); Защита диссертации в аспирантуре должна быть обязательной, заявил глава ВАК // РИА Новости. 08.02.2019. URL: <https://ria.ru/amp/20190208/1550584159.html> (дата обращения: 20.07.2019); Аспирантов обяжут защищать диссертации // Интерфакс. 23.04.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/659041> (дата обращения: 20.07.2019).

зультаты эмпирических исследований, которые могли бы позволить оценить ход реформы аспирантуры и выявить проблемные зоны. Низкий показатель защит аспирантов (13% в 2017 г.), который используется как обоснование неэффективности новой модели аспирантуры, может быть вызван как ужесточением требований к соискателям, зафиксированным в новом Положении о присуждении ученых степеней, вступившем в силу в 2014 г., так и долгим отсутствием решений фундаментальных проблем подготовки научно-исследовательских кадров [Терентьев и др., 2018]. Выработка эффективных стратегических решений и мер по развитию российской системы подготовки научных кадров невозможна без изучения разных аспектов текущей ситуации аспирантской подготовки, мнений аспирантов и научных руководителей, факторов, препятствующих защите диссертации в срок. В этом ключе рассмотрение только показателей защит не позволит решить фундаментальные проблемы российской аспирантуры.

В западной практике аспирантские программы с существенной образовательной нагрузкой и контролем выполнения индивидуального плана аспиранта со стороны расширенного круга сотрудников аспирантской программы называются структурированными (*structured programs*) [Бедный, Казанцев, Мироснос, 2015; Maloshonok, Terentev, 2019]. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. такие программы стали распространяться в странах Европы и в Австралии [Melles, 2009] в качестве ответа на глобальные вызовы, с которыми столкнулась аспирантура: (1) глобализация высшего образования [Nerad, 2006; Nerad, Evans, 2014]; (2) увеличение числа аспирантов и аспирантских программ [Enders, 2004]; (3) спрос со стороны экономики и наукоемких отраслей на квалифицированных специалистов, обладающих не только узкопрофессиональными компетенциями, но и более широким набором навыков [Nerad, 2006]. В международном сообществе распространено мнение, что только с помощью обучения, организованного в виде прохождения учебных курсов, семинаров и мастер-классов с фиксированной образовательной нагрузкой, возможно формирование широкого набора универсальных навыков, необходимых как на академическом, так и неакадемическом рынке труда [Gilbert et al., 2004; Park, 2005; Kehm, 2006], а также что структурированные программы вносят большой вклад в развитие человеческого капитала страны, чем традиционные программы без существенной образовательной нагрузки [Nerad, 2010]. Хотя на данный момент нет обоснованных доказательств того, что структурированные программы приводят к повышению процента защит аспирантов и снижению количества времени от поступления в аспирантуру до выхода на защиту, некоторые ученые считают, что такая взаимосвязь есть [Stricker, 1994; Neumann, 2002; Melles, 2009].

Учитывая общественно-политическую и научную дискуссию вокруг аспирантуры в России и ее текущее состояние, представляется важным оценить преимущества и недостатки новых структурированных программ и сравнить их с моделью «наставничества», доминировавшей в нашей стране до 2013 г. В рамках данного исследования затронем только один аспект: отношение научных руководителей аспирантов к разным типам программ и их представления о том, какой тип аспирантуры предпочтителен. Результаты исследования будут полезны как для формирования национальной стратегии развития аспирантуры, так и для совер-

шенствования аспирантских программ в вузах и выстраивания стратегии работы с научными руководителями аспирантов.

Модель «наставничества» vs структурированные аспирантские программы

Советская, а затем российская аспирантура строилась по образцу немецкой модели подготовки научно-педагогических кадров, корни которой уходят в гумбольдтовские реформы [Pearson, 2005; Maloshonok, Terentev, 2019]. В зарубежной литературе такая организация аспирантского обучения называется моделью «наставничества» (*apprenticeship*) и предполагает, что знания и навыки в рамках определенной научной дисциплины передаются аспиранту от профессора, являющегося его научным руководителем [Nerad, 2010]. Обучение в аспирантуре в рамках такой модели характеризуется небольшим количеством стандартизированных процедур и предполагает значительную автономию как аспиранта, так и его научного руководителя, а также необходимость выстраивания между ними благоприятных профессиональных и личных отношений в успешном проведении диссертационного исследования [Kehm, 2004]. В качестве проблем аспирантских программ, построенных по модели «наставничества», выделяют следующие [Kehm, 2006]: (1) высокую степень зависимости аспиранта от личных отношений с научным руководителем, (2) большой риск, что качество научного руководства окажется низким, (3) высокие показатели отсева с аспирантских программ и большая продолжительность времени, необходимого аспиранту, чтобы выйти на защиту диссертации.

Развитие американской системы подготовки научно-педагогических кадров изначально пошло по пути структурированных образовательных программ, предполагающих обязательную образовательную нагрузку в виде учебных курсов продвинутого уровня и контроль над прогрессом аспиранта не только со стороны научного руководителя, но и со стороны сотрудников, причастных к реализации образовательной программы [Gumpert, 1993]. Структурированные программы, как правило, предполагают два этапа обучения: на первом — прохождение учебных курсов и сдача квалификационного экзамена, на втором — проведение диссертационного исследования и написание текста. Так аспирантские программы выстроены, например, в США, Испании, Швеции [Kehm, 2004].

Глобальный тренд последних десятилетий — переход к аспирантским программам структурированного типа. При этом в ряде европейских стран структурированные программы сосуществуют с программами «наставнической» модели. Такая ситуация наблюдается в Германии, Австрии, Польше, Италии, Норвегии [Kehm, 2004; Bao et al., 2018]. Отмечается, что структурированные аспирантские программы в большей степени удовлетворяют экономическим и геополитическим потребностям стран в поддержании глобальной конкурентоспособности и развитии человеческого капитала за счет большей эффективности [Nerad, 2010].

Исследований, посвященных оценке мнений преподавателей и студентов относительно внедрения на их факультете структурированных программ, довольно мало. К. Куэнле и его коллеги [Kuehnle, Winkler, Meier-Abt, 2009], изучая мнения выпускников новой структурированной программы, представляющей непрерывный трек магистратура-аспирантура, приходят к выводу, что программа в целом

показывает хорошие результаты как по академическим результатам, трудоустройству и карьерным перспективам выпускников, так и по их удовлетворенности полученным опытом. В другой работе [Kiley, Liljegen, 1999] описывается процесс создания структурированных аспирантских программ в Университете Аделаиды в Австралии в 1994-1995 гг. и их оценка преподавателями и студентами. Авторы отмечают, что многие сотрудники университета и учащиеся положительно оценивают опыт участия в таких программах. Однако находятся и критики, полагающие, что такие программы имеют важное значение только для аспирантов, которые испытывают недостаток знаний и навыков (например, для иностранных аспирантов), и в гораздо меньшей степени полезны хорошо подготовленным учащимся [Kiley, Liljegen, 1999].

Можно выделить следующие ключевые черты, отличающие две модели аспирантской подготовки:

1) Доля учебной нагрузки

Значительная учебная нагрузка, организованная через прохождение учебных курсов и набор зачетных единиц, принципиально отличает структурированные программы от модели «наставничества». Последняя предполагает, что процесс обучения происходит в виде передачи знаний от научного руководителя аспиранту (по модели «от мастера ученику») и не имеет организованной формы и контроля [Gumport, 1993].

2) Ответственность за прогресс аспиранта

В модели «наставничества» подготовка диссертационного исследования замкнута на паре научный руководитель — аспирант, где только научный руководитель может отслеживать и контролировать прогресс аспиранта и направлять его в ходе диссертационной работы. В модели структурированных программ прогресс аспиранта контролируется не только научным руководителем, но и аспирантской программой в целом. Такая практика осуществляется через институционализированные практики коллективного научного руководства, заключающегося в назначении нескольких научных руководителей одному аспиранту [Watts, 2010], а также через организацию обсуждения работы аспиранта на семинарах на разных этапах подготовки текста (не только во время предзащиты).

3) Формируемые навыки

Аспирантские программы по модели «наставничества» ориентированы на узкопрофильную подготовку кадров для академии. При этом большая доля выпускников аспирантуры во многих странах трудоустроивается именно на внешнем по отношению к университетам и исследовательским структурам рынке труда [Schwabe, 2011; Canal-Domínguez, Wall, 2014; Pedersen, 2014]. Соответственно, одно из положений критики таких программ состояло в недостатке у выпускников универсальных навыков, таких как навыки эффективной работы в команде, организационные и управленческие навыки, которые позволили бы им преуспеть не только на академическом, но и на внешнем рынке труда [Cuthbert, Molla, 2015]. Структурированные программы призваны исправить этот недостаток формируя у аспирантов более широкий набор универсальных навыков [Önnerfors, 2007].

В рамках данной статьи мы будем использовать описанные критерии для определения модели аспирантуры, предпочитаемой научными руководителями.

Учитывая, что восприятие научным руководителем целей и задач аспирантуры отражается в его подходах к осуществлению научного руководства и взаимодействию с аспирантом [Vøgelund, 2015], понимание мнений научных руководителей о том, как должна быть устроена аспирантура, принципиально значимо. Существующие исследования факторов успешности обучения в аспирантуре демонстрируют важную роль научного руководства в прогрессе аспиранта [Ives, Rowley, 2005] и успешном завершении аспирантуры [Golde, 2000; Marsh, Rowe, Martin, 2002; McAlpine, Norton, 2006] и, следовательно, в эффективности системы подготовки научно-педагогических кадров [Heath, 2002]. Ситуация неопределенности ориентиров и стратегических целей развития российской аспирантуры на будущий период делает этот вопрос особенно актуальным.

Данные

Для решения поставленных задач использовался смешанный дизайн эмпирического исследования. В двух российских вузах, Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и Нижегородском государственном университете (ННГУ), были проведены полуструктурированные интервью и опрос научных руководителей. Оба вуза имеют статус национального исследовательского университета, а также являются участниками Проекта «5-100» по повышению глобальной конкурентоспособности российских вузов. Кроме того, эти университеты — одни из первых российских вузов, которые на институциональном уровне стали переходить на модель структурированных аспирантских программ. В НИУ ВШЭ началом такого перехода можно назвать появление программы академической аспирантуры в 2010 г. (или «аспирантуры полного дня»), где была существенно увеличена учебная составляющая: аспиранту необходимо набрать «кредиты» (зачетные единицы) за счет прохождения учебных курсов и других образовательных активностей, таких как участие в летних школах, тренингах и т. д. Такие программы в НИУ ВШЭ сосуществуют с обычными очными аспирантскими программами.

В ННГУ в 2012 г. были созданы исследовательские школы [Бедный, Казанцев, Миронос, 2015], предполагающие большее вовлечение аспирантов в проектную исследовательскую деятельность в университете, а также учебную нагрузку. Таким образом, научно-педагогические работники, осуществляющие научное руководство в данных вузах, столкнулись раньше с аспирантскими программами структурированного типа и могут опираться на свой опыт работы в разных моделях аспирантуры при формировании мнения о чертах идеальной модели подготовки научно-педагогических кадров.

Исследование проводилось весной 2018 г. В НИУ ВШЭ было проведено 11 полуструктурированных интервью с научными руководителями аспирантов, в Нижегородском государственном университете — 13 интервью. Интервью проводились при личной встрече или по Skype и, с согласия информантов, записывались на диктофон. В среднем одно интервью длилось 40–60 мин.

Количественная часть исследования предполагала проведение опроса научных руководителей в онлайн-формате. Ссылка на анкету рассылалась на электронную почту научных руководителей. На анкету ответил 141 научный

руководитель из НИУ ВШЭ, что составляет 35 % от всех научных руководителей в вузе, и 25 научных руководителей из ННГУ, что составляет 16 % от всех научных руководителей в ННГУ.

Для оценки предпочтения научных руководителей относительно желаемой модели аспирантского обучения использовалось три обозначенных выше критерия, отличающих модель «наставничества» от модели структурированных программ. В рамках интервью научных руководителей просили представить и описать образ идеальной аспирантуры, а также задавали следующие уточняющие вопросы: (1) про необходимость обязательной образовательной нагрузки и учебных курсах, которые должны преподаваться в аспирантуре; (2) о том, кто должен нести ответственность и оценивать прогресс аспиранта, а также о количестве научных руководителях, которые должны быть у одного аспиранта; (3) о результатах обучения в аспирантуре и навыках, которые должны сформироваться у выпускника; (4) о том, как выглядит идеальная аспирантская программа.

В опросе научным руководителям также предлагали высказать свои предпочтения относительно желаемой модели аспирантуры, используя три критерия. Формулировка вопроса звучала следующим образом: «*Как Вы считаете, какими характеристиками должна обладать аспирантура, чтобы быть наиболее эффективной?*». Респонденту предлагалось два высказывания, одно из которых отражало характеристику модели «наставничества», другое — модели структурированных программ. Для ответа предлагалась шкала от 1 до 5, где оценки 1 и 2 означали разную степень близости мнения респондента к левому высказыванию, а 4 и 5 — к правому высказыванию. Оценка «3» соответствовала промежуточному мнению.

Высказывания о доле обязательной образовательной нагрузки: (1) существенную долю нагрузки аспиранта должны составлять продвинутые курсы по специальности / методологии научного исследования / педагогике (характеристика структурированных программ); (2) Образовательная нагрузка аспирантов должны быть минимальной (характеристика модели «наставничества»).

Высказывания об ответственности за прогресс аспиранта: (1) кафедра/департамент/факультет должны периодически контролировать выполнение аспирантом индивидуального плана (характеристика структурированных программ); (2) Контроль деятельности аспирантов может осуществляться только научным руководителем (характеристика модели «наставничества»).

Высказывания о формируемых навыках: (1) аспирантура должна готовить только научных сотрудников и/или преподавателей для академической работы (характеристика модели «наставничества»); (2) аспирантура должна формировать не только академические компетенции, но и универсальные навыки, так чтобы ее выпускники были востребованы на неакадемическом рынке труда (характеристика структурированных программ).

Для того чтобы оценить, к какой модели из двух в большей степени склоняются научные руководители, была проведена дополнительная работа по кодированию ответов. Респонденты, которые во всех трех пунктах указали варианты ответа, соответствующие модели «наставничества» или модели структурированных программ, были классифицированы как «строго модель наставничества» или «строго модель структурированных программ», соответственно. Если же в ответах

на три вопроса респондент склонялся к модели «наставничества», а в одном указывал ответ, близкий к модели структурированных программ или нейтральной точки зрения, он получал метку «скорее модель наставничества». Подобным же образом была сгруппирована категория «скорее модель структурированных программ». К промежуточной точке зрения мы отнесли респондентов, чьи ответы сконцентрировались в нейтральной позиции или были равномерно распределены между рассматриваемыми позициями. Количественное распределение научных руководителей по двум точкам зрения в силу ограниченности выборки нельзя распространять на генеральную совокупность. Однако они позволяют сформулировать гипотезы о примерном распределении предпочтений относительно желаемой модели аспирантской подготовки в российских вузах и ее отдельных аспектах.

Результаты

Результаты количественного исследования позволяют понять, как распределены ответы научных руководителей в двух российских вузах относительно предпочтительной модели аспирантской подготовки. Они будут представлены в первой части раздела и позволят изучить отношение научных руководителей к разным аспектам структурированных программ и модели «наставничества». Затем с помощью результатов качественного исследования мы представим позиции научных руководителей более полно и обозначим причины, по которым респонденты выбирают ту или иную модель.

Предпочтения научных руководителей аспирантов относительно модели российской аспирантуры

Судя по результатам опроса в двух вузах, большая доля научных руководителей склоняется к тому, что образовательная нагрузка в аспирантуре должна быть минимальной (43 %) (см. рис. 1). Примерно треть респондентов считают, что в аспирантуре «существенную долю нагрузки аспиранта должны составлять продвинутые курсы по специальности/методологии научного исследования/педагогике». Еще четверть выбрали промежуточный вариант ответа между двумя суждениями. Распределение ответов по данному вопросу свидетельствует о небольшом перевесе мнений в пользу минимизации образовательной нагрузки в аспирантуре по сравнению с позицией, согласно которой образовательные курсы должны составлять существенную часть нагрузки. Однако за счет большого числа неопределившихся респондентов доля сторонников аспирантуры без учебных курсов не достигает половины.

Оценивая второй аспект предпочтительной модели аспирантской подготовки, научные руководители в большей мере склоняются к необходимости распределенного контроля прогресса аспиранта (см. рис. 2). Половина респондентов (51 %) отметили, что кафедра, департамент или факультет должны периодически контролировать выполнение аспирантом индивидуального плана. Почти четверть (24 %) участников исследования считают, что контроль за деятельностью аспиранта может осуществляться только научным руководителем. Так же как и в предыдущем вопросе, четверть респондентов заняли промежуточную позицию.

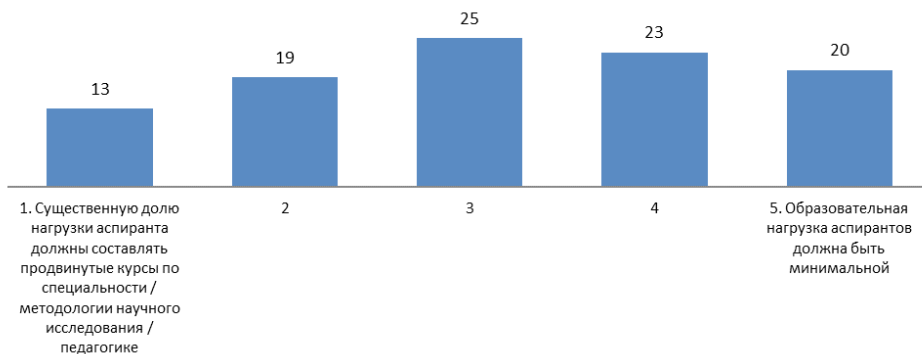

Рис. 1. Распределение ответов научных руководителей относительно необходимости учебных курсов в аспирантуре (Вопрос: «Как Вы считаете, какими характеристиками должна обладать аспирантура? Для ответа отметьте пункт, который наиболее соответствует Вашему мнению»)

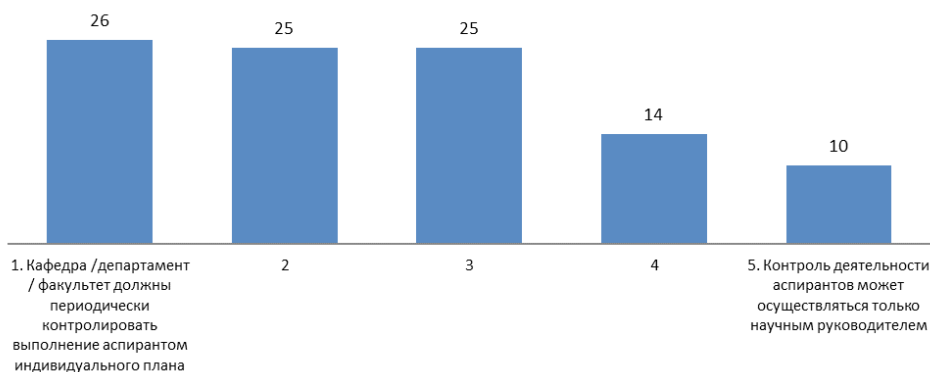

Рис. 2. Распределение ответов научных руководителей относительно отслеживания прогресса аспиранта (Вопрос: «Как Вы считаете, какими характеристиками должна обладать аспирантура? Для ответа отметьте пункт, который наиболее соответствует Вашему мнению»)

Позиции, что аспирантура должна готовить только научных сотрудников и/или преподавателей для академической работы, придерживается 42 % респондентов (см. рис. 3). Примерно такая же доля научных руководителей (39 %) считает, что аспирантура должна формировать не только академические компетенции, но и универсальные навыки, так чтобы ее выпускники были востребованы на не-академическом рынке труда. Промежуточную позицию заняли 19 % участников исследования.

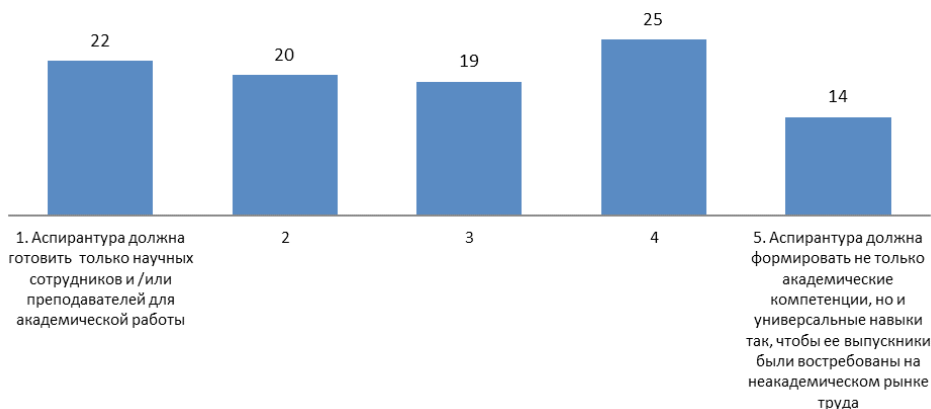

Рис. 3. Распределение ответов научных руководителей относительно компетенций, которые должна формировать аспирантура (Вопрос: «Как Вы считаете, какими характеристиками должна обладать аспирантура? Для ответа отметьте пункт, который наиболее соответствует Вашему мнению»)

Полученное распределение мнений научных руководителей о предпочтительной модели обучения в аспирантуре представлено на рис. 4. Мы можем увидеть, что небольшой перевес в ответах научных руководителей наблюдается в сторону модели структурированных программ (40 % против 29 %). При этом почти треть (31 %) научных руководителей комбинируют черты структурированных программ и модели «наставничества» в своих представлениях предпочтительной модели аспирантуры. Стоит отметить, что значительных различий в ответах респондентов из НИУ ВШЭ и ННГУ не наблюдалось.

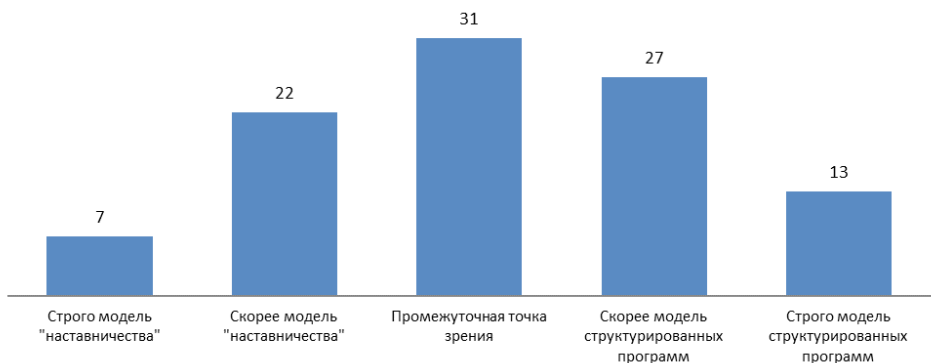

Рис. 4. Распределение научных руководителей по их предпочтениям относительно идеальной модели аспирантуры, в %

Представленное аналитическое распределение респондентов по пяти категориям демонстрирует существенный разброс мнений научных руководителей относительно предпочтительной модели обучения в аспирантуре.

Нужны ли в аспирантуре обязательные учебные курсы?

В рамках данного исследования научные руководители рассуждали о том, нужен ли в целом в аспирантуре образовательный компонент или аспирант должен все свое время тратить только на научно-исследовательскую деятельность. Здесь можно выделить две точки зрения. Первая состоит в том, что прохождение курсов полезно для аспирантов при условии, что это новые курсы продвинутого уровня, имеющие хорошее качество.

«Обучение должно быть. Ничего плохого в этом нет. Хорошие спецкурсы какие-то читаться должны» (интервью 2, НИУ ВШЭ).

«Все равно курсы должны быть <...> аспирантура все-таки, на мой взгляд, это еще и учеба. То есть должна быть какая-то доля учебы, наверное, на первых курсах» (интервью 17, ННГУ).

Для обоснования данной точки зрения научные руководители прибегают к нескольким стратегиям. Некоторые из них ссылаются на аналогичный успешный опыт обучения аспирантов в зарубежных странах.

«Глядя на американскую систему аспирантуры, мне показалось: “Как здорово! Тут аспиранты учатся, им читают курсы, как студентам, они сдают экзамены, то есть они образуются”. <...> Должны быть обзорные курсы, небольшие концентрированные, но хорошие. Где-то, скажем, лекций на восемь» (интервью 12, ННГУ).

Вторая группа научных руководителей обращается к собственному опыту работы, в рамках которого они наблюдали недостаток знаний и навыков у аспирантов в определенных областях (преподавание, продвижение собственных исследований и т. д.).

«Я сталкиваюсь с тем, когда ребята начинают преподавать, то есть они таких простых вещей не знают, что ах. <...> Соответственно, в этом смысле не так плохо, что аспирантура — это некий уровень образования. Да, они должны слушать курсы» (интервью 8, НИУ ВШЭ).

«Я предлагала в аспирантуре вести курс предпринимательства. <...> Можно и нужно учить аспирантов, как зарабатывать деньги на своих интеллектуальных исследованиях. Даже если это литературоведение» (интервью 9, НИУ ВШЭ).

В качестве дополнительного преимущества от учебных курсов косвенно упоминалось большая интенсивность общения аспирантов с научным руководителем и сотрудниками кафедры в силу их физического присутствия в университете, обусловленного необходимостью посещать учебные курсы:

«Тем более сегодня, когда у них идет учебный процесс, они так или иначе присутствуют в университете, и поэтому, конечно, они заходят. Это было бы странно, если бы они были на факультете и не пришли на кафедру» (интервью 21, ННГУ).

Несмотря на то, что в ходе интервью разговор шел об идеальной модели аспирантуры, некоторые научные руководители указывали на то, что текущая реализация образовательной компоненты в российской аспирантуре имеет существенные недостатки в силу того, что она ресурсно не обеспечена:

«Поскольку сейчас переход осуществился аспирантуры из, по сути, исследовательской деятельности, в элемент ступени образования, ни одной ставки в университете не было добавлено, несмотря на увеличение объема часов. Отношение преподавателей к этой нагрузке вполне очевидно. Здесь не может быть другой точки зрения. Если работу добавили, не добавили никоим образом зарплату, другую нагрузку не сняли с человека. То есть или он и раньше там ничего не делал, и он сейчас имеет возможность, или у него просто физически нет времени вот на эту новую нагрузку» (интервью 13, ННГУ).

Отсутствие ресурсов у российских университетов для разработки и преподавания качественных учебных курсов в аспирантуре звучало в качестве аргумента и у сторонников «аспирантуры без специальной образовательной нагрузки»:

«И рассчитывать на то, что именно в этом вузе (я уверен, что таких вузов не так много) можно квалифицированно дать какие-то предметы. Хорошо, национальные исследовательские университеты могут это сделать, ряд еще ВУЗов могут это сделать. Но есть еще ВУЗы, в которых в принципе нет кадров, чтобы они могли это специально дать. Можно написать что угодно, даже организовать, но реально они не дадут» (интервью 18, ННГУ).

Вторая позиция состоит в том, что образовательная нагрузка должна быть необязательной для выполнения учебного плана аспиранта, а учебные курсы в аспирантуре должны проходиться по желанию и в случае, когда аспиранту необходимо «подтянуть» свои знания и навыки в определенной области.

«Если он (аспирант) пришел уже сильный, подготовленный, уже знает все, что нужно для серьезной работы, и он готов за те же три года написать и защититься, то хорошо. Если нет, то, пожалуйста, пусть учится и параллельно начинает писать, думать и создавать что-то. <...> Мне кажется, это нужно представить как возможность» (интервью 11, НИУ ВШЭ).

«Идеальным вариантом, на мой взгляд, является наличие нескольких, может быть, даже до десятка курсов, среди которых аспирант может выбрать необходимый ему по потребностям. То есть нет какого-то необходимого набора, что он должен выбрать там три курса из десяти и их обязательно сдать. А вот просто если человек чувствует, что у него не было курсов по таким-то дисциплинам, ему в лаборатории трудно разговаривать с людьми, он не понимает терминов и ему непонятно, как строится эксперимент, чтобы он мог выбрать и получить какой-то короткий интенсив по определенному курсу» (интервью 13, ННГУ).

Данная точка зрения обосновывается также через несколько аргументов. Одна из них состоит в том, что знания и навыки в аспирантуре в силу специфики научной деятельности приобретаются через другие образовательные форматы: конференции, семинары, летние школы и т. п., где аспирантам предоставляется возможность послушать и пообщаться с ведущими специалистами в их области:

«Если человек занимается предметно какими-то исследованиями, ему просветление должны давать конференции и семинары, в которых он принимает участие. Тем более школы бывают, где проходят лекции разного рода, если он нуждается» (интервью 18, ННГУ).

«Аспирант уже больше участвует в конференциях и в научных каких-то сообществах общается, учится именно общаться. Плюс они учатся, наверное, информационным

навыкам... очень большая составляющая в том плане, что они могут среди вот этого потока информации выбрать нужную и умеют этой научной информацией пользоваться» (интервью 17, ННГУ).

Согласно второму аргументу, обязательные учебные курсы предполагают, что аспирант — это не взрослый человек, который сам определяет, чему и каким образом ему учиться, а учащийся, неспособный к самостоятельной работе. Кроме того, отмечалось, что с появлением учебной нагрузки аспиранты в меньшей степени стали восприниматься в качестве «коллег» сотрудниками на кафедрах, что рассматривается скорее в негативном ключе.

«Но в целом мне кажется, что идея аспирантуры, как части обучения, пожалуй, я не большой сторонник этого. Я считаю, что лучше поменьше школярства, а более жесткий отбор туда [в аспирантуру] именно тех, которые ориентированы на научную деятельность. Сейчас, скорее, есть элемент школярства и отношение все же как к обучающимся в слишком большой степени» (интервью 6, НИУ ВШЭ).

«Появились образовательные программы, и там аспирант превратился в студента. Когда этой программы не было, аспиранты были при кафедрах, и это были полные наши коллеги. Они участвовали в заседаниях кафедры, они жили кафедральной жизнью. Это был элемент узко бытовой, они часто участвовали в учебном процессе на небольших ролях. Это, я считаю, было очень важно, сейчас немножко по-другому. <...> И он уже не коллега, он снова студент» (интервью 1, НИУ ВШЭ).

Также в качестве аргумента против обязательной образовательной нагрузки называлось то, что посещение учебных курсов и подготовка к ним отвлекает аспиранта от научно-исследовательской деятельности.

«Скажем, второй год, когда аспиранты работают, как правило, — это творческая работа. <...> И то, что они должны слушать, может быть, и прекрасную лекцию. <...> И вот даже, вот эта моя аспирантка, которая завершает. Она говорит: “Я просто не могу не ходить к этому человеку, я его обижу”. <...> Лучше бы она в этот момент писала диссертацию» (интервью 7, НИУ ВШЭ).

«Аспиранты заняты так называемой учебой. <...> Иногда эта учеба отнимает огромное количество времени, и она отнимает это время у диссертации, у научной работы» (интервью 5, НИУ ВШЭ).

В интервью с научными руководителями встречались разные точки зрения не только относительно обязательности образовательной нагрузки, но и о том, какого рода учебные курсы должны преподаваться в аспирантуре и какие образовательные результаты они должны формировать. Часть научных руководителей считают, что лекции и семинары на аспирантских программах должны развивать кругозор:

«Человек все-таки должен немного расширить свой кругозор. Какие-то должны быть все-таки курсы, которые не обязательно совпадают в точности с тематикой его работы» (интервью 16, ННГУ).

Они считают, что развитие кругозора через специализированные курсы способствует профессиональному росту аспиранта и помогает в научно-исследовательской деятельности.

«Чтобы он как профессионал рос, должны быть какие-то лекции специализированные, чтобы его кругозор расширять» (интервью 19, ННГУ).

«Эрудиция позволяет ставить новые задачи. Здесь есть некое разделение труда. Одни ставят научные задачи — крупные, новые. Делают одну работу и потом за ней появляются 200 еще других» (интервью 6, НИУ ВШЭ).

«Вот как раз кругозор — большое дело. Это то, что ученому нужно. Эта та самая культура, про которую Колмогоров говорил» (интервью 2, НИУ ВШЭ).

Другие же научные руководители считают, что учебные курсы в аспирантуре должны углублять знания и развивать навыки в рамках дисциплины, по которой ведется научная работа:

«В первую очередь должен быть учебный процесс, развивающий его по предмету и по смежным областям. Общекультурные предметы, развивающие все эти компетенции, они, конечно, могут быть. Но я не знаю — если он хочет, пусть ходит» (интервью 15, ННГУ).

Кто должен нести ответственность за прогресс аспиранта?

Вторая характеристика структурированных программ, отличающая их от модели «наставничества», — распределенная ответственность между научным руководителем и аспирантской программой за контроль прогресса аспиранта. Распределенная ответственность может выражаться как в установлении системы нескольких научных руководителей аспиранта, так и в проведении специальных семинаров и срезовых точек контроля на программе. В данном исследовании научных руководителей аспирантов спрашивали про их мнение о том, сколько научных руководителей должно быть у аспирантов и как должна быть организована система отслеживания прогресса аспиранта и научного руководства. В интервью встретились две диаметрально противоположные точки зрения по данному вопросу. В рамках первой научные руководители предлагают подключать к руководству аспирантом других специалистов-консультантов, либо назначать нескольких научных руководителей. В рамках второй участники исследования говорили, что ответственность за прогресс аспиранта должен нести только один научный руководитель. Рассмотрим аргументы, которые приводят научные руководители для обоснования этих точек зрения.

Сторонники первой точки зрения видят выгоды в распределенной системе научного руководства в том, что разные люди могут отслеживать разные аспекты работы аспиранта в соответствии с их областью компетенции:

«Имеет смысл, чтобы был один человек, который за него [аспиранта] отвечает, что-то вроде супервайзера. Но лучше еще, чтобы еще два-три таких, которые тоже занимались бы им, и могли, например, помогать по методике или по теории» (интервью 6, НИУ ВШЭ).

Кроме того, встречалось мнение, что работа над диссертацией была бы эффективнее, если бы у аспиранта было несколько научных руководителей, выполняющих разные функциональные обязанности. Один научный руководитель может вести содержательное руководство, другой — помогать устроить статью в журнал или в поиске оппонентов.

«В идеале, конечно, надо было бы разделить абсолютно интеллектуальную — научную — и организационную вещь [между двумя научными руководителями]. Лучше, если это будут делать разные люди. То есть человек, который знает все журналы, условия

всех журналов, имеет контакты с этими журналами, знает, где найти оппонентов [будет вторым научным руководителем]. Сегодня это для нас проблема» (интервью 21, ННГУ).

Некоторые информанты считали, что назначение нескольких научных руководителей или консультантов имеет смысл, когда тема диссертации междисциплинарная.

«Может быть, действительно консультанты неплохо. <...> Многим нашим, кто по социальной философии [пишет работу], социологи требуются. <...> Мы на границах работаем» (интервью 7, НИУ ВШЭ).

Или когда один из научных руководителей работает в зарубежном университете:

«В иных случаях вообще хорошо, когда их [научных руководителей] два. К тому же, если один российский, а другой международный» (интервью 6, НИУ ВШЭ).

«Зарубежный соруководитель. Это тоже было бы интересно. Но, на сколько согласятся зарубежные наши коллеги, это другой разговор» (интервью 7, НИУ ВШЭ).

Кроме того, высказывалось мнение о том, что в ходе обучения в аспирантуре учащийся должен приобрести разнообразный опыт исследовательской работы, попробовать себя в разных научных направлениях. Для этого ему нужно несколько научных руководителей.

«Идеально, если аспирант мог бы попробовать себя в нескольких научных направлениях, можно сказать, поработать по близким направлениям. Чтобы у него не возникло такого ощущения, что он сделал что-то главное, а остальное — так. Чтобы попробовал себя в разных задачах, пусть, в рамках одной специальности. Пусть будет несколько руководителей» (интервью 12, ННГУ).

Противоположная точка зрения в том, что прогресс аспиранта может контролировать только его научный руководитель. В ходе интервью с научными руководителями выявлено два объяснения данной позиции. Согласно первому, «коллективная ответственность» в реальности превращается в «коллективную безответственность», в связи с чем более эффективными представляются единоличные обязательства научного руководителя по сопровождению и доведению аспиранта до защиты:

«У нас есть такой термин “хороший мальчик/хорошая девочка ровно пишет, давайте дадим еще шанс”, а потом заканчивается три года, а человек ничего не написал. Мы [кафедра] все его переводили, вели, научный руководитель тихонечко был рад, что у него нагрузка какая-то идет, авось напишется, а потом этот авось заканчивается трагедией. Поэтому нужно увеличить ответственность научного руководителя за это <...> он [научный руководитель, который не берет всю ответственность за аспиранта] губит их, понимаете? Если из 29 человек пропустил пятерых к защите, вот какой он молодец, а остальных куда? То есть такого вообще не должно было быть. Взял, так отвечай за них, если ты их взял. Он сам скажет, когда все: “Ребята, не могу больше с ним работать, молодой человек занимается непонятно чем. Я не могу поставить его в рамки ответственности и так далее, давайте его убирать”. Давайте проведем аттестацию такую точечную и уберем» (интервью 1, НИУ ВШЭ).

Кроме того, встречалась также точка зрения, что аспирант как взрослый человек не нуждается в дополнительном контроле и должен сам нести ответственность за свой прогресс в диссертационном исследовании.

«К аспирантуре должны приходиться уже достаточно зрелые, мотивированные люди. Да, там должны быть какие-то такие вот формальные рубежные моменты: первый год

обучения, второй год обучения. А вот какие-то такие промежуточные дела — аттестации, там еще чего-то... — с моей точки зрения, они избыточны» (интервью 9 НИУ ВШЭ).

Какие образовательные результаты должна формировать аспирантура?

В интервью научным руководителям задавался вопрос, какие навыки аспиранта должны развиваться в рамках аспирантской программы. Здесь, как и в международном дискурсе о целях и результатах аспирантской подготовки, наблюдаются две точки зрения. Приверженцы первой считают, что аспирантура должна развивать только исследовательские компетенции, позволяющие выпускнику аспирантуры быть успешным на академическом рынке труда, выполнять исследовательскую работу, заметную как в российском, так и в зарубежном научном сообществе.

«Он [аспирант] должен знать основные теории и уметь ими пользоваться. Уметь формулировать задачи и уметь их решать. Должен владеть методами анализа данных, интерпретацией данных. Умение писать текст. Умение выступать. <...> Плюс он должен вписаться в научное сообщество. <...> Причем не просто в российское, а в международное <...> Если смотреть в идеале, он должен выходить на международный рынок научного труда» (интервью 6, НИУ ВШЭ).

«Цель аспирантуры заключается в написании научной работы и в доказательстве права претендента занимать какое-то место в научном сообществе. Это единственная достойная цель аспирантуры, все остальные цели выдуманные. <...> Единственная компетенция, которая должна быть, — это быть способным к научной работе. Все остальные компетенции вне аспирантуры должны вырабатываться» (интервью 5, НИУ ВШЭ).

«Цель аспирантуры — подготовка будущего исследователя, преподавателя. Приобретение опыта исследовательской деятельности — во-первых. Во-вторых, создание нового научного знания. Общество ждет от аспирантов, что они в ходе исследования предъявят диссертации и научные статьи» (интервью 15, ННГУ).

Сторонники данной позиции в качестве результата обучения в аспирантуре, как правило, называют опубликованные статьи или диссертацию, поскольку именно эти результаты являются свидетельством того, что аспирант обладает достаточным уровнем исследовательских компетенций и готов к самостоятельной научной работе.

«Диссертация — лучше всего это когда набор статей. Если человек уже напечатался, значит статьи прошли через [процедуру рецензирования]» (интервью 11, НИУ ВШЭ).

«Без диссертации, увы, невозможно. <...> Требуется, чтобы в этой диссертации человек проявил себя как исследователь, то есть достиг каких-то результатов, обосновал их, показал свою эрудицию, показал свою способность работать с литературой, продуцировать научные идеи, быть способным на критику. Это все входит в качества диссертации, и это проверяется в течение ее подготовки. И, скажем, удостоверяется человек в этом на так называемых обсуждениях, предзащитах, когда он выступает на конференциях или выступает на каких-то других форумах. Все это видно — человек что-то сделал или ничего не смог сделать» (интервью 5, НИУ ВШЭ).

«Он (аспирант) должен показать себя, как сформировавшийся исследователь. То, что он станет гуманитарием, научно по-английски лепетать и ориентироваться в информа-

ционном море, — это его личное достижение, это ему нужно. Но для общества важны его научные результаты. Вкладом в прогресс общества, является та наука, которую он открыл, изложил, выложил на стол, и люди пользуются» (интервью 15, ННГУ).

Навыки, которые называли участники исследования, можно условно разделить на две группы. Первую группу представляют компетенции, позволяющие аспиранту успешно провести исследование и написать диссертацию (умение сформулировать научную задачу, знание теоретико-методологической базы, методов и другие компетенции, необходимые для написания статей и диссертационной работы). В рамках второй группы выделялась профессиональная коммуникация и навыки, сопутствующие научной деятельности (знание основных баз цитирований и ведущих журналов в профессиональной области, умение вписаться в российское и международное научное сообщество, владение академическим языком и т. п.).

Противоположная точка зрения заключалась в том, что аспирантура должна готовить не только исследователей, но и формировать более широкий набор навыков, позволяющих ее выпускнику быть успешным в профессиональной деятельности в академии и вне ее.

«Аспирантура должна готовить если даже не исследователя, то хотя бы человека, готового себе задавать вопросы, природе и т. д. То есть он не принимает все на веру, это все равно исследователь. Пусть он не защитит диссертацию, но у него должен быть навык критично относиться к действительности, к природе, к окружающей обстановке, все, что он видит» (интервью 12, ННГУ).

«Цель аспирантуры, в общем-то, должна быть — приращение новых знаний у обучающихся. Это формальный момент — защита кандидатской диссертации, но главное — это приращение новых знаний. То есть человек становится специалистом высокого уровня» (интервью 14, ННГУ).

«Нужен кругозор, чтобы он не был совсем уж узким специалистом — это тоже не дело... Потому что неизвестно, после защиты диссертации чем он будет заниматься. Потому что если кругозор широкий, он потом будет заниматься и тем, и другим и третьим» (интервью 19, ННГУ).

В связи с этим назывались такие компетенции, как умение работать в коллективе, критическое и аналитическое мышление, логическое мышление, навыки поиска информации, генерирования идей и оценка их конкурентоспособности, знание иностранных языков, планирование. То есть не узко академические навыки, а относящиеся ко многим областям профессиональной деятельности. Также назывались качества, которыми должны обладать аспиранты (или приучаться к которым должны в ходе обучения в аспирантуре): самостоятельность и целеустремленность, широкий кругозор. В рамках глобальной дискуссии о развитии аспирантского образования считается, что развитию данных навыков в большей мере способствуют структурированные программы [Kehm, 2006]. При этом данные навыки рассматриваются в качестве ключевых для успешной трудовой деятельности не только в академии, но и за ее пределами в условиях современной экономики [Nerad, 2010].

Кроме перечисленных позиций встречается мнение, что аспирантура должна готовить новое поколение преподавателей и, соответственно, развивать преподавательские навыки.

«С моей точки зрения, все-таки основная задача аспирантуры — это подготовка <...> высококвалифицированных преподавателей. Это подготовка профессуры. Соответственно, это не подготовка госслужащих, это не подготовка исследователей» (интервью 8, НИУ ВШЭ).

Возвращаясь к дискуссии о том, должна ли аспирантура всегда завершаться защитой, можно отметить, что здесь также встречались обе точки зрения. Согласно первой, аспирантура обязательно должна заканчиваться защитой, согласно второй — успешное обучение в аспирантуре возможно и без прохождения защиты.

«Мы рады, конечно, что появляются дипломы преподавателей-исследователей, но все-таки защита должна быть важнейшим компонентом успешности работы аспирантской школы, и она тоже должна быть» (интервью 1, НИУ ВШЭ).

«Мне кажется, что аспирантура, если многие не защищаются, просто теряет свой смысл» (интервью 4, НИУ ВШЭ).

Важность защиты научные руководители объясняли тем, что именно на защите аспирант демонстрирует компетенции, необходимые для успешной академической работы.

«Он [аспирант] должен уметь держать удар, защищаться. Во-вторых, он должен уметь внятно выражать свои мысли, должен уметь отвечать на вопросы, должен уметь вести полемику. То есть это действительно защита. Очень многие на защите теряются. Я своим аспирантам говорила: расплакались — все, профнепригоден. <...> Поэтому умение держать себя в руках — это очень важно. Фильтровать, отделять субъективное от объективного. <...> Аспирант должен очень быстро ухватывать суть вопроса» (интервью 9, НИУ ВШЭ).

Сторонники второй точки зрения отмечают, что защита может быть избыточной, если аспирант не планирует научную карьеру.

«Конечно, нельзя говорить, что вот аспирантура должна заканчиваться защитой диссертации, не всегда это можно успеть. Есть все-таки аспиранты, направленные в большей степени на педагогическую деятельность, тогда им вообще просто достаточно получить [диплом]» (интервью 17, ННГУ).

Последняя точка зрения исходит из того, что аспирантура может быть не всегда ориентирована на подготовку исключительно научных кадров, что соответствует тенденциям в зарубежных странах.

Обсуждение

В рамках данного исследования мы рассмотрели мнения сотрудников двух российских университетов, осуществляющих научное руководство аспирантами, о предпочтительной модели российской аспирантуры, основываясь на трех критериях: (1) объем учебной нагрузки; (2) отслеживание прогресса аспиранта; (3) формируемые навыки. Это основные характеристики, различающие две основные модели аспирантуры, встречающиеся в мире: модель «наставничества» и модель структурированных программ.

В ходе опроса от 20 % до 25 % научных сотрудников выбирали промежуточный пункт при оценке трех аспектов идеальной модели аспирантуры, а 31 % были отнесены к промежуточной точке зрения при суммировании ответов на все три вопроса про желаемую модель аспирантуры. Относительно образовательной на-

грузки наблюдается некоторый перевес в сторону минимизации образовательной нагрузки, относительно контроля прогресса — в сторону модели распределенной ответственности. По аспекту, связанному с тем, кого должна готовить аспирантура, разброс мнений максимальный и не позволяет выделить наиболее популярную точку зрения. Согласно наблюдающимся распределениям, значительная часть научных руководителей склоняются к тому, что идеальная аспирантура может сочетать в себе черты модели «наставничества» и структурированных программ, либо затрудняются выбрать идеальную модель российской аспирантуры.

Судя по результатам интервью с научными руководителями, одним из наиболее дискуссионных изменений в российской аспирантуре стала увеличенная доля учебной нагрузки. В рамках исследования выделились как сторонники обязательных учебных курсов, так и их противники. Последние считают, что образовательная нагрузка должна предлагаться аспирантам как возможность восполнить пробелы в определенной области, но не быть обязательной. В этом наши результаты согласуются с исследованием в Университете Аделаиды [Kiley, Liljegren, 1999], где было показано критическое отношение некоторых научных руководителей к включению обязательных учебных курсов для всех аспирантов, которое предполагалось в рамках перехода к структурированным аспирантским программам. Кроме того, такое мнение находит отражение во взглядах других групп, вовлеченных в аспирантские программы. Так, изучение мнений аспирантов и административных сотрудников, ответственных за реализацию аспирантских программ [Maloshonok, Terentev, 2019], показало, что многие учащиеся и администраторы высказываются против образовательной составляющей, аргументируя свое отношение несколькими обстоятельствами. Во-первых, на момент проведения исследования (2016 г.) в большинстве вузов отсутствовали специальные курсы для аспирантов, а учащимся аспирантских программ предлагалось повторно пройти учебные дисциплины, прослушанные в вузе на предыдущих уровнях образования. Во-вторых, отмечалось, что увеличенная образовательная нагрузка отвлекает аспирантов от занятия собственно научно-исследовательской деятельностью. И, наконец, сомнения вызывали обязательные курсы по определенным дисциплинам, например, по педагогике [Maloshonok, Terentev, 2019]. В данном исследовании научные руководители высказывают похожие опасения относительно введения обязательной образовательной нагрузки в виде учебных курсов.

Однако данное мнение не единственное, многие научные руководители считают, что в аспирантуре должны быть обязательные учебные курсы, направленные как на углубленное изучение предмета, в рамках которого ведется диссертационная работа, так и на развитие кругозора и универсальных компетенций аспиранта. Вторая позиция в большей степени отражает доминирующую позицию в международных дискуссиях вокруг аспирантского образования и мировую тенденцию к переходу к структурированным программам в части включения в программу учебных курсов для аспирантов [Melles, 2009; Nerad, Evans, 2014].

Второй рассматриваемый вопрос относился к тому, кто должен нести ответственность за прогресс аспиранта: исключительно научный руководитель (характеристика модели «наставничества») или эта ответственность должна быть распределена (соответствует структурированным аспирантским программам).

Здесь можно выделить как приверженцев диадической модели, в которой всю ответственность за прогресс аспиранта несут научный руководитель и сам аспирант, так и приверженцев распределенной модели научного руководства (*team supervision*). Последняя модель набирает все большую популярность в западных университетах [Guerin, Green, 2015]. Данная практика появилась как ответ на недостатки диадической модели, в которой успех аспиранта в значительной степени зависел от заинтересованности научного руководителя, его вовлеченности и качества отношений с аспирантами [De Valero, 2001; Barnes et al., 2010]. В качестве достоинств модели распределенного руководства называется возможность преодолеть негативное влияние временного отсутствия научного руководителя в силу разных обстоятельств, возможность предложить разностороннюю экспертизу для междисциплинарных проектов, а также получение опыта молодыми научными руководителями от более опытных при работе с одним аспирантом [Guerin, Green, 2015]. Однако назначение нескольких научных руководителей может вызвать дополнительные трудности, связанные с преодолением конфликтов и разногласий при возникновении разных мнений научных руководителей. Поэтому ряд исследований посвящены вопросу, как сделать эту практику более эффективной [Watts, 2010]. С другой стороны, эмпирически показано, что наличие только одного научного руководителя, а также его большая занятость и руководство несколькими аспирантами, что типично для российских университетов, является значимым фактором неуспеха аспиранта и долгого срока на пути к защите [Van de Schoot, 2013]. Таким образом, российская аспирантура нуждается в нахождении оптимальной модели научного руководства, которая помогала бы аспирантам защищаться в срок и при этом учитывала бы ресурсные ограничения российских вузов. Относительно того, к какой модели («наставничества» или структурированных программ) она должна быть близка, у научных руководителей пока не сформировалось единого мнения.

Третий аспект модели аспирантской подготовки, изучаемый в данном исследовании, касается образовательных результатов, которые должна формировать аспирантура. На данный момент законодательно закреплено, что текущая модель российской аспирантуры направлена на подготовку специалистов с квалификацией «Исследователь. Преподаватель-исследователь», что соответствует карьере в академической сфере. Несмотря на то, что в общественно-политическом дискурсе и законодательно в России продвигается идея научной аспирантуры, эмпирические исследования показывают, что примерно половина выпускников аспирантуры трудоустроивается во внеакадемическую сферу [Бедный, Миронос, Остапенко, 2015b]. В нашем исследовании мнения научных руководителей о формируемых в аспирантуре компетенциях также разделились: одни респонденты рассматривают аспирантуру как исключительно научную, другие считают, что аспирантура должна формировать широкий набор универсальных навыков, помогающих выпускнику преуспеть не только в академии, но и вне ее. Вторая точка зрения в большей степени соответствует тенденции в развитых странах, где аспирантура рассматривается как подготовка кадров высокой квалификации не только для академии, но и для других сфер профессиональной деятельности. Такая переориентация аспирантуры вызвана тем, что многие ее выпускники трудоустроиваются

вне академического рынка труда, а также наличием перепроизводства обладателей степеней PhD в развитых странах (США, Япония, Германия) [Cyranoski et al., 2011]. В некоторых странах аспирантура переориентировалась на неисследовательские сферы в том числе за счет создания отдельной «профессиональной аспирантуры» (professional doctorate) [Green, 2009]. Неоднородность мнений научных руководителей относительно целей подготовки в аспирантуре может снижать эффективность аспирантского обучения в силу отсутствия понимания желаемых образовательных результатов. Таким образом, цели российской аспирантуры требуют либо ясного проговаривания для научных руководителей, либо корректировки с учетом социально-экономических условий, реального трудоустройства выпускников аспирантуры и запроса рынка труда на обладателей ученых степеней.

Таким образом, результаты данного исследования показывают, что в академической среде нет доминирующего мнения о наиболее подходящей модели аспирантской подготовки. Данная ситуация может свидетельствовать о том, что не все научные руководители принимают регламентированные законом цели аспирантуры и рекомендованные способы аспирантской подготовки. Результаты исследования могут быть объяснены наблюдающейся «аномией» в сфере аспирантской подготовки, обусловленной незавершенностью переходного периода и неопределенностью стратегических приоритетов российской аспирантуры [Maloshonok, Terentev, 2019; Терентьев и др., 2018].

Ограничения исследования

Проведенное исследование имеет ряд недостатков, ограничивающих возможность распространять его результаты на всю совокупность научных руководителей в российских вузах. Во-первых, исследование охватывает только два российских вуза, причем имеющих отличительные особенности: они одни из первых начали внедрять структурированные аспирантские программы. В связи с этим вполне возможно, что в других вузах будут иные процентные распределения мнений научных руководителей о разных характеристиках аспирантских программ, а также что некоторые мнения научных руководителей, выявленные в данном исследовании, окажутся нетипичными для представителей других российских вузов. Во-вторых, выборка количественного исследования ограничена по количеству научных руководителей из ННГУ в силу низкого отклика в этом университете и небольшого числа научных руководителей аспирантов. Однако сравнение ответов представителей двух университетов не показало значимых различий, что снижает вероятность возникновения смещений в результатах, обусловленных разницей в представленных в выборке университетах.

Несмотря на это, данное исследование является первым шагом для изучения представлений научных руководителей о том, как должна быть устроена аспирантура и какие образовательные результаты она должна формировать. Стоит отметить, что данные представления исследуются в период радикальной трансформации аспирантской подготовки в условиях, когда будущее российской аспирантуры неопределенно: вернется ли она к советской модели, продолжит ли она развитие в рамках структурированных аспирантских программ, или будет выбран промежуточный вариант? Интерес представляет изучение будущей динамики мнений

научных руководителей в зависимости от выбранного пути развития. Кроме того, мнения и аргументы, высказанные научными руководителями, непосредственно вовлеченными в процесс аспирантской подготовки, будут полезны для корректировки и развития аспирантских программ в российских университетах.

Список литературы (References)

Бедный Б. И., Миронос А. А., Балабанов С. С. Факторы эффективности и качества подготовки научных кадров в аспирантуре (социологический анализ) // Университетское управление. 2007. № 5. С. 56—65.

Bednyi B. I., Mironos A. A., Balabanov S. S. (2007) Factors of efficiency and quality of training in Ph.D. programs (sociological analysis). *University Management: Practice and Analysis*. No. 5. P. 56–65. (In Russ.)

Бедный Б. И., Казанцев В. Б., Миронос А. А., Половинкина Е. О., Рыбаков Н. В. Исследовательские школы как драйвер развития аспирантуры нового типа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4 (40). С. 13—146.

Bednyi B. I., Kazantsev V. B., Mironos A. A., Polovinkina E. O., Rybakov N. V. (2015) Research school as drivers for developing new type of doctorate. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social sciences*. No. 4 (40). P. 133–146. (In Russ.)

Бедный Б. И., Миронос А. А., Остапенко Л. А. Профессиональная занятость выпускников аспирантуры и направления совершенствования аспирантских программ // Высшее образование в России. 2015. № 3. С. 5—16.

Bednyi B. I., Mironos A. A., Ostapenko L. A. (2015) Professional employment of PhD program graduates and some ways for improving PhD programs. *Higher Education in Russia*. No. 3. P. 5–16. (In Russ.)

Иванов В. В., Маринина Р. А. Реформирование системы подготовки научных кадров высшей квалификации: проблемы и основные направления // Инновации. 2013. № 5 (175). С. 32—38.

Ivanov V. V., Marinina R. A. (2013) Reforming system of training of research personnel: problems and main directions. *Innovations*. No. 5 (175). P. 32–38. (In Russ.)

Терентьев Е. А., Бекова С. К., Малошонок Н. Г. Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 22. С. 54—66.

Terentiev E. A., Bekova S. K., Maloshonok N. G. (2018) The crisis of postgraduate studies in Russia: what bears problems and how to overcome them. *University Management: Practice and Analysis*. No. 22. P. 54–66. (In Russ.)

Шестак В. П., Шестак Н. В. Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 22—34.

Shestak V. P., Shestak N. V. (2015) Doctorate as the third level of higher education: discursive field. *Higher education in Russia*. No. 12. P. 22–34. (In Russ.)

Bao Y., Kehm B. M., Ma Y. (2018) From product to process. The reform of doctoral education in Europe and China. *Studies in Higher Education*. Vol. 43. No. 3. P. 524-541. <https://doi.org/10.1080/03075079.2016.1182481>.

Barnes B. J., Williams E. A., Archer S. A. (2010) Characteristics that matter most: Doctoral students' perceptions of positive and negative advisor attributes. *NACADA Journal*. Vol. 30. No. 1. P. 34-46. <https://doi.org/10.12930/0271-9517-30.1.34>.

Bøgelund P. (2015) How supervisors perceive PhD supervision—And how they practice it. *International Journal of Doctoral Studies*. Vol. 10. No. 1. P. 39-55. <https://doi.org/10.28945/2096>.

Canal-Domínguez J.F., Wall A. (2014) Factors determining the career success of doctorate holders: evidence from the Spanish case. *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No. 10. P. 1750-1773. <https://doi.org/10.1080/03075079.2013.806464>.

Cuthbert D., Molla T. (2015) PhD crisis discourse: A critical approach to the framing of the problem and some Australian 'solutions'. *Higher Education*. Vol. 69. No. 1. P. 33-53. <https://doi.org/10.1007/s10734-014-9760-y>.

Cyranoski D., Gilbert N., Ledford H., Nayar A., Yahia M. (2011) The PhD factory: The world is producing more PhDs than ever before. Is it time to stop. *Nature*. 472(7343), 276-279. <https://doi.org/10.1038/472276a>.

De Valero Y.F. (2001) Departmental factors affecting time-to-degree and completion rates of doctoral students at one land-grant research institution. *The Journal of Higher Education*. 72 (3), 341-367. <https://doi.org/10.1080/00221546.2001.11777098>.

Enders J. (2004) Research training and careers in transition: a European perspective on the many faces of the Ph D. *Studies in Continuing Education*. 26(3), 419-429. <https://doi.org/10.1080/0158037042000265935>.

Gilbert R., Balatti J., Turner P., Whitehouse H. (2004). The generic skills debate in research higher degrees. *Higher Education Research & Development*. 23(3), 375-388. <https://doi.org/10.1080/0729436042000235454>.

Golde C. M. (2000) Should I stay or should I go? Student descriptions of the doctoral attrition process. *The review of higher education*. 23(2), 199-227. <https://doi.org/10.1353/rhe.2000.0004>.

Green B. (2009) Challenging perspectives, changing practices. In: Boud D., Lee A. (Eds.) *Changing practices of doctoral education*. Abingdon: Routledge. P. 239-248.

Guerin C., Green I. (2015) 'They're the bosses': Feedback in team supervision. *Journal of Further and Higher Education*. 39(3), 320-335. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2013.831039>.

Gumport P.J. (1993) Graduate education and organised research in the United States. In: Clark B. R. (Ed.) *The research foundations of graduate education: Germany, Britain, France, United States, Japan* Berkeley: University of California Press. P. 225-260.

Heath T. (2002) A quantitative analysis of PhD students' views of supervision. *Higher Education Research & Development*. 21(1), 41-53. <https://doi.org/10.1080/07294360220124648>.

Ives G., Rowley G. (2005) Supervisor selection or allocation and continuity of supervision: Ph. D. students' progress and outcomes. *Studies in higher education*. 30(5), 535–555. <https://doi.org/10.1080/03075070500249161>.

Kehm B. M. (2004) XIV. Developing Doctoral Degrees and Qualifications in Europe: Good Practice and Issues of Concern—A Comparative Analysis. *Studies on higher education*. 6, 279.

Kehm B. M. (2006) Doctoral education in Europe and North America: A comparative analysis. *Wenner Gren International Series*. 83, 67.

Kiley M., Liljegren D. (1999) Discipline-related Models for a Structured Program at the Commencement of a Ph D. *Teaching in Higher Education*. 4(1), 61–75. <https://doi.org/10.1080/1356251990040104>.

Kuehnle K., Winkler D. T., Meier-Abt P. J. (2009) Swiss national MD-PhD program: an outcome analysis. *Swiss medical weekly*. 139 (37), 540.

Maloshonok N., Terentev E. (2019) National barriers to the completion of doctoral programs at Russian universities. *Higher Education*. Vol. 77. No. 2. P. 195-211. <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0267-9>.

Marsh H. W., Rowe K. J., Martin A. (2002) PhD students' evaluations of research supervision: issues, complexities, and challenges in a nationwide Australian experiment in benchmarking universities. *The Journal of Higher Education*, 73(3), 313–348. <https://doi.org/10.1080/00221546.2002.11777151>.

McAlpine L., Norton J. (2006) Reframing our approach to doctoral programs: an integrative framework for action and research. *Higher Education Research & Development*. 25(1), 3–17. <https://doi.org/10.1080/07294360500453012>.

Melles G. (2009) Global perspectives on structured research training in doctorates of design—what do we value? *Design Studies*. 30(3), 255-271. <https://doi.org/10.1016/j.destud.2008.09.003>.

Nerad M. (2006) Globalization and its impact on research education: trends and emerging best practices for the doctorate of the future. In: Kiley M., Mullins G. (Eds.) *Quality in postgraduate research: knowledge creation in testing times*. Canberra: ANU. P. 5–12.

Nerad M. (2010) Increase in PhD production and reform of doctoral education worldwide. *Research Institute for Higher Education Hiroshima University*. 7, 769.

Nerad M., Evans B. (Eds.) (2014) *Globalization and its impacts on the quality of PhD education: forces and forms in doctoral education worldwide*. Rotterdam: Sense.

- Nettles M. T. (1990) Success in doctoral programs: Experiences of minority and white students. *American Journal of Education*. 98(4), 494-522. <https://doi.org/10.1086/443974>.
- Neumann R. (2002) Diversity, doctoral education and policy. *Higher Education Research & Development*. 21(2), 167-178. <https://doi.org/10.1080/07294360220144088>.
- Önnerfors A. (2007) From Scientific Apprentice to Multi-skilled Knowledge Worker: changes in Ph. D education in the Nordic-Baltic Area. *European Journal of Education*. 42(3), 321-333. <https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2007.00309.x>.
- Park C. (2005) New variant PhD: the changing nature of the doctorate in the UK. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 27(2), 189-207. <https://doi.org/10.1080/13600800500120068>.
- Pearson M. (2005) Framing research on doctoral education in Australia in a global context. *Higher Education Research & Development*. 24(2), 119-134. <https://doi.org/10.1080/07294360500062870>.
- Pedersen H. S. (2014) New doctoral graduates in the knowledge economy: trends and key issues. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 36(6), 632-645. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2014.957891>.
- Schwabe M. (2011) The career paths of doctoral graduates in Austria. *European Journal of Education*. 46(1), 153-168. <https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2010.01465.x>.
- Stricker L. J. (1994) Institutional factors in time to the doctorate. *Research in Higher Education*. 35(5), 569-587. <https://doi.org/10.1007/BF02497088>.
- Van de Schoot R., Yerkes M. A., Mouw J. M., Sonneveld H. (2013) What took them so long? Explaining PhD delays among doctoral candidates. *PLoS One*. 8(7), e68839.
- Watts J. H. (2010) Team supervision of the doctorate: Managing roles, relationships and contradictions. *Teaching in Higher Education*. 15(3), 335-339. <https://doi.org/10.1080/13562511003740908>.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.15

Правильная ссылка на статью:

Рыбакова О. В. Профессия «социолог»: история вопроса о профессиональном стандарте // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 304—322. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.15>.

For citation:

Rybakova O.V. (2019) Sociologist: the history of the professional standard. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 304—322. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.15>.

О. В. Рыбакова
**ПРОФЕССИЯ «СОЦИОЛОГ»: ИСТОРИЯ ВОПРОСА
О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНДАРТЕ**

ПРОФЕССИЯ «СОЦИОЛОГ»: ИСТОРИЯ
ВОПРОСА О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
СТАНДАРТЕ

SOCIOLOGIST: THE HISTORY OF THE
PROFESSIONAL STANDARD

РЫБАКОВА Ольга Викторовна — кандидат философских наук, директор, Центр социологических и маркетинговых исследований фонда «Социум», Екатеринбург, Россия; доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: ovr_04@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7163-9803>

Olga V. RYBAKOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Phil. Sci.), Director; Professor
E-MAIL: ovr_04@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7163-9803>

¹ Center for Social and Marketing Research, "Socium" Foundation, Yekaterinburg, Russia

² Department of Applied Sociology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Аннотация. Рассматривается история разработки национального стандарта профессии «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям». Представлены этапы переосмысления профессиональ-

Abstract. The paper is devoted to the history of the national professional standard “Sociologist: specialist in fundamental and applied studies”. Rethinking the sociologist qualification skills by the professional community is the focus

ным сообществом квалификационных требований к деятельности социологов. Проводится анализ дискуссий о критериях качества исследовательского процесса и его результатов, начиная с 1970—1980-х гг. по сегодняшний день; рассмотрены причины трансформации вопроса качества из методологического дискурса в нормативно-правовой.

Статья будет полезна руководителям и специалистам исследовательских компаний, преподавателям и студентам социологической, экономической, гуманитарных специальностей, разработчикам ФГОС по специальности «социология», руководителям предприятий — заказчикам социологических и маркетинговых исследований.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, разработка профессионального стандарта, качество исследования, профессия, квалификационные требования, профессиональное сообщество

of the paper. The author analyzes discussions of the quality criteria for the research process and its results from the period of 1970–1980s up until now. The study also considers the reasons why the quality issue has transformed from the methodological discourse into regulatory and legal.

The article will be useful for the heads and experts working in research companies, professors and students in the field of sociology, economy or human sciences, designers of the Federal Educational Standard “Sociologist”, and clients of marketing research companies.

Keywords: professional standard, qualification skills, professional community, history of the national professional standard, quality criteria for the research process

Размышлять о функциональных рамках профессии «социолог» можно с позиций разных сопричастных ей групп.

Названия большинства профессий у обывателя имеют устойчивые коннотации: врач лечит, учитель учит, строитель строит и т. д. Можно спорить об их однозначности, но, как правило, доминирует какое-нибудь одно устойчивое определение. А как обстоят дела с профессией «социолог»?

По мнению широкой общественности, представленной населением крупного мегаполиса (Екатеринбурга, в котором пять ВУЗов выпускают социологов), главная идентификационная характеристика профессии «социолог» — *проведение опросов общественного мнения и в целом сбор всяческой информации для статистики*. Такое понимание профессиональной деятельности социолога является доминирующим и устойчивым, о чем свидетельствуют результаты опросов, проведенных в 2016 и 2019 гг.¹

¹ Ежемесячные omnibus проведены в Екатеринбурге. Февраль 2016 г.: выборка маршрутная от стартовых точек в 54 планировочных районах города с квотированием по полу и возрасту при отборе респондентов. Объем выборки 600 представителей домохозяйств. Метод — личное интервью у подъездов домов жильцов отобранного подъезда. Июнь 2019 г.: объем выборки 600 человек (жителей Екатеринбурга 18+), метод — телефонное интервью. Выборка вероятностная, отбор по базе мобильных телефонов.

Интересно, что за последние три года набор профессиональных функций социолога в представлениях населения стал заметно разнообразнее. Так, в 2016 г. профессии социолога в основном приписывался сбор всяческой информации путем опросов общественного мнения. В 2019 г. жители Екатеринбурга добавили социальную активность. Социолог, по мнению части населения, информирует, развивает общество, и даже оказывает социальную помощь. Можно предположить, что профессиональная деятельность социологов стала более заметной в обществе, она больше на слуху, чем три года назад. Об этом же свидетельствует рост числа упоминаний о том, что именно социологи проводят маркетинговые исследования, изучают потребительское поведение, анализируют развитие рынков в интересах потребителей и бизнеса (см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика представлений населения Екатеринбурга о том, чем занимается социолог (формулировка открытого вопроса: «Как Вы думаете, в чем состоит работа, которой занимаются социологи?», % от числа ответов)

Ответы респондентов	2016		2019	
	Число упоминаний	% от числа ответов	Число упоминаний	% от числа ответов
Проводят опросы общественного мнения	278	44,7	238	35,9
Не знаю	132	21,2	119	18,0
Анализируют результаты исследования, разрабатывают рекомендации	60	9,6	40	6,1
Собирают информацию для статистики	75	12,1	38	5,7
Изучают жизнь общества, анализируют социальную динамику	46	7,4	60	9,1
Ерундой занимаются, никому не нужной работой	18	2,9	26	3,9
Исследование рынка, потребностей, поведения покупателей, отношения к продуктам	11	1,8	48	7,2
Работают для улучшения жизни людей	2	0,3	16	2,4
Изучают настроения населения для властей	-	-	23	3,5
Опрос для рекламы, развития бизнеса	-	-	20	3,0
Информируют общество	-	-	15	2,3
Развивают общество, организуют мероприятия, развлечения	-	-	7	1,0

Ответы респондентов	2016		2019	
	Число упоминаний	% от числа ответов	Число упоминаний	% от числа ответов
Изучают взаимоотношения людей	-	-	5	0,7
Рекламируют, агитируют, пропагандируют	-	-	4	0,6
Много чем. Проводят исследования, некоторые преподают, опросы проводят, маркетинговые исследования	-	-	3	0,5
Социальную часть. Помощь кому-то, многодетным или пенсионерам	-	-	1	0,2
Итого	622	100,0	663	100,0

Однако о таких существенных составляющих профессии, как анализ социальных процессов, что условно можно отнести к ответам про жизнь общества, упоминают только 7 %-9 % горожан. Число опрошенных, не имеющих каких-либо представлений о профессии «социолог», хотя и снизилось на 3 п. п., но остается на уровне каждого пятого горожанина.

Тенденция, которую мы наблюдаем в обществе в последние годы, свидетельствует о достаточно противоречивом отношении россиян к профессиональной деятельности социологов. С одной стороны, интерес к результатам опросов общественного мнения у соотечественников остается очень высоким. По данным ВЦИОМ, «91 % граждан сегодня считают, что опросы проводить необходимо»². Можно предположить, что такой интерес продиктован извечной потребностью общества к саморефлексии, которая увеличивается во времена гиперинформированности, быстрого роста интенсивности информационных коммуникаций. Социологическая информация является одним из легитимных, претендующих на научный статус источников знаний, по которому граждане «выверяют» свои гражданские позиции, ценностные ориентации и модели поведения. Но на самом деле в сознании россиян интерес к опросам вполне уживается с недоверием к их результатам. Только 52 % опрошенных в том же исследовании ВЦИОМ полагают, что результаты опросов имеют статус научно обоснованных. 46 % считают результаты опросов общественного мнения бесполезной данью моде, а 53 % уверены в том, что это способ манипуляции сознанием граждан в интересах власти и бизнеса³. Во многом питательной средой для роста недоверия является поверхностное представление о содержании профессии социолога, непонимание ее ценности для общества.

Если мы обратимся к академическому сообществу, профессионально занимающемуся подготовкой социологов, то получим не менее смутные представления

² Ко дню социолога: россияне — о социологических опросах // ВЦИОМ. 14.11.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9426> (дата обращения: 24.08.2019).

³ Там же.

о профессии. Данные анализа рекламы кафедр социологии (каких специалистов выпускаем, кем и где они могут работать) показывают, что профессиональная идентичность специалиста в области социологии остается размытой. У большинства выпускающих университетских кафедр по-прежнему превалирует нацеленность на воспроизводство преподавательского корпуса, отсутствуют ориентации в подготовке социологов на потребности основного работодателя — исследовательских компаний, отмечается отсутствие четких представлений о квалификационных требованиях к специалистам, о функциональных рамках профессии. На сайтах кафедр профессия социолога позиционируется как некая основа для быстрого освоения профессий маркетолога, менеджера, кадровика, рекламиста и т. д. [Буланова, Медведева, 2011: 37].

Отрадно, что в последние три-четыре года университеты стремятся активно вовлекать работодателей в разработку образовательных стандартов и учебных программ. Это важно, поскольку, как показали наши исследования, проведенные в 2014 г.,⁴ специалисты исследовательских компаний, специализирующихся на социологических и маркетинговых исследованиях, имеют четкие представления о функциональной структуре профессии социолога-исследователя.

Что касается легитимного статуса профессии на уровне Министерства труда РФ, такая профессия есть в общероссийском реестре профессий служащих, но ее функционал не определен никакими официальными документами. На сегодняшний день в Российской Федерации не существует утвержденных на государственном уровне профессиональных стандартов, характеризующих деятельность специалиста по организации и проведению социологических исследований.

В законодательных документах Минтруда РФ («Квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих», Постановлении Минтруда РФ от 21.08.1998 N 37 — действующая редакция от 12.02.2014)⁵, предусмотрены устаревшие, не соответствующие современным подходам наименования должностей (позиций): для руководителей указано «Начальник лаборатории (бюро) социологии труда»; для специалистов — «Социолог». Должность социолог относится к профессиональной квалификационной группе «Общепрофессиональные должности служащих третьего уровня» согласно Приказу Минздравсоцразвития РФ от 11.12.2008 N 718н «О внесении изменений в профессиональные квалификационные группы общепрофессиональных должностей руководителей, специалистов и служащих, утвержденные Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 29 мая 2008 N 247н» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 20.01.2009 N 13140)⁶.

⁴ Исследование проводилось в 2014 г. по заказу Ассоциации «Группа 7/89». Объект исследования представлен двумя сегментами профессионального сообщества: сотрудники исследовательских компаний и преподаватели профильных выпускающих кафедр по специальности «социология». Приглашения рассылались по электронной почте, помимо этого приглашение к участию в исследовании было размещено в социальной сети Facebook и на сайте Ассоциации «Группа 7/89». Также была сделана отдельная рассылка по базе ВУЗов, имеющих выпускающие кафедры по специальности «социология». В итоге в исследовании приняли участие 87 представителей профессионального сообщества. Метод отбора респондентов: «тихийный отбор» по базам данных. Результаты исследования были представлены на V Грушинской конференции. URL: http://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/conferences/conference2015/prof_standartyi/audio_i_stenogramma/ (дата обращения: 12.04.2018).

⁵ URL: <http://www.consultant.ru/popular/spravochnik-dolzhnostej/> (дата обращения: 12.04.2018).

⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84095/ (дата обращения: 14.04.2018).

Такое понимание профессии вполне оправдано и определяется ее историей в советский и постсоветский период. В 1960-1990-х гг. профессия «социолог» не только не была массовой, но относилась к группе экзотических номенклатурных видов трудовой деятельности и концентрировалась по преимуществу в академической среде (социологические лаборатории ВУЗов) или на крупных промышленных предприятиях (заводская социология). Социологами работали выпускники философских и экономических факультетов, а собственно тонкости социологической науки и исследовательской практики они постигали самостоятельно из немногочисленных западных монографий и научной периодики, привозимых с оказией в Россию. Единственная в стране профессиональная ассоциация (ССА) не занималась осмыслением функциональных рамок профессии, ограничившись принятием в марте 1987 г. этического кодекса (Профессиональный кодекс социолога). Российское общество социологов в 1991 г. подтвердило его значимость, убрав вводную идеологическую часть. Двигаясь в том же русле, в 2019 г. РОС вернулось к обсуждению этического кодекса социолога⁷.

В целом до конца 1990-х гг. профессиональное сообщество не предпринимало никаких попыток нормативного оформления функционала профессиональной деятельности социологов и критериев качества ее результатов. Вопросы качества исследовательской деятельности не выходили за рамки методологических дискуссий о критериях достоверности, валидности социологической информации. Самая плодотворная дискуссия развернулась в 1980-е гг. В ней приняли участие такие ведущие советские социологи, как В. И. Волович [Волович, 1974], В. И. Паниотто [Паниотто, 1986], Г. И. Саганенко [Саганенко, 1979], В. А. Ядов [Ядов, 1972], В. Э. Шляпентох [Шляпентох, 2006], и многие другие. Центральной методологической проблемой этой дискуссии был поиск критериев оценки качества результатов социологического исследования. Социологическое исследование рассматривалось как вид научно-познавательной деятельности, преимущественно в контексте количественной стратегии. Авторы стремились прийти к терминологическому консенсусу относительно того, что подразумевать под надежностью, достоверностью, валидностью, полезностью результатов социологического исследования. Социологи активно обсуждали проблемы стандартизации измерительных процедур и показателей как способов получения надежных, достоверных данных. Например, В. И. Паниотто в монографии «Качество социологической информации» [Паниотто, 1986] выделил три взаимосвязанных аспекта, применительно к которым следует рассматривать критерии качества:

- **Качество цели** — общественно-полезная значимость цели, теоретическая важность, уникальность и реалистичность (измеряемость) т. д.
- **Качество средств** — теория, методология, методы, техники измерения. Качество процесса исследования определялось через качество отбора единиц наблюдения (репрезентативность, или представительность, отсутствие случайных и систематических ошибок) и качество методики измерения и инструмента (правильность измерения).

⁷ URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=84 (дата обращения: 08.08.2019).

- **Качество результата** — результативность (соответствие цели), социальная и экономическая эффективность. Интегральной характеристикой качества социологической информации В. И. Паниотто предлагал считать ее надежность как результат обоснованности (валидности, репрезентативности, правильности и устойчивости (точности)) [Паниотто, 1986].

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. по мере стихийной институционализации отрасли прикладных социологических и маркетинговых исследований ситуация менялась. Основные изменения были связаны с функциональной специализацией, сегментацией внутри профессионального сообщества. За последние 25 лет значительно увеличился академический сектор, в основном за счет открытия новых департаментов и кафедр социологии в региональных российских ВУЗах. Если в начале 1990-х гг. в России было шесть выпускающих кафедр, то сегодня социологов готовят в 135 российских вузах⁸.

Соответственно, выросла потребность в воспроизводстве кадрового корпуса преподавателей социологических дисциплин. В 1990-е гг. на кафедрах работали в основном преподаватели, изначально специализировавшиеся на философии, истории и научном коммунизме, самостоятельно постигавшие социологические теории, методологию и исследовательские технологии, то сегодня их ряды пополняются преподавателями с высшим социологическим образованием и опытом исследовательской деятельности. Тем не менее образовательный стандарт отстает от реальной исследовательской практики, и теоретически образованные выпускники зачастую не могут применить полученные знания на практике без дополнительной переподготовки.

Вторым сложившимся сегментом в профессиональном сообществе стал динамично развивающийся сектор исследовательских компаний, специализирующихся на проведении социологических и маркетинговых исследований. Для отечественной социологии это фактически новая отрасль информационных услуг с развитой рыночной инфраструктурой.

По данным портала «СОЦИОЛОГОС» и базы исследовательских компаний «Циркон», в РФ работают более 600 исследовательских агентств⁹. По мере развития этого сегмента обозначились несколько важных тенденций.

Потребность в формировании корпоративной культуры, профессиональных норм и стандартов исследовательских практик, обслуживающих данный профессиональный сегмент. На первых порах эта потребность удовлетворялась, да и сегодня во многом удовлетворяется за счет профессиональных кодексов, стандартов европейских и американских социологических и маркетинговых ассоциаций, которые «принесли» на российский исследовательский рынок крупные исследовательские компании, открыв в России свои филиалы, дочерние предприятия. Российские исследовательские компании в 2000-е гг. активно вступали в ESOMAR, переводили для внутреннего пользования профессиональные кодексы AAPOR, CASRO, сертифицировались по ISO 20252 и т. д.

⁸ URL: https://moeobrazovanie.ru/search.php?operation=show_result§ion=vuz&ou_name=%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F®ion_id=777 (дата обращения: 24.07.2019).

⁹ URL: http://www.sociologos.ru/ispolniteli/_o_baze_dannyh_sociologicheskie (дата обращения: 17.07.2019).

Рост числа исследовательских компаний освоение специалистами новых исследовательских технологий и сегментов рынка информационных услуг, с одной стороны, и повышение методологической культуры заказчиков социологических и маркетинговых исследований — с другой, вывели проблему функционала профессии и качества продукции из методологического поля в нормативно-правовое.

Третий, менее многочисленный, но также активно развивающийся в отечественной экономике сегмент профессионального социологического сообщества — это специалисты отделов маркетинга предприятий, социологические службы в органах исполнительной власти. Они пришли на смену советским заводским социологам, освободившись от идеологического давления, но сохранив значительную часть функционала, связанного с информационным обеспечением кадровой политики, изучением актуальных социальных проблем предприятий и территории и т. д. Одновременно им пришлось осваивать новые грани исследовательского ремесла: изучение отраслевых рынков и потребительского поведения, электоральных исследований и изучения социально-политических ориентаций населения, инвестиционной привлекательности территорий и пр.

Отсутствие у работодателей в этом сегменте представлений о должностной структуре, квалификационных требованиях профессии «социолог-исследователь» и совершенно невнятная позиция по поводу профессиональных норм и стандартов в самом профессиональном сообществе и по сей день приводят к тому, что социологи часто занимаются несвойственной им деятельностью (специалисты по рекламе, курьеры, секретари, кадровики и т. д.), а эвристический потенциал профессии остается невостребованным.

Практически до последнего времени российские профессиональные ассоциации (РОС, ОИРОМ, Ассоциация региональных исследовательских компаний «Группа «7/89») не ставили задачу идентификации профессии «социолог», поскольку отрасль динамично развивалась, осваивала новые рыночные ниши, и потребность в уточнении предметного поля и функциональных рамок профессии не достигала критического уровня. С одной стороны, профессиональная деятельность социологов, особенно выходцев из философской и «научно-коммунистической» среды, воспринималась ими как некий глоток свободы, возможность неподцензурного творчества с неопределенным результатом и исключительно методологической рефлексией по поводу качества собственного труда. Любые регламенты отвергались ими как посягательство на свободу творчества и угроза со стороны чиновников введения сертификации, аудита и т. д. С другой стороны, наличие этических кодексов, профессиональных стандартов европейских и американских ассоциаций рассматривалось как вполне достаточная нормативная база многими представителями отечественного профессионального сообщества, особенно интегрированными в зарубежные ассоциации.

Сигналов от академического сектора также не поступало, поскольку единые образовательные стандарты, разрабатываемые УМО, жили своей жизнью, независимо от потребностей работодателей, коими в большинстве своем выступали исследовательские компании. В дополнение каждый университет в 1990-е гг. придумывал свои, зачастую экзотические образовательные программы, ориентированные не на потребности рынка, а на возможности ППС.

Однако необходимость разработки отечественного стандарта профессии «социолог» назревала по мере развития отрасли, прежде всего в сегменте исследовательских компаний. Появление конкурсных, тендерных механизмов взаимодействия заказчиков и исполнителей (ФЗ-44 и коммерческие тендеры) обострило потребность в разработке объективно измеряемых показателей успешности компаний и квалификации сотрудников, то есть в создании некой нормативной основы определения конкурентных преимуществ исполнителей проектов. Заказчики социологических исследований хотели иметь четкие ориентиры, позволяющие оценить уровень надежности результатов исследования, иметь представление о нормативном и организационном оформлении исследовательского проекта.

Сегодня вопрос создания профессионального стандарта социолога в России уже имеет историю, которая началась в 2009-2011 гг. В профессиональном сообществе осознание необходимости разработки стандартов проявилось в серии статей, круглых столов, меморандумов и форумов. Например, плюсы и минусы разработки стандартов обсуждались на III Всероссийском социологическом конгрессе в 2009 г. Вот одно из положений Меморандума: «Большинство социологов России серьезно озабочено состоянием дел в самом социологическом сообществе и перспективами его воспроизводства и развития в будущем. Речь в данном случае идет не о формальном единстве. В условиях мультипарадигмальности социологической науки такое единство недостижимо. Наличие различных площадок для обмена мнениями представителей разных научных подходов можно только приветствовать, а толерантность к другому мнению должна стать нормой развития социологической науки и всех социологических организаций России. Речь идет о формировании нормальной и полноценной конкурентной среды, в которой достижения каждого определялись бы, прежде всего, качеством его работы. Это ставит в центр повестки дня на ближайшее будущее исключительно болезненную проблему разработки стандартов качества социологических исследований и обучения по ним, прежде всего, для будущих социологов, а также качества подготовки и защиты диссертаций, публикуемых российскими социологами статей и монографий»¹⁰.

В 2009 г. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета при участии Исследовательской группы ЦИРКОН состоялся круглый стол по теме «Проблемы обеспечения качества и перспективы стандартизации в социологических исследованиях». Участники дискуссии констатировали назревшую необходимость разработки стандартов качества социологической информации как основания дальнейшего развития профессии. Была обозначена целесообразность стандартизации в условиях перехода к индустриальному, массовому производству социологической информации: «Задача стандартизации возникает тогда, когда некоторое действие становится массовым, тиражируется и воспроизводится. Уникальные процессы, в т. ч. и научные исследования, не требуют и не допускают стандартизации. Когда же исследовательская деятельность становится *индустриальной*, т. е. когда число однотипных измерений и число изме-

¹⁰ Меморандум III Всероссийского социологического конгресса 2009 г. URL: http://www.isras.ru/vsk_memo.html (дата обращения: 01.08.2019).

рителей, выполняющих эти однотипные измерения, вырастает в разы, возникает необходимость сопоставлять, сравнивать и классифицировать эту деятельность. Поэтому следует говорить о стандартах для *определенного класса* исследований, выводя за рамки этого разговора иные, например, академические исследования, для которых уникальность остается одним из основных критериев качества» [Соколов, 2010]. В целом этот круглый стол стал первым серьезным разговором в профессиональном сообществе о роли профессионального стандарта, о поле его применения, о направлениях разработки.

Следующим шагом в развитии темы стандартизации и переводе ее в практическую плоскость стала деятельность Ассоциации региональных исследовательских компаний «Группа 7/89», на съезде которой в 2010 г. был принят Уральский Меморандум «Обращение Ассоциации региональных социологических центров “Группа 7/89” к исследовательскому сообществу и органам власти»¹¹. Его появление было продиктовано нарастающим недовольством исследовательских компаний и представителей государственных и муниципальных заказчиков практикой размещения и выполнения государственных заказов на социологические исследования. Низкая квалификация представителей госзаказчика (особенно в регионах), отсутствие четких представлений об исследовательских технологиях и критериях оценки качества результатов, незнание ресурсных затрат стандартных исследовательских технологий, с одной стороны, и низкая квалификация значительной части исполнителей госзаказов (побеждающих в конкурсах за счет демпинга), рассчитывающих на закрытость результатов социологических исследований, их неподконтрольность внешней экспертизе со стороны профессионального сообщества — с другой, привели к снижению доверия к профессиональной компетентности социологов и к череде судебных разбирательств относительно правомерности действий исследователей.

В Меморандуме был актуализирован вопрос о необходимости разработки четких критериев качества реализации стандартных исследовательских процедур, о создании института и регламента независимой экспертизы качества результатов.

Одним из ключевых шагов по реализации Меморандума стало проведение в 2011 г. в Екатеринбурге Форума исследовательских компаний России и стран СНГ, посвященного вопросам «Управления качеством социологических и маркетинговых исследований»¹². Участники Форума пришли к заключению, что формирование правового поля вокруг исследовательской отрасли требует перевода дискуссии о качестве результатов социологического исследования из научно-методологического дискурса в нормативно-правовой. Это означало, что методологические требования к социологическому исследованию должны быть дополнены технологическими правилами профессиональной деятельности с четко прописанными процедурами, предъявляющими единые требования к порядку осуществления исследовательского процесса, к критериям оформления и оценке качества результатов, с технологическими и этическими нормами взаимодействия с заказчиками, подрядчиками и поставщиками услуг. Тем

¹¹ URL: <http://www.sociologos.ru/upload/File/standards/090703.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

¹² URL: http://www.sociologos.ru/novosti/otkrytyj_forum (дата обращения: 01.08.2019).

самым была заявлена необходимость разработки индустриального стандарта для профессии «социолог».

Следует признать, что перечисленные «знаковые» события не привели к началу официальной систематической работы над стандартом профессии, отчасти из-за незаинтересованности со стороны Минтруда РФ, отклонившего в 2011 г. заявку на создание ТК по разработке стандарта, отчасти из-за ожесточенной критики самой идеи со стороны части профессионального сообщества.

Однако вызовы как со стороны общества, так и внутри профессионального сообщества продолжали множиться. Череда судебных разбирательств 2013-2014 гг.¹³; многочисленные обвинения в ангажированности и фальсификациях данных при отсутствии общепринятых регламентов как проверки качества результатов исследований, так и норм корректной презентации данных; усиливавшееся давление на исследовательские компании со стороны заказчиков по поводу предъявления прозрачных и понятных нормативов оценки эффективности и качества работы специалистов по социологическим исследованиям и, наконец, изменения в российской законодательной базе¹⁴ привели к появлению в отрасли нескольких интересных трендов.

Своеобразным откликом на перечисленные вызовы стало появление в 2012 г. независимого социологического проекта «Открытое мнение». По инициативе нескольких ведущих социологов¹⁵ было создано сетевое сообщество с целью проведения коллаборативных исследований, в основу которых был положен принцип открытости всех этапов исследовательского процесса для профессионального сообщества и широкой общественности. Реализация совместных проектов силами исследовательских компаний из разных регионов способствовала формированию согласованных требований к оформлению дизайна исследования и методической стратегии, стандартизации функционала полевых работ и форматов презентации результатов исследований.

Другим интересным феноменом в последнее десятилетие стало «нормотворчество» исследовательских компаний, которые по мере роста численности сотрудников и опыта исследовательской деятельности активно разрабатывают собственные положения, стандарты, регламентирующие взаимодействие подразделений внутри компании и отношения с заказчиками, подрядчиками, информантами и т. д. Примечательно, что до последнего времени никто даже не пытался рассмотреть их в качестве объекта социологического исследования с целью идентификации профессии. Попытка собрать и проанализировать эти внутренние регламенты исследовательских компаний в 2014 г. дала интересные результаты. Так, на призыв прислать свои положения, должностные инструкции и пр. откликнулись 26 региональных исследовательских компаний, приславших больше 60 нормативных документов. Их анализ позволил определить наиболее значимые для компаний составляющие исследовательского процесса, нуждающиеся в регламентации (см. табл. 2).

¹³ URL: <http://www.docipedia.ru/document/5211896> (дата обращения: 01.08.2019).

¹⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 02.08.2019).

¹⁵ URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Proekt_Otkrytoe_mnenie (дата обращения: 15.07.2019).

Таблица 2. «Внутренние» документы, регламентирующие деятельность исследовательских компаний

Тип документа	Количество присланных документов от региональных компаний
Требования к отчетной документации (структура отчета, макет отчета, макет презентации, акт передачи отчетных документов, акт передачи массивов анкет, видео- и аудиозаписей)	17
Правила, инструкции для интервьюеров, занятых на массовых опросах, включая планшетные, CATI, поквартирные, специфические) (инструкции общего плана, не для отдельного проекта)	16
Должностные инструкции менеджера проекта (для полного цикла)	13
Требования к процедурам контроля качества полевых работ и к отчету о полевых работах	10
Должностные инструкции для менеджера по работе с клиентами (в некоторых относительно мелких компаниях это исполнительный директор, в крупных компаниях менеджер по продажам/клиент-менеджер)	7
Должностные инструкции полевого менеджера (супервайзера)	7
Требования к работе набивщиков, кодировщиков, осуществляющих первичную обработку информации	6
Должностные инструкции начальника отдела аналитики	4
Стандарты отдельных процедур (реализация выборки, организация холл-тестов)	2

Сложившаяся иерархия, по всей видимости, неслучайна. Стабильное качество результатов своей профессиональной деятельности исследовательские компании рассматривают как производную от эффективности и технологической точности полевых работ и продуманности отчетных документов, в том числе их соответствия отечественному законодательству. Полученные нами документы выполнены либо в контексте процессного подхода, то есть подробно регламентируют последовательность действий специалиста для достижения качественного результата, либо оформлены в виде описания функционала различных «социологических должностей».

Значительную роль в этом «нормотворчестве» сыграли и крупные игроки отечественного исследовательского рынка, такие как ИПСОС Комкон, ГФК, Кантар ТНС, и другие, придерживающиеся международных кодексов и инициировавшие «приобщение» региональных компаний к корпоративным стандартам профессиональной деятельности.

В конечном счете это «брожение» темы стандартов в российском исследовательском сообществе и разрозненные усилия исследовательских компаний по ее «материализации» стали поводом для формирования Ассоциацией региональных исследовательских компаний «Группа 7/89» в 2014 г. рабочей группы по разработке профессионального стандарта для отрасли социологических и маркетинговых исследований. В состав этой группы вошли руководители крупных региональных исследовательских компаний, многие из которых совмещают исследовательскую

деятельность с преподаванием в профильных департаментах, на факультетах социологии. Более того, в 2014 г. Ассоциация объединила свои усилия с единомышленниками из Центра развития социологического образования НИУ ВШЭ.

В 2014 г. было проведено экспертное исследование, цель которого состояла в изучении представлений профессионального сообщества о функциональных рамках и должностной структуре профессии «социолог-исследователь». Рабочая группа провела опрос руководителей, начальников отделов 87 исследовательских компаний по поводу профессиональных функций, выполняемых специалистами отрасли, и требований, которые предъявляют работодатели к своим сотрудникам. В исследовании приняли участие практики отрасли исследований из 37 городов, расположенных во всех федеральных округах РФ. Итоговая география исследования в целом представляла сложившуюся локализацию хозяйствующих субъектов отрасли. Большим числом участников были представлены столичные города (Москва и Санкт-Петербург) и города-миллионники с развитой инфраструктурой отрасли (Самара, Томск, Омск, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород).

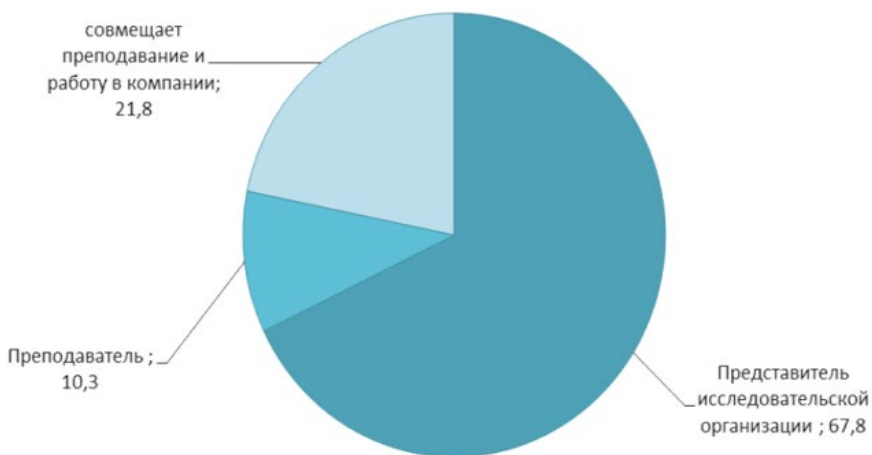

Рисунок 1. Структура экспертной аудитории исследования, % от общего числа участников

Результаты исследования позволили определить сложившуюся должностную структуру исследовательских компаний. Преобладающее число российских предприятий, специализирующихся на проведении социологических и маркетинговых исследований, имеют в своей организационной структуре полевые отделы. Исключение составляют компании, специализирующиеся на онлайн-исследованиях. В небольших компаниях с численностью пять — семь сотрудников, руководитель полевого отдела выполняет, как правило, и функции супервайзера.

Отдел аналитики присутствует в 50% компаний — участников исследования, в том числе в 70% московских компаний. В 7% компаний отдела аналитики как отдельного подразделения не существует, но штатный аналитик присутствует.

Примерно четверть (23 %) компаний имеют в своей структуре отделы CATI с соответствующей должностной структурой.

Рисунок 2. Должностная структура российских исследовательских компаний, % должностей в компаниях — участницах исследования

Структура и объем функций, отмечаемые экспертами (особенно практиками) для каждой должности профессии «социолог», отражает фактическое состояние отрасли. Функционал каждой должности определяется экспертами в основном согласованно.

В то же время исследование высветило ряд существенных проблем отрасли. В частности, эксперты в определении компетенций аналитиков явно недооценивают функции, касающиеся взаимодействия с полевыми отделами и интервьюерами. Этот факт отражает известную проблему отстраненности аналитиков от «живого общения» с полевыми.

Результаты экспертного исследования свидетельствуют о весьма поверхностном отношении профессионального сообщества к функциям, связанным с подготовкой (обучением, переподготовкой) персонала. Ни для одной должности компетенции, касающиеся обучения, формирования мотивации, повышения качества работы персонала, не получили большого числа выборов экспертов. Особенно

очевидно отсутствие обязанностей, связанных с подготовкой интервьюеров (обучение, коммуникации и т. д.), от которых напрямую зависит качество результатов любого исследования.

Представления экспертов о необходимом уровне базового профессионального образования для работы социологом-исследователем отражают практику воспроизводства кадров, сложившуюся в отрасли. Так, многие эксперты упоминали о наличии вертикальных лифтов для карьерного роста особо способных интервьюеров, которые, имея богатый практический опыт работы в поле без социологического образования, продвигаются по служебной лестнице на должности супервайзеров, руководителей отделов. Руководители исследовательских компаний отмечали, что для работы рядовым специалистом полевых отделов не требуется даже уровня бакалавра социологии. Фактически, по мнению большинства экспертов, наличие базового социологического образования необходимо для должностных позиций аналитика, руководителя аналитического отдела и преподавателя. Для остальных должностей (полевики) приемлемо любое среднее или высшее профессиональное образование, с обязательным опытом практической работы в социологической отрасли.

Интересна позиция участников исследования относительно должности интервьюера. Многие эксперты сетовали на непродуманный функционал и вынужденно заниженные требования к образованию интервьюеров — основных коммуникативных посредников между исследователем и респондентом. Такая ситуация, по мнению экспертов, обусловлена постоянным дефицитом этой категории работников и их быстрым «выгоранием». Тем более удивительно, что в функционале сотрудников полевых и аналитических отделов обучение интервьюеров отмечалось лишь небольшим числом экспертов.

В отечественной и зарубежной методической литературе тема труда интервьюера на концептуальном методологическом уровне представлена достаточно масштабно. Особенности поведения интервьюера в разных форматах опросов, типичные ошибки, допускаемые интервьюерами, анализ видов преднамеренных и непреднамеренных фальсификаций со стороны интервьюеров и пр. — это далеко неполный список направлений научной полемики, посвященной роли и функциям интервьюера в социологическом исследовании. Если в зарубежных профессиональных стандартах требования к работе интервьюеров в основном представлены в детальном описании разных исследовательских технологий и этических кодексах¹⁶, в отечественной социологии эти вопросы остаются прерогативой методических изысканий, академических изданий, методических пособий по прикладной социологии [Мягков, 2003, 2018; Стацевич, 1993; Рогозин, Ипатова, 2015].

Отрадно, что по мере развития отечественной опросной индустрии описание функций интервьюера в конкретных исследовательских проектах находит свое воплощение в инструкциях для организаторов и исполнителей полевых работ, и в большинстве исследовательских компаний эти документы стали обязатель-

¹⁶ ГОСТ Р ИСО 20252-2014 Исследование рынка, общественного мнения и социальных проблем. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200110455> (дата обращения: 06.08.2019); AAPOR Best Practices for Survey Research URL: <https://www.aapor.org/Standards-Ethics/Best-Practices.aspx#best7> (дата обращения: 06.08.2019); How to Answer Respondent Questions About Research A Training Tool for Interviewers Produced by MRA URL: <https://www.insightsassociation.org/issues-policies/best-practice/how-answer-respondent-questions-about-research> (дата обращения: 06.08.2019).

ными, так же как контроль качества полевых работ¹⁷. В последние годы были заявлены интересные попытки институализировать труд интервьюера и даже разработать профессиональный кодекс полевого интервьюера, но пока эти практики не выходят за рамки методических изысканий и пособий¹⁸.

В силу целого ряда причин (усиливающегося дефицита, высочайшей текучести интервьюерских кадров, их хронически внештатного трудоустройства, отсутствия требований к профессиональному социологическому образованию и, что тоже важно, очень динамичного изменения самих опросных технологий) вопрос о легитимации должности интервьюера вряд ли будет решен. Сегодня в отрасли социологических исследований интервьюер по-прежнему не имеет статуса самостоятельной профессии и является некоторым «инструментальным приложением» к профессиональной деятельности социолога.

Полученные результаты экспертного исследования и оценка ситуации в отрасли послужили исходной информационной базой в работе над стандартом профессии.

Таким образом, проведенное исследование, анализ собранных нормативных документов российских исследовательских компаний, изучение профессиональных кодексов американских, европейских и отечественных профессиональных ассоциаций и компаний позволили осуществить выбор оптимального формата профессионального стандарта и уточнить сегмент в рамках профессии «социолог», наиболее остро нуждающийся в нормативном оформлении функциональной структуры и квалификаций профессиональной деятельности.

Далее события развивались стремительно, даже драматично. Начиная с 2016 г. Грушинская конференция стала своеобразным «полем битвы» за профстандарт, вовлекая в число сторонников все новых лидеров профессионального сообщества: ГФК, TNS, OMI, ВЦИОМ, ФОМ, «Аналитик», ИСПИ РАН, ИС РАН, департамент социологии Финансового университета и др. Развитие тема получила в докладах круглого стола VI Грушинской конференции, организованного совместно Ассоциацией «Группа 7/89», НИУ ВШЭ и ВЦИОМ¹⁹.

Инициатива Ассоциации «Группа 7/89» вызвала ответное стремление сообщества активно участвовать в разработке документа, что привело к расширению рабочей группы за счет представителей крупных работодателей (ВЦИОМ, РГГУ, НИУ ВШЭ). Во время VI Грушинской конференции прошли первые публичные слушания проекта стандарта, и вскоре он был зарегистрирован на сайте Минтруда для всеобщего обсуждения.

Десятки конференций, несколько социологических конгрессов в России и за рубежом — это далеко неполный список площадок, программа которых включала тему профстандарта за последние годы (см. например, [Артамонова, 2016; Kozhanov et al., 2016; Bershadskaya et al., 2016; Bershadskaya, 2018]). Постепенно на смену опасениям потери творческого духа профессии в случае ее «бюрокра-

¹⁷ См. руководство для супервайзеров на портале «Социологос». URL: http://www.sociologos.ru/metody_i_tehnologii/Sbor_dannyh_i_organizaciya_polevyh_rabot/Rukovodstvo_dlya_supervajzerov_rukovoditelej_polevyh_rabot_CHast_i (дата обращения: 09.08.2019).

¹⁸ См. Программные документы и материалы Форумов полевых интервьюеров <http://fieldinter.ru/fpi3> (дата обращения: 09.08.2019); <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14119> (дата обращения: 01.08.2019).

¹⁹ URL: <https://wciom.ru/?id=612> (дата обращения: 01.08.2019).

тического регулирования», уверенности в том, что национальный профстандарт не нужен, так как западные коллеги уже все «изобрели», и достаточно равнения на ESOMAR и WAPOR, пришло осознание необходимости нормативного оформления профессии «социолог» в отечественной системе профквалификаций.

Обсуждение проекта стандарта привело к долгожданной консолидации «академиков» и «практиков». Преподаватели университетов, наконец, получили вполне четкие ориентиры для подготовки специалистов, востребованных рынком, для разработки образовательных стандартов и программ, согласованных с работодателем.

Для агентов коммерческого сектора социологических и маркетинговых исследований — исследователей и заказчиков — важно, что профстандарт позволит привести профессиональные нормы и требования в деятельности специалистов по социологическим и маркетинговым исследованиям в соответствие с мировым стандартам и российским законодательством; создаст, наконец, наглядную для всех игроков рынка основу для понимания профессиональных квалификаций социолога; будет стимулировать соблюдению профессиональных стандартов качества на каждом этапе реализации исследовательского проекта.

Дополнительным стимулом для активизации стало осознание риска «опоздать на поезд»: Гильдия маркетологов и несколько маркетинговых агентств оказались более расторопными и оперативно разработали и зарегистрировали свой профстандарт «Маркетолог», в который включили профессиональные функции, связанные с проведением маркетинговых исследований²⁰. Концептуальное и методологическое понимание исследования как жанра для двух разных профессий получило нормативную интерпретацию в транскрипции профессии маркетолога. Этот и другие аналогичные сюжеты²¹ отчетливо продемонстрировали риск упустить возможность отстоять функциональные рамки профессии социолога и вынудить профессиональное сообщество руководствоваться профстандартами «смежников».

Поддержка крупных профессиональных ассоциаций (ОИРОМ и Группа «7/89») и обретение официального куратора в лице СПК финансовых рынков²² позволили перевести работу на новый качественный уровень, определить наиболее актуальное направление стандартизации профессии. Стандарт получил свое окончательное название: «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным исследованиям»²³. Основные цели стандарта разработчики видят в создании объективной основы для формирования программ высшего социологического образования; для профессионального обучения, подбора, развития и эффективного использования персонала исследовательских компаний; для оценки профессиональных квалификаций социологов и в итоге — повышения престижа профессии, конкурентоспособности отечественных социологов.

²⁰ URL: <https://classinform.ru/profstandarty/08.035-marketolog.html> (дата обращения: 15.07.2019).

²¹ Профессиональный стандарт: Научный работник (научная (научно-исследовательская) деятельность). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56626475/> (дата обращения: 15.07.2019).

²² URL: <https://nok-nark.ru/spk/detail/002> (дата обращения: 15.07.2019).

²³ Познакомиться с актуальной версией профессионального стандарта «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным исследованиям» можно по ссылке: URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/obshcheindustrialnye_proekty/profstandart/ (дата обращения: 09.08. 2019).

Список литературы (References)

Артамонова М. В. Профессиональный стандарт социолога как форма институционализации видов профессиональной деятельности социологов и риски университетов // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : ВЦИОМ. 2016. С. 1005—1011. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi_grusha_tezisy3.pdf (дата обращения: 13.04.2019).

Artamonova M. V. (2016) The professional standard of a sociologist as a form of institutionalization of the types of professional activity of sociologists and the risks of universities. In: Materials of the VI international sociological Grushin conference “Life of research after research: how to make the results understandable and useful”, March 16–17, 2016 / ed. by A. V. Kuleshova. M.: VCIOM. P. 1005-1011. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi_grusha_tezisy3.pdf (accessed: 13.04.2019) (In Russ.)

Буланова М. Б., Медведева Д. М. Социологическое образование в региональных вузах России // Социс: Социологические исследования. 2011. № 10. С. 133—138. Bulanova M. B., Medvedeva D. M. (2011) Sociological education in regional universities of Russia. *Sociological Studies*. No. 10. P. 133-138. (In Russ.)

Волович В. И. Надежность информации в социологическом исследовании. Киев : Наукова думка. 1974. 134 с.

Volovich V. I. (1974) Reliability of information in sociological research. Kiev: Naukova dumka. 134 p. (In Russ.)

Мягков А. Ю., Проскурина Д. А., Егорова О. А. Эффект интервьюера в телефонном интервью: опыт экспериментальной верификации гипотез // Социокультурные проблемы истории и современного развития российской провинции : Межвузовский сборник научных трудов. Иваново : Ивановский гос. университет. 2003. С. 92—107. (In Russ.)

Myagkov A. Yu., Proskurina D. A., Egorova O. A. (2003) The effect of the interviewer in a telephone interview: the experience of experimental verification of hypotheses. In: Sociocultural problems of history and modern development of the Russian province: Interuniversity collection of scientific papers. Ivanovo: Ivanovo State University. P. 92–107. (In Russ.)

Мягков А. Ю. Правда и ложь в социологических опросах: методы измерения и контроля: учебное пособие. М. : ФЛИНТА : Наука. 2018. С. 115—125.

Myagkov A. Yu. (2018) True and false in sociological surveys: measurement and control methods: a training manual. Moscow: FLINT, Nauka. P. 115–125. (In Russ.)

Паниотто В. И. Качество социологической информации (методы, оценки и процедуры обеспечения). Киев : «Наукова думка». 1986. 206 с.

Paniotto V. I. (1986) The quality of sociological information (methods, assessments and support procedures). Kiev: Naukova Dumka. 206 p. (In Russ.)

Рогозин Д. М., Ипатова А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М. : Радуга, 2015. 124 с.

Rogozin D. M., Ipatova A. A. (2015) How reasonable is our faith in the results of paper-based apartment surveys? Moscow: Raduga. 124 p. (In Russ.)

Саганенко Г. И. Социологическая информация: статистическая оценка надежности исходных данных социологического исследования / под ред. В. А. Ядова. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. 1979. 142 с.

Saganenko G. I. (1979) Social information: assessment of the reliability of the initial data of social research / Ed. by Yadov V. A. Leningrad: Nauka — Leningrad branch. 142 p. (In Russ.)

Соколов М. М. От дискуссии о качестве к стандартизации исследований: обзор работы круглого стола на факультете социологии СПбГУ // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 139—145.

Sokolov M. M. (2010) Here and there: Can the state of Russian theoretical sociology be explained by institutional factors? *Sociological journal*. N 1. P. 139–145. (In Russ.)

Стацевич Т. Л. Особенности работы интервьюеров при телефонных опросах // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 83—88.

Statsevich T. L. (1993) Features of the work of interviewers in telephone surveys. *Sociological studies*. No. 7. P. 83–88. (In Russ.)

Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М. : Центр социального прогнозирования. 2006.

Shlyapentokh V. E. (2006) Problems of the quality of sociological information: reliability, representativeness, prognostic potential. Moscow: Center for Social Forecasting. (In Russ.)

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М. : Наука. 1972.

Yadov V. A. (1972) Sociological research: methodology, program, methods. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Bershadsкая M., Chepurenko A., Serova A., Zima E. (2018) Indicators of Achieving the Competencies of Graduates and the Quality of Mass Higher Education. In: XIX ISA World Congress of Sociology. P. 129. URL: <https://isaconf.confex.com/isaconf/wc2018/webprogram/Paper89970.html> (accessed: 10.04.2019).

Kozhanov A. A., Bershadsкая M., Artamonova M., Rybakova O., Sedova N., Vorobyova I., Tsapko M. (2016) Professional Standard as the Basis for the Interaction of Education and Labor Market. Third ISA Forum of Sociology Conference Program. P. 77–152.

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОЛОГИИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.16

Правильная ссылка на статью:

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 323—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.

For citation:

Ermolaeva P.O., Ermolaeva Y.V. (2019) Critical analysis of foreign theories of environmental behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 323—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.

П. О. Ермолаева, Ю. В. Ермолаева КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

CRITICAL ANALYSIS OF FOREIGN THEORIES OF ENVIRONMENTAL BEHAVIOR

ЕРМОЛАЕВА Полина Олеговна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45-ВП», Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: polina.ermolaeva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-7522-9537>

*Polina O. ERMOLAEVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Research Fellow, Virtual Research Laboratory 'RNF-17-45-VP'

E-MAIL: polina.ermolaeva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-7522-9537>

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

*ЕРМОЛАЕВА Юлия Вячеславовна — младший научный сотрудник виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45-ВП», Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: mistelfrayard@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7421-2044>*

*Yulia V. ERMOLAEVA^{1,2} — Junior Research Fellow, Virtual Research Laboratory ‘RNF-17-45-VP’; Research Fellow
E-MAIL: mistelfrayard@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7421-2044>*

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. На основе метаанализа более 100 статей авторы предприняли попытку критического анализа, сравнения и систематизации основных подходов и теорий, объясняющих изменения в экологическом поведении субъектов, которые слабо представлены в российской социально-экологической литературе. Для объяснения мотивов экологического поведения субъектов рассматриваются: теория активации нормы, теория запланированного действия, теория «ценности — убеждения — нормы», теория самовосприятия, подход «установки — поведение — контекст». Авторы пришли к выводу, что данные теории базируются на анализе схожих компонентов: установок, ценностей и поведения субъектов. Большинство этих теорий фокусируются на какой-то одной независимой переменной, через которую объясняются сложные процессы экологического поведения субъекта. Теория активации нормы объясняет, как на основе первичных экологических знаний и ценностей формируется норма, а далее — трансформируется в проэкологические практики. В отличие от нее, теория запланированного действия анализирует общественные формы контроля и взаимоотношения индивидов и социальных институтов в процессе формирования практик. Обе

Abstract. Based on a meta-analysis of more than 100 articles the authors attempt to compare and systematize the basic approaches and theories of environmental behavior which are poorly presented in Russian social-ecological literature. Norm activation theory, theory of planned behavior, “value-belief-norm” theory, self-perception theory, “attitude-behavior-context” approach are applied to explain the motivation for pro-ecological behavior. The authors conclude that all these theories have similar components: attitudes, values, behaviors. Most of them are focused on a dependable variable which explains complex ecological behavior. Norm activation theory explains how, based on initial environmental knowledge, the norm is formed and further transformed into pro-ecological behaviors. In contrast, theory of planned behavior analyzes social norms and relationships between individuals and social institutions. Both models show how society perceives the subjects’ behaviors which eventually will be important in forming the practices. “Value-belief-norm” theory is focused on subject’s values and beliefs which launch different ecological activities such as ecological activism, environmentalism in private sphere, pro-ecological behavior at the organizational level. Self-perception theory

теории показывают, как общество оценивает действия субъектов, что впоследствии становится решающим фактором при формировании экопрактик. Теория «Ценности — убеждения — нормы» направлена на анализ установок и норм субъекта, в зависимости от которых формируются разные модели экологической деятельности: экологический активизм, инвайронментализм в частной сфере, проэкологическое поведение на организационном уровне. Теория самовосприятия фокусируется на опыте участия субъекта в экологических практиках. Теория «установки — поведение — контекст» позволяет ученым строить многомерные модели по оценке уровня сформированности экологических практик субъектов на основе анализа множества переменных: инфраструктурных, институциональных, социально-экономических, демографических, ситуационных. В отличие от более ранних теорий, данный подход удачно интегрирует контекстуальные факторы в анализ разнообразной палитры экологических действий, объясняет причины, по которым субъекты с высоким уровнем экологических ценностей и установок имеют низкий уровень экологических практик.

Ключевые слова: экологическое поведение, экологическое действие, теория активации норм, модель «ценности — убеждения — нормы», теория запланированного поведения, теория самовосприятия, теория «установки — поведение — контекст»

Благодарность. Статья написана при поддержке гранта Президента РФ № МК-3338.2019.6 на тему «Построение качественной модели по оценке освоения россиянами новых форм цифрового городского участия в решении социально-экологических проблем и конфликтов».

highlights subject's experience in environmental practices. "Attitude-behavior-context" theory allows researchers to build multidimensional models based on ecological practices using a number of variables (infrastructure, institutional, socio-economic, demographic, situational variables). Unlike earlier theories, this approach is successful in integrating contextual factors into the analysis of various ecological actions; it explains the reasons why individuals with high level of ecological values and settings have low level of pro-ecological practices.

Keywords: environmental behavior, ecological action, norm activation theory, value-belief-norm model, theory of planned behavior, self-perception theory, attitude-behavior-context theory

Acknowledgments. The article is supported by the grant of the President of the RF no. MK-3338.2019.6 entitled "Designing a qualitative model assessing new forms of Russians' urban digital participation in solving social-ecological problems and conflicts".

Введение

В социальных науках экологическое поведение рассматривается учеными как сознательный процесс, направленный на объекты, процессы или явления внешней среды (природной и социальной), с которыми взаимодействует индивид [Ермолаева, 2011]. В данной интерпретации экологическое поведение близко по смыслу к понятию «экологическая деятельность». Главное свойство экологической деятельности — ориентированность на достижение цели. Наличие цели отличает экологическую деятельность от более общего понятия — экологического вмешательства, то есть такой формы взаимодействия человека с внешней средой, при которой само включение человека в экологическую систему вне зависимости от его цели и задач приводит к изменению этой системы.

В российской традиции часто экологическое поведение понимают как внешнее отражение экологической деятельности. В западной социально-экологической традиции понятие «экологическое поведение» в содержательном плане симметрично отечественному понятию «экологическая деятельность». Поэтому, анализируя работы западных ученых, мы будем употреблять термин «экологическое поведение», понимая под ним более широкую категорию (наравне с отечественным понятием «экологическая деятельность»).

В зависимости от направленности данной деятельности мы будем различать разные формы экологического поведения — проэкологическое поведение (совокупность практик, поступков, направленных на охрану окружающей среды), либо антиэкологическое поведение (совокупность практик, поступков, направленных на хищение природных ресурсов, нерациональное природопользование).

Зарубежные исследователи выделили два подхода к концептуализации экологического поведения. С точки зрения первого подхода экологическое поведение определяется через воздействие на окружающую среду: «степень изменения ею возможностей материалов или энергии или изменения структуры и динамики экосистем и биосферы в целом» [Stern, 1999: 462]. Такие социальные инициативы, как очистка леса и уборка домашнего мусора, непосредственно вызывают экологическое изменение, в то время как цены на мировых товарных рынках, национальная экологическая или налоговая политика оказывают значительное экологическое воздействие опосредованно.

В исторической перспективе воздействие субъекта на среду обитания было связано с удовлетворением его потребностей в безопасности, передвижении, власти, статусе, престиже и т. д. [Jansen-Osmann, 2007]. Только относительно недавно такое воздействие получило другое значение — как действие, которое совершается с целью изменения среды обитания [Kyttä, 2002]. Данное «прочтение» экологического поведения исходит из его ориентации на экологическое намерение как самостоятельную причину действия и подчеркивает вероятность того, что экологическое намерение может и не реализоваться в экологическом поведении [Dunlap, 2002]. Именно на противопоставлении «сознание — действие» построено множество теорий, объясняющих причины расхождения между экологическими установками и практиками.

Исследования, проведенные до 1980-х годов, обнаружили статистически значимую корреляцию между экологическими убеждениями и поведением [Luuben,

Cummings, 1982; McKenzie-Mohr, 2009]. В начале 1990-х годов ученые выдвинули гипотезу, что мотивация, лежащая в основе экологического поведения, имеет более сложную структуру, включающую социокультурные факторы [Roberts, 1996]. Во многих исследованиях использовался контекстуальный подход, учитывающий как ситуативные, так и нормативные переменные [Garling, Loukopoulos, 2007: 314]. Рассматриваются два типа факторов: система ценностей объектов и их социально-демографические особенности. К примеру, ученые выяснили, что более высокий уровень образования и благосостояния подразумевает более высокий уровень потребления, но и более осознанный подход к изменению экологических привычек [Samdahl, Robertson, 1989; Baldassare, Katz, 1992].

В 1990-е годы вопрос об экологическом поведении встал на авансцену политических программ в Европе, поскольку существовавшие модели потребления ресурсов и последующее образование отходов создавали все более сложные экологические, политические и социальные риски. Связи между экологическим поведением субъектов и их социально-демографических характеристик были исследованы на основе простых моделей экологического поведения [Derksen, Gartrell, 1993; Gould, Schnaiberg, Weinberg, 1996; Lutzenhiser, Hackett, 1993; Consciousness..., 1993; Sawitria et al., 2015].

Другая группа ученых [Barr, Gilg, Ford, 2001; Guagnano, Stern, Dietz, 1995; Martin et al.: 341] анализировала связи между экологическими намерениями и практиками, подчеркивая, что к одному и тому же действию могут приводит совершенно разные намерения¹. Например, принципиально разными будут намерения в случае увеличения потребления экологически чистых продуктов питания и в случае смены среды обитания при наличии рядом с местом постоянного проживания возгораемой свалки.

Эвристические возможности теорий экологического поведения, во-первых, позволяют исследователям эмпирически измерять композицию и вес факторов, влияющих на формирование экологических практик субъектов в разных социокультурных контекстах; во-вторых, объяснять и квантифицировать различия между экологическими установками и практиками субъектов, диагностируемые в подавляющем большинстве отечественных и зарубежных социально-экологических исследований [Corraliza, Berenguer, 2000; Ермолаева, 2011; Yanitsky, Usacheva, 2017; Рыбакова, Гоманова, 2014]; в-третьих, моделировать и прогнозировать векторы развития экологических практик субъектов на основе построения многомерных моделей: результаты исследований, полученные на основе данных теорий подтвердили свою высокую надежность и валидность [Environmental knowing..., 2010; Hansla et al., 2008; Kollmuss, Agyeman, 2002; Nordlund, Garvill, 2002, 2003; Vlek, Steg, 2007].

Кроме этого, у данных теорий есть прикладная задача — понимание объективных и субъективных факторов, определяющих экологические практики населения, которое может быть использовано органами местного самоуправления и профессиональными экологами при формировании эффективной экологи-

¹ IPCC. Summary for Policymakers. In: Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge, United Kingdom and New York, NY, USA, 2013. P. 23.

ческой политики и экологического оздоровления территорий, а также применяться в образовательных программах [Figge et al., 2002; Garling, Loukopoulos, 2007; Kyta, 2002; Macnaghten, 2003; Mayer, McPherson, 2004; Steg, Dreijerink, Abrahamse, 2005].

Анализ отечественной литературы показал, что российские исследователи скромно используют богатое наследие зарубежных трудов в области применения социально-психологических подходов для объяснения мотивов и установок, стоящих за экологическим поведением субъектов [Ermolaeva, 2017; Yanitsky, Usacheva, 2017]; практически нет переводных трудов по теме.

В связи с этим целью нашего исследования стали критический анализ, сравнение и систематизация основных подходов и теорий, объясняющих изменения в экологическом поведении субъектов на основе анализа зарубежной литературы. Особое внимание уделено оценке эвристических возможностей каждой теории для исследования особенностей формирования экологического поведения.

В исследовании применяется анализ современных научных статей из преимущественно англоязычных реферируемых журналов, отобранных по следующим ключевым словам: «environmental behavior», «environmental behavior theories», «sociological and psychological theories of environmental behavior» и т. д. Всего в анализ попало более 100 статей в период с 1970 г. по настоящее время. Метаанализ был проведен в январе 2018 г.

Результаты

В 1970-х годах на Западе началась активная полемика относительно понимания того, как формируется экологическое поведение в контексте расширения влияния концепции устойчивого развития. Появившиеся в то время объяснительные концепции (теория активации нормы, теория запланированного поведения [Schwartz, 1977], теория самовосприятия [Prati et al., 2015; Sawitri et al., 2014: 176; Cornelissen, 2006; Vem, 1972]) сегодня выступают фундаментом для исследований проэкологического поведения субъектов. В 1999 г. появилась концепция «ценности — убеждения — нормы» [Stern, 1999], направленная на переосмысление ранее существовавших подходов, а позже возник подход «установки — поведение — контекст». Ниже предлагаем рассмотреть каждый подход подробно.

Теория активации нормы (norm activation theory) [Schwartz, 1977]. Эта психологическая теория объясняет процесс конструирования норм поведения, а также описывает взаимоотношения, возникающие между субъектом и обществом в процессе формирования норм (см. рис. 1). Она направлена на объяснение того, как норма формируется из первичных экологических знаний и ценностей, а далее — трансформируется в проэкологические практики.

Считается, что экологическая установка трансформируется в экологическое поведение тогда, когда выполняются следующие условия: присутствует чувство обеспокоенности экологической проблемой (*awareness of the environmental problem*), чувство личной причастности к ее возникновению (*awareness of behavioral relevance*) и осознание своих возможностей изменить ситуацию (*awareness of abilities*) [Schwartz, 1977]. Компонент «активация нормы» объясняет формиро-

вание установки. Он состоит из степени осознания субъектом экологической проблемы и способностей повлиять на ситуацию.

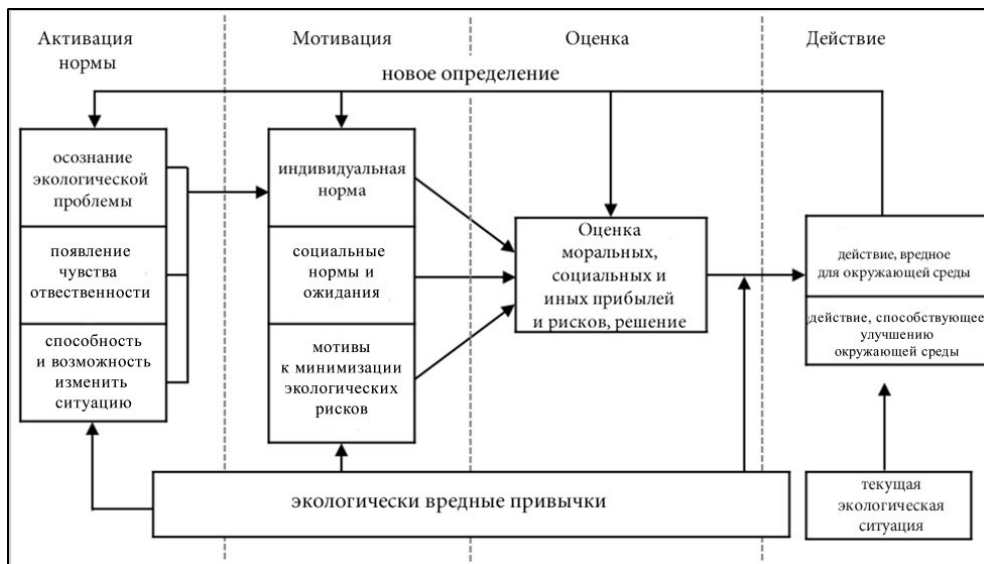

Рисунок 1. Теория активации нормы (norm activation theory) [Schwartz, 1977]

Согласно данной теории, моральные убеждения и нормы субъекта связаны с его потребностями, которые имеют разные уровни значимости. Например, это могут быть потребности в личной безопасности, сохранении определенного уровня комфорта, стремлении обезопасить себя от экологических рисков. Мотивация совершать определенные социально-экологические действия складывается из сопоставления личных норм и убеждений с социальными нормами и ожиданиями. Индивидуальные потребности, нормы и убеждения соотносятся с социальными ценностями, которые мотивируют субъекта на внешние действия, заставляя его совершать нечто в интересах других. В частности, сюда относятся действия в защиту окружающей среды. Данная идея автора соответствует тому, что мы привыкли называть альтруистическим началом: «альтруистическая мотивация относится к намерениям или целям; это выражение личностных внутренних ценностей, но без учета влияния комплекса социальных или материальных факторов» [Schwartz, 1977].

Нормы влияют на поведение субъекта через ожидаемые общественные санкции или вознаграждения. Они относятся к уровню самооценки, вызывающей гордость или чувство вины за свои действия у субъекта. Автор резюмирует, что активация нормы — это процесс восприятия субъектом неблагоприятных последствий собственного поведения, и как следствие — изменение своего поведения исходя из норм референтных для субъекта групп [Schwartz, 1977].

В данном процессе важно, чтобы индивид приписывал ответственность за действия себе. Эта процедура приписывания себе ответственности [Bamberg, Möser,

2007: 23] включает внутреннюю ценностную мотивацию как предпосылку к активации моральной нормы. Как про-, так и антиэкологические привычки проходят одинаковый процесс формирования разных норм.

Примеры приложения данной теории в научной литературе можно встретить в объяснении практик раздельного сбора отходов [Attari et al., 2010: 236], формирования энергосберегающих привычек, экономии воды, использования общественного транспорта вместо личного автомобиля [Stern, 2000; Tarrant, Cordell, 1997; Thaler, Sunstein, 2008; Liere, Kent, Dunlap, 1978; Liou, Bauer, 2007;].

Рассмотрим пример, иллюстрирующий объяснительные возможности данной теории. Для создания модели устойчивого транспорта в Китае за счет сокращения количества личного транспорта в пользу общественного с альтернативными видами топлива была сформулирована гипотеза в соответствии с теорией активации нормы.

H1: Сокращение использования автомобильного транспорта возможно при удовлетворении общественных взаимовыгодных интересов (сокращение количества загрязнений воздуха, уменьшении доли опасных заболеваний и т. д.) и личного интереса (экономии средств и времени у граждан).

Согласно теории активации нормы, поведение субъектов определяется силой влияния субъективной нормы. Для того чтобы понять, как можно изменить данную норму, необходимо рассмотреть рациональные предпосылки «затрат и выгод» поведения. Изучив статистику используемого транспорта и проведя социологический опрос, Ч. Влек выделил несколько направлений для изменений личного поведения и социальных условий. Автор изучал как отношение к возможным гипотетическим действиям, так и недавно введенные новые законы (ограничения на использование личного транспорта, новые транспортные налоги). Согласно полученным данным, главным фактором к проэкологическим изменениям поведения у жителей оказалось повышение осведомленности об экологической ситуации в городах Китая, что соответствует тезису теории о личной причастности индивида к формированию экологической проблемы и возможностей ее изменить своим поведением. Изменению экологического поведения препятствуют налоги и ограничения на использование транспорта, так как жители стремятся обойти законы и ограничения, покупая дополнительный транспорт или используя машины родственников.

Всего Ч. Влек предложил несколько пакетных решений по сокращению автомобильного транспорта: 1) изменение транспортной инфраструктуры путем предоставления альтернативных видов транспорта, 2) изменение законов, 3) применение экономических стимулов — налогов на топливо, импорт автомобилей, на покупку, на регистрацию, прямых дорожных сборов, сборов за парковку, 4) систематическое предоставление населению информации об экологической ситуации и загрязнении воздуха, 5) формирование экологической транспортной инфраструктуры.

В приведенных примерах начальный «набор установок» (*set of attitudes*) одинаков — как правило, это субъект с низкой степенью эко-ответственности. Экологические привычки изменяются из-за негативных санкций со стороны референтных для данного субъекта групп, однако на практике, как правило, именно

положительные экостимулы играют более значительную роль [Schwartz, 1973; 1977; 1994].

Теория «ценности — убеждения — нормы» (value — belief — norm theory) [Stern, 2000; Stern et al., 1999; Blades, 2006] (см. рис. 2). Теория «ценности — убеждения — нормы» направлена на анализ существующих установок с набором норм. Исходя из внутреннего набора ценностей и норм, измеряется расхождение в индивидуальных и коллективных нормах экологического поведения субъектов.

П. Стерн разделяет ценности на биосферические (biospheric), альтруистические (altruistic) и эгоистические (egoistic).

Эгоистические экологические ценности основаны на убеждении о вреде экологических рисков для здоровья субъектов природопользования. В соответствии с данной логикой субъекты совершают экологически-ориентированные действия для удовлетворения индивидуальных потребностей. Альтруистические ценности — это ценности, согласно которым субъект включается в экологически-ориентированные действия с целью обеспечения здоровой окружающей среды для других субъектов и будущих поколений.

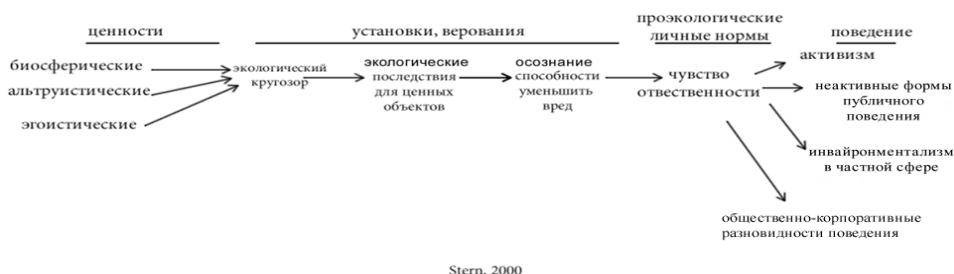

Рисунок 2. Теория «ценности — убеждения — нормы» (value — belief — norm theory) [Stern, 2000]

Биосферические ценности отражают веру индивида в абсолютную ценность природы. Природа признается изначально самоценной, имеющей право на существование вне необходимости удовлетворения потребностей субъектов. Набор биосферических, альтруистических и эгоистических ценностей формирует личные установки, или убеждения субъекта. В комплекс установок, по П. Стерну, входят *экологический кругозор (ecological worldview)*, *неблагоприятные последствия ценных для индивида объектов (adverse consequences for valued objects)*, *осознаваемая способность уменьшить вред (perceived ability to reduce threat)*.

В зависимости от этого формируется комплекс «проэкологических» личных норм, на основе которого складываются четыре модели поведения:

1) экологический активизм (activism) (например, членство в экологической организации, организация экологического протеста и т. д.);

2) неактивные поведенческие практики в общественной сфере (non activist public sphere behaviours) проявляются как в более пассивных формах участия (например, написание экологических петиций, присоединение к экологическим организациям), так и в поддержке существующей экологической политики (го-

товность платить более высокие налоги для обеспечения экологической безопасности); однако данные практики воздействуют на окружающую среду только косвенно — через влияние на социальную политику;

3) инвайронментализм в частной сфере (private sphere behaviours) (например, покупка «органических» продуктов питания, сортировка домашних отходов и т. д.) отличается от проэкологического поведения в общественной сфере тем, что оказывает воздействие на окружающую среду непосредственно. Однако это релевантно только в случае коллективного действия;

4) проэкологическое поведение на организационном уровне (behaviours in organization): субъекты могут оказать воздействие на окружающую среду через организационные поведенческие практики. Например, инженеры могут производить проэкологические продукты, девелоперы или банкиры могут учитывать экологический критерий в своих решениях и т. д.

Согласно П. Стерну, каждая переменная в цепочке (рис. 2) напрямую влияет на другую переменную. К примеру, основным мотивом активистского поведения выступают поддерживаемые субъектом ценности здоровой окружающей среды, вера в то, что неблагоприятные экологические последствия могут быть опасны для здоровья человека, соответственно, на этой основе у субъекта формируется чувство долга по отношению к проэкологическим поведенческим практикам.

Приложение данной теории рассмотрим на примере практики раздельного сбора и утилизации отходов [Stern, 2000]. В основе данного поведения могут быть положены разные ценности: биосферические (ценность окружающей среды самой по себе), альтруистические (желание сохранить чистоту окружающей среды не только для себя, но и для потомков, для общества, значимой группы), эгоистические (ценность сохранения чистой окружающей среды для себя). Данные ценности формируют экологический кругозор.

Предполагается, что если у субъекта доминируют биосферические ценности, то он обладает достаточными знаниями о загрязнении среды отходами и влиянии человека на эту проблему. Субъект сортирует мусор, поскольку у него есть чувство долга действовать в защиту окружающей среды, он представляет последствия загрязнения значимых для него объектов и знает, что практика раздельного сбора снижает нагрузку на окружающую среду. Если у него доминируют эгоистические ценности, то основным мотивом сортировки отходов является удовлетворение личных потребностей в чистой экологии для своего здоровья.

Степень влияния биосферических, альтруистических и эгоистических установок в конечном счете помогает сформировать несколько типов ресурсосберегающего поведения в отношении практики раздельного сбора отходов. Так, согласно данной теории, экологический активизм обусловлен сильным перевесом биосферических и альтруистических ценностей и установок. Также П. Стерн предполагает возможное разделение на практики домохозяйства или личные практики (наличие многоразовых упаковок, контейнеров, ресурсосберегающие материалы, перерабатываемые материалы, использование компостеров и пр.), и профессиональные практики (технологические и организационные решения, экономические инструменты и изобретения, которые продвигают раздельный сбор).

Осознание того, что личный вклад в экологизацию среды посредством отдельного сбора или участия в субботниках окажет эффективное положительное влияние на окружающую среду, налагает дополнительную ответственность на субъекта, повышает его экологическую мотивацию, которая формирует его внутренние экологические установки. Причем чем больше положительный результат поощряется обществом, тем лучше закрепляется выбранная (эко-ориентированная) модель поведения [Thaler, Sunstein, 2008: 116; Marx, 2010: 67; Widegren, 1998; Vastag, Kerekes, Rondinelli, 1996; Vining, Ebreo, 2002].

Теория запланированного поведения (theory of planned behavior) [Ajzen, 1991: 180]. Согласно данной теории, знание об экологической проблеме, установки, ценности и общественный контроль определяют поведенческие намерения индивида [Fishbein, Ajzen, 1975] (см. рис. 3).

На поведение субъекта воздействуют следующие факторы: 1) поведенческое намерение (behavioral beliefs) — убеждения о вероятных последствиях поведения, 2) поведенческие установки (normative beliefs) — убеждения о том, что существуют общественные нормы и ожидания других, 3) общественный контроль (control beliefs) — убеждения индивида о присутствии внешних и внутренних факторов, которые могут содействовать или воспрепятствовать осуществлению поведения.

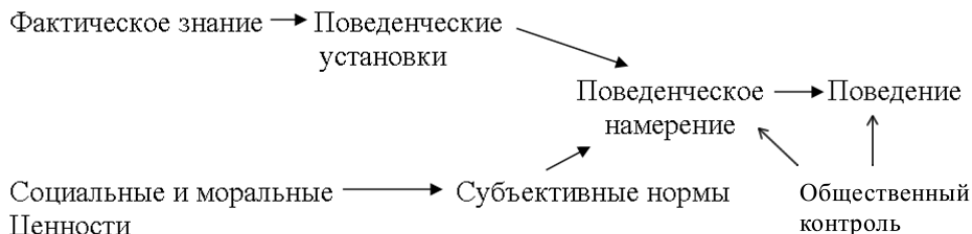

Рисунок 3. Теория запланированного поведения (theory of planned behavior) [Ajzen, 1991]

В сочетании с пониманием последствий поведения субъективная норма и воспринимаемый поведенческий контроль приводят к формированию намерения, которое трансформируется в поведение. Как правило, чем положительнее отношение общества к заданному поведению и субъективной норме субъекта, тем сильнее должно быть намерение человека реализовать определенное поведение.

Экологическое поведение является результатом преднамеренного действия (*intentional action*), независимо от мотивов таких действий [Eisenberg, Fabes, 1990: 130; Eisenberg, Miller, 1987: 111]. По мнению П. Стерна [Stern, 2000], основное внимание уделяется намерению действовать, а не коллективным ожиданиям [Walton, 2014]. Экологически-ориентированная деятельность пропагандируется как позитивное поведение. Однако даже если у человека есть такое намерение, контроль может быть затруднен, к примеру, такими факторами, как убеждение в том, что поведение человека не окажет никакого влияния [Koger, Winter, 2010; Stern, 2005; Kirasic, Allen, Siegel, 1984].

В исследованиях был сделан вывод, что если у субъекта есть желание сортировать отходы, но отсутствует доступная инфраструктура раздельного сбора, то, согласно теории запланированного поведения, воспринимаемый контроль со стороны общества низкий, а самоограничения индивида высоки, поэтому ожидаемое проэкологическое действие может не произойти. Эвристические возможности данной теории в этих ситуациях помогают объяснить противоречия между экологическими установками и низким уровнем проэкологического поведения [Baldassare, Katz, 1992: 605]².

Проиллюстрируем данную теорию в действии. Одна из исследуемых П. Стерном проблематик — «устойчивое потребление», то есть потребительское поведение, включающее в себя покупку таких услуг и сопутствующих товаров, которые обеспечивают основные потребности индивида, повышают качество жизни при минимальном расходе природных ресурсов, токсичных материалов, при минимальном выбросе отходов и загрязняющих веществ в течение жизненного цикла услуги или продукта [Ramus, Montiel, 2005].

Теория запланированного поведения предсказывает намерение (intention) покупки, используя четыре фактора: отношение потребителя к продуктам, начальная норма поведения, воспринимаемая эффективность экологического поведения потребителем и контроль поведения обществом.

А. Айзен сформулировал несколько гипотез: нормы оказывают положительное влияние на намерение покупки экологически устойчивых продуктов, субъективные нормы отражают социальное давление посредством поощрения к определенному поведению.

На основе данной теории было проведено исследование в Индии [Vamberg, 2003]. Авторы пришли к выводу, что эффективность «зеленых» товаров в сравнении с обычными товарами была наиболее важным фактором, регулирующим потребительское поведение. Отношение потребителей к определенному продукту, его престижность и этическая ценность также являются важными факторами. Индийское общество коллективистское, а следовательно, имеет высокий уровень контролирующих установок на поведение индивида, который более чувствителен к мнению группы, что подтвердилось в ходе исследования. Растущая осведомленность среди потребителей о проблемах окружающей среды и дефицитных ресурсах начала отражаться в структуре потребительской корзины в пользу «зеленых» продуктов и услуг.

По мнению С. Бамберга, устойчивое развитие быстро становится ключевым фактором при принятии решения о покупке. Потребители теперь заботятся об окружающей среде и ищут бренды, способные улучшить их собственную жизнь, создавая более устойчивую экономику, которая может принести пользу всем. Интерес к устойчивым продуктам растет за счет экологических и социальных выгод, потребители готовы платить больше за «зеленые» продукты и поощрять других покупать у более ответственных компаний в том случае, если продукты оправдывают ожидания потребителей. Экологически ориентированные потре-

² См. также: Australian Psychological Association (2010) Psychology and climate change: A position statement prepared for the Australian Psychological Society. URL: <https://www.psychology.org.au/getmedia/9c23e87d-15fb-448c-aa53-b65f1a967e8d/Position-statement-climate-change.pdf> (accessed: 15.08.2019).

бители рекламируют своим выбором продукт и оказывают влияние на другие потребительские группы.

Таким образом, теория запланированного поведения является прогностической моделью для объяснения мотивов поведения человека. Из-за простоты в использовании данная модель имела большой успех у ученых: применялась и пересматривалась в широком спектре различных исследований [Bamberg, 2003: 30]. Помимо экологической сферы данную теорию активно применяют для объяснения мотивов и практик субъектов в области здравоохранения и питания. К примеру, на основе данной теории исследователи определяют факторы ожирения у американцев из Китая [Liou, Bauer, 2007; Heft, 2001, 2007; Heft, Chawla, 2006; Axelrod, Lehman, 1993]. Намерение предотвратить лишний вес было ключевой конструкцией в процессе исследования, однако контроль со стороны общества способен многократно усиливать намерение и помочь сформировать новый, более здоровый тип потребления.

Теория самовосприятия (self-perception theory). Еще одной заслуживающей исследовательского внимания теорией в области объяснения мотивов экологического поведения является теория самовосприятия [Prati et al., 2015: 180; Sawitri et al, 2014: 28; Cornelissen, 2006; Bem, 1972]. Согласно данной теории, субъекты конструируют свои экологические установки исходя из прошлого опыта участия в экологических практиках. В ситуациях, когда экологические установки отсутствуют либо слабо артикулированы, субъекты формируют экологические установки исходя из опыта участия в экологических практиках в прошлом. Для оценки степени экологизации своих действий субъекты обращаются к принципу эвристической доступности (availability heuristic): субъекты оценивают частоту включения в экологические практики по скорости вспоминания о них. Таким образом они оценивают сформированность своих экологических установок на основании доступности вспоминания о проэкологических действиях. Уровень экологизации установок субъекта напрямую зависит от объема предыдущих проэкологических практик и той скорости, с которой они смогут извлечь их из своего сознания. Однако трудность заключается в том, что субъекты могут не ассоциировать свои поведенческие практики с проэкологическим поведением. Это может быть связано с тем, что субъекты не рассматривают данные практики как проэкологические, поскольку они являются для них повседневными (например, выключение за собой света, электричества, сортировка отходов и т. д.). Субъекты могут не рассматривать деятельность в качестве экологической и по множеству других причин: экономических (выключение света и сохранение энергии может быть осуществлено в целях экономии), социокультурных (например, сортировка мусора может выступать социальной нормой в обществе). Следовательно, для того чтобы данные повседневные поведенческие практики перешли в феноменологическое поле экологических практик субъекта, необходимо осуществить переход из «что-то, что я обычно делаю» в «что-то, что я обычно делаю в области экологии». Данный переход возможен при условии повышения общего уровня экологического знания субъекта, экологической культуры [Rivera, de Leon, 2004; Huang, 2003; Russo, Fouts, 1997; Phillips, 2010; Gatersleben, 2007; Consciousness..., 1993].

В подходе самовосприятия существует и обратная проблема: совершив однократно проэкологическое действие, субъекты могут приобрести уверенность в сформированности своих проэкологических установок. В то время как люди с действительно высоким уровнем экологического сознания могут рассматривать данные практики в качестве повседневных. Другими словами, два разных субъекта могут быть включены в одну и ту же проэкологическую деятельность, но восприятие этой деятельности у них будет разным. Данный пример обнажает одну из самых сложных проблем, с которой сталкиваются социальные исследователи: несмотря на достоверный инструментарий и надежные измерения, истинные установки респондента очень сложно измерить [Schultz et al., 2007].

Теория «установки — поведение — контекст» (attitudes — behavior — context theory) [Stern, 1999]. В 1990-е годы возник методологический сдвиг в сторону применения многофакторных моделей объяснения экологического поведения. Большое распространение получила теория «установки — поведение — контекст» П. Стерна [Stern, 1999]. Автор понимает поведение как интерактивный продукт личностной системы ценностей и корпуса контекстуальных факторов. Соответственно, экологическое поведение представляет собой продукт взаимодействия личностных установок и контекстуальных факторов [Ермолаева, 2012].

Личностный уровень состоит из индивидуальных ценностей, установок, убеждений о множестве социальных явлений и процессов, включая окружающую среду. Поведенческий уровень включает в себя различные модели экологического поведения субъектов. Контекстуальный уровень предполагает изучение социальных, психологических, материальных и многих других переменных. Например, предписанные и достигаемые социальные различия (культурный/социальный капитал, образование, навыки, социальный статус и т. д.), институциональные нормы и регуляции (социальные программы, правовые и налоговые регуляции и т. д.), общественные ожидания, социальная поддержка, институциональные факторы и т. д. [Eisenberg, Fabes, 1990; Russo, Fouts, 1997].

Отношение индивидов к объектам восприятия формируется под воздействием внешних факторов (например, влияние значимых других), которые в итоге определяют поведенческие установки личности. Например, среди причин, по которым люди ездят на общественном транспорте, могут быть не только проэкологические соображения, но и отсутствие финансов, автомобиля и парковочной стоянки, страх вождения и т. д. Поэтому, несмотря на то что субъекты экологического поведения могут обладать развитыми экологическими установками, они могут не вести себя экологическим образом в силу самых разных независящих от них причин: инфраструктурных или институциональных ограничений.

Таким образом, согласно П. Стерну, существует четыре вида независимых факторов, влияющих на экологическую деятельность: 1) внутренние факторы, относящиеся к области экологического сознания: убеждения, ценности, нормы и т. д.; 2) внешние (контекстуальные) факторы, включающие институциональные нормы, правительственные регуляции и т. д.; 3) индивидуальные возможности, включающие знания и навыки, необходимые для совершения определенных действий (например, навыки организационного лидера и т. д.), наличие времени для

совершения действий и таких ресурсов, как финансы, социальный статус и власть; 4) привычка/рутина [Stern, 1999].

Характер взаимодействия данных факторов подробно рассмотрен на примере бытовой экономии электроэнергии [Gardner, Stern, 1996] (см. табл. 1).

**Таблица 1. Факторная модель экологической деятельности
(на примере бытовой экономии электроэнергии) [Gardner, Stern, 1996]**

	Уровни	Типы переменных	Примеры
Внешние факторы	7 высокий	Профиль домохозяйства	Доход, образование, размер домохозяйства
	6	Внешние факторы	Цены на электроэнергию, статус владельца домохозяйства, доступная технология, наличие внешних препятствий, создающих барьеры в бытовой экономии электроэнергии
Внутренние факторы	5	Мировоззрение и ценности	Приверженность НЭП, наличие биоцентрических/ постматериальных ценностей
	4	Установки и убеждения	Озабоченность общей ситуацией в области нехватки электроэнергии; убежденность домохозяйства в значимости личного вклада в экономию электроэнергии
	3	Знание	Наличие знаний о том, что основной потребитель электроэнергии — водонагреватель, обогреватель
	2	Внимательное отношение к проблеме на поведенческом уровне	«Мне необходимо помнить об установке уплотнителя швов на трубах перед отопительным сезоном»
	1 низкий	Проэкологическое поведение	Уменьшение использования обогревателей/ водонагревателей/ кондиционеров, использование электросберегающих лампочек, выключение за собой света

По мнению ученых, любая переменная более высокого уровня способна оказывать влияние на переменные более низкого уровня [Grimmer et al., 2015]. Внутренние факторы (уровни 1-5) захватывают личностные и межличностные уровни анализа. Внешние факторы вовлекают множество контекстуальных факторов, не зависящих от индивидуальных предпочтений, установок и убеждений. Поведение, подверженное влиянию данных факторов, может быть обусловлено влиянием разных причин. Например, существенная доля проэкологических практик совершается под влиянием привычки (например, привычка выключать свет и т.д.).

Чем сильнее влияние внешних факторов, тем слабее влияние внутренних факторов на экологическое поведение и наоборот. Исследования демонстрируют, что поведение, требующее времени, усилий или финансовых затрат, снижает влияние личностных факторов (например, убеждений и установок). Так, на электораль-

ное поведение высокое влияние оказывают внутренние факторы, в то время как, например, организация экологического протеста требует затрат ресурсов и во многом зависит от внешних факторов.

Согласно подходу коллективной рациональности (*collective rationality approach*), до тех пор, пока проэкологическое поведение будет включать затраты ресурсов, рациональным выбором субъекта будет не придерживаться такого рода поведения [Bratt, 1999; Gould et al., 1996, Scherbaum et al., 2008, Garling, Schuitema 2007; Etzion, 2007; Gatersleben, 2007; Devlin, 2001; De Groot, Steg, 2007; 2008].

Выводы и обсуждение

В данной статье авторы предприняли попытку критического анализа, сравнения и систематизации основных подходов и теорий, объясняющих «тонкую» структуру экологического поведения субъектов на основе анализа зарубежной литературы. Для объяснения мотивов экологического поведения субъектов рассматриваются: теория активации нормы, теория запланированного действия, теория «ценности — убеждения — нормы», теория самовосприятия, подход «установки — поведение — контекст».

Данные теории и подходы располагают широкими эвристическими возможностями для объяснения установок и мотивов экологического поведения субъектов действия, однако практически не представлены в отечественной социально-экологической литературе. Авторы данной статьи сделали попытку восполнения данного пробела.

Рассмотренные теории базируются на анализе схожих компонентов: установок, ценностей и поведения субъектов. Однако в большинстве этих теорий в фокусе внимания находится какая-то одна независимая переменная, через которую происходит объяснение сложных процессов экологического поведения субъекта.

Теория активации нормы объясняет, как на основе первичных экологических знаний и ценностей формируется норма, а далее — трансформируется в проэкологические практики. В отличие от нее теория запланированного действия анализирует общественные формы контроля и взаимоотношения индивидов и социальных институтов в процессе формирования практик. Обе теории показывают, как общество оценивает действия субъектов, что впоследствии становится решающим фактором при формировании экопрактик.

Теория «ценности — убеждения — нормы» направлена на анализ установок и норм субъекта, в зависимости от которых формируются разные модели экологической деятельности: экологический активизм, инвайронментализм в частной сфере, проэкологическое поведение на организационном уровне.

Теория самовосприятия фокусируется на опыте участия субъекта в экологических практиках.

Все рассмотренные теории и подходы базируются на анализе схожей цепочки переменных, однако в процессе проведения исследований данные модели усложнялись и дополнялись новыми переменными. К примеру, теория «установки — поведение — контекст» позволяет ученым строить многомерные модели по оценке уровня сформированности экологических практик субъектов на основе анализа множества переменных: инфраструктурных, институциональных, социаль-

но-экономических, демографических, ситуационных. В отличие от более ранних теорий, данный подход удачно интегрирует контекстуальные факторы в анализ разнообразной палитры экологических действий, объясняет причины, по которым субъекты с высоким уровнем экологических ценностей и установок имеют низкий уровень экологических практик.

Большинство исследований основываются на каком-то одном теоретическом фундаменте, однако есть также работы [Widegren, 1998; Van Raaij, 2002], комбинирующие разные теоретические подходы для объяснения множественности факторов экологического поведения субъектов [Schoot Uiterkamp, Vlek, 2007; Nordlund, Garvill, 2003; Verplanken et al., 1998]. Недостатком большинства эмпирических исследований является их недостаточное объяснение сильных и слабых сторон применения теорий [Nicolaidis, 2006; Morrone et al., 2001; Manoli et al., 2007].

В целом анализ показал, что нет какой-либо одной универсальной теории, которая бы наиболее полно и объективно объяснила экологические мотивы и поведение субъекта; скорее для комплексного объяснения необходима комбинация разных теорий и подходов, а также знание их эвристических возможностей и ограничений. Возможности теории активации норм позволяют объяснить формирование экологических норм субъектов и их трансформацию в экологические практики на основе анализа ценностей и их соотнесение с ценностями референтных для субъектов групп. Теория запланированного действия лучше всего подходит для объяснения экологического поведения субъекта на основе анализа его экологических установок и намерений. Возможности теории «ценности — убеждения — нормы» можно использовать при группировке субъектов на основе различных видов экологических ценностей и практик. Теория самовосприятия может быть применена для объяснения степени сформированности экологической деятельности субъектов на основе опытов его включенности в экологические практики в прошлом; в тех случаях, когда у исследователей нет возможности измерить текущие установки, ценности и нормы субъектов. Эвристические возможности теории «установки — поведение — контекст» позволяют ученым строить многомерные модели по оценке уровня сформированности экологических практик субъектов на основе анализа множества переменных: инфраструктурных, институциональных, социально-экономических, демографических, ситуационных.

Список литературы (References)

Ермолаева П. О. Особенности формирования экологической культуры российских и американских студентов (кросс-культурный проект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2011. 285 с.

Ermolaeva P. O. (2011) Features of the formation of the ecological culture of Russian and American students (cross-cultural project). The dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Kazan: University of Kazan. 285 p.

Ермолаева П. О. Экологический образ жизни российского и американского студенчества // Вестник Института социологии. 2011. Т. 2. № 2. С. 236—253.

Ermolaeva P.O. (2011) Ecological way of life of Russian and American students: features of manifestation and problems of formation. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 2. No. 2. P. 236—253.

Рыбакова М. В., Гоманова С. О. Основные факторы социализации детей в условиях экопоселений России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2014. № 1. С. 135—143.

Rybakova M. V., Gomanova S. O. (2014) Basic factors affecting children Socialization in Russian ecovillages. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 135—143.

Ajzen I. (1991) The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. P. 179—211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-t](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-t).

Attari S. Z., DeKay M. L., Davidson C. I., Bruine de Bruin W. (2010) Public perceptions of energy consumption and savings. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 236 p. <https://doi.org/10.1073/pnas.1001509107>.

Axelrod J., Lehman D. R. (1993) Responding to Environmental Concern: What factors guide individual action? *Environment and Behavior*. No. 13. P. 149—159. [https://doi.org/10.1016/s0272-4944\(05\)80147-1](https://doi.org/10.1016/s0272-4944(05)80147-1).

Baldassare M., Katz C. (1992) The personal threat of environmental problems as predictor of environmental practices. *Environment and Behavior*. Vol. 24. No. 5. P. 602—616. <https://doi.org/10.1177/0013916592245002>.

Bamberg S. (2003) How does environmental concern influence specific environmentally related behaviors? A new answer to an old question. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 23. No. 1. P. 21—32. [https://doi.org/10.1016/s0272-4944\(02\)00078-6](https://doi.org/10.1016/s0272-4944(02)00078-6).

Bamberg S., Möser G. (2007) Twenty years after Hines, Hungerford and Tomera: a new meta-analysis of psycho-social determinants of pro-environmental behaviour. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 27. No. 1. P. 14—25. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2006.12.002>.

Barr S., Gilg A. W., Ford N. J. (2001) Differences between household waste reduction, reuse and recycling behavior: a study of reported behaviours, intentions and explanatory variables. *Journal of Environmental and Waste Management*. Vol. 4. No. 2. P. 69—82.

Bem D. J. (1972) Self-Perception Theory. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 6. No. 4. P. 1—62.

Blades C., Spencer N. (2006) Children and their environments. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Bratt C. (1999) Additions to the lichen flora of San Clemente Island, California. *Bulletin of the California Lichen Society*. Vol. 6. No. 2. P. 19—21.

Consciousness, coordination, and conflict: The political economy of environmental problems. (1993) *Advances in Human Ecology*, Greenwich. CT: JAI Press. Vol. 3. P. 23—64.

- Cornelissen G. (2006) Cueing common ecological behaviors to increase environmental attitudes. *Lecture Notes in Computer Science*. 120 p.
- Corraliza J. A., Berenguer J. (2000) Environmental values, beliefs and actions. *Environment and Behavior*. Vol. 32. No. 6. P. 832—848. <https://doi.org/10.1177/00139160021972829>.
- De Groot J. I. M., Steg, L. (2007) Value orientations and environmental beliefs in five countries: validity of an instrument to measure egoistic, altruistic and biospheric value orientations. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 318—332. <https://doi.org/10.1177/0022022107300278>.
- De Groot J., Steg L. (2008) Value orientations to explain beliefs related to environmental significant behavior: how to measure egoistic, altruistic, and biospheric value orientations. *Environment and Behavior*. Vol. 40. No. 3. P. 330—354. <https://doi.org/10.1177/0013916506297831>.
- Derksen L., Gartrell J. (1993) The social context of recycling. *American Sociological Review*. Vol. 58. No. 3. P. 434—442. <https://doi.org/10.2307/2095910>.
- Devlin A. S. (2001) *Mind and maze: Spatial cognition and environmental behavior*. Westport, CT: Praeger.
- Dunlap R. E., Jones R. E. (2002) Environmental concern: Conceptual and measurement issues. In: *Handbook of Environmental Sociology*. P. 482—524. Westport, ST: Greenwood Press.
- Eisenberg N., Fabes R. A. (1990) Empathy: Conceptualization, measurement, and relation to prosocial behavior. *Motivation and Emotion*. Vol. 14. No. 2. P. 131—149. <https://doi.org/10.1007/bf00991640>.
- Eisenberg N., Miller P. A. (1987) The relation of empathy to prosocial and related behaviors. *Psychological Bulletin*. Vol. 101. No. 1. P. 91—119. <https://doi.org/10.1037//0033-2909.101.1.91>.
- Ermolaeva P. O. (2017) In the labyrinths of the «sustainable city» concepts: the meta-analysis of contemporary studies. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. December 2017 Special Edition. P. 1288—1293.
- Environmental knowing: Theories, research, and methods. (2010) Cambridge: Cambridge university press. P. 58—66.
- Etzion D. (2007) Research on organizations and the natural environment, 1992-present: A review. *Journal of Management*. Vol. 33. No. 4. P. 637—664.
- Figge F., Hahn T., Schaltegger S., Wagner M. (2002) The sustainability balanced scorecard—linking sustainability management to business strategy. *Business Strategy and the Environment*. Vol. 11. No. 2. P. 269—284. <https://doi.org/10.1002/bse.339>.
- Fishbein M., Ajzen I. (1975) *Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Garling T., Loukopoulos P. (2007) Effectiveness, public acceptance, and political feasibility of coercive measures for reducing car traffic. In: T. Garling, L. Steg (Eds.). Threats to the quality of urban life from car traffic: Problems, causes, and solutions. Amsterdam: Elsevier. P. 313—324. <https://doi.org/10.1108/9780080481449-017>.

Garling T., Schuitema G. (2007) Travel demand management targeting reduced private car use: effectiveness, public acceptability and political feasibility. *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 1. P. 139—153. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2007.00500.x>.

Gardner G. T., Stern P. (1996) *Environmental Problems and Human Behavior*. Needham Heights: Allyn and Bacon Press.

Gatersleben B. (2007) Affective and symbolic aspects of car use. In: T. Garling, L. Steg (Eds.), Threats to the quality of urban life from car traffic: Problems, causes, and solutions. Amsterdam: Elsevier. P. 219—233. <https://doi.org/10.1108/9780080481449-012>.

Gould K. A., Schnaiberg A., Weinberg A. S. (1996) *Local Environmental Struggles: Citizen Activism in the Treadmill of Production*. New York and Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511752759>.

Grimmer M., Kilburn A. P., Miles M. P. (2015) The effect of purchase situation on realized pro-environmental consumer behavior. *Journal of Business Research*. Vol. 69. No. 5. P. 1582—1586. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.10.021>.

Guagnano G. A., Stern P. C., Dietz T. (1995) Influences on attitude-behavior relationships: A natural experiment with curbside recycling. *Environment and Behavior*. Vol. 27. No. 5. P. 699—718. <https://doi.org/10.1177/0013916595275005>.

Hansla A., Gamble A., Juliusson A., Gärling T. (2008) The relationships between awareness of consequences, environmental concern, and value orientations. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 28. No. 1. P. 1—9. <http://www.doi.org/10.1016/j.jenvp.2007.08.004>.

Heft H. (2001) *Ecological psychology in context: James Gibson, Roger Barker, and the legacy of William James's radical empiricism*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Heft H., Chawla L. (2006) *Children as agents in sustainable development: Conditions for competence*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.4324/9781410600479>.

Heft H. (2007) The social constitution of perceiver- environment reciprocity. *Ecological Psychology*. Vol. 19. No. 2. P. 85—105.

Jansen-Osmann P., Schmid J., Heil M. (2007) Wayfinding behavior and spatial knowledge of adults and children in a virtual environment: The role of the environmental structure. *Swiss Journal of Psychology*. Vol. 66. No. 1. P. 41—50. <http://www.doi.org/10.1024/1421-0185.66.1.41>.

Huang H. (2003) Comparative Study of Canadian and Taiwanese grade 5 Children's environmental behaviors, attitudes, concerns, emotional disposition, and knowledge.

International Journal of Science and Mathematics Education. Vol 1. No. 4. P. 419—448. <https://doi.org/10.1007/s10763-005-1098-6>.

Kirasic K. C., Allen G. L., Siegel A. W. (1984) Expression of configurational knowledge of large-scale environments: Students' performance of cognitive tasks. *Environment and Behavior*. Vol. 16. No. 6. P. 687—712. <http://www.doi.org/10.1177/0013916584166002>.

Koger S., Winter D. N. (2010) *The Psychology of Environmental Problems*. New York: Psychology Press.

Kollmuss A., Agyeman J. (2002) Mind the gap: why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research*. Vol. 8. No. 3. P. 239—260 <http://www.doi.org/10.1080/13504620220145401>.

Kytta M. (2002) Affordances of children's environments in the context of cities, small towns, suburbs, and rural villages in Finland and Belarus. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 22. No. 1 P. 109—123. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0249>.

Liere V., Kent D., Dunlap R. E. (1978) Moral norms and environmental behavior: An application of Schwartz's norm activation model to yard burning. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 8. No. 25. P. 174—188. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1978.tb00775.x>.

Liou D., Bauer K. D. (2007) Exploratory investigation of obesity risk and prevention in Chinese Americans. *Journal of Nutrition Education and Behavior*. Vol. 39. No. 3. P. 134—141. <https://doi.org/10.1016/j.jneb.2006.07.007>.

Lutzenhiser L., Hackett B. (1993) Social stratification and environmental degradation: Understanding household CO2 production. *Social Problems*. Vol. 40. No. 1. P. 50—69. <https://doi.org/10.1525/sp.1993.40.1.03x0072t>.

Luyben P., Cummings S. (1982) Motivating beverage container recycling on a college campus. *Journal of Environmental Systems*. Vol. 11. No. 4. P. 235—245. <https://doi.org/10.2190/h6cn-x6f7-ckm5-f1ma>

Macnaghten P. (2003) Embodying the environment in everyday life practices. *The Sociological Review*. Vol. 51. No. 1. P. 63—84. <http://www.doi.org/10.1111/1467-954X.00408>.

Martin B., Bright A., Cafaro P., Mittlestaedt R., Bruyere B. (2009) Assessing the development of environmental virtue in 7th and 8th graders in an Expeditionary Learning Outward Bound School. *Journal of Experiential Education*. Vol. 31. No. 3. P. 341—358. <http://www.doi.org/10.5193/JEE.31.3.341>.

Mayer F., McPherson Frantz C. (2004) The connectedness to nature scale: A measure of individuals' feeling in community with nature. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 24. No. 4 P. 503—515. <http://www.doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.10.001>.

Manoli C., Johnson B., Dunlap R. (2007) Assessing children's views of the environment: Modifying the New Ecological Paradigm Scale for use with children. *The Journal of*

Environmental Education. Vol. 38. No. 4. P. 3—13. <http://www.doi.org/10.3200/JOEE.38.4.3-13>.

Marx S. (2010) Behavioral Decision Theory, Cognitive and Social Psychology: Lessons learned from Centre for Research on Environmental Decisions. Climate, Mind, and Behavior Symposium. Garrison Institute. New York.

McKenzie-Mohr D. (2009) Fostering Sustainable Behavior. Presented at: Behavior, Energy, and Climate Change Conference. Washington D. C.

Morrone, M., Mancl K., Carr K. (2001) Development of a metric to test group differences in ecological knowledge as one component of environmental literacy. *The Journal of Environmental Education*. Vol. 32. No. 4. P. 33—42. <http://www.doi.org/10.1080/00958960109598661>.

Nicolaides A. (2006) The implementation of environmental management towards sustainable universities and education for sustainable development as an ethical imperative. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. Vol. 7.No. 4. P. 414—424. <http://www.doi.org/10.1108/14676370610702217>.

Nordlund A. M., Garvill J. (2002) Value structures behind pro-environmental behavior. *Environment and Behavior*. Vol. 34. No. 6. P. 740—756. <https://doi.org/10.1177/001391602237244>.

Nordlund A. M., Garvill J. (2003) Effects of values, problem awareness, and personal norm on willingness to reduce personal car use. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 23. No. 4. P. 339—347. [https://doi.org/10.1016/s0272-4944\(03\)00037-9](https://doi.org/10.1016/s0272-4944(03)00037-9).

Prati G., Albanesi C., Pietrantonio L. (2015) The interplay among environmental attitudes, pro-environmental behavior, social identity, and pro-environmental institutional climate. A longitudinal study. *Environmental Education Research*. Vol. 23. No. 2. P. 176—191. <https://doi.org/10.1080/13504622.2015.1118752>.

Phillips P.P. (2010) The green scorecard: Measuring the return on investment in sustainability initiatives. Boston, MA: Nicholas Brealey Publishing.

Ramus C., Montiel I. (2005) When are corporate environmental policies a form of greenwashing. *Business & Society*. Vol. 120. No. 1 P. 377—414. <http://www.doi.org/10.1177/0007650305278120>.

Rivera J., de Leon P. (2004) Is greener whiter? Voluntary environmental performance of Western ski areas. *Policy Studies Journal: the Journal of the Policy Studies Organization*. Vol. 32. No. 3. P. 417—437. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2004.00073.x>.

Roberts J. A. (1996) Green consumers in the 1990s: profile and implications for advertising. *Journal of Business Research*. Vol. 36. No. 3. P. 217—231. [https://doi.org/10.1016/0148-2963\(95\)00150-6](https://doi.org/10.1016/0148-2963(95)00150-6).

Russo M., Fouts P. (1997) A resource-based perspective on corporate environmental performance and profitability. *Academy of Management Journal*. Vol. 40. No. 3. P. 340—358. <http://www.doi.org/10.2307/257052>.

- Samdahl D. M., Robertson R. (1989) Social determinants of environmental concern: specification and test of the model. *Environment and Behavior*. Vol. 21. No. 1. P. 57—81. <https://doi.org/10.1177/0013916589211004>.
- Sawitria D.R, Hadiyantob H., Sudharto P, Hadic P. (2015) Pro-Environmental Behavior from a Social-Cognitive Theory Perspective. *Procedia Environmental Sciences*. Vol. 23. P. 27—33.
- Schwartz S. H. (1973) Normative explanations of helping behavior: A critique, proposal, and empirical test. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 9. No. 4. P. 349—364. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(73\)90071-1](https://doi.org/10.1016/0022-1031(73)90071-1).
- Schwartz S. H. (1977) Normative influences on altruism. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 10. No. 1. P. 221—279. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60358-5](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60358-5).
- Schwartz S. H. (1994). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*. Vol. 50. No. 4. P. 19—45.
- Scherbaum C., Popovich P, Finlinton S. (2008) Exploring individual-level factors related to employee energy conservation behaviors at work. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 818—835. <http://www.doi.org/10.1111/j.1559-1816.2007.00328.x>.
- Schoot Uiterkamp A., Vlek C. (2007) Practice and outcomes of multidisciplinary research for environmental sustainability. *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 1. P. 175—197. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2007.00502.x>.
- Schultz P.W., Nolan J., Cialdini R., Goldstein N., Griskevicius V. (2007) The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms. *Psychological Science*. Vol. 18. No. 5. P. 429—434. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x>.
- Steg L. (2005) Car use: lust and must. Instrumental, symbolic and affective motives for car use. *Transportation Research A: Policy and Practice*. Vol. 39. No. 2—3. P. 147—162. <https://doi.org/10.1016/j.tra.2004.07.001>
- Steg L., Vlek C. A.J. (2009). Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 29. No. 3. P. 309—317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>.
- Steg L., Dreijerink L., Abrahamse W. (2005) Factors influencing the acceptability of energy policies: testing VBN theory. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 25. No. 5. P. 415—425. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.08.003>.
- Stern P.C. (1999) Information, incentives and pro-environmental consumer behavior. *Journal of Consumer Policy*. Vol. 22. No. 2 P. 461—468.
- Stern P.C. (2000) New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of social issues*. Vol. 56. No. 3. P. 407—424. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>.
- Stern P.C. (2005) Understanding individuals' environmentally significant behavior. *Environmental Law Reporter: News and Analysis*. Vol. 35. No. 5. P. 10785—10790.

- Stern P. C., Dietz T., Abel T., Guagnano G. A., Kalof L. (1999) A value-belief-norm theory of support for social movements: The case of environmentalism. *Human ecology review*. Vol. 6. No. 2. P. 81—98.
- Tarrant M. A., Cordell H. K. (1997) The effect of respondent characteristics on general environmental attitude-behavior correspondence. *Environment and Behavior*. Vol. 29. No. 3. P. 618—637. <https://doi.org/10.1177/0013916597295002>.
- Thaler R. H., Sunstein C. R. (2008) *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. Penguin Books Ltd, London.
- Van Raaij W. F. (2002) Stages of behavioural change: motivation, ability and opportunity. In: G. Bartels, W. Nelissen (Eds.), *Marketing for sustainability; Towards transactional policy-making*. Amsterdam, The Netherlands: IOS Press. 316 L. P. 321—333.
- Vastag G., Kerekes S., Rondinelli D. (1996) Evaluation of corporate environmental management approaches: A framework and application. *International Journal of Production Economics*. Vol. 43. No. 2. P. 193—211. [https://doi.org/10.1016/0925-5273\(96\)00040-0](https://doi.org/10.1016/0925-5273(96)00040-0).
- Verplanken B., Aarts H., Van Knippenberg A., Moonen A. (1998) Habit versus planned behaviour: a field experiment. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 37. No. 4. P. 111—128. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1998.tb01160.x>
- Vining J., Ebreo A. (2002) Emerging theoretical and methodological perspectives on conservation behavior. In: R. B. Bechtel, A. Churchman (Eds.), *Handbook of environmental psychology*. New York: Wiley. P. 551—558.
- Vlek C. (2000) Essential psychology for environmental policy making. *International Journal of Psychology*. Vol. 35. No. 2. P. 153—167. <https://doi.org/10.1080/002075900399457>.
- Vlek C., Steg L. (2007) Human behavior and environmental sustainability: problems, driving forces and research topics. *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2007.00493.x>.
- Walton T. N. (2014) *Self, Society, and Environment in the 21st Century: The Development and Assessment of an Ecological Identity Scale*. University of Tennessee.
- Widgren Ö. (1998) The new environmental paradigm and personal norms. *Environment and Behavior*. Vol. 30. No. 4 P. 356—370.
- Yanitsky O., Usacheva O. (2017) History of the «Green City» in Russia. *Journal of History Culture and Art Research*. Vol. 6. No. 6. P. 125—131. <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i6.1330>.

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОЛОГИИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.17

Правильная ссылка на статью:

Курбанов А. Р., Прохода В. А. Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 347—370. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17>.

For citation:

Kurbanov A. R., Prokhoda V. A. (2019) Ecological culture: an empirical projection (attitudes of Russians towards climate change). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 347—370. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17>.

А. Р. Курбанов, В. А. Прохода ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ (ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ (ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА)

ECOLOGICAL CULTURE: AN EMPIRICAL PROJECTION (ATTITUDES OF RUSSIANS TOWARDS CLIMATE CHANGE)

КУРБАНОВ Артемий Рустямович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии образования философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: ark112@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-1155-2586>

Artemiy R. KURBANOV¹ — Cand. Sci. (Polit), Assistant Professor, Chair of Philosophy of Education, Department of Philosophy
E-MAIL: ark112@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-1155-2586>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ПРОХОДА Владимир Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры философии образования философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: prohoda@bk.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7508-960X>

Vladimir A. PROKHODA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Chair of Philosophy of Education, Department of Philosophy; Assistant Professor, Department of Sociology, History and Philosophy
E-MAIL: prohoda@bk.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7508-960X>

Аннотация. Рассматривается возможность операционализации концепта экологической культуры в рамках эмпирических исследований. В качестве объекта изучения выступают социальные аттитюды, определяющие повседневное поведение, одним из оснований которых является информированность о глобальных экологических проблемах. Проанализированы результаты сравнительного социологического исследования, выявлена степень информированности россиян о причинах и последствиях глобального изменения климата. Предлагается методология операционализации концепта экологической культуры, предполагающая его дифференциацию на ценностные компоненты и аттитюды, оказывающие влияние на экологическое поведение. Используется модель экологического поведения, предложенная Н. Рошеном, Ф. Кайзером и С. М. Гайгер, которая позволяет выявить взаимное влияние на него двух факторов — когнитивных способностей (экологических знаний) и мотивационных способностей (отношения к окружающей среде). Экологические знания рассматриваются как переменная, формирующая основу для позитивного отношения к окру-

Abstract. The article considers operationalization of the ecological culture concept in empirical research. The study is focused on social attitudes which define everyday behavior and are partly grounded upon the awareness about global environmental issues. The article analyzes the results of a comparative social study and explores the levels of Russians' awareness of the causes and consequences of the global climate change. The authors propose a methodology to operationalize the concept of eco-culture and study the relationship between cognitive abilities (ecological knowledge) and motivational skills (attitudes towards environment) using an ecological behavior model. Ecological knowledge is considered as a variable which provides the basis for positive attitudes towards environment, which, in turn, lead to eco-conscious lifestyle. The authors explore the relationship between the awareness about global climate change, degree of concern, individual norms, in particular, a sense of personal responsibility in combating climate change, and behavior settings. Education is an important tool to raise awareness about environmental issues. However Russian education system is not quite efficient in promoting eco-friendly attitudes. The findings would help develop social technologies aimed at forming an eco-friendly behavior.

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

жающей среде, а оно, в свою очередь, выступает ключевым мотивационным фактором для ведения экологически ответственного образа жизни. Авторы изучают взаимосвязь между такими компонентами экологической культуры, как информированность о глобальных климатических изменениях, степень обеспокоенности этой проблемой, личные нормы, в частности чувство персональной ответственности за помощь в борьбе с изменением климата, а также связанные с ними поведенческие установки. Образование рассматривается как важный инструмент формирования экологической культуры. Отмечается, что российская система образования не способствует в достаточной степени формированию экологически ориентированной личности. Полученные результаты могут быть использованы при разработке социальных технологий, направленных на формирование желаемых характеристик экологической культуры конкретных социумов.

Результаты исследования свидетельствуют о сравнительно невысоком уровне осведомленности россиян о проблеме глобального изменения климата. Проведенный факторный анализ позволил выявить на примере рассматриваемой проблемы основные компоненты экологической культуры, рассчитать интегративный показатель «экологическая культура». На общеевропейском фоне россияне демонстрируют низкий уровень экологической культуры, которую отличают фрагментарность, дистанцированность и противоречивость ее компонентов. Исследование выявило несформированность базовых экологических установок у большинства респондентов. Уровень

The study results point to a relatively low level of awareness about global climate change among Russians compared to Europeans. Most of respondents do not possess basic ecological settings. The level of education in Russia does not define individual's ecological culture. A direct relationship between the level of economic well-being and people's readiness to be involved in environmental activities, typical of European countries, is nonexistent in Russia. Creating a pro-environmental culture in modern Russia requires great changes made by individuals as well as institutions at decision-making levels. Ecological imperative should be a fundamental construct of these changes.

образования в России не становится фактором, определяющим характеристики экологической культуры. В России отсутствует типичная для европейских стран и теоретически обоснованная прямая зависимость между уровнем экономического благосостояния и готовностью граждан включаться в решение экологических проблем. Можно сделать вывод, что формирование экологической культуры в современной России предполагает необходимость глубинных изменений на уровне индивидуальных и коллективных картин мира как простых граждан, так и лиц, принимающих решения. Эти изменения должны основываться на включении в систему ценностей экологического императива в качестве ее фундаментального конструкта.

Ключевые слова: изменение климата, глобальное потепление, экологическая культура, экологическое образование, экологическое просвещение, экологическое поведение

Keywords: climate change, global warming, ecological culture, ecological education, ecological awareness, ecological behavior

Введение

Концепт экологической культуры является одним из наиболее востребованных в актуальном научном дискурсе. В отечественной литературе встречается множество вариантов трактовки его содержания, исследователи обращают внимание на различные аспекты экологической культуры, среди которых можно выделить ценностно-нормативный (аксиологический) [Мухамедшина, 2012; Ситаров, Пустовойтов, 2015], системный (институциональный) [Ясвин, 1999; Ясвин, 2006; Рыбакова, 2012] и деятельностный, или же поведенческий [Мартыненко, 2011; Товбина, 2006; Сосунова, Марар, 2009]. В работах зарубежных авторов экологическая культура рассматривается преимущественно через наблюдаемое поведение индивидов и сообществ — ecological behavior [Kaiser et al., 2003]. Ценностно-нормативный аспект предполагает описание комплекса ценностных установок в индивидуальном и коллективном сознании, рассмотрение системного аспекта экологической культуры задает представление о системе взаимоотношений между человеческим сообществом и природной средой, получающей выражение в формальных и неформальных институтах; обращение к деятельностному (поведенческому) аспекту позволяет соотнести наблюдаемые модели социального поведения

и/или видов человеческой деятельности с представлениями о ее идеальных характеристиках, которые способствовали бы достижению экологического баланса либо уменьшению «экологического следа» человечества [Wackernagel, Rees, 1996].

Перечисленные аспекты во многом представляют собой грани одного феномена, поскольку ценностные установки в коллективном и индивидуальном сознании обнаруживают себя в повседневной деятельности и функционировании институциональной среды социума. Ряд авторов поднимают вопрос об исследовании функционирования экологической культуры как части общей культуры населения, проявляющейся в различных формах взаимодействия человека с окружающей средой [Зубанова и др., 2017]. В связи с этим представляется перспективной методологическая стратегия, направленная на операционализацию концепта экологической культуры путем выявления его компонентов, доступных для эмпирического изучения, обобщения полученных результатов и уточнения исходных представлений о структуре феномена экологической культуры и функциональных взаимосвязях внутри него.

Обращение к ценностно-нормативному аспекту экологической культуры предполагает рассмотрение совокупности глобальных проблем как вызовов макроуровня, стоящих перед человечеством, которые формируют важную часть информационной среды и получают отражение на уровне аксиологических конструкций локальных сообществ и индивидов. К числу основных механизмов трансляции этой повестки дня относятся средства массовой информации и система образования. Для апробации предложенного подхода представляется перспективным выделить конкретную проблему в общем перечне глобальных проблем, выявить, насколько она находит отражение в общественном сознании, и соотнести получившиеся результаты с иными факторами повседневного поведения.

Среди глобальных проблем одно из центральных мест как по степени информационного освещения, так и по уровню алармистских коннотаций, занимает глобальное изменение климата (глобальное потепление). Вопросы о масштабах распространенности, причинах, последствиях климатических изменений, оптимальных стратегиях адаптации обсуждаются на официальных международных мероприятиях, учитываются при принятии политических решений на надгосударственном уровне, вызывают дискуссии среди специалистов [Владимиров, Чураков, 2014]. Исследователи отмечают, что проблема носит междисциплинарный характер и включает в себя различные составляющие, в том числе геофизическую (дискуссии о причинах климатических изменений и прогнозирование их характера в будущем), экономическую (изменение климата означает ущерб для мировой экономики, который неравномерно распределяется по национальным экономикам), экономико-политическую (необходимость выработки экономических стратегий по сокращению выбросов парниковых газов), политическую (характеристики современной системы международных отношений во многом препятствуют выработке оптимальных экономических решений) [Макаров, 2013].

Изменение климата сказывается непосредственно на природных системах, создает угрозы для глобальной экономики, влияет на благосостояние общества [Stern, 2007; Длуголески, Лафельд, 2006], создает серьезные социальные риски. Для смягчения опасных последствий изменения климата и адаптации к ним предпринимаются различные меры, в том числе направленные на сокращение вы-

бросов парниковых газов¹. Однако действий на уровне государств недостаточно. Требуется проведение комплекса мероприятий на региональном и муниципальном уровнях, уровне отдельных организаций, а также частных потребителей. Успешная реализация подобных мероприятий возможна только при наличии широкой поддержки населения.

Актуальной задачей в рамках выработки и реализации политики в области климата является, среди прочего, создание «механизмов, обеспечивающих постоянный конструктивный диалог между научным сообществом, органами государственной власти, ответственными за принятие решений, населением и деловыми кругами»². Одной из форм обратной связи в таком диалоге выступают социологические опросы населения. В связи с этим представляется интересным обратиться к результатам масштабного межстранового социологического исследования. Рассмотрение проблемы изменения глобального климата сквозь призму социальных настроений жителей различных стран, включая Россию, позволяет увидеть, воспринимается ли данная проблема как существенная и структурирует ли систему коллективных и индивидуальных ценностей.

Цель исследования — операционализация концепта экологической культуры путем выявления его компонентов, доступных для эмпирического изучения, на примере проблемы глобального изменения климата.

Научная разработанность проблемы и методологические основания исследования

Обращение к научной литературе позволяет зафиксировать определенный дефицит современных исследований, использующих данные сравнительных социологических опросов. В отечественной литературе экологическая культура изучается в основном в теоретическом ключе [Яницкий, 2006], хотя можно обнаружить успешные попытки операционализации концепта экологической культуры [Сосунова, 2005], зачастую имеющие привязку к конкретным регионам России или СНГ [Титаренко, 2011, 2015; Зубанова и др., 2017; Аксенова, 2004; Паслер, 2018].

В зарубежной литературе концепт экологической культуры *sensu stricto* не используется, однако активно изучаются феномены, которые объединяются в рамках этого концепта в русскоязычном научном пространстве, такие как экологическое поведение, экологическое сознание и др. Большинство таких исследований имеют эмпирический характер и опираются на социологические данные. В настоящей работе мы ориентируемся преимущественно на классический подход Ф. Кайзера в интерпретации факторов экологического поведения [Kaiser et al., 1999, 2003; Otto, Kaiser, 2014].

Центральной категорией в зарубежной литературе, во многом симметричной отечественному концепту «экологическая культура», является категория «экологическое поведение». Смысловая нагрузка данной категории может варьироваться,

¹ МГЭИК, 2014: Изменение климата, 2014 г.: Сводный отчет. Вклад рабочих групп I, II и III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата. МГЭИК, Женева, Швейцария, 2015. 163 с. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/SYR_AR5_FINAL_full_ru.pdf (дата обращения: 27.08.2019).

² Распоряжение Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. 2009. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30311/page/1> (дата обращения: 08.08.2019).

существуют различные подходы ее интерпретации [Stern, 2000]. В общем смысле данное понятие используется для описания различных форм поведения, направленного на минимизацию негативного воздействия деятельности людей на природу (например, экономия воды, сокращение выбросов выхлопных газов) [Kollmuss, Agyeman, 2002]. Отечественные исследователи делают акцент на тех формах экологического поведения, которые предполагают активное воздействие на органы власти по вопросам, затрагивающим состояние окружающей среды (участие граждан и их объединений в общественных слушаниях по соответствующим инфраструктурным проектам; гражданский протест, информационные кампании, обращение в судебные инстанции). Кроме того, содержание понятия «экологическое поведение» расширяется за счет включения в него деятельности экономических и политических субъектов, например, производственной либо природоохранной.

Повседневное поведение (добровольное ограничение потребления; отказ от потребления тех или иных товаров или услуг по соображениям экологической морали) отечественные исследователи рассматривают только как одну из форм экологического поведения, и не самую значимую с точки зрения конечного эффекта в плане воздействия на окружающую среду [Сосунова, Мамонова, 2011]. Для зарубежных исследователей, наоборот, приоритетно изучение именно повседневного поведения индивидов и мотивационных факторов такого поведения. При этом внимание сосредоточено не только на внешних проявлениях поведенческого акта, но и на мотивах субъекта, совершившего этот акт.

Экологическое поведение может пониматься как сознательная программа, направленная на минимизацию негативного влияния действий субъекта на естественную и искусственную среду (natural and built world) [Kollmuss, Agyeman, 2002] или поведение людей, обусловленное явным намерением защитить окружающую среду [Kaiser, Wilson, 2000]. Самая широкая трактовка переносит акцент на объективные результаты действий людей, и с этой точки зрения экологическим поведением признается любое поведение, воздействующее на окружающую среду, независимо от мотивации субъекта и его принципиальной ориентации по отношению к ней [Steg, Vlek, 2009]. И в первом, и во втором случае экологическое поведение включает различные варианты потребительского поведения, связанного с повседневной жизнедеятельностью (потребление воды или энергии, использование транспорта, питание и одежда, а также цикл «приобретение, использование и утилизация», характерный для всех видов потребительского поведения) [Geiger, Fischer, Schrader, 2018]. Некоторые авторы [Kaiser, Wilson, 2000; Corral-Verdugo, 2006] также обращают внимание на те формы социального поведения, результат которых не поддается прямой количественной оценке (например, обсуждение экологических проблем с друзьями).

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся следующего понимания экологического поведения: это совокупность действий, составляющих повседневную жизнь индивидов, прямо связанная с их взаимодействием с искусственной средой и опосредованно — с окружающей средой, причем данная взаимосвязь в большей или меньшей степени осознается самими индивидами, и в этой совокупности получают выражение исходные установки индивидов, отражающие характеристики экологической культуры общества. Тем самым мы стремимся уйти от чрезмерно широкого понимания, элиминирующего мотивационную

составляющую, и не делаем акцент на актах гражданского действия, очевидно не являющихся частью повседневных социальных практик.

Экологическое поведение индивида обычно связывают с его социальными установками. Под социальной установкой понимается «состояние готовности личности к определенному восприятию и оценке социальных явлений, процессов, поведению в ней» [Сушков, 2008: 191]. Широко распространена модель «ценности — убеждения — нормы» (value — belief — norm) [Stern, 2000], постулирующая, что индивидуальный выбор поведения, направленного на защиту окружающей среды, может базироваться на ценностях и моральных нормах. Через понятие ценностей происходит наполнение установки социальным содержанием [Лазаревич, 2018].

С. М. Гайгер с коллегами [Geiger, Dombois, Funke, 2018] на основе подхода Н. Рошен и соавторов [Roczen, Kaiser et al., 2013] предлагает содержательную и относительно простую по структуре модель экологического поведения, позволяющую выявить взаимное влияние на него двух факторов — когнитивных способностей (экологических знаний) и мотивационных способностей (отношения к окружающей среде). Экологические знания рассматриваются как переменная, которая формирует основу для позитивного отношения к окружающей среде, а оно, в свою очередь, выступает ключевым мотивационным фактором для осуществления экологически ответственного образа жизни.

Данная модель позволяет увидеть сравнительное значение двух типов детерминант (когнитивных и мотивационных) для формирования различных моделей экологического поведения и выявить эмпирическую составляющую концепта «экологическая культура».

Методика исследования

Публикация базируется на вторичном анализе данных восьмой волны межстранового трендового социологического исследования «Европейское социальное исследование» (European Social Survey, ESS), проведенного в 2016 г. В рамках ESS с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран (www.europeansocialsurvey.com). Социологические опросы проходят каждые два года в трех десятках европейских стран. Россия участвует в ESS с 2006 г. Метод сбора первичной социологической информации — личное интервью (face-to-face) на дому у респондентов. Для вторичного анализа использовались данные по 22 странам³.

Опрос проводился среди населения в возрасте 15 лет и старше. В каждой стране было опрошено от 880 (Исландия) до 2852 (Германия) респондентов по национальной репрезентативной случайной выборке. В России опрос провел Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) в октябре 2016 г. — январе 2017 г., размер выборки — 2430 респондентов. На международном уровне проект координируют сотрудники City University London и еще шести европейских научных организаций⁴. При анализе применялись весовые коэффициенты, позволяющие сравнивать страны между собой.

³ Документация исследования и база данных находится в свободном доступе (<http://www.ess-ru.ru>). Использована БД восьмой волны ESS, SPSS — файл (подписи на русском языке) на основе версии 30.05.18 (edition 2.0).

⁴ NSD (Норвегия), GESIS (Германия), The Netherlands Institute for Social Research/SCP (Нидерланды), Universitat Pompeu Fabra (Испания), University of Leuven (Бельгия), University of Ljubljana (Словения).

Установки населения по отношению к изменениям климата определялись с помощью серии вопросов, касающихся степени информированности, личных норм респондентов, их убежденности в эффективности борьбы с изменениями климата. При построении интегративного показателя «экологическая культура» применялся факторный анализ. Выявление связи между переменными потребовало проведения корреляционного анализа по Спирмену.

Результаты и обсуждение

В изданиях официальных международных организаций констатируется необходимость информирования общественности об изменении климата⁵. Результатом такой деятельности является повышение уровня осведомленности населения о проблеме. Исследование показало, что большинство россиян (78,6%) уверены — климат на Земле меняется. При этом сравнительный анализ позволяет отнести Россию к числу европейских стран с относительно низким уровнем осведомленности населения (см. рис. 1). Степень уверенности россиян в том, что климатические изменения действительно происходят, в целом ниже, чем в других европейских странах.

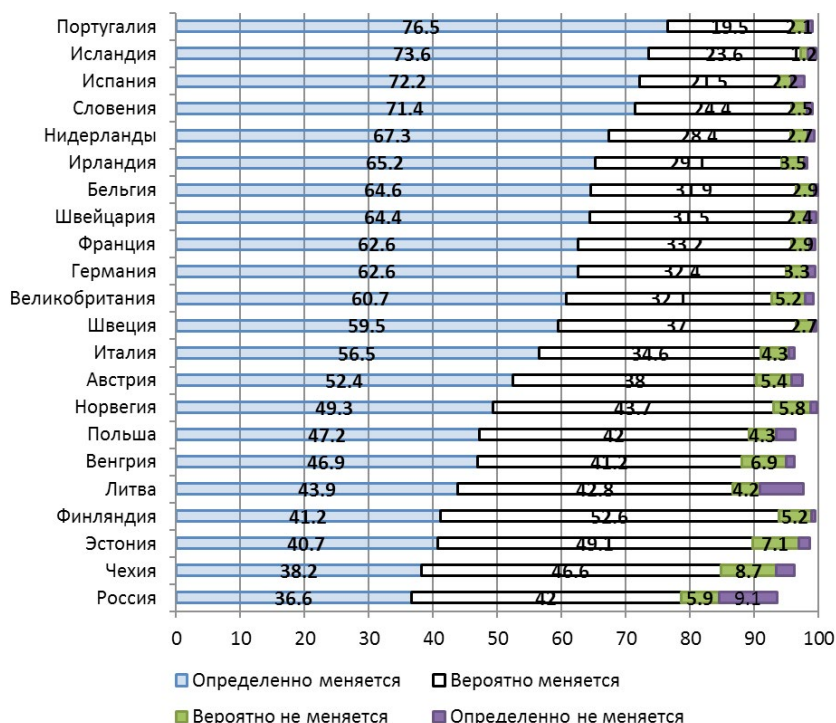

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос об изменении климата Земли в течение последних ста лет (% опрошенных в каждой стране)⁶

⁵ Рамочная конвенция ООН об изменении климата. Первые десять лет. 2004. URL: <https://new.wwf.ru/upload/iblock/c4d/10yearsunfccc.pdf> (дата обращения: 08.02.2019).

⁶ Для удобства восприятия рисунка не отображается категория ответа «затрудняюсь ответить».

Например, лишь немногим более трети опрошенных россиян твердо убеждены, что в течение последних ста лет климат на Земле меняется в сторону потепления, и это — минимальный показатель среди всех стран-участниц ESS. При этом в России доля респондентов, уверенных, что климат определенно не меняется, больше, чем где-либо в Европе — 9,1%. Для сравнения, например, в Ирландии, Финляндии, Швеции — 0,5%, в Бельгии — 0,6%. Можно предположить, что в современных социально-экономических условиях глобальные изменения климата воспринимаются россиянами как не самая актуальная проблема. В то же время такие данные не лучшим образом характеризуют деятельность российских органов власти и негосударственных организаций в области экологического просвещения и информирования населения.

Респондентам, за исключением ответивших, что климат на Земле определенно не меняется ($N = 2210$), задавались вопросы, направленные на выявление уровня информированности об изменениях климата, их причинах и последствиях, степени личной обеспокоенности, личных обязательств и ожиданий в отношении решения экологической проблемы, поддержки экологической политики.

Проведенный факторный анализ (extraction method — principal component analysis; полная объясненная дисперсия — 51,4%; Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy = 0,802; Bartlett's Test of Sphericity — $p = 0,000$) показал возможность объединения следующих пяти переменных в интегративный показатель (фактор), условно названный «экологическая культура»⁷:

1. «Задумывались ли Вы о проблеме изменения климата до сегодняшнего дня?». От «1» — «совсем нет» до «5» — «очень много» (факторная нагрузка = 0,721).

2. «По Вашему мнению, изменение климата вызвано природными процессами, или человеческой деятельностью, или и тем, и другим?». От «1» — «исключительно природными процессами» до «5» — «исключительно человеческой деятельностью» (0,559).

3. «В какой мере Вы лично чувствуете ответственность за то, чтобы помочь борьбе с изменением климата?». От «0» — «совсем нет» до «10» — «в очень большой мере» (0,566).

4. «Насколько Вы обеспокоены изменением климата?». От «1» — «совсем не обеспокоены» до «5» — «чрезвычайно обеспокоены» (0,772).

5. «Насколько положительным или отрицательным, на Ваш взгляд, будет влияние изменения климата на человечество?». От «0» — «крайне отрицательным» до «10» — «очень положительным» (–0,592).

Рассчитанный показатель отражает ценностные и поведенческие установки респондентов, связанные с проблемой глобального изменения климата и, по сути, предполагает «фокусировку» исследовательской оптики на конкретной проблеме,

⁷ Здесь и далее употребление словосочетания «экологическая культура» в кавычках означает обращение к «малому концепту», сконструированному в рамках апробации авторского исследовательского подхода. Понимание экологической культуры через рассмотрение конкретной глобальной проблемы — изменения климата, позволяет, помимо прочего, задать определенную шкалу, которая формирует представление о сравнительном уровне проявления данного феномена, что труднореализуемо при описании «большого концепта» — экологической культуры в целом. Факторный анализ проводился по переменным из тематического блока анкеты, касающегося изменения климата (d21-d32). По результатам анализа выделено три фактора, в настоящей публикации описывается первый фактор — «экологическая культура».

что позволяет четко отразить основные смысловые аспекты концепта «экологическая культура» и придать им операциональное выражение.

Чем выше уровень «экологической культуры», тем чаще респонденты задумываются об изменениях климата, испытывают обеспокоенность по этому вопросу и чувствуют персональную ответственность за помощь в борьбе с изменением климата. Для высокого уровня «экологической культуры» характерны убежденность в детерминированности климатических изменений антропогенными факторами и отрицательная оценка их последствий. Далее европейские страны были ранжированы по среднему значению фактора: чем выше уровень экологической культуры населения страны, тем больше ее ранг.

Расположение стран в соответствии с их рангами в системе координат от минимального до максимального уровня «экологической культуры» представлено на рис. 2.

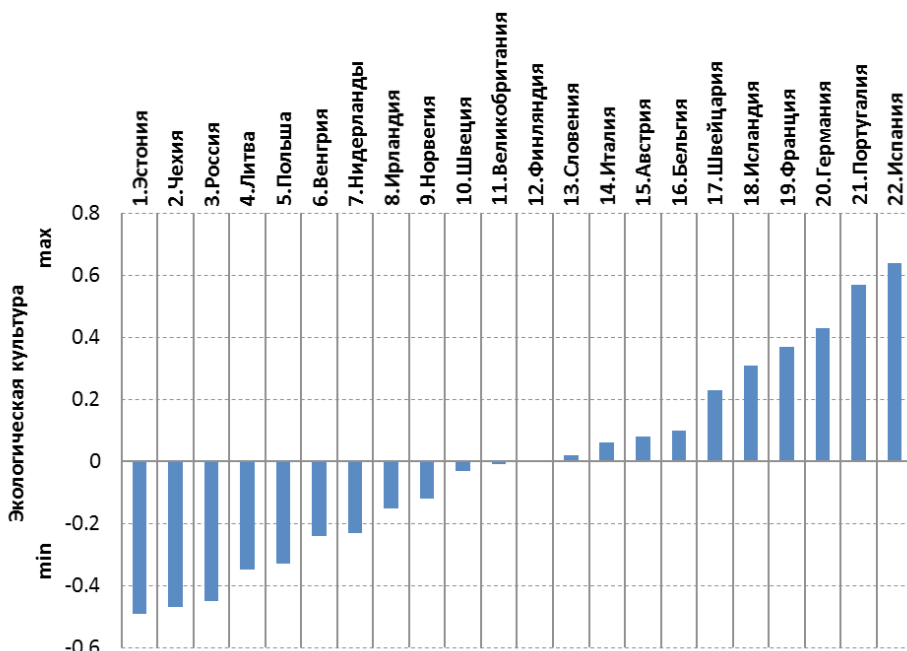

Рис. 2. Экологическая культура жителей России и других европейских стран (ранжирование по среднему значению фактора)

Представленные результаты позволяют констатировать низкий уровень «экологической культуры» россиян (ранг 3) по сравнению с жителями большинства других стран — участниц проекта ESS. Россия оказалась в группе стран-аутсайдеров, состоящей из постсоциалистических государств (ранги 1-6).

Определенный интерес представляет позиционирование отдельных экономических районов России на рассматриваемом континууме. На общем скорее негативном фоне относительно высоким уровнем «экологической культуры»,

сопоставимым с Исландией (ранг 18), выделяются респонденты, проживающие в Восточно-Сибирском экономическом районе. Отметим, что, например, в «Национальном экологическом рейтинге регионов РФ» по итогам осени 2018 г. практически все регионы экономического района входят в число аутсайдеров⁸. Можно предположить, что региональные и локальные экологические проблемы района оказывают влияние на установки населения. Детальное описание ситуации, складывающейся в российских макрорегионах, требует проведения специальных исследований.

Очевидно, что российские макрорегионы и европейские страны не одинаково уязвимы в плане изменения климата, что может сказываться на оценках населения [Martynenko, Vershinina, 2018]. В частности, применительно к европейским странам отмечаются значительные риски для прибрежных территорий и низменных районов [Nicholls, 2007]. Для России изменения климата несут существенные издержки, однако их последствия имеют неоднозначный характер. К числу возможных положительных эффектов можно отнести увеличение площади земель, пригодных для возделывания, смещения сельскохозяйственной зоны на север и появления там новых транспортных маршрутов, к числу потенциальных негативных эффектов — увеличение количества наводнений и лесных пожаров, обострение проблемы водоснабжения на юге страны, неурожаев вследствие экстремальных колебаний погоды и общую повышенную нагрузку на профильные ведомства, а также на весь социально-экономический комплекс, включая дополнительные бюджетные расходы на превентивные и компенсационные мероприятия⁹.

На этом фоне «экологическая культура» в России имеет ряд отличительных особенностей.

1. В стране фиксируется самая слабая корреляционная связь ($r = -0,222$; здесь и везде далее $p = 0,000$) между убежденностью, что климат меняется, и обеспокоенностью такими изменениями. Для сравнения, в Финляндии $r = -0,466$, во Франции $r = -0,410$, в Австрии $r = -0,406$ и т. д. В большинстве своем (78,6%) осознавая, что климат на Земле меняется (см. рис. 1), россияне демонстрируют низкую по европейским меркам обеспокоенность происходящим. Высокую степень обеспокоенности (чрезвычайно обеспокоены + очень обеспокоены) демонстрируют лишь 17,7% россиян. Последнее характерно для целого ряда других европейских государств (Ирландия — 18,9%, Литва — 19,3%, Швеция — 20,5% и т. д.), а максимальных значений показатель достигает в Португалии — 52,1%, Испании — 49% и Германии — 41,6%.

2. В России отмечается самая слабая по сравнению с другими европейскими странами корреляционная зависимость между обеспокоенностью изменениями климата ($r = -0,201$) и оценкой их последствий. Для сравнения: Исландия ($r = -0,489$), Германия ($r = -0,441$), Норвегия ($r = -0,410$) и т. д. Отметим, что последствия климатических изменений респонденты из России в целом оценивают

⁸ Национальный экологический рейтинг регионов РФ (по итогам осени 2018 г.) [Электронный ресурс] // Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль». URL: http://www.greenpatrol.ru/sites/default/files/pictures/ekologicheskii_reyting_-_osen_2018._prilozhenie_2_1.pdf (дата обращения: 08.08.2019).

⁹ Последствия глобального потепления для России [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ng_energiya/2015-11-10/11_business.html (дата обращения: 27.02.2019).

отрицательно: средний балл — 3,65 (SD = 2,11) однако не столь негативно, как жители большинства других европейских стран. Например, в Испании показатель составил 2,1 балла (SD = 2,02), в Португалии — 2,4 (SD = 2,29), в Исландии — 2,77 (SD = 1,96).

3. Фрагментарность «экологической культуры» россиян, дистанцированность и противоречивость ее компонентов можно проследить на следующем примере. Россия — единственная в Европе страна, где фиксируется положительная корреляционная связь ($r = 0,111$) между персональной ответственностью за помощь в борьбе с изменениями и оценкой их влияния на человечество. Иными словами, имеет место определенный парадокс — чем позитивнее оценка последствий изменений климата, тем большую ответственность за помощь в борьбе декларируют россияне. В большинстве стран — участниц проекта фиксируется обратная корреляционная зависимость, а в трех государствах значимая корреляция отсутствует.

В целом же можно констатировать, что россияне по сравнению с жителями стран-участниц проекта, за исключением Чехии, в существенно меньшей мере чувствуют персональную ответственность за помощь в борьбе с климатическими изменениями (средний балл — 3,95; SD = 2,54). Для сравнения: средний балл во Франции составил 6,92 (SD = 2,23), в Швейцарии — 6,88 (SD = 2,24), в Швеции — 6,5 (SD = 2,24) и т. д.

4. О степени информированности населения страны о климатических изменениях, а также сформированности экологической культуры россиян косвенно позволяет судить процент затруднившихся с ответом на вопросы, касающиеся затронутой проблемы. Например, затруднились ответить о причинах и последствиях изменений климата соответственно 8,8% и 5,4% россиян, и это максимум среди всех стран-участниц проекта ESS. Такие распределения могут свидетельствовать о низком уровне осведомленности россиян.

Можно констатировать, что Россия существенно выделяется на общеевропейском фоне, «экологическая культура» россиян имеет свои особенности, связанные с наличием определенной фрагментарности и противоречивости в установках. Кроме того, в России имеет место противоречие между обилием информации, касающейся изменений климата, и тем, что она недостаточно полно и адекватно воспринимается, в том числе той частью общества, от которой зависит принятие решений в области экологической политики и природопользования [Макарова, Николаева, 2010].

На этом фоне актуализируется необходимость проведения специализированных мероприятий, направленных на формирование экологической культуры россиян. Особая роль отводится институту образования как агенту социализации. Отмечается важность формирования экологического мышления через образовательную практику. Подчеркивается необходимость воспитания ценностных ориентаций и нравственно-идеологических идеалов экологического характера, формирования умений и навыков экологической деятельности [Маркова, 2011].

В таком контексте особый интерес представляет выявление зависимости между уровнем образования респондентов и уровнем «экологической культуры». Для учета национальных различий в национальных системах образования была использована постгармонизация данных в шкалу Международной классификации

образования (ES-ISCED), включающая семь уровней от I — «меньше базового среднего» до V2 — «высший уровень высшего» [Андреевкова, 2014]. Далее рассчитывался коэффициент корреляции между уровнем «экологической культуры» и образованием респондентов.

Оказалось, что в России корреляционная зависимость отсутствует (см. рис. 3), то есть и высокообразованные, и малообразованные россияне демонстрируют по сравнению с населением почти всех европейских стран низкий уровень «экологической культуры». Похожая ситуация складывается только в Литве. В то же время в подавляющем большинстве европейских стран отмечается прямая корреляционная связь — чем выше уровень образования респондентов, тем выше уровень «экологической культуры».

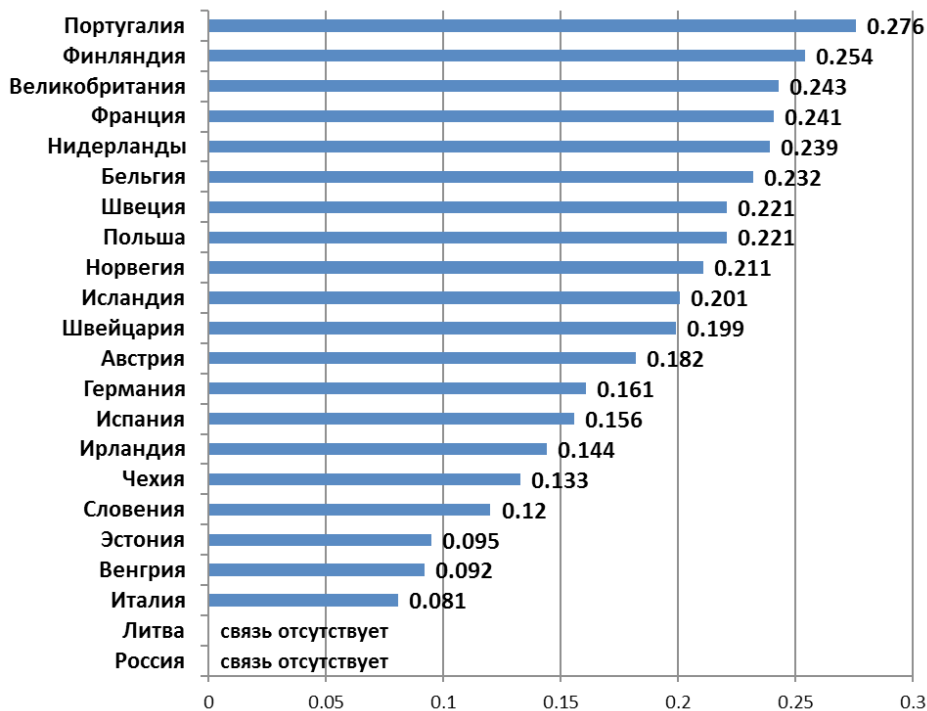

Рис. 3. Корреляционная зависимость между «экологической культурой» и уровнем образования респондентов, значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена (от «0» — признаки независимы, до «1» — последовательности рангов полностью совпадают)

Остается констатировать, что российская система образования не способствует в достаточной степени формированию экологически ориентированной личности. Образование фрагментарно и недостаточно эффективно выполняет социальный заказ со стороны российского общества на формирование экологического мышления. Следует отметить, что сам этот заказ до недавнего времени не был четко оформлен. К числу основных трудностей отечественного экологического

образования исследователи относят недооценку его значимости, недостаточную научно-методическую разработанность [Формирование..., 2008], отсутствие методики непрерывного экологического образования. При этом отмечается, что стоит задача даже не образования, а широкого экологического просвещения населения [Макарова, Николаева, 2010]. Сложившаяся система экологического просвещения населения требует совершенствования.

Понятие экологической культуры включено в целевой и содержательный компонент стандартов начального, основного общего и среднего общего образования, однако конкретные механизмы формирования экологических (эколого-правовых) компетенций определяются на уровне соответствующих образовательных учреждений, что может привести к дифференциации результатов освоения образовательных программ в зависимости от образовательной среды региона, города, образовательной организации. Само понятие экологической культуры на уровне образовательных стандартов не концептуализировано, что может приводить к неоднозначной трактовке его содержания и, соответственно, сказываться на выборе средств и методов ее формирования. В связи с этим представляются необходимыми концептуализация на уровне основных документов, определяющих содержание образования, понятия экологической культуры, основных его компонентов (экологическое мышление, экологическое поведение и др.) и специальная разработка механизмов формирования этих компонентов путем реализации основных образовательных программ, а также программ дополнительного образования.

Необходима имплементация экологического образования в виде отдельного направления в работе образовательных учреждений с четким определением результатов, путей их достижений и способов их оценки. Целесообразно закрепление экологических (эколого-правовых) компетенций в карте компетенций на уровне федеральных образовательных стандартов высшего образования. Освоение этих компетенций должно быть связано как собственно с обучением (получением профессиональных знаний и навыков), так и с воспитанием, которому в рамках образовательной политики в целом в последнее время придается все большее значение.

Экологические компетенции должны иметь «сквозной» характер, определяя содержание образования на всех его уровнях. При этом специалисты в области педагогики отмечают, что наиболее благоприятным периодом для формирования основ экологической культуры является младший школьный возраст, поскольку в этот период формируются ключевые характеристики направленности личности [Дмитриева, Ландырева, 2013].

В зарубежных исследованиях потребительского поведения, в частности, энергосберегающего поведения [Gifford, Nilsson, 2014], выдвигаются предположения, что готовность к осознанному поведению, направленному на сохранение окружающей среды, как правило, проявляют люди среднего или высшего среднего класса. Такая же зависимость наблюдается и в макромасштабе: граждане стран с высоким уровнем ВВП в целом более озабочены вопросами заботы об окружающей среде [Franzen, 2003]. Одним из объяснений такой тенденции является предположение о том, что рост доходов влечет за собой повышение требований к состоянию окружающей среды, а повышение ВВП в конечном счете приводит

к возможности концентрации значительных ресурсов для улучшения окружающей среды. С другой стороны, Р. Инглхарт предположил, что увеличение благосостояния приводит к изменениям ценностного горизонта на индивидуальном уровне и уровне социальных групп — в нем начинают преобладать нематериалистические ценности [Инглхарт, 2018]. В духе классической концепции потребностей А. Маслоу [Маслоу, 2016] такое объяснение основывается на предположении, что после снижения актуальности вопросов удовлетворения основных материальных потребностей на первый план выдвигаются потребности, связанные с саморазвитием и благополучием.

В таком контексте интересно рассмотреть связь «экологической культуры» с материальным положением опрошенных. Для его выявления респондентам задавался вопрос, к какой группе принадлежит их семья по общему доходу всех членов семьи в месяц после вычета налогов. Поскольку уровень благосостояния населения европейских стран существенно варьируется, а национальные денежные единицы в ряде случаев различаются, в каждой стране проводился расчет децилей.

Корреляционный анализ показал, что в России уникальная для Европы ситуация: в стране фиксируется обратная корреляционная связь ($r = -0,120$). Это означает, что в целом с увеличением уровня материального благосостояния респондентов уровень их «экологической культуры» снижается. В большинстве европейских стран прямая корреляция. При этом в Австрии, Испании, Италии, Литве, Словении, Чехии статистически значимая зависимость отсутствует.

Похожие результаты ранее уже отмечались нами применительно к энергосберегающему поведению россиян [Прохода, 2018]. Было выявлено, что чем лучше материальное положение россиян, тем реже они демонстрируют энергосберегающее поведение. Можно предположить, что обеспеченные россияне игнорируют экологическое поведение как раз в силу своего устойчивого финансового положения. Действие же других мотивационных факторов (защита окружающей среды, забота об обществе, демонстрация социальной ответственности и др.) выражено у них недостаточно сильно. Иными словами, материальный мотив у обеспеченных россиян выражен слабо, а экологическая культура не сформирована. Последнее подтверждает необходимость выработки механизмов, направленных на формирование у россиян ценностных ориентаций, основанных на экологических приоритетах.

Причиной такого поведения может быть уникальная социокультурная ситуация, сложившаяся в постсоветской России: достижение экономического благосостояния людьми, принадлежащими к поколению, чья социальная активность пришлась на 1990-е — 2000-е годы, рассматривалось как залог освобождения от внешних ограничений или хотя бы снижения их. Экологическое поведение, предполагающее наличие принимаемых индивидом императивов, ограничивающих свободу его действий, априори оставалось за рамками такой жизненной парадигмы. Определенную корректировку может вносить и характерная для российского общества статусная рассогласованность, прежде всего между профессиональным и экономическим статусом россиян.

Экологическое поведение, помимо когнитивного (информационного) мотивационного компонента, подразумевает наличие либо отсутствие социальных прак-

тик, включенность в которые предоставляет возможность реализации установок индивида, направленных на минимизацию ущерба для окружающей среды (либо, наоборот, практик, препятствующих подобной реализации). Хорошим примером здесь является внедрение практик раздельного сбора мусора, утилизации бытовых отходов с учетом последствий для окружающей среды — меры, направленные на расширение подобных практик, могут способствовать активации экологического поведения и, в известной степени, его рутинизации, как это произошло, например, в странах Северной и Центральной Европы.

К числу основных мер по смягчению изменений климата, реализуемых на уровне частных потребителей, относится распространение практик эффективного использования энергетических ресурсов. В России, как и повсеместно в Европе, «экологическая культура» оказалась связана ($r = 0,331$) с представлением о том, что экономное расходование энергии многими людьми в мире будет способствовать уменьшению изменения климата. При этом россияне пессимистичнее населения большинства европейских стран оценивают эффективность такого метода борьбы с климатическими изменениями — средний балл 4,73 ($SD = 2,37$). Ниже показатель только в Эстонии — 4,7 балла ($SD = 2,37$). Для сравнения, в Португалии — 6,51 балла ($SD = 2,45$), в Исландии — 6,25 ($SD = 2,1$), в Швеции — 6,21 ($SD = 2,11$).

Чем выше уровень «экологической культуры», тем больше россияне (впрочем, так же, как и жители других стран, за исключением Польши) убеждены, что ограничение собственного энергопотребления способствует борьбе с изменением климата ($r = 0,182$). Однако роль собственного энергосбережения в борьбе с изменением климата оценивается респондентами из России достаточно скептически, средний балл — 3,8 ($SD = 2,39$). Отметим, что во всех европейских странах показатель не превышает середину шкалы (5 баллов). Например, в Австрии — 4,99 балла ($SD = 2,63$), в Швейцарии — 4,95 ($SD = 2,63$), в Литве — 4,91 ($SD = 2,57$).

Результаты исследования позволяют констатировать, что в России, как и в других европейских странах, «экологическая культура» связана ($r = 0,165$) с поведением, способствующим борьбе с изменениями климата. Для выявления экологического поведения респондентам задавался вопрос о том, как часто в повседневной жизни они делают что-либо для снижения энергопотребления. Чем выше уровень «экологической культуры» россиян, тем чаще они констатируют практики энергосбережения. Однако выявленную корреляционную связь нельзя охарактеризовать как сильную. Российский кейс иллюстрирует характерную ситуацию, неоднократно описанную в теоретических исследованиях. Речь идет о своеобразном ценностно-поведенческом дуализме, при котором наличие набора нормативных представлений и ценностных установок может слабо коррелировать с повседневными практиками: *«Современное массовое сознание отличается двойственностью ценностных установок, для которой характерно признание экологического компонента в числе положительных ориентиров, и, одновременно, нежелание предпринимать какие-либо активные действия, направленные на его достижение»* [Коркия и др., 2017: 62].

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о сравнительно невысоком уровне осведомленности россиян о проблеме глобального изменения климата.

Проведенный факторный анализ позволил выявить на примере рассматриваемой проблемы основные компоненты экологической культуры, рассчитать интегративный показатель «экологическая культура». Чем выше уровень «экологической культуры», тем чаще респонденты задумываются об изменениях климата, испытывают обеспокоенность по этому вопросу и чувствуют персональную ответственность за помощь в борьбе с изменением климата. Для высокого уровня «экологической культуры» характерны убежденность в детерминированности климатических изменений антропогенными факторами и отрицательная оценка их последствий.

На общеевропейском фоне россияне демонстрируют низкий уровень «экологической культуры». По рассматриваемому показателю Россия находится в группе стран-аутсайдеров, состоящей из постсоциалистических государств. При этом на общем негативном фоне среди россиян относительно высоким уровнем «экологической культуры» выделяются респонденты, проживающие в Восточной Сибири.

Полученные результаты позволяют констатировать фрагментарность экологической культуры россиян, дистанцированность и противоречивость ее компонентов. В стране фиксируется самая слабая корреляционная связь между убежденностью в том, что климат меняется, и обеспокоенностью такими изменениями, а также между обеспокоенностью изменениями климата и оценкой их последствий. Можно утверждать, что в целом обеспокоенность изменением климата не рассматривается россиянами как значимая информация для модификации повседневного поведения.

Исследование выявило несформированность базовых экологических установок у большинства респондентов, что может быть объяснено низким уровнем экологических знаний в целом и проявляется в отсутствии мотивации к повседневному поведению, подчиненному экологическим приоритетам, которые сегодня де-факто отсутствуют в числе аксиологических регуляторов повседневного поведения. Россияне по сравнению с жителями стран — участниц проекта, за исключением Чехии, в существенно меньшей мере чувствуют персональную ответственность за помощь в борьбе с климатическими изменениями и демонстрируют изначально гораздо более пессимистичные настроения в отношении предполагаемой эффективности подобных мероприятий.

Уровень образования в России не становится фактором, определяющим характеристики «экологической культуры» — респонденты с разным уровнем образования продемонстрировали одинаково низкие значения этого показателя, что может расцениваться как тревожный сигнал в части функционирования системы образования в рамках формирования общего уровня знаний и трансляции информации о глобальных проблемах современности. Таким образом, образование в современной России в целом не может рассматриваться как институт, в полной мере выполняющий свою роль в части формирования когнитивного компонента экологической культуры.

Особо следует отметить, что в России отсутствует типичная для европейских стран и теоретически обоснованная прямая зависимость между уровнем экономического благосостояния и готовностью граждан включаться в решение экологических проблем, в том числе путем модификации повседневных потребительских практик. Наблюдаемая в нашей стране зависимость имеет обратный характер:

повышение уровня благосостояния сопровождается снижением интереса к экологической проблематике, она вытесняется за пределы ценностного горизонта как регулятор повседневного поведения.

Можно сделать вывод, что формирование экологической культуры в современной России предполагает необходимость глубинных изменений на уровне индивидуальных и коллективных картин мира как простых граждан, так и лиц, принимающих решения. Эти изменения должны основываться на включении в систему ценностей экологического императива в качестве ее фундаментального конструкта. Формирование экологической культуры напрямую связано с социокультурными изменениями общества в целом, невозможными без эффективной работы института образования, средств массовой информации и иных институтов социализации, четко выраженной политической воли и экономико-правовых изменений.

Таким образом, исследование показало релевантность выбранной методологической стратегии, связанной с операционализацией концепта экологической культуры путем выявления его компонентов, доступных для эмпирического изучения (экологических знаний и установок). Обобщение полученных результатов позволило уточнить исходные представления о структуре феномена экологической культуры и функциональных взаимосвязях внутри него.

Список литературы (References)

Аксенова О. В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века // Социологические исследования (СОЦИС). 2004. № 9. С. 68—76.

Aksionova O. V. (2004) Genesis of social ecological reflection in the West, second half of the XX century. *Sociological Studies*. No. 9. P. 68—76. (In Russ.)

Андреенкова А. В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М. : Новый Хронограф, 2014. 516 с.

Andreenkova A. V. (2014) Comparative Cross-national Surveys in Social Sciences: Theory, Methodology, Practice. Moscow: Novy Khronograph. 516 p. (In Russ.)

Владимиров В. А., Чураков В. И. Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования // Проблема глобального изменения климата как природная опасность. 2014. № 4. Т. 2. С. 506—519.

Vladimirov V. A., Churakov V. I. (2014) Civil protection strategy: problems and research. *The problem of global climate change as a natural hazard*. No. 4. Vol. 2. P. 506—519. (In Russ.)

Длуголески Э., Лафельд С. Изменение климата и финансовый сектор: перспективы деятельности. Allianz Group; WWF, 2006. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/731/cc_andfinansial.pdf (дата обращения: 27.02.2019).

Dlugolecki A., Lafeld S. (2006) Climate Change — Agenda for Action: The Financial Sector's Perspective. Munich: Allianz Group; WWF. (In Russ.) URL: https://wwf.ru/upload/iblock/731/cc_andfinansial.pdf (accessed: 27.02.2019).

Дмитриева Е. А., Ландырева А. С. Методические условия формирования экологической культуры младших школьников в условиях дополнительного образования // Ярославский педагогический вестник. 2013. Том II (Психолого-педагогические науки). № 2. С. 137—142.

Dmitrieva E. A., Landyрева A. S. (2013) Methodical Conditions to Form Ecological Culture of Junior School children in Conditions of Further Education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. Vol. II (Psychological and pedagogical sciences). No. 2. P. 137—142.

Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Синецкий С. Б., Шуб М. Л. Экологическая культура: эффективность формирования и сценарии воспроизведения в «стресс-регионах» // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 134—140.

Zubanova L. B., Zyhovskaya N. L., Sineckij S. B., Shub M. L. (2017) Ecological culture: Efficiency of formation and scenarios of reproduction in «stress-regions». *Sociological Studies*. No. 7. P. 132—140. (In Russ)

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М. : Мысль, 2018. 346 с.

Inglehart R. (2018) Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World. Moscow: Mysl. 346 pp. (In Russ)

Коркия Э. Д., Курбанов А. Р., Мамедов А. К. Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21. № 6. С. 58—63.

Korkia E. D., Kurbanov A. R., Mamedov A. K. (2017) Concept of ecological culture: «limits of growth» or reserves of development. *Ecology and Industry of Russia*. Vol. 21. No. 6. P. 58—63. (In Russ)

Лазаревич Н. А. Факторы формирования экологического поведения // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 6. История, философия. 2018. № 1 (209). С. 121—124.

Lazarevich N. A. (2018) Implementation of ecological requirements in social life. *Proceedings of BSTU (Series 6. History. Philosophy)*. No. 1 (209). P. 121—124. (In Russ.)

Макаров В. А. Глобальное изменение климата как вызов мировой экономике и экономической науке // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17. № 3. С. 512—532.

Makarov I. A. (2013) Global Climate Change as a Challenge to World Economy and Economic Science. *HSE Economic Journal*. Vol. 17. No. 3. P. 512—532. (In Russ.)

Макарова О. В., Николаева О. В. Экологическое мышление и экологическая культура в российском образовании // XIV Царскосельские чтения: Профессиональное образование: социально-культурные аспекты: материалы международной научной конференции, 20—21 апреля 2010 г. Т. 1. СПб. : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2010. С. 81—85.

Makarova O. V., Nikolaeva O. V. (2010) Ecological thinking and ecological culture in Russian education. In: XIV Tsarskoye Selo Readings: Professional Education: Socio-Cultural Aspects: Proceedings of the International Scientific Conference, April 20—21, 2010. Vol. 1. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. P. 81—85. (In Russ.)

Маркова М. Н. Роль экологического воспитания и образования в формировании экологического мышления // Вестник Поволжского института управления. 2011. № 2 (27). С. 199—203.

Markova M. N. (2011) The Role of Ecological Education and Upbringing in the Ecological Thinking Formation. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. No. 2 (27). P. 199—203. (In Russ.)

Мартыненко А. Г. К вопросу об определении понятия «экологическая культура» // Педагогический журнал. 2011. № 1. С. 20—32.

Martynenko A. G. (2011) On the question of definition of the concept of «ecological culture». *Pedagogical Journal*. No. 1. P. 20—32. (In Russ.)

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2016. 400 с.

Maslow A. H. (2016) *Motivation and Personality*. St. Petersburg: Piter. 400 p.

Мухамедшина Л. М. О сущности и содержании понятия «экологическая культура» // Начальная школа плюс. До и После. 2012. № 1. С. 83—87.

Muhamedshina L. M. (2012) About essence and the concept maintenance «ecological culture». *Primary school plus. Before and After*. No. 1. P. 83—87. (In Russ.)

Паслер О. В. Социологическое измерение экологического поведения жителей Ставропольского края // Новые контуры социальной реальности: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (VI Северо-Кавказские социологические чтения, 14 ноября 2017 года, г. Ставрополь, СКФУ). 2018. С. 48—52.

Pasler O. V. (2018) Sociological dimension of the environmental behavior of residents of Stavropol Krai. In: *New contours of social reality: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference (VI North Caucasus Sociological Readings, November 14, 2017, Stavropol, NCFU)*. P. 48—52. (In Russ.)

Прохода В. А. Энергосберегающее поведение населения России и других европейских стран // Энергобезопасность и энергосбережение. 2018. № 3 (81). С. 30—35. <http://www.doi.org/10.18635/2071-2219-2018-3-30-35>.

Prokhoda V. A. (2018) Energy-saving behavior actions in the Russian and European population. *Energy Safety and Energy Economy*. No. 3 (81). P. 30—35. <http://www.doi.org/10.18635/2071-2219-2018-3-30-35>. (In Russ.)

Рыбакова М. В. Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления. М. : КДУ, 2012. 318 с.

Rybakova M. V. (2012) *Social environmental practices: state and management mechanisms*. Moscow: KDU. 318 p. (In Russ.)

Ситаров В. А., Пустовойтов В. В. Социальная экология. М. : Юрайт, 2015. 517 с.

Sitarov V. A., Pustovojtov V. V. (2015) *Social ecology*. Moscow: Urait. 517 p. (In Russ.)

Сосунова И. А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 94—104.

Sosunova I. A. (2005) Social ecological tension: methodology and methods of assessment. *Sociological Studies*. No. 7. P. 94—104. (In Russ.)

Сосунова И. А., Мамонова О. Н. Экологическое поведение граждан и качество жизни в условиях глобализации // *Философия и социальные науки: научный журнал*. 2011. № 3/4. С. 62—66.

Sosunova I. A., Mamonova O. N. (2011) Ecological Behavior of Citizens and Quality of Life under Globalization. *The Journal of Philosophy and Social Sciences*. No. 3/4. P. 62—66. (In Russ.)

Сосунова И. А., Марар О. И. Экологическая культура: понятие, сущность, структура и функции // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. 2009. № 1 (21). С. 29—40.

Sosunova I. A., Marar O. I. (2009) Ecological culture: definition, essence, structure and functions. «*P.O.I.S.K.*» (*Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture*). No. 1(21). P. 29—40. (In Russ.)

Сушков И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе. М. : Институт психологии РАН, 2008.

Sushkov I. R. (2008) Psychological Relations of the Person in Social System. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychology of the RAS. (In Russ.)

Титаренко Л. Г. Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения // *Социологические исследования*. 2015. № 2. С. 106—112.

Titarenko L. G. (2015) Ecological aspect of way of life: basic values and behavior types. *Sociological Studies*. No. 2. P. 106—112. (In Russ.)

Титаренко Л. Г. Экологический образ жизни минчан // *Социологические исследования*. 2011. № 3. С. 32—37.

Titarenko L. G. (2011) Ecological way of life of Minsk inhabitants. *Sociological Studies*. No. 3. P. 32—37. (In Russ.)

Товбина В. Л. Экологическая культура: понятие и проблемы становления // *Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета*. 2006. № 2. С. 255—264.

Tovbina V. L. (2006) Ecological culture: concept and problems of formation. *Proceedings of the Russian State Hydrometeorological University. A theoretical research journal*. No. 2. P. 255—264. (In Russ.)

Формирование экологической культуры и развитие молодежного движения / под ред. В. М. Захарова. М. : Акрополь, Центр экологической политики и культуры, Центр экологической политики России, 2008. 340 с.

The formation of ecological culture and development of the youth movement (2008). Ed. by V. M. Zaharov. Moscow: Akropol', Center for Environmental Policy of Russia. 340 p.

Яницкий О. Н. Экологическая парадигма как элемент культуры // *Социологические исследования*. 2006. № 7. С. 83—93.

Yanitskiy O. N. (2005) Russia as an eco-system. *Sociological Studies*. No. 7. P. 84—94. (In Russ.)

Ясвин В. А. История и психология формирования экологической культуры: удобно ли сидеть на вершине пирамиды? М. : Наука, 1999. 100 с.

Yasvin V. A. (1999) History and psychology of the formation of ecological culture: is it convenient to sit on the top of the pyramid? Moscow: Nauka. 100 p. (In Russ.)

Ясвин В. А. Формирование экологической культуры не сводится к экологическому образованию // Бюллетень Центра экологической политики России «На пути к устойчивому развитию России». 2006. № 34. С. 7—10.

Yasvin V. A. (2006) The formation of environmental culture is not limited to environmental education. *Bulletin of the Center for Russian Environmental Policy «On the way to sustainable development of Russia»*. No. 34. P. 7—10. (In Russ.)

Corral-Verdugo V. (2006) Contribuciones del análisis de la conducta a la investigación del comportamiento pro-ecológico. [Contributions of behaviorism to the study of proecological behavior]. *Revista Mexicana de Análisis de la Conducta*. Vol. 32. No. 2. P. 111—127. <https://doi.org/10.5514/rmac.v32.i2.23270>.

Franzen A. (2003) Environmental attitudes in international comparison: An analysis of the ISSP surveys 1993 and 2000. *Social Science Quarterly*. Vol. 84. No. 2. P. 297—308. <https://doi.org/10.1111/1540-6237.8402005>.

Geiger S. M., Dombois C., Funke J. (2018) The Role of Environmental Knowledge and Attitude: Predictors for Ecological Behavior Across Cultures? An Analysis of Argentinean and German Students. *Umweltpsychologie*. Vol. 22. No. 1. P. 69—87.

Geiger S. M., Fischer D., Schrader U. (2018) Measuring What Matters in Sustainable Consumption: An Integrative Framework for the Selection of Relevant Behaviors. *Sustainable Development*. Vol. 26. No. 1. P. 18—33. <https://doi.org/10.1002/sd.1688>.

Gifford R., Nilsson A. (2014) Personal and social factors that influence pro-environmental concern and behaviour: A review. *International Journal of Psychology*. Vol. 49. No. 3. P. 141—157. <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>.

Kaiser F. G., Wilson M. (2000) Assessing People's General Ecological Behavior: A Cross-Cultural Measure. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 30. No. 5. P. 952—978. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2000.tb02505.x>.

Kaiser F. G., Wölfing S., Fuhrer U. (1999) Environmental attitude and ecological behavior. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 19. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1006/jevps.1998.0107>.

Kaiser F. G.; Doka G.; Hofstetter P., Ranney M. A. (2003) Ecological behavior and its environmental consequences: A life cycle assessment of a self-report measure. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 23. No. 1. P. 11—20. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(02\)00075-0](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(02)00075-0).

Kollmuss A., Agyeman J. (2002) Mind the gap: Why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research*. Vol. 8. No. 3. P. 239—260. <https://doi.org/10.1080/13504620220145401>.

Martynenko T. S., Vershinina I. A. (2018) Digital economy: The possibility of sustainable development and overcoming social and environmental inequality in Russia. *Espacios*.

Vol. 39. No. 44. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n44/18394412.html> (accessed: 27.02.2019).

Nicholls R. J. et al. (2007) Coastal systems and low-lying areas. In: *Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge: Cambridge University Press, UK, New York, U.S.A. P. 315—356. <https://doi.org/10.2134/jeq2008.0015br>.

Otto S., Kaiser F. G. (2014) Ecological behavior across the lifespan: Why environmentalism increases as people grow older. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 40. P. 331—338. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.08.004>.

Roczen N., Kaiser F. G., Bogner F. X., Wilson M. A (2013) Competence Model for Environmental Education. *Environment and Behavior*. Vol. 46. No. 8. P. 972—992. <https://doi.org/10.1177/0013916513492416>.

Steg L., Vlek C. (2009) Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 29. No. 3. P. 309—317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>.

Stern N. (2007) *The Economics of Climate Change. The Stern Review*. Cambridge University Press: Cambridge, United Kingdom. 712 p.

Stern P. C. (2000) Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. *Journal of Social Issues*. Vol. 56. No. 3. P. 407—424. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>.

Wackernagel M., Rees W. (1996) *Our Ecological Footprint: reducing human impact on the Earth*. Philadelphia, PA: New Society Publishers.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.18

Правильная ссылка на статью:

Толстикова А. А. О причинах и векторах международной образовательной миграции. Рец. на кн.: Brooks R., Waters J. (2011) *Student Mobilities, Migration and the Internationalization of Higher Education*. Palgrave MacMillan, New York. 196 p. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 371—377. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.18>.

For citation:

Tolstikova A. A. (2019) On reasons and vectors of global academic migration. Book review: Brooks R., Waters J. (2011) *Student Mobilities, Migration and the Internationalization of Higher Education*. Palgrave MacMillan, New York. 196 p. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 371—377. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.18>.

А. А. Толстикова

О ПРИЧИНАХ И ВЕКТОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ. РЕЦ. НА КН.: BROOKS R., WATERS J. (2011) STUDENT MOBILITIES, MIGRATION AND THE INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION. PALGRAVE MCMILLAN, NEW YORK. 196 P.

О ПРИЧИНАХ И ВЕКТОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ. РЕЦ. НА КН.: BROOKS R., WATERS J. (2011) *STUDENT MOBILITIES, MIGRATION AND THE INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION*. PALGRAVE MCMILLAN, NEW YORK. 196 P.

ON REASONS AND VECTORS OF GLOBAL ACADEMIC MIGRATION. BOOK REVIEW: BROOKS R., WATERS J. (2011) *STUDENT MOBILITIES, MIGRATION AND THE INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION*. PALGRAVE MCMILLAN, NEW YORK. 196 P.

ТОЛСТИКОВА Анна Александровна — аспирант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: tolstikova.anna@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1524-4369>

Anna A. TOLSTIKOVA¹ — Post-graduate student, Faculty of Sociology
E-MAIL: tolstikova.anna@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1524-4369>

¹ St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-33-00063 («Механизмы воспроизводства и флексибилизации индивидуальной жизненной колеи: российская молодежь в контексте ‘жесткой’ и ‘текучей’ современности»).

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (№17-33-00063, Mechanisms of reproduction and flexibilization of individual life path: Russian youth in the context of ‘solid’ and ‘liquid’ modernity).

Рецензируемая книга «Студенческие мобильности, миграция и интернационализация высшего образования» [Brooks, Waters, 2011], опубликованная на английском языке, представляет собой социологический труд по вопросам интернационализации образования и транснациональной миграции, подкрепленный богатым эмпирическим материалом на примере зарубежных образовательных практик студентов из стран Восточной Азии, студенческой миграции в Европе и международной мобильности студентов Великобритании. В монографии, подготовленной двумя исследователями из Великобритании — Рейчел Брукс (Университет Брунеля) и Джоанной Уотерс (Бирмингемский университет), — анализируются вопросы международной образовательной миграции молодежи из различных стран, прежде всего из Великобритании, Гонконга, Республики Корея и Сингапура.

Ряд зарубежных авторов рассматривают образовательную мобильность как один из этапов планируемого переезда за границу на постоянное место жительства [Baas, 2007; Findlay, King, 2010; Jackling, 2007] и как разновидность пробной миграции, «экспериментального» проживания в другой стране для получения нового социокультурного опыта [Favell, 2008; King, Ruiz-Gelices, 2003; Conradson, Latham, 2005; Krzaklewska, 2008]. Некоторые авторы описывают образовательную мобильность в терминах социального и культурного капитала, «инвестирования» в образование [Murphy-Lejeune, 2002; Ong, 1999].

Отечественные исследователи рассматривают международную образовательную мобильность в двух аспектах: с позиции изучения мотивации получения зарубежного образования и с позиции изучения возможностей расширения трудового опыта студенческой молодежи. В работе группы ученых отдела социологии образования Института социологии Российской академии наук [Чередниченко, 2012; Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, 2009] исследовательский фокус направлен на изучение опыта представителей российской молодежи, вернувшихся в Россию после обучения за рубежом. В других работах зарубежные образовательные практики российских студентов рассматриваются в контексте академической миграции, как составной компонент «утечки умов» и поиска возможностей их возвращения на родину [Леденева, Тюрюканова, 2002].

Монография Р. Брукс и Дж. Уотерс основывается на признании важности использования термина «студенческая мобильность», преимущественно понимаемого как физическое перемещение индивидов в пространстве. Исследователи предпочитают термину «образовательная миграция» понятие «мобильность»,

продолжая научно-методологические традиции британского социолога Дж. Урри и развивая его «парадигму мобильностей» [Sheller, Urry, 2016].

Под международной студенческой мобильностью авторы книги подразумевают не только физическое перемещение индивида, включая его погружение в новую для него страну и культуру, оттачивание языковых навыков и накопление других видов социального и культурного капитала во время обучения в зарубежном университете. Они предлагают рассматривать студенческую мобильность как физическое или виртуальное перемещение студенческого опыта в другую образовательную среду, в том числе дистанционным способом или в филиалах зарубежных университетов на территории проживания индивида.

Основу монографии составляет сравнительное исследование зарубежного опыта обучения студентов из стран Европы и Восточной Азии — от выявления причин получения зарубежного образования до карьерных амбиций и профессиональных траекторий. Структурно книга построена на изложении кейсов образовательных стратегий студентов Великобритании и стран Восточной Азии.

Основную долю в мировом потоке международной студенческой мобильности составляют молодые люди из стран Азии, большинство из них приходится на Китай, Малайзию, Гонконг, Республику Корея и Сингапур. Основными направлениями образовательной миграции для студентов из Восточной Азии являются США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Великобритания.

Для описания модели образовательных практик студентов из стран Восточной Азии Р. Брукс и Дж. Уотерс предлагают использовать термин «образовательная иммиграция». Большинство исследований образовательной мобильности из стран Азии обычно фокусируются на изучении культурного опыта молодежи, находящейся в другой стране по студенческой визе. Однако подобные исследования не учитывают иностранных студентов, которые иммигрировали с семьей до поступления в вуз и обладают видом на жительство. Результаты интервью позволили узнать, что информанты переезжали за границу в период обучения в старших классах средней школы, а в некоторых случаях и в более юном возрасте, для последующего поступления в университет. Подобная практика, свойственная семьям из Гонконга, Тайваня и Республики Корея, объясняется относительно упрощенным поступлением в зарубежный университет, если абитуриент оканчивает школу в данной стране. Более того, информанты сообщали, что в западных странах, например, в Канаде, выпускные экзаменационные испытания сдать легче, и поэтому шансы поступить в университет намного выше.

Для понимания особенностей контекста образовательной миграции в странах Восточной Азии необходимо рассмотреть аспекты поддерживающего поведения семьи образовательного мигранта. Авторы монографии выявляют несколько типов семей, которые возникают в связи с особенностями образовательной миграции молодежи из стран Восточной Азии. В Южной Корее в результате экономических и социальных изменений возник феномен семьи-кироги (в пер. с кор. — дикий гусь, перелетная птица), члены которой выбирают раздельное проживание в разных странах ради образования детей. Семьи, принадлежащие к среднему классу, отправляют детей за границу с целью изучения английского языка, получения образования в англоязычной школе и/или университете. Один из членов семьи

переезжает вместе с детьми, чтобы обеспечить заботу и уход. Обычно это мать или другие родственники женского пола. При этом отец семейства остается в Корею, взяв на себя бремя одиночества и финансового обеспечения всех членов семьи.

Другой тип семьи, мигрирующей в ту или иную страну в образовательных целях, так называемой «*семьи-астронавтов*», распространен среди мигрантов из Гонконга, Тайваня и Китая. Семья переезжает в другую страну в полном составе, когда старшему из детей исполняется 14-15 лет (незадолго до получения свидетельства о получении среднего образования и поступления в колледж). Через некоторое время один из родителей начинает периодически выезжать на родину по работе. Такие пары, как правило, мигрируют на правах бизнес-мигрантов (инвесторов) или высококвалифицированных специалистов. Авторы монографии отмечают рациональный подход родителей абитуриентов из стран Восточной Азии к поступлению в вуз за рубежом. В этих семьях признается очевидной экономическая целесообразность переезда в страну будущего обучения ребенка, инвестирование в экономику страны пребывания, по сравнению с необходимостью оплаты обучения двух детей в университете в течение четырех-пяти лет [Brooks, Waters, 2011: 48-50].

Характерная особенность образовательной миграции молодежи из стран Восточной Азии заключается в том, что в большинстве случаев получение образования за рубежом принимает семья, это не личный выбор молодого человека. Дети из таких семей реализуют мечты родителей о лучшем профессиональном образовании или продолжении семейной традиции работы в той или иной отрасли. Родители оплачивают университетское образование детей за рубежом для получения более прикладных или популярных (с их точки зрения) специальностей. Дети, в свою очередь, соглашаются с выбором родителей и из чувства конфуцианской сыновней почтительности, и из-за того, что родители являются для них единственным источником финансовой поддержки при получении образования за рубежом.

В стремлении составить социально-экономический портрет британского студента, получившего образование за рубежом, Р. Брукс и Дж. Уотерс используют данные Центра миграционных исследований Университета Сассекса. Согласно данным этой организации, молодые люди из Великобритании, родители которых заняты в сфере интеллектуального или управленческого труда, стремятся получить образование в других странах. Более того, среди учащихся за рубежом доля студентов из семей с родителями, получившими высшее образование, значительно выше по сравнению с теми, чьи родители не имеют университетской степени. Они все обладают обширным доступом к социальному, культурному и экономическому капиталу, ассоциируемому с уровнем жизни среднего и выше среднего классов. Родительская поддержка и заинтересованность в получении детьми высшего образования, высокие ожидания членов семьи от получения зарубежного образования — все это присутствует у информантов из Великобритании, но наиболее значимым фактором образовательной мобильности является, по мнению авторов исследования, концепт коллективного габитуса, укорененного в студенческой среде, о том, что путешествовать и учиться за границей считается «нормальным». Многие из тех, кто так считает, имеют родителей, которые жили некоторые время или родились за пределами Великобритании. Примечательно, что получившие

ученую степень за рубежом, отличаются от своих соотечественников более разнообразным социальным происхождением: среди них преобладают представители нижних социально-экономических слоев, реже среди них встречаются выходцы из состоятельных семей или семей с родителями, имеющими высшее образование [Brooks, Waters, 2011: 99-100].

В поисках преимуществ и недостатков зарубежного диплома для британского выпускника с точки зрения возможностей трудоустройства Р. Брукс и Дж. Уотерс к своему удивлению выявили, что зарубежное образование совсем не рассматривается как средство повышения своих позиций на рынке труда в Англии. Более того, ряд информантов отмечают, что получение квалификации за рубежом может привести к некоторым трудностям с последующим трудоустройством в Великобритании, во-первых, в связи с более длительным сроком обучения по сравнению с британскими вузами и, во-вторых, с неосведомленностью местных работодателей о зарубежных университетах, что может выражаться в недоверии к качеству диплома соискателя. Образование за рубежом, хотя и не воспринимается как автоматическое преимущество на отеческом рынке труда, но все-таки рассматривается как значимый этап для открытия возможностей работы за границей, в особенности в стране получения образования. Однако такое мнение было свойственно небольшой группе опрошенных. Большинство отправлялось на учебу в другие страны, чтобы пожить в другой стране и, в некоторых случаях, получить вид на жительство. Авторы отмечают, что получение высшего образования британским студентом в иностранном университете, с одной стороны, может приводить к снижению конкурентоспособности при трудоустройстве на родине, но, с другой стороны, дает возможность жить и работать за рубежом [Brooks, Waters, 2011: 100].

Авторы книги приходят к выводу, что образовательная миграция для молодежи из Восточной Азии, в отличие от европейских студентов, чаще всего является «семейным проектом». Мотивация европейских студентов базируется на мнении об общепринятой тяге молодежи к путешествиям и приключениям, в то время как студенты Восточной Азии мотивированы карьерными ожиданиями, перспективами по возвращении на родину и желанием родителей — представителей среднего класса повысить социальный статус семейного клана.

Определенный научный интерес представляет раздел монографии, посвященный государственной политике в сфере высшего образования ряда государств. Данный раздел не случайно предлагается читателю в самом начале книги. Авторы монографии полагают, что политика в сфере распределения доступа к образованию является одним из ключевых факторов, определяющих расширение географии студенческой международной мобильности. Исследователи доказывают, что студенческая миграция, преимущественно с Востока на Запад, демонстрирует заложенное в прежние десятилетия неравенство и обесценивание в странах Запада дипломов, полученных на Востоке. География образовательной мобильности подтверждает, что международная система образования по-прежнему «благоволит» западным странам [Brooks, Waters, 2011: 135].

В подтверждение своей концепции образовательного империализма авторы отмечают, что зарубежные дипломы меньше ценятся в Великобритании, чем в стране получения образования. Исследования образовательных стратегий сту-

дентов из Гонконга в Канаде показывают, что выпускники канадских вузов гораздо выше ценятся на рынке труда Гонконга по сравнению с принявшими решение остаться работать в Канаде [Brooks, Waters, 2011: 128].

Монография Рейчел Брукс и Джоанны Уотерс, посвященная мотивации студенческой мобильности, причинам образовательной миграции и вопросам интернационализации высшего образования, вносит свой вклад в комплекс теорий транснациональной мобильности. Масштабное сравнительное исследование образовательных траекторий и мотиваций обучения за рубежом пронизано, тем не менее, убежденностью авторов в том, что в мировом масштабе в образовательных целях студенчество мигрирует с Востока на Запад, из неанглоязычных стран в англоязычные. Благодаря географическому охвату научной проблемы монография представляет собой уникальный источник эмпирических данных по вопросам международной образовательной миграции от Запада до Востока.

Список литературы (References)

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Эффект длительного пребывания россиян в странах Запада [Электронный ресурс] // Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России (Теории, наблюдения, биографические интервью. Советы студентам) / Российская академия наук, Институт социологии, Государственный академический университет гуманитарных наук, Научно-образовательный центр по специальности «Социология»; под ред. В. А. Ядова. М.: ТАУС, 2009. С. 129—269. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18942392&> (дата обращения: 17.04.2017).

Konstantinovskii D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. (2009) The effect of a long stay of Russians in Western countries. In: *The Impact of Western Socio-Cultural Samples on Social Practices in Russia (Theories, Observations, Biographical Interviews. Student Tips)*. Ed. by V. A. Yadov. Moscow: TAUS. P. 129—269. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18942392&> (accessed: 17.04.2017).

Леденева Л. И., Тюрюканова Е. В. Российские студенты за рубежом: перспективы возвращения в Россию. М.: Страховое ревю, 2002.

Ledeneva L. I., Tyuryukanova E. V. (2002) Russian students abroad: prospects for returning to Russia. Moscow: Insurance Review.

Чередниченко Г. А. Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований) [Электронный ресурс]. М.: ЦСПиМ, 2014. URL: https://5top100.ru/upload/iblock/3f7/cherednichenko_obrazov_i_prof_traektorii_rossiskoy_molodezhi.pdf (дата обращения: 17.04.2017).

Cherednichenko G. A. (2014) Educational trajectories and professional careers (on the materials of sociological research). Moscow: TsSPiM. URL: https://5top100.ru/upload/iblock/3f7/cherednichenko_obrazov_i_prof_traektorii_rossiskoy_molodezhi.pdf (accessed: 17.04.2017).

Baas M. (2007) The language of migration: The Education industry versus the migration industry. *People and Place*. Vol. 15. No. 2. P. 49—60.

Brooks R., Waters J. (2011) *Student Mobilities, Migration and the Internationalization of Higher Education*. Palgrave MacMillan, New York.

Conradson D., Latham A. (2005) Friendship, networks and transnationality in a world in a world city: Antipodean transmigrants in London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 31. No. 2. P. 287—305. <https://doi.org/10.1080/1369183042000339936>.

Favell A. (2008) *Eurostars and Eurocities. Free Movement and Mobility in an Integrating Europe*. Oxford: Blackwell Publishing. <https://doi.org/10.7202/044923ar>.

Findlay A., King R. (2010) *Motivation and Experiences of UK Students Studying Abroad. BIS Research Paper No. 8*. London: Department for Business, Innovation and Skills.

Jackling B. (2007) The lure of permanent residence and the aspirations and expectations of international students studying accounting in Australia. *People and Place*. Vol. 15. No. 3. P. 31—41.

King R., Ruiz-Gelices E. (2003) International student migration and the European 'year-abroad': Effects on European identity and subsequent migration behavior. *International Journal of Population Geography*. Vol. 9. No. 3. P. 229—252. <https://doi.org/10.1002/ijpg.280>.

Krzaklewska E. (2008) Why study abroad? An analysis of Erasmus students' motivations. In: Byram, M., Dervin, F. (eds) *Students, Staff and Academic Mobility in Higher Education*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. P. 82—98.

Murphy-Lejeune E. (2002) *Student Mobility and Narrative in Europe. The New Strangers*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203167038>.

Ong A. (1999) *Flexible Citizenship: the Cultural Logics of Transnationality*. Durham: Duke University Press.

Sheller M., Urry J. (2016) Mobilizing the new mobilities paradigm. *Applied Mobilities*. Vol. 1. No. 1. P. 10—25. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23800127.2016.1151216> (accessed: 19.02.2016). <https://doi.org/10.1080/23800127.2016.1151216>.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.19

Правильная ссылка на статью:

Трофимов С. В. Увлекательное путешествие по социологии религии. Рец. на кн.: Островская Е. А. Социология религии: введение. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2018. 320 с. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 378—386. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.19>.

For citation:

Trophimov S. V. (2019) An exciting journey into the Sociology of Religion. Book review on “Sociology of Religion: An Introduction” by E. A. Ostrovskaya. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 378—386. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.19>.

С. В. Трофимов

**УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ.
РЕЦ. НА КН.: ОСТРОВСКАЯ Е. А. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ВВЕДЕНИЕ.
СПБ. : ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, 2018. 320 С.**

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ. РЕЦ. НА КН.: ОСТРОВСКАЯ Е. А. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ВВЕДЕНИЕ. СПБ. : ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, 2018. 320 С.

AN EXCITING JOURNEY INTO THE SOCIOLOGY OF RELIGION. BOOK REVIEW ON “SOCIOLOGY OF RELIGION: AN INTRODUCTION” BY E.A. OSTROVSKAYA

ТРОФИМОВ Сергей Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломносова, Москва, Россия
E-MAIL: troph@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7362-703X>

*Sergei V. TROPHIMOV*¹ — Cand. Sci. (Soc. Sci.), Associate Professor, Chair of Modern Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: troph@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7362-703X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. Рецензия знакомит читателя с новой книгой известного российского социолога Е. А. Островской «Социология религии: введение», вышедшей в свет в 2018 г. в издательстве «Петербургское востоковедение». Книга подробно и увлекательно описывает основные классические и современные концепции религии, принятые в социологии, каким образом социологические методы позволяют исследовать проявления религии в повседневной жизни, как устроены религиозные организации и как религия трансформируется в медиапространстве. Книга предназначена для широкого читателя, а уровень изложения и полнота освещаемого материала удовлетворят самого искушенного читателя.

Ключевые слова: социология религии, религиозность, религиозные организации, социологические исследования

Abstract. The review introduces the readers to the new book by the well-known Russian sociologist Elena Ostrovskaya “Sociology of Religion: An Introduction” published in 2018 by the St Petersburg Oriental Studies Publishing House. The book provides a fascinating and detailed overview of the main classical and contemporary concepts of religion applied in sociology. It explains how sociological methods help explore manifestations of religion in everyday life, how religious organizations function and how religion is evolving in media space. The book is intended for a wide audience and can satisfy even the most sophisticated reader.

Keywords: sociology of Religion, religiosity, religious organizations, sociological research, sociology of religion

Новая книга известного российского социолога Е. А. Островской «Социология религии: введение», вышедшая в свет в 2018 г. в издательстве «Петербургское востоковедение», уникальна по многим показателям. Прежде всего, это научно-популярная книга, изложенная доступным, хотя и академическим языком, она содержит материал, который обычно обсуждается в рамках учебников и учебных пособий. Это относится и к охвату первоисточников, и к точности и доскональности изложения.

Автор определяет замысел книги как удивительное путешествие по социологии религии — науке, «способной показать, как и что устроено в самых потаенных уголках человеческого мира», и «реально помогающей понимать сложные и крупные проблемы современности» [Островская, 2018: 9]. Можно с уверенностью сказать, что этот амбициозный проект был осуществлен, причем автору удалось соблюсти тонкий баланс между точным изложением основополагающих первоисточников с увлекательным и нескучным описанием причудливой истории нашей науки. В тексте ощущается богатый опыт эмпирических исследований, который позволяет автору в одном абзаце объяснить сложный теоретический вывод, привести пример из исследования в синагоге или дацане, доходчиво связать эти тезисы и вернуться к анализу сложного теоретического вопроса. Этот скачок «с небес на землю и обратно» читается легко и естественно.

Книга Е. А. Островской воспринимается как беседа автора с читателем. Поэтому фразы, подобные «Едва ли Вебер и Трёльч планировали обронзоветь и перекрыть своими бюстами дорогу всему новому» [Островская, 2018: 137], предстают во всех красках яркого лекционного образа, обрушивающегося на внимательного студента. Можно заметить, что текст полон юмора и неожиданностей. Уверен, что многим читателям запомнится заголовок «Религиозность улыбается и машет» [Островская, 2018: 97]. Вместе с тем обсуждение самого определения религиозности, возможностей его социологического изучения остается предельно точным, но крайне увлекательным, а иногда и драматическим.

Наконец, религия в работе представлена не в некоем абстрактном и идеализированном теоретическом описании — «как должно быть», а «как оно есть в реальности». Именно так социология может и должна изучать религиозный феномен, задавая вопрос не о богословски правильном описании религиозного знания, а о мотивациях, потребностях и взаимодействиях людей, которых в повседневной жизни касаются вопросы веры.

Социолог не располагает инструментарием, способным априори разделить религиозные организации на «традиционные» и «нетрадиционные», так как по отношению к принципам построения одной религии или конфессии другие чаще всего будут выступать как «нетрадиционные». Временами этот момент вызывает ожесточенные споры на конференциях, где собираются не только социологи, но и представители верующих, педагоги и даже религиоведы. Сталкиваются две позиции: одна — идеальная, связанная с откровением, богословским учением и догматами, в определенном роде недостижимая — то, как верующий представляет свою религию; другая позиция — «вести с полей», результат эмпирического исследования — опроса, наблюдения, интервью, непредвзятая, отражающая социальную реальность, но зачастую кажущаяся верующему карикатурной и, к сожалению, даже оскорбительной.

Другой тенденцией является претенциозное противопоставление «настоящих» верующих, которые существовали в некоторый исторический момент (например, соблюдающие евреи в местечке на рубеже XIX и XX веков, дореформенные католики) и соответствуют принятым в академической науке историческим взглядам, и «неправильных» современных верующих, стремящихся не просто приспособиться в светском мире, но осваивающих транснациональную и глобальную реальность. Социологу рекомендуют забросить попытки «найти религию самому» и советуют обратиться к историческим фолиантам, «где уже все до вас описано».

И здесь необходима терпеливая работа по популяризации социологии религии — задача, которую удачно выполняет рецензируемая книга Е. А. Островской, объясняющая возможности социологического исследования, подходы социолога и смысл получаемого им результата.

Относительно краткий, но очень важный раздел книги, посвященный предмету социологии религии, подчеркивает очевидный факт, который почему-то постоянно забывается критиками социологии: методы нашей науки позволяют изучать религию только в рамках повседневного опыта взаимодействия верующих, специфических для нее организаций. Социология может изучать только эмпирическую данность, должна быть нейтральной относительно осмысления религии как

психологического переживания или трансцендентного явления. Вместе с тем изложенные в книге размышления социолога-практика могут побудить к переосмыслению теоретического наследия и, почему нет, новым наработкам в этой области. Изучение разнообразия религиозного феномена позволит преодолеть сложившееся за XX век фокусирование социологического изучения религии на христианских организациях и проблемах секуляризации.

Высказанное ограничение не отрицает компетентности социолога в изучении вероучительных текстов, в которых разъясняется понимание и наполнение веры в данной религии, но социология лишь делает первые шаги в анализе концепта веры, разработке адекватного инструментария для эмпирических исследований.

Е. А. Островская отмечает важность изучения религиозного феномена доступными социологическими методами: «как взаимодействия лицом к лицу, как [...] организаций, как коммуникаций/идеологий» [Островская, 2018: 12]. В этом социология религии мало чем отличается от других отраслевых дисциплин, определение предмета социологии религии исключительно социологично и опирается на социологические методы и теории. С одной стороны, это позволяет охватить интерактивный, организационный и коммуникативный уровни религиозной подсистемы общества, с другой — накладывает значительные ограничения на привлечение других аспектов, связанных с религией — откровения, доктрины и т. д. Тем самым автор указывает на важность изучения повседневного опыта религиозного феномена и подчеркивает нейтральность социологии религии относительно трансцендентности религии. «Социологи не отрицают и не подтверждают реальности/отсутствия таковой (мистической трансцендентной реальности). Это уже не в их компетенции» [Островская, 2018: 13].

Автору представляется необходимым сначала разобраться с тезисами и концепциями классических концепций для того, чтобы установить новизну вклада современных теоретиков. Свежи и основательны прочтения Е. А. Островской теорий религии К. Маркса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и Р. Белла. Автор разрушает сложившиеся стереотипы, подсказывает правильные направления для дальнейшего изучения социологии религии. Важно, что автор использует оригинальные тексты, поскольку пересказы материала из учебника в учебник, в том числе в переводах зарубежных статей и монографий, приводят к эффекту «испорченного телефона», в результате чего некоторые детали теории искажаются. В книге Е. А. Островской мы обнаруживаем не один эпизод, уточняющий, если не исправляющий привычное понимание теорий.

Этот подход встречается, например, при изложении теории К. Маркса и Ф. Энгельса, в желании отойти от редуционистской трактовки их вклада в социологию религии, отбросить превратившиеся в мемы и штампы «крылатые выражения», на самом деле не принадлежащие этим авторам, обратиться к первоисточникам. И это гораздо интереснее, чем представляется первоначально. Разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом концепция религии оказывается гармоничной частью их теории общества в целом. Полезен и важен разбор Е. А. Островской основных версий понимания марксистской теории от «школьного марксизма» до пафоса представителей франкфуртской школы, которые скорее запутывают понимание этого классического подхода к пониманию религии в об-

ществе. Популярность теории сыграла с ней злую шутку: собственные версии и пересказы многократно исказили ее, поэтому для понимания роли религии в обществе необходимо вернуться к оригинальной версии.

Разрушает сложившиеся стереотипы Е. А. Островская и относительно М. Вебера, предстающего в учебниках по социологии основоположником социологии религии, причем часто упускается вклад таких его современников, как Г. Зиммель и В. Зомбарт, которые в свое время пользовались даже большей славой и популярностью, чем М. Вебер. Е. А. Островская считает, что «лидерство» в социологии религии М. Веберу обеспечили его «социологическая реконструкция» [Островская, 2018: 33] смыслов социальной деятельности и разработанный им концептуальный инструментарий понимающей социологии. Также М. Веберу автор отдает пальму первенства в определении центрального вопроса социологии религии: «каким образом религия, постулирующая свою реальность и цели за гранью повседневного опыта, отрицающая и критикующая мир, совершенно отчетливо обнаруживает свойственные ей социальные, политическое и экономическое измерения и своим социокультурным развитием и закреплением способствует стабилизации общества» [Островская, 2018: 13]. Кстати, в тексте доступным языком обсуждается специфика подхода каждого из авторов ставшей хрестоматийной дихотомии «церковь — секта» М. Вебера и Э. Трёлча.

Новые концепции религии также рассматриваются довольно оригинально. Выбор концепций Т. Лукмана и Н. Лумана и достаточно подробный анализ системно-функциональной концепции Н. Лумана Е. А. Островская мотивирует долгосрочностью наблюдений за социологическими обсуждениями религии как системы общества: в большинстве случаев более поздние теоретики так или иначе присоединяют свои тезисы к лумановской или к лукмановской концепции [Островская, 2018: 66].

Поразительным курьезом предстает история о несуществующей «невидимой религии» Т. Лукмана, появившейся в навязанном ему американским издателем названии монографии [Luckmann, 1967]. Тем не менее этот термин прижился, концепция Т. Лукмана с таким названием широко обсуждается в социологии религии, даже несмотря на его собственный скептицизм к этому названию — хотя в оригинальной монографии — «Проблема религии в современном мире» [Luckmann, 1963]. этой идеи не присутствовало. Т. Лукман отходит от изучения церковной религии и смещает акцент на эмпирическое изучение религиозности. Особым его интересом стали генезис и структура индивидуальной религиозности.

Нечто похожее происходит, например, с «цепями памяти» в переводах с английского книги Д. Эрвьё-Леже «Религия как память»: во французском тексте нет никаких цепей, но только «последовательности»¹ [cf. Hervieu-Léger, 1993]. На русском же цитируют перевод с английского [cf. Hervieu-Léger, 2000], что привело к пониманию теории французского социолога отечественными исследователями именно в версии с «цепями памяти».

¹ Hervieu-Léger D. La Religion comme mémoire, Paris, Cerf, 1993, 274 p.; английский перевод: Hervieu-Léger D. Religion as a Chain of Memory. Cambridge, 2000. 204 p., в связи с чем в российских исследованиях название чаще приводится как «Религия как цепь памяти», хотя в действительности во французском тексте речь идет скорее о «последовательности», а не о «цепи».

Обсуждает Е. А. Островская и один из самых острых вопросов современной социологии религии — вопрос о соотношении веры и религиозной принадлежности. С одной стороны, ответ на этот вопрос оказывается крайне запутанным в контексте западноевропейского секулярного общества, но с другой — социолог должен интерпретировать данные о людях, заявляющих о своей вере, но отрицающих свою принадлежность к какой-либо религиозной организации. Как соотносить веру и религиозную принадлежность? Сегодня «вера без принадлежности» появляется и в российских опросах и остается одним из насущных и острых социологических вопросов. Позиция Г. Деви, высказанная в работе «Вера без принадлежности — будущее религии в Британии?» в 1990 г. [Davie, 1990] вызвала поворот к новому пониманию возможности оставаться верующим без определенной «правильной» религиозной практики и тем более без четкой конфессиональной принадлежности. Очередная работа Г. Деви «Замещающая религия: методологический вызов» (2007) убедительно показала, что, несмотря на «избегание» европейцами храмов и, тем более, уплаты церковных налогов, они не отказываются от веры. Британская исследовательница смещает акцент с количественных методов на качественные, что приводит к новым результатам.

Отдельным направлением в изучении современных религиозных (в широком смысле) практик стало разведение понятий «духовности» и «религии», начатое К. Кэмпбеллом в 1972 г. и продолжающееся в работах исследователей, настаивающих на необходимости выделения особой дисциплины — «социологии духовности» и рассматривающих тех, кто «нерелигиозен, но духовен». Вероятно, такая перспектива перемещает острие исследований с позиции «секулярность против религии» — так же, как ранее произошел сдвиг с «науки против религии».

Важным и плодотворным представляется рассмотрение Е. А. Островской типологии религиозных организаций и отдельный подробный анализ новых религиозных движений (НРД) и культового движения. Примеры российских культов — от телевизионного А. Чумака (1989) и А. Кашпировского (1988), С. Коновалова [Островская, 2018: 153], — приводятся достаточно подробно, чтобы молодые исследователи и студенты, не заставшие описываемые события, могли получить представление о характере и размахе этих явлений.

Было бы сложно представить работу Е. А. Островской без раздела «Навстречу новым понятиям и типологиям», обращенного если не в удаленное будущее, то, по меньшей мере, обсуждающего реалии самого насущного момента, в том числе вопросы, связанные с изучением принципиально новых религиозных организаций — не вписывающихся в привычные рамки, связанные с пониманием и изучением христианских религиозных организаций.

Очень важны в книге Е. А. Островской подробные примеры из эмпирических исследований — цитаты из расшифровок интервью. Эти «картинки» позволяют понять ход анализа религиозного феномена, запутанность понимания религиозного вопроса со стороны самих носителей, приоткрывают их «кухню», на которой нет готовых рецептов: это и многолетнее исследование ортодоксальных еврейских общин на постсоветском пространстве, и изучение буддийских общин Санкт-Петербурга, и другие эмпирические исследования. Религиозный феномен не останавливается на границе конкретного общества. Е. А. Островская подтверждает многогранность

и многоликость объекта нашей дисциплины, приводя сравнение буддийских организаций в России и в Южной Корее. Такой социокультурный «спарринг» показывает одновременно неожиданно схожие, но возникшие независимо друг от друга особенности, которые необходимо учитывать при изучении религиозного феномена. Интересно, что автор выделяет также черты, заимствованные религиозными организациями из практик других религий, в том числе своих прямых конкурентов на религиозном рынке. Даже в анализе конкуренции буддизма и христианства в этих странах прослеживается четкая специфика.

Последняя глава книги «Религия в глобальном и медиапространстве идеологий» содержит уникальный материал, который обычно остается за рамками курсов социологии религии и в лучшем случае обсуждается в рамках дисциплин по выбору. Возрастающая сложность глобализационных процессов и укрепляющиеся культурные связи вынуждают социологов религии искать новую постановку исследовательской проблемы. Е. А. Островская ставит вопрос ребром: «а какой была прежняя устаревшая ее формулировка?» [Островская, 2018: 198]. Изучение христианских организаций в условиях мировоззренческого плюрализма светских западных обществ редуцировало все остальные религиозные системы к аналогиям с привычными схемами и было заведомо обречено на методологические ошибки. Однако изменения, происходящие в мире и прежде всего в западных обществах, привели к необходимости поиска нового понимания религиозной идентичности. Парадоксальная ситуация, констатируемая сегодня, противопоставляет религиозные меньшинства, а диаспоры успешно действуют в рамках светских демократий и приводят к изменениям и без того нестабильной ситуации. Понимание этих процессов должно стать одной из главных задач социологии религии, хотя наиболее важной целью мог бы быть социологический прогноз трансформаций.

Возрождение религии не может быть обращено в прошлое, в восстановление исчезнувших практик, даже во имя памяти мучеников. Невозможно реконструировать модель, успешно существовавшую в определенную историческую эпоху. Это искушение возникает как у самих верующих, пытающихся воссоздать прошлое, так и у научного сообщества, считающего эталоном религиозной организации архивные и музейные материалы.

Например, во Франции после революционного жернова XVIII века, сломавшего сложившуюся веками и имевшую многочисленные международные связи монастырскую систему, в середине XIX века обратившиеся энтузиасты выкупили старинные аббатства и пытались восстановить в них монастырскую жизнь. Так, Жан-Баптист Лакордер способствовал возрождению доминиканского ордена во Франции. Первоначально энтузиасты ориентировались на идеализированные романтические образцы средневековья, почерпнутые из исторических книг. Постепенно, лишь с возвращением из изгнания монахов, имевших опыт монашеской жизни до революции (как в цистерцианском аббатстве Ла Трапп), и с восстановлением международных связей с монастырями ордена за пределами Франции, жизнь возрождаемых монастырей смогла не «вернуться на несколько веков назад» (в неизбежном варианте «реконструкторства»), но восстановиться в современном ей моменте развития французского общества. Другой пример — попытка возрождения православных приходов и монастырей в России в 1990-е

годы, когда после советского периода верующие энтузиасты имели перед глазами лишь книжные образцы дореволюционной приходской и монашеской жизни, которые брались за образец без учета прошедших в обществе и мире перемен. Так и молодые романтики, приходящие в российские лютеранские и католические приходы, часто остаются разочарованными, обнаруживая в храмах вполне современных россиян и не находя воплощения своих фантазий и исторических мечтаний.

Е. А. Островская из своей исследовательской практики приводит примеры трансформаций в сравнении с «архивной моделью», которые вносят в свою повседневную жизнь соблюдающие евреи, и анализирует причины происходящих перемен. Нельзя не согласиться с идеей о важной роли транснациональных религиозных взаимодействий, формирующих совершенно новые принципы и практики. Утверждение автора, что «современное соблюдающее еврейство постсоветского общества — принципиально новый социокультурный феномен, не имеющий исторических прототипов» [Островская, 2018: 237], аргументируется и подтверждается результатами многолетнего эмпирического исследования, которые, кстати, наталкиваются на активное сопротивление приверженцев «методологического натурализма» от социологии. Между тем, полученный исследовательский опыт Е. А. Островской ценен для изучения реальной среды современных религиозных общин и организаций, в том числе труднодоступных.

Помимо возросшей роли транснациональных религиозных сетей и транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий, которую Е. А. Островская описывает на примере тибетского буддизма и уйгурского национализма, автор уделяет внимание роли цифрового и медийного изменения социальной реальности и необходимости изучения этих аспектов в социальной системе религии. Актуальная и практически неизведанная в отечественной социологии религии область, обсуждаемая Е. А. Островской в книге, касается медиатизации религии и медиaprостранства религиозных идеологий. Основывая теоретическую базу для понимания этого вопроса прежде всего на работах международного проекта «Скандинавская исследовательская сеть по изучению медиатизации религии и культуры» и работах участников проекта Стига Хьярварда и Мии Лёвхайм², Е. А. Островская намечает основные методологические предпосылки для концептуализации исследования религии в медиасреде, а также предложенные скандинавскими исследователями типологии. Прекрасным примером подобных исследований оказывается собственное исследование Е. А. Островской, посвященное православной идеологии в артхаусном кино.

Книга, заявленная как о научно-популярное издание, достаточно полно и основательно охватывает основные разделы университетского курса «Социология религии» — от доброй классики до современных топовых вопросов, а благодаря выбранному жанру в определенной мере у автора появилась возможность расширить и углубить доступный для обсуждения материал, поделиться с читателем «секретами кухни» и позволить себе увлекательный и остроумный стиль изложения. Книга, безусловно, найдет благодарного читателя как среди коллег по цеху и сту-

² Скандинавская орфография сложно поддается русской транскрипции. Имена исследователей в оригинале звучат примерно как «Ярвэр» и «Лёвейм».

дентов социологов и религиоведов, так и среди всех интересующихся религией как социальным явлением.

PS. После прочтения книги Е. А. Островской могу сказать, что горжусь своей наукой, разделяю с автором интерес к нашей научной дисциплине, в рамках которой возможно проводить интереснейшие актуальные исследования современных процессов, протекающих в обществе, и перед которой раскрывается замечательное будущее, так как религия в обществе остается одной из интересных областей, важных для функционирования общества в целом и оставляющей простор для пытливого исследователя.

Список литературы (References)

Островская Е. А. Социология религии: введение. СПб. : Петербургское Востоковедение. 2018. 320 с.

Ostrovskaya E. A. (2018) *Sociology of Religion: Introduction*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 320 p.

Luckmann T. (1963) *Das Problem der Religion in der modernen Gesellschaft*. Freiburg im Breigau: Verlag Rombach, 83 p.

Luckmann T. (1967) *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. By Thomas. New York: The Macmillan Company, 128 p.

Hervieu-Léger D. (1993) *La Religion comme mémoire*, Paris, Cerf. 274 p.

Hervieu-Leger D. (2000) *Religion as a Chain of Memory*. Cambridge. 204 p.

Davie G. (1990) *Believing without Belonging: Is This the Future of Religion in Britain?* *Social Compass*. Vol. 37. No. 4. P. 455–469.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.20

Правильная ссылка на статью:

Ермолаева О. Я. Социальное конструирование в цифровой медиасреде. По материалам секции на IX Грушинской социологической конференции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 387—399. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.20>.

For citation:

Ermolaeva O. Ya. (2019) Social construction in digital media environment: based on the proceedings of the IX Grushin Conference. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 387—399. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.20>.

О. Я. Ермолаева
СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ
МЕДИАСРЕДЕ. ПО МАТЕРИАЛАМ СЕКЦИИ НА IX ГРУШИНСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ МЕДИАСРЕДЕ. ПО МАТЕРИАЛАМ СЕКЦИИ НА IX ГРУШИНСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

SOCIAL CONSTRUCTION IN DIGITAL MEDIA ENVIRONMENT: BASED ON THE PROCEEDINGS OF THE IX GRUSHIN CONFERENCE

ЕРМОЛАЕВА Ольга Яковлевна — кандидат психологических наук, старший сотрудник, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского сектора, Академия медиаиндустрии, Москва, Россия; директор, Некоммерческое партнерство «Медиа Комитет», Москва, Россия

E-MAIL: mediakomitet@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8107-433X>

Olga Ya. ERMOLAEVA^{1,2} — Cand. Sci. (Psychological Science) Leading Researcher, Senior Researcher, Research Sector; Director

E-MAIL: mediakomitet@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8107-433X>

¹ Media Industry Academy, Moscow, Russia

² Non-Commercial Partnership «Media Committee», Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлен обзор выступлений на секции «Социальное конструирование в цифровой медиасреде», состоявшейся в рамках тематического блока «Исследования и социальная инженерия в эпоху цифровизации» IX Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир». Данная секция была посвящена осмыслению цифровых конструктов, которые создаются в новых медиа. Представленные доклады содержат результаты практических исследований, касающихся разных аспектов социального конструирования.

Ключевые слова: Грушинская конференция, социальная инженерия, социальное конструирование в цифровой медиасреде, научный диспут, исследовательская индустрия, российское общество

Abstract. The article offers an overview of the reports presented at the section "Social Construction in digital media environment". The section was part of the thematic panel "Research and social engineering in the digital age" organized in the framework of the IX Grushin Conference titled "Social engineering: sociology changing the world". The section was devoted to understanding the digital constructs appearing in new media. The submitted reports contain the results of empirical studies related to various aspects of social construction.

Keywords: Grushin sociological conference, social engineering, social construction in digital media environment, scientific dispute, research industry, Russian society

В рамках Российской исследовательской недели (РИН), прошедшей с 18 по 22 марта 2019 г. и объединившей более десятка мероприятий в разных регионах России, состоялась IX Грушинская конференция «Социальная инженерия: как социология меняет мир», организованная Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в партнерстве с Финансовым университетом при Правительстве РФ и ставшая одним из центральных событий РИН. 20 марта была проведена секция «Социальное конструирование в цифровой медиасреде» в рамках тематического блока конференции «Исследования и социальная инженерия в эпоху цифровизации». Программным директором секции выступил Сергей Геннадьевич Давыдов, ректор Академии медиаиндустрии (Москва), он модерировал секцию совместно с Ольгой Сергеевной Логуновой, доцентом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Секция была посвящена осмыслению цифровых конструктов, которые создаются в новых медиа — стремительно развивающейся среде активного социального творчества. Выступающие дали ответы на вопросы, предложенные организаторами: каковы особенности социального конструирования в цифровых и традиционных медиа? Кто является субъектами социального конструирования в цифровой медиасреде? Социальные исследователи — пассивные наблюдатели или (со-) авторы цифровых медиаконструктов?

Во вступительном слове программный директор секции **Сергей Геннадьевич Давыдов** подчеркнул, что наступила пора социальных конструирований, соци-

альной инженерии, которая в значительной степени реализуется в системе новых медиа. То, что там сейчас происходит, является одним из источников бурного социального развития, социального творчества, куда вовлечены исследователи, социологи. Об этом свидетельствует большое количество предложенных тем и исследований, связанных непосредственно с темой секции «Социальное конструирование в цифровой медиасреде». В связи с этим было принято решение о расширении формата секции и проведении двух последовательных сессий в рамках заявленной секции. Представленные доклады в основном содержали результаты различных стадий разнообразных практических исследований, касающихся разных аспектов социального конструирования.

В докладе **«Формирование новых коммуникативных практик в цифровой среде» Игорь Вениаминович Задорин**, генеральный директор Исследовательской группы «ЦИРКОН» (Москва), и **Анастасия Владимировна Сапонова**, исследователь Исследовательской группы «ЦИРКОН», представили результаты многолетних исследований медиаповедения россиян, проведенных на основе анализа данных национального мониторинга медиаповедения населения России в 2009-2018 гг. в ходе Всероссийских выборочных опросов по репрезентативной выборке (1600 респондентов) по запросу Министерства связи и массовым коммуникациям РФ. Опросы в 2010, 2012, 2017 и 2018 гг. были проведены по инициативе и на средства Исследовательской группы «ЦИРКОН». Основной метод опроса — личное формализованное интервью по месту жительства. Докладчики представили оценку текущего состояния и перспектив изменения уровня медиаграмотности и изменений способов потребления информации по телевидению и в интернете населением России. Так, было указано, что уменьшилась доля людей, обращающихся к телевидению каждый день или почти каждый день с 85 % в 2009 г. до 69 % в 2018 г., в то время как пользование интернетом каждый день или почти каждый день увеличилось с 20 % в 2009 г. до 61 % в 2018 г. Докладчики подчеркнули, что рост использующих интернет для получения информации наблюдается во всех возрастных категориях пользователей. Россияне активно пользуются социальными сетями, наблюдается разнообразие целей обращения в интернет и способов использования его возможностей для общения. 91 % респондентов ответили, что не пишут в редакцию газеты или журнала, на телевидение или радио. В докладе представлены выводы о том, что коммуникативные практики меняются очень динамично. Изменения в течение десяти лет в основном касались проникновения интернета в старшие возрастные когорты и провинциальные территориальные группы. Потенциал этих групп, по мнению докладчиков, практически исчерпан на текущий момент. Важно, что общение переходит из традиционных видов коммуникаций (электронная почта, социальные сети), разделенных во времени, в мессенджеры, то есть в коммуникацию оперативную, непосредственную, при которой человек может быть в доступе в каждый момент времени.

Выступление **Валентины Александровны Шиловой**, ученого секретаря Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН, было посвящено проблемам манипуляций, информационных войн, коммуникативных провокаций, фейковых новостей, которые остро стоят на повестке дня. В своем докладе **«Использование манипулятивных технологий и техник в формиро-**

вании „картин мира“ в цифровой медиасреде» автор подчеркнула, что такие особенности цифровой медиасреды, как изобилие информации, анонимность, размытость повестки дня, подвижность, большое количество интерпретаций при отсутствии определенных навыков и умений, приводят к дезинформации и формированию ложных представлений. Активно используются следующие манипулятивные технологии, техники и приемы: фабрикация фактов, отбор реальных событий для сообщений, серая и черная пропаганда, размывание понятий, манипуляции с числом и цифрами, наклеивание ярлыков, несовместимость отдельных элементов системы, разрушение символов, давление на чувства, смещение смыслового акцента в сообщениях, подмена аргумента и др. Спикер представила результаты исследования 2018-2019 гг., посвященного манипулятивным техникам и технологиям, используемым при формировании картины мира у аудитории на примере российских публикаций по темам, связанным с событиями Олимпийских игр 2018 г. в интернет-СМИ: РИА «Новости», Life | Новости, Вести.ru, Lenta.ru, Правда.ru, Газета.ru, RussiaToday. Был использован интенциональный (мотивационно-целевой) метод анализа 244 публикаций (информационные статьи, новостные заметки, аналитические статьи), посвященных актуальным темам: допинг, выступление российских спортсменов под нейтральным флагом и заявления Григория Родченкова. Результаты анализа показали, что при освещении спортивных событий интернет-СМИ чаще использовали такие манипулятивные приемы, как ссылки на источники, метафоризация, олицетворение, манипуляции с заголовком, эмоциональная окрашенность, навешивание ярлыков и размытые понятия. Наличие манипулятивных приемов было установлено в спортивных публикациях Вести.ru, mk.ru, Газета.ru, Life | Новости, Коммерсант.ru, Russia Today, РИА «Новости» и Lenta.ru. Однако в целом в статьях об Олимпиаде 2018 г. преобладала нейтральная эмоциональная окрашенность. На втором месте — негативная окрашенность, на третьем — позитивная. Приведенные докладчиком выводы свидетельствуют, что в цифровой медиасреде увеличиваются возможности манипулятивного воздействия; возникают новые техники и приемы манипуляции, характерные исключительно для цифровых технологий. Манипуляции носят осознанный и неосознанный характер, а также как субъект-объектный, так и субъект-субъектный характер. Векторы манипулятивного воздействия подвижны, то есть направленность воздействия меняется; таким образом возможность неконтролируемых эффектов манипулятивного воздействия повышается.

Ольга Анатольевна Байша, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», выступила с докладом **«О коммуникативных провалах социальных движений в России и на Украине»**. Уроженка Украины, защитившая докторскую диссертацию в США, представила проблему коммуникативных провалов социальных движений в России и на Украине с точки зрения результатов своих исследований проблем прогрессивизма, изложенных в ее книге, изданной в США. На примере анализа генеалогии явления прогрессивного социального воображения, которое формировалось на протяжении многих веков глубокой трансформации западного общества, в периоды Реформации, возникновения буржуазии как класса, философии эпохи Просвещения, автор

показывает, что со временем эти исторические изменения приводят к идее о моральном росте человечества.

На этом фоне возникает миф об историческом авангарде, который ведет за собой общество. Появляется противопоставление цивилизационного Запада и прочих «варваров». Возникает понятие «современности», которое ассоциируется с понятиями свободы, модерна, независимости, достоинства, самодисциплины, рациональности. Это то, что формирует так называемого «современного человека» социальных трансформаций западного общества. Развитие приравнивается к эмансипации, свободе, прогрессу, освобождению от традиций, традиционного мышления, нормализуются просвещенческие идеи и устанавливаются границы мыслимого. По терминологии Мишеля Коко (Michel Cocco), все, что выходит за границы этого нового мысленного, за границы прогрессивного видения, представляется как исторически недоразвитое, ненормальное. Возникают идеи исправления исторической аномалии, модернизации, цивилизационной миссии. На сегодняшний день просвещенческий норматив исторического прогресса критикуется в академических кругах, особенно в постколониальных критических исследованиях. Однако он остается доминирующим в политических дискурсах, особенно в дискурсах социальных движений за демократию и социальную справедливость. Согласно мифологии прогрессивного воображения, движение к социальной справедливости — это всегда борьба между «современными людьми», «социальным авангардом» и так называемыми «варварами». Варварство приписывается людям и создается самими прогрессивистами, теми людьми, которые контролируют дискурс в обществе. Таким образом воссоздаваемая ими система координат воспроизводит существующие антагонизмы в обществе и не может привести к более справедливому устройству общества. Сегодня это разделение проходит уже не по континентальным и государственным границам, а внутри государственных образований, в результате чего возникает понятие «внутренних варваров». По мнению докладчика, такой прогрессивный дискурс глубоко антагонистичен, потому что разделение на «мы» и «они» ведет к нивелированию внутреннего многообразия каждой из этих двух групп, и возникает потребность их устранения — не обязательно физически, но культурно, через принуждение к социальной трансформации, то есть происходит символическое насилие (по Пьеру Бурдьё). Эта идея в системе координат существующего прогрессивного просвещения выглядит как нормальная и единственно возможная. Эти дискурсы докладчиком были проиллюстрированы примерами местных социальных движений на Украине и в России с использованием методов дискурсивной теории Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, которая находится на стыке постмарксизма и постструктурализма и рассматривается как серьезная критика с постструктуралистских позиций возможностей использования метатеорий в социальных науках. Дискурс Майдана был основан на анализе медиа, поддержавших Майдан (430 блогов и 1138 статей). Оказалось, что европейская интеграция глазами «прогрессивных» блогеров выглядит как средство достижения более прогрессивного цивилизационного состояния, «движение вперед», избавление от «совка», уход в современность из олигархического «феодализма» в рамках Договора с ЕС. Запад — это «модель нормальности», «цивилизованности» и «современности»;

безусловный моральный авторитет, наделенный правом судить, давать оценки и применять санкции. «Прогрессивные мы» — это те, кто поддерживали Майдан, характеризовались как смелые, свободные граждане, патриоты, европейцы. «Отсталые они» — те, кто был против — «совки», «рабы», «ватники», «продажные», «трусы». В этой ситуации структурный антагонизм «прогрессивного» социального воображения заключается в конфликте «добра» и «зла», при котором политическое решение невозможно. Это «прогрессивное» социальное воображение глубоко антагонистично и представляет собой спектакль добра и зла. Отсутствие видения внутренних противоречий делает невозможным создание широкой коалиции, что крайне важно для демократических преобразований. Вместо общественного диалога — символическое либо физическое уничтожение врага и невозможность достигнуть демократического состояния вопреки заявленным целям. Это глубинная причина того, что многие социальные движения на постсоветском пространстве терпят неудачи. По мнению докладчика, никакого демократического преобразования не наблюдается в этих странах.

В выступлении по теме доклада **«Исследование „сообществ смерти“ как новой формы опасности в школьной среде»** Анна Владиславовна Соболева, старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород), уточнила, что исследования проводятся на стыке двух научных интересов — это девиантное поведение социальной группы риска и социология массовых коммуникаций.

Для исследования указанного явления в Нижнем Новгороде было проведено несколько волн анализа: интернет-опрос «Новые формы девиантного поведения в школе: кибербуллинг» (март 2017 г.); анкетирование «Новые формы проявления кибербуллинга в социальных сетях: на примере феномена „Сообществ смерти“» (март 2018 года); контент-анализ новостей на тему «сообществ смерти» за 2016-2017 гг. До запуска волны опросов были предприняты попытки провести экспертные опросы, которые показали, что эта тема достаточно сложна даже для экспертов: люди не были готовы говорить на эту тему, не воспринимали ее как проблему. Таким образом, исследователи столкнулись с закрытостью школ и замалчиванием проблемы. В ходе исследования были отмечены особенности изучения кибербуллинга и других форм девиантного поведения в школьной среде, в том числе закрытость школ, замалчивание проблем, отсутствие в школе специалиста (социального психолога или социального работника) или его формальное присутствие, неготовность школьников к обсуждению существующих у них проблем и неосознавание подобных групп как опасных для них. Исследование «сообществ смерти» включало в себя изучение двух основных аспектов: буллинг и кибербуллинг как предпосылки вступления в «сообщества смерти» и исследование «сообществ смерти» как новой формы опасности в школьной среде. Среди причин популярности и продолжительного функционирования «сообществ смерти» со стороны социума были названы: нежелание признавать наличие проблемы; неумение работать с проблемой в рамках школьной среды; недостаточное знание и слабое представление педагогов и родителей об особенностях функционирования групп, а также о способах заманивания и удержания в этих сообществах подростков. Основной причиной популярности «сообществ смерти» среди школь-

ников стал поиск поддержки и понимания их проблем. В «сообщества смерти» школьники заманивались, затягивались насильно в той ситуации, когда они не находили поддержки среди своего окружения, в школе, в семье, когда они были предоставлены сами себе в конфликтных ситуациях. Среди значимых также желание подростка быть не таким, как все, быть «избранным», включенным в некое таинственное сообщество; романтизация смерти и связанных с ней событий со стороны сообществ («бабочки» и «киты»). Важность исследования «сообществ смерти» и им подобных состоит в создании методики, способствующей раскрытию основных проблемных моментов, способствующих вступлению молодежи в подобные группы; выявлению особенностей их функционирования с целью проведения профилактических мероприятий с подростками; конструированию проблемы и привлечению к ней внимания общественности. Докладчик обратила особое внимание на роль СМИ в решении этой проблемы. Так, было отмечено, что после привлечения общественного внимания к проблеме и выведения ее на государственный уровень деятельность «сообществ смерти» резко сократилась, снизилась их популярность. Но появляются новые виды опасных групп для подростков, например, АУЕ («арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство») — молодежное сообщество, пропагандирующее среди несовершеннолетних воровские понятия криминальной среды и тюремные понятия. Оно требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на «общак», взамен обещая поддержку и защиту в настоящем и будущем. Требуется изучение новых видов опасных групп для предотвращения их деятельности.

Александр Вячеславович Шариков, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва) в докладе «**Цифровая грамотность как фактор развития медиасферы**» отметил, что понятие «грамотность» возникает тогда, когда появляется и находит достаточно широкое распространение некоторое явление социально-культурного порядка. Понятие «цифровая грамотность» принято связывать с именем Пола Гилстера, чья книга «Цифровая грамотность» была издана в 1997 г. и стала первой в мире монографией, посвященной проблеме цифровой грамотности. И если первоначально, по словам докладчика, понятие «грамотность» связывалось с умениями и навыками трех видов деятельности человека — читать, писать, считать, — то с появлением фотографии, звукозаписи, кинематографа, радиовещания и телевидения возникла аудиовизуальная культура, которую стали обобщенно называть медиакультурой. Начиная с середины XX века, появилось множество направлений, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), которые объявляли о необходимости формирования цифровой грамотности. После объявления в 2017 г. курса на развитие цифровой экономики как государственной программы понятие «цифровая грамотность» стало ключевым. Появилось огромное количество проектов по цифровизации, которое стало мощным направлением. Если образование является механизмом воспроизводства и производства культуры, медиаобразование представляет собой механизм воспроизводства и производства медиакультуры и развития медиасферы. В цифровую эпоху формирование цифровой грамотности стало необходимым условием развития цифровой культуры, в том числе медиасферы. На текущий момент существует несколько подходов

в исследованиях цифровой грамотности, которые выступающий представил в виде двух парадигм: индустриальной и социокультурной. В русле индустриальной парадигмы существует индустриальный — ИКТ-подход, который не выходит за рамки развития информационно-коммуникационных компетенций (проект «Индекс цифровой грамотности — ИЦГ», РОЦИТ+НИУВШЭ). В рамках социокультурной парадигмы, по мнению автора, разработаны: концепция цифровой компетентности (Г. В. Солдатова и др.); концепция медийно-информационной грамотности — МИГ (ЮНЕСКО); Индекс медиаграмотности (ЦИРКОН).

Докладчик также представил обобщенную четырехкомпонентную модель цифровой грамотности, призванную учитывать, с одной стороны, существующие возможности цифровых технологий (расширение содержательно-коммуникативных и технико-технологических возможностей), а с другой — таящиеся угрозы (технические и социопсихологические угрозы, в том числе безопасность, ответственность, этические аспекты). С точки зрения содержательно-коммуникативных подходов в исследованиях была отмечена необходимость учитывать такие полезные возможности для пользователей, как общение в интернете и социальных сетях; возможность создавать тексты разного типа для адресатов сообщения; возможность создавать фотографии, аудио- и видеоматериалы на компьютере и пересылать другим и т. п. Техничко-коммуникационные возможности предоставляют условия для научения пользоваться инструментами поиска, хранения и передачи информации, в том числе браузерами, облачными технологиями, а также использовать технические каналы коммуникации (электронную почту, sms, Skype и др.). С другой стороны, следует не упускать из внимания опасности и необходимость им противостоять. Прежде всего это вопросы социопсихологической безопасности и соблюдение норм поведения в интернете, а также соблюдение мер предупреждения технической безопасности (умение использовать программы защиты информации, бороться с вирусами и понимание опасности разных действий для работы компьютера и другой цифровой техники). В заключение докладчик подчеркнул, что существует методологическая сложность при проведении исследований из-за невероятно высокой динамики развития цифровых технологий. Это требует непрерывного мониторингового подхода, который теоретически плохо осмыслен.

Ольга Сергеевна Логунова, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), в докладе «**Поиск партнера: цифровые практики использования Tinder в России**» представила результаты исследования, посвященного самопрезентации пользователей в Tinder. Tinder — это приложение для поиска партнеров. Знакомства происходят в режиме реального времени (location-based real-time dating); имеются два способа самопрезентации: фото и текст; опосредованность коммуникации, максимально приближенная к реальности; техносексуальность и геймификация: удовольствие от процесса (tindering); мобильность и синхронность: быстрые решения, стратегическая самопрезентация. По данным опроса ВЦИОМ¹, партнеров чаще всего находят при помощи родственников; при знакомстве и общении в интернете; в социальных сетях; на сайтах знакомств; при помощи свахи и через брачные

¹ Любовь нечаянно нагрянет? // ВЦИОМ. 30.08.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9278> (дата обращения: 10.07.2019).

агентства. С 2013 г. по 2018 г. уменьшилось количество людей, которые знакомятся через интернет, социальные сети и сайты знакомств. Тем не менее ответы на вопрос, который задавался уже в 2018 г.: «Как Вы считаете, эффективно ли такое взаимодействие и такой поиск сегодня?» — продемонстрировали следующие результаты: 58 % тех, у кого был личный опыт подобного рода знакомств, считают, что это эффективно, а вот среди тех, у кого такого опыта не было, 57 % считают, что этот опыт неэффективен.

Исследование начиналось с анализа истории самопрезентации. В рамках социологической теории рассматривались особенности того, как пользователь представляет себя. Для этого использовались два метода: контент-анализ профилей (текст и изображение), выборка типичного случая (заполненный профиль — минимум 1 строчка и 1 фото); 12 глубинных интервью. Было проанализировано 400 профилей, две группы мужских и женских профилей в двух возрастных группах: 100 мужчин 20-30 лет, 100 женщин 20-30 лет; 100 мужчин 30-40 лет; 100 женщин 30-40 лет. Далее были проведены глубинные интервью, с тем чтобы выяснить, каким образом происходит процесс поиска партнера и что про него говорят сами пользователи. Результаты показали, что женщины по сравнению с мужчинами менее охотно рассказывают о себе при помощи изображений: 39 % женских профилей содержат только одну фотографию, тогда как 47 % мужских заполнены с точки зрения визуального контента полностью. Но при этом фотографии женщин чаще содержат изображение собственной персоны, достаточно много селфи по сравнению с мужчинами, преобладает крупный план. Женские фотографии, как правило, показывают пользователя, хотя достаточно много концептуальных фотографий, с юмором, с отсылками. По мужским профилям часто складывалась такая ситуация, когда не совсем было понятно, кто представлен на фотографии, как выглядит потенциальный партнер. Показательны групповые фотографии, которые у женщин вообще не встречаются. Несмотря на большое количество фотографий, не всегда можно понять, кто именно является пользователем. В текстах о себе мужчины более красноречивы: они пишут больше, длиннее, используют не только русский язык. Достаточно большое количество профилей на английском, французском, испанском и прочих языках; довольно часто в профиле встречается сразу два языка, что с точки зрения пользователя расширяет поиск потенциального партнера. Кроме того, английский профиль не всегда говорит о том, что автор — носитель другой культуры и языка. Это просто способ презентации, который выбирает пользователь в данный момент. Мужчины чаще всего использовали положительную оценку себя, женщины более самокритичны. Кроме того, достаточно большое количество профилей используют эмодзи. В исследовании были представлены следующие барьеры использования приложения Tinder: негибкость технологий (запрограммированность технологии только для узкого набора функций); интерфейсная закрытость (недостаток информации для пользователей о том, как работает технология и как ее можно починить); стигматизация (навешивание социальных ярлыков, осуждение использования технологии); отсутствие пользовательских навыков использования технологии (информации о возможностях технологии); технологический интервенционизм

в сфере использования (напряжение и конфликты между социальными и культурными практиками и действием технологий).

Ольга Николаевна Руссова, доцент Северного арктического федерального университета имени М. В. Ломоносова, директор РОО Центр социальных измерений «ФОКУС» (Архангельск), выступила с докладом **«Социология социального протеста: взаимодействие акторов в контексте социальных сетей»**. Изучавшиеся протесты были связаны с реализацией мусорной реформы в Российской Федерации. Архангельская область — одна из 15 субъектов федерации, которые не вошли в мусорную реформу с 1 января 2019 г., реформа была отложена на полгода, однако протесты проходят с лета 2018 г. В Архангельской области в декабре-январе было осуществлено множество исследований, в том числе Высшей школой экономики, ВЦИОМ, «Колл-центром 24» и региональными центрами. Это привело к усталости в поле. Все исследования носили закрытый характер. В условиях роста массовости протестов было принято решение о необходимости проведения исследования Центром социальных измерений «ФОКУС», данные которого будут открыты. Исследование планировалось сделать публичным уже по ходу сбора материалов, поэтому информация о нем была размещена на платформе Monkey, и все пользователи могли в режиме реального времени видеть результаты. За десять дней опроса (была запланирована неделя до Всероссийской акции протеста 3 февраля и неделя после Всероссийской акции протеста) были получены ответы на 45 вопросов анкеты от 4 тысяч респондентов. Исследователи решили посмотреть, кто эти люди, которые пришли в опрос, понимая, что выборка в онлайн никогда не будет вероятностной, что не соответствует классическим правилам проведения социологических опросов. После проведения процедуры перевзвешивания оказалось, что картина сильно не изменилась, все в пределах погрешности. В опросе участвовали как сторонники мусорных полигонов, так и противники. Такая активность была вызвана, во-первых, остротой темы. Во-вторых, за счет шлейфа секретности планов создания двух мусорных полигонов в области в опрос пришли те люди, которым не хватает информации. С 28 января по 11 февраля 4021 человек ответили на вопросы анкеты. Полученные данные отражают мнение населения области по острым вопросам в конкретной ситуации (накануне и после единого дня протеста 3 февраля 2019 г.), ошибка выборки — 1,5%. Как показал анализ данных, поколенческие разрывы оказались нелинейными: в опрос пришли люди среднего и старшего возраста, а молодежь пришлось рекрутировать. Результаты полученных данных свидетельствуют, что наблюдается более высокая численность участников по сравнению с протестными мероприятиями по другим темам (например, пенсионная реформа); в митингах принимают участие представители различных социальных групп (интеллигенция, креативный класс, средний класс, представители малого и среднего бизнеса, работники промышленности и др.), которые ранее не участвовали в протестах. Отмечена значительная роль социальных медиа и сетевых ресурсов в мобилизации, организации участников митингов и при освещении темы. Митинги становятся не только формой протеста, но и формой солидарности, которая дает возможность для человека, недовольного положением дел, почувствовать себя частью мощной народной силы. Митинги, таким образом, становятся фактором

групповой солидарности. Докладчик привела основные факты о трансформации протестного движения в Архангельской области:

1) Участие в акциях протеста становится более целенаправленным и мобилизованным: 51 % принимали участие в митинге 2 декабря и 85 % намерены участвовать в будущих митингах по мусорной тематике (63 % — точно); 23 % готовы стать активистами и помогать в организации этих митингов; 77 % готовы участвовать в массовых акциях протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав (при значении общероссийского показателя — 28 %, ВЦИОМ, январь 2019)².

2) Растет понимание эффективности протестного движения: большинство участников опроса (70 %) оценивают протестное движение как эффективное (среди посещавших митинг 2 декабря так считают 89 %, среди не посещавших митинг — 52 %).

По мнению докладчика, завершилось формирование групп лидеров протестного движения: во всех населенных пунктах, где тема наиболее актуальна, есть лидеры протеста, как формальные (депутаты, представители партий), так и неформальные, которые создают общественные группы и движения. Также в докладе представлены факты о социальном конструировании в цифровой среде. Так, по мнению автора, социальные сети, с одной стороны, становятся площадкой для перевода протеста в политическую плоскость. С другой — администраторы групп контролируют удержание обсуждения проблемы в экологическом и правовом поле, а это является сдерживающим фактором для политизирования. Соцсети объединили регионы и способствовали выходу обсуждения проблемы за границы территории Архангельской области. В целом следует вывод о том, что участие в протестных акциях меняет информационное поведение населения. По мнению докладчика, подобный отклик людей на участие в исследовании острой региональной проблемы является показателем выраженного коммуникативного разрыва между населением и муниципальной, региональной и, возможно, федеральной властью. Позиция власти заключается в расширении диалога и восстановления доверия, каналы коммуникации региональной власти и протестующих стали расширяться. Но количество переговорных кейсов пока не переходит в качество. Позиция протестующих заключается в необходимости проведения референдума для снятия напряжения в Архангельской области

Елена Александровна Белик, аспирант Кемеровского государственного университета (Кемерово), представила доклад «**Возможности социологической диагностики латентной деятельности террористических организаций в интернете**». По словам докладчика, системное распространение процесса виртуализации на все сегменты социальной структуры общества влечет за собой трансформацию социальных, экономических, культурных отношений, доминирование мультимедийной культуры над традиционной. Повсеместное применение новых коммуникационных технологий перемещает большую часть жизни людей в виртуальное пространство. Однако возможности трансформированного социального пространства могут использоваться для достижения совершенно различных

² Протестный потенциал // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (дата обращения: 10.07.2019).

целей — не только положительных, но и деструктивных. В условиях немедленной видимости особенно результативно распространение сообщений и концепций, мотивирующих к участию в террористической деятельности. Под влияние радикализации, массово распространяющейся в интернете, попадают как мужчины, так и женщины. При этом роль последних может заключаться не столько в участии в террористических актах, хотя сейчас количество таких преступлений увеличивается, сколько в сопровождении терроризма. Специфика интернет-пространства состоит в возможности практически безграничного его наполнения визуальными образами и символами, обеспечивающими передачу информации и идей, а также выполняющими функции укрепления групповой солидарности. И даже если деятельность той или иной группы не достигает своей номинальной цели, то это не означает, что символы неэффективны. Результативность латентных функций символики заключается в достижении поставленных целей: готовности сражаться за идею, распространять идеологию террора, в увеличении нетерпимости к другим этническим группам и тому подобное. По данным властей США, несколько тысяч американцев потребляют пропаганду исламского государства онлайн. В докладе «„ИГИЛ“ в Америке: от ретвита до райта»³, опубликованном университетом Джорджа Вашингтона, проанализированы учетные записи почти 400 американских последователей ИГИЛ. Было установлено, что социальные медиа играли решающую роль в их радикализации. Даже такая незначительная деталь, как аватарка: это зеленая птица, так называют погибших террористов-смертников; синий лев — популярный исламский символ храбрости, а также черный флаг исламского государства. В интернете создается новая социальная среда, в которой неприемлемые взгляды и поведение могут быть нормализованы за счет кажущейся «несущественности», «нематериальности» происходящего. Однако сопровождение и целенаправленное использование пропаганды как средства коммуникации влечет за собой поддержку и принятие экстремистских идей с последующей их реализацией в мире материальном. При этом на первоначальной стадии девиантное поведение носит характер латентного и может быть выявлено в том числе в процессе социологической диагностики, позволяющей скорректировать точки напряженности и спрогнозировать отдаленные последствия пропагандистской деятельности. В качестве примера докладчиком были приведены результаты работы Центра изучения этноконфессиональных конфликтов и противодействия экстремизму в молодежной среде, который был создан на базе Кемеровского государственного университета. С 2015 г. Центр на постоянной основе проводит мониторинг экстремистских настроений среди молодежи в возрасте от 12 до 26 лет. Согласно методике, разработанной к. и. н., доцентом КемГМУ В. В. Шиллером, базовыми индикаторами мониторинга являются: приверженность или положительное отношение к деструктивным религиозным или псевдорелигиозным культам; приверженность нацистской идеологии; толерантное отношение к вождям нацистской Германии и фашистской Италии; позитивное отношение к публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики; негативное отношение к отдельным национальным меньшинствам;

³ GW Program on Extremism. URL: <https://extremism.gwu.edu/> (дата обращения: 10.07.2019).

негативное отношение к христианству и Русской православной церкви; положительное отношение к идеологии национализма. Полученные данные по состоянию на конец 2017 г. свидетельствовали о росте показателей положительного отношения к славянскому язычеству (славянское язычество благодаря интернет-пропаганде воспринимается молодежью через призму родноверия — псевдоязыческой антиисторической доктрины, основанной на сильной неонацистской основе) и национализму; по состоянию на сентябрь 2018 г. установлено отсутствие у более чем половины респондентов конфессиональной идентичности, что свидетельствует об их уязвимости для пропаганды деструктивных идей на религиозной основе. Изменение условий развития современного общества влечет за собой возникновение новых задач для социологов, в том числе содействие формированию среды, исключающей интернет-поддержку терроризма. Использование средств верификации контента не может в полной мере нивелировать террористические угрозы и пропаганду, поскольку интернет состоит в том числе из множества замкнутых систем, проникнуть в которые сложно. При таких обстоятельствах возможности социальной диагностики должны использоваться для определения сущностной характеристики явлений и процессов, а результаты социологического вмешательства должны иметь практическое воплощение, в том числе путем формирования безопасного пространства, в котором возможность террористической деятельности будет сведена к минимуму.

В заключительной части секции состоялся обмен мнениями, спикеры ответили на вопросы участников, обсудили вопрос о роли определения субъекта при социальном конструировании в цифровой среде. В ходе обсуждения представленных спикерами докладов был продемонстрирован доступный методический арсенал подходов и техник изучения развивающейся сферы цифрового социального конструирования, который позволяет говорить о растущей роли «власти коммуникации» (М. Кастельс), что предоставило дополнительную и актуальную пищу для размышлений исследователей о происходящих социальных трансформациях. По мнению участников, сессия дала возможность увидеть более объемную картину возможностей для проведения исследований сферы цифрового социального конструирования.

ПРАКТИКИ ГОВОРЯТ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.21

Правильная ссылка на статью:

Тощенко Ж. Т. Высшее образование на перепутье: куда ведут реформы (заметки скептика) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 400—417. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.21>.

For citation:

Toshchenko Z. T. (2019) Higher education at a crossroads: where the reforms are going (skeptical notes). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 400—417. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.21>.

Ж. Т. Тощенко

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ: КУДА ВЕДУТ РЕФОРМЫ (ЗАМЕТКИ СКЕПТИКА)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ: КУДА ВЕДУТ РЕФОРМЫ (ЗАМЕТКИ СКЕПТИКА)

HIGHER EDUCATION AT A CROSSROADS: WHERE THE REFORMS ARE GOING (SKEPTIC NOTES)

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: socis@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7729-3660>

Zhan T. TOSHCHENKO^{1,2} — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Department of Sociology of the Russian State University for Humanities; Leading Researcher

E-MAIL: socis@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7729-3660>

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируются состояние и методы реформирования высшего образования в России. Обра-

Abstract. The article analyzes the present state and methods of reforms in higher education in Russia. Attention

щается внимание на то, что нет четкой и ясно сформулированной цели развития высшего образования — она замещается предложением и внедрением средств реализации этой цели, что затрудняет оценку конечного результата образования и обучения в высшей школе. Рассматривается и дается оценка так называемому процессу оптимизации, который наряду с положительными моментами (закрытием псевдоучебных учреждений) привел к дезорганизации и дезориентации учебного процесса, к засилью бюрократических показателей при оценке деятельности вузов. Оспаривается внедряемая сверху установка о передаче основных функций науки университетам, что противоречит многовековым традициям ее организации в России и является некорректным слепком опыта ряда зарубежных стран. Особому анализу подвергнута практика Единого государственного экзамена, который выявляет формальные признаки знания фактов, усвоенных учеником, и полностью лишен возможностей выявления творческого начала. Особое внимание уделяется такой форме квазирыночных отношений, как пребендиализм. В заключение автор показывает, что отказ от выполнения воспитательных функций имеет далеко идущие отрицательные последствия.

Ключевые слова: высшее образование, реформы высшего образования, оптимизация образования, наука в высшей школе, ЕГЭ, бюрократизация в вузах, пребендиализм, воспитание

Благодарность. Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00024.

is drawn to the fact that the higher education development goal is not clearly formulated. The goal is substituted for a proposal and means to realize this goal which, in fact, makes it hard to assess the final results of the university studies. The author investigates the so-called 'optimization' which, along with its positive effects (shutdowns of pseudo educational institutions), has led to a disorganized and disoriented character of the learning process with dominant bureaucratic indicators evaluating universities' performance. The transfer of the basic functions of science to the universities, imposed from above, goes contrary to the centuries-old Russian traditions, represents an incorrect copy borrowed from foreign experience and is heavily disputed in the paper. Special attention is paid to the analysis of the Unified State Exam which serves to reveal the formal knowledge of facts the pupils acquire; however it is completely deprived of any artistic element. The paper also examines 'prebendialism', a form of quasi-market relations. In conclusion, the author highlights that a refusal to execute educational functions has far-reaching negative impacts.

Keywords: higher education, reform of higher education, optimization of education, science in higher education, Unified State Exam (USE), bureaucratization in universities, prebendialism, upbringing

Acknowledgments. The article is supported by Russian Science Foundation, project no. 18-18-00024.

Вместо введения

If a free society cannot help the many who are poor, it cannot save the few who are rich. Our progress as a nation can be no swifter than our progress in education. The human mind is our fundamental resource.

John F. Kennedy

Слова президента США Дж. Кеннеди относятся к тому периоду, когда в СССР запустили первый искусственный спутник Земли (1957 г.). Для официальных лиц Америки это стало потрясением. Как это и почему это случилось? Почему СССР опередил США? По распоряжению президента (тогда им был Д. Эйзенхауер) была создана специальная комиссия, которая после двух лет работы сделала сенсационное заключение: СССР победил благодаря более совершенной системе образования и подготовке кадров [Амброз, 1993].

Исходя из этих выводов, была принята масштабная программа перестройки образования в США, огромные капиталовложения направлены в сферу образования по всем ее показателям: кадры, инфраструктура, связь с наукой, участие бизнеса, финансирование, структура учебного процесса, создание особых центров подготовки кадров и др. (отметим, что о роли и значении образования неустанно говорили все следующие президенты — от Дж. Кеннеди до Б. Обамы). Результат сказался уже примерно через десять-пятнадцать лет — американцы постепенно выходили на первое место в решении многих технико-технологических проблем, в том числе в освоении космоса.

Никто не сомневается, никто не оспаривает, что Россия в настоящее время нуждается в неотложном реформировании образования. По данным международных рейтингов TIMMS и RISA по естественно-научной грамотности Россия занимает в мире только 30 место (2015 г.)¹. А как реагировать на тот факт, что в начале 1980-х годов в Советском Союзе выпускалось 78 тыс. станков, несколько тысяч из которых закупала даже ФРГ, а в 2015 г. их было выпущено 2900², которые с трудом закупаются даже отечественной индустрией? Или еще один пример: уровень внедрения инноваций в России по сравнению с СССР сократился в шесть-семь раз³.

По данным Росстата, уровень безработицы специалистов с высшим профессиональным образованием составляет 5,5%—6,1%, среди молодежи со средним профессиональным образованием — 7,3%—8,9% в зависимости от профессии⁴.

Иначе говоря, остро стоит вопрос, как преодолеть накопленное отставание и как реформировать образование. Существуют различные подходы, но большинство из них фокусируются вокруг отдельных проблем. Одни дают характери-

¹ Национальные проекты 2019—2024 гг. анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: научно-аналит. издание / колл. авторов под научн. рук. д. э.н. А. А. Шабуновой. Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН. 2019. С. 37.

² Паничев Н. А. Как уничтожали отечественное станкостроение // Литературная газета. 2019. № 6. 13—19 февраля. С. 5.

³ Кудрин поставил России три условия // Коммерсантъ. 17.01.2019.

⁴ Организация Росстатом статистических наблюдений за трудоустройством выпускников учреждений профессионального образования. URL: <http://docplayer.ru/64025464-Organizaciya-rosstatom-statisticheskikh-nablyudenyi-za-trudoustroystvom-vypusknikov-uchrezhdeniy-professionalnogo-obrazovaniya.html> (дата обращения: 30.08.2019).

стику современной образовательной политики [Бляхман, Чернова, 2012], другие описывают состояние студенческой среды⁵, третьи критикуют болонскую систему [Ранчин, 2015], четвертые сконцентрированы на отдельных сюжетах, например, на проблемах ЕГЭ⁶. Наконец, есть и подход, рассматривающий проблемы высшей школы с позиции подготовки предпринимателей, бизнесменов, людей творческих профессий с одновременным восхвалением образования в западных странах при полном игнорировании проблем подготовки массовых профессий, например, учителей, врачей, работников культуры и других специалистов, работающих не только в крупных городах, но и в многочисленных малых поселениях и в сельской местности⁷.

Сравнительно редко дается полноценная и всесторонняя оценка состояния высшей школы [Бляхер, Бляхер, 2014; Смолин, 2015а, 2015b].

Попытки (и не безуспешные) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Центра стратегических разработок (до ноября 2018 г. рук. А. Кудрин) монополизировать идеологию совершенствования образования вызывают много вопросов. Все ранее разработанные и внедренные ими инициативы (Болонский процесс, ЕГЭ, реформы общеобразовательной школы и среднего профессионального образования) принесли больше забот и разочарований, чем политика постепенной апробации вносимых предложений. Многие из них получили негативную оценку. Так, выдающийся математик, председатель Московского математического общества академик Владимир Арнольд заявил по поводу революционных преобразований и внедрения новых стандартов обучения в старшей школе: «Этот план производит общее впечатление плана подготовки рабов, обслуживающих сырьевой придаток господствующим хозяевам: этих рабов учат разве что основам языка хозяев, чтобы они могли понимать приказы»⁸.

В 2018 г. реформаторы представили доклад «12 решений для нового образования», которые предусматривают кардинальные нововведения. По мнению ректора НИУ ВШЭ Я. Кузьминова, речь идет об изменении целого социального института, все эти решения должны быть направлены на такие ключевые проблемы, как повышение качества человеческого потенциала, технологическая модернизация, социальная устойчивость и цифровая трансформация в образовании⁹.

Эти слова звучат торжественно, значимо и даже в известной мере привлекательно. За исключением одного — как нам представляется, они отражают видение проблем образования «сверху», с позиции «знающих все рецепты» выхода из кризиса и настаивающих на своей правоте при игнорировании того, что об этом образовании думают те, кто составляет базу и основу образования — студенты и преподаватели, которые, по мнению составителей (это считается между строк документа) «12

⁵ Резник С. По этапам адаптации. Кому учить студентов жить? // Поиск. 14.10.2016. № 42.

⁶ Медведев Ю. Оценивать креатив. Президент РАН: от какого ЕГЭ надо отказаться // Российская газета. 04.04.2018. URL: <https://rg.ru/2018/04/03/prezident-ran-ege-dolzen-ocenivat-ne-znaniia-a-kreativnost-uchenika.html> (дата обращения: 04.08.2019).

⁷ Кудрин А. Бесценен каждый. Человеческий капитал прирастает образованием // Поиск. 23.03.2018. URL: <https://www.poisknews.ru/magazine/34254/> (дата обращения: 02.08.2019).

⁸ Цит. по: Чернаков А. Исправленному стандарту поверили не все // Известия. 17.02.2011.

⁹ Цит. по: Возовикова Т. Негатив в позитиве. Переход на эффективный контракт приносит нежданные плоды // Поиск. 09.02.2018. URL: <http://www.poisknews.ru/magazine/32877/> (дата обращения: 02.08.2019).

решений для нового образования», мыслят приземленно, примитивно, не видят перспективы, озабочены проблемами только сегодняшнего дня. Для реализации этих планов требуется 758 млрд рублей, но где их найти — остается за кадром, превращаясь в прекраснодушное пожелание [цит. по: Возовикова, 2018].

Какова же цель образования?

Если судить по заявлениям инициаторов оптимизации, вуз должен соответствовать вызовам времени, следовать требованиям четвертой промышленной революции и ориентироваться на потребности — текущие и перспективные — рынка труда. Но практически ничего не говорится о том, что образование определяет лицо страны, что страна не может быть более развитой, чем ее образование.

По мнению ректора РАНХиГС В. Мау¹⁰, люди должны платить за образование, университеты должны заниматься предпринимательской деятельностью (концепция «Университет 3.0»), так как им необходимо зарабатывать деньги. В результате университеты ввергнуты в пучины квазирыночных отношений с далеко идущими последствиями.

В чем главный порок этих предложений? В них не сформулировано стратегическое видение того, для чего нужно образование вообще — и высшее образование в частности. Практически речь идет о путях и средствах развития общеобразовательной сферы: модернизация, цифровизация, трансформация и подобные вещи, которые звучат хорошо, но не раскрывают того, а что все же надо делать реальным участникам общеобразовательного процесса и во имя чего. Этот порок усугубляется тем, что образование в таких и подобных предложениях трактуется как сфера услуг. А если это сфера услуг, за услуги надо платить. Что и делается во все возрастающих масштабах. При этом происходит абсолютизация финансовых показателей. Ректор НИУ ВШЭ утверждает, что «обеспечить справедливость можно только деньгами»¹¹. Если это так, то в самом деле образование призвано только оказывать услуги. Иначе говоря, неолиберальные предложения в основном упаковываются в рамки квази- и псевдорыночных отношений, превращая учебные заведения в подобие коммерческих структур, для которых критерием их успешности являются доход и прибыль. Вот и продолжают появляться заявления, которые ранее звучали в устах бывшего министра Минобрнауки Д. Ливанова — все высшее образование надо перевести на платную основу [цит. по: Бляхман, Чернова, 2012: 52].

Нередко в качестве цели реформы выдвигаются масштабы (численность) обучающихся, анализ различных форм подготовки специалистов, рассказ об успехах образования за рубежом, обсуждение и сетования по поводу финансового состояния вузов, оплаты труда педагогов и еще тысячи мелких, но представляющих реальные проблемы учебных заведений. Но ради чего?

На наш взгляд, в официальных документах не определена и не провозглашена четкая официальная государственная установка, что образование — это сфера

¹⁰ Макеева А. ЕГЭ уйдет в виртуальную реальность // Коммерсантъ. 22.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3557326> (дата обращения: 03.08.2019).

¹¹ Макеева А. «Обеспечить справедливость можно только деньгами» // Коммерсантъ. 12.04.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600263> (дата обращения: 03.08.2019).

достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала. И не надо эту цель заслонять цифрами формальных признаков — численностью обучающихся, количеством вузов и других учебных заведений, перечислением профессий подготовки для нынешнего общества и для будущего и т. д.

Необходим *проблемно-целевой подход*, определение основных компонентов, без решения которых все фантазии, подобные «12 решениям», несмотря на их внешнюю привлекательность, не соотносятся с реальностью, с тем, что происходит в образовательной среде, в повседневной жизни учебных заведений. Иначе цели заменяются средствами, а с точки зрения перспектив будущего развития общества — забвением цивилизационной роли общества, необходимости его духовно-культурного обогащения.

Этот разрыв между утилитарными предложениями и необходимостью видеть и действовать со стратегических позиций и представляет собой главную опасность в осуществляемых реформах образования.

Для этого постараемся ответить на следующие вопросы.

Кто главный субъект в образовательном процессе в вузе?

Традиционно считалось, что студенты и профессорско-преподавательский состав — это основа, база, фундамент любого высшего учебного заведения. Было еще достаточно расхожее, устоявшееся и оправданное временем утверждение, что ядром и показателем интеллектуального богатства, задающего тон и камертон в учебном, образовательном и научном процессах и в их организационном воплощении является кафедра (как в академической структуре — лаборатория, сектор, проблемная группа). И это было вполне естественно — ведь кафедра, представляя группу единомышленников, определяет лицо коллектива, олицетворяет научные и образовательные возможности, приоритеты, перспективы. Еще совсем недавно руководители факультетов и вузов (деканат и ректорат), определявшие стратегию подопечных подразделений, были скорее координаторами, обеспечивавшими реализацию поставленных задач подчиненными им подразделениями. Кафедры имели свой голос при формулировке целей образовательного процесса, в дискуссиях и полемике отстаивали свои права и возможности проявить инициативу, идти по пути поиска, проводить учебные эксперименты, принимать участие в выборе заказчиков на проведение исследований.

Но все это в прошлом. Теперь главным, определяющим лицо вуза и координирующим усилия всех его звеньев является аппарат управления, начиная с Минобрнауки и завершая увеличивающейся бюрократией вузов. Е. Л. Бляхер и М. Л. Бляхер проследили, как нарастала концентрация власти в органах управления высшим образованием. По их мнению, это постепенное лишение самостоятельности не только кафедр, но и самих вузов прошло в несколько этапов. Первый этап связан с присоединением к Болонскому процессу, с бюрократизацией и предельной формализацией учебного процесса. Вузы сопротивлялись нововведению, но постепенно уступали. Второй этап прошел под знаком внедрения формализованных показателей, с лишением вузов финансовой самостоятельности. Вертикаль власти стала достоянием всех уровней образования. В результате

ориентации во имя «общеевропейского рынка» и разрыва связи с местными сообществами этот этап привел к снижению востребованности профессиональных знаний и сведению всего процесса к получению диплома, который имеет значение статуса, а не высокой квалификации. Поэтому изменяется и стратегия поведения преподавателя: ему легче пойдти навстречу студенту, чем проявить принципиальность, чему способствует постепенное распространение «академического сговора» [Титаев, 2012]. Иначе говоря, примерно с 2008 г. вузы утратили самостоятельность и на первый план вышли внешние нормативы, количество которых только с 2008 по 2013 гг. увеличилась в 16 раз [Бляхер, Бляхер, 2014: 34—39].

Об этом говорят и статистические данные, которые лукавят, скрывая гигантский рост бюрократической машины. За последние годы можно наблюдать парадоксальную ситуацию. По официальным данным, общее число занятых в образовании растет, но если обратиться к сути этих изменений, то очевидно, что численность учителей и профессорско-преподавательского состава (ППС) сокращается. Так, численность ППС с 2010 по 2015 гг. уменьшилась на 77 тыс., а учителей — более чем на 500 тыс. Но так как статистические данные показывают рост численности занятых в сфере образования, то это говорит о скрытом росте управленческого и контролирующего аппарата. То есть происходит замещение уменьшающихся преподавательских кадров бюрократическим аппаратом во всех звеньях управления (см. рис. 1).

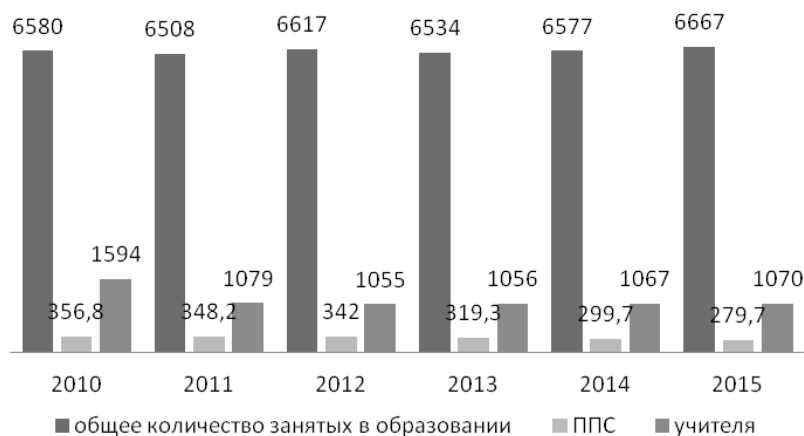

Рисунок 1. Количество занятых в образовании, профессорско-преподавательского состава и учителей (тысяч человек)¹²

Как это происходит? В управленческом рвении Минобрнауки и Роскомнадзор плодят требования по ужесточению контроля за ходом учебного и научно-исследовательского процесса, требуют огромное количество бумаг, особенно при

¹² Источники: Российский статистический ежегодник. Стат. сб. Росстат. М., 2016. С. 139, 148; Российский статистический ежегодник. 2003. Стат. сб. Росстат России. М., 2003. С. 137; Российский статистический ежегодник. 2006. Стат. сб. Росстат. М., 2006. С. 139; Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2016 г. Стат. сб. Росстат. М., 2016. С. 31. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm (дата обращения: 15.07.2019).

проведении аккредитации. Один из вузов Новосибирской области представил в Рособрнадзор отчет на 200 тыс. страниц, а проверка одного из филиалов Новосибирского педагогического университета, имеющего всего тысячу студентов и пять программ обучения, потребовала отчета на 40 тыс. страниц. Конечно, это требует от руководства вузов специальных подразделений, которые готовили бы ответы на запрашиваемые документы¹³. По утверждению зам. председателя комитета Госдумы по образованию О. Н. Смолина, среднестатистический российский вуз сдает за год около 300 отчетов, содержащих примерно 12 тыс. показателей. Трудно понять и логику, и смысл усилий по созданию управлений качества обучения наряду с учебно-методическим управлением, которое испокон веков отвечало за методическую подготовку и качество преподавания.

Лишению самостоятельности вузов способствовали действия некоторых университетов (например, НИУ ВШЭ), которые ликвидировали кафедры и в соответствии со стандартами западных университетов основным звеном сделали департаменты, координирующие и контролирующие процесс, но не способные создать атмосферы единой организации и по духу и по форме, присущей ранее существовавшим кафедрам.

Апелляция к таким органам управления университетской жизни, как ученые советы университетов и различные советы по отдельным проблемам, — это скорее формальные инстанции, подтверждающие решения и рекомендации, которые родились в недрах ректоратов и подопечных им управлений и отделов. Более того, ставится под сомнение необходимость (с последующей ликвидацией) конференций (собраний) профессорско-преподавательского состава и их права вносить предложения по изменению Устава университета, как сделали это даже в ведущем вузе страны МГУ им. М. В. Ломоносова.

Может ли оптимизация быть политикой?

Наряду с растущей бюрократизацией определяющим направлением в сфере образования (как и науки, здравоохранения и культуры) стала политика так называемой оптимизации, которая подается как чуть ли не основной путь модернизации этой сферы общественной жизни.

По словам руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки С. Кравцова, если на 1 сентября 2013 г. в стране насчитывалось 2500 организаций высшего образования (из них 500 — негосударственные, 900 — филиалы государственных вузов), то в 2018 г. существовало 484 государственных и 149 негосударственных вузов¹⁴.

Были закрыты многие, особенно частные вузы, качество образования в которых было невысоким (некоторые из них превратились в учреждения по продаже дипломов). Это отрадный факт — происходит упорядочивание и повышение ответственности за получение высшего образования. Однако этот процесс породил неравенство: университеты были разделены на федеральные, научно-исследовательские, опорные и т. д., что по факту стало разделением на «первосортные», «вто-

¹³ Колесова О. Под бумажным грузом. Ректоры просят упростить процедуру аккредитации вузов. Образование // Поиск. 09.02.2018. URL: <http://poisknews.runnet.ru/theme/edu/32905/> (дата обращения: 02.08.2019).

¹⁴ Дружба со службой // Поиск. 26.10.2018.

росортные» и далее. Одни получили значительные преимущества и преференции по всем показателям — создание особых условий функционирования, финансирования, предоставления льгот и т. д., а другие вынуждены постоянно доказывать необходимость и правомочность своего существования. На одной из научных встреч представитель НИУ ВШЭ доказывал преимущества своего вуза и необходимость ориентироваться на его работу, а в качестве важнейших показателей привел работу приглашенных зарубежных профессоров, выполнение заказов и получение грантов, проведение занятий на английском языке и ряд других отличительных практик. В заключение последовал вывод: все университеты, которые не будут соответствовать этим или подобным стандартам, следует или закрыть, или преобразовать. На мой вопрос — а как быть с Енисейским пединститутом, ныне филиалом Сибирского федерального университета, который в основном подготавливает кадры учителей для таежных поселков и факторий из молодежи этих поселений. Ясно, что туда не поедут зарубежные профессора, мало будет желающих дать гранты или сделать заказ на научные исследования и т. д., Значит, что их следует закрыть? А кто поедет учительствовать в эти далекие поселения?

Оптимизация высшего образования привела к принятию далеко не однозначных слияний, преобразований, ликвидаций и других манипуляций. Этот процесс далеко не всегда сопровождается вразумительными пояснениями. Зачем, например, НИУ ВШЭ потребовался инженерный вуз? Почему университет печати объединен с технологическим университетом? Надо ли было объединять в один университет все учебные заведения Хакасии и все филиалы других вузов вкупе с десятком средних профессиональных учебных заведений?

Реформаторы предложили оптимизировать и процесс преподавания. По их мнению, две трети российских вузов не имеют преподавателей, способных к исследовательской работе. Поэтому их надо максимально сократить и реализовать обучение через онлайн-курсы ведущих преподавателей-исследователей¹⁵. А что это значит на деле? Это закрытие кафедр, увольнение многих преподавателей — и не только в провинциальных вузах.

Творцы этой оптимизации в сфере общего образования постоянно ищут оправдание этой политики. Так, Я. Кузьминов почему-то приписывает этой процедуре достижения московских школ в мировом рейтинге PISA по качеству образования¹⁶. А может, это заслуга преподавателей и организаторов в подготовке успешных учеников в этих школах, а не пресловутая оптимизация в виде механических объединений?

Станет ли вуз базой и основой развития науки?

Россия в очередной раз переживает вторжение неолиберальных идей в управление наукой. Вдохновленные примером организации науки в США и европейских странах, клеветы этих идей провозгласили: университеты должны стать базой и основой науки. Они полностью игнорируют многовековой опыт производства научного знания в России. В стране сначала появилась Академия наук, и лишь

¹⁵ См., например: Котюков М. Требуется ученый // Российская газета. 13.02.2019.

¹⁶ Вовоикова Т. Негатив в позитиве. Переход на эффективный контракт приносит нежданные плоды // Поиск. 09.02.2018. URL: <http://www.poisknews.ru/magazine/32877/> (дата обращения: 02.08.2019).

десятилетия спустя открылся первый университет. Фактически в России сложились две сферы производства научного знания — академическая и вузовская. Причем последняя по потенциалу всегда уступала первой. В советское время появилась еще одна ветвь — отраслевые научно-исследовательские институты при министерствах и ведомствах, главной задачей которых было не только производство научной информации, но и превращение фундаментального знания в прикладное.

Новые руководители сферы науки и образования в лице бывшего министра Д. Ливанова, ректоров вузов Я. Кузьминова и В. Мау инициировали перестройку и ломку сложившейся структуры не только образования, но и науки. Была принята беспрецедентная по масштабу кампания по дискредитации Российской академии наук и даже попытка ее ликвидации, по выводу из ее состава ряда важнейших институтов, задававших тон в научной работе всей страны (Курчатовский институт и ряд других научных учреждений), по созданию подобию слепок с американской Кремневой долины в виде «Сколково» (которое наши соотечественники — лауреаты Нобелевской премии К. Новоселов и А. Гейм назвали создание Сколково «полнейшим сюрреализмом»¹⁷.

Показательно в этом отношении признание А. Чубайса: «У нас есть набор особенностей, которые означают, что мы вряд ли построим Силиконовую долину»¹⁸. В результате фронт научных исследований, их координация и эффективность значительно ослабли (в результате превращения РАН в клуб ученых), и Россия все больше уступает первенство во многих отраслях науки и техники и, как следствие, в производстве.

С попытками передачи науки в университеты мало что получается не столько в силу слабости университетских преподавателей, сколько в силу возрастающей педагогической нагрузки, ликвидации всех возможных учетных дел, кроме аудиторного присутствия на занятиях. Советская система исчисления нагрузки — 450—500 часов для профессора в год, куда включалась и методическая работа, и регулярные консультации, и даже целевые задания по разработке новых курсов, постепенно превратились в российскую норму — от 900 до 1200 часов аудиторной загрузки. И в этих условиях вести полноценную исследовательскую работу?

А пока наука в вузах, по одному меткому выражению, превратилась в публикационный оброк [Кабатков, Лейбович. 2016]. Засилье ложно используемой и искаженной наукометрии ведет к упрощенному пониманию и представлению о возможностях использования творческого потенциала преподавателей, порождая различного вида симуляции и имитации [Кулешова, Подвойский, 2018].

Являются ли компетенции новым словом в модернизации образования?

Традиционная установка российского образования — «знания, умения, навыки», восходящая к классикам педагогической мысли и проверенная десятилетиями, по инициативе новых реформаторов была отвергнута и заменена западным понятием «компетенции». Интересно, что даже самые ярые сторонники компе-

¹⁷ Нобелевские лауреаты Новоселов и Гейм: Россия не должна дергаться // Новая газета. 08.10.2010. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/10/07/1229-nobelevskie-laureaty-novoselov-i-geym-rossiya-ne-dolzha-dergatsya> (дата обращения: 30.08.2019).

¹⁸ Истомин В. Имитация модернизации // Версия. 2018. № 47.

тентностного подхода, подробно аргументируя точку зрения, по ходу изложения постоянно оперируют прежними терминами — знания, навыки, умения, — делая, правда, особый акцент на умения и навыки. В результате возникает вопрос: стоило ли заменять проверенное временем новым термином, который только внешне демонстрирует новизну? В результате появляются многочисленные инструкции, разъясняющие, как их трактовать и как применять, как их варьировать по отношению к различным предметам. В результате возникает огромный простор для бюрократических зацепок. В мою бытность деканом при прохождении очередной аккредитации университета проверяющий (кстати, представитель другой науки, не социолог) дотошно спрашивал после знакомства с одним из учебно-методических пособий: «Почему в этом пособии эта компетенция прописана на втором месте, если в инструкциях Министерства она стоит на первом месте?»

Характерна реакция практически всех преподавателей — участников Международного форума труда (Санкт-Петербург, март 2018 г.), собравшихся на одну из секций по обсуждению обоснованности и применимости такого требования, как компетенции в преподавании. Все выступающие, за исключением официальных представителей органов управления образованием, подвергли резкой критике это нововведение, показав его надуманность, никчемность, но важность при использовании эквилибристики при оценке деятельности преподавателей. Многозначность этого термина и возможность трактовать его в зависимости от понимания расплывчатых установок министерства создают произвол в организации учебного процесса, в контроле за работой преподавателя, не говоря о том, что при жесточайшем соблюдении этих требований полностью игнорируется творчество преподавателя, оригинальность и вариативность построения учебного процесса.

Вместо того, чтобы внедрять постоянную практику учета и реализации новых веяний (выражающихся в новых предметах, даже в порядке поиска), надо не тасовать мифическое изображение компетенций во всех возможных вариантах учебного процесса, а давать возможность разрабатывать новые курсы, чтобы мы в очередной раз не отставали от цифровизации (по словам А. Кудрина, по уровню ее развития Россия отстает от передовых стран лет на десять¹⁹) в умении программировать свои действия, реально участвовать в управлении образовательным процессом.

Особо стоит отметить, что под воздействием внедряемого эффективного контракта происходит эрозия мотивации преподавателей, так как многие его показатели произвольны, зависят от критериев оценки, чаще всего понятных только руководству.

Фокусы с ЕГЭ, в том числе статистические

Одно из важнейших нововведений, связанных с внедрением Болонского процесса — единый государственный экзамен (ЕГЭ). Главным аргументом стало утверждение, что по его результатам школьник может выбрать для обучения любой вуз страны. Но это похоже только на одну сторону истины при игнорировании многих других. Во-первых, практика показала несовершенство инструментов,

¹⁹ Кудрин: Россия отстает по темпам цифровизации от передовых экономик в 10 раз // ТАСС. 27.02.2017. URL: tass.ru/ekonomika/4053044 (дата обращения: 30.08.2019).

используемых для измерения степени подготовки выпускника. Поэтому каждый год они уточняются, преобразуются, дополняются, предлагаются другие образцы. Во-вторых, их внедрение породило огромный рынок коррупционных услуг, затрат на репетиторство (измеряемые в несколько миллиардов рублей²⁰). В-третьих, усвоение знаний превратилось в натаскивание «на удайство», «на везение», «на счастливый случай». В-четвертых, результаты ЕГЭ влияют на оценку деятельности школ, поэтому нередки случаи, когда директора школ отговаривают выпускников сдавать экзамены по физике и другим естественно-научным дисциплинам, так как они всегда дают более низкие баллы²¹. В-пятых, проведение ЕГЭ требует больших финансовых затрат на установку специального оборудования, видеонаблюдение, привлечение полиции или других охранных организаций. Недавний случай: в Чувашской республике для «правильной» организации проведения ЕГЭ на десятки миллионов рублей закупили «глушилки». А «достижения» с результатами ЕГЭ в некоторых республиках и областях, где количество «успешно» сдавших ЕГЭ в несколько раз превышает результаты соседей и даже столичных школ. И наконец, стоит сказать о таких статистических фокусах, как конкурсы в вузы. Именно право выпускника с результатами ЕГЭ подать заявление в несколько учебных заведений создает лжеэффекты о высокой востребованности специальностей и значимости вуза.

Поэтому неудивительно, что до сих пор не стихают протесты и критика ЕГЭ. Причем не только со стороны учителей, родителей, самих учеников, но и таких ответственных лиц, как президент РАН А. М. Сергеев, который призвал отказаться от ЕГЭ в его сегодняшнем виде, так как «экзамен в его нынешнем виде не нацелен на оценку творческого начала ученика. По сути это формальная проверка набора фактов, которые он запомнил за годы обучения» [Цит. по: Медведев, 2018].

Пребендиализм как организационная форма квазирыночных трудовых отношений

Пребенда, возникшая в средневековье, — право должностного лица кормиться за счет государственной или церковной собственности, земли или иного общественного достояния. Таких должностных лиц М. Вебер определял как «пребендариев», а экономико-политические отношения, основанные на этих правах, — как «пребендиализм». Черты пребендиализма, на наш взгляд, воспроизводятся в современной России, в том числе социальных институтах, так или иначе связанных с образованием. Именно из-за того, что важнейшей, практически основной целью университетов становится извлечение максимальной прибыли путем снижения издержек, наращивания разного рода услуг, происходит интенсивный процесс поиска, прямо или косвенно, средств на их существование с правом руководителя достаточно произвольно распоряжаться имеющимися ресурсами. При этом форма использования и распределения полученных средств зависят от статуса

²⁰ См. Денисова-Шмидт Е. Corruption in Russian Higher Education // Russian Analytic Digest, N 191; см. также: От редакции // Независимая газета. 07.06.2019.

²¹ Андреева Н. Ума палата. Сколько стоит гранит науки и почему коррупция в высшей школе «достигает самых высоких уровней» // Новая газета. 09.06.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/09/72749-uma-oplata> (дата обращения: 04.08.2019).

этих организаций и лиц, их возглавляющих. В связи с этим встает вопрос о соответствии действий руководителей учебных заведений, извлекающих прибыль из оказываемых ими услуг, правовым нормам, а также требованиям морали (справедливости). То, как в современных университетах складываются трудовые отношения и соответствующие распределительные отношения, дает основания охарактеризовать их как *пребендиальные*, суть которых сводится к тому, чтобы использовать полученные финансовые средства по собственному (или групповому) пониманию и усмотрению, нередко достаточно произвольны [см. Бляхер, Бляхер, 2014]. Такая система постепенно сложилась вследствие либеральных преобразований социально-гуманитарной сферы, которая в 1990-е годы характеризовалась резким снижением объемов ее финансирования. В этой ситуации университетам для того, чтобы институционально воспроизводиться, пришлось учиться практиковать коммерческие услуги. Нередко значительная часть прибыли от этих услуг напрямую шла «в карман» руководителей и обслуживающего их аппарата. Впоследствии такое положение дел легализировалось в праве самим организациям, а точнее их руководителям, определять размер и критерии выплаты надбавок к заработной плате, прежде всего руководителям и аппарату управления. Такой подход окончательно оформил пребендиализм в бюджетной, в том числе и образовательной сфере российского общества. Руководитель бюджетной организации стал напоминать «барина», по своему усмотрению распределяющего прибыль, а ее работники приведены в бесправное, прекарное состояние. Таким образом, использование труда работников в значительной мере стало зависеть от воли руководителя учреждения, который «приватизирует» функции государства. В этой ситуации в вузах нередко возникает конфликт интересов между администрацией и преподавателями и другими наемными работниками, что еще больше разобщает интеллигенцию, в которой образуются привилегированные и ущемленные в правах специалисты [подробнее см.: Анисимов, 2018].

Вследствие сложившегося положения дел растет прекаризованность труда и образа жизни вузовской интеллигенции (о феномене прекаризации см. подробнее [Тощенко, 2018]). Она означает нестабильность занятости, которая порождена процессами коммерциализации учебной и научной деятельности и правом руководителей организаций самим определять размеры и формы оплаты труда. Коммерциализация наряду с ростом платных услуг, с одной стороны, определила сокращение расходов на преподавательский состав посредством резкого увеличения учебной нагрузки. *Это широко известное явление получило название «оптимизация»*. Причем она касается прежде всего ППС, а не управленцев. На наш взгляд, существует прямая связь между количеством административного персонала и нагрузкой работника. Растет число управленцев, увеличиваются так называемые оптимизационные процессы в учебных заведениях, вследствие этого растет неуверенность преподавателей относительно устойчивости и гарантированности своей работы. А право руководителя самим определять премиальный фонд ведет к невозможности работника знать размер своего дохода, заработной платы. Зачастую сотрудники не понимают, сколько они получают даже в следующем месяце. Это и есть *один из основных признаков прекаризации труда интеллигенции*. Более того, среди ППС учебных заведений прекаризация проявляет себя

сильнее, чем в других социально-профессиональных группах. По результатам наших исследований можно наблюдать, что опасение потерять работу и неясность оплаты труда, например, в среде гуманитарной интеллигенции развита сильнее, чем среди всего населения (см. рис. 2).

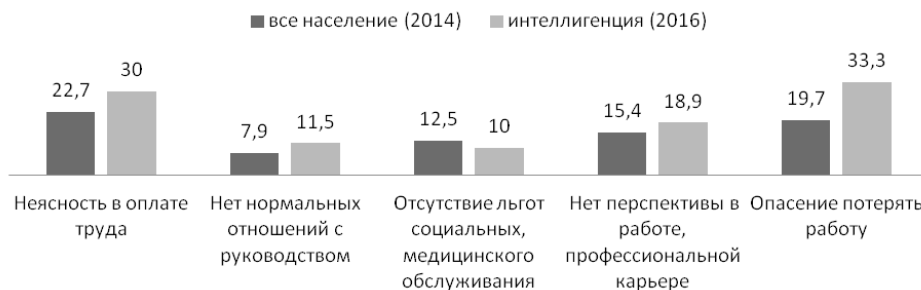

Рисунок 2. Проблемы, в первую очередь волнующие интеллигенцию и все население России по месту работы (в % по каждой группе, сумма ответов не равна 100 %, так как можно было указать несколько вариантов)²²

Таким образом, каждый третий представитель интеллигенции опасается потерять работу и отмечает неясность в оплате труда. Если к этому добавить неустойчивость социального положения, утрату социального престижа, ограниченность в использовании материальных и духовных благ, то становится очевидным, что значительные слои интеллигенции ощущают ущемленность в реализации своих прав и свобод, гарантий достойного уровня жизни. Профессор Саратовского технического университета И. Овчинников сравнивает свое положение как преподавателя в 1970 г., когда он окончил вуз, и нынешнее состояние. Он напоминает, что в этот год управляющий трестом получал 280 руб., доцент кафедры — 320 руб., профессор — 450 руб. в месяц (среднемесячная зарплата в то время в СССР была равна 120 руб.)²³. В настоящее время из-за низкой оплаты труда и ухудшившихся условий быть профессором неинтересно, непрестижно, накладно из-за глобальной зависимости от руководства вуза, при постоянной боязни потерять работу, проявить свое природное вольнодумство²⁴. И как реагировать на ситуацию, когда ректор вуза, представители администрации вуза получают в разы, а иногда в десятки раз больше, чем рядовой преподаватель? Правда, не так давно появилась официальная рекомендация: руководитель вуза не может получать зарплату, в восемь раз превышающую среднюю зарплату преподавателя в этом вузе. Но в реальной жизни, согласно данным исследовательского центра «Лаборатория Ольги

²² В рисунке представлены только ответы, касающиеся прекаризованности гуманитарной интеллигенции. Источник: Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. С. 77.

²³ Андреева Н. Ума палата. Сколько стоит гранит науки и почему коррупция в высшей школе «достигает самых высоких уровней» // Новая газета. 09.06.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/09/72749-uma-oplata> (дата обращения: 04.08.2019).

²⁴ Афанасьева В. Пять причин, по которым не следует становиться профессором // Комсомольская правда. 22.03.2017. URL: <https://www.kp.ru/daily/26655.5/3676180/> (дата обращения: 02.08.2019).

Крыштановской, проанализировавшего сведения о 274 ректорах государственных вузов, самый высокий доход ректора (В. Литвиненко, Санкт-Петербургский горный университет) в 370 раз превышает самый низкий доход ректора Уральского гуманитарно-педагогического университета Т. Чумаченко²⁵.

На степень прекаризации жизни влияет и форма трудового договора. По результатам всероссийского исследования, 67,7% интеллигенции оформлены по бессрочным договорам, оставшиеся 23,3% работают по срочным, временным договорам или вообще без оформления [Жизненный мир..., 2016]. В целом социальное положение интеллигенции и по субъективным основаниям (неясность оплаты труда, опасение потерять работу), и по объективным показателям (вид трудового договора) выше, чем у всего населения России.

Забыли о воспитании?

Крушение Советского Союза сопровождалось разгромом, отказом и даже шельмованием такой неотъемлемой части образования, как воспитание. Это не ограничилось запретом партийных и роспуском комсомольских и пионерских организаций. Стала господствовать установка: главное обучение, передача знаний без всяких претензий на осуществление воспитательных функций. Более того, попытки сохранить то, что было апробировано с точки зрения воспитания будущего гражданина в советской школе, всячески ограничивались и даже запрещались. В 1990-е годы мне как декану по поводу предложения о проведении студенческих внеучебных мероприятий первый проректор университета ответил: «Опять Вы тащите свои комсомольские привычки? Современной молодежи это не надо».

Но со временем стало ясно, что игнорирование процесса воздействия на мировоззрение студентов и учащихся обходится дорого и накладно. Выросло и постоянно увеличивалось число молодежи, которая индифферентно относилась к процессам, имеющим общественное значение. Происходила ориентация на материальные ценности, на стремление «получить от жизни максимум». Поэтому при вполне осознаваемой опасности потерять молодежь как граждан сначала эпизодически, локально, постепенно во все возрастающих масштабах стали не только осуществляться меры по организации и проведению внеучебных мероприятий, но и появляться проректора, управления и отделы, которые стыдливо стали называться «по работе со студентами». Но в большинстве случаев это пока паллиативные меры. *Пока нет определенной, четко скоординированной работы по воспитанию у молодежи чувства гражданина, патриота, будущего интеллигента, ответственного работника производства.* Более того, подспудно осуществляется политика с экивоками на зарубежный опыт по игнорированию всех попыток наладить воспитательную работу в учебных заведениях.

Поэтому неудивительно, какой мощный всплеск эмоций и протестов возник у либеральных интеллектуалов после решения министра Минобрнауки РФ О. Васильевой возродить трудовое воспитание в школе, обучение навыкам общественно полезного труда. Появились статьи, доказывающие, что в советское время действия по трудовому воспитанию, формированию у детей трудовых навы-

²⁵ Миронова К. Ректоров выстроили в колонку // Коммерсантъ. 19.02.2019.

ков обернулись, ни много ни мало, лейкозом (!), раком крови (!), дизентерией (!), гельминтами (!) и даже инфекционным гепатитом²⁶. Примечательно, что при этом с восторгом описывался зарубежный опыт при полном игнорировании и умалчании такого факта, что в США в обязательном порядке ученик должен затратить 100 часов на выполнение общественно необходимой деятельности [Данилина, 2014].

В связи с проблемами воспитания нельзя умолчать об участии религиозных организаций, в основном православных и мусульманских, в работе учебных заведений. Несомненно, религиозное воспитание играет серьезную роль в духовной жизни общества. Но эту роль не надо абсолютизировать, превращать ее в единственный метод и критерий в работе с молодежью. Важно, что большинство россиян, отдавая должное влиянию церкви на жизнь общества и ее внедрению в школы, предпочли ориентировать своих детей²⁷ на освоение знаний о культуре вообще, куда входит определенной частью и религиозная культура, а не только на знакомство с православной, мусульманской или другой верой. Социологические исследования²⁸ свидетельствуют, что приобщение к религиозной культуре волнует только часть россиян, поэтому навязывание определенных конфессиональных установок в воспитании противоречит Конституции РФ, провозгласившей свободу совести: верить — не верить, частично верить, избрать другую веру или примкнуть к комбинациям веры и других убеждений (подробнее см. например [Муравьев, Шахнович, 2012]).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В 1990-е гг. и в начале XXI в. произошло существенное снижение уровня и качества высшего образования. Были осуществлены неоднозначные, спорные, а в ряде случаев принципиально ошибочные изменения, приведшие к ухудшению социально-экономического положения вузовской интеллигенции, к дезориентации в ценностных установках студенческой молодежи. Учебные учреждения перестраиваются в соответствии с неolibеральными рыночными установками на извлечение прибыли из осуществляемой ими деятельности. Увеличивается административно-управленческий аппарат этих организаций, а деятельность их руководителей фактически приобретает форму пребэнд. Сама же интеллигенция во все большей степени превращается в обладательницу черт прекариата — слоя, характеризуемого нестабильным, неустойчивым положением на рынке труда, что становится постоянной характеристикой ее жизненного мира.

Список литературы (Reference)

Амброз С. Эйзенхауер. Солдат и президент / пер. с англ. М. : Книга. лмт. 1993.
Ambroz S. (1993) Eisenhower. Soldier and president. Moscow: Kniga. (In Russ.)

²⁶ Киян И. «Лейкоз, рак крови, опухоль легких». К чему приводило трудовое воспитание школьников // Версия. 15.05.2017. № 18. URL: <https://versia.ru/k-chemu-privodilo-trudovoe-vospitanie-shkolnikov> (дата обращения: 02.08.2019).

²⁷ См. Левада-центр, 2013. Экспресс опрос. 01.03.2013.

²⁸ ВЦИОМ: почти треть опрошенных россиян против изучения в школе мировых религий, в том числе православия // Amur Info. 04.12.2017. URL: <https://www.amur.info/news/2017/12/04/132495> (дата обращения: 02.08.2019).

Анисимов Р. И. Основные показатели благосостояния и социального статуса гуманитарной интеллигенции / Как живешь, интеллигенция. М., 2018.

Anisimov R. I. (2018) The main indicators of the welfare and social status of the humanitarian intelligentsia. How do you live, the intelligentsia. Monograph. Moscow. (In Russ.)

Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1(72). С. 22—46.

Blyakher L. E., Blyakher M. L. (2014) Mythology of management. Ministry Policy vs. the policy of universities: the dynamics of opposition. *Politeia*. No. 1 (72). P. 22—46. (In Russ.)

Бляхман Л. С., Чернова Е. Г. Образовательная политика в условиях перехода России к инновационной экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2012. Вып. 4. С. 44—60.

Blyakhman L. S., Chernova E. G. (2012) Educational policy in the conditions of Russia's transition to an innovative economy. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 5. Economy*. No. 4. P. 44—60. (In Russ.)

Данилина Я. В. Реформирование системы образования как фактор развития национальной инновационной системы // Экономическая наука современной России. 2014. № 3 (66). С. 118—130.

Danilina Ya. V. Reforming the education system as a factor in the development of the national innovation system. *Economic Science of Modern Russia*. 2014. No. 3 (66). P. 118—130.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.): Научное издание / под. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЦСП и М, 2016.

Life of Russians: 25 years later (late 1980s — mid 2010s): Scientific publication. (2016) Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow. (In Russ.)

Кабацков А., Лейбович О. «По духу времени и вкусу...»: доцент как невольник // Новое литературное обозрение. 2016. № 142. Т. 2. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12338/ (дата обращения: 02.08.2019).

Kabatskov A., Leibovich O. (2016) “By Zeitgeist and taste...”: The Associate Professor as Slave. *New Literary Review*. No. 142. Т. 2. (In Russ.) URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12338/ (accessed: 02.08.2019).

Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

Kuleshova A. V., Podvoisky D. G. (2018) Paradoxes of publication activity in the field of modern Russian science: genesis, diagnosis, trends. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. No. 4. P. 169—210. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

Муравьев А., Шахнович М. Религия в современной российской школе // Отечественные записки. 2012. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/4/religiya-v-sovremennoy-rossiyskoy-shkole> (дата обращения: 30.08.2019).

Murav'yev A., Shakhnovich M. (2012) Religion in a modern Russian school. *Domestic notes*. No. 4. (In Russ.) URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/4/religiya-v-sovremennoy-rossiyskoy-shkole> (accessed: 30.08.2019).

Ранчин А. Апокалипсис нашего времени. Предварительные итоги реформ российского образования // Россия — XXI 2015. № 6. С. 66—83.

Ranchin A. (2015) Apocalypse of our time. Preliminary results of the reforms of the Russian education. *Russia — XXI*. No. 6. P. 66—83.

Смолин О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (Статья 1) // Социологические исследования. 2015а. № 6. С. 91—101. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_6/Smolin.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Smolin O. N. (2015) Higher education: struggle for quality or an attempt at human potential? (Part 1). *Sociological Studies*. No. 6. P. 91—101. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_6/Smolin.pdf (accessed: 15.07.2019).

Смолин О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (Статья 2) // Социологические исследования. 2015b. № 7. С. 30—37. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_7/Smolin.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Smolin O. N. (2015) Higher education: struggle for quality or an attempt at human potential? (Part 2). *Sociological Studies*. No. 7. P. 30—37. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_7/Smolin.pdf (accessed: 15.07.2019).

Титаев К. Академический сговор // Отечественные записки. 2012. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskij-sgovor> (дата обращения: 30.08.2019).

Titaev K. (2012) Academic conspiracy. *Domestic notes*. No. 2. (In Russ.) URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskij-sgovor> (accessed: 30.08.2019).

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018.

Toshchenko Zh.T. (2018) Precariat: From Protoclass to a New Class. Moscow: Nauka.

ПРАКТИКИ ГОВОРЯТ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.22

Правильная ссылка на статью:

Веселкова Н. В. Фокусированное интервью в отечественной практике: Развернутый (личный) комментарий к статье Олега Оберемко и Натальи Терентьевой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 418—426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.22>.

For citation:

Veselkova N. V. (2019) Focused interview in domestic practice: a detailed (personal) comment on the article by Oleg Oberemko and Natalia Terentyeva. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 418—426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.22>.

Н. В. Веселкова

ФОКУСИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ: РАЗВЕРНУТЫЙ (ЛИЧНЫЙ) КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ОЛЕГА ОБЕРЕМКО И НАТАЛЬИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

ФОКУСИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ: РАЗВЕРНУТЫЙ (ЛИЧНЫЙ) КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ОЛЕГА ОБЕРЕМКО И НАТАЛЬИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

FOCUSED INTERVIEW IN DOMESTIC PRACTICE: A DETAILED (PERSONAL) COMMENT ON THE ARTICLE BY OLEG OBEREMKO AND NATALIA TERENTYEVA

ВЕСЕЛКОВА Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра прикладной социологии, департамент политологии и социологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

*Natalia V. VESELKOVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Chair of Applied Sociology, Department of Political Science and Sociology
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Аннотация. Статья представляет собой отклик на публикацию О. Оберемко и Н. Терентьевой «Фокусированное интервью по Роберту Мертону: особенности и критерии эффективности метода». Приводятся аргументы за разведение методов фокусированного интервью и фокус-групп. Фокус-группы снискали себе большую популярность, но вынуждены за это платить размыванием границ метода. Фокусированное интервью не нуждается в легитимации через фокус-группы. Предпринятое О. Оберемко и Н. Терентьевой обращение к Руководству по фокусированному интервью Р. Мертона, М. Фиске и П. Кендалл, вполне доступному, но, похоже, недопрочитанному первоисточнику, является мощным ресурсом и помогает выделять важные аспекты метода. Среди таковых: связь фокусированного интервью с экспериментальной логикой, трактовка ретроспекции как «машины времени», сущность неструктурированных вопросов как элемента качественной методологии. Цель статьи — поддержать авторов в их актуализации первоисточника посредством контекстуализации фокусированного интервью в методических изданиях второй половины XX в. и обсуждения особенностей метода.

Ключевые слова: Роберт Мертон, первоисточник, недирективность, фокусированное интервью

Abstract. The article is a response to the recent publication “Focused interview according to Robert Merton: features and criteria of quality” written by Oleg Oberemko and Natalia Terentyeva. The author proposes arguments to separate the method of focused interview and the method of focused group. Focus group method gained popularity at the expense of its blurred boundaries. Focused interview does not need any legitimization through focus groups. The authors’ appeal to the guide on focused interview written by R. Merton, M. Fiske, P. Kendall, an accessible though not properly studied source, is a strong tool helping to explore the key aspects of the method. Those aspects are relationship between focused interview and experimental logic, interpretation of retrospection as a “time machine”, essence of unstructured questions as an element of qualitative methodology. The article aims to support the authors in actualization of the original source through contextualization of the focused interview in methodological publications in the second half of the twentieth century and discussion of the method specifics.

Keywords: Robert Merton, primary source, non-directivity, focused interview

*Хотя пользование ими всем открыто,
общеизвестные правила долго ждут
и не находят применения.*

Б. Пастернак

«Фокусированное интервью по Роберту Мертону» [Оберемко, Терентьева, 2018] — это статья, которую ждал мир. Одна из академических и, шире, культур-

ных ценностей, утверждаемая в ней, — приоритет первоисточника. Казалось бы, в обращении к классике нет ничего особенного; именно так, «по Мертону», много лет рассказываю о фокусированном интервью (ФИ) студентам, а когда-то и на конференции памяти А. О. Крыштановского. Однако полагаться на первоисточник непросто, подстерегает грех маловерия — так ли нужна эта «древность» сегодня?

С середины XX в., когда появились пионерные, как их называют Олег Оберемко и Наталья Терентьева, публикации о фокусированном интервью (ФИ), пройден большой путь. Правда, положение неоднозначно: из всего арсенала качественных методов в профессиональном и полупрофессиональном обиходе более всего закрепились «глубинники» и «фокус-группы». Глубинное интервью зачастую используется как синоним качественного, а на практике запросто может сводиться к жесткому списку открытых вопросов, то есть к «интервью с открытыми вопросами», тяготеющему к полюсу «минимальной свободы и глубины» в классификации видов интервью Мадлен Гравитц [Пэнто, Гравитц, 1972: 408—411]¹. Эта классификация была разработана в те времена, когда терминология «качественное/количественное» хотя и применялась, но еще не вышла на авансцену, и содержит шесть позиций: клиническое, глубинное, открытое, фокусированное, интервью с открытыми вопросами, интервью с закрытыми вопросами, — так что номинально глубинное, а на самом деле интервью с открытыми вопросами оказывается ближе к полюсу, противоположному качественному.

Про фокусированное же интервью вспоминают как про почтенного, но давно уже не у дел престарелого родственника фокус-групп (ФГ), вот этот метод на коне! Его популярность привела к настолько расширительной трактовке, что фокус-группами стали называть, как говорится, все, что не приколочено. О. Оберемко и Н. Терентьева приводят веер отождествлений, в частности, у Е. Дмитриевой, используя для обозначения столь плачевной ситуации эвфемизм «зонтичный термин» [Оберемко, Терентьева, 2018: 78, 87].

Про публикацию Е. Дмитриевой стоит сказать, что наряду с работой Н. Богомоловой и Т. Фоломеевой это были первые две книги, которые в конце 1990-х «за столбили» метод ФГ в русскоязычной литературе [Дмитриева, 1998; Богомолова, Фоломеева, 1997], при этом собственного опыта еще не доставало, и, например, Н. Богомолова и Т. Фоломеева во многом опирались на издание Sage по ФГ [Stewart, Shamdasani, 1990]. В книжках про ФГ, включая названные, обязательно указывают на родство с ФИ, приводя овеянную славой историю его создания. Авторитет великого Р. Мертона и происхождение из глубин академической науки для ФГ — метода, стремительному взлету которого, как ни крути, человечество обязано маркетологам, — думается, не последняя причина внимания к престарелому родственнику.

Зонтичность ФГ объясняет, по-видимому, и тот факт, что в 2018 г. статья про ФИ, позиционируемое подчеркнуто строго, «по Роберту Мертону», странным образом начинается совсем с другого метода [Оберемко, Терентьева, 2018: 77]. Преамбула

¹ Классификацию М. Гравитц, которую «продвигала» на своих лекциях для аспирантов в Институте социологии РАН О. М. Маслова, отличает изящество базового принципа — континуума, заданного полюсами максимальной и минимальной свободы и глубины. Похоже, именно эта классификация легла в основу изложения видов интервью в «Рабочей книге социолога» [Рабочая книга.... 1983: 374—377].

о ФГ занимает место актуальности, как если бы без такого манка разговор о ФИ был невозможен.

Точка зрения о том, что групповое ФИ, описанное в последней главе у Р. Мертона, М. Фиске и П. Кендалл, — это и есть ФГ, действительно широко распространена, и О. Оберемко и Н. Терентьева приводят тому ряд примеров [Оберемко, Терентьева, 2018: 77—78]. Наряду с упомянутой ими О. М. Масловой, такой позиции придерживается ее ученица О. Б. Ключкина (Савинская), автор одной из первых в нашей стране социологических диссертаций о ФИ/ФГ [Ключкина, 1998; Савинская, 2010]. На мой взгляд, это два разных, хотя и безусловно близких метода, и поручкой тому сам Р. Мертон. В своем выступлении на панельной сессии Американской ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR) как раз по поводу происхождения ФГ из духа ФИ он провозгласил, что вряд ли найдется представитель социальных наук, который знал бы о ФГ меньше него, Роберта Мертона, а уж среди маркетологов такого точно нет. «А если вдруг найдется, — иронизирует мэтр, — то тем хуже для него» [Merton, 1987: 550]. Заканчивается это знаменитое выступление утверждением широких познавательных возможностей ФИ, выходящих далеко за пределы исследований рынка — «в любых сферах человеческого опыта» [там же: 565]; похоже, Р. Мертона слегка раздражал энтузиазм маркетологов в апроприации ФИ.

Следовательно, не только разными областями применения или научными традициями, но, полагаю, прежде всего разностью методов ФИ и ФГ объясняется то (подмеченное Р. Мертоном [Merton, 1987: 564], О. Оберемко и Н. Терентьевой [Оберемко, Терентьева, 2018: 78]) обстоятельство, что в 1984 г. профессора социологии Дэвид Морган и Маргарет Спениш писали о ФГ как относительно новом инструменте качественного исследования. Родственная связь не означает тождества. ФИ и ФГ не могут обозначать одно и то же, потому что в науке не бывает синонимов, в противном случае терминология теряет всякий смысл (поскольку термины отличаются от «обычных слов» строго определенной областью значений, заданной теоретической принадлежностью). Содержательное же различие заключается в том, что в групповом интервью интеракции всех участников замкнуты прежде всего на интервьюера, тогда как в ФГ важны взаимодействия, которые происходят между участниками в процессе группообразования и дальнейшей групповой динамики, это свойство ФГ берет от групповой дискуссии. Групповая динамика — обязательный раздел учебников по ФГ, особенно хорошо его дают психологи — специалисты по групповым техникам (например, О. Мельникова, на которую есть ссылки в анализируемой статье). Мертоновское же ФИ, как справедливо замечают О. Оберемко и Н. Терентьева, к групповой динамике нечувствительно. Все дело в том, что у ФГ помимо ФИ есть еще один родитель — метод групповой дискуссии, от которого наследуются групповая динамика и групповой продукт. Наконец, от всех видов работы в группе [см., напр.: Stewart, Shamdasani, 1990: 21—29; Богомолова, Фоломеева, 1997: 12—15] ФГ отличается строго локализованной в пространстве и времени стимульной ситуацией, этот методический принцип ФГ заимствует у ФИ.

Впрочем, вопрос о соотношении ФИ и ФГ очень частный, второстепенный, и О. Оберемко и Н. Терентьева пишут все-таки о ФИ (так и хочется добавить — в его первоначальном смысле).

Этот вид интервью постигла удивительная судьба: он прочно вошел в учебные пособия по методам, однако — при наличии конкретных авторов и детализированного руководства (не каждому методу так повезло!) — ФИ носило из конца в конец по всему методологическому/методическому континууму. Так, в американском издании начала 1960-х гг. ФИ помещается в ряду *бесструктурных* видов интервью [Selltiz et al., 1962]. Норман Дензин, наоборот, видит в ФИ вариант *высоко структурированного*, или стандартизированного интервью без опросника [Denzin, 1970]. Бернард Филлипс сначала относит ФИ к разряду *нестандартизированных*, позднее — уже *полустандартизированных* видов интервью [Phillips, 1970; 1985]. В книге Р. Пэнто и М. Гравитц 1967 г., доступной на русском языке с 1972 г., ФИ находится почти посередине, но на шаг ближе к условно «количественному» полюсу континуума (минимальной свободы и глубины, в авторской терминологии) [Пэнто, Гравитц, 1972: 409—410]².

Присутствует ФИ и в работах советских социологов того периода. Например, в первых методических трудах В. А. Ядова, со ссылкой на происхождение из исследований пропаганды П. Лазарсфельда и П. Кендалл. Так, в тартуских лекциях 1968 г. Владимир Александрович пишет: «ФИ нацелено на то, чтобы извлечь информацию о реакциях субъекта на заданное воздействие... С его помощью изучают, в какой мере субъект реагирует на отдельные куски информации... После того, как испытуемые подверглись пропагандистскому воздействию, в ФИ стремятся определить, какие именно смысловые единицы анализа текста оказались в центре внимания опрошенных, какие — на периферии и что вовсе не осталось в памяти» [Ядов, 1968: 185]. Это описание сохранилось в первом московском издании учебника В. А. Ядова [Ядов, 1972: 136], но потом было заменено более общим и обтекаемым.

А. Г. Здравомыслов также включил ФИ в свою книгу по методологии социологических исследований 1969 г., отличая его от обычного тематического интервью более четко и, «как правило, наглядно, образно» заданной темой. Имеется в виду, конечно же, стимульная ситуация, довольно похожая на исходные американские примеры: «Перед проведением интервью опрашиваемому предлагается просмотреть фильм или несколько кадров из него, прочесть определенный текст, прослушать запись передач и т. д. ...Интервьюера интересует в конечном счете тип реакции на воспринимаемый материал» [Здравомыслов, 1969: 144].

В «Рабочую книгу социолога» ФИ попало только во второе дополненное издание 1983 г. (в первом, 1976 г., виды интервью вообще не выделялись). Определения все дальше уходят от первоисточника (хотя за исключением вышеназванных книг В. А. Ядова, он нигде и не назывался), избавляются от отдающих бихевиоризмом оборотов и в целом становятся все более расплывчатыми и невнятными. В самом деле, «сбор данных по поводу конкретной ситуации, явления, его последствий или причин» [Рабочая книга..., 1983: 375] разве не характерен вообще для любого конкретного исследования? Правда, «Рабочая книга» подчеркивает действительно

² У Р. Пэнто и М. Гравитц говорится и об «интервьюировании группы» как о гибридной технике, отчасти заимствованной у интервью, но с преобладанием «группового элемента», однако без всякой связи с рассмотренным ранее ФИ. И хотя отмечено, что интервьюирование группы используется при изучении мотиваций, например, покупательского спроса [Пэнто, Гравитц, 1972: 555], никаких предвестников триумфального взлета нарождающихся фокус-групп в этой книге не наблюдается.

принципиальное для ФИ предварительное знакомство респондентов с «предметом обсуждения». Тем не менее, читая в свое время подобные определения, я не могла понять, зачем такие сложности: сначала люди «читают книгу или статью, смотрят фильм, участвуют в политзанятии» [там же], затем говорят с интервьюером. И уж точно не ясно было, зачем из этого делать отдельный вид интервью.

С публикацией первоисточника ситуация изменилась. Удивительным образом переиздание мертоновского руководства состоялось практически одновременно на английском и на русском [Merton et al., 1990; Мертон и др., 1991]. Специалист по опросному методу О. М. Маслова, в начале 1990-х гг. мой научный руководитель в аспирантуре Института социологии РАН, живо интересовалась методологическими новациями, включая, конечно, и ФИ. Под ее руководством один из моих однокашников готовил диссертацию по этому методу (именно у него я брала читать российское издание Р. Мертона, М. Фиске и П. Кендалл, ставшее сегодня, как замечают О. Оберемко и Н. Терентьева, библиографической редкостью). К сожалению, тот молодой человек ушел из аспирантуры и кандидатская по ФИ в середине 1990-х не состоялась.

В статье О. Оберемко и Н. Терентьевой перечисление методических принципов и критериев качества ФИ выглядит довольно школярски, ведь пользование первоисточником всем открыто. Однако его «общеизвестные истины» (Б. Пастернак, чьи слова вынесены в эпиграф, так писал по поводу музыки А. Скрябина [Пастернак, 1982: 426]) долгое время оставались недоосвоены, поэтому медленное чтение особенно полезно и дает плоды.

К таковым, на мой взгляд, относится включение О. Оберемко и Н. Терентьевой ретроспекции в число критериев качества ФИ, при том что Р. Мертон, М. Фиске и П. Кендалл рассматривают ее отдельно, до полноты, специфичности, глубины и личностного контекста, полагая исходной установкой своего подхода. Дело в том, что ФИ мыслилось как машина времени, переносящая участников исследования в конкретную точку прошлого — стимульную ситуацию. Любые наслоения последующего опыта при этом аннигилируются. Испытуемый должен сообщать только реакции на аспекты той прошлой ситуации, как если бы он непосредственно в ней находился — извечная тяга каузально озабоченного естествоиспытателя выделить причинно-следственную связь в чистом виде. Современные биографические или иные ретроспективно направленные исследования отказались от подобных амбиций и работают уже не с «незамутненным» прошлым как таковым, но с обязательным учетом тех самых наслоений восприятия из сегодняшнего дня.

Неструктурированные вопросы [Оберемко, Терентьева, 2018: 82—84] сегодня выглядят общим местом качественных интервью с их опорой на принцип недирективности³. Объединяющего «качественного интервью» в период возникновения ФИ, однако, еще не было, что не мешало активно нарабатывать идеи и техники недирективного подхода [Lee, 2011]. Так, в 1944 г. — то есть после живо описанного Р. Мертоном знакомства с П. Лазарсфельдом в 1941 г. [Merton, 1987: 552—553]

³ На русском «*nondirective*» чаще передают как «ненаправленный», но я предпочитаю «недирективный» за говорящее созвучие с «директором» и «директивой». Для восходящего к К. Роджерсу подхода важно не столько наличие или отсутствие «направленности» разговора, сколько источник этой направленности — исходит ли она целиком от интервьюера или перераспределяется в сторону интервьюируемого.

и начала совместной работы, но еще до первой публикации о ФИ (1946), подготовленной Р. Мертоном с женой Лазарсфельда Патрисией Кендалл, — П. Лазарсфельд выступил со статьей о детализированном, или открытом (open-ended) интервью, где предложил технику градуированного (не)директивного расспрашивания. А именно: желая получить более развернутый ответ, интервьюеру следует: а) для начала просто выжидательно помолчать; если не поможет, б) просто повторить слова респондента с вопросительной интонацией; более сильное средство — в) уточняющие вопросы типа: «Как случилось, что вы это заметили? Что заставляет вас так думать? Как вы полагали раньше? Ваши друзья в основном того же мнения?» [Lazarsfeld, 1944: 39], напоминающие неструктурированное расспрашивание в руководстве Р. Мертона, М. Фиске и П. Кендалл. Такое расширение свободы интервьюера и интервьюируемого создавало новую ситуацию, в силу чего авторы методических пособий 1960—1970-х гг. и затруднялись с однозначным определением ФИ по степени структурированности, стандартизованности и т. п.

Статья О. Оберемко и Н. Терентьевой представляет собой опыт подробного и внимательного чтения и побуждает к таковому. Я благодарна авторам и журналу за обращение к истокам, точнее, исследовательской среде, с которой сами Р. Мертон, М. Фиске и П. Кендалл соотносили свою работу — а именно с экспериментом Г. Госнелла по стимулированию голосования. Этот, похоже, упускавшийся из виду момент указывает на очень важную вещь — близость ФИ экспериментальной логике, базовой для работы с причинно-следственными связями.

«Общеизвестной истине должно выпасть редкое, раз в сто лет улыбающееся счастье, и тогда она находит приложение», — писал когда-то Б. Пастернак [Пастернак, 1982: 426]⁴. Если считать первоисточник по ФИ общеизвестной истиной, то в лице недавней публикации российских социологов ей определенно улыбнулось счастье, остается ждать продуктивного приложения.

Список литературы (References)

Богомолова Н. Н., Фоломеева Т. В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования : Учебное пособие. М. : Магистр. 1997. С. 12—15.

Bogomolova N. N., Folomeeva T. V. (1997) Focus groups as a method of social and psychological research. Tutorial. Moscow: Master. P. 12—15. (In Russ.)

Дмитриева Е. В. Фокус-группы в маркетинге и социологии. М. : Центр. 1998.

Dmitrieva E. V. (1998) Focus groups in marketing and sociology. Moscow: Centre. (In Russ.)

Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М. : Мысль. 1969. С. 144.

Zdravomyslov A. G. (1969) Methodology and procedure of sociological research. Moscow: Thought. P. 144. (In Russ.)

Клюшкина О. Б. Специфика анализа данных фокусированных групповых интервью в качественном исследовании : дис. ... к. соц. н. М., Институт социологии РАН, 1998.

⁴ В оправдание злоупотребления литературным авторитетом можно сказать, что Мертон в обсуждении ФИ и ФГ цитирует писателя Кеннета Берка [Merton, 1987: 551].

Klyushkina O. B. (1998) Specificity of data analysis of focused group interviews in a qualitative study. Dis. ... Candidate of Sociology. Moscow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / пер. с англ. Т. Н. Федоровской под ред. С. А. Белановского. М. : Институт молодежи. 1991.

Merton R., Fiske M., Kendall P. (1991) The Focused Interview. Trans. from English by T. N. Fedorovsky, ed. by S. A. Belanovsky. Moscow: Youth Institute. (In Russ.)

Оберемко О. А., Терентьева Н. Н. Фокусированное интервью по Роберту Мертону: особенности и критерии эффективности метода // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 74—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04>.

Oberemko O. A., Terentyeva N. N. (2018) Focused interview according to Robert Merton: features and criteria of quality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 74—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04>. (In Russ.)

Пастернак Б. Воздушные пути. Проза разных лет. М. : Советский писатель. 1982. С. 426.

Pasternak B. (1982) Airways. Prose of different years. Moscow: Soviet writer. P. 426. (In Russ.)

Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальной науки. М. : Прогресс. 1972. 607 с.

Pinto R., Grawitz M. (1972) Methods of Social Science. Moscow: Progress. 607 p. (In Russ.)

Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука. 1983. С. 374—377. Working book of the sociologist (1983) 2nd ed. Moscow: Science. P. 374—377. (In Russ.)

Савинская О. Б. Интервью фокусированное групповое // Социологический словарь. Ред. Осипов Г. В., Москвичев Л. Н. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 161—163.

Savinskaya O. B. (2010) Focused Group Interview. *Sociological Dictionary*. Ed. by Osipov G. V., Moskvichev L. N. Moscow: INFRA-M. P. 161—163. (In Russ.)

Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1968.

Yadov V. A. (1968) Methodology and procedures of sociological research. Tartu: [Tartu State University]. (In Russ.)

Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы. М. : Наука. 1972. С. 136.

Yadov V. A. (1972) Sociological Research: Methodology. Program. Methods. Moscow: Science. P. 136. (In Russ.)

Denzin N. K. (1970) Sociological Methods: A Sourcebook. Chicago: Aldine Publishing.

Lazarsfeld P. P. (1944), The Controversy Over Detailed Interviews — An Offer for Negotiation. *Public Opinion Quarterly*. 8. P. 38—60. <https://doi.org/10.1086/265666>.

Lee R. (2011) “The most important technique...”: Carl Rogers, Hawthorne, and the rise and fall of nondirective interviewing in sociology. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. Vol. 47(2). P. 123—146. <https://doi.org/10.1002/jhbs.20492>.

Merton R. (1987) The Focused Interview and Focus Groups: Continuities and Discontinuities. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 51. No. 4. P. 550—556. <https://doi.org/10.1086/269057>.

Merton R. K., Fiske M., Kendall P. L. (1990) *The Focused Interview: A Manual of Problems and Procedures*, New York: Free Press, Macmillan.

Morgan D. L., Spanish M. T. (1984) Focus groups: a new tool for qualitative research. *Qualitative Sociology*. Vol. 7. P. 253—270. <https://doi.org/10.1007/bf00987314>.

Phillips B. S. (1970) *Social Research. Strategy and Tactics*. New York: Macmillan.

Phillips B. S. (1985) *Sociological Research Methods: an Introduction*. Illinois: The Dorsey Press.

Selltiz C., Jahoda M., Deutsch M., Cook S. W. (1962) *Research Methods in Social Relations*. New York: Holt, Rinehart, Winston.

Stewart D. W., Shamdasani P. N. (1990) Focus Groups: Theory and Practice. *Applied Social Research Methods Series*. Vol. 20. P. 21—29. Newbury Park: Sage.

IN MEMORIAM

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.23

Правильная ссылка на статью:

Докторов Б. З. Изломанный, но не сломленный. Памяти социолога Леонтия Бызова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 429—444. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.23>.

For citation:

Doktorov B. Z. (2019) Beaten but not broken. In memory of Leonty Byzov. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 429—444. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.23>.

**Б.З. Докторов
ИЗЛОМАННЫЙ, НО НЕ СЛОМЛЕННЫЙ.
ПАМЯТИ СОЦИОЛОГА ЛЕОНТИЯ БЫЗОВА**

ИЗЛОМАННЫЙ, НО НЕ СЛОМЛЕННЫЙ. ПАМЯТИ СОЦИОЛОГА ЛЕОНТИЯ БЫЗОВА

BEATEN BUT NOT BROKEN. IN MEMORY OF LEONTY BYZOV

ДОКТОРОВ Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, США
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Boris Z. DOKTOROV¹ — Dr. Sci. (Phil.), Professor, Independent Researcher
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

¹ USA

28 июня 2019 г. завершилась трудная, мужественная жизнь нашего коллеги и друга Леонтия Георгиевича Бызова (1955—2019)... Он работал и сражался за жизнь до последних дней...

Л. Г. Бызов окончил экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «Математические методы анализа экономики», в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике по теме: «Социально-экономическое моделирование образа жизни; информация, анализ, управление». Активно занимался политической социологией, анализом общественного мнения, изучал

социокультурные процессы в современной России. Им опубликовано более 200 научных публикаций, автор и соавтор ряда монографий. Как эксперт и аналитик консультировал различные политические проекты. В 1990—1993 гг. руководил социологической службой съездов народных депутатов РФ.

С 2004 по 2008 гг. — руководитель аналитического отдела ВЦИОМ, с 2003 г. до конца жизни был старшим научным сотрудником Института социологии РАН.

В 2013 г. был награжден Золотой медалью Питирима Сорокина — высшей наградой российского социологического сообщества.

...Все произошло неожиданно, но, думаю, не случайно. Логика исторического исследования допускала такое развитие событий, и на больших выборах реализуются даже редкие события.

Наверное, многие замечали, что особенно крупные и чистые грибы, самые сладкие ягоды встречаются в лесу, когда вы уже побродили по нему немало, когда корзинки полны и думается лишь и том, чтобы поскорее вернуться домой. Так и здесь. В тот момент, когда я предложил Леонтию Бызову «поговорить о его жизни и работе», было проведено уже много интервью, и мне не хотелось затевать новые беседы. Но его ответ на мой первый вопрос убедил меня в правомерности спонтанного решения — начать еще один разговор. Было ясно, что я попал на плодородный участок леса... а сейчас я уверен в этом.

Интервью продвигалось споро, и в какой-то момент я предложил моему собеседнику сделать на базе интервью нечто более солидное. Так родилась его книга [Бызов, 2018] — искренняя, о своей жизни и о своей честной, трудолюбивой и духовно богатой семье. Благодаря отзывчивости друзей, прежде всего назову Вячеслава Игрунова, она увидела свет, и сам Леонтий незадолго до смерти смог поддержать ее в руках.

Рассказанное Л. Бызовым и является содержанием книги, но я решил не пересказывать написанное им, а привести несколько фрагментов его текста, придать всему должную документальность. Здесь три сюжета: рассказанное Леонтием о семье, в которой он вырос и в которой сформировалась его личность, описание увиденного и пережитого им в Белом доме в 1993 г., рассказ о самом трагическом в его жизни и, возможно, самом светлом — музыке.

Но прежде — кратко о Леонтии Бызове и нашей беседе.

О Леонтии Бызове — моем коллеге и собеседнике

1 августа 2017 г., в преддверии дня рождения Б. А. Грушина, социолога первого призыва и первого в изучении в СССР общественного мнения, я разместил в Facebook пост «Борис, ты прав!». В нем кратко рассказывалось о моей работе над биографией Грушина — большой статье и книге о его жизни и научном наследии.

Через несколько дней появился развернутый комментарий Леонтия Бызова. Конечно же, я сразу прокомментировал эту запись: «Да, Леонтий, хорошо, что написали... такая мозаика крайне важна... не знал, что вы работали с Грушиным, да еще в “подвальный” период...». Кроме того, я написал Леонтию Бызову в «личку», что хотел бы провести с ним биографическое интервью. Он вмиг дал положительный ответ.

Поясню сказанное, процитировав нашу переписку, которая сохранилась в «личке». Сначала — мое предложение: «Леонтий, хочу предложить вам поучаствовать в моем опросе российских социологов, начатом в доисторические времена, в 2005 году. Сделанное представлено на сайте, 157 биографических интервью (http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207). Даже по вашим комментариям к моим постам о Старовойтовой и Грушине понятно, что вы многое знаете и помните». Ответ был кратким: «Пока жив, буду рад поделиться тем, что знаю и помню». Меня резанули слова «пока жив», но я удержался от просьбы разъяснить их. Мы обменялись электронными адресами, и на следующий день наше интервью по электронной почте стартовало...

Бызов Леонтий Георгиевич.

Социолог, специалист в сфере политической социологии, изучения общественного мнения

Мы с Леонтием Георгиевичем Бызовым (1955—2019) несколько раз пересекались в начале перестройки, когда он был ученым секретарем Советской социологической ассоциации, однако последние более 20 лет я ничего не знал о нем. Тем интереснее мне было начинать интервью с ним.

Давно стало традицией начинать биографические беседы с вопроса о семье респондента, о том, насколько глубоко, далеко он знает историю своего рода. Практика убедила меня в том, что такой вопрос — хороший старт для начала общения, особенно с человеком, которого раньше знал. К тому же ответ на него очень многое определяет в логике, содержании всего интервью. Здесь я вхожу в «предбиографию» респондента, которая далеко не всегда и не напрямую, но определяет характер ранней социализации человека, а значит, и геометрию его жизненной траектории.

Ответы на подобные вопросы бывают разные и во многом определяются возрастом моих собеседников и характером семьи, к которой они принадлежат. Встречалось разное: долгие, более века семейные саги и совсем короткие — обретенные войной повествования. Но ответ Леонтия Бызова в одном из отношений оказался для меня шокирующе новым. Приведу выдержки из него:

«Вопрос очень своевременный в том смысле, что только что вышел трехтомник “Бызовы. Голоса прошлого”. В нем я и моя троюродная сестра Т.А. Семенова собрали переписку из нашего рода Бызовых, начиная с 1905 г., военный дневник моего деда Леонтия Алексеевича Бызова 1917 г., воспоминания и дневники, мамины воспоминания уже прошедшего века и т. д. [...] В 1919 г. [Леонтий Алексеевич]... становится постоянным сотрудником Института социальной психологии в Москве... где собирался цвет московской и отчасти петербургской интеллектуальной элиты, зачитывались доклады и обсуждались. Бывал и Питирим Сорокин, и Бердяев, и Иосиф Покровский, и бывший министр Временного правительства Николай Некрасов (В. Голгофский) и многие другие».

Столь долгая память о предках — нечастое явление, еще реже — издание моими респондентами книг на основе писем и дневников членов семьи. Хотя и то, и другое встречалось в моих историко-биографических интервью. Но впервые в мою беседу с современниками о послевоенной российской социологии врезалась история отечественной социологии 1920-х годов, рассказанная родственником-социологом. Сказанное, думаю, объясняет, с каким интересом я знакомился с воспоминаниями Леонтия о его деде и его семье в целом. Несомненно, многие документы архива семьи Бызовых — это мечта для историков предреволюционного и раннесоветского периодов и неоценимый материал для науковедов и историков социологии. Уверен: тех, кто окунется в этот мир, в биографии людей, формировавших этот мир и живших в нем, ждут неожиданные находки и нетривиальные выводы.

Лёня Бызов. Салтыковка. 1957 г.

Во введенной мною возрастной стратификации российских социологов [Докторов, 2013] четвертое поколение социологов (1947—1958 гг. р.) — «первое по-

слевоенное» — формировалось в атмосфере, складывавшейся в СССР после смерти Сталина. XX Съезд КПСС и «венгерские события» не могли коснуться их напрямую, но освоение целины, запуск первых спутников Земли и полет Юрия Гагарина в космос, «Пражская весна» — суть составляющие той социальной атмосферы, в которой прошла их юность и ранняя молодость. Леонтий Бызов родился в 1955 г. и, следовательно, принадлежит к младшей страте четвертого — первого послевоенного поколения. Сказанное выше об атмосфере, в которой формировалась эта когорта, в полной мере распространяется и на период социализации моего собеседника, и не вообще, а до удивления конкретно. Нет смысла пересказывать содержание интервью, но считаю оправданным иногда обращаться к авторскому тексту.

Вот мой вопрос: «Перейдем к собственно биографическим вопросам. И начнем вот с такого: “Когда и как тебя вводили в прошлое семьи, ведь эта история включала такие имена и такие события, о которых до перестройки во многих семьях предпочитали молчать”». Ответ на него оказался достаточно продолжительным, но, пожалуй, его суть передают слова: «Передо мной подобные проблемы никогда не стояли. По двум причинам. Во-первых, я рос в период “оттепели”, и чувство страха мне было неведомо. И во-вторых, мама была таким человеком, который и в сталинские времена ничего не боялся (например, она осенью 1939 г. по своей инициативе вышла из комсомола в связи с «разочарованием в деятельности» этой организации), а в послесталинские — и подавно. Более того, в нашей семье постоянно даже бравировали свободными разговорами на политические темы, особенно после 1968 года...» Да и понятие «Пражской весны» было для Леонтия в высшей степени конкретным: он многое видел и обсуждал с мамой.

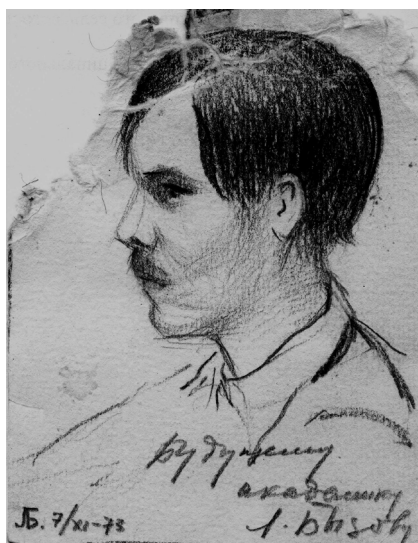

Лёня Бызов в день 13-летия. Карпаты. 13 июля 1967 г.

И вообще, годы взросления — 1960-е и 1970-е — вспоминаются Л. Бызовым как нечто светлое, давшее ему важнейшие жизненные ориентиры. Жадно набрасывался на новые книги и спектакли, в студенческие годы простаивал ночами у «таганского подъезда» и пересмотрел весь репертуар, острые разговоры на кухнях. Никакие репрессии не помешали маме, ее сестре и брату, их многочисленным друзьям прожить исключительно интересные и содержательные жизни и реализо-

вать себя на 100%. И вот ключевая фраза, объясняющая многое в деятельности уже повзрослевшего моего собеседника: «...Я убежден, забегая вперед, что эти позднесоветские времена можно было трансформировать во что-то вполне приличное и демократическое без дикого системного кризиса, без кардинальной ломки всей социальной структуры, которая вынесла наверх ту субстанцию, которая и всплывает в подобных случаях».

В 1971 г. Леонтий Бызов поступил на экономический факультет МГУ, избрав новое отделение — экономической кибернетики. Окончивший блестяще школу в Салтыковке, теперь ближнем московском пригороде, а тогда — поселке, выросший в семье небогатой интеллигенции и рано познавший демократическую атмосферу геологических партий, Леонтий не вписался, да и не стремился к этому, в достаточно элитарный круг окружавших его студентов. Даже имея серьезное, передовое по тем временам образование и прекрасно ориентируясь в культурной — музыкальной и театральной — жизни Москвы, он ощущал себя провинциальным юношей из иного сословия. Завершив образование, он не стал искать теплое место в министерских и ведомственных учреждениях, а пошел в науку на начальную позицию в иерархии академических должностей — стажер-исследователь в секторе Б. А. Грушина: «Одна комнатка в подвале, кишасящая тараканами. Один телефон в коридоре. И туалет еще ниже этажом, совсем в подземелье». И когда его соученики стали во главе государства, а многие — весьма состоятельными людьми, Леонтий не изменил своим глубинным познавательным интересам и представлениям об общественном устройстве, мне кажется, во многом базирующимся на представлениях русской интеллигенции рубежа XIX и XX веков.

Портрет Лёни Бызова, набросанный художницей Людмилой Бойко в 1973 г.

А дальше жизнь Леонтия развивалась настолько стремительно и протекала в столь многослойном социокультурном пространстве, что биографическое ин-

тервью одновременно оказалось и историко-социологическим. Читая его, современный социолог и политолог (и политик) встретит множество фамилий, знакомых ему из прессы и телевидения, а равнодушный человек, который набредет на наш разговор через несколько десятилетий, сделает сказанное Л. Бызовым «путеводителем» по знаковым фигурам перестроечного и постперестроечного времени. Как рассказчик, Леонтий очень внимателен к деталям, в которых отражена социально-политическая атмосфера переходного периода, как социолог, имеющий свое понимание происходящего и свое видение движения России, он «разрешает» себе быть субъективным в оценках людей, с которыми сводила его жизнь. Можно соглашаться с ним, можно не принимать его мнение, но отвергнуть его сразу невозможно и неправомерно. Мне, человеку, давно живущему в Америке и профессионально следящему за развитием дел внутри социологии и за социально-политическими трансформациями в ельцинско-путинской России, суждения Леонтия крайне интересны.

Выше я приводил реакцию Леонтия на мое предложение поговорить о прожитом, в нем были резанувшие мое сознание слова: «Пока жив...». Вскоре после ознакомления с его воспоминаниями о событиях в Белом доме я спросил: «... Что было дальше у тебя?». И первые слова его ответа оказались шокирующими: «Дальше меня поджидала самая страшная и неожиданная катастрофа, полностью и бесповоротно изменившая мою жизнь. Я попал в автомобильную аварию, получил перелом двух позвонков и стал до конца своих дней инвалидом. Сколько раз я горько сожалел, что не погиб в Белом Доме. На миру и смерть красна» (см. ниже раздел «Катастрофа»).

Зиму 2016—2017 гг. Леонтий провел в больницах, перенес тяжелейшую и дорогостоящую операцию на спинном мозге в Институте Бурденко, а потом дома пытался восстановиться... И вот, будучи в таком состоянии, он согласился на рассказ о прожитом и сделанном.

Таким был Леонтий Бызов. Серьезный социолог и политический аналитик, культуролог и мужественный человек.

Семья — корни личности Леонтия Бызова

Приведу вопрос, с которого началась наша беседа с Л. Бызовым, а затем — его ответ.

— *Леонтий, мой долгий опыт биографического интервьюирования показывает, что очень ценную информацию о моем собеседнике я получаю из истории его имени и из рассказа о его семье. Кто наделил тебя таким нечастым именем? Возможно, оно — память о ком-либо из предков? Известно ли тебе происхождение твоей фамилии — Бызов? И вообще, насколько глубоко тебе известна история семьи?*

— Вопрос очень своевременный в том смысле, что только что вышел трехтомник в издательстве «Новый хронограф» — «Бызовы. Голоса прошлого». В нем я и моя троюродная сестра Т. А. Семенова собрали переписку из нашего рода Бызовых, начиная с 1905 г., военный дневник моего деда Леонтия Алексеевича Бызова 1917 г., мемуары и дневники, мамыны воспоминания уже прошедшего века и т. д. Я почти два года сам все это набирал и сопровождал примечаниями.

Мои предки по линии Бызовых — это разночинная интеллигенция, небогатая и трудолюбивая; чаще всего это преподаватели. Сама фамилия идет от деревни «Бызовы» на Северной Двине в Емецком районе. Мой прадед Алексей Тимофеевич¹ был педагогом, преподавателем русской словесности в Гатчинском сиротском институте, у него было семеро детей. Леонтий — старший сын, второй ребенок по счету. Он с ранней юности был увлечен общественными науками, как водилось, был марксистом, особенно ценил Плеханова и Потресова, то есть скорее тяготел к меньшевикам. В 1906 году был арестован за хранение нелегальной литературы, просидел полгода, и вышел с желанием учиться дальше, и в большей степени быть ученым, аналитиком, чем политическим деятелем. Окончил юридический факультет Петербургского университета, работал присяжным поверенным, но по своим интересам все больше тяготел к социологии, читал и комментировал Тарда, Дюркгейма, Зиммеля; у меня сохранились книги с его пометками на полях. Всю Первую мировую он провоявал от звонка до звонка (до марта 18 года), дослужившись до звания штабс-капитана и командира зенитной батареи. В его военном дневнике 17 года хорошо видно, как первоначальная радость от столь желанной февральской революции стала сменяться все большей тревогой. Пугает разложение армии, происходившее у него на глазах. Он кроет последними словами Ленина («омерзительные пляски Ленина»), и на выборах в Учредительное собрание голосует за кадетов; не потому, что был их сторонником, а в расчете, что они смогут стать главным противовесом большевикам.

Леонтий Алексеевич Бызов

В 1919 г. он занимается теорией кооперативного движения, и на этой теме становится постоянным сотрудником Института социальной психологии в Москве, который пытался основать философ и социолог профессор Вениамин Хвостов. Ну, собственно говоря, не институт в полном смысле слова, а скорее, как сказали бы

¹ Бызов Алексей Тимофеевич (1859—1920) (Здесь и далее — примечания Л.Г. Бызова).

сейчас, «интеллектуальная площадка», где собирался цвет московской и отчасти петербургской интеллектуальной элиты, зачитывались доклады и обсуждались. Бывал и Питирим Сорокин, и Бердяев, и Иосиф Покровский, и бывший министр Временного правительства Николай Некрасов (В. Голгофский), и многие другие. Все протоколы этих собраний хранятся у меня. Среди нескольких постоянных сотрудников, точнее сотрудниц — учениц Хвостова по Высшим женским курсам, была и моя бабушка, Наталья Николаевна Фадеева². Леонтий Алексеевич сделал несколько ярких докладов, его исследование по распространению слухов в военное время позднее было опубликовано в Германии в журнале Леопольда фон Визе. В феврале 1920 года Хвостов повесился, после того как ему нагрубил кассир, выдававший деньги (по воспоминаниям бабушки, он испытывал все большую депрессию от тягот военного коммунизма), а в июне Леонтий Алексеевич и Наталья Николаевна поженились. После смерти Хвостова институт еще некоторое время пытался жить, но в 1923 году был окончательно закрыт. Его директором был историк Р. Виппер. Л.А. написал статью о нем, которую я опубликовал в 2011 году во ВЦИОМовском журнале под названием «Неформат. Институт социальной психологии в Москве».

Перепечатывая письма и дневники своего деда, я думаю, что поспорил бы с ним мысленно по следующим вопросам:

1. Зачем так верить К. Марксу и его теориям? А ведь это даже не обсуждалось, это было как бы само собой. А ведь уже в те годы была известна уничтожительная критика экономического учения Маркса, например, со стороны Э. Бем-Баверка, и почему никто из думающей русской интеллигенции не обратил на это никакого внимания?
2. Зачем было так торопиться со свержением самодержавия? Это тоже было само собой. А ведь в ходе естественной эволюции политический режим мог совершенно спокойно лет за 10—15 стать вполне нормальной конституционной монархией с работающими демократическими институтами.
3. Зачем надо было поддерживать, напротив, войну с немцами, когда было вполне очевидно, что ничего кроме неприятностей она нам не принесет?

Тем не менее по ряду вопросов пронизательность Л.А. просто поражает. Как здорово он раскусил большевиков, хотя потом стал вполне лояльным советским служащим, и, по воспоминаниям бабушки, только с самыми близкими друзьями запирался в своем кабинете и говорил все, что думает, в частности, что «Сталин достоин эшафота».

У нас в семье, особенно у мамы, был настоящий культ безвременно умершего моего деда. Поэтому неудивительно, что меня называли Леонтием.

Социология в стране оказалась прикрыта вплоть до времен Грушина. Леонтий Алексеевич занялся проблемами организации труда, графическими методами — его поддерживал в то время влиятельный А.К. Гастев, — в 30-е просто чудом избежал репрессий (хотя бесконечно помогал репрессированным друзьям и родственникам, которые подолгу жили в нашем доме в Салтыковке, его родная сестра Ирина была расстреляна в ноябре 1937 г. после четырех лет заключения;

² Фадеева (Бызова-Фадеева) Наталья Николаевна, 1892—1985. С 1932 г. по 1958 г. работала в Фундаментальной библиотеке АН СССР по общественным наукам (позднее — ИНИОН АН СССР), где возглавляла отдел предметного каталога.

одно время жила дочь расстрелянного маршала Тухачевского Светлана³) и умер пятидесяти пяти лет от роду в глухой башкирской деревне, куда он со всей семьей бежал от немцев в октябре 1941 г. Бабушка до глубокой старости работала в будущем ИНИОНе (тогда ФБОН), заводделом предметного каталога. Ну а ее дети, среди которых была моя мама Софья Леонтьевна Бызова⁴, все очень талантливые ученые: тетя⁵ — физик атмосферы, мама — геолог, дядя⁶ — физиолог зрения, член-корр. АН СССР, — все они в те 40-е годы, конечно, исключали для себя общественные специальности, избрать их было просто невозможно и неприлично. Как говорила бабушка, если видишь в ее библиотеке читателя с особо тупой физиономией, то это наверняка читатель философского зала. Сама же бабушка владела семью языками, и у своего учителя Хвостова писала диплом по философии Томаса Карлейля.

Но моя мама, несмотря на свою специальность, всю жизнь остро интересовалась общественными науками, политикой, сама будучи 100% советским человеком, воспитанным в полном пренебрежении материальными ценностями, в конце 40-х даже хотела убить Сталина на Первомайской демонстрации, а потом была диссиденткой, и меня вовлекла в эту деятельность; дома мы с мамой бесконечно перепечатывали самиздат и распространяли среди круга друзей, в том числе некоторое время участвовали в составлении «Хроники текущих событий». Тем более что мамина ближайшая подруга Катя Сахарова была двоюродной сестрой академика Сахарова, мы как бы принадлежали к его кругу⁷. С моим отцом Георгием Петровичем Барышниковым мама никогда не состояла в браке, у него была своя семья в Саратове, он — талантливый изобретатель сейсмической аппаратуры для газовой разведки, работал с мамой в длительной экспедиции в Албании в 1952—54 гг., где вспыхнула любовь, и родить ребенка без мужа — был ее сознательный выбор. Она ежегодно уезжала в экспедиции на четыре с лишним месяца, и в это время я был полностью на попечении бабушки.

Наша семья жила в постоянной нужде, но не в нищете. Очень много нам помогал дядя Алеша⁸, во многом заменявший отца. И мама, и бабушка как хорошие любители играли на пианино, в основном Бетховена, Моцарта, Грига, Шуберта, и я на всю жизнь сохранил любовь к классической музыке, а как-то в один сезон побывал на 180 концертах. Сегодня много переписываюсь на разных форумах, посвященных классической музыке.

³ Кузьмина Светлана Николаевна — дочь Николая Николаевича Кузьмина, ее настоящим отцом считают М. Н. Тухачевского. Ровесница (1922) и тезка другой, более известной дочери Тухачевского.

⁴ Софья Леонтьевна Бызова (1923—2010).

⁵ Бызова Наталья Леонтьевна, Ната (1921—1999), физик, метеоролог, старшая сестра С. Л. Бызовой.

⁶ Алексей Леонтьевич Бызов (1926—1998).

⁷ Мама оставила после себя обширные мемуары в семи разделах, они опубликованы в третьей книге «Бызовых», где сама подробно и откровенно рассказала о своем отношении к власти, диссидентской деятельности и проч. Мой дядя, младший мамин брат, известный нейрофизиолог, в 1977 году открыто защищал на процессе Сергея Адамовича Ковалева (не разделяя его взглядов), который был сотрудником его лаборатории, и у него тоже никаких неприятностей не было. В общем, нельзя все годы советской власти красить одним цветом. В те годы, в которые жил я, вполне можно было жить, сохраняя собственное достоинство и не скрывая своих взглядов, если специально не нарываться. Интересно, что мама при Ельцине-Гайдаре стала еще большей диссиденткой, чем при Брежневле, и всецело поддерживала мое участие в обороне Белого дома.

⁸ Бызов Алексей Леонтьевич.

Несколько слов о моих предках по линии бабушки. Ее отец Николай Иванович Фадеев⁹ был преподаватель ремесленного дела, начальник железнодорожных училищ — в Севастополе, Николаеве и потом в Москве. Участник революции 1905 года, друг лейтенанта Шмидта, потом его за это понизили, переводя в Николаев. Мать — Софья Михайловна Симзен¹⁰ — из обедневшей дворянской семьи отдаленно немецких корней. Мой отец — Георгий Петрович — интеллигент в первом поколении, про его семью мне мало что известно, я даже не знаю даты и обстоятельств его смерти. Он был тяжело ранен в декабре 1941 г. под Москвой, был инвалид с не работавшей ногой. Очень редко удавалось с ним пообщаться, чаще всего на пароходных экскурсиях по Волге, несколько дней.

Белый дом — взгляд изнутри

— *События в Белом доме в октябре 1993 года, по мнению экспертов, могли перерасти в гражданскую войну. Пожалуйста, Леонтий, поделись воспоминаниями о происшедшем...*

— Я последний раз выполнил свой социологический долг, проведя опрос депутатов Верховного Совета в июне 1993 года.

В августе 1993 года я пробил назначение [Д.О.] Рогозина советником [Р.И.] Хасбулатова и мы организовали при Высшем экономическом совете группу анализа, результаты работы которой ежедневно докладывались Хасу. Скажу сразу, что я лично никогда не разделял позицию нового белодомовского большинства, я — убежденный социал-демократ, но как демократа меня крайне возмущали нападки на представительную власть, нравится она или нет. Белый дом на несколько лет стал и моим домом, которому я служил верой и правдой, и в тяжелый момент у меня не было колебания, с кем я, и на чьей стороне.

Почти все дни всем памятного противостояния я был в Белом доме. Правда 28 сентября, когда он был обнесен «спиралью Бруно», в три кольца, вход и выход из него были заблокированы, я не смог попасть, и несколько дней все собирались в здании Краснопресненской районной администрации, совсем неподалеку. Я был на том митинге оппозиции 3 октября, когда толпа митингующих пошла к Белому дому, прорвала оцепление и захватила мэрию (здание СЭВ на Арбате). Я попал в Белый дом, где зажегся свет, заработала канализация, а все участники событий поздравляли друг друга с победой и салютовали в небо пробками от шампанского. Пригласили меня ехать и в Останкино, где надо было расчистить поле для выступления [А.В.] Руцкого с призывом к порядку и спокойствию. Откуда я знаю, с чем должен был выступать Руцкой? Дело в том, что текст его выступления я и писал с несколькими коллегами под присмотром Олега [Г.] Румянцева, потом этот текст одобрил Хасбулатов и передал Руцкому. Затем мы получили новое задание: формировать Правительство, точнее дать предложения по его составу. Вспомнив свой последний опрос депутатов, я не колеблясь предложил в премьеры Юрия [В.] Скокова, а в качестве его первого зама — Аркадия [И.] Вольского. И готов поклясться, что

⁹ Фадеев Николай Иванович (1862—1940) родом из Екатеринбургa, выходец из состоятельной семьи. Участник революции 1905 года, организатор в Севастополе забастовки педагогов.

¹⁰ Симзен (Фадеева) Софья Михайловна (1868—1958) — мать Натальи Николаевны Фадеевой (Бызовой), преподаватель французского и немецкого языков. Дворянка, родом из Пензенской губернии.

опять-таки никакого [А.М.] Макашова с [А.П.] Баркашовым мы не предлагали. Это к вопросу о «коммуно-фашистском мятеже», по которому надо ударить «свинцовой метелью»... У меня как социолога нет сомнений, что в случае принятия «нулевого варианта», предлагавшегося в том числе и Олегом Румянцевым, и одновременных выборов представительной и исполнительной власти, с большим запасом прочности победили бы центристы, близкие «Гражданскому союзу», и умеренные демократы типа «ЯБЛОКА». А вовсе не коммунисты и националисты, в том числе и не ЛДПР Жириновского, так как его успех — это реакция общества уже на разлитую в атмосфере агрессию, вызванную «черным октябрём», когда время центристов уже ушло. Огромное количество проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, всем им начало положено в те роковые дни, когда общество оказалось не способным разрешить вполне естественные противоречия, не прибегая к насилию.

Но... тут опять выключилось электричество. Я вышел на улицу, в начинающиеся сумерки, кончался десятый час вечера. Встретил чуть не плачущего Станислава [С.] Говорухина, только что приехавшего из Останкино: «Там была настоящая бойня, сотни трупов». Обойдя Белый дом, встречаю своего старого приятеля Глеба [О.] Павловского. «К утру будет штурм». «Да, наверное, будет». «Но я остаюсь в Белом доме. Этой мой долг — даже не как бойца, а как аналитика, который должен быть в это время на своем месте».

Мы провели беспокойные ночные часы в огромном кабинете Олега Румянцева на третьем этаже, окна которого выходили на Калининский мост. Проснулись в седьмом часу утра от звуков лопающегося стекла, начался танковый обстрел. Шальные пули сквозь пробитое окно летали по кабинету. Мы перебрались в зал Совета национальностей, где собрались почти все находившиеся в Белом доме. Окна зала были обращены во внутренний дворик и были защищены от пуль. Но... когда начали бить тяжелыми залпами по верхним этажам башни БД, вызвавшими пожар, нас подбрасывало в креслах как при хорошем землетрясении. Кто рассчитал, сколько выдержат перекрытия? И не накроет ли нас вся громада башни, как потом башни-близнецы в Нью-Йорке? Депутаты подбадривали друг друга, пели «Малиновый звон» и «Солнышко лесное», пришел бледный как полотно Руслан Имранович, помолчал минут десять, и ушел так и не проронив слова. Такое прощание с нами.

Ближе к пяти, когда мы уже не чаяли выйти живыми, к нам прорвались бойцы «Альфы». Нас, работников аппарата, выводили по одному через черную лестницу. Я случайно оказался на первом этаже в фойе зала заседаний, и по моему силуэту шарахнули со стороны сада Павлика Морозова. Ближняя мраморная колонна рассыпалась пылью и крошками. «Нет, надо идти в цоколь», — скомандовал альфовец. *В цоколе 20 подъезда, через который меня выводили, и который единственно был разблокирован, располагался своего рода лазарет, и морг, куда стаскивали всех раненых и мертвых — и из БД, и с улицы. 20 подъезд обращен в тыл БД, к парку Павлика Морозова.* Перешагивая через лужи крови, мертвых и раненых, я вышел из здания. На кадрах кинохроники видно, как меня выводят, эти кадры обошли весь мир. Пройдя через много колец оцепления, я оказался на Большой Грузинской улице, в Волковом переулке угодил под обстрел снайперов, свернул к Белорусскому, а потом... поехал к Диме Рогозину докладывать о впечатлениях, вместо того чтобы ехать домой, где меня ждали старенькие мама и тетя, уже не верившие, что я жив.

Так кончился белодомовский этап моей жизни. Впереди меня ждали еще более страшные испытания. А сейчас же я оказался на улице. Мне еще заплатили зарплату за несколько месяцев, но «Гражданский союз», по которому баллотировался Румянцев, и на который я работал в ходе кампании 1993 года, пролетел как известная субстанция над прорубью. Снова все приходилось начинать с нуля, строить заново. В оценках событий «черного октября» я сильно разошелся с самым близким мне социологическим мэтром Леонидом [А.] Гордоном, который был всецело на стороне [Е.Т.] Гайдара. Мне кажется, что потом Леонид Абрамович понял, к концу жизни, что не все здесь столь однозначно. И я очень благодарен моральной поддержке, оказанной мне Димой [Е.] Фурманом, который уже на следующий день после расстрела БД организовал мою пресс-конференцию в здании Института США и Канады. Я встретил всеобщее сочувствие, на которое даже не рассчитывал. Произошел раскол интеллигенции, думающей части общества, и этот раскол не преодолен до сегодняшнего дня.

Катастрофа

— *Мы остановились в 1993 году: крутое время в стране и очередная неопределенность в твоей жизни... что было дальше у тебя?*

— Дальше меня поджидала самая страшная и неожиданная катастрофа, полностью и бесповоротно изменившая мою жизнь. Я попал в автомобильную аварию, получил перелом двух позвонков и стал до конца своих дней инвалидом. Сколько раз я горько сожалел, что не погиб в Белом доме. На миру и смерть красна. Но немного по порядку.

Шел 1993 год, когда в стране был полный бардак, и выхода из него не просматривалось. В научных институтах платили такие зарплаты, что можно было ну разок в буфет сходить, выпить рюмку коньячку с бутербродом, что чаще всего и делали. О том, чтобы жить на зарплату, не могло быть и речи. Мои четверть ставки на философском факультете МГУ, где мы разрабатывали курс «Политологическое исследование», были еще меньше.

Мы с моим старинным другом детства решили на 1 мая сходить в дальний поход на несколько дней, с рюкзаком и палаткой, посидеть на Клязьме в районе Мурома, на какой-нибудь старице, порыбачить, посидеть у костра и отдохнуть от минувшей зимы со всеми ее приключениями. Ранним еще темным утром мы сошли на станции Селиваново во Владимирской области и решили к рассвету добраться до речки. Пустое, совершенно безлюдное шоссе, ни одной машины. Прошли километра два по левой обочине и (я этот момент не помню, так как потерял сознание) мне в спину врезается на полном ходу грузовик с вдребадан пьяным шофером, из местных, который ехал домой с пасхального застолья. Меня отбросило в кусты метров на пятнадцать, и все думали, что я мертв. Я очнулся от ощущения, что у меня отнимаются ноги. Приятель остановил случайную машину, попросил сообщить о происшедшем на ближайшем блокпосте, вызвали скорую, отвезли в Селивановскую райбольницу, где я снова впал в забытие. Диагностировали переломо-вывих двух позвонков.

С огромным трудом переправили во Владимирскую больницу, а еще через неделю, в Москву, в ЦКБ, к которому я все еще был приписан как работник аппарата

Верховного Совета. Еще через две недели — в специализированную клинику при одной из московских больниц. А тем временем началась двусторонняя пневмония. В общем меня прооперировали только в конце июля, я две недели лежал в реанимации потом в ногах стали появляться движения, и в начале ноября, когда меня выписали домой, я уже ходил с одной палочкой. И начал постепенно возвращаться к жизни. А ведь это несчастье произошло, когда я был на улице, безработный, без всяких денежных запасов и средств к существованию.

Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажу, что я «побежал» после этой травмы лет девять-десять, не без труда, но ходил, пользовался общественным транспортом, и объехал всю страну, занимаясь избирательными кампаниями от Якутска до Калининграда. Но после 2002 года состояние моего здоровья стало медленно, но неуклонно ухудшаться. Врачи диагностировали развитие кисты в спинном мозге, «гидромиелии», такая громадная полость, заполнявшаяся жидкостью, которая все сильнее давила на нервные центры и лишала меня возможности двигаться. С одной палочки я перешел на два костыля, потом на ходунки, потом... Всю минувшую зиму 2016—17 гг. я провел в больницах, перенес тяжелейшую и дорогостоящую операцию на спинном мозге в Институте Бурденко, а сейчас дома пытаюсь хоть как-то восстановиться, не знаю, что получится. Хорошо, что в век интернета можно многое делать сидя дома. Но... прежнему стилю жизни, когда я успевал в день в двадцать мест, пришел конец. Сузилась круг друзей и знакомых, кто-то вообще исчез из моего поля зрения, появились новые знакомые, и я лично считаю, что прошедшие два десятилетия с лишним, которые я живу со сломанным позвоночником, я прожил не зря, многое сделал, написал, многое посмотрел. Но сколько бы я еще сделал, если бы был цел, и если бы ежедневная борьба с недугом, болями не отнимала столько сил. Итак, минувя несчастный для меня год 1994, мы сразу переносимся в весну следующего 1995 года, когда у меня появилась новая работа, новое поприще, в которое я погрузился в меру оставшихся сил.

Музыка — любовь всей жизни...

Выше было два упоминания о роли музыки в жизни Леонтия Бызова, она пришла к нему в детстве, в семье, и сопровождала его всю жизнь. Уже больной, лишенный возможности общения с живой музыкой, он слушал записи и активно участвовал в дискуссиях о классической музыке. Все это позже он собрал в публикации «О музыке, поэзии и всем остальном»¹¹, некоторые из этих заметок вошли в его книгу. По ходу рассказа о своей жизни Леонтий как-то заметил, что старался ежедневно посещать консерваторию, так возник мой следующий вопрос:

— *Ежевечерняя консерватория — это продолжение детских, юношеских занятий музыкой, просто любовь хорошей музыки или форма ухода от тяжелой повседневности и разных мыслей?*

— Напомню, что дома постоянно звучала музыка, но в достаточно ограниченном репертуаре. Ранний Бетховен, Моцарт, Шуберт, Григ, Чайковский. Баха, если и слушали, то скорее из вежливости, считалось, что это скучная музыка, такая как гаммы или этюды Черни. Мой троюродный брат пианист и клавесинист Александр

¹¹ Бызов Л. О музыке, поэзии и всем остальном / Проза.Ру. URL: <https://www.proza.ru/2011/09/14/1277> (дата обращения: 09.08.2019).

Майкапар постоянно давал концерты в Гнесинке, часто со своей подружкой Ниной Бейлиной, выдающейся скрипачкой, ученицей Ойстраха, на клавесине и на рояле. На его концерты собирались все многочисленные родственники. Когда я ходил еще школьником, то допустим, в первом отделении ХТК (Хорошо темперированный клавир) Баха можно было подремать, а вот во втором — скрипичная соната Бетховена, это знакомая музыка, которую хотелось слушать. К Баху мои уши тогда еще не привыкли. Также никогда у нас дома не звучала и музыка XX века. Все кончалось Рахманиновым.

Поэтому я стал все осваивать, новые для меня музыкальные пласты. От увлечения Вивальди и Шопеном, к Баху, позднему Бетховену, потом Малеру и Брукнеру, Прокофьеву и Шостаковичу, к Брамсу и Стравинскому. Хотелось слушать все, и сама атмосфера Большого зала, особый запах, любимые места в амфитеатре... На концерты, например, Станислава Нейгауза собиралась вся Москва, в том числе и диссидентская, потому что в нем, пасынке Пастернака, видели (слышали) глоток тайной свободы, так же, как и в Рихтере. А вот на концерт сейчас признанного великим Лазаря Бермана, помню, пришла горстка людей, его просто никто не знал. Кроме самой музыки меня как начинающего социолога страшно интересовала вот эта незримая связь между исполнителем и публикой, наличие или отсутствие какого-то нерва. Меня все знали в Большом зале и часто пускали даже без билета, я стал как бы талисманом, напротив все удивлялись, если я что-то пропускал. Сейчас я постоянный участник некоторых музыкальных форумов, и из своей переписки с Михаилом Казиником, известным популяризатором и музыковедом, я даже хотел собрать целую книгу. Мой любимый пианист — легендарный Гленн Гულд.

Мне очень хотелось сделать работу, в каком-то смысле в русле идей Т. Адорно, о социологии музыки, точнее о том ее содержании, которое касается тайной оборотной стороны нашего бытия. Музыка — это откровение, композитор заглядывает в «то окошко» и передает увиденное на языке музыки, и эту связь надо расшифровать. Как-то постараться перевести на человеческий язык. Сегодня в «том окошке» пустота, время великой музыки, возможно, прошло (я не оригинален здесь, об этом постоянно пишет и композитор В. Мартынов), и это для меня более значимое свидетельство близкого завершения земной судьбы человечества, чем, возможно, другие грозные признаки того же. Если бы мне дали еще одну жизнь в социологии, я бы не занимался политикой и опросами общественного мнения, а занялся бы исключительно социологией культуры. Расшифровкой того послания, которые несут нам композиторы своей музыкой.

Да, вот еще вспомнил. Работая у Гаврильца, я штудировал работы Абраама Моля, «Социодинамика культуры» и «Теория информации и восприятие музыки». С позиций моего сегодняшнего понимания, я их решительно не принимаю. Попытка мерить количество информации, передаваемой текстом, вне анализа его содержания, является худшим проявлением «квантофрениии», ведь музыка — это шифр, зашифрованная информация, а ключ к этому шифру лежит в той части нашего сознания, которая отвечает за связь с высшей формой бытия. По Молю получается, что музыка Моцарта — самая простая и предсказуемая, несет наименьшее количество информации, и именно потому столь популярна. А скажем музыка П. Хиндемита в разы более информативна. Ну это если рассматривать

музыкальный текст как последовательность значков, совершенно игнорируя стоящий за ними смысл. Нет, долой Моля, долой теорию информации, это дорога «явно не туда».

Что же до литературы, после того как в юношеском возрасте перечитал все, до чего дотянулся, чтение нового стало идти с большим скрипом. Пожалуй, последнее что я освоил из нового уже в зрелом возрасте значительное — это Томас Манн и Марсель Пруст. И еще проза Андрея Белого. Другое дело — поэзия, которой я придаю гораздо большее значение. «Моя» поэзия — это Серебряный век, растянувшийся от Блока и Иннокентия Анненского до Бродского. В свое время я выучил наизусть еще школьником всего Блока, мог подряд продекламировать все три тома. Ну, потом, конечно, Мандельштам, Кузмин, Ахматова, Пастернак, Клюев, Белый, Случевский, Заболоцкий — все это то, с чем я живу постоянно, пища на каждый день. Попытка сам делать переводы Эдгара По и Бодлера. И в живописи я обожаю Серебряный век, и наш, и европейский. Сомов, Сапунов, Врубель, французские импрессионисты, Моне, Сезанн — это все тоже мое, без чего невозможно жить.

«...Это все тоже мое, без чего невозможно жить». Какие сильные и трудные слова... Конечно, их нелегко было произносить...

Катастрофа изломала физически Леонтия Бызова, но не сломила его дух, его способность к анализу сложных социальных процессов, сохранила его стремление к углубленному проникновению в мир прекрасного: музыку, поэзию. Он работал и жил до последних дней...

Таким мы его и заппомним.

Список литературы (References)

Бызов Л. Г. Поиски, потери, возвращения. Мой путь социолога. М. : Новый хронограф, 2018.

Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. [http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol\(1\).pdf](http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol(1).pdf).

